ВАРВАРА АЛЕКСЕЕВНА МОРОЗОВА

НА БЛАГО ПРОСВЕЩЕНИЯ МОСКВЫ

ТОМ ВТОРОЙ

Благотворительная деятельность

Тверская мануфактура

Соболевский «Русские ведомости»

общественная деятельность

потомки

увековечение памяти

Русский путь

Москва 2008

Глава 2. Благотворительная деятельность В.А. Морозовой

Клинический городок на Девичьем поле

Можно сказать, что начало Клиническому городку на Девичьем поле было положено Варварой Алексеевной, устроившей Психиатрическую клинику имени своего покойного супруга Абрама Абрамовича Морозова. Этот акт благотворительности стал первым крупным делом В.А. Морозовой после смерти мужа на поприще служения людям – в оказании помощи страдающим от болезней, неимущим и в деле просвещения народа. Ее примеру, в частности в устроении Клинического городка, последовали представители и других ветвей (помимо «Абрамовичей») большого клана Морозовых. В данном разделе книги встретятся имена сыновей Варвары Алексеевны, ее близких и дальних родственников.

Далее приводится история создания некоторых клиник на Девичьем поле в документах и воспоминаниях современников, начиная с клиники Психиатрической.

«Вопрос о продаже зданий и земли, занимаемых факультетскими клиниками Московского Университета, и о постройке новых клинических учреждений возник еще в 1873 году. [...] Наконец, в конце 1882 года, наболевшему вопросу о положении наших клиник был дан новый толчок заявлениями г-ж Е.В. Пасхаловой и В.А. Морозовой, выразивших желание пожертвовать в пользу Университета весьма крупные суммы: г-жа Пасхалова для постройки акушерской клиники на 40 кроватей, а г-жа Морозова – для постройки клиники душевнобольных на 60 кроватей…»[1]

«...Варвара Алексеевна не ограничилась только тем, что назначила средства на постройку нашей клиники, она приобрела для этой постройки обширный участок земли, на котором впоследствии может быть выстроена и клиника нервных болезней, […] Университетским Уставом 1863 года от кафедр Частной Патологии и Терапии было отделено учение о нервных и душевных болезнях, как самостоятельный предмет. Но в то время

Университет мог устроить только клинику нервных болезней, выделив для нее в Ново-Екатерининской больнице 20 кроватей.

[…] Что же касается душевных болезней, то их преподавание должно было ограничиться только теоретическим курсом, что очевидно, было недостаточно. С каждым годом потребность в Психиатрической клинике городом становилась все сильнее: количество студентов на медицинском факультете увеличивалось, а новые социальные условия жизни общества все более предъявляли требования, чтобы каждый практикующий врач был знаком с душевными болезнями.

[…] Осенью 1882 г. вдова А.А. Морозова Варвара Алексеевна заявила тогдашнему ректору Университета Н.С. Тихонравову, что она желает выстроить здание для устройства в нем особой клиники для больных душевными болезнями с тем, что здание будет передано в собственность Университета и что она жертвует на это 150 000 руб. 2 октября 1882 г. ректор известил Университетский Совет об этом намерении госпожи Морозовой. На Совете с благодарностью было принято волеизъявление и стали обсуждаться практические вопросы, в частности, о необходимости соседства рядом с Психиатрической клиникой Нервной клиники, так как между клиниками нет возможности провести резкую границу по самому свойству больных, пользуемых в них. Собственно, вопрос о местоположении Психиатрической и Нервной клиник, видимо, сподвиг ученых Московского Университета поднять вопрос о строительстве нового клинического городка.

[…] 3 апреля 1884 г. Варвара Алексеевна сделала Университету письменное заявление…: «Признавая крайне желательным устройство при Московском Университете клиники для душевно-больных, где бы будущие врачи получали возможность практически изучать душевные болезни, я предлагаю Совету Университета принять от меня на постройку здания подобной клиники из завещанных покойным мужем моим А.А. Морозовым сумм, капитал в размере 150 000 руб. на нижеследующих условиях:

1) капитал в 150 000 руб. вносится мною в течение 2 лет.

2) первый мой взнос в 50 000 руб. будет произведен мною тотчас же, как только Совет Университета, а) изыщет и укажет надежные средства, вполне обеспечивающие дальнейшее устройство и содержание клиник на 50 человек душевно-больных, б) окончательно определит и получит в полное распоряжение место для постройки зданий клиники душевно-больных, в) составит специальные сметы и приступит к постройке вышеупомянутых зданий.

3) Совет, надеюсь, не откажет мне в праве принимать посильное участие наряду с другими, от Совета назначенными лицами, в наблюдении за постройкой и в контроле за расходованием на этот предмет предлагаемого мною капитала.

Желая видеть в возможно ближайшем будущем осуществление моего намерения по устройству клиники для душевно-больных, покорнейшей прошу касательно моего предложения».

В то время, как решался вопрос о месте, где должны появиться Университетские клиники, Варвара Алексеевна приобрела участок земли в 14 квадратных сажен – дачу Алсуфьева, в самом близком соседстве с Девичьим полем… Он оказался очень удобен в практическом отношении – рядом с остальными клиниками и, в то же время, несколько в стороне от проезжей дороги и всякого шума, был так велик, что на нем хватило места и для зданий клиник и для сада для прогулок, места для занятий больных. …Для того, чтобы ускорить ход дела, Варвара Алексеевна взяла на себя не только постройку здания, но и также его устройство и внутреннее обзаведение. В декабре 1884 г. в своем новом заявлении она уведомила об этом Правление Университета. Правительство должно было взять на себя заботы по содержанию будущей Психиатрической клиники. Было подсчитано, что содержание каждого больного клиники обойдется примерно в 600 руб. в год. Весной 1885 г. началось строительство. Цену переданным участкам земли Госпожа Морозова определила в 425 000 руб.: первому – с постройками – 400 000, пустому – 25 000 руб. Варвара Алексеевна отклонила

предложение назвать клинику ее именем и пожелала, чтобы клиника носила имя А.А. Морозова.»[2]

«Почетная Потомственная Гражданка Варвара Алексеевна Морозова, по дарственной записи, от 6 октября 1886 г., пожертвовала Московскому Университету 2 участка земли на Девичьем поле: один со всеми находящимися на нем возведенными ею постройками для клиник душевных болезней, в размере 11,930 квадратных саженей и другой пустопорожний участок под постройку клиники для нервных болезней, в размере 2,482 квадратных саженей. Оба эти участка земли вместе с возведенными постройками составляют ценность в 425 000 руб.»[3]

«В правление ИМПЕРАТОРСКОГО Московского Университета
Вдовы Потомственного Почетного гражданина
Варвары Алексеевны Морозовой[4]

Заявление

Я нижеподписавшаяся вдова Потомственного Почетного гражданина Варвара Алексеевна Морозова имею честь заявить Правлению Императорского Московского Университета, что передаю в собственность Московского Университета принадлежащие мне и находящиеся в Москве на Девичьем Поле два участка земли, в общем количестве, которое окажется по плану, составляемому в настоящее время в Московской Городской Управе (приблизительно 13 000 – 14 000 кв. саженей) один участок 11 930 кв. саж. для клиники душевных болезней, другой – 2482 кв. саж. для клиники нервных болезней, – намерена немедленно приступить к совершению нотариального порядка надлежащего крепостного акта для означенной передачи на следующих условиях:

1) упомянутые участки земли передаются мною Университету со всеми находящимися на них, возведенными мною, постройками, для клиник душевных и нервных болезней, с тем, что университету предоставляется право возводить на этих участках земли вновь постройки, относящиеся

только к одной из двух названных клиник и имеющие ту же специальную цель.

2) Мне предоставляется право замещения больными по собственному моему усмотрению по одной койке в построенных на жертвуемых мною участках земли отделениях клиник душевных и нервных болезней, после же моей смерти право это должно перейти к моим наследникам.

3) Так как жертвуемые мною участки земли состоят заложенными в Московском Городском кредитном Обществе, то я обязуюсь в продолжении трех лет погасить всю сумму денег с причитающимися на день последнего взноса процентами в обеспечении же исполнения мною означенного в сем пункте условия будет взнос в университете в виде залога капитал, заключающийся в государственных процентных бумагах в соответствии долгу сумме, и по мере погашения долга капитал этот, также в соответственных суммах, должен быть возвращен мне Московским Университетом в продолжении вышеупомянутых трех лет. 1886 года июня 18 дня.

Вдова Потомственного Почетного Гражданина
Варвара Алексеевна Морозова»

«Выпись из крепостной московского Нотариального Архива книги по г. Москве Хамовнической части за 1886 год № 15 листа 26 страницы 2 № 55[5]

Тысяча восемьсот восемьдесят шестого года Октября второго явились к Вадиму Кирилловичу Величко Московскому Нотариусу в конторе его Городской части на Варварке в доме под № 102 известные ему лично и к совершению актов законную правоспособность имеющие Потомственная Почетная Гражданка Варвара Алексеевна Морозова живущая в Москве Рогожской части 1-го участка в своем доме и уполномоченный Правлением Императорского Московского Университета Советник оного Правления Коллежский Советник Алексей Семенович Боголепов, живущий в Москве Тверской части 3 участка в здании Университетских клиник в сопровождении лично ему известных свидетелей: землемера Николая

Гавриловича Стабровского и Коломенского мещанина Николая Яковлевича Муравлева, живущих в Москве 1-й Рогожской части 1 участка в доме Горбачева и 2-й Сущевской части 1 участка в доме Ионова с объявлением, что они: Морозова и Боголепов от имени Университета заключают договор о даре двух участков земли с строениями на следующих условиях.

Я, Варвара Алексеевна Морозова подарила Императорскому Московскому Университету собственные мои отделенные мне от владения моего состоящего в Москве Хамовнической части первого участка №№ старым триста десятым и новым триста четырнадцатым доставшегося мне от Александры Григорьевны Олсуфьевой по купчей крепости утвержденной Исполняющим должность Старшего Нотариуса Московского Окружного Суда Ноября 1884 г. два участка земли первый участок со всеми находящимися на нем возведенными мною постройками исключительно для клиники душевных болезней, состоящий той же Хамовнической части первого участка под тысяча сто шестьдесят шестым новым триста десять старым литера В… а всего одиннадцать тысяч девятьсот тридцать квадратных сажен и второй пустопорожний участок земли под постройку клиники для нервных болезней состоящий той же Хамовнической части первого участка под № триста четырнадцатым новым триста десятым… а всего две тысячи четыреста восемьдесят две квадратных сажени.

Дар сей я учинила с тем что Университету предоставляю право возводить на участке земли под № новым 314 литера Г постройки, относящиеся только к одной клинике нервных болезней.

Во-вторых, мне Морозовой предоставляется право замещения больным по собственному моему усмотрению по одной койке в отделениях вышеупомянутых клиник душевных и нервных болезней после же моей смерти право это должно перейти к моим наследникам и в-третьих я Морозова сохраняю за собою и за моими наследниками право не допускать нарушений условий этой дарственной записи эти владения на Московской Городской Управе показаны приносящими чистого дохода в год владение

под № тысяча сто шестьдесят новым семьдесят восемь рублей и владение под № 314 новым семьсот девяносто пять рублей.

Цену же оным двум участкам земли я Морозова определяю участку с постройками под № 1166 новым четыреста тысяч рублей и участку под № 314 новым двадцать пять тысяч рублей а всего обоим участкам земли с постройками серебром четыреста двадцать пять тысяч рублей. Все расходы по сему акту платить Университету. До сей записи оные участки земли с постройками никому не проданы и не заложены никому по закону не переданы и не отписаны.

Акт сей совершенный в конторе Московского Нотариуса Величко, утвержден Старшим Нотариусом 6 Октября сего 1886 года, при сем взыскано пошлин… и определено: Главную выпись на Гербовом листе в два руб. 50 коп. выдать уполномоченному Правлением Императорского Московского Университета Советнику Алексею Семеновичу Боголепову. Выпись эта слово в слово сходная с актом, внесенным в крепостную книгу записана в реестр 1886 г. под 2331 и выдана ему же Боголепову Октября 7 дня 1886 г.

С подлинным сверял…»

«Господину Попечителю Московского учебного округа[6]

16 декабря 1886 г.

Государь Император, по всеподданнейшему докладу моему, в 11 день сего Декабря, Высочайше соизволил на присвоение, согласно желанию жертвовательницы, вновь сооруженному зданию клиники душевных болезней Московского Университета имени покойного мужа ее Авраама Авраамовича Морозова и на разрешение повесить в одной из аудиторий или на парадной лестнице мраморную доску с надписью, что клиника сооружена на средства, пожертвованные вдовою Потомственного Почетного Гражданина Морозовою.

О таком Высочайшем повелении имею честь уведомить Ваше Сиятельство.

Министр Народного Просвещения Статс-Секретарь И. Делянов»

Письмо министра народного просвещения И. Делянова

от 31 декабря 1886 г.[7]

27 декабря 1886 г. В.А. Морозова обратилась к попечителю Московского учебного округа с заявлением о желании, чтобы одна палата на 4 человека в психиатрической клинике им. А.А. Морозова была наименована именем бывшего Московского генерал-губернатора князя Владимира Андреевича Долгорукова.

Высочайшим соизволением Государя Императора ее просьба была удовлетворена (об этом сообщается в письме министра Народного просвещения И. Делянова от 1 января 1887 г. на имя г-на Попечителя Московского учебного округа).

Освящение клиники им. А.А. Морозова было назначено на 7 января 1887г.

«[…] В клинике было несколько отделений: отдельно мужское и женское; для спокойных, беспокойных и буйных больных. Так как женщины представляют менее удобств при демонстрации их на лекциях, то решено было мужское отделение сделать на 30, а женское - на 20 мест. Для спокойных и беспокойных больных было отведено равное число мест, кроме того, были отведены особые места для больных неопрятных, с эпилептическими припадками, для заболевших случайными болезнями, особенно заразными, для выздоравливающих и больных, требующих особого наблюдения. Для психически больных недостаточно иметь помещения в виде спален, необходимо место для дневного пребывания, а именно - столовые и комнаты для занятий.

Очень полезно для больных пребывание и занятия на свежем воздухе. Ввиду этого решено было обширный парк, существовавший на Алсуфьевской земле, сохранить, причем имелось в виду не только место для прогулок, но и работа - в огороде, саду и цветниках. Для женщин в помещениях были организованы комнаты для занятий - шитьем, вязанием, вышиванием и др. Для мужчин комнаты для занятий организовать было

трудно ввиду разнообразия профессий. Кроме столовых, в каждом отделении решено было отвести просто по одной комнате для общих занятий. Кроме того, должен быть достаточно широкий коридор для движения больных, когда они не могут выходить на воздух. Ванны рассредоточены были по всем отделениям. В клинике в мужском отделении должен быть надзиратель и соответствующее число мужской прислуги, в женском - надзирательница и няньки; должна быть кастелянша для заведывания бельем и помощи надзирательнице. В больничном отделении были устроены квартиры для надзирателя, надзирательницы и кастелянши, а для нянек и дядек было отстроено служебное помещение, чтобы они могли отдыхать в полном покое, а в больничном корпусе находиться только во время дежурства. Также имелись в больничном корпусе квартиры двух ординаторов, избираемых на 3 года. Желательно, чтобы они, по окончании срока, выходили из клиники столь подготовленными, что могли заведывать другими психиатрическими клиниками, обедать ординаторы обязаны были с больными. В клинике также были устроены помещения для приема поступающих больных, свиданий с родственниками, помещение для учебных занятий.

Так как Психиатрическая клиника была несколько удалена от остальных, то решено было при ней устроить кухню, которая впоследствии могла бы служить и для Нервной клиники. Решено было учебную часть, приемную, комнаты для свидания поместить в средней части здания (там же квартиры ординаторов), а по обе стороны ее в виде крыльев устроить помещения для больных - слева - для женщин, справа - для мужчин, а в конце этих крыльев сделать в виде одноэтажной пристройки помещения для буйных.

Первый этаж должен быть отведен для беспокойных, второй - для спокойных больных. Оба больничных помещения решено было расположить не на одной линии со средней частью здания, а под прямым углом к нему - больные были удалены от главной подъездной дороги - от шума и беспокойства и далее - в виде скобы. В клинике была система духового

отопления. Температура во всех помещениях в течение всех зимних месяцев не менее 18 градусов, в помещении должна быть вентиляция. Вода в клинику для умывальников, ванн, ватерклозетов и на кухню подавалась из уже имевшегося на территории клиники колодца путем водонапорного бака, поставленного над колодцем. Ванны были разнесены по отделениям и сделаны из красной меди, внутри вылуженной. Умывальники также из красной меди, ватерклозеты в отделениях для больных устроены так, что больной не может сам за собой спустить воду - таким образом, промывание клозета осуществляется служителями. При этом сохранялось от порчи устройство, экономилась вода и являлась возможность узнать, слабило ли больного и как, что нередко важно относительно психических больных. В студенческой курильне ватерклозет обычный. Освещение в клинике газовое. Над колодцем была сооружена каменная башня, высотою в 24 аршина, разделенная на 3 этажа.

Существовала при клинике и часовня - но она была временная и потому деревянная, так как предполагалось строительство общеклинической часовни (что и было сделано позднее). Сад был разделен на мужскую и женскую половины, те, в свою очередь, на отделения для спокойных, беспокойных и для буйных. В парке разбиты дорожки и находятся аллеи старых лип» [8]

«О постройке Психиатрической Клиники, на капитал, пожертвованный В.А. Морозовой»[9]

До 1898 г. директором психиатрической клиники был А.Я. Кожевников[1]. Клиника (психиатрическая) была передана В.А. Морозовой в собственность Московского Университета в январе 1887 г. В 1898 г. директор клиники

С.С. Корсаков[2] просил Правление Университета войти с ходатайством

[1] Кожевников Алексей Яковлевич (1836-1902) - русский невропатолог, руководитель первой в России кафедры и клиники нервных болезней.
[2] Корсаков Сергей Сергеевич (1854-1900) - русский психиатр, основоположник московской психиатрической школы, общественный деятель.

о помещении ее портрета в аудитории психиатрической клиники.

Попечитель Московского учебного округа (от 5 мая 1898 г.) уведомил Правление Московского Университета, что он «разрешает поместить портрет В.А. Морозовой в аудитории психиатрической клиники имени А.А. Морозова при Императорском Московском Университете».

К территории психиатрической клиники прилегала территория земли Дома призрения общества воспитательниц и учительниц, состоявшего под августейшим покровительством императрицы (на 1888 г.).

Психиатрическая клиника[10]

«[Ею] заведывал до 1 мая 1900 г. ординарный профессор С.С. Корсаков. После его смерти общее заведование клиникой поручено экстраординарному профессору В.К. Роту[3], а непосредственно ведение и чтение лекций штатному ассистенту, приват-доценту В.П. Сербскому[4].

[…] В текущем году в клинику поступило несколько ценных пожертвований. Вдова профессора С.С. Корсакова, согласно выраженному им при жизни желанию, передала клинике библиотеку покойного, содержащую богатое собрание книг, главным образом по отделу душевных болезней, в числе 6365 томов, вместе с шкапами и каталогом, составленным по карточной системе. Вместе с тем, А.К. Корсакова передала клинике инструменты и аппараты для исследования больных, а равно портреты ученых и мебель, принадлежавшие С.С. Корсакову и находившиеся при его жизни в клинике».

«Жалованье и состав служащих клиники [Психиатрической][11]

Ассистент – 1000 р.

2 Ординатора – по 600 р.

Письмоводитель – 400 р.

Помощник надзирателя

Фельдшер – 350 р.

[3] Владимир Карлович Рот (1848-1916) - отечественный невропатолог

[4] Владимир Петрович Сербский (1858-1917) – русский психиатр, один из основоположников судебной психиатрии в России.

Надзирательница – 350 р.

Кастелянша – помощница надзирательницы – 300 р.

Ключник – 240 р.

2 швейцара по 144 р.

Служитель при аудитории – 120 р.

Дядьки – 13 – по 12–168 р.

Няньки – 11 - от 96 до 120 р.

Повар – 180 р.

Кухарка – 84 р.

Рабочие при кухне - 2 - по 100 р.

Истопник – 240 р.

Помощник истопника - 2 - по 120 р.

Садовник – 180 р.

Старший дворник - 144 р.

Дворники - 2 – по 120 р.

Рассыльный – 120 р.»

«В правление Императорского Московского Университета из департамента Таможенных Сборов[12]:

…Департамент Таможенных Сборов имеет честь уведомить, что г. товарищ министра финансов, по докладе Департаментом Таможенных Сборов, разрешил выпустить без взыскания пошлин выписанные из-за границы ИМПЕРАТОРСКИМ Московским Университетом, для нововыстроенной психиатрической клиники, на 50 человек больных столовые принадлежности как-то: ложки, вилки и ножи, приспособленные специально для употребления их психически больными, о чем вместе с тем, и дано надлежащее предписание Московской Таможне.

Директор / Подпись / июнь 1887 г.»

Изначально в Уставе клиники предполагалось «за содержание и лечение каждого больного взимать по 10 руб. в месяц, которые вносятся при

самом приеме больного за месяц, вперед безвозвратно, хотя бы больной и выбыл до истечения сего срока». Остался ли этот пункт в окончательной редакции – неизвестно.

Следующий пункт был таков: «В психиатрическую клинику принимаются больные всех сословий и состояний с разнообразными формами душевного расстройства, не исключая хронических и неизлечимых, но только как материал для изучения и демонстрации на лекциях и для временного лечения и ухода, а не для продолжительного или постоянного призрения».

Запись в Журнале 4 ноября 1886 г.[13]

«Записку г. Советника Правления Университета от 1 сего ноября о том, что по совершении дарственной записи на два участка земли близ Девичьего Поля в количестве до 14 т. кв. саж., пожертвованные Московскому Университету Потомственной Почетной Гражданкой В.А. Морозовой с постройками, а на одном из них для психиатрической клиники, 1го Морозова передала копию с нотариального договора с обществом Хамовнического Пивоваренного Завода на отдачу тому Обществу в аренду на 12 лет части земли, с пожертвованных ею участков в количестве длиннику двадцати трех саженей и поперечнику шестнадцати с половиною аршин, ценою по 150 р. в год. Земля эта прилегает к самой границе упомянутого Общества.

Представляя полученную им от правления Хамовнического Пивоваренного завода арендную плату за год вперед с 6 сентября с. г. по 6 сентября 1887 г. в 150 руб. …заявил, что он [советник] полагал бы ходатайствовать о разрешении означенные деньги обращать в специальные средства Университета, для употребления на хозяйственные нужды клиники, по следующим соображениям:

1) Товарищество Пивоваренного завода на упомянутой арендуемой земле, срок аренды которой будет продолжен еще 8 лет, устроило ледник и для этого сделало значительную выемку земли; над этим местом крыша устроена на один скат таким образом, что верхней своей частью она

примыкает к постройкам завода, а нижней – касается земли сада, принадлежащего психиатрической клинике, при таком устройстве крыши открывается возможность больным клиники всходить на крышу и переходить в соседнее владение. Для устранения этого необходимо будет по всему периметру арендуемой земли устроить высокий забор и содержать его;

2) Г-жа Морозова при сооружении клиники озаботилась об устройстве аллеи для внешнего украшения от самого въезда до конца участка, огородив ее барьером. Кроме того, с двух сторон главного здания клиники сделаны палисады и с деревянными решетками изящного образца. Постановили выйти с представлением к Г. попечителю Московского учебного округа об исходатайствовании разрешения на обращение в специальные средства арендных денег».

Просьба удовлетворена не была – так как клиника содержится за счет казны, то деньги за аренду Пивоваренным заводом должны поступить в Государственное Казначейство.

«О постройке новых университетских клиник[14]

Клиники нервных и глазных болезней проектированы в отдельном здании, предполагаемом на особом участке земли во владении, жертвуемом Почетной Гражданкой В.А. Морозовой, при Психиатрической клинике. Каждая из двух клиник занимает отдельное крыло здания. Крылья здания соединяются посередине помещением сеней и общей большой аудиторией на 250 мест (апрель 1886 г.)»

Однако немногим позже, в письме министру народного просвещения от 26 июня 1886 г., уже было сказано, «что одним из условий пожертвования земли для клиник психиатрической и нервной, было нахождение на данном участке земли только клиники нервных болезней. …В здании, уже почти оконченном постройкой и даже внутри отделанном, по просьбе благотворительницы будет располагаться только нервных болезней клиника. Варвара Алексеевна затратила на покупку места и постройку клиники более чем вдвое против обещанного, то есть свыше 300 000 рублей вместо

обещанных 150 000 рублей»[15].

Клиника нервных болезней (составлено по указаниям профессора А.Я. Кожевникова)[16]

«Крыло здания, занятое клиникою нервных болезней, представляет форму скобы. Длинная сторона, обращенная на юго-восток, отведена для больничных помещений, а короткая для амбулатории и учебных целей с подъездом для больных. Амбулаторное отделение состоит из передней, комнаты ожидания, двух кабинетов осмотра и особого ватерклозета для приходящих больных.

В больничном помещении, в нижнем этаже, расположено женское отделение, состоящее из четырех палат по сторонам светлого бокового коридора. Две палаты по 6 кроватей, одна палата на 3 кровати и одна палата на 1 кровать. Особая ванна служит для амбулаторных и вновь принимаемых больных, а в конце больничного помещения проектировано особое отделение для гидротерапии. В это отделение приходящие больные могут проникать особым входом, не входя в больничный коридор.

Верхний этаж, занятый мужским больничным отделением, представляет по стороне бокового коридора две палаты по 6 кроватей, две палаты по 3 кровати и одну палату на 1 кровать. Над помещением амбулатории во втором этаже спроектирован кабинет профессора, дежурная, комната для занятий докторов и библиотека».

«Письмо министра народного просвещения И. Делянова от 31 декабря 1886 г.[17]

Графу П.А. Капнисту:

Милостивый Государь

Граф Павел Алексеевич

Вследствие письма от 20 Декабря 1886 г. за № 13350 об исходатайствовании пред Их Величествами какого-либо знака внимания к В.А Морозовой за соделанные ею в пользу Московского Университета

пожертвования, имею честь уведомить Ваше Сиятельство, что, по приезде в Москву, я сообщу Вам, что я предполагаю сделать.

Примите уверения в совершенном моем почтении и преданности».

Что последовало за этим – неизвестно…

Дело Правления ИМПЕРАТОРСКОГО Московского Университета

«О пожертвовании капиталов на устройство приюта для нервных больных»

«В Правление Императорского Московского Университета

Почетной Гражданки Варвары Алексеевны Морозовой[18]

Заявление

17 января 1890 г.

Профессор А.Я. Кожевников сообщил мне, что было бы весьма полезно устроить при Университетской клинике нервных болезней приют для помещения тридцати человек нервных больных.

Сочувствуя цели этого учреждения, я с своей стороны предлагаю внести на постройку и устройство подобного приюта пятьдесят тысяч рублей на следующих условиях:

1. Означенная сумма будет внесена мною после того, как будут изысканы средства на содержание в приюте двадцати бесплатных нервных больных.
2. Жертвуемую мною сумму обязуюсь внести в два срока: двадцать пять тысяч немедленно по получении мною уведомления от Правления Университета о том, что средства для содержания означенного количества больных изысканы, а остальные двадцать пять тысяч через год после первого взноса.

Варвара Морозова».

Правление приняло предложение Варвары Алексеевны и обязалось изыскать средства.

22 февраля 1890 г. от жены действительного статского советника Елизаветы Васильевны Пасхаловой в Правление Императорского Московского Университета поступило заявление:

«Узнав от профессора Алексея Яковлевича Кожевникова о том, что при

нервной клинике устраивается приют для хронических нервно-больных и сочувствуя этому делу, я желала бы учредить в этом приюте пять кроватей, а именно: три мужских – имени Василия Васильевича Носова и две женских – имени Ирины Филипповны Носовой, на содержание которых внесу своевременно в Университет двадцать пять тысяч рублей…».

За Елизавету Пасхалову внес капитал ее муж Клавдий Никандрович Пасхалов. (8 марта 1890 г.) [19]

Предложение было с благодарностью принято.

15 февраля 1890 г.[20] от Марии Афанасьевны Щербатовой, княгини, вдовы действительного статского советника поступило предложение об учреждении в приюте 1 койки в память покойного мужа князя Владимира Алексеевича Щербатова, предлагалось 5000 рублей.

22 марта 1890 г.[21] последовало заявление от Марии Федоровны Морозовой на учреждение 4 коек имени покойного мужа Тимофея Саввича, на что был пожертвован капитал в 20 000 рублей серебром.

«Примерный штат содержания 30 кроватей приюта[22]:

Ординатор, фельдшер, надзирательница, пища больным, содержание прислуги, отопление, освещение, ремонт здания, вознаграждение церковному причту - 9000 рублей.»

Инвентарь на 30 кроватей (иконы были в каждой палате и других помещениях), мебель, посуда - 5684 руб. 45 к.[23]

«В Правление Императорского Московского университета[24]

В ответ на полученное мною уведомление Правления Императорского Московского Университета от 29 марта за № 1192, имею честь представить при сем серебром двадцать пять тысяч рублей в распоряжение Правления Университета.

Остальные, по заявлению моему, двадцать пять тысяч рублей я буду иметь честь представить в апреле будущего 1891 года.

При этом долгом считаю выразить мою благодарность Правлению Университета за оказываемые мне честь и лестное внимание.

Потомственная почетная гражданка В.А. Морозова».

16 апреля 1891 г. 25 000 руб. от В.А. Морозовой были перечислены.[25]

27 апреля 1890 г. на имя г-на Попечителя Московского Учебного Округа была отправлена депеша[26]:

«Вследствие предоставления Вашего Сиятельства 17-го сего апреля за № 4463, имею честь уведомить Вас, Милостивый Государь, что я разрешаю:

во 1-х, учредить приют для хронических нервных больных при нервной клинике Московского Университета на 30 кроватей;

во 2-х принято жертвуемый Почетною Гражданкою В.А Морозовою на постройку и устройство сего приюта капитал в 50 000 рублей при условии взноса из них 25 000 рублей теперь же и остальных 25 000 рублей через год после первого взноса;

в 3-х принять капиталы пожертвованные: 1) Е.В. Пасхаловою в сумме 25 000 рублей на содержание пяти кроватей в приюте, из коих три мужских имени Василия Васильевича Носова и две женских имени Ирины Филипповны Носовой; 2) М.Ф. Морозовою 20 000 рублей на четыре койки имени покойного мужа ее Тимофея Савича Морозова и 3) княгинею Мариею Афанасьевною Щербатовою 5000 рублей на одну койку имени покойного мужа ее князя Владимира Алексеевича Щербатова;

в 4-х разрешаю отпускать три тысячи пятьсот рублей ежегодно из специальных средств Московского Университета на содержание десяти кроватей, с тем условием, чтобы, по мере открытия новых источников, освобождать расходование на этот предмет специальных средств Университета, с отнесением потребного на содержание этих кроватей расхода на означенные источники, и

в 5-х поручаю постройку здания для сего приюта существующей уже Строительной Комиссии для возведения зданий Университетских клиник и на тех же основаниях, на которых производятся ею строительные работы по содержанию клинических зданий.

Подлинное подписали: Министр Народного Просвещения Статс-

Секретарь Граф Делянов, Директор Аничков».

В феврале 1891 г.[27] от неизвестного лица в Городскую Управу, на имя ассистента клиники нервных болезней В.К. Рот, поступило 60 рублей серебром, из коих 30 рублей, как это значится в заявлении, предназначалось для неизлечимо больных Психиатрической Клиники на Девичьем Поле, и 30 рублей – для нервных больных той же клиники. Директор клиники нервных болезней А. Кожевников пришел к выводу, что имелся в виду (во втором случае) приют для хронически нервных больных.

«В Правление ИМПЕРАТОРСКОГО Московского университета[28]

Представляя при сем сорок пять рублей (45 руб.), полученных за лечение в Приюте для хронических нервно-больных при нервной клинике, имею честь покорнейше просить Правление Университета сделать распоряжение о причислении их к суммам, ассигнованным на содержание Приюта.

Директор клиники Ал. Кожевников

19 декабря 1891 г.»

«В истекшем году клиники Московского университета увеличились новым учреждением. 8 декабря был открыт приют для хронических нервно-больных при нервной клинике. Приют устроен на 30 больных – 15 мужчин и 15 женщин. Главная цель устройства этого приюта состоит в том, чтобы увеличить больничный материал клиники и вместе с тем дать возможность учащимся наблюдать нервные болезни в их поздней стадии развития. Таким образом приют составляет часть нервной клиники и как бы ее продолжение. Соответственно этому здание приюта соединено со зданием клиники теплой галереей, вследствие чего посещение его студентами, а также и доставление больных в клинику для лечения и в аудиторию для демонстрации на лекциях не будет представлять затруднения.

Инициатива и план устройства приюта принадлежат профессору А.Я. Кожевникову. Средства же на постройку здания и его обзаведение – 50 000 р.

даны В.А. Морозовой. Что же касается содержания больных в приюте, то 10 кроватей обеспечены частными пожертвованиями, а именно княгиня Марья Афанасьевна Щербатова – 5000 руб. на содержание 1 кровати… Марья Феодоровна Морозова пожертвовала 20 000 руб. на содержание 4 кроватей… Елизавета Васильевна Пасхалова на содержание пяти коек… пожертвовала 25 000 руб. На содержание других 10 коек правление университета ассигновало из специальных средств 3500 р., причем право замещения одной из них предоставлено В.А. Морозовой. Наконец остальные 10 кроватей приюта, за неимением средств, пока оставить платными: правление постановило взимать за каждую из них по 45 р. в месяц.

Таким образом удалось почти удвоить университетскую клинику. Заведование приютом принадлежит директору клиники нервных болезней (профессору А.Я. Кожевникову); ближайшим помощником его состоит ассистент нервной клиники (Владимир Карлович Рот) и кроме того назначен особый врач в качестве ординатора Г.И. Прибытков».[29]

«Клиникой и приютом Нервных болезней в качестве директора заведовали: 1^{e} полугодие 1899 г. заслуженный профессор А.Я. Кожевников, а во 2^{e} полугодие – экстраординарный профессор В.К. Рот».[30]

«10 января 1892 г.

Господину Ректору ИМПЕРАТОРСКОГО Московского Университета[31]

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР по всеподданнейшему докладу Г. Министра Народного Просвещения в 23 день декабря 1891 г., ВЫСОЧАЙШЕ соизволил на объявление Потомственной Почетной Гражданке Морозовой МОНАРШЕЙ благодарности за пожертвование ею 50 000 рублей на устройство приюта при нервной клинике Московского Университета.

О таком ВЫСОЧАЙШЕМ повелении, изъявленном Г. Министром Народного Просвещения в предложении от 31-го минувшего декабря, за № 21910, имею честь уведомить Ваше Превосходительство, для зависящих распоряжений.

Попечитель Граф Капнист».

Приют строил архитектор К.М. Быковский. Ныне здания психиатрической и клиники нервных болезней продолжают использоваться по прямому назначению.

В марте 1854 г. от рака скончалась мать маленькой Вари Хлудовой Авдотья Яковлевна (37-ми лет), девочке тогда было 6 лет. Видимо, это обстоятельство послужило поводом для уже 50-летней Варвары Алексеевны откликнуться на просьбу профессора Левшина и содействовать оказанию материальной помощи в создании первого в России Института для страдающих онкологическими заболеваниями[5]. Герасим Иванович в своей «Памятной книге» так писал под 28 февраля 1854 г.: «14 марта, в воскресенье, в 8 часов вечера скончалась у брата Алексея Ивановича жена Авдотья Яковлевна после продолжительной и тяжелой болезни. У нее образовался рак матки, и она слегла в ноябре 1853 г. и с тех пор не вставала. Отпевали ее в среду, 17 числа».[32]

«Вопрос о борьбе в России со злокачественными новообразованиями, уносящими более 160 000 человек ежегодно, поднят еще в 1898 г. профессором Л.Л. Левшиным… Первой на воззвание откликнулась семья Морозовых, и 18 ноября 1903 г. был освящен и открыт в Москве единственный пока в России Институт для лечения страдающих опухолями.

Это учреждение сооружено и оборудовано исключительно на частные пожертвования.

Основание пожертвований положено гг. Варварой Алексеевной Морозовой, внесшей 30 000 руб., Иваном Абрамовичем Морозовым – 30 000 руб., Арсением Абрамовичем Морозовым – 30 000 руб., Алексеем Викуловичем Морозовым – 30 000 руб. и, наконец, Федосьей Ермиловной и Сергеем Ивановичем [ее сыном] Морозовыми – 30 000 руб., к ним вскоре присоединились Мария Феодоровна Морозова, внесшая 15 000 руб.,

[5] В Московском научно-исследовательском онкологическом институте имени П.А. Герцена сохранились сведения о том, что в 1898 г. В.А. Морозова перенесла операцию по удалению злокачественной опухоли груди. Вероятно, это также повлияло на ее решение пожертвовать средства на создание онкологического института.

Елизавета Павловна Морозова – 11 000 руб. и Софья Юрьевна Крестовникова – 1000 руб.

[...] К 1903 г. Институт имел... неприкосновенный капитал, положенный на содержание больных, 106 000 руб., а именно: 50 000 руб. имени Е.И. Бернардаки, 40 000 руб. имени М.И. Поповой и 16 000 руб. на содержание 2 коек, внесенные М.Д. Шаниной [родственница Хлудовых].

Строителями здания были архитектор Р.И. Клейн и инженер И.И. Рерберг.

Благодаря произведенной ими экономии при постройке здания, а также и отказу от процентного вознаграждения, причитавшегося им за постройку, нашлась возможность выстроить отдельную лабораторию. Для производства опытов в ней над сывороткой доктора Г.М. Влаева, М.Э. Ушаковой было внесено 2500 рублей.

Далее профессором Н.Ф. Голубовым были пожертвованы различные учебные пособия на сумму 1000 руб.

Наконец, благодаря ходатайству бывшего в то время ректора профессора А.А. Тихомирова, институт был причислен к Университету, чем был положен залог его научной деятельности.

При таких условиях начал в 1903 г. функционировать Институт для лечения страдающих опухолями.

Необходимо отметить, что этому учреждению, сооруженному исключительно на частные средства, с 1903 г. по 1905 г. не отпускалось на содержание больных и персонала никаких сумм из Министерства Народного просвещения, вследствие чего все врачи Института и другие служащие все это время не получали никакого вознаграждения и несли свой труд безвозмездно.

В это тяжелое для института время его поддержала своим участием Е.И.В. Великая Княгиня Елизавета Феодоровна.

Затем многие врачи и, наконец, сестры общины Св. Павла и Трудового Братства.

[…] Однако, несмотря на бесплатный труд служащих, за Институтом все-таки накопилось долгу около 10 000 руб. и не предвиделась в будущем возможность дальнейшего его существования.

[...] Наконец, в 1905 году Министерством Народного Просвещения было ассигновано на жалованье служащим 12 960 руб., но, к сожалению, в эту смету не включен был расход на научное расследование вопроса о злокачественных новообразованиях, что, собственно, и составляло основную задачу Института. Кроме того, число служащих рассчитано на 56 кроватей, тогда как фактически количество больных держится около 100 человек, так как иначе не оправдывается их содержание.

<…> Институт, открытый круглый год, заполнен крайне тяжелыми больными, требующими весьма тщательного ухода (внезапные кровотечения, ухудшения, наблюдения за оперированными больными, сложные перевязки и др.), вследствие чего служащим приходится нести двойной труд. Наконец, в той же смете не предусмотрено расходование сумм на вознаграждение врача при светолечебном отделении, специально изучившего применение лучей Рентгена; ультрафиолетовых, радия, тория и др. препаратов, применяемых в настоящее время для лечения больных злокачественными опухолями, патологоанатома для вскрытия трупов умерших и других лиц, необходимых для правильного ведения все развивающейся деятельности Института.

[…] Однако, несмотря на все тяжелые условия для существования Института, покойный директор профессор Левшин, считая главной задачей этого учреждения лабораторные изыскания, решил все наличные материальные средства употребить на организацию этого дела. С этой целью им был приглашен один из приват-доцентов по бактериологии сверхштатным лаборантом на правах штатного, то есть получающего содержание. К сожалению, несмотря на полную самостоятельность последнего, несмотря на всю готовность Института помочь в этом деле и значительные материальные затраты (около 15 000 руб.), из этой лаборатории за 5 лет не вышло ни одного научного труда.

Это обстоятельство заставило меня изменить систему лабораторных изысканий и после того как удостоился чести быть избранным Факультетом на должность Директора Института, мною по определенному плану, лицам, желающим принести пользу в разработке различных вопросов о новообразованиях, были предложены задачи и, благодаря этому, в течение двух последних лет удалось придти к некоторым выводам, резюме которых вкратце излагается в настоящем сборнике.

[...] При нем [Институте] была основана лаборатория экспериментальной биологии, возникновение которой обязано труду и энергии Д.В. Ненюкова. Таким образом, мало-помалу при Институте организовались:

1) лаборатория по экспериментальной биологии с питомником для животных;

2) химическая лаборатория для разработки вопросов по отклонению в обмене веществ;

3) патологоанатомическое отделение с обширным музеем;

4) выставка по раку, получившая в 1913 г. на Гигиенической выставке в Петербурге высшую награду.

Наконец, научное отделение Института в последнее время обогатилось библиотекой, благодаря пожертвованию О.А. Лопатиной в память А.А. Беляевой, капитала в 5000 руб., на проценты с которых и приобретаются научные книги и медицинские журналы.

Что касается до клинического отделения Института, то деятельность его слагалась из хирургической работы в светолечебном отделении; лечении рентгенизацией, аппаратом Финзен-Рейна, ультрафиолетовым светом и т. д. (причем всего в светолечебном отделении было пользовано около 1000 больных) и, наконец, из введения под кожу и в кровеносные сосуды различного рода средств, предлагавшихся время от времени, как специфические для лечения тех или других новообразований. В этом направлении было испытано все, начиная от сывороток доктора Влаева,

Дуайена и других авторов, далее различных вакцин, ферментов и т. п., затем разнообразных химических средств, а также крайне дорогих радиоактивных препаратов.

Все эти клинические наблюдения всегда велись в большом масштабе и при осторожном подборе больных.

Итак, институт все время по мере своих сил и средств, идя по собственному выработанному им плану в разработке сущности злокачественных новообразований и рациональной терапии их, тем не менее не отставал в вопросе о лечении больных от подобных же учреждений запада.

[…] Настоящий первый сборник издан благодаря любезной материальной поддержке **И.А. Морозова** (выделено нами. – Прим. сост.).

1913 г.

Профессор В.М. Зыков»[33]

(В. Зыков возглавлял институт после смерти Л. Левшина, последовавшей в 1910 г.)

«Выписка из журнала заседания Совета ИМПЕРАТОРСКОГО Московского Университета … ноября 1898 года[34]

Статья 14

СЛУШАЛИ: Копию с постановления Правления Университета, состоявшегося 19-го ноября сего года: Присутствию Правления доложено, что на устройство Лечебницы-приюта для больных раком и другими злокачественными опухолями имени Морозовых поступили в ИМПЕРАТОРСКИЙ Московский Университет следующие пожертвования: от душеприказчика Викула Елисеевича Морозова, Алексея Морозова 30 000 руб., от Михаила и Ивана Абрамовичей Морозовых по 30 000 руб. – 60 000 руб., от Арсения Абрамовича Морозова 30 000 руб., от Сергея Ивановича Морозова 30 000 руб. и Марии Федоровны Морозовой 15 000 руб., а всего 165 000 руб.

Независимо сего, Почетная Потомственная Гражданка Варвара

Алексеевна Морозова, Титулярный Советник Михаил Абрамович Морозов заявили Университету, что, в виду постановления московской Городской Думы о том, что плата за содержание на счет города коек, в устраиваемой раковой лечебнице имени Морозовых должна производиться из ассигнуемой на каждую койку суммы, по расчету дней проведенных больными в лечебнице и признавая неудобство для Московского Университета не располагать, в силу этого постановления, определенной суммой, они, при определении Думы взять на свой счет содержание 40 коек, обязуются, в течение ближайших десяти лет, покрывать ежегодно из своих средств ту недоплату, со стороны Думы, которая причтется, против полной годичной ассигновки, от вычета за дни непроведенные больными в лечебнице.

Душеприказчик умершей вдовы поручика Елисаветы Ивановны Бенардаки, Действительный Статский Советник Дмитрий Федосеевич Кондратьев, в силу предоставленного ему по духовному завещанию Елисаветы Ивановны Бенардаки права и с согласия других душеприказчиков, Действительного Статского Советника Ивана Викторовича Титова и Потомственной Дворянки Марии Константиновны Бенардаки, заявление Московскому Университету о желании учредить в имеющемся быть воздвигнутом здании раковой лечебницы имени Морозовых особое отделение имени Елисаветы Ивановны Бенардаки, в котором должно помещаться пять бесплатных коек, содержимых Московской Городской Думой и пятнадцать платных кроватей, для сего Г. Кондратьев представил в Университет 50 000 руб. для употребления их только на постройку означенного отделения; проценты от капитала сего до уплаты всей суммы или части ее предоставил Университету расходовать на всякие нужды Лечебницы-приюта для одержимых раком и другими злокачественными опухолями. Тем же душеприказчиком Статским Советником Дмитрием Федосеевичем Кондратьевым был предъявлен в Московский Университет в ноябре месяце 1897 г. капитал в 14 000 руб. согласно духовного завещания Бенардаки, на учреждение при Московском Университете из процентов с

этого капитала двух стипендий имени Е.И. Бенардаки для бедных студентов. Стипендии эти уже учреждены и ими пользуются студенты Университета. В виду столь крупных пожертвований в пользу Московского Университета гг. Морозовыми и душеприказчиками Е.И. Бенардаки, правление Университета постановило:

сообщить Совету Университета о перечисленных пожертвованиях, прося совет выразить всем жертвователям глубокую благодарность Университета, посредством напечатания в местных газетах.

ОПРЕДЕЛИЛИ: выразить всем лицам, поименованным в доложенном, в копии, постановлений Правления, благодарность Университета чрез публикацию в Московских Университетских Ведомостях, вышеуказанные пожертвования. Подлинное за подписанием г. Ректора, Членов Совета и скрепою Секретаря.

Верно Подпись

Секретарь Совета Подпись»

На рукописной копии приписано, также от руки, «Напечатать в "Московских Университетских Ведомостях" на первой странице один раз», то же в «Русских Ведомостях» (на первой странице).

2 декабря 1898 г.

«Особые пожертвования[35]

На устройство лечебницы приюта для больных раком и другими злокачественными опухолями «имени Морозовых» поступили в Императорский Московский университет следующие пожертвования: от потомственной почетной гражданки В.А. Морозовой – 30 000 р., от вдовы потомственного почетного гражданина Елизаветы Павловны Морозовой 10 000 р. и кандидата прав Сергея Максимовича Попова, дочери действительного статского советника Ольги Максимовны Шуберт и жены губернского секретаря Марии Максимовны Савицкой 50 000 р. на выраженных ими условиях».

МНП[6]

«В правление Университета[36]

от Экзекутора

ИМПЕРАТОРСКОГО

Московского Университета

Москва Февраля 6 дня 1899 г.

№ 42

Согласно данной мне от Правления Университета доверенности, купчая крепость на купленную у купца Д.П. Сторожева землю Хамовнической части 1-го участка по Малоцарицынской улице № 1357/4410 с проездом на оную с Большой Царицынской улицы в 4 сажени ширины, всего 2691 и 20/100 кв. саж., совершена у младшего нотариуса 2-го и утверждена старшим 4-го сего февраля.

Для расчета по этой покупке г. Сторожевым и февраля получено от г. казначея Университета 36 509 руб. 40 коп., из коих доплачено г. Сторожеву к выданным в задаток в прошлом году 15 000 руб., остальные по расчету 35 439 руб. 10 коп., нотариусу Шидловскому 333 руб. 10 коп. и употреблено на разъезды и мелочные расходы 7 руб., всего 35 779 руб. 20 коп. и затем осталось у меня неизрасходованных 730 руб. 20 коп.

Донося о сем Правлению имею честь представить: 1)купчую крепость с надписью о получении денег 35 439 руб. 10 коп., а с прежде полученными 15 000 руб. – 5- 439 руб. 10 коп. … [цена покупки у Сторожева участка]».

«Май 1898 – август 1903

Устройство Института для одержимых раком и злокачественными опухолями[37]

16 февраля 1898 г. в Правление Императорского Московского Университета профессору Левшину. В дополнение к докладной записке, поданной мною Его Превосходительству Н.И. Боголепову имею честь

[6] Министерство народного просвещения

представить при сем подлинное заявление господ Морозовых и копию с него, подлинник честь имею просить возвратить мне. Профессор Левшин.

Ваше Превосходительство

Милостивый Государь

Лев Львович

Имею честь уведомить Вас, что мы, нижеподписавшиеся, обязуемся внести до начала строительного периода сего 1898 года, равными частями, всю сумму в стопятьдесят тысяч рублей серебром на сооружение и обзаведение лечебницы-приюта для одержимых раком и другими злокачественными опухолями, при условии, если означенному учреждению будет присвоено название «Лечебницы-приюта имени Морозовых» и если при этом Московское Городское Самоуправление решит принять на свой счет содержание не менее 50 человек больных, замещение которых в… лечебницу-приют будет всецело предоставлено ведению города. Москва, 23 января 1898 г.

Подлинное подписали: Потомственная Почетная Гражданка В.А. Морозова, Титулярный Советник Михаил Морозов, Потомственный Почетный Гражданин Иван Абрамович Морозов, за Потомственного Почетного Гражданина Арсения Абрамовича Морозова, находящегося в отсутствии, В.А. Морозова. Душеприказчик по духовному завещанию Викула Елисеевича Морозова – Алексей Морозов».

«3 февраля 1898 г.[38] профессор Левшин направил Его Превосходительству Тайному Советнику Николаю Павловичу Боголепову докладную записку, в которой говорил о давно назревшей необходимости построить соответствующее учреждение для страдающих раком и другими злокачественными опухолями – для облегчения участи несчастных и для наблюдений при постели больных и научных исследований. Левшин говорил о том, что неоднократно обращался в печати к благотворителям и его воззвания имели успех – «в настоящее время мне посчастливилось получить обещание крупных пожертвований, которые ныне уже несколько превысили

200 000 рублей серебром. Относящиеся к этим суммам документы я имел честь показывать Вашему Превосходительству.

Получивши от господ Морозовых обещание внести сумму в 150 000 рублей серебром до начала строительного периода нынешнего 1898 года и будучи твердо убежден, что учреждение, преследующее столь научные цели, как разъяснение причины злокачественных новообразований и изыскание способов коренного их излечения, должно быть приурочено к Университету, я обращаюсь к Вашему Превосходительству с покорнейшей просьбой о возможном ускорении в проведении этого дела, при чем имею честь изложить свои нынешние воззрения, как всего удобнее будет осуществить идею приурочения института для раковых больных при Императорском Московском Университете и обогащении последнего еще одним учебно-вспомогательным учреждением».

Им было предложено расположить институт на земле, принадлежащей Ново-Екатерининской больнице на 20-26 больных».

«15 мая 1898 г. [39]состоялось заседание Совещательного клинического Комитета Императорской Екатерининской больницы под председательством главного врача, заслуженного ординарного профессора, Тайного Советника И.Н. Новацкого, в составе членов: ординарного профессора Ф.И. Синицына, экстраординарных профессоров К.М. Павлинова и К.Ф. Клейна при секретаре экстраординарного профессора К.Ф. Клейна.

Ознакомившись со всеми представленными документами, комитет пришел к выводу, что размещение приюта на территории больницы невозможно по ряду причин. В частности, Екатерининская больница находится в шумной части города (окружена улицей Петровка, проезд Страстного бульвара, Успенский переулок), кроме того, в ее территорию врезываются постройки частных владений, нет достаточного пространства для расположения зданий для приюта, и затем, приют, по словам того же профессора Левшина, - « представит из себя скопище мучеников, издающих днем и ночью ужасные стоны и распространяющих зловоние от

разлагающихся частиц раком пораженных органов».

«Вполне сочувствуя высокогуманной и глубоко симпатичной идее основания такого благотворительного учреждения, в котором неизлечимо больные нашли бы соответствующий уход и могли бы при христианском напутствии спокойно умереть, Совещательный Клинический Комитет полагает, что такому богаделенному учреждению место не при клиниках, даже не при больницах и не у Петровских ворот, а на окраине столицы или, что еще целесообразнее, за чертой ее».

(Лечебницу-приют проектировал сам проф. Л.Л. Левшин.)

На заседании 15 мая Левшин не мог присутствовать, так как находился в это время в Казани.

Выдержки из проекта Устава Института для одержимых злокачественными опухолями имени Морозовых – видимо, март 1903 г. (в другом, ранее обсуждавшемся, в ноябре 1902 г., учреждение называлось Институт имени Морозовых для лечения опухолей).[40]

«1. Институт для одержимых злокачественными опухолями имени Морозовых имеет своей задачей, с одной стороны, научное расследование вопроса о происхождении злокачественных новообразований, в особенности раковых, а также и о сущности их, а с другой - выяснение предупредительных мер и попытку отыскать радикальные средства лечения этого недуга.

2. Для вышеозначенных целей имеются в институте Морозовых: во-первых, лечебница-приют для 56 больных, обоего пола поровну, без различия вероисповедания и сословия, причем больные, оказавшиеся неизлечимыми, буде пожелают, остаются в лечебнице-приюте до смерти и во-вторых, лаборатория, состоящая из трех отделений: анатомо-патологического, бактериологического и химического.

[...]

5. При институте учреждаются следующие должности: директор, его помощник и два ординатора; кроме них могут быть и сверхштатные

ординаторы.

6. Первый пожизненный директор, согласно воле жертвователей, состоит Заслуженный Профессор Лев Львович Левшин.

[...]

10. Институт остается открытым весь год; необходимые ремонтные работы производятся в летнее время, по частям, по возможности закрывая меньшее число палат.

11. Средства института состоят: 1) из процентов неприкосновенных двух капиталов Елизаветы Бенардаки и вдовы Действительного Статского Советника Матрены Ивановны Поповой, 2) из взноса ежегодного Московской Городской Управы Правлению Университета на содержание 45 больных, 3) из платы за платных больных.

[...]

13. Пожизненными Почетными Членами Института для одержимых злокачественными опухолями состоят: Варвара Алексеевна Морозова, Ольга Максимовна Попова и Михаил Абрамович Морозов.

14. Церковный Причт Клиник ИМПЕРАТОРСКОГО Московского Университета исполняет все требы на общих основаниях.

[...]

17. Институт для одержимых злокачественными опухолями принадлежит к учебно-вспомогательным учреждениям ИМПЕРАТОРСКОГО Университета».

В проекте предыдущего устава, от 25 ноября 1902 г. был пункт 14, где говорилось: «Плата за содержание больных назначается с разрешения Правления Университета, по усмотрению директора Института, соответственно расходам, которые потребуются на уход за больной или больным, и соответственно величине занимаемой палаты, в размере от 150 до 250 рублей в месяц»[41].

«Содержать предполагалось 50 больных».[42]

«Министерство

Народного просвещения

Правление

Императорского

Московского Университета

Москва

Ноября 27 дня 1903 г.[43]

В Медицинский факультет

Правление Университета имеет честь уведомить Медицинский факультет, что 18 сего ноября состоялось освящение вновь сооруженной лечебницы.

Помощник Ректора (подп.)

Секретарь (подп.)»

«Письмо[44]

В Медицинский Факультет ИМПЕРАТОРСКОГО Московского

Университета Заслуженного Профессора Левшина

1) Имею честь довести до сведения Факультета, что в присланном нам Положении ВЫСОЧАЙШЕ утвержденном, мною заведуемый Институт имени Морозовых лечения опухолей назван «Институтом имени Морозовых для изучения способов лечения раковых заболеваний».

2) С согласия г-на Ректора я разрешил доктору Д.И. Решетилло заниматься под моим наблюдением лечением лучами Рентгена и электрическим светом. Желал ему поручить исполнение ординаторских обязанностей с уплатой ему за каждое полугодие 400 рублей из остатков от личного состава Института, которые ныне свободны и таковыми останутся, имею честь покорнейше просить Факультет разрешить мне осуществить мое желание.

3) За смертью Михаила Абрамовича Морозова [1903], осталось незанятым место Почетного Попечителя Института, имею честь предложить г-на Ивана Абрамовича Морозова Почетным Попечителем Института и прошу Факультет о решении этого дела.

4) Последнее дело, которое имею честь доложить Факультету для обсуждения заключается в просьбе моей ходатайствовать перед Министерством о добавлении § 14-го двумя примечаниями: 1) «Дозволить Директору, с разрешения Правления Университета, принимать беднейших больных с платой в 35 рублей в месяц», то есть по фактической стоимости в Хирургических Клиниках содержание одного больного, 2) «Взимать с амбулаторных больных по 25 коп. за лечение лучами Рентгена и электрическим светом» в возмещение убытков от большого расхода трубок.

29 ноября 1904 г.

Заслуженный профессор Левшин»

«В институт раковых болезней от г-жи В.С (?) Морозовой поступила разная мебель после закрытия лазарета имени жертвовательницы. (Возможно, опечатка, В.**А.** Морозовой?)»[45]

О постройке покойницкой при институте имени Морозовых (раковом)[46]

1910 г.

«Частые похоронные процессии, проходящие как раз мимо окон коридора, в котором проводят большую часть дня призреваемые в институте больные (не лежащие в постели) действуют на них крайне тяжело. Поэтому я имею честь неоднократно обращаться с покорнейшими просьбами в Правление университета и в Клинический совещательный комитет об устранении этого столь удручающе действующего на больных неудобства.

В настоящее время имеются у меня некоторые обещания жертвователей, которые готовы помочь мне в устранении указанного неудобства…»

Далее следовала, видимо, просьба об устроении покойницкой (письмо оборвано) директора института им. Морозовых профессора Левшина.

Первое пожертвование было сделано Марией Федоровной Морозовой – 1500 руб. (8 апреля). Затем, в июне, поступили 2000 руб. от Варвары Алексеевны и Ивана Абрамовича Морозовых в Московское губернское казначейство.

Всего на постройку нужно было по смете 4336 р. 30 к. Не хватало 836 руб. В июле 1910 г. производство строительных работ на сумму 3200 руб. взял на себя Александр Иванович Шабалин. В документах он значится подрядчиком. В феврале 1911 г. работы были закончены.

«От Ивана Абрамовича и Варвары Алексеевны Морозовых наличными деньгами [на раковый институт пожертвовано] две тысячи рублей».[47]

«В Первую мировую войну институт был превращен в госпиталь. В этом качестве он просуществовал до 1920 г. В 1922 г. на базе института была развернута пропедевтическая хирургическая клиника медицинского факультета Первого Московского университета. Объединенное учреждение возглавил Петр Александрович Герцен, внук известного революционера-демократа. В 1947 г. онкологический институт переехал в специально выстроенное для него здание во 2-м Боткинском проезде (дом номер четыре), где он находится и поныне. Освободившееся помещение некоторое время занимал Институт биофизики, а с 1950 г. здесь размещается Институт паразитологии и тропической медицины имени Е.И. Марциновского».[48]

У брата Варвары Алексеевны – Михаила Алексеевича – был единственный сын Алексей, который трагически погиб в возрасте 8 лет. В память о нем Михаил Алексеевич решил на Девичьем поле построить детскую больницу, однако ненадолго пережил сына, также безвременно уйдя из жизни в 1885 г. в 40 лет, его желание исполнили душеприказчики. Н.А. Варенцов в своих воспоминаниях[49] пишет: «Его [Михаила Алексеевича] сыну Алексею недолго пришлось пожить: отданный учиться в реальное училище Воскресенского, в то время одно из лучших частных средних учебных заведений в Москве, он играл близ лестницы, кем-то был столкнут с нее, и от падения он скончался в 1885 году».

У Токмакова[50] своя версия гибели сына Михаила Алексеевича, основанная на публикации в «Историческом Вестнике», май 1893 г., «Очерков Москвы» Д.А. Покровского: «...сын его, 12-летний мальчик, умер от сотрясения мозга, пришибленный бревном, упавшим с какой-то

постройки, когда он спешил домой из пансиона, где учился».

Духовное завещание Михаила Алексеевича Хлудова[51]

21 марта 1887 – 17 мая 1891 г.

«Выпись из четвертой части актовой книги, для актов не относящихся до недвижимых имуществ Московского Нотариуса Величко за 1885 г. Лист 10, стр. 1 и 2 № 48. Тысяча восемьсот восемьдесят пятого года, Февраля четвертого, явился ко мне, Вадиму Кирилловичу Величко, Московскому Нотариусу, в конторе моей Городской части, на Варварке, в доме под № 102, известный мне лично и к совершению актов законченную правоспособность имеющий, Потомственный Почетный Гражданин Михаил Алексеевич Хлудов, живущий в Москве, Басманной части, 1 участке, в своем доме, в сопровождении лично мне известных свидетелей: Присяжного Поверенного Константина Ивановича Дракопулова, Почетного Гражданина Василия Васильевича Геслина и крестьянина Владимирской губернии и уезда, села Ставрова, Василия Ивановича Бажанова, живущих в Москве… давших мне подписку в том, что содержание 1054 ст. 1 части, X т. Св. Зак. Гражд. издания 1857 года им известно и что они ни по родству, свойству, ни по другим причинам не принадлежат к числу тех лиц, кои не могут быть свидетелями, по завещанию господина Хлудова, с объявлением, что он г. Хлудов совершает духовное завещание следующего содержания: Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Я, Потомственный Почетный Гражданин Михаил Алексеевич Хлудов, находясь в здравом уме и твердой памяти, на случай кончины моей, сим духовным завещанием, об имуществе моем делаю нижеследующие распоряжения:

1) Духовное завещание, ранее сего мною совершенное, сим уничтожаю.

2) В том случае, если у меня останутся дети, все мое имущество, за нижеследующими изъятиями, должно поступить в их собственность и при том в такой пропорции, чтобы каждая из дочерей получила третью часть, того, что причтется каждому из сыновей моих. Жене моей Вере

Александровне Хлудовой, отказываю в собственность капитал в триста тысяч рублей, который она может получить или в два года наличными деньгами, или шестидесятью паями Товарищества Ярцевской Мануфактуры Бумажных изделий Алексей Хлудова и кроме того всю мою движимость составляющую домашнюю обстановку, где бы она ни находилась; а в том случае если я умру бездетен, отказываю ей в собственность все мое движимое и недвижимое имущество, за нижеследующими изъятиями и кроме того родовые недвижимые имущества в пожизненное владение.

3) Душеприказчиками моими назначаю: жену мою Веру Александровну Хлудову, Инженер-Технолога Александра Флорентьевича Перлова, Духовщинского купца Михаила Ивановича Попова и Присяжного Поверенного Сергея Александровича Шереметевского.

4) Душеприказчиков моих обязываю выработать устав детской больницы в Москве моего имени и исходатайствовать утверждение этого устава Правительством, в собственность этой больницы отказываю дом мой с землею и строениями, находящийся в Москве, Басманной части, 1 участка, в Тупом переулке за № 493 новым и 341 старым, приобретенный мною по купчей, утвержденной 20 Июля 1882 года от Василия Алексеевича Хлудова. На устройство больницы и на образование неприкосновенного фонда, отказываю наличными деньгами сто тысяч рублей и двадцать пять паев Товарищества Ярцевской Мануфактуры Бумажных изделий Алексея Хлудова, а, если я умру бездетен, то вместо двадцати пяти отказываю пятьдесят тех же паев.

Главным директором больницы прошу быть доктора Евгения Михайловича Павлинова; больница должна быть в ведении моих душеприказчиков, а по смерти их всех поступает в распоряжение Московского Городского Общества. Выделить сто тысяч рублей наличных денег для больницы душеприказчики должны постепенно, по мере возможности, не обременяя моих дел, но предоставляю им для этого же или другим недвижимые или движимые имущества продать в случае надобности.

5) На пять стипендий моего имени в Московском Императорском Университете отказываю двадцать пять тысяч рублей и на три стипендии в Духовной Академии, что в Сергиево-Троицкой лавре, девять тысяч рублей; служащим при Правлении и фабрике Ярцевской Мануфактуры в память обо мне раздать двадцать пять тысяч рублей и домашней прислуге две тысячи рублей, по усмотрению моих душеприказчиков; рабочим и мастеровым, которые в день моей кончины будут на Ярцевской фабрике, выдать по рублю на человека; Михаилу Ивановичу Попову, Александру Флорентьевичу Перлову и Сергею Александровичу Шереметевскому отказываю в собственность по десяти тысяч рублей каждому, купеческим сыновьям Евгению и Владимиру Луниным завещаю в собственность: первому пять тысяч рублей, а второму пятнадцать тысяч рублей…

6) Обязываю душеприказчиков моих заведовать моим имуществом в течении двух лет со дня утверждения сего духовного завещания, привести все дела мои в порядок, уплатить долги... и, по совершении всех выдачей, в назначенный срок передать все имущество моим наследникам в безотчетное распоряжение. Кроме того я надеюсь, что душеприказчики и наследники мои не оставят без помощи тех бедных, которым я помогал при жизни моей. Аминь.

[…] Выпись эта слово в слово сходная с подлинным актом, внесена в реестр 1885 года под № 294 и выдана Потомственному Почетному Гражданину Михаилу Алексеевичу Хлудову четвертого Февраля 1885 г. В сей выписи приписано «детской».

Нотариус Величко». Печать.

«[…] 1885 года, Июня 11 дня Московский Окружной Суд по IV Отделению, в публичном заседании, выслушав дело об утверждении сего завещания, – постановил: утвердить к исполнению нотариальное духовное завещание Почетного Гражданина Михаила Алексеевича Хлудова, как составленное и явленное, с соблюдением порядка и срока, указанных в п.п. 1-5 Приложения к 1012 и 1063 ст.ст. X т. ч. 1. Св. Зак. Гр. …»[52]

«1885 года Июня 28 дня, душеприказчики покойного Михаила Алексеевича Хлудова, обсудив способ осуществления завещания и принимая во внимание, что долги Михаила Алексеевича Хлудова оплачены, что выдачи по духовному завещанию в размере 213 500 рублей обеспечены капиталом, состоящим в долгу за Товариществом Ярцевской Мануфактуры бумажных изделий Алексея Хлудова, что посему в отчуждении какого-либо имущества покойного Михаила Алексеевича Хлудова для исполнения завещания, надобности не предвидится и что за смертью Михаила Алексеевича Хлудова без нисходящего потомства, все свое имущество он завещал в собственность жене своей Вере Александровне Хлудовой, кроме 50 паев Товарищества Ярцевской Мануфактуры и дома Басманной части, за № 493, определили: передать в распоряжение вдове покойного Вере Александровне Хлудовой движимое и недвижимое имущество покойного Михаила Алексеевича Хлудова, кроме 50 паев Товарищества Ярцевской Мануфактуры Алексея Хлудова, капитала в размере 213 500 рублей, состоящего в долгу за означенным Товариществом и дома в Москве, Басманной части, 1-го участка, за № 493.

Душеприказчики Потомственного Почетного Гражданина Михаила Алексеевича Хлудова: Духовщинский купеческий сын Михаил Иванович Попов, Присяжный Поверенный Сергей Александрович Шереметев, Инженер-Технолог Александр Флорентьевич Перлов.

От душеприказчиков покойного мужа моего Михаила Алексеевича Хлудова все следуемое мне по его духовному завещанию движимое и недвижимое имущество в свое распоряжение и собственность получила вдова Потомственного Почетного Гражданина Вера Александровна Хлудова».[53]

Удостоверено все вышеперечисленное Исполняющим должность Нотариуса Владимиром Васильевичем Рождественским.

«Его Превосходительству

Господину Ректору Императорского Московского Университета[54]

Покойный Потомственный Почетный Гражданин Михаил Алексеевич Хлудов духовным завещанием, утвержденным к исполнению определением Московского Окружного Суда от 11 июня 1885 года, распорядился об учреждении в Москве детской больницы его имени. На устройство больницы и образование неприкосновенного фонда завещатель отказал наличными деньгами 100 000 рублей и 50 паев Товарищества Ярцевской Мануфактуры бумажных изделий Алексея Хлудова, стоющих 250 000 рублей. Кроме того больнице отказан дом в Москве, Басманной части, по Тупому переулку за № 493, стоящий около 40 000 рублей. Избрав нас душеприказчиками, он уполномочил нас выработать Устав больницы, исходатайствовать утверждение такового Правительством и поручил больницу нашему ведению, а по смерти нашей предоставил и в распоряжение Московского Городского Общества. Главным доктором больницы покойный просит быть Евгения Михайловича Павлинова.

В настоящее время между правлением Императорского Московского Университета и Московским Городским Обществом состоялось соглашение о постройке клиник на Девичьем поле на земле, предоставляемой Городскому Университету. Это обстоятельство дало нам, душеприказчикам, мысль исходатайствовать устройство детской имени покойного Хлудова, больницы на Девичьем поле на земле, отведенной городом под Университетские клиники и предоставить вместе с тем Университету пользоваться ею в интересах науки. Осуществление этой мысли не встретит препятствия со стороны содержания духовного завещания покойного Хлудова. Хотя Хлудов и отказал больнице недвижимое имение, но не установил непременного устройства таковой в отказанном доме, к тому же дом этот, как деревянный, безусловно неудобен для целей больницы; между тем продажа его предоставила бы изменение средств для осуществления желания покойного Хлудова в более широких размерах; Устав учреждения предоставлено выработать душеприказчикам; поэтому они вправе включить в него положение, в силу коего было бы предоставлено Университету право

пользования больницею в интересах науки. Равным образом тем же уставом будут сохранены установленные завещанием права Московского Городского Общества на хозяйственное распоряжение больницею по смерти душеприказчиков.

Осуществление нашей мысли не идет в разрез с интересами города, ибо таким путем возможно устройство больницы и в более широких размерах и большем соответствии с последними требованиями науки. Евгений Михайлович Павлинов, назначенный по завещанию главным доктором больницы, присоединился к нашей мысли и изъявил полное желание предоставить Университету и его профессорам все средства на пользование больницею в целях науки.

В настоящее время мы приступаем к составлению Устава больницы; по сему, доводя до сведения Вашего Превосходительства о наших предположениях, мы имеем честь покорнейше просить сообщить нам о согласии Правления Императорского Московского Университета на устройство детской имени Михаила Хлудова больницы на изложенных основаниях; вместе с тем, мы надеемся, что Вы, Ваше Превосходительство, не откажете в своем содействии при получении от Московского Городского Общества согласия на осуществление нашего предположения. Москва 1886 года февраля 2 дня.

Подлинное подписали душеприказчики покойного Потомственного Почетного Гражданина Михаила Алексеевича Хлудова. Потомственного Почетного Гражданина вдова Вера Александровна Хлудова, присяжный поверенный Сергей Александрович Шереметевский, Духовщинский купеческий сын Михаил Иванович Попов, инженер-технолог Александр Флорентьевич Перлов и врач Надворный Советник Евгений Михайлович Павлинов»

«13 марта 1886 – 7 февраля 1891 г.[55]

Дом в Тупом переулке 493 нов. / 341 стар. приобретен от Василия Алексеевича Хлудова по купчей, утвержденной 20 июля 1882 г. Площадь

участка, завещанного Михаилом Хлудовым изначально – 869, 48 кв. саж. – имеет небольшую ширину при большой длине, непосредственно примыкает к Московско-Курской железной дороге, двор будущей больницы будет постоянно наполняться дымом локомотивов, не говоря уже о шуме; далее – по смерти душеприкащиков больница переходит городу, следовательно ее логичнее расположить в комплексе больниц, чтобы в ней могли работать в консультировать Университетские врачи и профессора.

Больница будет построена на участке, арендуемом Александро-Мариинским комитетом Общества Красного Креста, которое имеет на этой земле только 2 заброшенных барака и не платит городу арендных денег с 1 июля 1884 г. (4686 кв. саж.). Было решено Московской Городской Управой отказать Александро-Мариинскому комитету в аренде и разрешить возвести на этой земле больницу после предоставления душеприкащиками Управе устава больницы и чтобы устав был одобрен.

Гор. голова Н. Алексеев»

Душеприказчики по завещанию Михаила Алексеевича Хлудова (Вера Александровна Хлудова, Сергей Александрович Шереметевский, Михаил Иванович Попов и Александр Флорентьевич Перлов) в марте 1887 г. вошли в правление Университета со следующим заявлением: «По духовному завещанию покойного Михаила Алексеевича Хлудова оставлены средства для учреждения в Москве Детской больницы его имени, для которой Московская Городская Дума отвела землю на Девичьем поле. При жизни нас, душеприказчиков, заведование больницею принадлежит нам, а затем она поступает в распоряжение города. Мы желаем, чтобы на время нахождения больницы в нашем ведении Императорский Московский Университет пользовался ею для клинического обучения студентов медиков»[56].

Площадь под больницу на земле Московского Городского Общества составляет 4686 квадратных саженей, отведена в апреле 1886 г.

Речь на собрании, посвященная открытию Хлудовской больницы[57]

Выступает местный представитель Министерства Народного Просвещения.

Понятно «…важное значение, которое имеет для города открытие детской больницы имени Михаила Алексеевича Хлудова. Значение это еще усиливается, однако, той связью, которая установлена между этою больницею и университетом, благодаря просвещенному желанию многоуважаемой Веры Александровны Хлудовой – желанию вполне согласному с целями намеченными покойным супругом ее Михаилом Алексеевичем. Вера Александровна, предоставив основанное ею учреждение в пользование университета для целей клинического преподавания, установила тем самым тесные отношения между Хлудовскою больницею и другими университетскими учреждениями, причем тем самым клиническое отделение для заразных детских болезней, сооруженное на правительственные средства, стало филиальным отделением Хлудовской больницы, чрез что образовалось общее учреждение, вмещающее в себя уже до 70 кроватей, предназначенных для больных детей.

Ныне, благодаря щедрому пожертвованию покойного Михаила Алексеевича Хлудова и просвещенной заботливости верной исполнительницы его желаний – Веры Александровны и сотрудников ее по осуществлению его последней воли, Университет получает в пользование роскошное учреждение, сооруженное согласно последним требованием науки по плану и под непосредственным руководством талантливого и опытного строителя новых университетских клиник – Академика Быковского. Учреждение это обставлено всем, что можно пожелать не только для оказания помощи страждущим больным, но и успешного изучения науки…

[…] После высокой благодарности, о которой я по поручению Министра Народного Просвещения имел счастье сегодня сообщить Вере Александровне [соизволением Государя Императора ей была объявлена Высочайшая благодарность[58]], всякая другая благодарность само собою –

разумеется, теряет значение, но тем не менее я не могу удержаться, чтоб не выразить ей от имени нас всех, представителей Университета, скромную, но искреннюю нашу признательность за великую заслугу, оказанную горячо любимому нами Университету. Имя Хлудовых навсегда займет почетное место в летописях ИМПЕРАТОРСКОГО Московского Университета, его будут вспоминать из поколения в поколение те сотни и тысячи молодых людей, которые, решившись посвятить свою жизнь на облегчение и врачевание страданий своих ближних, получат в стенах этого учреждения свое образование по одной из важнейших медицинских специальностей.

[…] Это торжество, соединяющее во едино щедрую благотворительность, с интересами общественного управления и университета, как представителя науки, есть первое общественное празднество, происходящее в присутствии Высокого правителя столицы и Его Августейшей супруги. Мы не можем не видеть в этом счастливейшего предзнаменования для будущности юного учреждения и нового залога того высокого покровительства, которое правительство оказывает каждому доброму начинанию…»

В «Правительственном Вестнике»[59] за 8 сентября 1888 г. № 196 было напечатано: «Комитет Министров, выслушав записку Министра Внутренних Дел о присвоении учреждаемой душеприкащиками Потомственного Почетного Гражданина М.А. Хлудова детской больнице в Москве особого наименования и об утверждении устава означенной больницы, полагал испросить ВЫСОЧАЙШЕЕ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА соизволения: 1, на присвоение упомянутой больнице наименования: "Детская больница имени Михаила Алексеевича Хлудова в Москве", с тем, чтобы принадлежащие этой больнице свободные капиталы находились на хранении в Московской Конторе Государственного Банка и 2, на предоставление Министру Внутренних Дел утвердить устав упомянутой больницы. ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР, 10 июня 1888 года, на сие ВЫСОЧАЙШЕ соизволил».

«Проект Устава детской больницы

имени Михаила Алексеевича Хлудова в Москве[60]

I. Постановления общие

1. На отказанные умершим Потомственным Почетным гражданином М.А. Хлудовым, по духовному его завещанию, средства учреждается в Москве детская больница его имени.

2. Больница устраивается на земле Московского Городского Общества в количестве 4686 кв. саж., находящейся в Москве, Хамовнической части, на Девичьем поле, отведенной для этой цели приговором Московской Городской Думы от 1/3 апреля 1886 г.

3. Больница предназначена для безвозмездного пользования детей обоего пола, в возрасте от 1 до 12 лет включительно, страдающих незаразными болезнями.

4. Управлению больницы предоставляется устроить, по мере возможности, несколько платных кроватей сверх комплекта, с платою по 25 руб. в месяц в общих палатах и по 50 руб. в месяц – в отдельных. Доход этот поступает на увеличение средств больницы.

5. Штатное число бесплатных кроватей определяется первоначально в 25.

6. При больнице находится отделение для приходящих, в котором, кроме врачебного совета, дети пользуются, с разрешения главного врача, лекарствами, ваннами, всеми пособиями и, кроме того, могут оставаться для отдыха в течение нескольких часов, безо всякой за это платы.

7. Во время нахождения больницы в заведывании душеприкащиков Хлудова и до перехода ее в распоряжение города, предоставляется Императорскому Московскому университету пользоваться ею в целях науки, для клинического обучения медицинских студентов, с соблюдением всех условий, установленных в прочих клиниках для клинического преподавания. При этом в состав медицинского персонала входят: профессор по кафедре детских болезней, два ординатора и одна фельдшерица, без платы им

вознаграждения со стороны больницы. Сверх сего, до перехода больницы в ведение города, Императорский Московский университет а) уплачивает больнице пособия в 1300 руб. в год из специальных своих средств; б) предоставляет больнице пользоваться общей клинической кухней и прачечною, наравне с прочими клиниками; в) предоставляет этой же больнице, с согласия профессора детских болезней, помещать в отделения клиник для контагиозных болезней детей, принятых в больницу, у которых обнаружились таковые болезни и г) отпускает больнице лекарства из клинической аптеки на условиях прочих клиник.

[...]

II. Средства больницы

8. Согласно духовного завещания Хлудова, больница располагает следующими средствами: 100 000 руб. наличными деньгами, 50 паев Товарищества Ярцевской мануфактуры бумажных изделий Алексея Хлудова по номинальной стоимости 5000 руб. каждый пай и домом в Москве, Басманной части, 1-го участка, № 493/341, приобретенным Хлудовым в 1882 г. за 40 000 руб. Сверх того, к средствам больницы присоединяется упоминаемое выше (7) пособие Императорского Московского университета.

9. Для обеспечения больницы постоянным и непрерывным доходом, не зависящим от случайностей, управление больницы озабочивается продажею 50 паев Товарищества Ярцевской мануфактуры бумажных изделий Алексея Хлудова и отказанного больнице дома, Басманной части...(8)

10. На постройку здания больницы, со всеми принадлежностями, и снабжение ее необходимой обстановкой и приспособлениями, из завещанных Хлудовым средств, отделяется капитал, не свыше 135 000 руб., остальной капитал должен быть неприкосновенным фондом, ежегодный доход с которого поступает на содержание больницы...

[...]

III. Управление больницы

12. Согласно духовного завещания Хлудова, больница состоит в

главном заведывании его душеприкащиков: вдовы Почетного Потомственного Гражданина Веры Александровны Хлудовой, инженера-технолога Александра Флорентьевича Перлова, присяжного поверенного Сергея Александровича Шереметевского и Духовщинского купеческого сына Михаила Ивановича Попова. По смерти всех сих душеприкащиков больница поступает в распоряжение г. Москвы.

13. Больница управляется советом, состоящим из попечителей и одного почетного попечителя. Попечителями состоят указанные в 12 душеприкащики Хлудова, главный врач больницы и профессор по кафедре детских болезней Императорского Московского университета. В случае смерти двух из душеприкащиков Хлудова, в состав совета входит один попечитель, по назначению Московской городской думы; а затем, по смерти третьего душеприкащика еще один попечитель от города, а почетным попечителем считается попечитель Московского учебного округа.

Примечание. Должность главного врача больницы, согласно завещанию Хлудова, предоставляется пожизненно врачу Евгению Михайловичу Павлинову...

[...]

V. Прием больных

35. Прием больных производится ежедневно в установленные Советом часы, о которых публикуется во всеобщее сведение и вывешивается объявление при входе в больницу. Трудные больные принимаются во всякое время, при наличности свободных мест.

36. Дети принимаются в больницу не иначе, как по предъявлении законных удостоверений в личности и месте жительства их родителей или воспитателей, за исключением случаев тяжких больных, когда дети принимаются и без паспортов, по одним заявлениям полиции.

37. В случае приема в больницу грудного ребенка, мать его может при нем остаться, при не грудном ребенке мать его, родственница или воспитательница остаются лишь в случае согласия на это директора.

38. Больные с сомнительными заболеваниями, когда возможно подозревать развитие заразной болезни, помещаются в особо устроенной на этот случай палате.

[...]

VI. Погребение умерших

42. Тела умерших выносятся в особую часовню и погребаются за счет больницы. Вещи их хранятся в течение полугода, и если затем никто не явится за их получением, то продаются в пользу больницы...

43. Желающим предоставляется хоронить умершего ребенка на свой счет, но при том условии, если конторе больницы о таковом желании будет заявлено не позже вторых суток по извещении о смерти больного...

Подлинный проект Устава подписали: душеприкащик покойного М.А. Хлудова вдова Потомственного Почетного Гражданина Вера Александровна Хлудова, душеприкащик покойного М.А. Хлудова присяжный поверенный Сергей Александрович Шереметевский и душеприкащик покойного М.А. Хлудова Духовщинский купецкий сын Михаил Иванович Попов».

В ноябре 1890 г. в Московскую городскую думу от Совета детской больницы имени Хлудова было отправлено заявление, где говорилось, что «суммируя все завещанные Хлудовым средства, получалось 255 000 руб. Между тем, при реализации помянутого дома и паев оказалось значительное приращение средств заведения. За проданный дом выручено 41 050 руб. 10 коп., паи же были реализованы за 324 160 руб. Эти 2 цифры, сравнительно с расценкой 10 Устава, дали излишек в 75 210 руб. 10 коп. Сюда же можно присовокупить %, как полученные уже Советом Больницы с принадлежащих ей денег и хранимых в Государственном банке процентных бумаг, так и ожидаемых к получению на 1 января 1891 г., которые составят в общем сумму 28 832 руб. 65 коп.

Один из членов Совета, Вера Александровна Хлудова, имея по уставу Ярцевского Товарищества право удержать за собой паи этого товарищества по цене баланса, т. е. по 6380 руб., приплатила к этой цене, в виде

пожертвования, по 120 руб. за пай, что за 43 пая дало сумму 5160 руб., причем условием пожертвования было поставлено увеличение капитала, назначенного на постройку здания больницы и на ее обзаведение, это условие было принято Советом. Всего излишек составил 102 542 руб. 75 коп.

Московская городская дума на заседании 29 января 1891 г. изъявила согласие на дополнения 12 Устава больницы со следующим примечанием: "Из вырученных Советом, при реализации отказанных по завещанию Хлудова больнице дома в Москве, Басманной части, и 50 паев Товарищества Ярцевской мануфактуры бумажных изделий Алексея Хлудова, излишка сравнительно с оценкой этих имуществ, указанною в 10 Устава, назначается дополнительно 55 000 рублей на увеличение капитала, определенного на постройку зданий больницы и ее обзаведение, остальная же сумма помянутого излишка, равно остаток от строительного капитала, если таковой окажется, и все проценты, которые до 1 января 1891 г. получатся Советом с капиталов и принадлежащих больнице ценных бумаг, поступают на увеличение неприкосновенного фонда заведения..."

Подписал Городской голова Н. Алексеев»

Письмо Господину Попечителю Московского учебного округа
от 14 декабря 1890 года[61]

«Государь Император по всеподданнейшему докладу моему о предстоящем в текущем месяце освящении сооруженной на средства, завещанные умершим Потомственным Почетным Гражданином Михаилом Алексеевичем Хлудовым детской больницы в Москве и об оказании вдовою покойного Хлудова, Верою Хлудовою, в значительной степени содействии, при личных пожертвованиях, для лучшего устройства означенной больницы, Высочайше повелеть изволил, в 11 день сего Декабря, объявить Хлудовой благодарность Его Императорского ВЕЛИЧЕСТВА.

Сообщая о сем Вашему Сиятельству, для приведения изложенной МОНАРШЕЙ воли в исполнение, вследствие представления Вашего от 28 минувшего Ноября за № 14278, имею честь покорнейше просить Вас,

Милостивый Государь, объявить признательность Министерства Народного Просвещения душеприказчикам Хлудова: бывшим членам Совета, заведовавшего постройкою названной больницы: Инженер-Технологу А.Ф. Перлову, Духовщинскому купцу М.И. Попову и Присяжному Поверенному С.А. Шереметевскому.

Министр Народного просвещения

Статс-Секретарь Делянин»

«Господину Почетному Попечителю Детской Больницы имени Михаила Алексеевича Хлудова[62]

17 мая 1891 г.

Имею честь уведомить Ваше Сиятельство, что я не встречаю препятствий к приведению в исполнение постановления Совета Детской Больницы имени Михаила Алексеевича Хлудова о постановке в комнате детских игр портрета покойного основателя оной, Потомственного Почетного Гражданина Михаила Алексеевича Хлудова.

Министр Народного Просвещения

Статс-Секретарь Дурново»

В 1899 г. Клиникой детских болезней заведовал уже ординарный профессор Нил Федорович Филатов.[63]

Здание сохранилось. В нем по-прежнему дети получают квалифицированную медицинскую помощь.

Ботанический сад Московского Университета

Помимо благотворения в медицине для Московского университета Морозовы оказывали значительную помощь и в других областях деятельности этого учебно-научного заведения. Так, Варвара Алексеевна Морозова и ее брат Василий Алексеевич Хлудов на протяжении нескольких лет материально поддерживали Ботанический сад университета.

«Очерк истории сада[64]

Ботанический сад принадлежит Московскому Университету более ста

лет и был приобретен 1 апреля 1805 года за 11 тысяч рублей от Московской Медико-Хирургической Академии. Основан сад был еще Петром Великим для культуры медицинских растений и является таким образом одним из старейших русских научных садов. По преданию, Петром Великим были посажены в саду три хвойных дерева: ель, лиственница и пихта, по-видимому, существовавшие еще в саду при переходе его к Университету...

[...] После покупки заведование садом было поручено молодому профессору ботаники Гофману, перешедшему на службу в Московский университет из Геттингенского в 1804 году. В короткое время Гофман привел сад в цветущее состояние, в значительной мере благодаря весьма щедрым пожертвованиям попечителя Московского округа графа А. Разумовского, владельца знаменитого в то время не только в России, но и за границей ботанического сада в Горенках (Московской губ.).

[...] Проф. Гофман умер в 1824 году. Заместителем его по заведованию садом до 1834 года был проф. М. Максимович.

[...] После Максимовича с 1834 по 1860 год директором сада был проф. А.Г. Фишер фон Вальдгейм. В связи с наступившим в это время сильным сокращением как деятельности Университета, так и интереса к естествознанию и деятельность сада как научного учреждения заглохла. Она оживилась вновь в 1860 году, когда на место директора сада был назначен проф. Н.Н. Кауфман.

[...] С 1873 г. по 1904 заведовал садом проф. И.Н. Горожанкин. При проф. Горожанкине сад подвергся значительным улучшениям; были сильно расширены оранжереи, частью благодаря переделкам старых, частью благодаря постройке новых, между прочим (в 1891 году), была построена и большая пальмовая оранжерея.

[...] Профессору Горожанкину удалось затем выстроить в саду на средства, пожертвованные В.А. Морозовой и В.А. Хлудовым, небольшую каменную лабораторию для научных занятий. С постройкой этой лаборатории, о которой мечтал еще Кауфман, в саду сделались возможными

(с 1882 г.) научные занятия в течение целого года и сад окончательно принял вид европейского научного Ботанического сада.

С 1904 г. заведующим садом состоит составитель этого путеводителя.

Назначение сада

Главное назначение Ботанического сада состоит в доставлении материала, необходимого как для лекций и практических занятий по разным отделам ботаники, так и для научных ботанических изысканий, производимых университетскими учащими и учащимися.

Помимо этого главного назначения Московского Университетского сада заведующие садом профессора, начиная с первого директора Гофмана, всегда признавали одной из важных задач сада, в согласии с научно-просветительной деятельностью Университета, распространение любви к природе среди широких слоев населения, которым сад доставляет возможность изучать не только представителей местной растительности, но и растительности других, между прочим тропических, стран.

Выдержки из Правил для посещения публикой Ботанического сада Императорского Московского Университета

1) Сад открыт для осмотра посторонними лицами по средам и воскресеньям с 15 мая до 15 августа от 9 часов утра до 7 часов вечера и с 15 августа по 15 мая с 9 утра до 4 дня.

2) Сад закрыт в первые дни Пасхи, Рождества Христова и Св. Троицы. Кроме того сад может быть закрыт весною и осенью на некоторое время, если дорожки сада слишком размокнут от дождей.

3) Вход в сад в вышеозначенное время бесплатный и без билетов.»

«В.А. Хлудовым пожертвована новая ручная косилка для газонов».[65]

«[В ботанический сад] от потомственного Почетного Гражданина Василия Алексеевича Хлудова получена коллекция орхидных в числе 80 экземпляров, вывезенных в настоящем году из Ост-Индии (Рангун, Rangoon). Большая часть видов относится к интересному роду Dendrobium, кроме того, с этой коллекции получено несколько интересных видов pp. Cypripedium,

Calanthe, Aerides, Saccolabium и др.

Г. Хлудову за принесение в дар саду коллекции орхидных объявлена благодарность от лица совета университета».[66]

«От Василия Алексеевича Хлудова получена новая коллекция орхидных, содержащая более 300 экземпляров и вывезенная отчасти из Ост-Индии (Birma), отчасти из Мексики и с острова Кубы. Между растениями этой богатой коллекции виды Cycnoches, Vanda, Parishi, V. Bersoniae, Corianthes macranthe и многие другие принадлежащие к числу форм редких в культурах.

С разрешения г. министра народного просвещения, потомственные почетные граждане, Василий Алексеевич Хлудов и Варвара Алексеевна Морозова, на собственные средства в размере 15 000 руб., построили на земле ботанического сада двухэтажный каменный дом, который с согласия совета университета предназначается жертвователями для помещения большого университетского гербария, а также для практических работ студентов и сторонних лиц по морфологии и систематике растений. В этом доме находится большой зал для гербария и занятий по систематике и, кроме того, 7 комнат для практических работ с микроскопом, для квартиры лаборанта и служителя. С постройкою этого здания впервые получается возможность организовать при саде практические занятия в зимнее время: известно, что до сих пор студенты не имели возможности заниматься при саде в течение учебных семестров только по неимению для этого помещения».[67]

«Ботанический сад

3 апреля 1883 г. в присутствии гг. Московского генерал-губернатора, попечителя учебного округа, ректора университета и некоторых других почетных лиц города происходило освящение новой лаборатории, выстроенной в ботаническом саду на средства, пожертвованные В.А. Морозовой и В.А. Хлудовым. – В виду предстоявшего устройства этой

лаборатории заведующий садом [экстра-ординарный профессор Горожанкин] был командирован за границу, с 15 апреля по 1 сентября, с целью осмотра тамошних учреждений подобного рода. В сентябре из ботанического кабинета был перенесен в лабораторию сада почти весь университетский гербарий…

По перенесении гербария в лабораторию сада начались работы студентов естественного отделения… В лаборатории пока весьма мало мебели, а также недостает таких необходимых принадлежностей, как: газа, водопровода, вытяжки для газов, стеклянной посуды и пр.»[68]

«В.А. Морозова [для Ботанического сада] пожертвовала прекрасное собрание растений Минусинского округа Енисейской губернии».[69]

Ботанический сад: от Василия Алексеевича Хлудова поступило 4 больших штамбовых пальмы из родов Chamaerops, Acanthorrhyza и Trinax; 1 большой экземпляр Heritiera macrophylla и несколько интересных видов Nepenthes Sarracenia.[70]

«[В Ботанический сад поступили] от Пот. Поч. Гр. Надежды Ивановны Хлудовой 2 больших экземпляра Rhapis flabelliformis, 1 Chamaerops humilis, 1 Phoenix canariensis, 2 больших Asparagus Sprengeri, 20 Dracaena Aletris.»[71]

(Н.И. Хлудова, по всей видимости, жена сына Назара Ивановича Хлудова, Николая.)

На средства Михаила Алексеевича, брата Варвары Алексеевны, содержались неимущие студенты университета.

Из духовного завещания Михаила Александровича Хлудова:

«…5) На пять стипендий моего имени в Московском Императорском университете отказываю двадцать пять тысяч рублей...»[72]

«В Правление Императорского Московского Университета

Душеприказчицы умершего Потомственного почетного гражданина

Михаила Алексеевича Хлудова

Вдовы Потомственного почетного гражданина

Веры Александровны Хлудовой[73]

Заявление

На внесенный мною капитал двадцать пять тысяч рублей желаю, чтобы на первое время были назначены стипендиатами студенты: 1 курса Историко-филологического факультета Пузицкий Василий, Медицинского факультета 1 курса Щигловский Павел, Роттейн Владислав, 3 курса Синицин Александр и 5 курса Волков Николай.

Октября 1 дня 1885 года».

Стипендия Хлудова выплачивалась студентам с 1886 по 1916 г. (см. Отчеты о состоянии и действиях Московского Императорского университета за 1886–1916 гг.)

Помощь университету (помимо института имени Морозовых) оказывали и сыновья Варвары Алексеевны.

«Копия с постановления Правления ИМПЕРАТОРСКОГО Университета 2 октября 1898 г.[74]

СЛУШАЛИ: Донесение Заслуженного Ординарного профессора Московского Университета Н.А. Умова от 23 минувшего сентября, при коем представлены 2000 руб., пожертвованные Потомственным Почетным Гражданином Иваном Абрамовичем Морозовым на устройство при Физическом Институте Московского Университета криогенной лаборатории его имени. Профессор Умов ходатайствует о выражении Морозову благодарности от имени Совета Университета. – ПОСТАНОВИЛИ: просить Совет ИМПЕРАТОРСКОГО московского Университета, в удовлетворении ходатайства Профессора Н.А. Умова, выразить И.А. Морозову благодарность за его пожертвование. Для сего передать копию с сего постановления в Канцелярию Совета Университета.

С подлинным верно: Секретарь Подпись»

«Выписка из журнала заседания Совета Императорского Московского Университета 28 ноября 1898 г.[75]

Статья 15

СЛУШАЛИ: Копию с постановления Правления Университета, состоявшегося 19-го сего ноября

Слушали: Донесение Заслуженного Ординарного Профессора Московского Университета Н.А. Умова от11-го ноября, при коем представлены 2000 руб., пожертвованные Почетным потомственным Гражданином Арсением Абрамовичем Морозовым на устройство криогенной лаборатории при Физическом Институте Московского Университета. Профессор Умов ходатайствует о выражении Морозову благодарности от имени Совета Университета. Постановили просить Совет ИМПЕРАТОРСКОГО Московского Университета, в удовлетворение ходатайства профессора Н.А. Умова, выразить А.А. Морозову благодарность за его пожертвования. Для сего передать копию с постановления в Канцелярию Совета. ОПРЕДЕЛИЛИ: выразить Потомственному Почетному Гражданину Морозову письменную благодарность за вышеозначенное пожертвование. Подлинное за подписанием г. Ректора, Членов Совета и Скрепою Секретаря.

Верно

Секретарь Совета Подпись»

«Особые пожертвования[76]

Физический кабинет и лаборатория – при физическом кабинете устроена криогенная лаборатория имени И.А и А.А Морозовых. Приобретена машина Линде с компрессором, пятисильный трехфазный электромотор, гальванометр с термоэлементами для измерения низких температур от Кайзера и Шмидта, Дьюаровские сосуды от Бургера в Берлине. Стоимость приобретенных приборов без доставки и оборудование лаборатории составляло 2628 р. 13 к.»

«В июле 1903 г. физическая лаборатория была перенесена в физический институт».[77]

В пору создания Музея изящных искусств им. Александра III на

Волхонке (ныне ГМИИ им. А.С. Пушкина) он относился к Московскому университету. Среди меценатов, откликнувшихся на призыв профессора И.В. Цветаева оказать помощь в сооружении и отделке музея, был старший сын Варвары Алексеевны Михаил Абрамович. Он состоял членом Комитета по устройству музея. Запись в дневнике И. Цветаева от 11 февраля 1898 г.: «Сегодня для меня большая радость: Михаил Абрамович Морозов взял на себя стоимость выстройки залы Музея – Венеры Милосской и Лаокоона. Стоимость ее – 27 006 рублей. Условия взноса – три срока: сентябрь 1898-го, 1899-го и 1900-го годов. Это второй дар на залы: первый принял на себя 25-го декабря 1897-го года И.А. Колесников, предложивший израсходовать на это 15 000 рублей...»[78] По иронии судьбы И. Колесников – директор Никольской мануфактуры Марии Федоровны Морозовой с сыновьями, отказавшейся помочь Цветаеву, сказавши, «...что она и ее покойный муж, Тимофей Саввич – только богатые мужики и потому им незачем устраивать какой-то музей» (дневниковая запись Цветаева за 17 июня1898 г.)[79]. Далее в ней же Иван Владимирович помечает: «...Отказал Василий Алекс[еевич] Хлудов, человек огромного состояния и питомец Московского университета. Отказали Савва и Сергей Тим[офеевичи] Морозовы. Отказали Морозовы-Викуловичи; из них некоторые также прошли Московский университет и обладатели состояния, по рассказам, гораздо большего, чем у Мар[ии] Федоровны Морозовой с сыновьями. Отказала Варвара Алексеевна Морозова, пославши к своим детям. Отказали ее богатые сыновья Арсений и Иван Абрамовичи Морозовы...»[80]

Запись в дневнике за 25 февраля 1898 г.: «…Узнав, что его двоюродный брат М.А. Морозов взял зал в 27 000 р., он [Савва Тимофеевич Морозов] начал издеваться над ним, говоря: “вот какой выискался меценат”»[81]. Решено было присваивать залам имена царственных особ. Запись за 30 июня 1898 г.: «Заявление о присвоении залам царственных имен было уже не первым. Почин этому положен Михаилом Абрамовичем Морозовым»[82]. М. Морозов предложить назвать взятый им зал именем

великого князя Сергея Александровича, чем тот был глубоко тронут.

Без даты: на визитной карточке Ивана Владимировича Цветаева: «Будьте добры, многоуважаемый Александр Иванович [Чупров], принять прилагаемую записку на память и улучите минутку вручить… рекомендацией другой экземпляр В.А. Морозовой. Ваш И. Цветаев»[83]. (Видимо, визитка была предназначена Варваре Алексеевне еще до ее отказа в помощи музею...)

Ремесленное училище им. В.А. Морозовой

Начало этой главы книги отведено благотворительной помощи В.А. Морозовой и ее семейства Московскому университету. Однако этим далеко не ограничивается ее деятельность на поприще служения людям. Первым большим благотворительным делом Варвары Алексеевны, ее детищем, было создание в Москве ремесленного училища, переданного впоследствии городу, за которым наблюдала и которому помогала она затем на протяжении многих лет.

«Ремесленные классы, учрежденные В.А. Морозовой [84]

(Покровка, близ Гаврикова пер., дом собственный)

Учреждены в 1877 г. Содержатся на средства В.А. Морозовой. В ремесленные классы принимаются приходящими, бесплатно, для обучения столярному и слесарному ремеслам мальчики, окончившие курс начальных училищ. Классы состоят из 2-х отделений: столярного и слесарного. Курс обучения в каждом из них четырехлетний. Занимающиеся в столярном отделении изучают еще токарное по дереву ремесло, а обучающиеся в слесарном – токарное по металлу и кузнечное. Кроме изучения ремесла мальчики обучаются также общеобразовательным предметам с целью пополнения полученного ими общего образования. Столярное отделение рассчитано на 60 человек, слесарное – на 65».

О ремесленном училище В.А. Морозовой упоминается и в одном из томов «Истории Московского купеческого общества»[85]:

«16 мая 1897 г. на Соединенном заседании Московской Купеческой

Управы вновь был поднят вопрос о необходимости расширения здания Николаевского Дома призрения вдов и сирот Московского Купечества, "для чего было бы удобно приобрести смежное владение, принадлежащее Потомственной Почетной Гражданке Варваре Алексеевне Морозовой. Соединенное заседание постановило просить члена Комиссии Т.В. Соловьева войти в переговоры с В.А. Морозовой об уступке Купеческому Обществу ее дома за 100 000 руб. Однако гг. Морозовы, в общем владении коих оказался названный дом, согласились уступить его Купеческому Обществу лишь за 120 000 руб., с тем, чтобы все расходы по совершении купчей крепости были приняты на счет Купеческого Общества... Старшиною был немедленно уплачен гг. Морозовым задаток в сумме 25 000 руб.; в расписке от 29 мая 1897 г., коей Михаил Абрамович Морозов, по доверию остальных совладельцев, удостоверял получение задатка, были добавлены еще нижеследующие условия (п. 3): "покупщик дает право из нас, продавцов, Варваре Алексеевне Морозовой пользоваться в течение настоящего лета, будущей зимы и лета 1898 года занимаемыми городской школой и другими училищами, учительским персоналом и прислугой двумя боковыми флигелями, соединенными со средним домом и другими зданиями, имеющимися за флигелем по левой стороне, от Б. Алексеевской улицы к Малой Алексеевской улице, за что Купеческая Управа будет получать от Московской Городской Управы или от Варвары Алексеевны пополугодно из 1800 руб. годовых и в дополнение к ним 1700 руб. годовых от Варвары Алексеевны также пополугодно со времени рассчета по купчей крепости, а за последнее время пользования сколько причтется при освобождении зданий. На все сказанное в 3 пункте должно быть заключено условие"... Выборный Н.А. Найденов заявил, что следует согласиться на условия Морозовых и вообще поторопиться приобретением предлагаемого дома, так как этот дом самый подходящий для расширения здания Николаевского Дома, как прилегающий непосредственно к нему, что избавит от необходимости иметь отдельное управление покупаемым домом, следовательно, устранить

излишние расходы на этот предмет... Собрание выборных, соглашаясь на предложенные гг. Морозовыми условия, постановило:

"1) принадлежащий Потомственным Почетным Гражданам: Варваре Алексеевне, Ивану, Арсению и Титулярному советнику Михаилу Абрамовичам Морозовым дом, со всеми при нем строениями и землею, состоящий в Москве, Рогожской части 1 участка, по Алексеевской улице, под № 129, приобрести покупкою в собственность Московского Купеческого Общества, за 120 000 руб., учинив рассчет по утверждении купчей крепости..."; рассчет по ней был заключен 15 июля 1897 г. С этого срока Купеческой Управой было заключено с В.А. Морозовой арендное условие на купленный дом, причем в тексте условия буквально был воспроизведен вышеприведенный пункт 3-й задаточной расписки...

9 февраля 1898 г. В.А. Морозова вошла в Купеческую Управу с заявлением, что она признает возможным предложить Купеческому Обществу приступить к переустройству среднего большого корпуса на переднем дворе и бокового, примыкающего к стене Николаевского Дома призрения, ранее условленного срока, именно с мая 1898 г., при том условии, если Купеческая Управа продолжит срок пользования остальными зданиями, занятыми училищами, квартирами служащих и относящимися к ним службами, до декабря 1899 г. с платою по 2500 р. в год.

Собрание Выборных 15 мая 1898 г., по выслушании вышеизложенного заявления, постановило: "предоставить Старшине войти с В.А. Морозовой в соглашение по поводу сделанного ею предложения… 3 мая 1898 г. был произведен некоторыми членами Комиссии, в присутствии Старшины Купеческого Сословия и членов Совета Николаевского Дома подробный осмотр как вновь приобретенных зданий, так и нынешнего помещения Дома призрения, в видах надлежащего уяснения вопроса о том, насколько существующее устройство удовлетворяет потребностям заведения, и в какой форме и последовательности должно быть произведено его распространение. При сказанном осмотре оказалось <...> "в 6-х, что приобретенное от

почетных граждан Морозовых имение состоит: а) из двухэтажных – надворного центрального здания и двух параллельных между собою боковых зданий, упирающихся в Большую Алексеевскую улицу, из коих одно отделяется по продольной стороне от правого крыла здания Николаевского Дома пространством в 1 1/4 аршина, и б) из зданий, переделанных в двухэтажные из сараев и конюшен и идущих по Алексеевскому переулку и Малой Алексеевской улице;

в 7-х, что со стороны В.А. Морозовой заняты в настоящее время училищами городским начальным и ремесленным, а также квартирами состоящих при них служащих, все помянутые здания, за исключением центрального, и в 8-х; что оба крыла центрального здания, при значительной ширине их, представляют несомненное удобство для устройства квартир призреваемых, для каковой цели может быть приспособлено также и самое центральное здание..."

Переустройство и расширение Николаевского дома было произведено в 1906-1907 гг. по совершенно другому плану. Владение, занятое домом бывш. Морозовых, в это время было уже обращено под постройку Дома бесплатных квартир имени Мазуриных.»

«...19 мая 1901 г. В.А. Морозова обратилась к городскому голове с заявлением о своем желании передать в ведение города устроенное ею более 20 лет назад начальное училище с ремесленными классами при нем, помещающееся на Покровке, близ Гаврикова переулка.

Начальное училище было открыто В.А. Морозовой еще в 1873 году, а ремесленные классы учреждены при училище 10 октября 1877 года. Устройство ремесленных классов, по словам В.А. Морозовой [в ее заявлении в городскую думу 19 мая 1901 г.], имело целью дать возможность детям беднейших жителей г. Москвы бесплатно практически подготовляться к сознательному занятию в промышленных механических мастерских. Кроме занятий науками, здесь особенное внимание обращалось на исполнение работ в мастерских, чтобы окончившие курс могли работать совершенно

самостоятельно.

Сначала начальное училище и ремесленные классы помещались в наемном здании в Шелапутинском переулке, в 1886 г. В.А. Морозова перевела училище на Б. Алексеевскую улицу, опять-таки в наемное помещение, и лишь в 1899 году для них было куплено на Покровке, близ Гаврикова переулка, собственное владение, в котором построено специальное здание для ремесленного училища, а имевшиеся здания приспособлены для начального училища и квартир учащихся. На приобретение этого владения и на постройки в нем учредительницей было затрачено около 150 000 рублей.

Ремесленные классы были открыты при наличности всего 16 человек, но, с течением времени, число учеников в них росло. К моменту передачи их во владение города они насчитывали уже более 100 учащихся. Заводы, фабрики и всевозможные мастерские охотно брали выпускников училища и назначали им значительную плату. Начальное училище к 1901 г. также имело уже более 100 учащихся. Курс обучения составлял 4 года, в отличие от городских начальных училищ.

С 1 января 1903 г. училища В.А. Морозовой стали городскими.

С переходом во владение городом начальное и ремесленное училища им. В.А. Морозовой получили обособленное существование. Начальное училище было организовано по типу городских – с 3^{-x} годичным обучением и 3-рублевой платой за нее. Ремесленное училище имело особый устав; состояло из 2-х отделений – столярного и слесарного. Курс обучения – 4 года. В училище преподавались: Закон Божий, русский язык, история и география, арифметика и счетоводство, геометрия, физика, механика, технология, черчение, рисование, слесарное, столярное дело.

В училище принимались мальчики всех сословий и вероисповеданий, имеющие свидетельства об окончании курса начального училища, в возрасте от 11 до 18 лет (в начальном училище обучались дети по группам от 8 до 13 лет). Ученики, с успехом закончившие курс, получали свидетельство на

звание мастера с правами 3 разряда по отбыванию воинской повинности, при училище имелось бесплатное общежитие, в которое принимались, по определению попечительского совета, беднейшие ученики.

Помещение ремесленного училища двухэтажное, каменное. Во 2-м этаже помещался музей, составленный из ученических изделий за 23 года, классы теоретического обучения, чертежная, спальня на 12 человек, умывальная и канцелярия. В 1-м этаже помещались: мастерские, кладовая для хранения инструментов, столовая, кухня, квартиры для двух помощников заведующего. В подвальном этаже помещалась кузница. Квартиры других служащих находились в здании, выходящем на улицу. При училище имелся обширный сад и двор со службами.

Занятия в ремесленном училище начинались в 8 утра, от 12 до 1 часа – перерыв, во время которого ученики получают горячий завтрак из 2-х блюд, в 6 часов занятия заканчиваются. В 1904-1905 гг. всех учеников в ремесленном училище было 123, по составу – крестьян 84 человека, мещан и цеховых было 26 человек, остальных сословий – 13 человек. Расходы по содержанию училища производились всецело из городской кассы.

Дар В.А. Морозовой был принят с благодарностью. Среди прочего, в докладе Училищной комиссии, которой было поручено обсудить вопрос о принятии в ведение города училища, говорилось: "...пожертвование В.А. Морозовой займет видное место в будущей летописи развития профессионального образования в Москве, а жертвуемое ремесленное училище явится, благодаря своему долговременному опыту и умелой организации, тем примером, по образцу которого будут устраиваемы и другие однородные заведения"»[86]

«В текущем году город получил еще одно крупное пожертвование. 19 мая 1901 г. от потомственной почетной гражанки В.А. Морозовой поступило заявление на имя Городского Головы, в котором она сообщала о намерении своем принести в дар городу устроенные ею и содержимые в течение более 20 лет начальное училище и ремесленные при нем классы, вместе с

усадебным местом, площадью до 1800 кв. саж.

Свой дар В.А. Морозова обусловливала рядом положений, из которых главнейшее состоит в том, чтобы курс учения в начальном училище был оставлен четырехлетний; жертвовательница просила также, чтобы жалованье учащимся не было убавлено и срок службы их был зачтен, как служивших городу. Заявление В.А. Морозовой было доложено Городской Думе на заседании 28 мая 1901 г. Дума, выразив В.А. Морозовой глубокую благодарность, поручила Училищной Комиссии рассмотреть вопрос о принятии дара. Училищная Комиссия предварительную разработку вопроса передала состоящей при ней Подкомиссии по мужскому профессиональному образованию. Последняя наметила следующую организацию училищ: «Ремесленные классы» и начальное училище выделяются в два самостоятельных заведения. «Ремесленные классы» переименовываются в «городское ремесленное мужское училище имени В.А. Морозовой в Москве», с двумя отделениями – слесарным и столярным. В училище принимаются мальчики всех сословий и вероисповеданий, окончившие курс в городской начальной школе; возраст для поступления определяется в 11-13 лет. Курс обучения четырехгодичный; с разрешения Думы, Попечительный Совет училища может установить пятый дополнительный год для усовершенствования учеников в изучаемых ими ремеслах. Училище управляется Попечительным Советом, а ближайшее заведование возлагается на заведующего, приглашаемого Городской Управой, по представлению Попечительного Совета, из лиц с высшим техническим образованием. Пожизненной председательницей Совета и попечительницей училища состоит В.А. Морозова. Преподаватели и мастера приглашаются Городской Управой по представлению Попечительного Совета и в служебных делах подчиняются заведующему училищем.

Содержание ремесленного училища определено в 16 000 руб. в год, из них на содержание личного персонала 7101 р. Заведующему училищем жалованье определено в 2200 р. в год при готовой квартире; он обязан давать

не мене 21 урока в неделю. Кроме заведующего, имеются три его помощника – по слесарной, столярной и кузнечной мастерским и преподаватели общеобразовательных предметов, черчения, рисования и пр., а также письмоводитель, машинист и мастер. При училище имеется пансион для беднейших воспитанников; приходящим ученикам раздаются горячие завтраки.

Пожертвование В.А. Морозовой представляет собою весьма ценный дар; на приобретение участка земли в 1800 кв. саж. с большим фруктовым садом, каменным домом, на возведение новых и приспособление старых построек жертвовательницей было затрачено около 150 000 руб. Но дар еще ценен тем, что отвечает выразившемуся в последние годы стремлению Городского Управления удовлетворить потребность населения города в профессиональном образовании путем создания ряда городских профессиональных училищ. "Содействуя первым шагам Городского Управления в этом новом для него деле – говорит в своем докладе Училищная Комиссия – и тем поощряя его дальнейшую деятельность в указанном направлении, пожертвование В.А. Морозовой займет видное место в будущей летописи развития профессионального образования в Москве"».[87]

«Акт[88]

февраль–август 1901 г.

1901 г. февраля 15 дня члены Городской Управы Г.А. Пузыревский, М.И. Приклонский и члены Строительного Совета А.П. Попов и М.К. Геппенер по поручению г. городского головы произвели осмотр владения, принадлежащего В.А. Морозовой, состоящего Лефортовской части 1-го участка по улице Покровке около Гаврикова пер.

По осмотру оказалось, что на означенном владении расположены: 1) каменное 2-этажное жилое с подвалом здание; 2) каменное 2-этажное с антресолями, а во дворе 3-этажное жилое здание; 3) каменное одноэтажное нежилое служебное здание; 4) деревянные ветхие одноэтажные сараи; 5)

каменная дворницкая.

Строение под № 1 занято ремесленным училищем с особым при нем общежитием на 13 человек, мастерской, чертежным классом, образцами работ учеников и модельной. Здание это находится в исправном виде и по справке в строительном архиве Городской Управы построено в 1898 г.

Строение № 2 состоит: из каменного дома с антресолями по улице, существовавшей еще в 1822 г., и пристроенной к нему 3-этажной части, разрешенной к постройке по справке архива в 1881 году. Здание это занято трехклассным мужским начальным училищем, квартирами служащих, помещением кузницы и центральным отоплением всех жилых помещений. Часть, пристроенная в 1881 г., по внешнему осмотру находится в исправном виде. Что же касается до части этого здания, существовавшей в 1822 г., то в нем в коридорах на потолках заметны небольшие трещины, по-видимому, однако, не угрожающие прочности здания. Служебные каменные надворные строения должны потребовать для себя ремонта, а деревянные сараи, хотя и могут продержаться еще некоторое время, но не должны считаться достаточно прочными.

Что же касается до возбужденного вопроса о том, представляется ли возможным на означенном владении расположить предполагаемое к сооружению здание Народной аудитории в память А.С. Пушкина, то с технической стороны к этому препятствий не имеется, ибо внутри владения госпожи Морозовой имеется достаточное пространство свободной земли, занятое садом, но по отношению художественной стороны и значения самого здания, предполагаемого к сооружению по конкурсу, расположение его внутри владения назади не может представляться соответствующим делу, не говоря уже о многих других хозяйственных неудобствах, связанных с расположением здания внутри владения».

Интересен приведенный ниже состав преподавателей училища: их образование и, соответственно, высочайший уровень знаний.

«Отчеты о состоянии Московского Городского ремесленного училища им.

В.А. Морозовой, слесарно-ремесленного училища Общества распространения технических знаний и ремесленных отделений и профессиональных классов при городских училищах Московской губернии за 1902-1903 и 1903-1904 годы с приложением списков личного состава[89]

1903 г.

Попечительница – Варвара Алексеевна Морозова, православная, Потомственная Почетная Гражданка.

Законоучитель – Виталий Аникитич Красновский – православный, потомственный почетный гражданин, священник церкви Святого Алексия Митрополита в Москве, кандидат Духовной Академии. В Московской Духовной Академии в 1883 г. получил образование. В училище служит 13 лет 4 месяца. Преподает Закон Божий 2 часа в неделю. Награжден камилавкой в 1899 г. и наперсным крестом за епархиальную службу. На службе с августа 1889 г. Получает 160 рублей.

Заведующий училищем – Николай Васильевич Ронжин, 49 лет, православный, статский советник с 1899 г. Окончил Московское Императорское Техническое Училище в 1877 г., инженер-механик. В училище служит 26 лет 4 месяца. Преподает черчение, механику (оклад 2200 рублей в год). Имеет орден Святой Анны 2 степени по службе. В Императорском Техническом училище с января 1901 г. Служит с 1877 г. (черчение – 15 часов, механика – 9 часов).

Преподаватели:

Алексей Петрович Чижев, православный, 50 лет, сын губернского секретаря, обучался в учительской семинарии военного ведомства, начальный народный учитель. Преподает в училище 25 лет русский язык 4 часа в неделю. Ставка 200 рублей. Награжден Серебряной медалью на Александровской ленте с 11 сентября 1891 г. На службе с 1878 г. С 1 сентября 1903 г. оставил занятия по собственному желанию.

Александр Алексеевич Фаворский, православный, 61 года, дворянин, образование – кандидат Московского университета. На службе в училище 4

года 4 месяца. Преподает арифметику – 6 часов, геометрию – 6 часов, алгебру – 4 часа в неделю. Ставка 800 рублей. В должности с 1899 г.

Александр Федорович Насимович, православный, 21 года, учитель, закончил Московский городской учительский институт, преподает в училище 5 месяцев русский язык, 15 часов в неделю, ставка 750 рублей, в должности с августа 1903 года.

Александр Карлович Вессель, лютеранин, 43 лет, статский советник, закончил Московское Императорское Техническое Училище в 1884 г., инженер-механик, в должности 5 месяцев, преподает технологию металлов и дерева 4 часа в неделю, оклад 280 рублей. Имеет орден Святого Станислава 3 степени по службе в Императорском Училище. В должности с августа 1903 г. Заведует ремесленными классами при металлическом заводе Гужона в Москве. Заведует кузнечной и модельной мастерскими в Императорском Техническом Училище.

Петр Иванович Швырков, православный, 35 лет, статский советник, окончил Императорское Строгановское училище в Москве в 1887 г., ученый рисовальщик, в училище преподает 3 месяца рисование 2 часа в неделю, оклад 140 рублей, имеет орден Святой Анны 3 степени, в должности с 1 октября 1903 г. Преподавал в Вольном училище при лютеранской церкви Святого Михаила.

Павел Петрович Розанов, православный, 35 лет, коллежский советник с 1903 г. Закончил Московский университет по физико-математическому факультету в 1892 г. и Императорское Техническое Училище в 1896 г., инженер-механик. Состоял инспектором промышленных училищ в г. Эйске. В училище 5 месяцев, преподает физику 3 часа в неделю. Ставка 210 рублей. Имеет орден Святого Станислава 3 степени, получил в 1902 г. по службе в Императорском техническом училище. В училище с 1903 г. Преподает черчение в Императорском Техническом и Московском промышленном училище.

Оскар Адольфович Петель, лютеранин, 24 лет, бывший прусский

подданный, образование получил в Императорском Техническом Училище в 1902 г., инженер-механик, в училище преподает 2 месяца электромеханику 3 часа в неделю. Оклад 210 рублей. В училище с 1 ноября 1903 г.

Василий Иванович Котельников, православный, 32 лет, мещанин, окончил Орловскую гимназию в 1887 г. В училище 2 месяца, преподает бухгалтерию 1 час в неделю. Оклад 70 рублей. В училище с 1 ноября 1903 г.

Помощники заведующего:

Василий Андреевич Шмурнов, православный, 32 г., крестьянин, окончил курс ремесленных классов, учрежденных В.А. Морозовой, имеет свидетельство от 1891 г. В училище преподает 9 месяцев. Оклад 840 рублей. В училище с 1 апреля 1903 г.

Пушнин Яков Куприянович, православный, 50 лет, мещанин, в училище 25 лет, преподает слесарное мастерство 48 часов в неделю. Оклад 900 рублей. В училище с 1878 г.

Козлов Виктор Семенович, православный, 66 лет, отставной рядовой, в училище 25 лет, преподает мастерство столярное 48 часов в неделю. Оклад 425 рублей. В училище с 1 декабря 1878 г.

Луковников Александр Иванович, православный, 30 лет, крестьянин, в училище 4 месяца, преподает мастерство столярное 48 часов в неделю. Оклад 520 рублей. В училище с 26 августа 1903 г.

Павлов Иван Павлович, православный, 41 года, мещанин, в училище 17 лет, преподает кузнечное мастерство. Оклад 425 рублей. В училище с 1885 г.

О низших служащих лицах:

Сторож при училище и классах, кухарка для приготовления пищи учащимся и пансионерам, 2 дворника, истопник при водяном отоплении здания, ночной сторож от полиции.

На начало 1903 г. состояло 47 учеников в I классе

34 – во II классе

12 – в III классе

14 – в IV классе

5 - в – V классе

Состояние учеников к концу 1904 г.

В I классе – 43 человека, во II классе – 34 человека, в III классе – 17 человек, в IV классе – 7 человек, в V классе – 13 человек.

Адрес: Покровская улица, д. 14, близ Гаврикова переулка. Городское мужское Ремесленное училище им. В.А. Морозовой.

При училище общежитие на 14 пансионеров.

Число классов – 5 основных (отдельно основных и параллельных).

Открыто в 1877 г. 22 сентября под именем «Учебная мастерская при Алексеевском церковно-приходском училище в Москве». В 1884 г. переименовано в «Ремесленные классы при Начальном народном училище, учрежденном В.А. Морозовой в Москве». С 1 января 1903 г. передано в ведение Городского Общественного Управления города Москвы с переименованием в «Городское мужское Ремесленное училище имени В.А. Морозовой». Устав находится на утверждении.

Помещение – Московского Городского Общественного Управления. Земли под зданиями училища, двором и пристройками – 1800 кв. сажен.

Здания*:*

– Мастерские и классы – каменное 2-этажное здание. (Там находятся мастерские, классы, музей, контора)

– Квартиры помощников, спальня пансионеров, столовая и кухня – каменное 2-этажное с полуподвалом (там находится квартира помощников, спальня пансионеров, квартира помощников, столовая, кухня, комната сторожа, кузница, котельная, раздевальня)

– Квартиры: заведующего, преподавателей, помощников и помещения городского Начального училища им. В.А. Морозовой. Каменное 3-этажное здание (там находятся квартира заведующего, квартира учителя начального училища, квартира помощника заведующего, квартира преподавателя, классы начального училища, квартира учительницы, кухня начального училища).

Музей – постоянная выставка ученических работ и кабинет заведующего.

Общее здание (подвальный этаж).

Раздевальня учеников.

Котельная (водяное отопление).

Кладовые и для дров.

Кузница.

Лестница на 3 этажа.

I этаж

Мастерские

Контора слесарного мастера

Столовая пансионеров и приходящих

Квартира помощника по хозяйству

Кухня для пансионеров и приходящих

Клозет

Комната сторожу

II этаж

Контора и прихожая

Большой класс

Малый класс

Музей

Спальня пансионеров

Квартира помощника по слесарному ремеслу

Кухня

Клозет на 2 очка с перегородкой

Умывальня пансионеров и вешалки

Общее здание с размещением квартир и Начальное училище

I этаж

Кухня начального училища

Квартира учительницы

Квартира учительницы

Класс начального училища

Класс начального училища

Коридор и раздевальня

Лестница в 3 этаж

Класс

Прихожая

II этаж

Кухня квартиры заведующего Ремесленным училищем

Кабинет заведующего Ремесленным училищем

Квартира заведующего Ремесленным училищем

Квартира учителя Начального Городского училища

III этаж

Квартира помощника по кузнице

Кухня для квартир с 2 русскими печами

Квартира учителя математики

Квартира помощника по столярной

Хозяйственные постройки

Дворницкая

Склады и сараи

Погреба

Сарай для дров

Слесарная мастерская

Напилков – 736 стоимостью 325 р. 93 к.

Слесарные инструменты и принадлежности 539 шт. стоимостью 739 р. 18 к.

Машины – орудия и принадлежности к ним 212 шт. стоимостью 2858 р. 75 к.

Столярная мастерская

Столярный и слесарный инструмент 761 шт. стоимостью 742 р. 57 к.

Кузнечная мастерская

Кузнечные инструменты и принадлежности 120 шт. стоимостью 136 р. 35 к.»

«Ведомость расхода по содержанию дома 1903 г.:

На наем помещения	
на ремонт помещения (или зданий училища)	921 р. 25 к.
на страхование зданий, обстановки и пр.	50 р.
на покупку мебели и ремонт движимого имущества училища на отопление – каменного угля, дров	1070 р. 04 к.
Итого	2041 р. 29 к.
Освещение – электрическое, газовое, керосиновое	35 р. 59 к.
на содержание чистоты училищ. помещения и зданий	20 р. 70 к.
на вывоз снега и нечистот	663 р. 63 к.
на разные расходы (вода и содержание двора)	112 р. 03 к.
Всего	2873 р. 24 к.

Приход: от города по штату положено было в 1903 г. 16 000 р., получено 12 552 р. 74 к.

Расход: на содержание личного состава 4205 р. 65 к. (ведомость № 1).

на мастеров и подмастерьев	1974 р. 35 к.
на покупку учебных пособий	494 р. 10 к.
на покупку материалов	936 р. 14 к.
на содержание канцелярии	49 р. 51 к.

на содержание дома	2873 р. 24 к.
Выдано пособие служащим	40 р.
Прочие расходы	259 р. 45 к.
Итого	11 143 р. 60 к.
Израсходовано на содержание пансионеров и завтраки приходящих	1409 р. 14 к

К 1 января 1904 г. по расходу за 1903 г. 12 552 р. 74 к.

Состоит к 1 января 1903 г.

Приобретено в 1903 г.

Книги преподавателей и учительской библиотеки – 169 на сумму 171 р. 55 к., 51 стоимостью 99 р. 35к.

ученической библиотеки – 101 стоимостью 26 р. 62 к.

учебные пособия по преподаванию русского языка – 9 стоимостью 20 р. 15к.»

«Отчет о деятельности городского ремесленного училища
имени В.А. Морозовой за 1904 г.[90]

Учащиеся к 1-му января 1904 г. распределились следующим образом:

а) по классам:

В I классе – 43

Во II классе – 34

В III – 17

В IV – 7

Оканчивающих

работы – 13

[Всего] – 114

б) по сословиям:

Мещан – 22

Цеховых – 4

Ямщиков – 1

Крестьян – 71

Солдатских детей – 10

Купцов – 0

Разночинцев – 4

Почетных граждан – 1

Дворян – 1

[Всего] - 114

в) по возрасту:

От 11 до 12 – 1

12 - 13 – 17

13 - 14 – 16

14 - 15 – 24

15 - 16 – 18

16 - 17 – 16

17 - 18 – 10

18 и более – 12

[Всего] – 114

г) по вероисповеданиям:

Православных – 109

Старообрядцев – 5

[Всего] – 114»

«Отчет о деятельности городского ремесленного училища имени В.А. Морозовой за 1905 г.[91]

В училище обучение бесплатное, кроме того, имеется общежитие на 14 беднейших учеников. Вместе с пансионерами пользуются обедами около 100 человек приходящих. Обед из 2 блюд.

[…] Кроме упомянутого общежития при училище Морозовой на ее личные средства открыт приют на 10 учащихся в наемной квартире в

соседнем с училищем доме Богомолова. Первоначальное обзаведение приюта обошлось около 300 руб., а содержание – свыше 100 руб. в месяц.

Пансионеры кроме обеда получают ужин, состоящий из тех же блюд, что и обед, помимо этого 2 раза в день чай с белым хлебом.

[В 1905 г. число учеников составляло 127 человек.]

Отдельного помещения для амбулатории при училище нет, заболевших отправляют в ближайшую больницу. В 1905 г. заболевших было 167 человек. Из них, например, головная боль – 36, зубная боль – 12, болезни горла и кашель – 21, болезни желудка – 5, поранение и ушибы – 28, опухоли и сыпь – 18, грудная боль – 7, глазные болезни – 4, заразных – 3 (дифтерит)».

Из проекта Устава[92]:

«Училище состоит из 2 отделений: слесарного и столярного. Преподаются предметы: Закон Божий, русский язык, отечественная история и география, арифметика и счетоводство, геометрия, физика, механика, технология дерева и металлов, черчение, рисование, столярное и слесарное мастерство.

Пожизненной попечительницей и председательницей Попечительного Совета состоит В.А. Морозова».

«Прием в училище 1 раз в год, в августе, на конкурсной основе, к испытанию допускаются все, представившие удостоверение об окончании курса начальных училищ, в возрасте от 12 до 14 лет, проживающие в Москве. Испытания – письменное и устное по русскому языку и арифметике; дети проходят медицинский осмотр. Прием ограничен – число учащихся в 1-м классе не превышает 40 человек. [Однако учились и 20-летние парни, и старше.]»[93]

«Отчет о деятельности городского ремесленного училища имени В.А. Морозовой за 1906 г.[94]

Учебный план предметов, преподаваемых в училище:

I класс

Закон Божий (1)[95], русский язык (5), география (1), история (1), арифметика (2), геометрия (2), черчение (4), рисование (2), чистописание (2), мастерские слесарные (27 1/2), мастерские столярные (27)

II класс

Закон Божий (1), руский язык (4), география (1), арифметика (1), алгебра (2), геометрия (1) черчение (4), рисование (2), чистописание (1), мастерская слесарная (28), мастерская столярная (28)

III класс

Закон Божий (1), алгебра (3), геометрия (3), физика (2), электротехника (1), механика (4), черчение (7), технология (2), мастерские слесарные (28), мастерские столярные [пропуск в тексте]

IV класс

Закон Божий (1), алгебра (1), геометрия (1), физика (1), электротехника (1), механика (3), черчение (7), технология (2), слесарные мастерские (30), столярные мастерские (30)

V класс

Электротехника (1 – электрическая сеть. Осветительная техника. Станция. Переменный ток. Трамвай [приведен, здесь и далее, как пример изучаемых в этот час тем]); технология (1 – основания и фундаменты. Стены. Леса и подмостки. Карнизы. Своды и арки. Полы и потолки. Крыши и лестницы. Отопление и вентиляция. О нивелире и инструментах); бухгалтерия (1 – понятие о торговле. Торговые документы. Отчетность мастерских. Инвентарь. Составление отчетов и смет по изготовлению изделий); черчение (6 – черчение целых зданий и их частей и целых машин с натуры, с подробной деталировкой. Калька и рельефные чертежи. Чертежи обработки и формовки моделей); мастерские слесарные (35 – нарезка винтов и метчиков. Сборка по чертежам машин); мастерские столярные (35 – полный комплект моделей для формования какой-либо сложной машины по чертежу (сверлильной, самоточки, паровой машины и др.).

Пример программы преподавания Закона Божия (1907 г.):

Закон Божий: по 1 уроку в I–IVклассах[96]

I–II классы: объяснение Святого Евангелия

а) евангельские чтения на всенощных бдениях в воскресные дни и на литургиях в двунадесятые праздники;

б) евангельские чтения на литургиях в воскресные дни, за исключением притч и чудес, и молебны общие;

в) притчи Христовы;

г) чудеса Христовы.

III–IV классы: объяснение богослужений Православной Церкви, сколько возможно совместно с чтением Евангелия

а) храм и его принадлежности;

б) всенощное бдение;

в) литургия;

г) обряды при таинствах;

д) молебные пения, погребение и дни поминовения усопших;

е) некоторые особенности богослужения Великопостных и двунадесятых праздников.

В 1909 г. керосиновое освещение в училище было заменено на электрическое (при училище была устроена своя электростанция).[97]

Утверждено училище было в 1877 г., в 1902 г. перешло в ведение Городской Управы.

В 1910 г. в училище, к сожалению, так и не было ни своего врача, ни амбулатории. Как было отмечено в отчете по училищу за этот год «организация врачебной помощи оставляет желать очень многого»[98].

В 1911 г. в училище обучалось уже 190 учеников.[99]

«Дело об устройстве биологической очистки и устройстве водостока в Морозовском ремесленном училище[100]

1908 г.

В.А. Морозовой было предложено несколько проектов на выбор: инженера Гуревича, Германа Гиршфельда, Товарищества инженеров Н.П.

Зимина и К^{0} под фирмой «Нептун», братьев Н. и А. Потураевых.

«Доклад № 261 (выдержки)[101]

Московской Городской Управы

23 сентября 1908 г.

[…]

1. По ремесленному училищу им. В.А. Морозовой попечительницей училища возбужден был вопрос об устройстве при училище биологической станции, которая дала бы возможность осуществить полную канализацию учреждения, при очень небольших затратах на удаление нечистот из училища.

Вопрос этот возник ввиду того, что расходы по вывозу нечистот и отводу чистых вод из училища ежегодно возрастали и в настоящее время должны были возрасти до 4300 р. в год, в том числе на удаление конденсационных вод от двигателя, удаление вод из прачечных, раковин и ванн – до 2000 руб.

Устройство биологической очистки, как выяснилось из представленных разными фирмами смет, обошлось бы слишком дорого, между тем сократить расход по очистке в Морозовском училище представлялось крайне необходимым и неотложным, почему Городская Управа остановилась на другой комбинации – устроить пока в Морозовском училище водосток, стоимость которого инженером [С.С.] Егоровым была определена в 3575 руб. Устройство водостока сократит расходы по очистке в Морозовском училище на 2000 руб. в год, так что расходы по устройству окупятся меньше, чем в 2 года.

Ввиду этого Городская управа поручила инженеру Егорову немедленно же произвести эти работы, но с таким расчетом, чтобы во всякое время в училище можно было устроить биологическую очистку всех сточных жидкостей без перекачки и переделки уличной ветки. Как сказано выше, эта работа должна вызвать расход до 3575 руб.

Городской Голова Н. Гучков

Товарищ Городского Головы В. Брянский

Члены Управы (9 человек)»

2 Рогожское женское начальное училище

Помимо мужского училища на Покровке, благодаря В.А. Морозовой, в Москве появилось и женское (2-е Рогожское женское училище)[102]:

«1 декабря 1897 г. В.А. Морозова письмом на имя Городского Головы заявила о желании своем пожертвовать сумму в 10 000 р. "с тем, чтобы она послужила основанием для постройки здания 2-го Рогожского женского начального училища, чтобы оно имело всегда удобное помещение". Городская дума в заседании 12 того же декабря постановила принять это пожертвование и поручила городской управе представить доклад о способе осуществления постройки.

При рассмотрении этого вопроса городская управа убедилась, что постройка небольшого дома для одного 2-го Рогожского женского училища, хотя бы и на 250 учащихся, т. е. для наибольшего числа по ныне существующим нормам, обойдется слишком дорого, и потому нашла более целесообразным проектировать постройку такого здания, в котором можно было бы поместить не только это училище, но еще какое-либо из существующих или вновь открываемых мужских училищ. Не встретив препятствий со стороны жертвовательницы, городская управа представила свой доклад думе. Дума на заседании 16 мая 1900 г. одобрила эти предположения, а впоследствии утвердила отвод для постройки участка городской земли в 685 кв. саж. по Б. Александровской улице за Покровской заставой и ассигновала городские средства на постройку, в дополнение к пожертвованным В.А. Морозовой 10 000 р. и 5414 р. 58 к., собранным в виде платы с учениц за все время существования 2-го Рогожского училища. После принятия этих постановлений, В.А. Морозова 21 марта 1901 г. внесла в городскую управу пожертвованную ею сумму. Вслед за тем, в том же году началась постройка училищного здания для 2 училища, по 6 отделений каждое, а осенью 1903 г. она была окончена, и новое здание открыто для

пользования».

Первая общедоступная читальня в память И.С. Тургенева

В 1885 г. в Москве открылась первая бесплатная библиотека-читальня. Она была выстроена и снабжена всем необходимым на средства Варвары Алексеевны Морозовой.

В книге о городских учреждениях Москвы говорится[103]:

«В 1884 г. В.А., пожертвовавшая в 1883 г. капитал на устройство читальни им. И.С. Тургенева, выразила желание построить на свой счет здание для этой читальни на участке земли, образовавшемся от отрезки части Сретенского бульвара. Стоимость читальни определена в отчете за 1890 г. в 26 300 руб. На основание читальни – 10 000 р., в том числе 5000 – на обзаведение читальни и 5000 в неприкосновенный капитал ее. Заявление о сем было сделано В.А. в сентябре 1883 г. Проценты от неприкосновенного капитала употреблялись на пополнения читальни книгами».

13 сентября 1883 г. В.А. обратилась на имя Городского головы с заявлением пожертвовать Московскому городскому общественному управлению 10000 р. на учреждение читальни в память незадолго перед тем скончавшегося И.С. Тургенева. Читальня должна была давать «возможность пользоваться книгами тем слоям городского населения, которым по состоянию их средств существующие библиотеки недоступны». В состав библиотеки было решено допустить как книги, так и периодические издания; не ограничиваясь народной литературой, а «давая место каждой хорошей книге, дозволенной цензурой». Библиотека предназначалась как для чтения книг в помещении, так и выдачи их на дом. Чтение литературы совершенно бесплатное. По проекту архитектора Д.Н. Чичагова было возведено здание библиотеки (стоимость постройки 26 300 р.); 28 января 1885 года после освящения читальня была открыта. Заведование библиотекой принадлежало городской думе.

Среднее количество посетителей в день – 271 человек. Среди читателей были, в основном, мужчины, доля женщин не составляла более 8%. Зимой

народа приходило больше, чем летом.

[...] В начале своего существования, – в 1885 г., – Тургеневская читальня состояла из 3920 томов книг, не считая периодических изданий. С тех пор книжный инвентарь ее с каждым годом увеличивался и к началу 1904 г., т. е. в течение 19 лет, возрос до 9379 томов, или почти в 2 1/2 раза. По различным отделам каталога книжный инвентарь читальни распределялся следующим образом:

	1885г.		**1893г**.	
Отделы каталога	**Число томов**	**%**	**Число томов**	**%**
Беллетристика	1305	33.5	3075	32.7
История и биография	573	14.6	1018	10.9
Богословие и духовно-нравственные книги	388	9.9	613	6.5
Естествоведение и математика	374	9.5	900	9.6
Детские книги	288	7.3	898	9.6
Сельское хозяйство, промышленность, технология и пр.	249	6.4	619	6.6
Общественные науки	220	5.6	649	6.9
География и этнография	213	5.4	535	5.7
История литературы, педагогика	196	5.0	644	6.9
Философия и психология	52	1.4	95	1.0
Смесь и энциклопедия	52	1.4	333	3.6
Итого	3920	100	9379	100

Среднее число посещений в год

	1887–		1902–	

	1888 гг.		1903 гг.	
Общественные группы	**Абс.**	**%**	**Абс.**	**%**
Учащиеся в средних и низших учебных заведениях	33047	37	29812	31.8
Служащие в частных предприятиях	11740	13.4	22788	24.3
Ремесленники и мастеровые	9395	10.5	17557	18.7
Фабричные рабочие и прислуга	1642	1.8	4137	4.4
Студенты	8262	9.3	1550	1.7
Лица свободных профессий	5785	6.3	718	0.8
Чиновники	1981	2.2	568	0.6
Учителя	2050	2.3	701	0.7
Военные	793	0.9	520	0.5
Духовные	62	0.1	15	0.0
Купцы-промышленники	2422	2.7	2205	2.3
Без определенных занятий	7952	8.9	11797	12.6
Учащиеся женщины	4185	4.7	1475	1.6
Итого	89306	100	93843	100

«Доклад № 98 Комиссии по учреждению читальни имени Тургенева[104]

13 сентября 1883 года Потомственная Почетная Гражданка В.А. Морозова вошла в Московскую Городскую Думу с заявлением следующего содержания:

"Желая почтить память великого писателя имею честь предложить Городской Думе основать в Москве бесплатную читальню имени И.С. Тургенева в ведении Городской Думы, на следующих условиях:

1) Я жертвую пять тысяч рублей на приобретение книг и пять тысяч в фонд для пополнения библиотеки и выписки газет и журналов на проценты, которые он будет приносить.

2) Я принимаю на себя первоначальное обзаведение читальни, на первые пять лет, расходы по ее содержанию.

3) Если бы, по истечении пяти лет, я не нашла возможным продолжать содержание читальни, а город не пожелал бы содержать ее за свой счет, я сохраняю за собою и своими наследниками право распорядиться как книгами, так и капиталом читальни, по усмотрению.

4) Составление устава читальни поручается комиссии в числе членов, определенном Городскою Думою; кроме того в состав комиссии вхожу я и не более трех лиц по моему указанию; устав представляется на утверждение Думы".

Приняв предложение г. Морозовой в заседании 20 сентября 1883 года, Городская Дума постановила: Поручить комиссии в составе, предложенном в заявлении, составить проект устава читальни. В состав комиссии были избраны гласные: В.И. Герье, Д.И. Иловайский, Н.П. Ланин, С.В. Лепешкин, С.А. Муромцев, а также вошли В.А. Морозова и, по ее предложению, заведующий делами Городского Статистического Отдела М.Е. Богданов и профессоры Московского университета А.И. Чупров и И.И. Янжул. Председательницею была избрана В.А. Морозова».

А.П. Чехов о Тургеневской читальне[105]

«Читальня в память Тургенева, как она первоначально именовалась, была учреждена приговором № 47 Московской городской Думы от 11/18 мая 1884 г., однако для читателей она открылась лишь спустя 8 месяцев. За это время по инициативе и на средства В.А. Морозовой в конце Сретенского бульвара по проекту архитектора Д. Чичагова было выстроено специальное здание.

Помещенная ниже зарисовка Чехова характеризует проволочки с открытием читальни, которые отразились и в карикатуре на гласных Думы в журнале "Будильник".

Осколки московской жизни

На конце Сретенского бульвара построено прошлой осенью странное здание кирпичного цвета и с огромными окнами. К чему оно построено, неведомо. Большие темные окна глядят на прохожих уныло, словно

обиженные, дверь заперта наглухо, из труб не струится дымок.

Все это свидетельствует, что странный дом необитаем. Значение его не понятно. Вывесили на нем как-то нечаянно вывеску "Читальня имени И.С. Тургенева" и потом, словно испугавшись чего-то, сняли вывеску и забили дверь доской.

– Извозчик, что такое в этом доме? – спросил я как-то извозчика, проезжая мимо странного дома.

– Надо полагать, портерная... – отвечал извозчик. – А впрочем, кто его знает! Будь это портерная, или кабак, давно бы открыли, а то, вишь, заперта...

Уже через 10 дней после того, как А.П. Чехов поместил свою заметку в "Московском обозрении", состоялось открытие читальни.»

«Вчера, 27 января, состоялось торжественное открытие городской бесплатной читальни, учрежденной в память И.С. Тургенева. [...] Помещение ее не оставляет желать лучшего: высокий светлый зал, обставленный простой, но изящной мебелью, может поместить в себе до 100 человек. Вечером читальня освещается двумя большими газовыми лампами, по образцу той, которая освещает залу Думы. В библиотеке, кроме газет и периодических изданий, имеется до 3000 названий книг. Чтение книг и журналов бесплатное. Это первая русская бесплатная читальня учреждена по примеру библиотек, существующих уже во множестве за границей. Насколько мы успели ознакомиться с составом книг читальни по каталогу, несколько экземпляров которого было роздано присутствующим, читальня имеет в виду самый разнообразный круг читателей. Хотя и наименее образованный класс населения найдет обильный материал для чтения. Отдел книг духовного содержания и популярнейших изданий по разным отраслям знаний довольно богато снабжен, а также отдел технических знаний, в котором много сочинений, полезных для ремесленников и вообще представителей мелкого производства. Выбор книг сделан с надлежащей тщательностью, чему, как мы узнали, много способствовал предварительный просмотр каталога специалистами по разным отраслям знаний и литературы.

[…]

27 января (по старому стилю) помещение ее было освящено, а 28 января распахнулись двери для первых посетителей читальни. На стене были вывешены листы большого формата с напечатанными правилами...»[106]

«Временные правила для чтения в городской читальне, учрежденной в память И.С. Тургенева (выдержки)[107]

1. Читальня открыта в продолжение целого года, как в будни, так в воскресенье и табельные дни, за исключением нового года, воскресенья на Масляной неделе, всей Страстной недели, первых трех дней Светлой недели, последней недели июня месяца и времени с 24 по 27 декабря. В первые три дня Страстной недели читальня открыта от 12 до 2 часов дня только для выдачи книг для чтения на дом.

2. В будни читальня открыта от 9 часов утра до 9 часов вечера, а в дни воскресные и табельные – от 11 часов утра до 6 вечера.

[...]

4. Явившийся в первый раз в читальню сообщает библиотекарю свое звание, имя, отчество, фамилию, род занятий и место жительства и вместе с этим обязывается подчиняться всем правилам читальни».

Как пример социальной новации читальня имени Тургенева была представлена на Всероссийской художественной и промышленной выставке 1896 г.[108]

В 1911 году в газете «Русские ведомости» была опубликована статья «На юбилее Тургеневской читальни»[109]:

«В воскресенье, 2-го января, праздновалось 25-летие существования бесплатной городской библиотеки-читальни имени И.С. Тургенева и вместе открытие новой пристройки к ее зданию.

На торжестве присутствовали городской голова Н.И. Гучков, основательница и попечительница библиотеки В.А. Морозова, член городской управы заведующий училищным отделением Г.А. Пузыревский, попечитель Тургеневской городской читальни А.И. Сумбатов, архитектор

С.Н. Шмидер, другие приглашенные лица и служебный персонал читальни.

После молебствия происходил осмотр новой пристройки, составляющей отделение для научных занятий. Оно расположено в построенном теперь 3-м этаже здания [пристройка состояла из четырех комнат и книгохранилища].

[...] Комнаты украшены портретами деятелей науки и литературы, освещаются электричеством, вполне изолированы от всякого шума и весьма удобны для серьезной работы. Цель этой надстройки – дать возможность учащейся молодежи пользоваться библиотекой читальни для своих занятий. В состоявшемся затем заседании Г.А. Пузыревский прочитал краткий очерк деятельности библиотеки-читальни за 25 лет ее существования.

Тургеневская библиотека-читальня была первым в Москве учреждением, которое дало возможность недостаточному классу населения пользоваться чтением для пополнения полученных в городских и других училищах познаний.

[...] Городская Дума образовала для выработки устава читальни комиссию, состоявшую из пяти гласных; кроме того в состав комиссии вошли указанные жертвовательницей профессора московского университета Чупров и Янжул, Богданов [...].

Расширение Тургеневской библиотеки-читальни новой надстройкой произведено на средства В.А. Морозовой.

[...] Затем попечительница читальни В.А. Морозова обратилась к собранию с речью, в которой поделилась воспоминаниями о некоторых препятствиях, встречавшихся на пути развития созданного ею учреждения. Самое предложение устроить читальню *имени Тургенева* было встречено Думою не совсем единодушно, и даже явилось колебание, открывать ли ее. Но покойный Н.А. Алексеев взял на себя осуществление постройки здания, явившись как бы посредником между жертвователем и Думой. Пришлось только поступиться, по тогдашним условиям, наименованием читальни "Тургеневской" и назвать ее просто городской бесплатной читальней. Затем в

1892 году началось изъятие из читальни книг. В это время случайно приезжал в Москву товарищ министра внутренних дел В.К. Плеве и к просьбам попечительницы похлопотать о допущении изъятых книг в читальню он отнесся довольно безучастно, но узнав, что не допущены сочинения Белинского, он не мог удержаться от выражения удивления и воскликнул: "Но ведь это – почти учебная книга, рекомендуемая в гимназиях!.."»

Желающих более подробно ознакомиться с историей читальни с момента основания и по сей день составители монографии отсылают к книге, выпущенной работниками данной библиотеки, – «История Библиотеки-читальни имени И.С. Тургенева в документах и воспоминаниях». М., 2004.

Публичная библиотека Клинского Уездного земства

В фондах ЦИАМ сохранился документ на организацию Морозовой еще одной библиотеки – уже в Клинском уезде, были ли еще где, установить не удалось.

«Устав Публичной библиотеки Клинского Уездного земства
им. В.А. Морозовой[110]

не ранее 1913 г.

1. Земская публичная библиотека имеет целью доставить читателям возможность пользоваться чтением за самую умеренную цену.

ПРИМЕЧАНИЕ: книгами, журналами и газетами подписчики могут пользоваться и в помещении библиотеки.

2. Устройство и содержание библиотеки принимает на себя Клинское Уездное Земство, на средства, жертвуемые Морозовой.

3. Средства библиотеки состоят из: платы с читателей, ассигнований губернского и уездного земства, пожертвований частных лиц и учреждений и случайных поступлений.

4. Годовая плата за пользование книгами из библиотеки не должна быть выше 3 рублей. Размер платы в этих пределах или бесплатность пользования книгами из библиотеки устанавливает Земское Собрание.

ПРИМЕЧАНИЕ: Совету библиотеки представляется право допускать рассрочку установленной годовой платы, а также освобождать от платы неимущих читателей...

[…] Центральная библиотека разделяется на следующие разряды:

I. Разряды земских изданий

II. Разряды книг (т. е. остальные непериодические издания кроме земских и иностранных)

III. Разряды периодических изданий

IV. Разряды иностранных изданий

V. Разряды дублетов

VI. Разряды дефектов

[В разряд дефектов будут входить разрозненные, случайные и т. п. издания, которые было бы неудобно до времени включать в общий инвентарь.]»

12 ноября 1913 г. на специальном заседании было выпущено постановление библиотечной комиссии о правилах расстановки книг, классификации и инвентаризации поступающих и уже имеющихся изданий.

Всероссийское общество народных университетов

«В сфере народного образования, на поприще *широкой демократизации просвещения,* за самое последнее время в России народилось совершенно новое явление, как Народный университет, как просветительная организация, призванная прежде всего популяризировать научное *общеобразовательное* знание среди взрослого трудового населения страны и всех вообще пасынков культуры» – так писал в 1912 г. в своей монографии «Что дает своим слушателям народный университет?» Б.И. Сыромятников. «[…] Вопрос о том, *что дает своим слушателям Народный университет,* как учреждение, чуждое политике и преследующее исключительно просветительные цели, и в какой мере он способен вообще удовлетворить означенной выше высокой цели духовного возрождения масс, – является одним из важнейших вопросов в деле борьбы с «властью тьмы»

[…] Особенно драгоценно в настоящем случае должно быть для нас мнение самих слушателей Народного университета. Их голос является собственно говоря, решающим в судьбах такого учреждения, каким призван быть Народный университет, эта вольная просветительная организация.

В настоящем случае мы имеем в виду использовать с указанной целью богатый анкетный материал, накопленный в течение нескольких (5) лет Московским обществом народных университетов.

По данным подсчета, более 95 % слушателей принадлежит к фабричным и заводским рабочим, типографам, слесарям, малярам, сапожникам, иконописцам, граверам, огородникам, конторским служащим, столярам и т.п. лицам.

96 % слушателей – лица с низшим образованием, полученным в приходских, сельских, городских, фабричных и т. п. школах. Есть самоучки и вовсе неграмотные. Остальные слушатели в большинстве случаев пасынки средней школы, с цензом 2-3 классов среднеучебного заведения. […] Что касается самих лекций, то они состояли из ряда кратких курсов по естествознанию (химия, жизнь земли, астрономия, геология, происхождение человека) и медицине (гигиена), а также общественным наукам (русская и всеобщая история и литература, о праве и государстве, гражданскому праву, кооперации, истории представительных учреждений на Западе). Большая часть лекций была отведена естествознанию.

«Очень хорошая и полезная для нас, *темных людей,* идея – народный университет», – говорит один типограф, 30 л[ет].

«Лекции рассеивают *народную тьму и невежество*», – говорит другой рабочий, 19 л. «Я могу сказать, что для меня до сих пор было совершенно *неизвестно почти все прочитанное*», – подтверждает чернорабочий, 27 л.

С именем «народного университета» не редко соединяют представление об учреждении образовательном, *учебном* по призванию, на него смотрят как на учреждение «школьного» типа, быть может, с усиленным наклоном в сферу прикладных знаний. А между тем, как ни

трудно убедиться из всего сказанного выше, такой взгляд является глубоко неправильным и самым решительным образом противоречит истинному призванию Народного университета и взгляду на него самой рабочей массы.

[…] В этом смысле можно было сказать, что Народный университет не столько образовывает, сколько *развивает,* не столько обогащает ум массой «знаний», сколько перерождает, морально обновляет все существо человека, воздействуя на него *культурой знания, нравственной* силой просвещения».[111]

В одном из Отчетов о деятельности Народных университетов говорилось[112]:

«Народный Университет это – один из ярких признаков нашего времени. Современное движение, пробудившее русский народ к самостоятельной общественно-политической жизни, привело вместе с тем к возрождению у нас идеи широкой популяризации научных знаний, демократизации просвещения среди масс населения. На этой почве и получило свое зачатие и дельнейшее развитие то движение "народных университетов, которое представляет одну из самых светлых и характерных черт переживаемого ныне русским обществом исторического момента".

При таких условиях в конце 1905 г. в Петербурге среди членов Общества гражданских инженеров, которым приходилось близко соприкасаться с рабочим населением северной столицы, возникла мысль об учреждении "Всероссийского Общества Народных Университетов". В самом начале февраля 1906 г., в то время, когда "временная комиссия" учредителей проектированного общества вырабатывала в Петербурге устав будущей организации, в Москву приехал проф. Д.А. Дриль, в качестве председателя вышеназванной комиссии, с целью возбуждения вопроса об образовании здесь московского отдела Всероссийского Общества Народных Университетов. Проф. Дриль обратился с соответствующим предложением к целому ряду лиц, главным образом, профессорам и приват-доцентам Московского Университета, а также и к некоторым известным общественным деятелям г. Москвы. В ближайший же срок под знаменем

идеи народного университета собралась группа лиц горячо сочувствовавших названной просветительной задаче, так что уже в первых числах февраля в Москве образовалось "временное бюро" по организации местного народного университета».

В состав этого учредительного бюро вошли 36 человек, среди них – кн. В.М. Голицын, проф. Н.Д. Зелинский, проф. И.А. Каблуков, проф. Н.А. Каблуков, проф. М.Н. Кулагин, проф. А.А. Мануилов, **В.А. Морозова**, проф. В.К. Рот, проф. кн. Е.Н. Трубецкой, проф. В.Д. Шервинский.

«Учредительное собрание признало прежде всего желательным организовать в Москве местный автономный отдел В.О.Н.У. Бюро постановило приступить в весеннем же семестре 1906 г. к организации, пока в виде опыта, ряда небольших общедоступных курсов, от 3-х до 6-ти часовых лекций каждый. При этом было решено, что "прежде всего должно обслуживать рабочий, в широком смысле этого слова, слой населения, не отказываясь, однако от устройства лекций и для более подготовленной публики". Что касается самого характера лекций, то бюро: 1) "единогласно постановило, чтобы курсы и лекции отнюдь не были партийными" и 2) "ввиду особенности переживаемого времени" решено было "дать первое место курсам по общественным наукам". По вопросу о самой организации лекций было постановлено положить в ее основу начало платности лекций для слушателей и обязательной оплаты труда лекторов.

[…] 13 марта 1906 г. состоялось первое заседание Временного Комитета, на котором были произведены выборы должностных лиц и избраны члены и руководители комиссий: лекционно-организационной, медицинской, юридической, экономической, физико-химической, биологической, литературной, математической, философской, по искусствам. На первую комиссию был возложен весь труд по организации лекций и заведыванию ими. Чтение лекций началось 11 марта в помещении Политехнического музея.

[...] Одновременно с организацией лекций Временный Комитет был

занят обсуждением проекта устава Общества, каковой и был им принят в заседании 8 апреля 1906 г.

Девятого июня 1906 г. состоялась регистрация Общества в Особом городском по делам об обществах присутствии и Временный Комитет, считая свою роль законченной, в ближайшем же осеннем собрании 23 августа 1906 г. постановил созвать 10-го сентября первое общее собрание Московского Общества Народных Университетов. В последнем заседании Временного Комитета, состоявшемся 8 сентября, собрание заслушало заявление **В.А. Морозовой** о пожертвовании с ее стороны 1000 руб. на усиление средств нового общества. [На собрании 10 сентября 1906 г. состоялись выборы членов Правления. Избранными оказались: В.Д. Шервинский, Н.М. Кулагин, А.А. Мануилов, В.А. Морозова, Г.Б. Иоллос, А.Н. Реформатский, кн. Е.Н. Трубецкой, В.Б. Струве и еще 12 человек.]

[…] Основываясь на данных первого опыта по организации общедоступных чтений, Правление Общества приступило с осени 1906 г. к устройству систематических лекций по юридическому, литературному, естественному, медицинскому и экономическому отделам, а также по истории искусств. По каждому из названных отделов были выработаны специальные программы последовательных чтений, при составлении которых Комиссии отделов преследовали двоякую цель: 1) чтобы полный цикл чтений по каждому отделу, в среднем, не превышал 40-50 двухчасовых лекций, так как иначе стоимость абонементного билета на целый курс (отдел) могла бы оказаться недоступной для широких кругов населения; 2) чтобы по характеру своему лекции были приспособлены для лиц с низшим и вообще недостаточным образованием.

[…] Помимо чтения лекций на естественном отделении для слушателей Народного Университета были организованы, в воскресные дни, по особой программе практические занятия по ботанике и зоологии. Занятия эти вызвали большой интерес со стороны аудитории и служили в то же время ярким показателем серьезности запросов к знанию со стороны слушателей

Народного Университета. На постановку демонстративной части лекций естественного отдела В.А. Морозовой было пожертвовано Обществу 1000 рублей.

[…] Наряду с деятельностью "Народного Университета" при обществе образовались еще три автономные секции: секция музыкальная, или Народная Консерватория, секция народной средней школы и секция воскресных чтений для учащихся старших классов среднеучебных заведений. В.А. Морозова пожертвовала на Народную Консерваторию 275 рублей. В течение отчетного периода поступили пожертвования и от редакции "Русских Ведомостей" в размере 3000 рублей».

В 1909–1910 гг. среди прочих благодарителей была и В.А. Морозова, которая внесла на нужды Секции средней школы и Народного Университета 1500 руб. Она продолжала входить в Правление и являлась, вместе с этим, действительным членом Общества, наряду с Маргаритой Кирилловной Морозовой.[113]

В 1911–1912 гг. В.А. Морозова оставалась членом Правления Общества. По примеру прошлых лет при Правлении продолжали функционировать: лекторские комиссии – юридическая, литературная, медицинская, естественно-историческая; хозяйственная – под председательством В.А. Морозовой; районная комиссия. В течение отчетного года в пользу Народного Университета поступил ряд пожертвований, среди них – от В.А. Морозовой – 448 руб. 50 коп.[114]

В 1912–1913 гг. Театрально-Художественной Комиссии удалось, помимо вечеров в Политехническом Музее, поставить еще целый ряд аналогичных вечеров в некоторых из районных аудиторий. С целью усиления средств Общества Комиссия устроила также концерт, состоявшийся в доме В.А. Морозовой, любезно предоставившей Обществу свое помещение.[115]

В 1914–1915 гг. В.А. Морозова продолжала членство в Правлении Московского Общества Народных Университетов.[116]

Народный университет им. А.Л. Шанявского

Большим событием в культурной жизни Москвы стало создание Народного университета, получившего имя его основателя, – А.Л. Шанявского. Из воспоминаний М.В. Сабашникова, лично знавшего супругов Шанявских и бывшего участником подготовительных работ и закладки университета[117]:

«[...] Мне уже приходилось упоминать супругов Шанявских. В их лице молодые Сабашниковы получили от отца своего наследие не менее ценное, чем доставшееся от родителей крепкое здоровье и материальное обеспечение. В делах постоянно приходится совместно принимать ответственные решения, напрягать свою волю, делить плоды трудов, нести последствия своей неосмотрительности, заменять друг друга и заботиться об интересах друг друга. Естественно, что в процессе работы происходит подбор компаньонов, после которого у серьезных людей деловое сотрудничество нередко приводит с течением времени к испытанной дружбе. Так оно случилось между Василием Никитичем и супругами Шанявскими. Со смертью отца Шанявские перенесли свое дружеское участие на его детей. В свою очередь и сабашниковская молодежь по мере возможности отвечала Шанявским тем же.

Лидия Алексеевна [Шанявская] любила вспоминать, как Василий Никитич первый раз пригласил ее остановиться у него в доме. Раз как-то в один из приездов ее из Сибири Василий Никитич посетил ее в номере гостиницы «Столица» на Арбате. Удрученный неудобством помещения, Василий Никитич настоял, чтобы Лидия Алексеевна переехала к нему. Так и повелось затем, что Лидия Алексеевна при приездах своих в Москву стала останавливаться у нас в доме. «Василий Никитич, — говорила она, — умел оказывать одолжения так, что можно было подумать, что не он делает любезность, а ему она делается».

Как я уже описывал, в день смерти Василия Никитича Лидия Алексеевна была в нашем доме. Впоследствии, когда она захворала в один из приездов и ей потребовалась операция в верхней челюсти, то

профессор Склифосовский оперировал ее у нас.

В описываемый мной сейчас период 80-х годов Шанявские вели очень деятельную жизнь. Постоянные разъезды — в Сибирь, в Японию и вокруг света не мешали супругам принимать самое деятельное участие в долголетней, ведшейся тогда борьбе за высшую школу для женщин. Можно сказать, что Лидия Алексеевна была едва ли не ведущей силой в этом движении, которое относится к светлым страницам истории русского просвещения. В это движение полная энтузиазма Лидия Алексеевна втянула и сестер моих, принявших в нем деятельное участие. У нас на Арбате неоднократно собирались совещания по этим делам, на которые приезжали петербургские деятели, а из москвичей, помнится, участвовали В.А. Морозова, А.И. Чупров, М.М. Ковалевский, — всех не припомню.

Мне сдается, что на этой почве у сестер и завязались знакомства с рядом научных и общественных деятелей, посещавших нас.

В лето 1905 года жизнь приняла трагический оборот и у Шанявских. Альфонс Леонович уже давно серьезно страдал аневризмом аорты. Постепенно от ее пульсаций произошло прободение грудной клетки, и аорта выпятилась наружу. Продолжать жить можно было только с соблюдением величайших предосторожностей. Малейшего кашля, случайного усилия или быстрого движения, волнения или испуга было достаточно, чтобы произошел разрыв аорты и мгновенная смерть.

Лидия Алексеевна окружила страдальца уходом, какой только могли предписать врачи. Никто к Альфонсу Леоновичу не входил, кроме самой Лидии Алексеевны и Эмилии Робертовны Лауперт, из преданности к больному сочетавшей свою работу чтицы с обязанностями сиделки. Звонок у парадного был снят. Мостовая перед домом устлана соломой, чтобы смягчить грохот проезжавших экипажей. Приходящие по делам принимались Лидией Алексеевной, которая в случае необходимости излагала затем Альфонсу Леоновичу дела, требовавшие его решения, выбрав для этого время и после соответствующего приготовления.

Живя отшельниками, в постоянном присутствии подстерегавшей Альфонса Леоновича смерти, супруги решили использовать последнее оставшееся у них время для предсмертных распоряжений. Пригласив меня к себе, Лидия Алексеевна сообщила, что, по соглашению с ней, Альфонс Леонович хочет отдать все свое состояние на устройство в Москве вольного университета. Высшее образование для женщин в России получило признание, пояснила она. Теперь надо добиваться не особых высших учебных заведений специально для женщин, а права женщин поступать в высшие учебные заведения наравне с мужчинами. Таким образом, поборники женского высшего образования, всю жизнь за него ратовавшие, совершенно последовательно, в сознании достигнутых успехов, ставили новые задачи. Их новый университет должен был быть открыт для лиц обоего пола, для всех желающих и могущих воспринять высшее образование, независимо от прохождения средней школы, наличия диплома, от знания, наконец, пресловутых классических языков.

Лидия Алексеевна просила меня совместно с Владимиром Карловичем Ротом обдумать и разработать пути к скорейшему осуществлению этого дела. Я подал мысль, что в создавшихся условиях лучше всего опереться на какое-нибудь уже существующее учреждение и принести ему дар на определенных условиях, с тем чтобы оно уже выхлопотало у правительства разрешение и организовало университет. Мне казалось самым подходящим передать немедленно ассигнованные Альфонсом Леоновичем на университет средства Московской городской думе. В то время она стояла впереди в общественном движении.

Я просил разрешения обсудить дело с братом Сережей и Н.В. Сперанским и находившимся в то время за границей А.И. Чупровым. В горячем сочувствии его новому начинанию я не сомневался. Привлечение его к этому делу должно было содействовать успешному осуществлению замысла Шанявских, по тому времени поистине грандиозного. Одобрив мои соображения, Лидия Алексеевна просила меня написать также М.М.

Ковалевскому, в те годы устроившему в Париже с большим успехом Русскую высшую школу.

Перейдя затем с Новинского бульвара в Серебряный переулок, я рассказал Сереже и неотлучно при нем находившемуся Н.В. Сперанскому про предложение Шанявских. Оно было встречено с величайшим сочувствием.

У постелей двух обреченных страдальцев любовно и деловито разрабатывалась организация просветительного предприятия, которое должно было осуществиться уже после них, но правильному направлению которого они оба отдавали свои умственные силы. Я был связующим звеном, участвуя в обсуждении дела на Новинском бульваре с самими Шанявскими и в Серебряном переулке — с их советниками.

Ответы А.И. Чупрова и М.М. Ковалевского не заставили себя долго ждать. М.М. Ковалевский предлагал создать не университет, а Высшую школу общественных наук. Развивая в письме к Александру Ивановичу свои доводы в пользу такого решения, он выдвигал и соображения материального свойства. Преподавание общественных наук не требует дорогостоящих лабораторий, без которых нельзя сколько-нибудь серьезно поставить занятия по естественным наукам.

Однако Шанявские как истинные шестидесятники именно естественные науки ставили в основу своего плана. Да и мы, их сотрудники, признавая справедливость соображений М.М. Ковалевского и оценивая громадную потребность в школе общественных наук, особенно при ожидавшемся введении у нас народного представительства, все же решительно стояли за основательную в первую очередь постановку естественных наук. Притом мы были совершенно уверены, что правительство к высшей школе общественных наук отнесется с сугубой подозрительностью и ни в коем случае ее не разрешит.

Ко времени отъезда Сережи с Николаем Васильевичем в Берлин основные черты задуманного Шанявским университета и план действий к его осуществлению были намечены.

В августе приехал в Москву М.М. Ковалевский. После всестороннего обсуждения с ним предложений Альфонса Леоновича Лидия Алексеевна просила меня устроить совещание из руководящих гласных Московской городской думы и некоторых общественных деятелей, с тем чтобы затем уже обратиться в Думу с официальным заявлением о пожертвовании на устройство университета. Это совещание состоялось у меня на квартире. В нем приняли участие гласные Думы В.К. Рот, С.А. Муромцев, Н.М. Перепелкин, Н.И. Гучков, М.Я. Герценштейн, а из прочих общественных деятелей М.М. Ковалевский, князь С.Н. Трубецкой, В.Е. Якушкин, Н.В. Сперанский и я. Лидия Алексеевна приехала заблаговременно.

Она страдала глазами и не могла сидеть за общим столом при ярком электрическом освещении. Я устроил ее в соседнем кабинете, в котором зажег лишь две свечки под зеленым матерчатым абажуром.

Гости по мере прибытия заходили к ней в полутемный кабинет поздороваться и переговорить лично об интересующем ее деле, а затем размещались в большой комнате за столом, покрытым оливковым сукном, специально купленным по настоящему случаю Софией Яковлевной. На столе в вазочках были разложены фрукты, печенье и конфеты. Когда все оказались в сборе и разместились вокруг стола, Аксюша, наша горничная, разнесла чай.

Обсуждение проходило в самых сочувственных новому начинанию тонах. Наибольшие затруднения вызывал выдвинутый, помнится мне, Н.М. Перепелкиным вопрос о взаимоотношениях между университетом и городом. В общем предложения Шанявских были приняты и поддержаны всеми собравшимися. Городской голова князь В.М. Голицын не был на совещании, но В.К. Рот переговорил с ним по просьбе Лидии Алексеевны отдельно и заручился полным его сочувствием. Можно было давать делу официальный ход!

15 сентября Альфонс Леонович подписал заявление в Московскую городскую думу с просьбой принять от него «для почина» в дар дом на

Арбате «для устройства и содержания в нем или из доходов с него Народного университета». Университет в заявлении был назван «народным» по тактическим соображениям, так как боялись словом «вольный» затруднить его разрешение. В отправленном одновременно письме к министру народного просвещения генералу В.Г. Глазову Альфонс Леонович называл проектируемый им университет «вольным».

Итак, делу был дан официальный ход, и 15 сентября 1905 года оно двинулось все ускоряющимися темпами: 20/IX Городская дума передала заявление Альфонса Леоновича на заключение в комиссию.

25/X.05 Дума по докладу комиссии принимает пожертвование и благодарит жертвователя.

26/X.05 Альфонс Леонович составляет духовное завещание, которым все свое имущество завещает в пожизненное пользование Лидии Алексеевне, после смерти которой оно должно поступить на усиление средств университета.

3/XI.05 градоначальник извещает о неимении препятствий к принятию городом пожертвования.

5 ноября Альфонс Леонович выдал Лидии Алексеевне доверенность на заключение от его имени дарственной в пользу Думы на жертвуемый им городу дом.

7 ноября эта дарственная совершилась утром приглашенным на квартиру нотариусом, а вечером Альфонса Леоновича не стало: он скончался от кровоизлияния. Альфонс Леонович умер, сделав решительно все от него зависящее, чтобы обеспечить осуществление задуманного им вольного университета. Умирая, он знал, что начинание его вверено в надежные, опытные, твердые руки Лидии Алексеевны.

Перед кончиной он назначил душеприказчиками своими: профессора В.К. Рота, бухгалтера и доверенного своего И.Я. Волкова и меня. В учрежденную Думой при принятии его пожертвования Комиссию по составлению устава университета Альфонс Леонович назначил: Л.А.

Шанявскую, В.К. Рота, М.М. Ковалевского, С.А. Муромцева, К.А. Тимирязева, В.Е. Якушкина, А.Н. Шереметьевскую, А.Н. Реформатского, Н.В. Сперанского и меня.

Городской думой, в свою очередь, уже после кончины Альфонса Леоновича были избраны в комиссию: А.С. Алексеев, А.С. Вишняков, А.Н. Генерт, М.Я. Герценштейн, князь В.М. Голицын, А.И. Гучков, А.А. Мануйлов, Н.М. Перепелкин, С.В. Пучков и И.К. Спижарный.

Попечительный совет образован был в следующем составе: по назначению Альфонса Леоновича — Л.А. Шанявская, В К. Рот, С.В. Сабашников, М.М. Ковалевский, С.А. Муромцев, К.А. Тимирязев, А.Н. Шереметьевская, А.Н. Реформатский, Н.В. Сперанский и я, а по избранию Городской думы: **В.А. Морозова** (выделено нами. – Прим. сост.), графиня Е.А. Уварова, А.С. Алексеев, А.А. Мануйлов, князья В.М. Голицын и Е.Н. Трубецкой, А.С. Вишняков, Н.М. Перепелкин, С.А. Федоров, Н.М. Кулагин.

На этих людей легла ответственность за открытие в Москве вольного университета. Это им удалось. Справедливость требует отметить выдающуюся роль Лидии Алексеевны в борьбе за разрешение университета и исключительную помощь, оказанную делу всем русским обществом.

В брошюре Н.В. Сперанского «Возникновение Московского городского Народного университета им. А.Л. Шанявского. Историческая справка» (Москва, Городская типография, 1913) живо рассказано, с какими затруднениями пришлось встретиться при открытии университета.

Добавлю лишь несколько штрихов и личных наблюдений. Альфонс Леонович в своем завещании, предвидя обычную у нас волокиту, отказывал все свое состояние (сверх пожертвованного им еще при жизни арбатского дома) в пожизненное владение Лидии Алексеевны, а по смерти ее университету с одной весьма важной оговоркой: в случае, если университет не будет открыт в трехлетний срок после его заявления, т. е. к 3 октября 1908 года, то средства, им завещаемые, должны поступить Петербургскому

женскому медицинскому институту. И этого трехлетнего срока едва хватило, так как открытие университета состоялось только накануне рокового для начинания Шанявских дня, т. е. 2 октября 1908 года.

В оставленных Лидией Алексеевной бумагах сохранились следы ее неутомимых и настойчивых «демаршей» (как говорили в светском обществе, избегая слова «хлопоты», или, еще хуже, «ходатайства», вносивших представление о личной как бы заинтересованности) перед петербургскими сферами. В действительности большой разницы не было, и так называемое «общее благо» приходилось отстаивать в Петербурге теми же приемами, какими любой предприниматель домогался нужных ему концессий, ссуд, тарифов и пр. Попросту говоря, помимо официального направления дела, надо было его продвигать, обивая пороги. Однако облекалось это «хождение» в весьма благообразные, светские формы. Достаточно приглядеться к пачке писем, билетов, черновиков, памятных записок, визитных карточек, расписок, оставшихся после этой нервной, напряженной, неблагодарной, в сущности, работы!

Министр народного просвещения Шварц собственноручным письмом лицемерно заверяет Лидию Алексеевну, что не имеет никаких «злокозненных» намерений относительно университета имени ее супруга.

Лидия Алексеевна личным своим посещением П.Н. Дурново сумела вырвать у этого столпа правых обещание не выступать в Государственном совете против университета. Так когда-то она добилась от К.П. Победоносцева обещания не являться на заседание, на котором должна была решаться участь Женского медицинского института.

Однако П.Н. Дурново накануне заседания Государственного совета освободил себя от данного им обещания следующим характерным письмом, приводимым мною дословно:

Милостивая государыня,

Лидия Алексеевна!

Несколько дней тому назад Вам угодно было посетить меня, и во

время нашей беседы о Народном университете я сказал Вам, что не буду говорить в заседании Государственного совета по этому делу. Очень сожалею, что мне приходится в настоящее время изменить свое первоначальное предположение, и я считаю себя обязанным сообщить Вам, что завтра намерен представить Государственному совету свои соображения по интересующему Вас делу, — соображения мои склоняются к тому, чтобы проект был отвергнут. Пожалуйста, не посетуйте на меня за такое мое намерение и благоволите принять уверения в моем совершенном почтении и преданности.

П. Дурново

Собственно говоря, это письмо не требовало ответа. Но не в интересах университета было оставлять впечатление разрыва отношений, и сохранился собственноручный черновик ответа Лидии Алексеевны:

Только что вернувшись от всенощной, получила Ваше письмо — очень мне прискорбно Ваше решение, но каждый человек поступает по своему убеждению, и мне остается Вас поблагодарить за Ваше рыцарское предупреждение: "Иду на Вы с войной".

С глубоким уважением и совершенной преданностью.

Здесь каждое слово взвешено. Упоминание о всенощной должно было показать, что задуман университет не безбожниками какими-нибудь, а признание «рыцарства» имело цель, насколько возможно, смягчить остроту предстоявшего выступления против университета.

Хлопоты Лидии Алексеевны в Петербурге увенчались успехом. Положение о Московском городском Народном университете имени А.Л. Шанявского благополучно прошло и Государственную думу и Государственный совет.

Положение об университете получило силу закона 26 июня 1908 года, когда собственною его императорского величества рукою написано было: «Быть по сему».

Даже после этого Шварц еще раз затормозил было дело, не признав

ранее избранный (13 июня 1906 года) попечительный совет с его председателем, несмотря на то, что выборы в свое время не были опротестованы градоначальником. Но в данном случае министр народного просвещения уже был бессилен. Дума перебаллотировала своих представителей в попечительный совет; Совет переизбрал профессора В.К. Рота своим председателем, который и был утвержден министром 2 сентября 1908 года.

Оставался ровно месяц на организацию преподавания в университете. Правление (в составе председателя Н.В. Давыдова, А.Н. Реформатского, Н.М. Кулагина, Н.В. Сперанского, В.М. Хвостова и несколько позже П.А. Садырина) сумело с честью справиться с выпавшей на него задачей.

1 октября 1908 года в помещении Городской думы было отслужено, как полагалось в то время, молебствие и состоялся акт открытия университета. Актовую речь произнес профессор П.Г. Виноградов. На следующий день, 2 октября, накануне рокового срока, прочтена была А.Ф. Фортунатовым первая лекция.

За протекшие два с лишком года попечительный совет занят был не одними заботами об уставе университета. Для того чтобы показать объем деятельности совета за это подготовительное время, привожу выдержку из «Русских ведомостей» с отчетами о заседаниях совета. (Заседания происходили несколько раз в здании Городской думы, в большинстве же случаев у меня на квартире, что давало возможность принимать в них участие и больному брату Сереже.)

[…] Последнее заседание **Попечительного совета** Университета Шанявского, на котором сверх членов Совета присутствовали приглашенные в качестве консультантов профессоры П.П. Петров и Я.Я. Никитинский, представляло выдающийся интерес. Предметом обсуждения служила организация проектируемого при университете химического института, на который, кроме общих средств университета, должно пойти сделанное **В.А. Морозовой** пожертвование в 50 000 руб.

Докладчиком явился член Совета, директор практической академии, приват-доцент А.Н. Реформатский. Определяя задачи нового учреждения, докладчик развивал ту мысль, что институт этот не должен ограничиваться одними учебными целями в узком смысле слова. В России давно назрела потребность в лабораториях для вольных работников в области химических вопросов, и на потребность эту не раз указывалось в печати. Одним из самых горячих поборников этой идеи был, между прочим, покойный профессор В.В. Марковников. Подобные учреждения имеют, несомненно, великую важность, во-первых, для развития самой химической науки. Сколько научных мыслей, которые родятся в головах людей, не принадлежащих к составу наших ученых корпораций, остаются втуне по невозможности их разработать. Но еще настоятельнее сказывается потребность в вольных химических лабораториях в прикладной области. Вся мощь западноевропейской экономической культуры основывается на том, что техника и наука вошли там в самый тесный союз друг с другом. А что у нас для этого сделано, если не считать немногих лабораторий при кое-каких крупных заводах и мануфактурах**,** где притом в силу царящей кругом атмосферы тоже не развивается никогда достаточно напряженная научная работа? Более же мелкие предприятия, промышленные и сельскохозяйственные, совершенно лишены возможности научно отвечать на возникающие перед нами практические вопросы.

“А потому, — так заключил докладчик, — в вольном народном университете, от города Москвы, центра России, надо создать такой химический институт, где бы могли найти себе приют не только начинающие изучение химии, но и ученые химики-теоретики и химики-практики. Надо создать институт, куда бы мог прийти всякий желающий работать, куда бы могли обращаться за разрешением своих вопросов с химической их стороны (по водоснабжению, вентиляции, канализации и т. п.) общественные учреждения (города, земства), куда бы мог обратиться русский самоучка-изобретатель и вообще всякий русский гражданин, нуждающийся в

могучем содействии нашей науки”. Вполне присоединяясь к идеям доклада, П.П. Петров и Я.Я. Никитинский дополнили их следующими соображениями. П.П. Петров указал на полную беспомощность кустарей, занятых разными производствами химического характера, и на проистекающее отсюда великое расточение человеческого труда и здоровья.

"Должно же быть, наконец, создано место, — говорил он, — где бы кустарь наш мог чему-нибудь по прикладной химии научиться. Одними книжками и чтениями здесь не поможешь. Тут человеку надо *показать*. Так отведите у себя хоть маленький уголок, где бы пришедшему к вам за советом простому человеку можно было показать то, что его интересует, и одним этим вы сослужите России большую службу". Я.Я. Никитинский, с своей стороны, сказав несколько горячих слов на тему: "Мы бедны, так как мы не знаем сил и ресурсов окружающей природы и не умеем создавать из них богатства", — добавил, что если при институте возникает такое учреждение, куда промышленник-ремесленник пойдет с доверием и охотой за советом, то этим Университет Шанявского сослужит службу не только деревенскому подмосковному люду, но и самому городу Москве, где множество ремесленников нуждается в поддержке со стороны науки. Это свое положение профессор иллюстрировал рядом интересных примеров, заимствованных из собственной практики.

Председатель совета, профессор В.К. Рот, с своей стороны, указал, что все высказанные идеи находятся в строгом соответствии с намерениями обоих жертвователей — А.Л. Шанявского и В.А. Морозовой.

"Я считаю, что в переживаемое нами тяжелое время одной из главных наших задач должно являться привлечение симпатий широких народных масс к науке и просвещению", — так писал в записке, поданной в Думу, А Л. Шанявский. А чем же наука может успешнее привлечь к себе симпатии народных масс, как не помощью, которую она им окажет в труде их ради снискания куска хлеба. [...]

[Вскоре скончался брат автора мемуаров Сергей.]

Для памятника на могиле Сережи мы обратились к скульптору Андрееву, автору Гоголевского памятника на Пречистенском бульваре, а впоследствии памятника Островскому на Театральной площади. Сережино надгробие ему удалось, и все находили барельеф передающим черты брата. Надо при этом сказать, что на таком грубом материале, как серый, крупчатый финляндский гранит, наши великорусские лица, лишенные резких черт, конечно, передаются нелегко. Андреев долго работал над барельефом. Делал он его в гипсе, отливал в бронзе, раньше чем высекать в граните.

Мы с Софией Яковлевной часто бывали в его мастерской. Он приглашал и сестер моих, желая уловить фамильные особенности в наших лицах. Мастерская Андреева находилась в Староконюшенном переулке вблизи Арбата, в обширном владении Орлова, в глубине двора, и к ней вела чуть заметная тропинка. Перед самой мастерской были разбросаны обломки каменных глыб, среди которых высоко росли лопухи. В двух шагах от арбатской пыли и сутолоки это производило освежающее впечатление.

Раз как-то зимой мы проходили, направляясь в мастерскую, этот двор среди сугробов снега. Двое рабочих громадными молотками разбивали наваленные в снежные кучи гипсовые головы, среди которых я признал громадный бюст Льва Николаевича Толстого, незадолго перед тем так понравившийся мне на вечере в память Льва Николаевича в Большом зале Консерватории. Войдя в мастерскую, я сказал художнику, что в снег на разлом, очевидно, по ошибке вынесен и бюст Толстого.

— Да что же мне с ним делать? Ведь такие этюды меня из мастерской выживут!

Я так энергично защищал бюст от уничтожения, что получил его в подарок и на следующий день водворил его у себя на квартире. Все, бывшие у меня, любовались этим эскизным бюстом. Места он действительно занимал много.

Когда Университет Шанявского построил себе собственное здание, я

подарил бюст этот университету. Он был установлен на высоком деревянном постаменте в верхней аудитории, которую и стали называть по бюсту Толстовской. Мне казалось, что бюст таких размеров и такой выразительности будет очень эффектен на воле, где-нибудь, например, в Костинском парке. Я говорил с Андреевым о заказе такого бюста из какого-нибудь материала, выдерживающего влияние погоды, но план установки бюста в Костинском парке не состоялся.

Вскоре затем мне пришлось посещать мастерскую другого московского скульптора — Волнухина. Для вестибюля нового здания Университета Шанявского ему был заказан бюст Альфонса Леоновича. Мне думалось, что в университете надо поставить двойной бюст или выпуклый горельеф обоих супругов Шанявских, соединенных в одной общей композиции. Но уговорить Лидию Алексеевну не представлялось возможным. Заказ был дан Волнухину по ее желанию, так как ей очень нравился его Иван Федоров у Китайской стены. В подобных случаях в суждениях близких людей бывает большая разноголосица относительно сходства.

[...] После настойчивой и долгой борьбы существование Университета Шанявского было юридически обеспечено. Материальных средств для начала дела было достаточно. Университет был открыт и стал энергично развивать свою деятельность.

Наряду с двумя систематическими академическими отделениями (естественным и гуманитарным) были созданы научно-популярные курсы и научно-исследовательские лаборатории. Непрерывно из года в год увеличивалось число кафедр, умножалось число преподавателей и слушателей. Создавались временные специальные курсы. Все это было отражено в печатавшихся университетом планах, программах, отчетах. В дополнение к ним укажу на две изданные нами книги Н.В. Сперанского: «Борьба за школу» (1910) и «Кризис русской школы» (1914), в которых он объединил печатавшиеся им в прессе, преимущественно в газете «Русские ведомости», статьи по вопросам народного просвещения. Они хорошо

рисуют те задачи, которые ставил себе университет, и те препятствия, с которыми ему приходилось сталкиваться.

Деятельность университета так быстро развивалась и разрасталась, что вскоре стала чувствоваться настоятельная потребность в собственном здании для помещения аудиторий, лабораторий, библиотек и прочих учреждений университета. Неутомимая Лидия Алексеевна приступила ввиду этого к реализации собственных своих средств, и весной 1910 года от имени лица, «пожелавшего остаться неизвестным» (так она всегда делала), внесла университету 225 000 руб. — специально на постройку.

Принимая во внимание другие пожертвования, поступившие с этим же назначением, и хороший участок, отведенный городом университету, открывалась возможность возведения значительного здания. Попечительный совет избрал строительную комиссию, которая немедленно же приступила к подготовительным работам. В качестве ее председателя мне пришлось на освящении здания по окончании постройки выступить с речью, в которой я изложил собравшимся историю постройки и дал краткий отчет в произведенных расходах.

Отмечу здесь особо, что в те годы в Москве одновременно открылись четыре высших учебных заведения исключительно на частные средства, а именно: Университет Шанявского, Высшие женские курсы, Коммерческий институт и Педагогические курсы. Тогда же возникли Леденцовское научное общество с миллионным капиталом и сооруженный на частные же пожертвования научный институт на Миусской площади. Частный почин в деле обеспечения высшего образования являл себя в Москве столь же внушительно, как двадцать лет назад, когда им же был создан Клинический городок на Девичьем поле.

21 июля 1911 года в 11 часов утра на Миусской площади была совершена торжественная закладка здания городского Народного университета имени А.Л. Шанявского.

Когда был прочтен текст закладной доски, городской голова Н.И.

Гучков положил первый кирпич, второй кирпич — В.К. Рот, а затем градоначальник, губернатор, попечитель учебного корпуса и другие лица.

Проект сооружаемого здания был составлен профессором А.А. Эйхенвальдом, а главный фасад и отделка здания — по проекту архитектора И.А. Иванова-Шиц. Постройка и оборудование здания должны были обойтись в полмиллиона рублей.

Несколько лет спустя реакционный министр народного просвещения — Кассо, вызвавший в 1911 году своими произвольными действиями небывалый массовый выход из Московского университета виднейших профессоров, не утвердил В.К. Рота председателем попечительного совета, а Н.В. Давыдова попечитель округа не допустил к утверждению в должности председателя правления. В.К. Рот и Н.В. Давыдов в течение ряда лет с самого открытия Университета Шанявского с честью несли эти должности и в них министерством утверждались. Немудрено, что даже московский градоначальник Адрианов, которого никто в либерализме не заподозрит, характеризовал неутверждение В.К. Рота как «акт личной мести» со стороны Кассо, негодовавшего на Рота за его уход из Московского университета вместе с другими протестовавшими профессорами и гневавшегося на Университет Шанявского за приют, предоставленный некоторым из них.

На этот раз никакие хлопоты успеха не имели. Университету Шанявского пришлось избрать других лиц. Председателем попечительного совета был избран бывший московский Городской голова князь В.М. Голицын, а председателем правления — я.

Университет Шанявского в те годы приютил у себя нашего знаменитого физика П.Н. Лебедева, импровизировав для продолжения им его замечательных исследований специальную лабораторию в Мертвом переулке».

«24 июля [1911] в Москве состоялась закладка здания Народного университета Шанявского на Миусской площади. Для сего городом

безвозмездно был уступлен участок земли размером в 5100 кв. саженей. Здание, стоимостью в 500 000 руб., строилось по проекту профессора А.А. Эйхенвальда, фасад же и художественная отделка принадлежали проекту гражданского инженера И.А. Иванова-Шица. Наблюдение за постройкой поручено было архитектору-строителю А.Н. Соколову. Всей постройкой заведовала особая комиссия под председательством М.В. Сабашникова.

С обеих сторон главного здания намечены было две пристройки: с левой стороны для специально оборудованного Химического института имени В.А. Морозовой, пожертвовавшей для сей цели 50 000 руб., и с правой стороны – для Педагогических курсов имени Королевых, так же на особо пожертвованный для сего семьей Андреевых капитал в размере 100 000 руб. Главная аудитория в два света предположена была на 500 человек, затем аудитория В.К. Рота, С.В. Сабашникова, графа Л.Н. Толстого и С.А. Муромцева.»[118]

Далее идут архивные документы[119]:

«Доклад № 278

Комиссии по вопросу о принятии пожертвования на учреждение Народного Университета в гор. Москве по заявлению генерал-майора А.Л. Шанявского о желании принести в дар городу Москве принадлежащий ему дом для устройства и содержания в нем или из доходов с него Народного Университета

30 сентября и 7 октября 1905 г.»

15 сентября 1905 г. генерал-майор А.Л. Шанявский вошел в Московскую Городскую Думу со следующим заявлением:

«В нынешние тяжелые дни нашей общественной жизни признавая, что одним из скорейших способов ее обновления и оздоровления должно служить широкое распространение просвещения и привлечение симпатии народа к науке и знанию, – этим источником добра и силы, – я желал бы, по возможности, оказать содействие скорейшему возникновению учреждения,

удовлетворяющего потребности высшего образования, поэтому прошу Московское Городское Общественное Управление принять от меня, для почина, в дар городу Москве принадлежащее мне в Москве, подробное описанное недвижимое имущество – дом с землей, для устройства и содержания в нем или из доходов с него – Народного Университета на следующих главных основаниях.

1. В Народном Университете читаются предметы по всем отраслям академического знания, причем чтение может вестись не только на русском, но и на других языках…

2. К слушанию лекций в Народном Университете допускаются лица обоего пола не моложе шестнадцати лет, без различия национальностей и вероисповеданий…

3. Состоя в ведении Московского Городского Общественного Управления, Народный Университет должен находиться под непосредственным управлением Попечительного Совета из шестнадцати лиц…

4. Ведению Попечительного Совета принадлежит выбор предметов преподавания, составление общего плана преподавания, открытия факультетов и отделов Народного Университета, приглашение лекторов и профессоров, установление размера и способа вознаграждения преподавателей и платы за слушание курсов.

5. Плата за слушание лекций попредметно или группами должна быть определена в возможно доступном размере, и если последующими пожертвованиями будет образован капитал, проценты с которого вполне обеспечат содержание Народного Университета, вместе с вознаграждением профессоров, то со слушателей и слушательниц не должна взиматься никакая плата за слушание лекций.

[…]

7. Пока идет подготовительная работа по приведению в исполнение всего вышеизложенного, чистый доход с жертвуемого мною имущества

должен накопляться для употребления его на содержание Университета по его открытии…

8. Если бы Московское Городское Общественное Управление нашло полезным в видах расширения Народного университета выгодно продать даримое имущество, с тем, чтобы на вырученную от этой продажи сумму выстроить для Народного университета новое здание на свободной, принадлежащей Московскому Городскому Общественному Управлению земле, то таковую реализацию даримого дома с землей предоставлено совершить Московскому Городскому Общественному Управлению в любое время, но не иначе, как после утверждения устава Народного Университета…

9. В случае принятия от меня вышеозначенного дома на изложенных здесь условиях, поручу вследствие моего нездоровья жене моей заключить формальный о том с Московской Городской Общественной Управой договор.

10. Предлагаемое в дар городу Москве недвижимое имущество, состоящее из земли в 10 689 кв. сажен с домом, Пречистенской части 2 участка, под № 2. Занимая по фасаду на Арбате 52 сажени, дом состоит из 3 корпусов, частью купленных, частью мною выстроенных, с канализацией, водопроводом мытищинской воды и с артезианским колодцем, снабжающим собственной водой все корпуса дома, валовой доход ежегодно достигает до 45 тысяч рублей, долг Московскому Земельному Банку по залогу остается к 1 января 1906 года в 260 291 руб. 92 коп., платеж % и погашения ежегодно требуют 17 850 руб., которые весьма легко могут быть оплачиваемы одним нижним этажом, магазины в котором вместе с ремесленными заведениями дают дохода более 22 000 руб., таким образом второй и третий этажи вполне могут быть обращены в аудитории, без всяких стеснений во владении домом, или же из доходов дома может быть оплачиваем наем необходимых аудиторий в других местах».

[…]

Справка I. Во владении генерал-майора А.Л. Шанявского

Пречистенской части 2 участка, под № 2/2, по улице Арбат, земли состоящей 1099 кв. саж. Стоимость этой земли по оценке Городского кредитного Общества 1903 года определяется в 109 900 руб., считая по 100 руб. за кв. саж.

По городской оценке 24 января 1901 г. чистый доход с построек с этом владении определен в 32 972 руб.»

Была составлена специальная подкомиссия под председательством М.Я. Герценштейна, которая детально осмотрев здание, определила, что данное строение не вполне подходит для размещения в нем Народного Университета. Комиссия, в составе А. Бурышкина, А. Гучкова, Н. Гучкова, М. Герценштейна и др. (всего 13 человек, не считая В. Рота, председателя Комиссии) представила Городской Думе следующее

«Заключение. I. Принять с благодарностью жертвуемое генерал-майором А.Л. Шанявским имущество для устройства и содержания из доходов с него Народного Университета. II. Признать желательным немедленное учреждение особого Общества для усиления средств на создание и расширение Народного Университета, с предоставлением таковому Обществу права избрания из своей среды 2 членов в Попечительный Совет Университета; до учреждения названного Общества открыть при Городской Думе сбор пожертвований на Народный Университет. III. Учредить особую Комиссию для выработки будущей организации и для составления Устава Народного Университета, а равно и Устава Общества для усиления средств на создание Университета, предоставив А.Л. Шанявскому, согласно пункту 6-му его заявления, право избрать своих представителей в эту Комиссию.

Председатель комиссии по вопросу о принятии пожертвования на учреждение Народного Университета В. Рот

Члены комиссии [в составе 13 человек]».

«Доклад № 144

Комиссии для выработки организации и устава Народного Университета и устава Общества для усилении средств этого учреждения»

Выписка из духовного завещания А.Л. Шанявского[120]:

5) по смерти же моей жены Лидии Алексеевны Шанявской все, что было ей предоставлено лишь в пожизненное владение и распоряжение, завещаю я на Народный университет в городе Москве на тех условиях, которые изложены мною в двух заявлениях моих в Московскую Городскую Думу от пятнадцатого сентября и третьего октября сего года о принесении мною городу Москве в дар владения на Арбате, Пречистенской части, под № вторым. Если поставленные в сих заявлениях условия, сопровождавшие дар дома на Арбате будут Московской Думой приняты, тогда имеет право Московская Городская Дума по смерти жены моей Лидии Алексеевны, принять в свое ведение и распоряжение завещаемое мною сим на Народный Университет имущество и должна употребить его согласно решений Попечительного Совета этого университета, как подробно изложено в вышеупомянутых моих заявлениях».

«Список[121] на подлинном Собственного Его Императорского Величества рукою написано:

"БЫТЬ ПО СЕМУ"

В Питкопасе

26 июня 1908 года

Скрепил: Государственный Секретарь Барон *Икскуль*

ОДОБРЕННЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫМ СОВЕТОМ
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМОЙ ЗАКОН
об утверждении положения о московском Городском Народном
Университете им. Альфонса Леоновича Шанявского

I. Разрешить Московскому Городскому Общественному Управлению учредить на средства, пожертвованные городу генерал-майором Шанявским, Народный Университет, присвоив ему наименование «Московский

Городской Народный Университет имени Альфонса Леоновича Шанявского».

II. Утвердить прилагаемое при сем положение о названном университете.

Председатель Государственного Совета (подпись) *М. Акимов*

С подлинным верно:

Статс-секретарь (скр.) Бар. *Дистрело*

Верно: Делопроизводитель *К. Шихоль*

Верно: И. д. правителя канцелярии *В. Юрьев*

Сверял: За Столоначальника *Н. Модестов»*

1 октября 1908 г. состоялось торжественное открытие московского городского Народного университета им. А.Л. Шанявского.[122]

В 1908 г. Попечительный Совет состоял из следующих избранных большинством голосов членов[123]:

«2) гражданка Уварова Екатерина Алексеевна (53 изб. и 6 неизб.)

3) Перепелкин Николай Митрофанович (52 изб. и 7 неизб.)

4) Морозова Варвара Алексеевна (50 изб. и 9 неизб.)

5) князь Трубецкой Евгений Николаевич, доктор государственного права

(50 изб. и 9 неизб.)

6) Алексеев Александр Семенович (46 изб. и 13 неизб.)

8) Мануилов Александр Апполонович, доктор политической экономии

(44 изб. и 15 неизб.)

9) Кулагин Николай Михайлович, доктор зоологии (44 изб. и 15 неизб.)

10) князь Голицын Владимир Михайлович (42 изб. и 7 неизб.)»

(Лист с перечислением имен оборван, поэтому начинается со второй фамилии.)

В 1909, 1912, 1913 гг. В.А. Морозова также входила в Попечительный Совет.

1909 г.[124]:

Университет помещается на Волхонке (там же и канцелярия), 14, в доме Художественного Общества, помещение состояло из 21 комнаты. Слушателей, записавшихся на полные циклы, общественно-юридический и естественно-исторический, было: по первому – 180, по второму – 107. Слушателей, записавшихся на отдельные курсы, по обоим отделениям, – 677.

	Естественно-историческое	Общественно-юридическое
Муж.	62,7%	69,8%
Жен.	37,3%	30,2%

1910 г.[125]:

1) М.В. Сабашников жертвует на Университет 10 000 руб.

2) Лицо, пожелавшее остаться неизвестным, пожертвовало 225 000 на постройку здания Университета. (Этим "лицом" была Лидия Алексеевна Шанявская.)

Советом решено было «немедленно приступить к подготовительным работам по постройке зданий для Университета за счет специальных на этот предмет пожертвований, имеющихся в настоящее время в сумме около 300 000 руб.».

Постановлением Думы от 9 ноября 1909 г. Городской Управе было поручено, «по представлении ей Попечительным Советом проектов построек первой очереди, отвести в натуре потребное для них количество земли на участке, выделенном на Миусской площади для зданий Городского Университета».

Пожертвования в Университет на 1910 г.[126]:

1. «От лиц, пожелавших остаться неизвестными, на постройку в проектируемых зданиях Университета аудитории им. Л.Н. Толстого 10 000 руб. и аудитории им. С.А. Муромцева – 5000 руб.

2. Через Пешкову В.Т. от умершей Анны Александровны Цветаевой на нужды Университета – 1000 руб.

3. На нужды библиотеки от 3-х лиц, пожелавших остаться неизвестными – 1980 руб.

[…]

5. Через «Русские Ведомости» – 13 руб.

6. От Михаила Николаевича Прокоповича книгами на номинальную сумму в 10 000 руб. с тем, чтобы вырученные от их реализации суммы шли на образование в Университете стипендиального капитала имени матери жертвователя Александры Федоровны Прокопович.

7. От В[еры] В[алентиновны] Амфитеатровой – портрет ее отца, протоиерея Валентина Николаевича Амфитеатрова [очень почитаемого в Москве и за ее пределами], в раме для помещения, согласно условиям дарения ею библиотеки Валентина Николаевича Университету, в одной из библиотечных зал.

[…]

9. От П.П. Викторова, Директора психиатрической лечебницы Могилевского Губернского Земства, библиотеки из книг исторического, философского, педагогического и естественно-научного содержания в 3000 томов».

В 1911 г. от Потомственной Почетной Гражданки Наталии Михайловны Андреевой по ее духовному завещанию было пожертвовано 100 000 руб. – на устройство постоянных педагогических курсов имени М.Л. и Т.А. Королевых при Университете. Курсы должны составлять часть Университета. 60 000 было решено (согласно завещанию) употребить на постройку, остальные средства – на содержание курсов. Курсы, находясь в составе Университета, должны представлять собой особое учреждение с особой программой и особым составом слушателей.[127]

В январе 1912 г. Университетом были приняты пожертвования на нужды лаборатории Н.Д. Зелинского по органической химии. Через В.А. Морозову – 2000 руб. и от А.Д. Шлезингера – 500 руб.[128]

В декабре 1911 г. и феврале 1912 г. обсуждался вопрос об увековечивании в Университете памяти князя С.Н. Трубецкого. Было решено: 1) учредить в Университете аудиторию им. С.Н. Трубецкого,

ассигновав на устройство таковой 5000 руб. (внести в смету 1913 г.); 2) учредить при Московской городской Думе премию им. Князя С.Н. Трубецкого в 900 руб. за лучшее сочинение по философии и истории философии для лиц, работающих в городском Народном Университете.[129]

В 1911–1912 гг. Университет располагался еще на Волхонке, дом Художественного общества, № 14.[130]

В 1913–1914 гг. адрес Университета – Миусская площадь, 3-я Миусская улица.[131]

Переписка с Московской Городской Думой и Управой о пожертвовании разными лицами денежных сумм, книг для Университета и передаче в заведование дома на Арбате, пожертвованным А.Л. Шанявским для Университета

«В Московскую Городскую Думу[132]

12 марта 1909 г.

Вера Валентиновна Амфитеатрова предложила в дар Московскому Городскому Народному Университету имени А.Л. Шанявского завещанную ей ее покойным отцом протоиереем Валентином Николаевичем Амфитеатровым ценную библиотеку до 14 000 томов, состоящих главным образом из сочинений на русском и французском языках – по истории церкви, по русской и всеобщей истории, по философии и по другим смежным с этими науками. Свой дар Вера Валентиновна Амфитеатрова обусловливает тем, чтобы тому отделению библиотеки, где будут находиться пожертвованные ею книги, присвоено было название: «Отделение имени Валентина Николаевича Амфитеатрова» и чтобы в одной из комнат этого отделения был помещен портрет отца.

Изготовление этого портрета и составление карточного каталога жертвуемой ею библиотеки Вера Валентиновна принимает на себя.

Попечительный Совет Городского Народного Университета, рассмотрев настоящее предложение на своем заседании 3 марта, постановил на основании § Положения Университета принять предлагаемый ценный дар

и изъявить свое полное согласие на те условия, которые поставлены жертвовательницей.»

«12 марта 1909 г.

В Московскую Городскую Управу

Из Попечительного Совета

Московского Городского Народного

Университета[133]

В ответ на предложение Городской Управы за № ... от февраля с/г попечительный Совет Московского Городского Народного Университета им. А.Л. Шанявского считает долгом сообщить следующее:

1) Управление домом, находящимся на Арбате и пожертвованном А.Л. Шанявским на нужды Университета, Попечительный Совет в силу § 19 Положения Университета желает взять в свое заведование и просит Городскую Управу сообщить когда и каким образом могла бы состояться передача дел Попечительного Совета означенным домом.

2) По отношению денежных капиталов, принадлежащих Университету и находящихся в данное время на хранении в Городской Управе, Попечительный Совет желал бы эти капиталы по-прежнему оставить на хранении в Городской Управе, если Городская Управа будет начислять на них те же проценты, как было до сих пор (5%).»

«4 апреля 1909 г.

В Московскую Городскую Управу[134]

Вследствие отношения Члена Управы по третьему отделению за № … считаю долгом разъяснить, что нет никакого противоречия между моим письмом от 29 ноября и сметою доходов и расходов Правления Университета, составленною на первое полугодие 1908–1909 академического года.

На постройку собственного здания Университет пока располагает следующими суммами: 50 тысяч рублей, пожертвованных В.А. Морозовой, и около 49 тысяч рублей арендной платы за дом на Арбате и процентов на

упомянутые суммы, скопившиеся за три года по 1-ое Сентября 1908 г., а всего в размере около 99 тысяч рублей.

Доходы же с 1-го Сентября 1908 г. за аренду Арбатского дома и проценты на капитал, хранящийся в Городской Управе в размере около 98 тысяч руб. Университет предполагает расходовать на текущие свои дела.

Председатель Совета».

«…Попечительский Совет принял (22 мая 1909 г.) книгами пожертвования от следующих лиц[135]:

Михаила Васильевича Сабашникова (90 экз.)

Владимира Михайловича Саблина (191 экз.)

Книгоиздательства «Труд» (45 экз.)

Книгоиздательства «Народное право» (69 экз.)

Инженера-механика Владимира Николаевича Семеньковича (16 экз.)

Профессора Алексея Федоровича Фортунатова (10 экз.)

Г. Гезетти (3 экз.)

Профессора Сергея Андреевича Муромцева (2 экз.)».

«В Правление Московского городского Университета
имени А.Л. Шанявского[136]

После отца моего, покойного профессора Московского Университета Александра Ивановича Чупрова осталась обширная библиотека из книг экономического, статистического, юридического, исторического и философского содержания, которая по его духовному завещанию перешла ко мне. В виду того сочувствия, которое отец мой всегда выказывал к просветительному начинанию А.Л. Шанявского, я желал бы часть этой библиотеки (приблизительно около половины) принести в дар Московскому Городскому Народному Университету. При этом относительно распоряжения даром я согласен предоставить Правлению Университета следующие права:

1) уступать те из пожертвованных мною изданий, которые Правление Университета нашло бы излишними для своей библиотеки (как то дублеты и т. п.) другим аналогичным Городскому Университету просветительным

учреждениям (включая сюда все вольные высшие школы, как Высшие Женские курсы, Педагогическая Академия Лиги Образования и т. п.).

2) Отчуждать пожертвованные мною издания путем обмена или продажи с тем, чтобы в последнем случае вырученные средства обращались непременно на пополнение той же библиотеки.

Доцент С.-Петербургского Политехнического Института Александр Александрович Чупров.

С.-Петербург, Политехнический Институт. 19 апреля 1909 года».

«Переписка с Московским Учебным округом и Московской Городской Управой о выборе места для постройки здания Университета, о поступлении пожертвований и приглашении лиц к чтению лекций с приложением справки о состоянии капиталов Университета на 1/I 1909 г.[137]

Правление
Московского Городского
Народного Университета
им. А.Л. Шанявского
19 января 1909 г.

В Попечительный Совет Московского Городского
Народного Университета им. А.Л. Шанявского

Правление Университета считает долгом сообщить Попечительному Совету, что в кассу Университета с 20 ноября по 15 января поступили следующие пожертвования:

1) 20 ноября 1908 г. от конторы «Русских Ведомостей» – 46 р. 33 к.

2) 2 января 1909 г. то же – 3 р.

3) 10 января 1909 г. от поверенного душеприказчиков умершего инженера-технолога Никанора Петровича Конопатова – Н.П. Петрова и Н.П. Городенского, присяжного поверенного Василия Афанасьевича Калмыкова, на нужды Университета без указания назначения – 500 р.»

«Справка[138]

На 1 января 1909 года состоит по капиталам на Народный Университет им. Шанявского

1) действительных членов Московского железнодорожного клуба наличными – 1618 р. 39 к.

2) С.П. Смирнова – наличными 1075 р. 42 к.

3) В.А. Морозовой – наличными 53 073 р. 32 к.

4) И.Ю. Смоленского: 4% государ. рента 1000 р.

наличных – 77 р. 44 к.

5) На учреждение стипендии им. Чукмалдина: 5% заем г. Москвы 100 р. наличными 102 р. 41 к.

6) Из доходов с дома Шанявского:

доход с дома на 1-е Декабря 1908 г. – 50 351 р.

Всего 109 397 р. 98 к.»

«Отчет Московского Городского Народного Университета

имени А.Л. Шанявского за 1909–1910 академический год. М., 1910[139]

I

1909–1910 академический год является вторым годом существования Университета. Согласно § 9 Высочайше утвержденного положения об Университете управление его делами принадлежит Попечительному Совету и Правлению Университета.

A. Состав Попечительного Совета к началу отчетного года – 1 июля 1909 г. был таков (19 чел.):

a) 8 пожизненных членов: 1) профессор Максим Максимович Ковалевский, 2) профессор Сергей Андреевич Муромцев, 3) приват-доцент Александр Николаевич Реформатский, 4) профессор Владимир Карлович Рот, 5) Михаил Васильевич Сабашников, 6) Николай Васильевич Сперанский, 7) Лидия Алексеевна Шанявская и 8) Анна Николаевна Шереметевская,

b) один член, избранный Попечительским Советом на основании § 16 Положения об Университете, тайный советник Николай Васильевич Давыдов

и

c) 10 лиц, избранных Московскою Городскою Думою: 1)Алексей Семенович Вишняков, 2) князь Владимир Михайлович Голицын, 3) профессор граф Леонид Алексеевич Камаровский, 4) профессор Николай Михайлович Кулагин, 5) профессор Александр Аполлонович Мануилов, 6) **Варвара Алексеевна Морозова** (выделено нами. – Прим. сост.), 7) Николай Митрофанович Перепелкин, 8) профессор князь Евгений Николаевич Трубецкой, 9) графиня Екатерина Алексеевна Уварова и 10) профессор Семен Андреевич Федоров.

В течение отчетного года в личном составе Попечительного Совета произошли следующие перемены:

a) вместо умершего 22 марта 1909 года пожизненного члена Совета С.В. Сабашникова Советом избран (§ 16 Положения) Дмитрий Николаевич Шипов

b) на основании § 14 Положения об Университете из состава Совета по жребию выбыли из избранных Московскою Городскою Думою: 1) А.А. Мануилов, 2) Н.М. Перепелкин и 3) С.А. Федоров; на место них Городскою Думою избраны гласные Думы: 1) Александр Данилович Алферов, 2) профессор Карл Эдуардович Линдеман и вновь переизбран профессор Александр Аполлонович Мануилов.

В течение года К.Э. Линдеман сложил с себя полномочия члена Попечительного Совета, а вместо него Городскою Думою был избран гласный Городской Думы Николай Иванович Астров.

[...] Председателем Попечительного Совета по единогласному его избранию состоял, утвержденный в этой должности согласно § 17 Положения г. Министром Народного Просвещения, профессор В.К. Рот.

Заместителем Председателя Совета (§ 17 Положения) состоял профессор Н.М. Кулагин, секретарем Н.В. Сперанский и зам. Секретаря М.В. Сабашников.

Заседаний Попечительного Совета за отчетный год состоялось 8.

В. Правление Университета состоит: из председателя приват-доцента Николая Васильевича Давыдова и 6-ти членов: Николая Ивановича Астрова, профессора Николая Михайловича Кулагина, приват-доцента Александра Николаевича Реформатского, Павла Александровича Садырина, Николая Васильевича Сперанского и профессора Вениамина Михайловича Хвостова. Казначеем Правления состоит Астров, и секретарем П.А. Садырин.

[...] Заведование помещением Университета на Волхонке осуществлялось непосредственно самим Правлением, а наблюдение за порядком в отведенном Городскою Думою помещении Домниковского училища выполнялось старшим преподавателем этого училища Н.А. Розановым. Те же обязанности в помещении, отведенном городом для научно-популярных курсов, исполнялись преподавательницею 3-го Миусского женского городского училища им. Императора Александра II М.А. Цветковой.

II

Преподавание в Университете в отчетном году было организовано, как и в первый год, по типу высших учебных заведений, как преследующее цели систематического высшего образования и рассчитанное на слушателей с общеобразовательной подготовкой не ниже среднего учебного заведения. Кроме того в отчетном году Университетом был организован ряд научно-популярных курсов в видах изыскания путей, каковыми надлежит идти Университету во исполнение § 3 Положения – привлечения симпатий народа к науке и знанию.

Преподавание в Университете было по сравнению с первым годом значительно расширено: преподавателей и ассистентов в Университете состояло 56; из них: профессоров 9, приват-доцентов 22, преподавателей 8, ассистентов и лаборантов 12, преподавателей научно-популярных курсов 85. Систематических курсов (§ 5 Положения) было открыто 64.

Преподавание в Университете велось по предметной системе, т. е. каждому слушателю предоставлялось право записываться на каждый из

читаемых в Университете предметов или на ряд курсов, выбираемых слушателями по их усмотрению. В видах облегчения слушателям прохождения в надлежащей последовательности всех тех общего и специального характера дисциплин, изучение которых Университет считает существенным для получения серьезного научного образования, Университетом рекомендовалось слушателям проходить преподаваемые в Университете предметы в известной последовательности и систематичности, разделяя их на 3 группы: естественно-историческую, общественно-юридическую и историко-философскую, при этом длительность изучения курсов общеобразовательного характера определялась двумя годами.

В будущем Университет предполагает организовать кроме курсов общеобразовательного характера курсы специальные, носящие тот или иной систематический характер, в целях подготовки слушателей к практической деятельности.

В течение отчетного года разрабатывали вопрос о создании в Университете двух факультетов – естественно-исторического и общественно-философского»

В течение отчетного года были прочтены следующие систематические курсы:

по группе естественно-исторических наук:

по физике, химии, кристаллографии и общей минералогии, описательной минералогии, математике, астрономии, ботанике, физиологии растений, морфологии и систематике растений, зоологии, физиологии животных, геологии, исторической геологии, палеонтологии. Проводились по этим предметам практические занятия. Лекции и занятия проводились приват-доцентом А.Н. Реформатским, профессором Н.Н. Худяковым, профессором Н.М. Кулагиным, приват-доцентом Н.К. Кольцовым и др.

по группам общественно-юридических и историко-философских наук:

по политической экономии, истории хозяйственного быта и экономических учений, статистике, финансам, общей теории права, истории

политических учреждений и учений истории русского государственного права, науке о государственном управлении, истории международных отношений, гражданскому, уголовному праву, уголовному процессу, гражданскому процессу, общему обзору всеобщей истории, истории Франции, истории России в XIX веке, истории литературы Франции в XIX веке, истории русской литературы в XIX веке, обзору современной литературы.

Читали профессора Н.А. Каблуков, приват-доцент Н.Н. Шапошников, профессор А.Ф. Фортунатов, профессор С.А. Муромцев и др.

В первом полугодии было организовано для слушателей Университета преподавание французского языка.

С. Кроме указанных курсов были прочитаны во 2-м семестре курсы научно-популярного характера – землеведение, всеобщая история, русская литература XIX века, русская история XVIII века, учение о народном хозяйстве.

К слушанию лекций и занятиям в Университете допускались лица обоего пола не моложе 16 лет, при этом желавшие слушать курсы академического характера предупреждались, что эти курсы рассчитаны на лиц с общеобразовательной подготовкой в пределах средней школы.

Чтение лекций происходило по вечерам от 5 часов, а практические занятия велись и днем, притом и в праздничные дни.

Общее число слушателей Университета было 1106, из них 335 слушали циклы предметов, рекомендованные Университетом (132 – общественно-юридические науки,

112 – историко-философские и 91 – естественно-исторические), 586 лиц посещали отдельные систематические курсы и 185 лиц слушали курсы научно-популярного характера.

Состав слушателей академических курсов:

Всего в Университете на полных и отдельных курсах

	муж.	жен.	всего	%

	По образованию				
1.	Высшее	31	15	46	5,4
2.	Среднее	191	302	493	58,2
3.	Домашние учителя и учительницы	20	60	80	9,6
4.	Прогимназия	56	34	90	10,6
5.	Домашнее образование	34	41	75	8,8
6.	Городское училище	60	3	63	7,4
	Итого	392	455	847	100
	По занятиям				
1.	Служащие в общественных и частных учреждениях	174	58	232	27,4
2.	Учителя и учительницы	41	106	147	17,3
3.	Посвящающие все время Университету	20	23	43	5,1
4.	Учащиеся в высших учебных заведениях	52	35	87	10,4
5.	Свободных профессий	44	51	95	11,2
6.	Ведущие самостоятельное хозяйство	13	1	14	1,6
7.	Неопределенных занятий	48	181	229	27
	По возрасту				
	От 16 до 20 лет	54	68	122	14,4
	20 – 25	90	111	201	23,8
	25 – 30	94	109	203	23,9
	30 – 40	114	125	239	28,2
	40 – 50	33	33	66	7,8
	>50 лет	7	9	16	1,9
	По религии				
1.	Православных	322	349	671	79,2

2.	Других христианских вероисповеданий	46	51	97	11,5
3.	Не христиан	24	55	79	9,3

Данные относятся к 328 слушателям полных курсов и 523 отдельных.

В рубрику учащихся входят преимущественно студенты Императорского Московского Университета.

III

«В отчетном году функционировало три отделения библиотеки: фундаментальная, учебная и научно-популярная. К началу отчетного года в первой находилось ~ 20 000 томов, в течение года поступило вновь до 15 000 томов. Фундаментальная библиотека пополнялась исключительно пожертвованиями. К ценным пожертвованиям в течение первого года относятся: библиотека В.Н. Амфитеатрова ~ 13 000 томов, А.И. Чупрова – до 5000 томов, Л.А. Шанявского – до 2600 томов, Е.И. Штутцера – 400 томов; книги издательства Саблина – 190 томов, М. и С. Сабашниковых – 87 томов и др., в отчетном году прибавились: от В.Е. Якушкина до 10 000 названий, В.К. Рота – 400 томов, А.Н. Реформатского – 340 томов, В.В. Пржевальского – 340 томов и др. Среди пожертвований последнего года особо следует отметить дар В.Е. Якушкина, пожертвовавшего Университету библиотеку своего отца Е.И. Якушкина преимущественно по отделу русской истории, по литературе и праву.

Учебная библиотека содержит книги, рекомендованные преподавателями для изучения их курсов. Эта библиотека пополнялась преимущественно покупкой книг и лишь частично пожертвованиями. К концу отчетного года библиотека содержала 734 тома. Из них 276 томов были пожертвованы: книги издательства М. и С. Сабашниковых, Сотрудника Школ, О.Н. Поповой, Московской Городской Управой и др.

Учебная библиотека разделена на 2 части: в одной, помещенной на Волхонке, находятся учебники, необходимые для изучения естественно-исторических наук, в другой, помещавшейся в Домниковском училище,

находятся учебники, необходимые для изучения преимущественно общественно-философских наук.

Библиотека научно-популярных курсов к концу отчетного года содержала 460 томов и помещалась в Миусском училище, где читались научно-популярные лекции.

В фундаментальной библиотеке были и периодические издания.

Университет, заботясь о всестороннем развитии своих слушателей, в течение года организовал несколько научных экскурсий: в Петербург; в окрестности Москвы (по зоологии – Петровско-Разумовское, по геологии – к Студеному оврагу, под село Хорошево, на Воробьевы горы и под Дорогомиловское кладбище, минералогическая экскурсия в Подольск); в Москве организованы осмотры Третьяковской галереи, Исторического музея, Политехнического музея, Музея городского хозяйства, Городского трамвая и электростанции, Музея гигиены и санитарной техники, городских ночлежных домов, Музея уголовного права при Императорском Университете, обсерватории Императорского Университета, складов камня на Миусской площади, минералогического кабинета Императорского Университета, газового завода, винного завода № 1, склада при нем и Центральной химической лаборатории Министерства финансов и др.

Со слушателями научно-популярных курсов были организованы экскурсии по ботанике и зоологии в Петровско-Разумовское.

IV

В отчетном году ввиду расширения преподавания и надлежащей научной постановки кабинетов и лабораторий… Университетом было снято специальное помещение сроком на три года в доме Художественного Общества на Волхонке, против Храма Христа Спасителя. Снятое помещение… было отремонтировано, проведены электричество, газ и вода.

Лекции по неорганической химии читались в Политехническом музее, практические занятия по химии и лекции по органической химии – в помещении Александровского Коммерческого училища, предоставленного

администрацией училища безвозмездно Университету на каждый вечер и утро воскресенья.

Все лекции по общественно-философским вопросам читались в Домниковском городском училище, отводимом Университету Городским управлением. В первый год существования Университет на свои средства провел в Домниковском училище электрическое освещение.

Лекции научно-популярного характера читались в помещении городского 3-го женского училища им. Императора Александра II на Миусской площади, отведенной Городской Управой для Университета.

V

Плата за слушание лекций и за участие в практических занятиях была установлена в следующем размере: за полный цикл общественно-юридических, исторических, философских и естественно-исторических наук по 40 руб. в год, за слушание отдельных систематических курсов – часовой курс – 4 руб., 2-х часовой – 7 руб., 3-х часовой – 9 руб. Практические занятия оплачивались особо по 4 руб. годовой час.

За слушание научно-популярных курсов плата взималась по расчету 60 коп. за 2-часовой курс в течение полугодия. При взносе платы за полный курс допускались рассрочки: 25 руб. в первое полугодие и 15 руб. во 2-е, кроме того, по специальным прошениям делались рассрочки более льготные, такие были сделаны 230 слушателям.

[…] Четыре слушателя пользовались стипендией имени Н.М. Чукмалдина.

Гонорар преподавателям оставался прежний: по 300 руб. годовой час, практические занятия – 200 руб. годовой час.

[…] Гонорар преподавателям научно-популярных курсов – 75 руб. за 2-часовой курс в течение полугодия.

4 слушателя пользовались стипендией имени Н.М. Чукмалдина.

VI

[…] В течение отчетного года в жизни Университета произошло

важное событие: Университет имел возможность решить серьезный для своего существования вопрос – о постройке собственных зданий, в каковых можно было бы поместить все аудитории и учебно-вспомогательные учреждения. В конце года Университет получил от лица, пожелавшего остаться неизвестным, капитал в 225 000 руб. на построение зданий Университета. С имевшейся уже в Университете суммой в 52 000 руб., пожертвованной В.А. Морозовой и предназначенной на постройку химической лаборатории и 20 000 руб., находящейся в Обществе усиления средств Университета для специальной цели – постройки зданий, строительный капитал Университета возрос с процентами до 300 000 руб. Сумма эта была признана Попечительным Советом достаточной для начала возведения собственного здания, а потому Совет решил приступить к таковой с весны 1911 г. Городское Общественное Управление сочувственно встретило предположение Университета о постройке, выразило согласие и отвело на Миусской площади участок земли в размере 5153,3 кв. сажени.

Конкурс был объявлен 2-степенный: 1-я степень за составление идейных эскизов… 2-я – составление детальных проектов и смет на основании премированных эскизов, срок их предоставления – 20 января 1911 г.

[…] В жюри конкурса были избраны Попечительным Советом: председатель Попечительного Совета профессор В.К. Рот, члены Совета А.Н. Реформатский и М.В. Сабашников и представители архитектуры: профессор архитектуры Л.Н. Бенуа, архитектор М.К. Геппенер, академики архитектуры С.У. Соловьев и Ф.О. Шехтель».

«Симпатии общества к университету, выражавшиеся в пожертвованиях, достигли значительной высоты. Общая сумма пожертвований за 1912–13 г. – около 220 т. р. Из этих пожертвований отметим: С.А. Петрово-Соловово 28 т. р. на курсы по местному самоуправлению, международной комиссии физиков при институте Сольве 8000 франков на научные исследования в физической лаборатории имени

П.Н. Лебедева, В.А. Морозовой – 12 т. р. на устройство и содержание физической лаборатории имени П.Н. Лебедева, Ф.Ф. Сиверса – 48 т. р. на образование стипендиального капитала его имени, Н.А. Шахова – 6 т. р. на стипендии имени В.Г. Короленко».[140]

«Крупное пожертвование[141]

Вчера в городской университет имени Шанявского В.А. Морозова внесла 14 000 рублей; из них 13 000 р. внесены на содержание физической лаборатории имени П.Н. Лебедева и 1000 р. – на приобретение и выписку научной литературы для той же лаборатории».

«Дело о передаче дома на Арбате, принадлежащего Университету Шанявского, из Московского Земельного Банка в Городское кредитное Общество»

(передачей должен был заниматься управляющий домом Иван Яковлевич Волков[142])

1912 г.

Адрес дома – Пречистенская часть 2-го участка № 2 ст./4 нов. на Арбате.[143]

В 1912 г. предполагалось произвести ремонт этого дома в целях санитарных условий владения и поднятия его доходности. Сумма, необходимая на ремонт – 119 235 руб. 50 коп. – могла быть получена путем перевода дома из Банка в Кредитное Общество. Дом был заложен А.Л. Шанявским в 1895 г. за 300 000 руб.

Расчеты производил архитектор А.Ф. Мейснер.

Расчет выгодности[144] проектируемого переустройства владения А.Л. Шанявского (16 мая 1912 г.). Всего расхода – 130.720 руб. 50 коп.: в доме необходимо было: 1) сломать 2 флигеля и возвести новое 3-этажное здание; 2) надстроить 5-й этаж на здание № 4, с устройством подъемной машины и переделкой сараев на квартиры; 3) перестроить магазины и оборудовать в них центральное отопление; 4) привести в благоустроенный вид фасад

главного корпуса; 5) переустроить общий ретирад. После переустройства дом стал приносить доход.

Доходность владения увеличилась бы на 10 500 руб.[145]

Перезалог в сумме до 355 000 руб. на переустройство дома был разрешен в октябре 1912 г.[146]

«Московская Городская Управа. Кредитный отдел:

Номинальную сумму займа, необходимого для реализации капитала в 131 000 руб. следует считать в сумме 147 000 руб. Для погашения этой суммы в течение 37 1/2 лет при условии уплаты процентов считать последние в размере 4 1/2 %, и погашения пополугодно равными частями Университет должен вносить в год 4075 руб.»[147]

Московская Городская Управа в феврале 1913 г. разрешила выдать ссуду Университету в сумме 131 000 руб.на срок в 37 ½ лет для производства строительных работ.[148]

«11 марта 1914 г. Университету им. Шанявского поступили пожертвования в размере 5000 руб. от душеприказчиков доктора П.А. Ширяева.[149]

В апреле – от конторы газеты «Русские Ведомости» – на фонд семьи П.И. Бахметьева – 82 р. 65 к.[150]

– от фирмы «Кос и Дюр» – на нужды университета – 25 р.»

В июне 1914 г. из дохода от дома на Арбате на Университет потрачено 15 000 руб. Доход составлял 33 454 р. 87 к.[151]

«Общество взаимопомощи слушателей Московского Городского Народного Университета им. А.Л. Шанявского зарегистрировано Московским особым Городским по делам об обществах Присутствием 23 января 1912 года.

[…] По окладным книгам по сбору с торговых и промышленных заведений значится в доме Додоновой, 1 уч-ка Сущевской части, столовая Общества взаимопомощи слушателей Московского Городского Народного Университета им. А.Л. Шанявского, введенная в оклад 3% сбора с оценкою

помещения 750 руб.»[152]

В феврале 1914 г. рассматривалось дело лектора педагогического цикла Московского Университета Шанявского А.У. Зеленко, который просил Городскую управу для наглядного преподавания слушателям цикла методики и педагогических приемов знакомства детей с народным фольклором, разрешить практические занятия в читальне для детей при городской библиотеке им. А.С. Грибоедова небольшими группами по 3 человека. Разрешение было получено. Предмет, который читал А.Зеленко, назывался «Духовное развитие детей в связи с детским чтением».[153]

«Попечительный Совет

На основании § 14-го Положения из состава Совета по очереди выбыли из избранных Московской Городской Думой лиц: А.С. Вишняков, В.А. Морозова и князь Е.Н. Трубецкой. Городской Думой в ее заседании 1 декабря 1915 г. на новое четырехлетие избраны В.А. Морозова, А.А. Титов и князь Е.Н. Трубецкой.

Председателем Попечительного Совета состоял князь В.М. Голицын.

Состав ревизионной комиссии попечительного Совета Университета (на 1916 г.) – князь Голицын и В. Морозова».

Существовала стипендия имени Юбилейного комитета «Русских Ведомостей».

Много пожертвований поступило от Л.А. Шанявской и через контору «Русских Ведомостей» от разных лиц.

Счет университета пополнили (1916 г.) от продажи на Новинском бульваре дома, оставленного университету А.Л. Шанявским.

За дом было получено 200 000 руб.

Доходов с дома на Арбате в 1915 г. поступило 51 630 руб. 41 коп.[154]

«Прием в ведение Московской Городской думы завещанного Университету им. А.Л. Шанявского капитала генерал-майора А.Л. Шанявского»[155]

1915 г.

«3 октября 1915 г. в Московской Городской Управе рассматривалось заявление вдовы генерал-майора А.Л. Шанявского о принятии в ведение Московского Городского Общественного Управления капитала, завещанного А.Л. Шанявским университету и о покупке пожертвованного тому же университету дома, находящегося в пожизненном владении Л.А. Шанявской.

13 августа вдова обратилась к Московскому Городскому голове:

"Имея несчастье терять свое зрение, я решаюсь обратиться к Вашему Превосходительству с следующей покорнейшей просьбой: во-1-х, не найдете ли возможным принять в ведение Московской Городской Думы завещанный Московскому Городскому Народному Университету, но оставленный мне в пожизненное владение капитал, находящийся в процентных и дивидентных бумагах в Московском Купеческом Обществе взаимного кредита с тем, чтобы пока я жива, Московская Городская Дума, вместо Общества Взаимного Кредита продолжала выдавать мои причитающиеся мне по завещанию доходы с % и дивидентных бумаг; во-2-х, не соблаговолите ли Вы предложить Московской Городской Думе купить пожертвованный тому же Университету, но находящийся в моем пожизненном владении, дом на углу Новинского бульвара и Дурновского переулка, состоящий из пяти корпусов и артезианского колодца [за 200 000 руб.], но при этом я бы желала сохранить до конца июня 1916 г. бесплатно мою квартиру, а также квартиру моей племянницы г-жи Княжевич до 1 июня 1916 г., и некоторые квартиры, сданные по годовому контракту.

[…] По § второму моего заявления в случае, если Московское Городское Общественное Управление согласится приобрести означенное в заявлении владение за указанную мною сумму 200 000 руб., то я заявляю, что откажусь впредь от пожизненного владения домом и вырученным от продажи капиталом с тем, чтобы вырученный от продажи капитал был предназначен на нужды Городского Университета им. А.Л. Шанявского"».

(Предлагаемое владение состояло в Арбатской части 1 уч., по

Новинскому бульвару и Дурновскому пер.)

«Выписка из журнала Московской Городской Думы.

Октября 27–30 дня 1915 года[156]

Обсуждался доклад Городской Управы от 3-го октября за № 365-0(?) по заявлению вдовы генерал-майора Л.А. Шанявской о принятии в ведение Московского Городского Общественного Управления капитала, завещанного А.Л. Шанявским Московскому Городскому Народному Университету им. А.Л. Шанявского, по покупке пожертвованного тому же Университету дома, находящегося в пожизненном владении Л.А. Шанявской, с заключением Финансовой Комиссии и Совещания гласных-юристов.

[…]

Затем по пункту 6-му большинством против 20 голосов, а по остальным пунктам единогласно постановлено:

1. Принять в ведение города завещанный генерал-майором А.Л. Шанявским Московскому Городскому Народному Университету, но оставленный в пожизненное владение Л.А. Шанявской капитал, находящийся в процентных и дивидентных бумагах в Московском Купеческом Обществе Взаимного Кредита и благодарить Лидию Алексеевну Шанявскую за постоянное сочувственное отношение к делу просвещения и за ее щедрый дар г. Москве.

2. Из процентов с этого капитала выдавать пожизненные пенсии перечисленным в п. 2 и 3 завещания А.Л. Шанявского:

Паулине Леоновне Яворовской [сестре А.Л. Шанявского], Владиславу Леоновичу Шанявскому [брату А.Л. Шанявского], Эмилии Робертовне Лаунерт [служащая Альфонса Леоновича, колонистка Гродненской губернии], Наталье Федоровне Макаровой [крестьянка], Анне Александровне Родичевой [крестьянка], Филиппу Ефремову [крестьянин] и Вере Ермолаевне Кошелевой [прежде служившая мещанка], а также пенсию Евгении Алексеевне Макаровой [дочь Н.Ф. Макаровой] до ее совершеннолетия, и произвести единовременную выдачу крестьянину Андрею Евдокимовичу

Пузину в точном соответствии с завещанием.

3. Остальные доходы с означенного капитала, за указанными в п. 2 Постановления вычетами, выдавать пожизненно вдове генерал-майора А.Л. Шанявского – Л.А. Шанявской.

[…]

5. В случае желания Московского Городского Управления заменить одни бумаги другими, производить эти операции с согласия Л.А. Шанявской, ее содушеприказчиков и Попечительного Совета Университета.

6. Приобрести от душеприказчиков по духовному завещанию А.Л. Шанявского за 200 000 руб., предлагаемое госпожой Шанявской городу владение по Новинскому бульвару и Дурновскому пер., отнеся этот расход на § XIII, с. 2, см. 1915 г. за счет запасного капитала, с тем, чтобы капитал этот был оставлен в распоряжении Московской Городской Думы на нужды Городского Народного Университета им. А.Л. Шанявского.

7. До конца июня 1916 г. предоставить бесплатное пользование квартирой в приобретенном владении г-же Шанявской и до 1 июня 1916 г. – г-же Княжевич и некоторым другим лицам по указанию г-жи Шанявской.

8. Поручить Городской Управе совершить на приобретаемое владение крепостной акт, с отнесением расходов по его совершению и утверждению на счет города.

В обсуждении доклада участвовали 99 членов собрания».

В ОР РГБ сохранилось 1 письмо к Л. Шанявской от В.А. Морозовой от 6 декабря 1915 г.[157]:

«*Глубокоуважаемая Лидия Алексеевна!*

Позвольте мне принести Вам мою глубокую благодарность за память обо мне 4-го декабря. Мне очень хотелось бы лично повидать Вас, поделиться с Вами моими впечатлениями относительно деятельности Вашего Университета. Конечно, впечатления эти самые благоприятные и радостные.

Еще раз прошу принять мою искреннюю признательность и прошу от

меня выражения и ...[неразборч.]нного уважения и преданности.

В. Морозова

P.S.

На этих днях я уезжаю из Москвы; по возвращении позвольте мне позвонить Вам по телефону: могу ли я, не беспокоя Вас, побывать у Вас?

В. Морозова

Воздвиженка, 14»

Доклад

25 февраля 1917 г.

О передаче в Государственный Банк на хранение и управление капитала, принадлежащего Московскому Городскому Народному Университету им.

А.Л. Шанявского.

«18-го ноября 1915 г. внесен был в кассу Городской Управы капитал, принадлежащий Московского Городскому Народному Университету им. А.Л. Шанявского и заключающийся из разных процентных и дивидентных бумаг всего на сумму один миллион девяносто две тысячи шестьсот пятьдесят (1 092 650) руб.»[158]

«Определение Городской Управы

Февраля 25 дня 1917 г.[159]

Городская Управа постановила: процентные и дивидентные бумаги, составляющие капитал Московского Городского Народного Университета имени А.Л. Шанявского и находящиеся в настоящее время в кассе Городской Управы в сумме одного миллиона девяносто двух тысяч шестисот пятидесяти (1 092 275) руб. передать на хранение и управление в Московскую Контору Государственного Банка, отнеся все расходы по сему предмету на счет городских средств по 52 ст. 2 л.13. Настоящее определение передать в Главную Бухгалтерию для исполнения, а копию его оставить при деле.

Городской голова (Подпись)

Члены Управы (8 подписей)

Выписка

Из журнала Московской Городской Думы

20 июня 1917 г.[160]

Обсуждался доклад Комиссии о пользе и нуждах общественных от 5 июня за № 203, по заявлению 39 гласных об ознаменовании 10-летия кончины А.Л. Шанявского.

По предложению М.В. Сабашникова единогласно постановлено:

1. «Доходы, получаемые Городским Управлением от дома бывшего Л.А. Шанявской, на Новинском бульваре, обращать ежегодно, с 1918 г. в специальные средства Московского Городского Народного Университета им. А.Л. Шанявского по выдаче стипендий им. А.Л. Шанявского, преимущественно детям служащих и рабочих, из расчета по 500 р. каждая.

2. Правила о стипендиях и распределении их предоставить установить Попечительному Совету Московского Городского Народного Университета им. А.Л. Шанявского.

Председатель Комиссии о пользах и нуждах общественных Д. Горохов»

Общество Вспомоществования нуждающимся студентам Императорского технического училища

Варвара Алексеевна Морозова умела оказывать не только материальную поддержку, она могла организовать и деловую помощь, как, например, это было при создании Общества Вспомоществования нуждающимся студентам Императорского технического училища и его последующей деятельности.

Далее следует история Общества[161]:

«Общество имеет целью доставлять бедным воспитанникам Императорского Московского Технического Училища средства к существованию для окончания образования» (из Устава Общества).

«Основание Общества и его первые шаги
(1889–1894)

В конце семидесятых и первой половине восьмидесятых годов прошлого столетия в Императорском Московском Техническом Училище существовала общая касса взаимопомощи для его воспитанников и две кассы по национальностям (еврейская и польская). На обязанности общей кассы лежало собирание денег для помощи воспитанникам, приискание для них занятий, устройство благотворительных концертов в пользу недостаточных товарищей и распределение между ними пособий. После 1881 года начались правительственные репрессии по отношению к студенческим организациям, и в 1885–1886 учебном году кассы были закрыты административной властью. Невольно возник тогда вопрос, как быть с нуждающимися воспитанниками Императорского Московского Технического Училища, у которых была отнята материальная поддержка. В среде профессоров и преподавателей Училища зародилась мысль об учреждении Общества Вспомоществования, которое восполнило бы получившийся пробел в деле материальной помощи нуждающимся воспитанникам.

[…] ...Устав Общества Вспомоществования утвержден еще 19 июля 1888 года Министром Внутренних Дел. Утвержденный устав Общества в своей редакции несколько разнится от той, которая была выработана Политехническим Обществом и Педагогическим Советом И.Т.У.; кроме того, предполагалось, что Общество Вспомоществования будет находиться в ведении Министерства Народного Просвещения, но по неизвестным причинам оно было передано в ведение Министерства Внутренних Дел.

[Среди первых действительных членов Общества, числом 41, были Василий Алексеевич и Нина Флорентьевна Хлудовы.]

[...] Для выбора должностных лиц Общества Вспомоществования было назначено первое Общее Собрание членов Общества. Оно состоялось 12 марта 1889 года. Этот день официально и считается днем основания Общества...

Последовавшей затем баллотировкой [на этом Собрании] были избраны: Казначеем В.А. Хлудов, Секретарем Ф.Д. Еремеев и членами Комитета В.А. Морозова, Н.П. Зимин и С.И. Лямин.

[...] 7-го мая 1889 года состоялось второе Общее собрание членов Общества под председательством Непременного Члена Комитета И.В. Аристова, на котором единогласно избраны были еще 44 лица действительными членами Общества [к 77 членам, уже существовавшим]. Далее, записками единогласно была избрана на должность Председательницы Общества п. п. гр. Варвара Алексеевна Морозова, а выборы остальных должностных лиц снова были отложены до следующего Общего Собрания.

[...] С 1891 года вступает в исполнение обязанностей председательницы Общества В.А. Морозова, и заседание Комитета Общества 21-го февраля 1891 года происходит уже под ее председательством в ее доме. В этом заседании Председательница Общества сообщила, что по ее просьбе профессора И.Т.У. А.А. Колли, В.М. Руднев, Н.Е. Жуковский и В.С. Щегляев дали согласие прочесть ряд публичных лекций, сбор с которых пойдет на усиление средств Общества Вспомоществования...

Эти лекции дали 870 руб. чистого сбора.

[...] На долю первого Комитета Общества Вспомоществования выпала одна из наиболее трудных задач по налаживанию и организации всей деятельности Общества, установлению правильного счетоводства, изысканию средств на удовлетворение все более и более возраставших нужд Общества.»

«Для увеличения денежных средств Общества, в течение 1891 года были приняты следующие меры:

1. По предложению Председательницы Общества В.А. Морозовой организовано было чтение гг. профессорами Императорского Технического Училища в аудиториях Политехнического Музея публичных лекций. Эта мера дала очень хорошие результаты: из денежного отчета казначея

Общества видно, что две публичные лекции, прочитанные профессорами Н.Е. Жуковским и В.С. Щегляевым, дали чистого сбора 870 рублей.

2. По предложению Председательницы Общества В.А. Морозовой 5 декабря 1891 года в залах Немецкого Клуба дан был музыкально-литературный вечер с танцами, доставивший Обществу чистого сбора 2218 рублей 85 коп.».[162]

Продолжение очерка 25-летней деятельности Общества Вспомоществования:

«[...] В 1894 году было получено известие, что с 1-го января 1895 года вступает в силу новое, Высочайше утвержденное, положение об Императорском Техническом Училище. Вследствие этого пансион и столовая, бывшие в Училище, должны были закрыться. По соглашению Комитета Общества Вспомоществования с Учебным Комитетом И.Т.Училища, последний возбудил ходатайство об оставлении столовой в здании Училища и о передаче ее в ведение Общества Вспомоществования. На это ходатайство последовало согласие Министерства Народного Просвещения, но при том непременном условии, чтобы Общество Вспомоществования приняло на себя всю хозяйственную сторону дела, на что Общество и согласилось.

Принятием в свое ведение столовой в И.Т.Училище, Общество закончило первый период своей деятельности, характеризующийся тем, что Общество выдавало лишь денежные пособия, и начало второй период своей работы. В этот период Общество развило уже более широкую деятельность, сосредоточив в своих руках несколько учреждений, соответствовавших задачам Общества, но сильно усложнивших его деятельность и в первое время их существования даже тяжело отразившихся на его материальном благосостоянии».

«Состав студентов Императорского Московского Технического Училища в 1894 г.[163]

Окончившие

Реальное училище – 450

Гимназии – 48

Университет – 30

Кадетский корпус – 15

Пр. учебные заведения – 53

Социальное положение

Дворяне – 104

Почетные и потомственные граждане – 48

Купцы – 79

Чиновники – 111

Мещане – 155

Крестьяне – 54

Лица духовного звания – 23

Всего обучалось 596 человек, среди них 22 иностранца. Число студентов быстро росло и к 1902 г. составляло уже более 1000 человек».

Продолжение очерка 25-летней деятельности Общества Вспомоществования:

«Постройка общежития для студентов

Закрытие пансиона при И.Т.Училище выдвинуло вопрос о необходимости постройки общежития для студентов.

Первым высказал эту мысль Товарищ Председателя Общества Н.П. Зимин в заседании комитета Общества в декабре 1894 года. По его предложению Комитет Общества обратился к учебному комитету И.Т.У. с просьбой бесплатно отвести из усадебной земли Училища небольшой участок, необходимый для постройки на нем здания Общежития. Площадь участка была указана в 1200 квадратных сажен.

[…]Земля была отведена Обществу Вспомоществования по улице Коровий Брод, против главного здания И.Т.У., мерою в 490 кв. саж.; тогда же был в Обществе поднят вопрос о составлении проекта здания Общежития.

По просьбе комитета Общества адъюнкт-профессором И.Т.У.,

Василием Герасимовичем Залесским был составлен первоначальный проект здания Общежития на 200 человек; при этом стоимость постройки его, включая и капитал, необходимый для его эксплуатации была исчислена в 200 тысяч рублей. Перед Комитетом Общества возникла задача об изыскании этих средств. Надо было образовать капитал на постройку общежития. Из оборотных средств Общества, полученных путем устройства обычного благотворительного концерта, было отчислено 5000 рублей; остальную сумму комитет Общества надеялся восполнить: 1) частью путем получения правительственной субсидии; 2) частью путем сбора пожертвований; 3) частью путем временного перечисления всех специальных капиталов Общества в оборотный капитал, собираемый на постройку общежития, – с тем, однако, чтобы перечисленные специальные капиталы в будущем были снова восстановлены Обществом, как неприкосновенные.

[...] Наиболее активное участие в сборе пожертвований на это дело проявил п. п. гр. Николай Петрович Алексеев, избранный впоследствии (в 1899 году) почетным членом Общества Вспомоществования, за это весьма ценное содействие, оказанное им Обществу.

Многие крупные пожертвования на общежитие поступили в Общество благодаря также содействию Председательницы Общества В.А. Морозовой, Товарища Председателя Н.П. Зимина и члена Комитета профессора П.К. Худякова.

Первыми крупными жертвователями на общежитие были: п. п. гр. Иван Абрамович Морозов, и Собрание Выборных Московского Купеческого Сословия, внесшие по пяти тысяч рублей в кассу Общества Вспомоществования. В ближайшем Общем Собрании членов Общества, п. п. гр. И.А. Морозов, а также Степан Алексеевич Протопопов – Старшина Московского Купеческого Сословия за содействие своим влиянием получению Обществом 5000 руб. от Собрания выборных Московского Купеческого Общества, были выбраны Почетными Членами О-ва Вспомоществования.

Невзирая однако на крупные начальные записи в подписных листах, сбор пожертвований по листам подвигался в общем довольно туго, и мысль о необходимости возбуждения ходатайства о получении правительственной субсидии на это дело, вырисовывалась перед Комитетом Общества все с большей и большей ясностью.

В 1897 году Председательница Общества В.А. Морозова предложила Комитету Общества взять на себя труд, во время своей поездки в Петербург, возбудить ходатайство перед Министром Финансов С.Ю. Витте об отпуске казенных средств на постройку общежития. Комитет Общества с благодарностью принял предложение Председательницы. Хлопоты В.А. Морозовой в этом направлении увенчались полным успехом. Министр Финансов выразил словесное согласие испросить Высочайшее повеление на отпуск из средств казны 100 тыс. рублей при том непременном условии, если и само Общество соберет тоже не менее 100 тыс. рублей для этой цели.

Благодаря такому обещанию, Комитет Общества усиленно занялся собиранием пожертвований, и в начале 1898 г. образовалась уже сумма 113 369 р. 55 к.

Когда о наличности этой суммы в кассе Общества был официально уведомлен Министр Финансов Сергей Юльевич Витте, им было испрошено 26 июня 1898 года Высочайшее повеление об отпуске ста тысяч рублей из средств государственного Казначейства.

[...] Строительная комиссия для осуществления постройки Общежития была назначена Министром Народного Просвещения, под председательством Директора И.Т.У. И.В. Аристова; в состав ее вошли: Председательница Общества В.А. Морозова, некоторые члены комитета и Общества, секретарь Общества П.Д. Еремеев и члены хозяйственного Комитета И.Т.У.

На конкурс были представлены два проекта здания Общежития, согласно заданиям, поставленным комитетом Общества. Рассмотрение проектов было поручено специальной комиссии. Выбранным ею оказался проект, представленный гражданским инженером Кекушевым,

преподавателем Императорского Технического Училища.

[...] Строительная Комиссия поручила произвести постройку Общежития академику-архитектору Л.О. Васильеву, преподавателю И.Т.У. По составленной им подробной смете оказалось, что Общежитие на 200 студентов, если его строить по проекту г. Кекушева, должно обойтись в сумме не менее 350 тысяч рублей. Разница с первоначально исчисленной приблизительной суммой в 200 тысяч руб. объяснялась, во-первых, тем, что под общежитие была отведена значительно меньшая площадь, чем это предполагалось ранее, почему здание пришлось выстроить 4-х этажным с добавочным полуподвальным этажом, а, во-вторых, еще и тем, что время постройки общежития совпало с начавшимся тогда быстрым повышением в Москве цен на строительные материалы и на строительные работы. На самом деле и эта сметная цифра была перейдена при выполнении постройки, примерно, на сумму более 10 тыс. рублей.

[...] Собранных на постройку общежития сумм было далеко недостаточно, но тем не менее решено было начать постройку в надежде с одной стороны на дальнейший прилив частных пожертвований, а с другой на поддержку со стороны Министерства Народного Просвещения, в ведении коего И.Т.У. в означенное время уже состояло. С этой целью и возбуждено было ходатайство перед Министерством.

Первое ходатайство Общества пред Министерством было возбуждено в 1900 году; оно не увенчалось успехом.

[...] Когда постройка Общежития была доведена уже до 3-го этажа, выяснилось, что почти все собранные на постройку средства уже израсходованы. Тогда в 1901 году комитет Общества вторично возбудил ходатайство перед Министерством Народного Просвещения об отпуске суммы, необходимой для достройки Общежития. На это второе по счету ходатайство опять был получен от Министерства отказ, в котором не приводилось никакой мотивировки. Очутившись в безвыходном положении, Общество Вспомоществования решилось на чрезвычайный шаг:

позаимствовать нужные средства из специальных капиталов Общества Вспомоществования, нарушивши временно их неприкосновенность.

Ввиду того, что и этих средств было все-таки недостаточно, решено было возбудить третье по счету ходатайство перед Министром Народного Просвещения, выяснивши ему всю безвыходность положения, в котором очутилось Общество. На этот раз ходатайство было удовлетворено: 16 февраля 1902 года по Высочайшему повелению было отпущено из кредита, ассигнованного на устройство общежитий при Императорских Университетах 103 004 р. 13 к. на окончание постройки здания Общежития и столовой для студентов Императорского Московского Технического Училища. Во время производства постройки Общежития Комитет Общества приступил к выработке Устава Общежития, правил внутреннего распорядка в нем, а также и условий приема студентов в Общежитие.

[...] Окончательное утверждение Устава Общежития последовало только 27 апреля 1904 г. при Министре Народного Просвещения, генерал-лейтенанте Глазове.

Из-за неутверждения устава Общежития произошла значительная отсрочка в открытии действий этого учреждения (по крайней мере, года на полтора).

Столовая была переведена из здания Императорского Технического Училища в здание Общежития в конце 1903 г.

Общежитие было принято комитетом Общества от Строительной Комиссии с описью невыплаченных долгов на сумму 10 тыс. руб.

22 октября 1914 года состоялось торжество открытия "Общежития для студентов Императорского Технического Училища, учрежденного при содействии Высочайше дарованных средств Обществом Вспомоществования Нуждающимся Студентам этого Училища".

В приемном зале Общежития совершено было законоучителем Императорского Технического Училища о. Н.С. Виноградовым молебствие в присутствии: Председательницы Общества Вспомоществования

нуждающимся студентам Училища В.А. Морозовой, Директора Училища С.А. Федорова, членов Комитета и Общества, членов Строительной Комиссии, преподавательского персонала И.Т.У. и студентов.

[...] Четырехэтажное с полуподвальным этажом каменное здание Общежития устроено на 200 студентов. Всех жилых номеров для студентов 100; из них 92 номера на 2 человека, 4 номера для 1 человека и 4 номера на 3 человека.

В Общежитии имеются: помещение для столовой на 300 человек, кухня, небольшое помещение для библиотеки-читальни, квартира для заведующего Общежитием и квартиры для служителей при Общежитии.

Период деятельности Общества во время и в первые годы после постройки общежития (1894–1906)

В 1894 г. последовало избрание председательницы Общества В.А. Морозовой почетным членом Общества Вспомоществования. Отдавая свой труд и свое время на служение Обществу в первое десятилетие его деятельности, глубокоуважаемая Варвара Алексеевна весьма много способствовала Обществу в первые же годы его жизни поставить всю деятельность Общества на твердую почву, и оказала Обществу чрезвычайное содействие при разрешении вопроса о постройке Общежития: благодаря ее связям с Петербургом и ее личному ходатайству пред Министром Финансов С.Ю. Витте, получена была Обществом первая правительственная ссуда в 100 тысяч рублей; благодаря ей же и ее личному влиянию, так успешно заполнялись и подписные листы фундаментальными цифрами пожертвований. Для крупных жертвователей было весьма важно знать, кто стоит во главе дела, и с какою степенью доверия можно отнестись к его начинаниям. С этой точки зрения Общество Вспомоществования в этот период времени весьма счастливо занимало твердую позицию: во главе Общества стояла Варвара Алексеевна; интеллигентные круги города Москвы с давних пор привыкли относиться к ее имени и ее общественным

выступлениям всегда с полным уважением, вниманием и доверием.

Вот почему прошла с таким солидным успехом подписка на устройство Общежития для студентов нашего Училища, подписка, устроенная мало известным в широких кругах публики, скромным Обществом Вспомоществования.

[...] Пальма первенства в удачной организации и блестящем выполнении этих сборов на строительство Общежития среди купечества и торгово-промышленных фирм принадлежала самой В.А. Морозовой и ее ближайшему сотруднику п. п. гр. Н.П. Алексееву, а среди инженеров И.Т.У. – товарищу председателя Общества Н.П. Зимину и члену Комитета Общества П.К. Худякову.

Высоко ценя эту многотрудную работу главной руководительницы Общества, его председательницы В.А. Морозовой, Общество в первую же очередь и решило избрать своим почетным членом именно ее, непосредственно по завершении работы в первой ее стадии.

[...] …Осенью 1904 г. сначала товарищ Председателя Общества Н.П. Зимин, а вслед за ним и Председательница Общества В.А. Морозова заявили комитету Общества в самой категорической форме о невозможности для них далее продолжать работу в Обществе, вследствие расстройства здоровья и полного утомления.

Деятельность Общества Вспомоществования в последние годы

Текущая работа Общества

Столовая Общества

[...] В организации деятельности столовой принимала близкое участие Председательница Общества В.А. Морозова, а также и некоторые дамы, члены Общества Вспомоществования.

По просьбе студентов Общество довольно долго сохраняло расценку обедов старую, установленную в самом начале ее деятельности. А между тем в Москве наступило сильное повышение стоимости продуктов; вследствие этого столовая ежегодно приносила дефицит, иногда до нескольких тысяч

рублей.

В здании Училища столовая помещалась до 1905 года, когда явилась возможность перевести и ее также в здание Общежития для студентов И.Т.У. В 1906 году студенты обратились к Комитету Общества с просьбой передать столовую в самостоятельное заведывание студентов.

[...] Самостоятельное заведывание столовой студентами продолжалось 2 года...

[...] Комитет Общества, указавши студентам на трудность ведения столовой и на несправедливость нареканий студенчества на Комитет О-ва, согласился принять столовую в свое ведение, если только в заведывание столовой вступят дамы, – члены Общества.

Была отправлена депутация, составленная из членов Комитета О-ва и представителей от студентов, к В.А. Морозовой, А.А. Федоровой, М.Э. Лист, А.К. Киричко и В.А. Чернышевой – с просьбой оказать Обществу Вспомоществования свое содействие.

Вышеупомянутые лица согласились войти в состав Комитета для заведывания столовой. Работа эта этого Комитета текла вполне успешно в продолжение 1901–1910 учебного года [осенью 1910 г. Дамский Комитет сложил с себя полномочия].

ПЕРЕЧЕНЬ АКТОВ, на которые опиралась и в которых проявлялась деятельность Общества Вспомоществования за истекшие XXV лет

Наименование работ	Годы их выполнения	Кто принимал главное участие в выполнении работы
[…]		
4. Налаживание деятельности Общества в первые годы его существования – труднейший период его жизни	1889–1893	Первый Комитет Общества во главе с его Председательницей В.А. Морозовой

[…]		
12.Собирание средств на постройку Общежития		
а) Получение Правительственной субсидии в 100 т. р. через Министра Финансов	1898	Г. Министр Финансов С.Ю. Витте и Председательница О-ва Вспомощ. В.А. Морозова
б) Собирание пожертвований между учреждениями и лицами на сумму около 113 400 руб.	1896–1899	П.п.гр. Н.П. Алексеев, Председательница О-ва В.А. Морозова, инженер-механик Н.П. Зимин и профессор П.К Худяков
[…]		
13. Выполнение постройки Общежития для студентов на капиталы, собранные Обществом Вспомоществования, и на капиталы, временно позаимствованные из неприкосновенных фондов О-ва Вспомоществования	1900–1903	Строительный Комитет под Председательством директора И.Т.У. И.В. Аристова; Комитет О-ва Вспомоществования под Председательством В.А. Морозовой

Председателем Общества В.А. Морозова была 7 мая 1889 – 22 декабря 1904 гг.

Казначеем Общества В.А. Хлудов был 12 марта 1889 – 14 апреля 1891 гг.

На собрании, посвященном двадцатипятилетию Общества Председатель Общества Вспомоществования нуждающимся студентам И.Т.У. В.Ф. Лист обратился к присутствующим со следующей речью:

"Милостивые Государыни и Милостивые Государи!

Благой пример Петра Кондратьевича [Худякова] подал мысль

Комитету Общества предложить создать два новых неприкосновенных именных капитала, отчислив в каждый из оборотных средств Общества по одной тысяче рублей с тем, чтобы эти капиталы способом пожертвований, отчислений и т. п. средствами росли подобно другим неприкосновенным капиталам и чтобы проценты с этих капиталов шли на пособия в какой-либо из форм, практикуемых Обществом. От имени Комитета Общества предлагаю сегодняшнему годичному собранию сделать такое постановление, наименовав эти фонды: один – капиталом Почетного Члена Общества В.А. Морозовой, а другой - капиталом Почетного Члена П.К. Худякова и этим выразить глубокую признательность этим нашим почетным членам, так много потрудившимся и так много сделавшим в пользу дорогого нам дела"».

Письма Богданова Егора Егоровича Чупрову А.И.:

б/д

«*Александр Иванович*![164]

Пишу тебе из Москвы.

А почему я в Москве, тому следует краткое объяснение. Морозова [В.А.] рекомендует меня в заведующие общежитием для студентов Технического училища, состоящего на иждивении Общества вспомоществования, в котором, как тебе вероятно известно, она состоит президентом.

Инспектором училища состоит некто Цыркунов, который принял меня очень сердечно, так как знает меня через общих знакомых. Был я сегодня и у директора Федорова. Он говорит, что было бы хорошо иметь рекомендацию от тебя. В прошении своем, по совету директора, я сказал, что меня знаешь ты и Янжул. Я вел обо всем этом разговор с Юлией, и она посоветовала мне написать тебе. Не можешь ли ты помочь в этом деле. Может быть, следует написать попечителю или директору училища. Только написать надо поскорее, потому что выбор состоится не дальше половины сентября. Мне улыбается жизнь в Москве [до этого письма Чупрову от него приходили из Орла, Твери, Мугреева – имения, полученного в

наследство В. Морозовой] вместе с детьми, а затем можно ежегодно брать отпуск. Так что и хозяйство можно продолжать.

Твой Егор Богданов»

В письме, написанном, очевидно, в 1903 г.[165], говорится о том, что Морозова перед отъездом за границу познакомила Е. Богданова с членами комитета общества Зиминским (водопроводчиком) и профессором Петровским, «ей нужно было удовлетворить их самолюбие». Также Богданов впервые познакомился с бывшим инспектором Цыркуновым, подавшим в отставку. Ему представили Богданова как будущего заведующего общежитием по рекомендации Морозовой. Было замечено, что заведующего надо было назначить еще до начала строительства здания, так как оно обошлось ужасно дорого, да и затем никто не смотрел за отоплением и т. д. Из беседы с Цыркуновым Богданов пришел к выводу, что все зависит от Морозовой, но «она бережет "грошики", без нее общежитие давно было бы открыто».

1903 г. Уже 2 месяца Е. Богданов в Москве. Следующее письмо[166]:

«*Дела Общества вспомоществования студентам Технического училища очень плохи, денег нет, долгов масса, везде неурядицы. Не знаю, что из всего этого выйдет, но делать нечего, надо тянуть. Может быть и ничего, мало по малу наладится. С 1-го октября открылось наше Общежитие, квартирантов у меня сейчас 40 человек. Дело идет о том, чтобы установить с ними modus viorudi. Иной раз кажется, что мы споемся, а там смотришь и опасаешься, что все расстроится. За последние дни я так истрепал нервы, что не могу на ночь ни спать, думать.*

[...] *Нужно тебе сказать, что при Общежитии есть еще столовая для студентов, в которой обедают около 500 человек... Много зависит от Морозовой. Она – большая сила. Если бы только удалось ее подвинуть, задеть самолюбие... Мой адрес. Москва. Общежитие для студентов Императорского Технического Училища.*

На днях будет заседание Комитета под председательством

Морозовой. Она уехала в Питер просить субсидию на Общежитие. Без нее даже заседание не хотят назначать. Боятся, вдруг не дадут поставщики леса или [неразборч.] на отопление и т. п. Думаю, что если бы она вздумала уйти из Общества, то никто из поставщиков не согласился бы поставлять продукты. Дом построен безобразно, везде сквозит, в кухне нет вентиляции и едва ли можно ее сделать, двери из сырого теса, повелись, плохо затворяются, студенты не идут на квартиры, находят, что в частных домах дешевле. Одним словом, не знаю, как пойдет дело дальше.

Твой Егор Богданов»

Письмо от 7 февраля 1904 г.[167] :

«*Дорогой Александр Иванович!*

[...] *Мое стремление к радикальной перемене образа жизни ни к чему не привело. Устав Общества до сих пор не утвержден, а кроме того, нашелся, по видимому, как видать более подходящий, так что я махнул на дело рукой. В результате одно неприятное чувство и немалое расстройство дел из-за двух поездок в Москву в самое рабочее время...*»

Дело обучения и воспитания представителей малообеспеченных слоев общества было основным в благотворительной деятельности Варвары Алексеевны на протяжении многих десятилетий. Особенную заботу Морозова проявляла по отношению к детям. Благодаря ей в Клинском уезде были открыты и существовали сельские школы.

«Клинский уезд

Дер. Кабаново

Одноклассная смешанная школа Морозовой, основана в 1892 г., относится к МВД, обучаются 84 мальчика, 16 девочек, имеет собственное здание, расходы в год – 1508 руб.

Вторая школа Морозовой, основана в 1895 г., относится к МВД, на 116 мест, обучаются 78 мальчиков, 38 девочек, расходы в год – 1350 руб.

Дер. Кузнечкова

Земская школа Морозовой, основана в 1899 г., относится к МВД, на

100 мест, обучаются 75 мальчиков, 25 девочек, имеет собственное здание стоимостью 8000 руб., расходы в год – 1500 руб.

Село Редино

Народная школа Морозовой, основана в 1895 г., относится к МНП, на 80 мест, обучаются 51 мальчик, 16 девочек, имеет собственное здание стоимостью 7000 руб., расходы в год –1300 руб.

Село Спасо-Нудоль

Школа Морозовой, основана в 1897 г., относится к МНП, на 80 мест, обучаются 53 мальчика, 20 девочек, 1 мужчина, 1 женщина, имеет собственные здание и землю стоимостью 8200 руб., расходы в год – 1552 руб.».[168]

«Клинский уезд

С. Майданово – имения Морозовой и Голикова, частная школа Морозовой (3 версты от уездного города).

Майданово III – имение Морозовой и частная школа (6 верст от уездного города).

С. Редино Солнечногорской волости – училище, содержимое на средства Морозовой.

Дер. Екатериновка Троицкой волости – училище Морозовой.

Дер. Кабаново Василевской волости – школа им. Морозовой.

Дер. Кузнечково Петровской волости – школа Морозовой.

С. Спас-Нудоль – 1-классное частное Морозовское училище».[169]

А вот данные, предоставленные тверским краеведом В.Н. Асеевым:

«Майдановская школа в Клинском имении В.А. Морозовой на 100(?) мест. Школа основана в 1895(?) г. Впоследствии, около 1900 г., на средства хозяйки имения построено двухэтажное деревянное здание школы со службами, которое функционировало до 1917–1918 учебного года включительно. Затраты на школу составили в 1901 г. 1585,8 руб., в 1917 г. – 2837,37 руб. Оценка общей стоимости расходов на постройку и содержание школы в течение 23 лет – 50 000 руб.»[170]

«Школа в селе Редино Солнечногорской волости Клинского уезда на 80 мест основана в 1895 г., существовала на средства попечительницы до 1917 г. Затраты в 1901 г. составили 1295,55 руб., в 1917 г. – 2202, 19 руб. Оценка общей стоимости расходов за 22 года 40 000 руб.»[171]

«Школа в дер. Кузнечково Петровской волости Клинского уезда существовала на средства попечительницы с 1899 по 1917 г. В 1901 г. расходы составили 1539,3 руб., в 1917 г. – 2461,39 руб. Оценка общей стоимости расходов за 18 лет – 45 000 руб.»[172]

«Спас-Нудольская школа при дер. Шариной Клинского уезда им. В.А. Морозовой на 80 мест устроена в 1897 г. Затраты в 1901 г. составили 1603,83 руб., в 1917 г. – 2461, 39 руб. оценка общей стоимости расходов за 18 лет – 45 000 руб.»[173]

«Кабановская школа на 100 мест им. В.А. Морозовой при дер. Кабаново Василевской волости Клинского уезда основана в 1892 г. и финансировалась из средств В.А. Морозовой до 1917 г. включительно. Расходы в 1901 г. составили 1729,58 руб., в 1917 г. – 4214,93 руб. Оценка затрат на содержание шклы за 25 лет 55 000 руб.»[174]

«Школа им. В.А. Морозовой в дер. Екатериновка Троицкой волости Клинского уезда на 100(?) мест: одноэтажная деревянная, площадью около 250 кв. м, с двумя классными комнатами и кухней-столовой была построена и содержалась за счет попечительницы с 1903(?) по 1917 г. В 1917 г. затраты на содержание составили 1687,8 руб. Оценка затрат на содержание школы за 14 лет с учетом введения в 1910(?) г. бесплатного горячего питания для детей составляет 28 000 руб.»[175]

«Основание и содержание школы им. В.А. Морозовой в дер. Змиево Кумардинской волости тверского уезда и губернии на 80(?) мест близ имения Поповки: одноэтажная деревянная, площадью 250 кв. м, однотипная с Морозовскими школами в Кузнечкове и Екатериновке, функционировала с 1905(?) по 1917 г. на средства В.А. Морозовой, поступающие из главной фабричной конторы в Твери и, в меньшей мере, со счета личных расходов

попечительницы. Оценка затрат на строительство и содержание школы в течение 12 лет по аналогии со школой в Екатериновке составляет 25 000 руб.»[176]

«Тверской епархиальный статистический сборник[177] сообщает, что в 4 округе Тверского уезда две школы вместе – земская и Морозовская – имеют 148 учеников.»

«Содержание четырех школ при Селижаровской-Кошинской конторе товарищества Тверской мануфактуры (Бобровниковской, Лоховской, Волговской, Юшинской) за счет личных средств В.А. Морозовой прослеживается по архивным документам с 1905 г. с нарастающим уровнем затрат. Принимая на отрезке в 12 лет в среднем половинный уровень затрат по отношению к эталонному 1916/1917 г., получаем оценку благотворительных затрат по Кошинской группе школ 44 000 руб.»[178]

Представляет интерес заметка, написанная Морозовой и опубликованная в «Русских Ведомостях»[179]:

«Горячая пища в сельских школах

Письмо в редакцию

Во время посещения мною, в качестве попечительницы, одной из школ в Клинском уезде Московской губернии мне пришлось обратить внимание на скудную пищу, которую приносят с собой школьные дети. Большинство из них принесло с собой кусок черного хлеба и бутылку, наполненную простой водой с несколькими ягодками брусники. Это навело меня на мысль устроить по возможности в заведываемых мною сельских школах более здоровый способ питания и давать детям горячий обед. Опыт, сделанный в первой школе, сразу убедил меня в сравнительно хороших результатах этого нововведения и, главное, в том, что при желании со стороны лиц, могущих оказать подобную помощь учащимся, в сельских школах, – дело это легко осуществимо при незначительных затратах на него. Считаю полезным привести следующие данные для сведения лиц, желающих снабжать школьных детей горячей пищей.

На первоначальное устройство столовой примерно для 70-ти учеников требуется:

2 больших обливных чугуна по 1 $^{1}/_{2}$ ведра ценою оба 2 р. 60 к., 1 средний в $^{1}/_{2}$ ведра 50 к., 2 кадки для капусты по 20-ти вед. обе – 4 р., 4 дерев. чашки средние по 50 к. – 2 р., 8 дюжин дерев. ложек по 2 к. каждая – 72 к., 1 большой ножик 30 к., 1 деревянное небольшое корытце для рубки мяса 25 к., 1 сечка 15 к., 2 таза жестяных для промывки мяса и мытья посуды по 50 к. – 1 р., 2 ведра для воды по 60 к. – 1 р. 20 к., 1 ковшик 25 коп., 2 ухвата, большой и средний, оба 40 коп. Итого 13 р. 37 коп.

На содержание столовой в течение семи учебных месяцев потребуется:

На 70 человек (русское мясо) 12 ф. в день по 9 к. фунт, в месяц на 17 р. 28 к., в 17 недель мясоеда на 73 р. 44 к., снятки в мясоед, в 2 постные дня недели 5 ф., в 17 нед. – 85 ф. по 12 к. на 10 р. 20 к., снятки в два поста 15 ф. в нед., в 11 нед. 165 ф. по 12 к. на 19 р. 80 к. Масло подсолнечное в мясоед 3 меры по 1 р. 60 к. 4 р. 80 коп. Пшена для кашицы в мясоед 1 $^{1}/_{2}$ меры по 2-3 р. Гороха в 2 поста 4 меры 1 р. 60 к. – 6 р. 40 к. Пшена в пост 1 мера 2 р. Капусты на 11 р. Картофель на семена 10 мер по 30 к. 3 р. Обработка земли под картофель 4 р. Муки подправочной 13 ф. в месяц, в 7 мес. 91 ф. по 4 к. – 3 р. 64 к. $3^{1}/_{2}$ пуда соли по 40 к. за пуд 1 р. 40 к. Жалованье ж. прислуге по 4 р. в месяц в 7 месяцев – 28 р.

Итого 183 р. 44 к.

Таким образом, содержание каждого ученика в учебный год обходится вместе с расходом на прислугу (7 месяцев) в 2 р. 62 $^{2}/_{35}$ коп. На эту сумму ученики получают горячий обед из одного блюда, а кроме того зимою и весною пользуются горячим ужином человек около 20-ти остающихся ночевать в дурную погоду в училище*.

Если условия местности позволяют, можно обработать при школе землю под картофель (можно также нанять для этого полосу у крестьян). Для обработки, например, в школе в селе Редине Клинского уезда приглашается местный крестьянин: он пашет и боронит землю два раза; при садке

картофеля, которая производится учениками, запахивает. А затем окучивает картофель; осенью, при сборе, выпахивает, а затем боронит землю. Все это он делает за четыре рубля. Картофеля сеется 10-12 мер, а собирается от 60-ти до 65-ти мер. Если же условия не позволяют засевать землю при школе картофелем, то следует к расходам еще прибавить на покупку 60- 65 мер картофеля.

Таковы условия, при которых можно кормить школьных детей хорошей горячей пищей. Этот доступный для многих вид помощи школьным детям, несомненно, приносит хорошие результаты. Позволю себе сослаться на отзыв старшего земского врача И.И. Орлова, посетившего 19-го сего октября описанную выше рединскую школу. И.И. Орлов нашел, что дети этой школы имеют вид гораздо более веселый и здоровый, чем дети тех школ, где не дается горячей пищи.

24-го октября.

В. Морозова

*Варится суп картофельный, щи, кашица гречневая или пшенная с мясом, в постные же дни – суп, щи, кашица со снятками, горох. Хлеб приносится из дома. Обедают ученики в две смены; на каждую чашку полагается до 10-ти человек. На человека приходится более глубокой тарелки. Сваренное мясо перед самым обедом вынимается из горшка, рубится на довольно мелкие куски и раскладывается по чашкам, куда вливается затем варево. Обед полагается в 12 ч. дня, а после обеда детям дается полчаса на прогулку».

Эта заметка дала возможность Варваре Алексеевне войти в число корреспондентов, пишущих для «Русских Ведомостей», и ее имя было упомянуто в конце сборника, где в алфавитном порядке были перечислены все те, кто сотрудничал с «Русскими Ведомостями» на протяжении 50 лет: «Морозова, Варвара Алексеевна, общественная деятельница, поместила в "Русских Ведомостях" статью: "Горячая пища в сельских школах" (1901 г., № 297)».

И вновь данные изысканий тверского краеведа В.Н. Асеева:

В Тверской губернии В. Морозовой была основана лечебница, носившая ее имя и находившаяся при дер. Мухино Городище близ имения Поповка. «Годовые расходы 1916–1917 гг. на медикаменты для лечебницы по счету товарищества В.К. Феррейн составили 1527,76 руб. Два деревянных одноэтажных здания лечебницы по 250 кв. м каждое (амбулатория и дом для проживания персонала) стоимостью с оборудованием около 8000 руб. начали функционировать в 1905(?) году. Оценка суммарных расходов В.А. Морозовой за 12 лет работы лечебницы составляет 20 000 руб. Необходимо уточнение степени земского участия в лечебнице».[180]

Комитет грамотности при Императорском вольном экономическом обществе

В Центральном историческом архиве Москвы хранится письмо Калмыковой Александры Михайловны Чупрову Александру Ивановичу из Санкт-Петербурга, написанное 25 октября (предположительно 1890 г.) [181]:

«*Многоуважаемый Александр Иванович!*

[…] *Пишу Вам по следующему делу. Комит. Грамотности имеет право ежегодно присуждать золотую медаль за полезную деятельность на пользу нар. образования. В прошлом году она была присуждена Мокушину(?), известному деятелю в Сибири. Из намечен. в этом году кандидатов наиболее симпатичным является Морозова, основательница Тургеневской Читальни и устроительница школ, яслей и др. полезных учреждений для детей рабочих фабрики Морозовых близ Твери. Очень приятно было бы присуждением медали обратить внимание Общества на просветительную и филантропическую деятельность именно в этой среде, но, конечно, чтобы нравствен. каждого лица отвечала бы известн. поступкам. Благодеяния оказываются нередко богачами по мотивам далеко не симпатичным.*

Пожалуйста, Александр Иванович, в общих чертах охарактеризуйте Морозову, которая Вам, как москвичу, конечно, известна. […]

Всего хорошего

А. Калмыкова»

Письмо, адресованное также А.И. Чупрову:

«*Комитет Грамотности,*

Состоящий при Императорском

Вольном Экономическом обществе

17 ноября 1890 г.[182]

Милостивый Государь, Александр Иванович!

А.М. Калмыкова передала мне, как председателю Комитета Грамотности, письмо Ваше о деятельности на пользу начального народного образования В.А. Морозовой. Увидев из этого письма, как сочувственно Вы отнеслись к сделанному мною предложению присудить в нынешнем году г-же Морозовой золотую медаль И.В.Э. Общества и взяв на себя, по просьбе Комиссии, труд составления доклада о ее деятельности, я позволяю себе обратиться к Вам, Милостивый государь, с следующими двумя просьбами: 1-я, разрешить мне приводить в докладе, который потом будет напечатан, подлинные слова Вашего письма с указанием Вашего имени, как лица, наиболее, по моему мнению, компетентного в настоящем случае? И, во-2х, не соблаговолите ли Вы сообщить мне о том, как вообще велика сумма, пожертвованная Варварой Алексеевной на устройство психиатрической клиники в Москве? В какую сумму обошлось ей устройство Тургеневской библиотеки и читальни (постройка дома, первоначальное обзаведение и содержание библиотеки). Цифровые данные о стоимости дома для приюта гувернанток, здание Рогожской начального училища, содержание этого училища, а также о том, во сколько обходится Варваре Алексеевне содержание слесарно-столярной учебной мастерской для мальчиков и приют для девочек.

Все эти сведения мне крайне желательно получить и притом, в виду спешности дела, в непродолжительном времени.

Пользуюсь настоящим случаем, чтобы выразить Вам мое искреннее и глубокое уважение, с которым остаюсь всегда готовым к услугам

Яков Тимофеевич Михайловский».

На одном из заседаний Совета Комитета Грамотности при И.М.О.С.Х., состоявшемся в октябре 1892 г., председателем был поставлен на баллотировку вопрос о необходимости избрать Комиссию для помощи учащимся в школах местностей, пострадавших от неурожая. Большинством голосов было решено избрать эту Комиссию. По предложению председателя были избраны по запискам члены Комиссии для помощи учащимся в народных школах местностей, пострадавших от неурожая. Среди прочих была избрана и В.А. Морозова.

В феврале 1893 г. состоялось заседание Комитета Грамотности под председательством председателя Комитета, Н.П. Горбунова, при участии 104 членов, среди них – В.А. Морозова, состоявшая членом Комитета с 18 декабря 1890 г. с правом ежегодного взноса в пользу Комитета.[183]

В 1896 г. Варвара Алексеевна Морозова (внесена в список 30 мая 1896 г.) и Василий Михайлович Соболевский (внесен в список 27 ноября 1896 г.) числятся уже пожизненными членами Московского Общества Грамотности. В Общем отчете о деятельности Комиссий Московского Общества Грамотности за 1896 год сказано, в том числе: «Деятельность Комиссии по воскресным школам выразилась в содействии к открытию новых воскресных школ и в материальной помощи существующим школам.

В 247 сельских школ высланы школьные библиотеки, причем в 128 из этих школ высланы книги и брошюры для народных чтений особой Подкомиссией на средства

В.А. Морозовой, а в 14 школ кроме библиотек еще и учебники. Все эти сельские библиотеки и учебники обошлись в 4695 р. 81 к., из коих В.А. Морозовой пожертвовано 1045 р. »[184]

«Третьего дня состоялось заседание совета Московского общества лиги образования, на котором обсуждалось предложение В.А. Морозовой о принятии на средства лиги земских школ, закрытых по недостатку средств.

Предложение г-жи Морозовой принято единогласно, причем для

усиления средств лиги образования Общество решило на днях выпустить воззвание к населению Москвы с призывом поступать в члены Общества всех сочувствующих его целям».[185]

В.А. Морозова числилась (в 1891 г.) среди действительных членов (под № 111) Общества распространения между образованными женщинами практических знаний. Общество находилось под августейшим покровительством ЕИВ великой княгини Елизаветы Федоровны.

Московское Общество Воспитательниц и Учительниц

Варвара Алексеевна считала необходимым помогать не только воспитанникам школ, но и учительницам начальных учреждений и гувернанткам.

В книге о деятельности Московского Общества Воспитательниц и Учительниц[186] говорилось: «Первая мысль об устройстве женского общества самопомощи возникла в эпоху 60-х годов среди кружка женщин, более или менее близко стоявших к делу воспитания и обучения. Сначала это был очень небольшой кружок... В 1866 году, в частных собраниях кружок этот выработал устав Общества Гувернанток и представил его на утверждение. Но устав в то время утвержден не был вследствие того, что проектируемое Общество не имело в своем распоряжении основного капитала, обеспечивавшего его существование... Но... в 1869 году... был составлен И.Ю. Давидовым новый устав, который и был утвержден Министерством Внутренних Дел, по ходатайству Обер-пастора Генриха Генриховича Дикгоф... Обер-пастор... собрал капитал в десять тысяч, которые и предоставил Обществу в день его первого Общего Собрания.

Первое Общее Собрание Общества состоялось 29 ноября 1870 года.

Члены Комитета:

председательница – Елизавета Ивановна Мамонтова,

ее помощница – Елизавета Карловна Фреймут,

казначей Общества – Петр Матвеевич Гензель,

секретари – Сергей Александрович Блюменталь, Александр Петрович

Рашков.

Первым учреждением Общества была Рекомендательная контора (открыта в 1871 г.).

Для пополнения педагогических знаний, для ознакомления теоретического и практического с лучшими методами преподавания, в феврале 1872 года организованы «Педагогические курсы». Число слушательниц на курсах достигает в последнее время до 250 человек и курсы имеют неприкосновенного капитала около 5600 руб.

Педагогические курсы, на которые учительницы Московских Городских школ принимаются бесплатно, пользуются от Московской Городской Думы ежегодной субсидией в 1500 р. Число городских учительниц в последние годы достигает до 60 лиц.

В 1875 году, как необходимое дополнение к Педагогическим Курсам, устроена при них «Образцовая школа», в которой руководители курсов дают образцовые уроки, а слушательницы – пробные уроки. Число учащихся в школе более 70 человек.

В 1873 году при квартирах Общества были устроены две бесплатные комнаты для лиц, нуждающихся, по расстроенному здоровью, в отдыхе и покое, чем положено было начало «Дому Призрения».

В 1880 году Ее Величество Государыня императрица Мария Феодоровна удостоила принять Общество под свое Августейшее Покровительство.

В 1880 году устроена комната для больных имени Ю.И. Зубковой, которая пожертвовала для этой цели 2000 р. В 1883 году В.А. Морозова пожертвовала 3000 р. на устройство комнаты для больных, имени А.А. Морозова. В 1886 году была начата постройка «Дома Призрения», на земле, пожертвованной В.А. Морозовой, и в 1887 году этот дом был открыт».

В книге по поводу 10-летия коллективных уроков Общества Воспитательниц и Учительниц[187] сказано: «Необеспеченное положение учительницы и гувернантки, трудящейся всю жизнь для других, чтобы

остаться без своего угла, давно обратило на себя внимание лиц, стоящих близко к делу воспитания, и вызвало учреждение в 1870 г. женского Общества Воспитательниц и Учительниц, которое ныне переживает 28-й год своего существования.

Насчитывая до 2000 членов, Общество имеет счастье пользоваться Августейшим Покровительством Государыни Императрицы и считать в числе почетных своих членов Ее Императорское Высочество Великую Княгиню Елизавету Феодоровну.

[...] Первоначально Коллективные Уроки помещались в конторе и школе Общества. То и другое помещение очень скоро оказалось невозможно тесным по причине быстро увеличивающегося числа членов, посещавших уроки. Благодаря содействию почетных членов Общества В.А. Морозовой и Е.В. Барановской, Комитет получил для Коллективных Уроков даровое помещение в д. Сабашниковых, на Арбате, а потом в доме Морозовой на Тверской. В настоящее же время Коллективные Уроки помещаются в доме Гирш на Поварской, где имеют 2 больших аудитории, и др. помещения.

[...] Комитет Общества Воспитательниц и Учительниц, устройством Коллективных Уроков хотя отчасти восполнивший недостаток в Москве высшего образования для женщин, надеется найти сочувствие и поддержку всех, кому дороги интересы подрастающего поколения».

В письме Елизаветы Мамонтовой к А.И. Чупрову (1897)[188] говорится о ее сожалении по поводу выхода В.А. Морозовой из благотворительного Общества, где Елизавета Ивановна была председательницей. Очевидно, имелось в виду Общество Воспитательниц и Учительниц.

«*Глубокоуважаемый*

Александр Иванович!

Я и все члены Общества нашего страшно огорчены решением Варвары Алексеевны выйти из Общества, это была бы незаменимая потеря. Я уже стара, чувствую, что силы мне уже изменяют и утешала себя всегда только тем, что Варвара Алексеевна меня заменит в Обществе. Прошу Вас,

сделайте одолжение лично для меня и для Общества, повлияйте на нее, она так Вас искренно уважает, нельзя ли чтобы она изменила свое решение. […]

Е. Мамонтова

21 февраля 1897 г.»

О результатах переговоров А. Чупрова и В. Морозовой сведений не найдено.

О персональной материальной помощи учащимся, оказываемой Варварой Алексеевной, говорит следующее письмо А. Чупрова, однако к ней обращались за содействием, участием в благотворительных делах и через посредников, не зная ее лично.

Письмо А.И. Чупрова В.А. Морозовой 1900 г.(?)[189]:

«*Высокоуважаемая*

Варвара Алексеевна.

Вы, вероятно, слышали от Василия Михайловича, что я решился остаться на целый год за границей. Выезд мой из Москвы лишает меня возможности устраивать получение и передачу Ваших пособий и стипендий тем простым способом, как это делалось доселе. Позволяя себе надеяться, что Вы и на будущее время не откажете в поддержке тем лицам, которым помогали до сих пор, я предлагаю на Ваше усмотрение следующий порядок передачи Ваших пособий; благоволите посылать сумму для пособий, передававшихся раньше через меня, в контору «Русских Ведомостей» Юлии Егоровне Богдановой или ежемесячно, или за несколько месяцев, как Вы делали при мне. Ю.Е. Богданова согласилась передавать и рассылать эти пособия и будет делать это, конечно, с полной аккуратностью.

До сих пор Вы ежемесячно оказывали через меня следующие пособия:

1. Астыревой Евгении Николаевне 20 р.

2. Измайловой Пульхерии Николаевне 15 р.

3. Хлюстиной Анне Сергеевне, студентке медицины в Лозанне 15 р.

4. Иевлевой Елизавете Алексеевне, студентке медицины в Лозанне 10 р.

5. Поповой Вере, студентке медицины в Женеве 25 р.

6. Шапиро Ольге, студентке медицины в Женеве 20 р.

Итого –105 р.

Я получил от Вас в мае месяце 500 р., которых хватит до половины октября. Поэтому, если Вы будете согласны с предложенным выше планом, благоволите по возвращении в Москву послать деньги сколько найдете удобным, Ю.С. Богдановой.

[…] *От всей души желаю Вам хорошо поправиться за границей и благополучно вернуться в Москву.*

С глубоким почтением остаюсь (подпись)»

Письмо Калмыковой А.М. к Морозовой В.А. 1902 г. Берлин (сентябрь)[190]:

«*Глубокоуважаемая Варвара Алексеевна, не было ни одного просветительного общественного движения у масс, в котором бы Вы не приняли участия.*

Думаю, что план устройства высших технических курсов для женщин, не может не встретить в Вас сочувствия.

По всем условиям нашей жизни вновь выдвинутая задача вполне современна. Подательница этого письма Прасковья Наумовна Ариан – лицо искренно заинтересованное в этом новом деле. Не откажите, многоуважаемая Варвара Алексеевна, ей в возможности сообщить Вам, что уже сделано по этому вопросу в Петербурге.

Пользуюсь случаем послать Вам привет и всяческие пожелания.

С искренним уважением

А. Калмыкова».

Письмо от 19 ноября 1898 г.[191]:

«*Многоуважаемый*

Александр Иванович

В прошлую субботу я оставил у Вас брошюру «Оздоровление Хитрова рынка» и гектографированный проект финансовой стороны устройства

акционерного общества ночлежных домов. Еще раз позволяю себе беспокоить Вас покорнейшей просьбой о Вашем содействии заинтересовать этим акционерным обществом Варвару Алексеевну Морозову. Если она пожелает ближе ознакомиться с этим делом, то я не замедлю доставить Вам подробные сметы и подписной лист, где уже подписано 100 000 Марьей Федоровной Морозовой, 50 000 Расторгуевым и заявлено согласие на участие на 10000: Конрадом Карловичем Банза, Григорьем Александровичем Крестовниковым, г. Марком и г. Вогау и др.

Надеюсь на Вашу постоянную готовность помочь всякому благому начинанию и памятуя Ваши прежние поддержки, оказанные нашему делу, имею надежду, что и на этот раз Вы не откажете в Вашем содействии.

В ожидании ответа остаюсь

готовый к услугам

С. Курнин»

К письму приложена «Объяснительная записка к проекту об учреждении Акционерного Товарищества ночлежных домов в Москве»[192].

Письмо к Чупрову от 27 августа 1898 г. от Елизаветы Каменской из г. Козлова, Юрловской волости[193]:

б/д

«*Глубокоуважаемый Александр Иванович!*

В селе Машкове-Сурены, Козловского уезда, Тамбовской губернии, где я состою сельской учительницей, закрыта школа. Здание было такое ветхое, что подрядчики отказались его ремонтировать. Козловское земство принимает школу в свое ведомство на том условии, если крестьяне построят на свой счет здание под школу. Но крестьяне… положительно не в силах сделать подобной затраты.

Екатерина Викуловна Горбунова пожертвовала 500 руб., но этой суммы недостаточно; по смете нужно всего 2000, не достает, следовательно 1500 т. р.

Зная отзывчивость Варвары Алексеевны Морозовой на нужды по

народному образованию, осмеливаюсь обратиться к ней через Ваше содействие, Глубокоуважаемый Александр Иванович, с просьбою помочь в постройке нашей школы в том размере, в каком найдет это возможным Варвара Алексеевна.

С глубоким уважением

Остаюсь Елизавета Каменская»

Пречистенские рабочие курсы

В.А. Морозова принимала посильное участие и в строительстве специального здания для Пречистенских курсов, бывших под негласным надзором полиции.

О курсах так писала в своих мемуарах Э.О. Вахтерова[194]:

«Этим Пречистенским курсам, через которые проходили тысячи рабочих, дается следующая характеристика в тех же материалах охранки: «Пречистенские классы для рабочих, душой которых является дворянин С.А. Левицкий и жена поднадзорного публициста Н.А. Гольцева, всегда были излюбленной ареной деятельности неблагонадежного элемента и представляют удобную почву для распространения антирелигиозных и противоправительственных идей. […] На Пречистенских курсах для рабочих 64 преподавателей неблагонадежных было 24…»

«В 1910–1911 гг. Россия занимала 22-е место в Европе по числу учащихся на 100 человек населения и 15-е место по расходам на народное просвещение в расчете на 1 жителя…

Особая роль в начальном приобщении трудящихся к знаниям и культуре выпала на долю противостоявших казенной системе образования просветительных учреждений «частной инициативы» – воскресных школ, народных университетов, народных домов и др. Одним из таких учреждений и были **Пречистенские рабочие курсы** (выделено нами. – Прим. сост.).

Именовавшиеся официально «вечерними и воскресными классами для рабочих» Пречистенские курсы возникли в 1897 г. под эгидой московского отделения Русского технического общества – влиятельной общественной

организации, уделявшей много внимания… развитию в стране профессионально-технического и общего образования… Они просуществовали более двух десятилетий и в 1919 г. были преобразованы в рабфак, носивший до конца 1920[x] гг. имя Н.И. Бухарина. [Н.И. Бухарин одно время направлял работу большевистских кружков (курсы являлись их нелегальным представительством). Будучи членом Московского комитета РСДРП, в 1909 г. он впервые появился на Пречистенских курсах, чтобы проконтролировать ведение кружков по поручению МК.]

[…] Помимо педагогов, в состав правления [курсов] входила В.А. Морозова – представительница московской либеральной буржуазии... [Она же] являлась пайщицей газеты «Русские ведомости», организовала образцовую школу для рабочих тверской фабрики… Без пожертвований общественности курсы не могли бы ни обучать бесплатно, ни построить собственное здание в Нижне-Лесном (ныне Курсовом) пер. Только в конце 1909 г. курсы впервые получили субсидию от Городской думы, признавшей их «несомненную пользу» «в деле искоренения невежества и распространения света знания».

[…] Общее количество преподавателей… достигало 150 человек. [Текучесть среди преподавателей по разным причинам была большой.]

[…]С самого начала на курсы поступали не исключительно рабочие [все обучавшиеся заполняли анкеты]… В низшей школе курсов (для малограмотных) фабрично-заводские составляли 53%, ремесленники – 14 %, торгово-промышленные служащие – 12%, типографские рабочие – 7-10%, прислуга – 3-6%. [В средней школе количество рабочих уменьшалось за счет увеличения доли ремесленников и служащих.]

[…] Более значительный перевес рабочих был в так называемой высшей школе. При этом не менее половины всех поступающих на курсы учились в детские годы в сельских училищах…»

При курсах существовала библиотека, которая обслуживала до 1500 абонентов. Наиболее читаемы были: Толстой, Тургенев, Достоевский, Чехов,

Горький, Гончаров, Островский, Короленко, Пушкин (по мере убывания интереса к произведениям авторов).

«[…] Отвечая в 1907–1908 гг. на вопрос анкеты, обращенной к поступившим на курсы: «Какие науки вас наиболее интересуют?», две трети назвали науки гуманитарные (политэкономию, право, историю и литературу).

С 1915 и до апреля 1917 г. в здании курсов размещался лазарет. После Февральской революции и возвращения здания общее собрание слушателей и преподавателей приняло большинством голосов решение, согласно которому курсы отныне назывались социалистическими и порывали с Русским техническим обществом.

[…] Почти весь 1917 г. курсы использовались, главным образом, для проведения митингов и лекций на политические темы.

[..] С переходом к нэпу усилилось внимание к кооперации. При рабфаке были созданы организационно-инструкторские курсы кустарной промышленности и промысловой кооперации.

В 1922 г. торжественно отмечалось 25-летие Пречистенских курсов.»[195]

Воспоминания одного из организаторов курсов[196]:

«Если считать началом Пречистенских Курсов идейное зарождение, а не официальное открытие, то дата будет не 1897 год, а 1894 г. – время организации в Москве 2-го съезда по техническому и профессиональному образованию... Организатором, руководителем и официальным председателем съезда постоянной комиссии по техническому и профессиональному образованию в Петербурге, организовавшим там более 10 Курсов, был тогда ныне покойный А.Г. Неболсин. Приехав в феврале 1894 года в Москву, чтобы дать толчок устройству съезда, он нашел полную разрозненность среди лиц, которые могли бы составить ядро съезда. Вследствие ряда затруднений в работе, Московскую комиссию по техническому и профессиональному образованию покинули почти все ее члены; единственным непременным членом оставался я один. Эта

случайность и заставила А.Г. Неболсина обратиться ко мне и убедить меня взяться за трудное дело организации съезда... Присланная нам из Петрограда программа съезда, была весьма сужена; в ней стояли лишь вопросы чисто технического и профессионального образования, но не было вопросов, от решения которых самое профессиональное образование зависит. Проф. И.И. Янжул, назвав эту группу вопросов "общими вопросами", настаивал на организации особой "секции общих вопросов". В этой секции и зародились Пречистенские Курсы.

[...] Съезд закрылся в январе 1896 года; после этого началась большая подготовительная работа в постоянной комиссии по техническому образованию при Московском Отделении Русского Технического Общества. Тогда в Москве рабочих, занятых на производствах было около 200 000, и в торговле до 70 000. Степень образования в той и другой группе встречалась самая различная, хотя в большинстве это был народ малограмотный. Часть его стремилась к получению или к продолжению образования.

«Хронология Пречистенских Курсов: 1894 г., март – постановление Организационного Комитета 2-го Съезда по Техническому и Профессиональному образованию об открытии Секции "Общих вопросов"; 1895 г., апрель – разрешение Правительства на открытие Секции по "Общим вопросам"; 1895 г., декабрь – постановление съезда по Техническому Образованию (в Секции "Общих вопросов") о необходимости открытия Рабочих Курсов; 1896 г., январь – закрытие съезда и начало работы по организации Рабочих Курсов; 1897 г. 12 октября – открытие Пречистенских Курсов».[197]

«12 октября 1897 г. на Остоженке… против здания Коммерческого училища, в помещении начальной школы, состоялось скромное торжество: открылись "Вечерние классы для рабочих". Обучение было бесплатное, как гласили многочисленные объявления, развешанные в столовых и спальнях прилегающих к Пречистенке фабрик, заводов и других предприятий.

[...] В первый же день записалось 308 человек. Большинство

неграмотные и малограмотные.

Согласно уставу "Комиссии по техническому образованию" предусматривались… два отделения:

1. *Общие классы*, куда принимались неграмотные и малограмотные, не окончившие школы. Здесь было групповое распределение учащихся по степени грамотности (обычно 6 групп). В программу входили: русский язык, арифметика и так называемое "объяснительное чтение" по истории, географии, природоведению и литературе. Допускались воскресные чтения с волшебным фонарем популярно-научного и литературного содержания.

2. *Специальные классы*, куда принимались окончившие начальную школу или имеющие знания в объеме ее. Здесь допускался лекционно-беседный метод.

В программу первого года обучения, или "1 курса", входили русский язык, арифметика, геометрия, химия, физика, механика, история, география, естествознание, рисование, черчение и иностранные языки.

В 1902 г. впервые организовался и "2 курс", куда выделились желавшие заниматься всеми входящими в программу предметами…»[198]

«В 1897 г. курсы начали прием с 300 человек. Эта цифра росла из года в год, и с момента перехода в свое здание в 1908 г. пропускная способность курсов дошла до 1500 человек».[199]

«С первых дней существования Курсы открыли доступ рабочим не только к науке, но и к искусству.

Художник Николай Авенирович Мартынов был первым организатором занятий по изобразительному искусству. Начались они в конце 90-х гг.

[…] Когда Мартынов по болезни прекратил преподавание, его сменил художник Николай Николаевич Комаровский…. который начал занятия в начале 1908 г.

[…] Занятия по рисованию проходили два раза в неделю. [Устраивались тематические экскурсии.]

В конце 900-х гг. Пречистенские классы рисования начали устраивать

выставки работ учащихся, вначале закрытые, в здании Курсов, потом публичные. В 1912 г. выставку пречистенцев отправили на съезд по народному образованию в Петербург. Там она имела успех и неоднократно отмечалась в печати. В рецензиях критиков классы рисования Пречистенских курсов назывались "Народной академией художеств".

В 1912 г. Пречистенские курсы посетил И.Е. Репин.

[…] В 1910 г. среди учащейся молодежи Москвы появилось увлечение кубизмом, футуризмом и другими подобными «измами». Некоторые учащиеся Пречистенских курсов увлеклись ими.

[…] В конце 1913 г. на курсах было организовано скульптурное отделение, которым на протяжении трех лет руководила Анна Семеновна Голубкина. В 1914 г., когда помещение Пречистенских курсов было занято под лазарет, А.С. Голубкина отобрала несколько наиболее способных учащихся и предложила им заниматься у нее в мастерской, в Левшинском переулке.

Занятия по рисованию в это время проводились в другом помещении – в гимназии Поповой на Знаменке. В 1917 г. они прекратились».[200]

«Особую роль в жизни курсов сыграли загородные и дальные экскурсии. Администрация Курсов добилась разрешения на бесплатный проезд по железной дороге на расстояние 50 верст и на скидку для дальних экскурсий. Весной в праздничные дни почти со всех вокзалов выезжали наши экскурсии.

[…] Из дальних экскурсий памятны экскурсии в Крым, на Кавказ, к "Утесу Степана Разина" на Волге, в Петроград, в Финляндии, и даже за границу пробралось несколько человек. Была организована экскурсия и в Ясную Поляну, к величайшему русскому писателю Л.Н. Толстому. Личная встреча с Л. Толстым (10 июня 1910 г.) произвела на пречистенцев громадное впечатление».[201]

Долгое время у Пречистенских курсов не было своего собственного помещения, учащиеся были вынуждены менять места занятий, мало

приспособленные для этой цели – в доме Домовладельческого Общества на Пречистенке, в доме Шнейдер на Смоленском бульваре, в камере Хамовнического мирового судьи, в камере Арбатского мирового судьи, в церковно-приходской школе в Зачатьевском переулке, в Бахрушинской школе на Смоленском бульваре и др. «Руководители курсов (С.А. Левицкий и Н.А. Гольцева) давно считали необходимой постройку собственного здания и решили привести в исполнение задуманный план. Дело было трудное, но не безнадежное.

В.Н. Башкиров, архитектор, которому классы особенно должны быть признательны, вместе с художником Н.А. Мартыновым, одним из инициаторов постройки дома для классов и принимавшим самое горячее участие в сборе пожертвований для постройки здания, сделали небольшой эскиз будущего здания и вычислили, сколько потребуется на это денег, а также земли.

Имея под руками все необходимые данные, руководители обратились через Техническое Общество в Городскую Думу с просьбой предоставить в распоряжение классов городскую землю для постройки собственного здания. Председатель "Комиссии о пользах и нуждах общественных" В.И. Герье и видные думские гласные с большим сочувствием отнеслись к данному обращению классов, поддержали их ходатайство, и классы получили землю на арендных началах.

Несколько известных капиталистов-благотворителей и редакция "Русских Ведомостей" пришли на помощь классам и помогли своими капиталами осуществить давно лелеянную мысль – иметь собственное здание.

Закладка дома была начата в 1905 году 20 июня. Здание было окончено в 1907 году в декабре месяце. Постройка здания велась под наблюдением архитектора В.Н. Башкирова.

Здание Пречистенских классов помещается недалеко от Храма Спасителя, в Нижне-Лесном переулке. Оно имеет три этажа. В 1-м этаже

размещаются общие классы или низшая школа; здесь находится также квартира надзирателя дома. Во 2-м этаже – 1-й специальный класс, или средняя школа.

В 3-м этаже – 2-й специальный класс, или высшая школа. В третьем этаже имеется очень большой светлый зал, имеющий с обеих сторон широкие большие окна. Здесь может присутствовать 400 и даже 500 человек. Рядом небольшой зал, где помещаются классы рисования.

Во 2-м этаже помещается библиотека-читальня. Библиотека пожертвована классам С.А. Скирмунтом. Заведующая библиотекою, Е.А. Конкевич, обратила ее в публичную библиотеку, открытую на ее имя. В скором времени предполагается оборудование химической лаборатории имени М.П. Угримовой, бывшего казначея Пречистенских классов, в память которой сыновья покойной пожертвовали тысячу рублей рентой.

[...] Дом обошелся в 49 412 руб.72 коп. К 1 января 1912 года долг в 7989 руб. (подрядчикам – 4889 руб., Тех. Общ. – 2400 руб. и спец. фонду химической лаборатории – 700 р.

На постройку здания Пречистенских курсов было много пожертвований, в частности, – от В.А. Морозовой – 2000 руб., от М.К. Морозовой – 500 руб., от А.А. Морозова – 1000 руб., от П.[видимо, от И.] А. Морозова – 1000 руб. издателей "Русских Ведомостей" – 1500 руб.

[…] Наибольшую денежную помощь оказал С.М. Попов, [владелец суконной фабрики близ г. Воскресенска], который внес на постройку здания 14 565 руб. его последний взнос 4565 руб. помог закончить здание».[202]

«В 1906/1907 году Педагогический Совет решил образовать Общество для доставления средств Пречистенским вечерним курсам для рабочих Импер. Рус. Техн. Общ. Проект был выработан А.М. Величкиной и подан на разрешение. Председателем Общества Взаимопомощи был избран попечитель Пречистенских классов М.Г. Комиссаров, казначеем Общества – В.А. Морозова, товарищем председателя – А.М. Величкина, секретарем Т.В. Сотникова, товарищем секретаря – З.С. Яновская, казначеем классов состоит

Н.М. Полянский».[203]

Письма Чупрову А.И.:

«б/д, Москва

Добрейший Александр Иванович!

Вы, вероятно, слышали, что мы хлопотали о городской земле, чтобы построить помещение для "Пречистенских курсов для рабочих". Курсы эти (где читал между прочим и Степанов) существуют уже 8 лет. Два года тормозил хлопоты о земле Владимир Иванович Герье; наконец, мы землю получили, но дело так за это время разрослось, что потребовался еще лишний 3 этаж.

К работам мы уже приступили: закупили кирпич, заготовили двери и рамы.

Денег у нас получено и имеет быть получено около 13 тысяч рублей, кроме того есть еще обещания. Смета – приблизительно 35 тысяч. Спешить строить особенно необходимо потому, что теперь стройка обойдется процентов на 25 дешевле.

Варвара Алексеевна Морозова, которая дала 1000 рублей, советовала нам обратиться к Марии Федоровне Морозовой.

Но она больна и никого не принимает, поэтому мы, по совету умных и опытных людей, обращаемся к Вам с просьбой, посодействовать нам в нашем деле и написать от себя Марии Федоровне.

Искренно уважающий Вас

Н. Ав. Мартынов»[204]

«*18 мая 1906 г. Москва*

Многоуважаемый Александр Иванович!

3-х этажное здание для Пречистенских вечерних бесплатных народных курсов почти готово, теперь штукатурят и вставляют стекла... но главное, что может задержать пользование этим зданием – это не устроено еще отопление и канализация, на что надо до 9 тысяч руб.

Достать нам теперь невозможно и потому я опять обращаюсь к Вам. Напишите Марии Федоровне Морозовой, она Вам не откажет. Вы же обещали – только отложили. Полезность и даже необходимость теперь здесь этих курсов Вы понимаете.

Искренне уважающий Вас

Н. Ав. Мартынов»[205]

«ИМПЕРАТОРСКОЕ
РУССКОЕ ТЕХНИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО
Московское отделение
КЛАССЫ ДЛЯ РАБОЧИХ
Пречистенского района и близлежащих
местностей
МОСКВА
Пречистенка, д. Домовладельческого Общества

1905 г. Окт. 28 дня

Глубокоуважаемая
Варвара Алексеевна!

Педагогический Совет Пречистенских Курсов для рабочих приносит Вам глубочайшую благодарность за пожертвование в 1000 рублей на постройку собственного дома Курсов.

Инспектор Курсов (подпись)»[206]

Кустарный музей

Кустарный музей, возникший в Москве, тоже можно отнести к своего рода просветительским учреждениям. И здесь Варвара Алексеевна проявила свое участие, помогла окрепнуть и утвердиться вновь созданному заведению.

«В последние годы у нас все более и более развивается сознание необходимости серьезного изучения национальной промышленности, явились статистические, экономические и технические исследования,

уяснившие, в каком положении находятся у нас различные отрасли народного хозяйства... В то время, как все средства, предпринимаемые с целью поддержать крупные промышленные предприятия, приводили, в большинстве случаев, лишь к сомнительным результатам, лишенная всякого покровительства кустарная промышленность держалась собственными слабыми силами, выжидая того момента, когда поймут ее значение и придут к ней на помощь. Какую важную роль играет она вообще в производстве ценностей, видно уже из того, что количество ежегодно доставляемых ею изделий достигает 1 1/2 миллиарда руб., а число занятых домашней кустарной работой определяется не менее 7 1/2 миллионов человек.

[...] Московское земство, положившее начало правильному исследованию кустарных промыслов, первое пришло на помощь кустарям, и в мае текущего года открыло в Москве музей кустарных изделий, составленный, главным образом, из коллекций, бывших на всероссийской выставке 1882 г. Цель этого учреждения, по идее его учредителей, должна быть не только образовательная, но и коммерческая. При музее имеется склад изделий и он за небольшое комиссионное вознаграждение, всего в 10%, принимает на себя продажу вещей и прием заказов. Для тех из кустарей, которые, нуждаясь в оборотном капитале, пожелают получить часть стоимости товара вперед, выдаются небольшие авансы. Таким образом, музей по самой своей организации является живой непосредственной связью между производителями изделий и их потребителями.

[...] О самом помещении, за которое земство платит 1500 руб. в год (Знаменка, д. Лепешкина), нужно сказать, что оно довольно неудобно... Нет сомнения, однако, что в будущем, с дальнейшим развитием этого дела и с расширением торговых операций музея, явится возможность расширить помещение, особенно если на помощь кустарям придет правительство. Наконец, средства могут увеличиться и от частных пожертвований, когда идея о необходимости широкой поддержки кустарным промыслам глубже проникнет в сознание общества. Пример такого рода помощи мы уже имеем:

В.А. Морозова пожертвовала музею 3 тыс. руб. (земство ассигновало на его учреждение 4500 руб. в год)».[207]

«...Земством ассигновано на музей 3000 р., из которых издержаны 1760 руб. В.А. Морозова пожертвовала в пользу музея еще 3000 р., с тем, чтобы эта сумма расходовалась, по мере надобности, на приобретение лучших образцов кустарных изделий и орудий, а также и на другие надобности музея, по усмотрению земской управы.

Большое производство... никогда не отличалось особым содействием мелкому, и пример г-жи Морозовой заслуживает, чтобы на нем остановиться. Это мы делаем тем охотнее, что упомянутое пожертвование не есть отдельный и случайный акт в этом роде с ее стороны. Мы незнакомы с г-жей Морозовой, но имели случай осматривать две громадные фабрики в Твери, принадлежащие ей с родственниками, и убедились, что никакая фабричная инспекция и никакая учебная и санитарная инспекция не могут требовать того, что сделано на этих фабриках по личному желанию почтенной их владелицы.

Фабрики эти, бросающиеся в глаза всем проезжающим по николаевской дороге, носят название "Тверской мануфактуры" и существуют с 1859 года. Они состоят из двух отделов: 1) бумаго-прядильного и ткацкого; 2) красильно-отбельного и ситце-набивного. Число постоянных рабочих на обеих фабриках доходит до 5500 чел. и, кроме того, работают для них же до 1000 чел. на волжской пристани по разработке лесных материалов и их перевозке, и в четырех уездах Тверской губернии до 3000 чел. Итак, Тверская мануфактура – одна из самых больших в России. И вот, при этой фабрике устроена прекрасная больница на 100 кроватей, со всеми новейшими приспособлениями; доктор живет на фабрике, есть несколько фельдшеров и фельдшериц. В особом помещении находится родильное отделение с акушеркой. Амбулаторная помощь дается в фабричной лечебнице и всем приходящим из окружных деревень.

Есть приют для сирот фабричных служащих, колыбельня для

приносимых детей работающих на фабрике женщин, сюда приносят около 80 детей, которые остаются в колыбельне до окончания работы, получают пищу и одежду. Во время нашего обзора строилось еще новое помещение для 50 приютных и 150 колыбельных детей, причем предполагалось осуществить все современные требования по объему, свету и вентиляции. Особенного внимания заслуживает училище; оно свободно вмещает около 500 детей фабричных рабочих, приходящих из города и слободки, и до 300 работающих на фабрике взрослых и детей, которые учатся в промежутках работы. Все учебные пособия даются от товарищества Морозовых. Курс в школе трехлетний; учителей и учительниц состоит 9, с жалованьем гораздо высшим, чем какое может давать московское земство, а именно от 450 до 900 рублей при готовой квартире».[208]

В тверском архиве, в счетах В.А. Морозовой за 1901 и 1916 г., есть статьи расхода на благотворительность. (Найдены В.Н. Асеевым.)

Сумма, потраченная Варварой Алексеевной на благотворительность в 1901 г.[209]

№	Статья расходов	Сумма
1.	Пенсионеркам по книжкам	1190
2.	Пенсионеркам по чекам, выданным В.А.	1245
3.	Шанину, студенту за 3 месяца	450
4.	Патрикеевой (через Веселовскую)	200
5.	За икону Спасителя – Макарову	32
6.	Вспомоществование больному	15
7.	На карточку проездную, Вострякову	10
8.	За Марсеева в Учительский институт, квитанция № 9	200
9.	Егорову, сторож (нрзб) школы, по 1 сентября с.г.	100
10.	На благотворение Бларамберу, чек 87445	200

11.	Щербакову, чек №87446	250
12.	Щербаковой, пособие (нрзб), по 1 апреля с.г.	90
13.	Щербаковой, единовременно	300
14.	Щербаковой, по 1 апреля 1902	90
15.	Общест. Гувернант., по 1 февраля	994
16.	За билет благотворительного спектакля студент.	5
17.	Монашенке	3
18.	Московскому городскому управлению на постройку здания 2-го Рогожского женского училища	10000
19.	Моткову, учителю Клинской школы на лечение	50
20.	Хамовническому попечительству через Попова В.С.	100
21.	Вишнякову, студенту, чек 205277	100
22.	Студенту, послано с Рассказовой	25
23.	Розановой, март и октябрь по 25 р.	50
24.	Петровичу, повару, вспомоществование	5
25.	Щербаковой, вспомоществование, выделено лично В.А. без учета	0
26.	Богдановой, на благотворение, чек № 95289	420
27.	На праздник Ушинского	100
28.	Астыровой пожертвовано	35
29.	В техническое училище Силину Д.И. за образ Спасителя	40
30.	Для благословения Ермилова	40
31.	Марневу, за проповедь в Клину. Выдано по распор. В.А.	11,50
32.	Повару Импер. Технического училища. По распоряж. В.А.	15

33.	Тейтелю С.А. – агроному при Степном генерал-губернаторе, на сельскохозяйственную школу в Павлодаре	300
34.	Власову – за книжки талонные для столовой Технического училища	46,25
35.	Бедной – со Степановым Иваном	50
36.	Бедной – с горничной Дуняшей	20
37.	Зеньяшиновой в Крым, чек № 104414	500
38.	Бедной – чек № 104415, выдан В.А.	100
39.	Забыто, кому выдано чеком № 104416	100
40.	Забыто, кому на благотворение, чек № 104417	350
41.	Мизиновой, вспомоществование; Спиридоновка, д. Раевской	100
42.	Солодихиной – в Петербург, курсист., жен., медиц. инст. По 1 января 1902	250
43.	Левинсону – за билеты на лекцию П.Д. Боборыкина в Историческом музее в 1899	6
44.	За билеты на концерты в ноябре в пользу студентов Технического училища	6
45.	Студентам – вспомоществование	10
46.	Замятину Володе – вспоможение	25
47.	Ермилову, чек № 110210	300
48.	Малмыхоской (нрзб), уездн. земельное управление – на Пахотную школу «Ратаево»	400
49.	За билеты в пользу полицейских приемных (нрзб)	5
50.	Юрьеву – в Пензенскую губернию, добавлением к посланному Прузнанскому Н.О.	7
51.	На все (неразб.) в Клину Богданову инструмент (нрзб)	0 21,60

	Шнемз (нрзб) Кудрявцев (нрзб) 82,1	38,30 22,20
52.	ИТОГО: 19085,85 (?)	19022,85

В счетах за 1916 г. есть статьи дохода за год, а также и расхода на благотворительность. В таблицах приведены и те и другие данные. Примерно четвертая часть доходов в этот год была потрачена Варварой Алексеевной на дела благотворения![210]

№	Содержание (источник) поступлений	Сумма
1.	Остаток кассы прошлого года	154,92
2.	Остаток кассы у Журавлева В.Е.	188,48
3.	Получено от Г.В. Морозова в ноябре–декабре	1800
4.	Получено чеками от разных кредитных учреждений	273 126,45
5.	ИТОГО:	275 269,85

№	Содержание расходов	Сумма
1.	Ланину Н.П.	600
2.	Ланину С.П.	650
3.	Ланину Г.С.	180
4.	Вейс Э.Я.	540
5.	В казначейство Технического Училища за Ланина Н.Н.	35
6.	Ланиной В.Н.	52,25
7.	Чернавской – за наем дачи для беженцев	1227
8.	На стипендию имени Протопопова	100
9.	Яблонской – за уроки музыки	85
10.	Женской учительской семинарии – плата за трех воспитанниц: Новову С., Шустову и Шумикову А.	745
11.	Пенсия Ладыгиной, учительнице Рогожского женского училища	90

12.	Богадельне городского Попечительства	600
13.	Беженцам через Шер	50
14.	Каменской – в Сердобег	25
15.	Ткаченко – в Лихославль	30
16.	Взносы Обществу воспитательниц и учительниц за Яковлеву	300
17.	Часовщикову М.Н. – под роспись присяжно-поверен. Бершадск.	200
18.	Сутугиной пособие в Клин	75
19.	Навашину	5000
20.	Доброхотов	680
21.	Мыгиевской по первое января 1917 г.	125
22.	Галкину З.З. на имя Крикова в Спирово, для передачи семье Галкина на обучение сына	120
23.	Для военнопленных Московскому общественному управлению – комитету помощи русским военнопленным и застигнутым войной за границей	100
24.	Для раздачи погорельцам, в Клин учительнице Карасевой	400
25.	Расходы, выданные Вами на благотворительность, 14428	10901,63???
26.	Суворовой А.Д.	200
27.	Кабанову Д.И. – за памятник на могилу В.М. Соболевского	1666
28.	Персональные ежемесячные пособия по списку на 40 человек от 20 до 100 руб. каждому	1465,50
29.	Пособие семейству лакея Соловьева	170
30.	Пособия разным людям, 6 человек, в том числе в германском плену	61
31.	За уход и украшение могилы В.М. Соболевского	365,35
32.	Женскому клубу	12,05

33.	Гюбнер – за наем помещений для лазарета	4500
34.	Расходы по лечебнице им. В.А. Морозовой при деревне Мухино Городище – медикаменты по счету от Товарищества В.К. Феррейн	1527,76
35.	Челищеву – благотворительный чек за № 5934 для санитарно-питательного отряда им. В.А. Морозовой	5000
36.	Расходы по лазарету им. В.А. Морозовой	12 641,25
37.	Содержание Майдановской школы при Клинском имении	2837,37
38.	Содержание Рединской школы	2202,19
39.	Содержание Спас-Нудольской школы Клинского уезда (при деревне Шариной)	2464,65
40.	Содержание Кузнечиковской школы	2461,39
41.	Содержание Кабановской школы	4214,93
42.	Содержание Екатерининской школы	1687,60
43.	На содержание Пахотно-Ильинского училища за 1915 г.	200
44.	Ладыгиной, за уроки рукоделия во втором Рогожском женском училище	90
45.	Для Змеевской школы при деревне Змеево Тверского уезда – пособия, принадлежности и учебники:	242,37
46.	Расходы по школам разные	532,37
47.	ВСЕГО на благотворительность за 1916 г.:	67 452,66

Наверное, трудно найти то поле благотворительной деятельности, где не приложила бы своего участия Варвара Алексеевна Морозова. В качестве действительных членов Общества для устройства и заведывания Убежищем для престарелых или впавших в неизлечимое состояние лиц женского медицинского звания Российской Империи указаны Варвара Алексеевна и Маргарита Кирилловна Морозовы.[211] В.А. Морозова была в составе членов Комитета Московского Общества покровительства беспризорным и освобождаемым из мест заключения несовершеннолетних. Почетным

председателем Общества был Его Императорское Высочество московский генерал-губернатор вел. кн. Сергей Александрович. Морозова была попечителем Убежища и мастерских Общества. Среди действительных членов Общества (производящих членские взносы ежегодно) – Соболевский В.М.[212] В 1899 г. В.А. Морозова продолжает быть попечителем Убежища и мастерских Общества (среди прочих)[213]. Она же числилась в Обществе действительным членом (внесшим единовременно 100 р. и больше)[214] «В 1907–1908 гг. В.А. Морозова пожертвовала через попечительства 1600 руб. для раздачи бедным на дрова к Рождеству; в 1908 г. – 3000 руб. в пользу десяти беднейших попечительств, для раздачи бедным к Рождеству».[215]

По материалам тверского архива[216] (Асеев В.Н.) Варвара Алексеевна содержала в Москве в 1916–1917 гг. лазарет для раненых воинов им. В.А. Морозовой. Годовые расходы в эти годы по лазарету составили 4500 руб. за наем помещений и 12 641,25 руб. на остальные расходы. Оценка полных затрат на оборудование и трехлетнее содержание лазарета – 50 000 руб.

В завершение данной главы еще три документа – три свидетельства небезразличного отношения человека к судьбе своих соотечественников, своей родины.

Письмо В. Морозовой к В. Короленко[217]:

«*Многоуважаемый Владимир Галактионович*

Только сегодня послала я на имя Софьи Алексеевны тысячу рублей на покупку материала или на другие нужды для голодающих. Этими деньгами я прошу Вас распорядиться по своему усмотрению, тк. кк. заочно очень трудно что полезно и необходимо для нуждающихся в настоящее время…

С истинным уважением В. Морозова»

«М.В.Д.
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОЛОМЕНСКОЙ
УЕЗДНОЙ ЗЕМСКОЙ УПРАВЫ
МАЯ 23 дня 1908 г.
№ 1509

г. Коломна Московской губернии

Коломенский Уездный

Комитет

по оказанию помощи

пострадавшим от наводнения

Милостивая Государыня Варвара Алексеевна

Коломенский Уездный Комитет по оказанию помощи пострадавшим от наводнения, в заседании 20-го сего Мая, выслушав сообщение Председателя Управы о пожертвовании Вами 3000 рублей в помощь пострадавшему от наводнения крестьянскому населению Коломенского уезда, единогласно постановил: выразить Вам глубокую благодарность за щедрое пожертвование.

Уведомляя об этом постановлении Комитета, покорнейше прошу принять уверение в совершенном моем почтении

Ваш Покорный слуга Заместитель Председателя Комитета Председатель Управы Пасторов» (Последняя строчка написана от руки.)[218]

Счет В.А. Морозовой с товариществом Тверской мануфактуры 1915–1916 гг.[219]

1915 г.

«Варшавским отделением выданы передовому перевязочно-питательному отряду Красного Креста Вашего имени (июнь 1915 г.) – 1000 р.

Май 1915 г. переданы деньги за иглы для передового отряда, за цилиндры с кислородом для передового отряда 160 р. 50 к. + 160 р.50 к.

Передовому отряду… 2000 р. (Варшавское отделение)

Передовому отряду… 5000 руб.

Июль 1915 г. – Уполномоченному передового отряда – 5000 руб.

Август 1915 г. Передовому отряду – 2000 руб. (иногда через личных представителей).

Август 1915 г. – передовому отряду через А.Н. Коншина – 5000 руб.

На школу в Змиево – по 500 руб. и б. мелкие суммы

На больницу при дер. Мухино Городище – по 600 руб.»

Тверской краевед В.Н. Асеев по данным исследований архивных материалов вывел оценку расходов на личную благотворительную деятельность В.А. Морозовой за период в 35 лет – с 1882 по 1917 г.:

2 291 000 руб., или 100%, в том числе

– 720 000 руб., или 31,4%, на больницы и медицину;

– 912 400 руб., или 39,8%, на образование и библиотеки;

– 658 600 руб., или 28,8%, на помощь физическим лицам (раненым, бедным, больным и нуждающимся).

То, что перечислено в этой главе книги, наверняка, составляет только часть многогранной помощи Варвары Алексеевны Морозовой нуждавшимся. Остается поле деятельности для следующих исследователей, которые захотят узнать больше об этой удивительной женщине.

---

[1] ЦИАМ Ф.459. Оп. 2. Д. 4082. Л. 62, 63 об.
[2] Описание Психиатрической клиники им. А.А. Морозова при Императорском Университете // Сост. Кожевниковым А. М., 1886. С. III, 1, 2, 4-6.
[3] Отчет о состоянии и действиях Московского Императорского университета за 1886 г. М., 1888. С. 53.
[4] ЦИАМ Ф. 418. Оп. 215. Д. 82.
[5] ЦИАМ Ф. 459. Оп. 2. Д. 4082. Л. 309, 309 об., 310, 310 об., 311.
[6] ЦИАМ Ф. 459. Оп. 2. Д. 4082. Л. 321, 322.
[7] ЦИАМ Ф. 459. Оп. 2. Д. 4082. Л 329, 331.
[8] Описание Психиатрической клиники им. А.А. Морозова при Императорском Университете // Сост. Кожевниковым А. М., 1886.
[9] ЦИАМ Ф. 418. Оп. 215. Д. 82.
[10] Отчет о состоянии и действиях Московского Императорского университета за 1900 г. М., 1901. С. 229.
[11] ЦИАМ Ф. 418. Оп. 215. Д. 82.
[12] ЦИАМ Ф. 418. Оп. 215. Д. 82.
[13] ЦИАМ Ф. 418. Оп. 215. Д. 82.
[14] ЦИАМ Ф. 459. Оп. 2. Д. 4082. Л. 60.
[15] ЦИАМ Ф. 459. Оп. 2. Д. 4082. Л. 258 об., 259, 259 об.
[16] Там же. Л. 60, 60 об.
[17] Там же. Л. 327.
[18] ЦИАМ Ф. 418. Оп. 221. Д. 14. Л. 1, 1 об.
[19] ЦИАМ Ф. 418. Оп. 221. Д. 14. Л. 4.
[20] Там же. Л. 7.
[21] Там же. Л. 18.
[22] ЦИАМ Ф. 418. Оп. 221. Д. 14. Л. 21, 21 об.
[23] Там же. Л. 22, 22 об., 23.
[24] Там же. Л. 30.
[25] Там же. Л. 42.
[26] Там же. Л. 33, 33 об.
[27] ЦИАМ Ф. 418. Оп. 221. Д. 14. Л. 36.
[28]ЦИАМ Ф. 418. Оп. 221. Д. 14. Л. 43.
[29] Отчет о состоянии и действиях Московского Императорского университета за 1891 г. М., 1893 г. С. 72, 73.
[30] Отчет о состоянии и действиях Московского Императорского университета за 1899 г. М., 1900 г. С. 221.
[31] ЦИАМ Ф. 418. Оп. 221. Д. 14. Л. 45.
[32] Хлудов Г.И. Памятная книга. Письма. М., 1999. С. 136.

[33] Труды Института имени Морозовых для лечения страдающих опухолями Императорского Московского университета. Вып.1. М., 1913. С. 3, 4, 6-11.
[34] ЦИАМ Ф.418. Оп. 67. Д. 564. Л. 1, 6, 7.
[35] Отчет о состоянии и действиях Московского Императорского университета за 1899 г. М., 1900. С. 93.
[36] ЦИАМ Ф. 418. Оп. 229. Д. 28. Т. 1. Л. 100, 100 об.
[37] ЦИАМ Ф. 418. Оп. 405. Д. 172. Л. 34.
[38] ЦИАМ Ф. 418. Оп. 405. Д. 172. Л. 22, 22 об.
[39] ЦИАМ Ф. 418. Оп. 405. Д. 172. Л.28, 30 об., 32.
[40] ЦИАМ Ф. 418. Оп. 405. Д. 172. Л. 15, 15 об., 16.
[41] ЦИАМ Ф. 418. Оп. 405. Д. 172. Л. 7 об.
[42] Там же. Л. 37 об.
[43] ЦИАМ Ф. 418. Оп. 405. Д. 172. Л. 41.
[44] Там же. Л. 4.
[45] Отчет о состоянии и действиях Московского Императорского университета за 1907 г., М., 1908. С. 202.
[46] ЦИАМ Ф. 418. Оп. 24.1 Д. 48. Л. 2, 3
[47] Отчет о состоянии и действиях Московского Императорского университета за 1910 г. М., 1911. С. 274.
[48] Власов П.В. Благотворительность и милосердие в России. М., 2001. С. 313.
[49] Варенцов Н.А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. М., 1999. С. 215.
[50] Токмаков И.Ф. Историко-статистическое описание г. Егорьевска с уездом. Ч. 1. М., 1901. С. 73.
[51] ЦИАМ Ф. 459. Оп. 2. Д. 4192. Л. 1, 1 об., 2.
[52] ЦИАМ Ф. 459. Оп.2. Д. 4192. Л. 60.
[53] ЦИАМ Ф. 459. Оп.2. Д. 4192. Л. 60, 60 об., 61 об., 62.
[54] ЦИАМ Ф. 459. Оп. 2. Д. 4082. Л. 176, 176 об., 177, 177 об.
[55] ЦИАМ Ф. 179. Оп. 21. Д. 817.
[56] ЦИАМ Ф. 459. Оп. 2. Д. 4192. Л. 3 об.
[57] ЦИАМ Ф. 459. Оп. 2. Д. 4192. Л. 60, 60 об., 61 об., 62.
[58] Там же. Л. 64, 64 об.
[59] «Правительственный Вестник» за 8 сентября 1888 г. № 196. С. 1.
[60] ЦИАМ Ф. 459. Оп. 2. Д. 4192. Л. 5, 5 об., 6, 6 об., 7, 7 об., 10 об., 11, 11 об.
[61] ЦИАМ Ф. 459. Оп. 2. Д. 4192. Л 64, 64 об.
[62] ЦИАМ Ф. 459. Оп. 2. Д. 4192. Л. 65.
[63] Отчет о состоянии и действиях Московского Императорского университета за 1899 г. М., 1900 г. С. 223.
[64] Путеводитель по Ботаническому саду Императорского Московского университета. С планом сада / Составил М. Голенкин. М., 1909. С. 6, 8-11.
[65] Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского Университета за 1880 г. М., 1881. С. 80, 81.
[66] Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского Университета за 1881 г. М., 1882. С. 69.
[67] Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского Университета за 1882 год. М., 1883. С. 81-83.
[68] Отчет о состоянии и действиях Московского Императорского университета за 1883 г. М., 1884. С. 86.
[69] Отчет о состоянии и действиях Московского Императорского университета за 1886 г. М., 1888. С. 90.
[70] Отчет о состоянии и действиях Московского Императорского университета за 1889 г. М., 1892. С. 97.
[71] Отчет о состоянии и действиях Московского Императорского университета за 1908 г. М., 1909. С. 166.
[72] ЦИАМ Ф. 418. Оп. 216. Д. 46. Л.1.
[73] Там же. Л. 4.
[74] ЦИАМ Ф. 418. Оп. 67. Д. 550. Л. 1.
[75] ЦИАМ Ф. 418. Оп. 67. Д. 565. Л. 1, 2.
[76] Отчет о состоянии и действиях Московского Императорского университета за 1899 г. М., 1901. С. 143.
[77] Отчет о состоянии и действиях Московского Императорского университета за 1909 г. М., 1910. С. 141.
[78] И.В. Цветаев создает музей / Сост. Демская А.А., Смирнова Л.М. М., 1995. С. 74.
[79] И.В. Цветаев создает музей / Сост. Демская А.А., Смирнова Л.М. М., 1995. С. 100.
[80] И.В. Цветаев создает музей / Сост. Демская А.А., Смирнова Л.М. М., 1995. С. 100.
[81] Там же. С. 76.
[82] Там же. С. 107.
[83] ЦИАМ Ф. 2244. Оп. 1. Д. 2847. Л. 1 об.
[84] Сборник справочных сведений о благотворительности в Москве. М., 1901.С. 257.
[85] История Московского Купеческого Общества. 1863-1913. Т. 5. Вып. 2. Учреждения, недвижимости и капиталы Московского Купеческого Общества / Под ред. Сторожева В.Н. М., 1913. С. 746-752.
[86] Городские учреждения Москвы, основанные на пожертвования. М., 1906. С.267-270.
[87] Известия Московской Городской Думы. Отд. Общ. 1902. № 21. С. 46-48.
[88] ЦИАМ Ф. 179. Оп. 11. Д. 59. Л. 1, 1а.
[89] ЦИАМ Ф. 459. Оп. 5. Д. 1294. Л. 1 об., 2, 2 об., 2а, 2а об., 2б, 2б об., 3об., 5 об., 6, 7, 7 об., 8, 9 об., 11, 11 об., 12, 14 об., 15.

[90] ЦИАМ Ф. 179. Оп. 11. Д. 719. Л. 20.
[91] ЦИАМ Ф. 179. Оп. 11. Д. 719. Л. 25, 25 об.
[92] ЦИАМ Ф. 179. Оп. 11. Д. 719. Л. 36, 36 об., 37.
[93] ЦИАМ Ф. 179. Оп. 11. Д. 719. Л. 40.
[94] Там же. Л. 44, 44 об.
[95] В скобках дается количество часов по предмету в неделю.
[96] ЦИАМ Ф. 179. Оп. 11. Д. 719. Л. 51.
[97] ЦИАМ Ф. 179. Оп. 11. Д. 719. Л. 81.
[98] Там же. Л. 95.
[99] Там же. Л. 93.
[100] ЦИАМ Ф. 179. Оп. 11. Д. 961. Л. 3, 7, 9, 13.
[101] ЦИАМ Ф. 179. Оп. 11. Д. 961. Л. 52, 52 об.
[102] Городские учреждения Москвы, основанные на пожертвования. М., 1906. С. 379.
[103] Городские учреждения Москвы, основанные на пожертвования. М., 1906. С. 98-104.
[104] ЦИАМ Ф. 179. Оп. 56. Д. 70. Л. 20 об.
[105] История Библиотеки-читальни им. И.С. Тургенева в документах и воспоминаниях / Сост. М. Борисовская и др. – М.: Викмо-М, 2004. – («Из истории москов. б-к»; Вып. 4). – С. 32-33.
[106] «Русские Ведомости». № 27. 1885. С. 2.
[107] ЦИАМ. Ф. 179. Оп. 56. Д. 70. Л. 199.
[108] Каталог павильона Московского Городского Общественного Управления на Всероссийской художественной и промышленной выставке 1896 года в Нижнем Новгороде. М., 1896.
[109] «Русские ведомости». 1885. № 2. С. 5.
[110] ЦИАМ Ф. 184. Оп. 11. Д. 184. Л. 1, 3, 3 об., 4.
[111] Сыромятников Б.И. Что дает своим слушателям народный университет? М., 1912. С. 3, 7, 8, 10, 12, 28, 29.
[112] Отчет о деятельности Московского Общества Народных Университетов в 1906/7 году. М., 1908. С. 3, 4, 7, 12-14, 19, 29, 33, 44, 48.
[113] Отчет о деятельности Московского Общества Народных Университетов в 1909-10 г. М., 1911. С. 3, 26, 45, 51.
[114] Отчет о деятельности Московского Общества Народных Университетов за 1911-12 г. М., 1914. С. 3, 20.
[115] Отчет о деятельности Московского Общества Народных Университетов в 1912-13 году. Год седьмой. М., 1914. С. 36.
[116] Отчет о деятельности Московского Общества Народных университетов в 1914-1915 году. Год девятый. М., 1916.
[117] Сабашников М.В. Воспоминания. - М., 1983. - С. 85, 237, 238, 240, 269, 270, 277-281.
[118] Джунковский В.Ф. Воспоминания. В двух томах. Т. 1. Стр. 589, 590.
[119] ЦИАМ Ф. 179. Оп. 11. Д. 734. Л. 1а, 1а об., 2, 2 об., 3, 6, 6 об.
[120] ЦИАМ Ф. 179. Оп. 11. Д. 734. Л. 10.
[121] Там же. Л. 39.
[122] ЦИАМ Ф. 179. Оп. 11. Д. 734. Л. 44 об.
[123] Там же. Л. 43.
[124] ЦИАМ Ф. 179. Оп. 11. Д. 734. Л. 45, 50 об., 51.
[125] Там же. Л. 64, 65.
[126] ЦИАМ Ф. 179. Оп. 11. Д. 734. Л. 66.
[127] ЦИАМ Ф. 179. Оп. 11. Д. 734. Л. 87.
[128] Там же. Л. 111.
[129] Там же. Л. 140, 140 об.
[130] Там же. Л. 91.
[131] Там же. Л. 199.
[132] ЦИАМ Ф. 635. Оп. 3. Д. 4. Л. 4, 4 об.
[133] ЦИАМ Ф. 635. Оп. 3. Д. 4. Л. 5, 5 об.
[134] Там же. Л. 9.
[135] ЦИАМ Ф. 635. Оп. 3. Д. 4. Л. 11.
[136] ЦИАМ Ф. 2244. Оп. 2. Д. 303. Л. 1, 2.
[137] ЦИАМ Ф. 635. Оп. 3. Д. 8. Л. 2.
[138] ЦИАМ Ф. 635. Оп. 3. Д. 8. Л. 5.
[139] ЦИАМ Ф. 635. Оп. 3. Д. 11. Л. 2, 2 об., 3, 3 об., 4, 4 об., 5, 5 об., 6, 6 об., 7, 7 об., 8, 8 об., 9, 9 об.
[140] Московский Городской Народный Университет имени А.Л. Шанявского. М., 1914. С. 56.
[141] «Русские Ведомости». 1913. № 263. С. 5.
[142] ЦИАМ Ф. 179. Оп. 11. Д. 1007. Л. 2.
[143] Там же. Л. 6.
[144] Там же. Л. 54.
[145] ЦИАМ Ф. 179. Оп. 11. Д. 1007. Л. 55 об.

[146] Там же. Л. 84.
[147] Там же. Л. 91.
[148] Там же. Л. 95.
[149] ЦИАМ Ф.179. Оп. 11. Д. 1080. Л. 18.
[150] Там же. Л. 24.
[151] Там же. Л. 27.
[152] ЦИАМ Ф.179. Оп. 11. Д. 1080. Л. 35 об.
[153] Там же. Л. 5, 5 об.
[154] Отчет Московского Городского Народного Университета имени А.Л. Шанявского за 1915-1916 академический год. М., 1916
[155] ЦИАМ Ф. 179. Оп. 59. Д. 180. Л. 4.
[156] ЦИАМ Ф. 179. Оп. 59. Д. 180. Л. 1, 1 об., 2, 2 об., 3.
[157] ОР РГБ Ф. 554. К. 1. Ед. хр. 82. Л. 2, 2 об.
[158] ЦИАМ Ф. 179. Оп. 59. Д. 180. Л. 42.
[159] Там же. Л. 43.
[160] ЦИАМ Ф. 179. Оп. 59. Д. 180. Л. 53 об.
[161] Краткий исторический очерк 25-летней деятельности Общества Вспомоществования нуждающимся студентам Императорского Московского Технического Училища. 1889-1914. М., 1914. С. 15, 16, 25, 26, 28-30, 32, 35-43, 61, 62, 71, 75, 76.
[162] Отчет о деятельности Общества вспомоществования нуждающимся воспитанникам Императорского Московского Технического Училища за 1891 год // Отчет о деятельности Императорского Московского Технического Училища за 1891-92 и 1892-93 академические годы. М., 1894.
[163] Московское Высшее техническое училище имени Н.Э. Баумана М., 1980. С. 31.
[164] ЦИАМ Ф. 2244. Оп. 1. Д. 1001. Л. 176, 176 об., 177.
[165] ЦИАМ Ф. 2244. Оп. 1. Д. 1001. Л. 127, 127 об., 128 об., 129.
[166] ЦИАМ Ф. 2244. Оп. 1. Д. 1001. Л. 133 об., 134, 134 об., 135 об., 136, 136 об.
[167] ЦИАМ Ф. 2244. Оп. 1. Д. 1001. Л. 137, 137 об.
[168] Благотворительные учреждения Российской империи. Т. 2. СПб., 1900.
[169] Населенные местности Московской губернии / Сост. Пенкин Б.Н. Ч. 2. М., 1913. С. 267, 268, 273, 275, 293, 297.
[170] ГАТО Ф. 850. Оп. 1. Ед. хр. 10869; ГАТО Ф. 850. Оп. 1. Ед. хр. 12039.
[171] Там же.
[172] Там же.
[173] Там же.
[174] Там же.
[175] ГАТО Ф. 850. Оп. 1. Ед. хр. 10869; ГАТО Ф. 850. Оп. 1. Ед. хр. 12039.
[176] Там же.
[177] Тверской епархиальный статистический сборник. Тверь, 1915. С. 104.
[178] ГАТО Ф. 850. Оп. 1. Ед. хр. 11928.
[179] «Русские ведомости». 1901. № 297. С. 3.
[180] ГАТО Ф. 850. Оп. 1. Ед. хр. 12039.
[181] ЦИАМ Ф. 2244. Оп. 1. Д. 1639. Л. 1, 1 об., 2.
[182] ЦИАМ Ф. 2244. Оп. 1. Д. 3303. Л. 1, 1 об., 2, 2 об.
[183] Отчет о деятельности Комитета Грамотности при И.М.О.С.Х. и его комиссий за 1892 год. Журналы заседаний Комитета и комиссий в 1892-93 г. М., 1893. С. 11.
[184] Отчет о деятельности и суммах Московского Общества Грамотности за 1896-97 г. М., 1899. С. 7, 15.
[185] «Русские ведомости» от 24 сентября 1906 г. С. 4.
[186] Краткая записка о развитии и деятельности Московского Общества Воспитательниц и Учительниц за первое двадцатипятилетие его существования (1870-1895). М., 1895. С. 3, 4, 6.
[187] Краткая историческая записка по поводу 10-летия коллективных уроков Общества Воспитательниц и Учительниц. М., 1898. С. 5, 11, 15.
[188] ЦИАМ Ф. 2244. Оп. 1. Д. 1983. Л. 3, 3 об.
[189] ЦИАМ Ф. 2244. Оп. 1. Д. 739. Л. 1, 1 об., 2, 2 об.
[190] РГАЛИ Ф.1018. Оп. 1. Д. 115. Л. 23, 23 об., 24.
[191] ЦИАМ Ф. 2244. Оп. 1. Д. 1839. Л. 1.
[192] ЦИАМ Ф. 2244. Оп. 1. Д. 1839. Л. 2-5.
[193] ЦИАМ Ф. 2244. Оп. 1. Д. 1646. Л. 1, 1 об.
[194] Вахтерова Э.О. В.П. Вахтеров, его жизнь и работа. М., 1961. С. 172.
[195] Розенталь И.С. К истории Пречистенских рабочих курсов // Музейное отражение роли культуры в условиях социализма. М., 1990. С. 113, 115-118, 120-124.
[196] Мазинг К.К. Возникновение Пречистенских Курсов // К 25-летию Пречистенских Рабочих Курсов (Пречистенский Рабфак и Практический институт). 1897-1922. М., 1922. С. 6, 7.

[197] К 25-летию Пречистенских Рабочих Курсов (Пречистенский Рабфак и Практический институт). 1897-1922. М., 1922. С. 63.
[198] Пречистенские рабочие курсы. Сборник статей и воспоминаний. М., 1948. С. 16-18.
[199] Пречистенские рабочие курсы. Сборник статей и воспоминаний. М., 1948. С. 43
[200] Там же. С. 130-134.
[201] Там же. С. 34.
[202] Пречистенские рабочие курсы. Сборник статей и воспоминаний. М., 1948. С. 105, 106, 145, 146.
[203] Гольцева Н. Краткая история Пречистенских классов И.Р.Т.О. в Москве / Сост. Костромина В. Общее дело. Сборник статей по вопросам распространения образования среди взхрослого населения. Вып. III. М., 1912. С. 102.
[204] ЦИАМ Ф. 2244. Оп. 2. Д. 153. Л. 2, 2 об.
[205] ЦИАМ Ф. 2244. Оп. 2. Д. 153. Л. 1.
[206] Архив семьи Демьяновых.
[207] Музей кустарных изделий в Москве // Русская мысль. 1885. Октябрь. С. 33, 35, 36.
[208] Внутреннее обозрение // Русская мысль. 1885. № 3. С. 102, 103.
[209] ГАТО Ф. 850. Оп.1. Д. 10869. Л. 26, 27.
[210] ГАТО Ф. 850. Д. 12039.
[211] 10-летний отчет о деятельности Общества для устройства убежища лицам женского медицинского звания Российской Империи, 1899-1909 г. М., 1910. С. 35.
[212] Московское Общество покровительства беспризорным и освобождаемым из мест заключения несовершеннолетним. Отчет комитета 1891 (с 1 января 1891 по 1 января 1892).
[213] Там же. С. 28.
[214] Московское Общество покровительства беспризорным и освобождаемым из мест заключения несовершеннолетним. Отчет комитета 1899 (с 1 января 1899 по 1 января 1900). С. 29.
[215] Ульянова Г.Н. Благотворительность московских предпринимателей. 1860-1914. М., 1999. С. 406. 407.
[216] ГАТО Ф. 850. Оп. 1. Ед. хр. 12039.
[217] ОР РГБ Ф. 135. К. 30. Ед. хр. 1. Л. 1, 2.
[218] Архив семьи Демьяновых.
[219] ЦИАМ Ф. 351. Оп. 1. Д. 789.

Глава 3. Тверская мануфактура

В этой главе на основе документов рассказывается об истории Тверской мануфактуры с момента возникновения и до предоктябрьских дней. И, конечно же, о благотворительности владельцев одного из крупнейших в России предприятий.

Основой благосостояния большого клана «Тверских» Морозовых были, безусловно, фабрики в Твери. В Государственном архиве Тверской (в прошлом Калининской) области (ГАТО) сохранилось, к счастью, немало документов о мануфактуре Морозовых. Документы бесстрастны, они лишь отражают имевшие место события на фабриках, однако по ним можно составить представление о ведении дел на мануфактуре, о положении рабочих, об отношении к ним хозяев... История не знает абсолютно безгрешных, мнение о людях складывается из совокупности поступков, изменения в ходе лет характера, мировоззрения и отношения к ближним и находящимся в подчинении. Документы говорят о далеко не благополучных отношениях рабочих с хозяевами, все возможное делалось последними во имя выгоды, прибыли, тем не менее в «Балансах Товарищества Тверской мануфактуры бумажных изделий» существовала особая графа, где фиксировались, и немалые, траты на благотворительность, которая, правда, и могла осуществляться из средств, полученных от прибыли... Причем было это и до начала руководства Товариществом Варвары Алексеевны. Однако, справедливости ради, надо сказать, что благотворение, означенное в счетах фабрик, распространялось преимущественно на помощь нуждающимся в Тверском крае, а филантропическая деятельность Морозовой имела чуть ли не российские масштабы...

«Договор о вступлении в товарищество по строительству С.В. Морозова вместо выбывшего С.М. Шибаева[1]

17 ноября 1858 г.

1858 года ноября 17 дня мы, нижеподписавшиеся: Потомственный Почетный Гражданин и временно богородский 1-й гильдии купец Савва

Васильев Морозов, богородские второй гильдии купцы: Сидор Мартынов Шибаев, Викул Лукьянов Митюшин и Василий Петров Брызгалин, заключили сие условие в том, что мы, Шибаев, Митюшин и Брызгалин, с разрешения г. министра государственных имуществ и Тверской палаты государственных имуществ сняли в арендное содержание принадлежащую крестьянам Тверского уезда Квакшинской волости деревни Рождественской слободы землю 21 десятину для устройства на ней фабрик: бумагопрядильной, самоткацкой, ситценабивной, красильной, суконной, чугунолитейной и для шелководства, сроком на 50 лет с платою в определенные сроки 25 101 руб. 41 1/4 коп. сер[ебром], в чем и заключено 15 февраля сего года в Квакшинском волостном правлении условие при доверенных от крестьян деревни Рождественской слободы, утвержденное оным и того же числа записанное в книгу.

В сем условии со всею подробностью объяснены обоюдные обязанности и права мне, Морозову, чрез предъявленные условия известные.

В настоящее же время из нас договаривающихся я, Шибаев, по обстоятельствам устранился от товарищества с Митюшиным и Брызгалиным в устройстве на снятой у означенных крестьян земле фабрик, отказываюсь от участия в предположенной фабричной промышленности; а мы, Митюшин и Брызгалин, вместо Шибаева приняли в товарищество Морозова, который и должен вступить вместо Шибаева во все равные нам права по заключенному в Квакшинском волостном правлении условию и принять на себя равные нам по тому же условию обязанности.

Посему я, Шибаев, отступаясь добровольно от принадлежавшего мне до отказа от товарищества по означенному условию права на пользование и распоряжение означенною землею и в прочих частях условия, предоставляю право это вступившему вместо меня в товарищество Морозову с тем, чтобы все обязанности, которые относились ко мне по условию, принял на свою ответственность он, Морозов.

Я, Морозов, состоя равным Митюшину и Брызгалину товарищем в

устройстве фабрик и фабричной промышленности и приобретая равное с ними право на пользование и распоряжение снятою землею, принимаю на себя и равную с ними обязанность по условию, совершенному в волостном правлении, равным образом и в платеже наемных денег каждогодно в течение срочных пятидесяти лет, коих на мою третью часть следует 8367 рублей 14 копеек серебром, устраняя от оной Шибаева, как лица, более не состоящего в товариществе и отказавшегося от всех прав по этому условию. Причем мы, все договаривающиеся, поставляем непременною нашею обязанностью на основании 7-го пункта означенного условия об отказе Шибаева от товарищества, о вступлении в оное Морозова с принятием им на себя всех обязанностей по условию, ныне же довести до сведения Тверской палаты государственных имуществ и Квакшинского волостного правления.

Условие сие хранить нам свято и ненарушимо, которому и оставаться у нас – Брызгалина, Митюшина и Морозова.

(ГАКО Ф. 850. Д. 12191, 1-2 Копия)

Один из Морозовых так писал о тверских условиях: «Места здешние под фабрику вполне пригодны. Земли у мужиков нарезано скупо, да и нерадива она, так что они больше все на стороне отходом промышляют. Строить начинать теперь самое время. Народ сильно бедствует. У некоторых купцов здешних живут вовсе без денег, за харч…»[2]

«Из устава товарищества Тверской мануфактуры бумажных изделий[3]

1 мая 1859 г.

§ 1

Для устройства мануфактуры бумажных изделий на участке земли, состоящем близ города Твери и реки Тьмаки, заарендованном на 50 лет потомственным гражданином и временно богородским 1-й гильдии купцом Саввою Морозовым и богородскими же 2-й гильдии купцами Викулом Митюшиным и Василием Брызгалиным с разрешения министра государственных имуществ и Тверской палаты государственных имуществ у крестьян Рождественской слободы по условию, заключенному 15 февраля

1858 г. в Квакшинском волостном правлении, учреждается товарищество на паях под вышеозначенным наименованием.

Примечание: Учредители товарищества, потомственный почетный гражданин и временно богородский 1-й гильдии купец Савва Морозов и богородские же 2-й гильдии купцы Викул Митюшин и Василий Брызгалин.

[…]

§ 3

Учредители вместе с участвующими в сем предприятии лицами составляют складочный капитал в 600 000 руб. сер[ебром], разделенный на 150 паев, по 4000 руб. сер[ебром] каждый.

§ 4

При дальнейшем развитии действий товарищества помянутый капитал, по усмотрению и определению общего собрания владельцев паев, может быть увеличен до 900 000 руб. сер[ебром] посредством выпуска дополнительных 70 паев по прежней цене.» (ГАКО Ф. 850. Д. 12686. Л. 3, 3 об.)

«Протокол первого общего собрания владельцев паев товарищества Тверской мануфактуры об избрании правления товарищества[4]

30 июня 1859 г.

Местопребывание же правления имеет быть в Москве, Рогожской части 1-го квартала, в доме потомственного почетного гражданина Саввы Вас[ильева] Морозова под № 143, о чем уведомить Департамент мануфактур и внутренней торговли, а также об открытии действий товарищества и публиковать в «Московских академических ведомостях» и «Коммерческой газете».

Подписано:

Потомственный почетный гражданин и временно богородский 1-й гильдии купец Савва Васильев Морозов, а за неумением его грамоте и писать по его приказанию подписал сын его потомственный почетный гражданин Иван Саввин Морозов.

Богородский 2-й гильдии купец Викул Лукьянов Митюшин.

Богородский 2-й гильдии купец Василий Брызгалин.

Потомственный почетный гражданин Иван Савин Морозов.

Потомственный почетный гражданин Тимофей Савин Морозов.

Богородский 2-й гильдии купеческий сын Федот Викулов Митюшин.

Потомственная почетная гражданка Дарья Давыдова Морозова.

Богородский 2-й гильдии купеческий сын Иван Васильев Брызгалин.»

(ГАКО Ф. 850. Д. 2286. Л. 1, 2. Рукописный подлинник)

В 1870 г. Правление товарищества Тверской мануфактуры уже находилось в Москве, Мясницкой части, 5 квартала в доме почетной гражданки Морозовой.

В 1895 г. Правление располагалось на Старом Гостином дворе, амб. № 91 и 92. Директора – п. п. г. Морозова В.А. Морозов М.А. и др.[5]

1899 г. : Правление находится в Ипатьевском пер., доме братьев Морозовых.[6]

В справочнике за 1903 г. Правление указано на Варварке, дом бр. Морозовых. Директора – Морозова В.А., Морозов И.А., Морозов М.А., Морозов Арс. А., Долгинцев Ф.В.[7] (Правление находилось там до революции 1917 г.)

«Протокол общего собрания владельцев паев товарищества об увеличении основного капитала[8]

1 сентября 1860 г.

Прибыли:

Учредители товарищества: потомственный почетный гражданин Савва Васильев Морозов и богородские 2-й гильдии купцы Викул Лукьянов Митюшин и Василий Петров Брызгалин.

Владельцы паев: потомственные почетные граждане Иван Саввин Морозов и Тимофей Саввин Морозов и потомственная почетная гражданка Дарья Давыдова Морозова и богородские 2-й гильдии купеческие сыновья Федот Викулов Митюшин и Иван Васильев Брызгалин.

Гг. директора правления товарищества на основании § 19 устава представили общему собранию владельцев паев отчет о делах товарищества по 12 апреля 1860 г., из которого общее собрание усмотрело:

Наличных денег состоит серебром 8145 руб. 31 1/2 [коп.]

Прядильная фабрика с машинами 726 379 “ 87 3/4

Ситцевая фабрика с машинами 59 669 руб. 72 1/4 [коп.]

3 рощи 19 831 “7“

На фабрике налицо товара, разных материалов и имущества

87 098 [руб.] 45 [коп.]

Товара в Москве 103 278 [руб.] 82 [коп.]

Имущества в Московской конторе 23 [руб.] 80 [коп.]

Состоит в долгу по документам 74 158 [руб.] 69 [коп.]

По счетам в Москве и на фабрике 63 151 [руб.] 02 [коп.]

Итого серебром: 1 141 736 [руб.] 76 1/2 [коп.]

Из этой суммы исключается долг товарищества:

По документам 401 644 руб. 48 [коп.]

По счетам в Москве и на фабрике 188 420“90“

Итого серебром: – 590 065 [руб.] 38 [коп.]

Затем к 12 апреля 1860 г. чистый капитал товарищества составляет сер[ебром] 551 671 руб. 38 1/2 коп.

Убытка последовало серебром рублей 48 328 руб. 62 1/2 [коп.]

Убыток главным образом произошел от несовершенного устройства фабрики и дорогой платы рабочим.

По рассмотрении сего отчета общее собрание определило: так как все книги рассматривались в конторе и поверялись членами общего собрания, посему на основании § 19 не предстоит никакой надобности через особых депутатов проверять оные: представленный же отчет о делах товарищества утвердить и на основании оного начать новые книги.

После сего имели суждение о том, что по случаю развития действий товарищества основной капитал оного в 600 000 руб. серебром оказывается

недостаточным, а так как в § 4 устава товарищества сказано «По усмотрению и определению общего собрания владельцев паев капитал товарищества может быть увеличен до 900 000 руб. серебром посредством выпуска дополнительных 75 паев по прежней цене», посему общее собрание определяет: на основании § 4 устава товарищества увеличить капитал оного до 900 000 рублей серебром посредством выпуска дополнительных 75 паев по прежней цене, то есть по 4000 руб. серебром каждый, распределив оные между учредителями и владельцами паев таким образом: Потомственному Почетному Гражданину Савве Васильеву Морозову 7 паев на сумму 28 000 руб. серебром, Потомственному Почетному Гражданину Ивану Саввину Морозову 6 паев на сумму 24 000 руб. серебром, Потомственному Почетному Гражданину Тимофею Саввину Морозову 6 паев на сумму 24 000 руб. серебром, Потомственной Почетной Гражданке Дарье Давыдовой Морозовой 6 паев на сумму 24 000 руб. серебром, богородскому 2-й гильдии купцу Викулу Лукьянову Митюшину 13 паев на сумму 52 000 руб. серебром, богородскому 2-й гильдии купеческому сыну Федоту Викулову Митюшину 12 паев на сумму 48 000 руб. серебром, богородскому 2-й гильдии купцу Василью Петрову Брызгалину 13 паев на сумму 52 000 руб. серебром, богородскому 2-й гильдии купеческому сыну Ивану Васильеву Брызгалину 12 паев на сумму 48 000 руб. серебром, что и составляет 75 паев на сумму серебром 300 000 рублей. В уплату оной суммы внести в кассу товарищества 60 процентов не далее 1 апреля 1861 г., а остальные 40 процентов внести по мере надобности и по определению общего собрания. Паи выданы будут тогда, когда будет внесена вся сумма вполне за оные.

Потомственный Почетный Гражданин и временно покровский 1-й гильдии купец Савва Васильев Морозов, а за неумением его грамоте и писать по его приказанию подписал сын егоПотомственныйПочетный Гражданин Иван Савви Морозов.

Павлова Посада 2-й гильдии купец Викул Лукьянов Митюшин.

Богородский 2-й гильдии купец Василий Петров Брызгалин.

Потомственный Почетный Гражданин и временно покровский 1-й гильдии купеческий сын Тимофей Саввин Морозов.

Богородский 2-й гильдии купеческий сын Иван Васильев Брызгалин.

Богородский 2-й гильдии купеческий сын Федот Викулов Митюшин».

(ГАКО Ф. 850. Д. 1586. Л. 9, 10. Рукописный подлинник)

В том же 1860 г. даже губернская администрация была вынуждена отметить, что на фабрике товарищества Тверской мануфактуры «нет для рабочих не только воскресной школы, но и бани, несмотря на значительное расстояние фабрики от города, нет теплых в зимнее время жилищ для рабочих, потому что как ни привык наш народ и к грязи, и к вони, и к холоду, но и тот уже говорит, что в конурах фабричных рабочих зимой мерзнет вода; при фабрике нет порядочно устроенных отхожих мест и все нечистоты вонючие вываливаются вблизи самой фабрики или в маленькую речонку Тьмаку, из которой фабричные пьют воду».[9] (ГАКО Ф. 56. Оп. 1. Д. 13952а. Л. 51)

Справедливости ради надо сказать, что первые годы фабрика работала с минусовым показателем прибыли. Так, за 1859–1860 гг. убыток составил 48 300 руб., в 1860–1861 гг. – 5400 руб., первая прибыль появилась в 1861–1862 гг. и составила 113 029 руб., правда в 1864–1865 г. она опустилась до 7604 руб.[10]

«Акт освидетельствования фабрики комиссией Тверского губернского правления[11]

10 февраля 1870 г.

1870 года февраля 10 дня нижеподписавшимися освидетельствован был литейный завод, на берегу реки Тьмаки в гор. Твери находящийся и принадлежащий товариществу Тверской мануфактуры, вследствие предложения Тверского губернского правления от ноября прошлого 1869 года, основанного на требовании Департамента торговли и мануфактур по поводу просьбы директора означенной мануфактуры г. Морозова о

дозволении привозить из-за границы беспошлинно до 8000 пуд. [чугуна] в год.

[...] В. Количество рабочих при мануфактуре в прядильном и ткацком отделении 1750 чел., в ситцевом – 400, в механическом – 60 и всего в сложности около 2200 человек... годовая выработка произведений до 200 000 кусков ситца при употреблении на него около 50 000 пуд. хлопка.» (ГАКО Ф. 850. Д. 10319. Л. 3, 4. Копия)

Постепенно Морозовы и приближенные к ним люди вытеснили первоначальных основателей предприятия и завладели им целиком. Это произошло в середине 1860-х гг. В 1871 г. впервые в протоколах собраний появляется Варвара Алексеевна, тогда еще совсем молодая, 23-летняя женщина.

«Протокол общего собрания владельцев паев товарищества о постройке бумагопрядильной и самоткацкой фабрики и покупке за границей машин[12]

30 декабря 1871 г.

Прибыли:

Потомственный Почетный Гражданин Абрам Абрамович Морозов, имеющий на свое имя 91 пай на сумму 364 000 руб. сер[ебром], Потомственный Гражданин Давид Абрамович Морозов, имеющий на свое имя 33 пая на сумму 132 000 руб. сер[ебром], московский купеческий сын Владимир Григорьевич Чибисов, имеющий 5 паев на сумму 2000 руб. сер[ебром], **Потомственная Почетная Гражданка Варвара Алексеевна Морозова, имеющая 5 паев на сумму 20 000 руб. сер[ебром]** (выделено нами. – Прим. сост.), Потомственная Почетная Гражданка Федосья Ермиловна Морозова, имеющая 4 пая на сумму 16 000 руб. сер[ебром], а всего 138 паев на сумму 552 000 руб. серебром. Означенные лица явились по двукратной публикации в «Московских университетских ведомостях» и в «Ведомостях Московской городской полиции» («Московские ведомости» от 14 декабря 1871 № 273, полицейские «Ведомости» от 15 декабря 1871 № 274).

Имели суждение о следующем:

1) О предполагаемых новых постройках на фабрике,

2) О приобретении покупкою за границей некоторых новых машин.

I

В отношении первого предмета означенные владельцы паев рассудили, что товарищество Тверской мануфактуры бумажных изделий, учрежденное на основании высочайше утвержденного 1 мая 1859 года устава на складочный капитал в 600 000 рублей, впоследствии, при постоянном развитии своих действий, на основании § 4 устава увеличило оный, и в настоящее время капитал владельцев паев товарищества заключается в 900 000 рублях.

С вызванным потребностью предприятия увеличением капитала фабричное производство и предприятия ему свойственные получили значительное развитие; в будущем же при ожидающихся новых местах отечественной торговли товарищество не теряет надежды увеличить свои предприятия.

Вследствие всего этого общее собрание полагает необходимым выстроить:

1) Вдобавок к существующей фабрике новую бумагопрядильную и самоткацкую фабрику на 35 000 веретен, в которую переместить часть станков из существующей фабрики;

2) Белильное, красильное, аппретировочное и отделочное заведение;

3) Литейную;

4) Три казармы для рабочих и три дома для служащих.

II

[…] Купить за границей новые машины [Товарищество Тверской мануфактуры не только покупало за границей машины, но и приглашало для работы на своем предприятии иностранных специалистов (ГАТО Ф. 850. Д. 10335. Л. 1, 2)]; 2) паровые для бумагопрядильной и ткацкой фабрики в 160 сил и две машины для отбельного, красильного и аппретировочного

заведения по 25 сил, 35 000 мюльных веретен со всеми принадлежностями, и отбельные, и красильные машины также со всеми принадлежностями, по составленной предварительно смете в сумме за всю постройку и покупку не свыше 700 000 рублей серебром. Покупку произвести всю в один раз или по частям тогда, когда правление товарищества Тверской мануфактуры найдет выгодным и полезным, в будущем 1872 или 1873 году.

По рассуждении о сем определили пункты I и II, принятые общим собранием, утвердить. Определение это привести в исполнение на основании § 31 устава, так как не явившиеся в общее собрание владельцы паев, на основании этого параграфа, должны согласиться с единогласным постановлением большинства явившихся.

Подписи:

Потомственный Почетный Гражданин Абрам Абрамов Морозов,

Потомственный Почетный Гражданин Давид Абрамов Морозов,

Московский купеческий сын Владимир Григорьев Чибисов,

Потомственная Почетная Гражданка Варвара Алексеева Морозова,

Почетная Гражданка Федосья Ермилова Морозова».

(ГАКО Ф. 850. Д. 1586. Л. 123, 124. Рукописный материал)

Представляет безусловный интерес беспристрастное описание Морозовской мануфактуры, сделанное в конце 1870-х гг. В. Покровским[13]:

«Две Тверские фабрики – «Каулинская» и «Морозовская» – иначе Рождественская и Тверская мануфактуры – могут считаться главными представительницами крупной промышленности Тверской губернии. Как первая, так и вторая заняты бумагопрядильным и бумаготкацким производством, но, кроме того, на Морозовской мануфактуре есть особое отделение, где набивают ситец, брильянтин и т. п. бумажные материи. На Морозовской фабрике вся производимая пряжа перерабатывается в миткаль, а миткаль – в ситец, жаконет, брильянтин, бязь, рипс и др.

Хлопка перерабатывается на фабрике 212 000 пуд. на сумму 2 302 000 руб., прочих сырых материалов для прядильного, ткацкого, отбельно-

красильного, ситценабивного и механического отделения потребляет фабрика на 706 000 руб. серебром [данные на 1878 год].

Мастеров в прядильном и ткацком отделениях фабрики находится 96, в том числе 5 иностранных и 91 русский, мастеровых – до 3470 (все русские), чернорабочих – до 130 (все русские).

В отбельно-красильном и ситценабивном отделениях мастеров 17, в том числе 5 русских и 12 иностранных, мастеровых – до 853 (все русские).

Всех рабочих на Морозовской фабрике 4566, в том числе

взрослых мужчин (старше 18 лет) – 1789

женщин – 813

несовершеннолетних (от 15 до 18 лет) муж. 684

- “ - жен. 544

Детей моложе 15 лет

мальчиков 471

девочек 265

Всех строений на фабрике 53, в том числе 23 жилых и 30 нежилых. В жилых постройках 692 покоя с 1665 окнами, в нежилых – 106 покоев с 1914 окнами.

Постройки на 1 января 1879 г.:

каменные, крытые железом: дл. шир. выс.

прядильно-ткацкая – 5 этажей (300 х 30 х 32) аршин

кузница и слесарная – 1 этаж (75 х 45 х 8)

трепальная – 4 этажа (54 х 36 х 23)

3 котельные – 1 этаж

Газовая – 1 этаж, баня – 1 этаж, граверная – 2 этажа, валовая – 1 этаж, ретортная – 1 этаж, литейная – 1 этаж; лаборатория, запарная, котельная, мыльная и слесарная – 1-2 этаж; красильная, набивная, стригальная и сушильная – 1-2 этаж; зрельная и паковочная – 1-2 этаж; амбар – 1-2 этаж; хлебопекарня – 1 этаж; опальная, отбельная, красильная, сушильная – 1-2 этаж.

Полукаменное, крытое железом – училище – 2 этажа (31 х 21 х 14,5)

Деревянные, крытые железом:

хозяйский дом – 2 этажа, контора – 2 этажа, дома: 1го директора, 2го директора, управляющего и бухгалтера, мастеров – 2х эт., для механика – 1 эт., 9 домов для мастеров и приказчиков – 2х эт., дома: для артельщика – 1 эт., служащих – 2х эт., доктора – 2х эт., больница (2 дома) – 2 эт., 9 казарм для рабочих 2х этаж., 3 прачечных, лавка, 5 колодцев, навес для весов.

Деревянные, крытые железом и деревом: 12 одноэтажных сараев.

Деревянные, покрытые деревом: 2 дома для мастеровых – 1 эт., 3 барака – нежилых – 2х эт., кладовая, 12 погребов, конюшни, 2 столярных мастерских –
1 эт.

Все строения принадлежат Товариществу Тверской мануфактуры, а земля заарендована у крестьян Желтиковской слободы на 50 лет. Арендная плата – 30 521 руб. серебром за все 50 лет.

Все строение застраховано на сумму 1 286 400 руб. серебром. Фабрики отапливаются дровами из рощ, принадлежащих фабрике и расположенных близ берегов Волги.

Фабрика освещается газом.

На фабрике действуют паровые машины, с чьей помощью приводятся в действие станки и машины во всех отделениях.

Работа на фабрике производится круглый год, за исключением воскресных дней и годовых праздников. Один раз в году работы на фабриках прекращаются совершенно на 2 недели: с половины Страстной и до половины Фоминой недели. Фомину неделю можно считать началом фабричного года, т. к. с этой недели (первой по Пасхе) начинается новый наем рабочих.

Еще до начала нового фабричного года на стенах фабрик обыкновенно вывешивается объявление, в котором изъяснены условия найма и рабочая плата. Каждый желающий приходит в контору, заявляет, на какую именно

работу он желает поступить, отдает свой паспорт, записывается в конторскую книгу под известным номером и ему выдается расчетная книжка с обозначением положенного жалования. Таким образом, рабочий на год прикрепляется к той машине, на которой он заявляет желание работать и уже не может оставить фабрику до окончания срока найма. Сроком же найма бывал обыкновенно, срок его паспорта. Но, этот срок, обязательный для рабочего, никак не является обязательным для фабриканта. На основании установленного правила, можно без всякого затруднения выгнать с фабрики любого, даже самого усердного работника, если он почему-либо не понравился.

Рабочая плата, получаемая рабочими, очень разнообразна.

Самую высшую плату получают мастеровые – специалисты: слесари, литейщики, токари, котельщики, модельщики, столяры. Поденная плата таким рабочим – от 80 к. под 1 р. 50 к. и выше. Но, средняя их оплата – ~ 90 коп., т. е. 22 р. в месяц (25 дней) и 250 р. в год (11 мес.). Самую низшую плату получают маленькие дети, не имеющие самостоятельной работы и находящиеся в зависимости от взрослых – заработок детей – 10-15 коп. в день.

Плата получается сдельная и лишь немногие рабочие получают плату поденную.

Ткач, работающий на одном станке, может выткать в день, т. е. 12 час., кусок миткаля и за это получить 40 коп. серебром. Таким образом, работая беспрерывно 25 дней, он получит 10 руб., а за разными вычетами (на баню, больницу, штрафы) от 8 до 9 руб.

При работе на 2 станках, в месяц можно получить 15-18 руб. Заработки прядильщиков различны, смотря по тому, на какой машине прядильщик работает.

Прядильных машин 3 сорта: ватер-машина, которая производит самую толстую нить, прямо из ленты, получаемую с ленточной машины. При ватерной машине стоят девочки 12-15 лет, получающие поденно – ~ по 30

коп. в день. Только на мюль-машинах работают сдельно и притом исключительно мужчины. При каждом есть помощник – мальчик. Средний заработок прядильщика в день – 54 к., в месяц – 13 р. 50 к. Мальчик зарабатывает 15-25 коп. в день.

Рабочий день на всех фабриках 12 часов. Так как, в целях экономии топлива, действие машин не прекращается целые сутки, все рабочие, состоящие при машинах, разделяются на 2 смены. Каждая из этих смен работает в сутки 12 час., но не беспрерывно, а переменяясь через 6 часов.

На Морозовской фабрике работы начинаются с 5 утра, на Каулинской – с 4^{x}. В продолжение недели каждой рабочий трудится 72 часа, за которые ему платят, но, помимо этого, по 1 часу он трудится в субботу и понедельник бесплатно. Это время уходит на чистку машины.

Большие доходы фабриканты получают от штрафов и от лавки, снабжающей продуктами. Эти доходы с избытком перекрывают расходы на администрацию (даже шеститысячное жалование директорам).

Штрафы налагаются на рабочих за разные проступки: на Морозовской – если рабочий опоздал на 5 мин. на смену, платит штраф, равный дневному заработку, за отлучку с фабрики во время работы без дозволения начальства, штрафуется трехдневным заработком (за каждый день отлучки). С живущих в фабричных помещениях за держание при себе родственников и знакомых, за нечистоту и неопрятность берется дневной заработок, за хождение по фабричному двору без фонаря, за курение на дворе папирос, за участие в кулачных боях и за игру в орлянку и карты замеченные штрафуются дневным заработком. За приход на фабрику после 9 вечера летом и после 8 зимой – штраф от однодневного до трехдневного жалования, за беспорядки и шум в пьяном виде в конторе – двухдневным жалованием, за повторение всех проступков может быть увольнение. Кроме дисциплинарных взысканий, есть штрафы и за качество выработки изделий.

На Каулинской фабрике штрафов меньше.

Количество работающих детей на обеих фабриках не меньше 1/3

общего числа. Вся масса рабочих живет в квартирах, нанимаемых у частных лиц или в казармах при фабриках. Морозовские живут, в основном, в казармах, Каулинские – в квартирах.

В казармах – разной величины комнаты, в каждой из комнат – по одному или два окна. Одни из комнат предназначены для семейных, другие – для холостых. И те, и другие комнаты узки, низки, грязны. Комната с одним окном вмещает ~ 7-8 чел., а комната в 2 окна – ~ 20 и более человек.

Все жильцы сходятся вместе только раз в неделю.

[…] Каждый корпус имеет свою длину 50, в ширину 5 саж. Внутри делится он также коридором в 3 аршина ширины на 2 половины, из коих каждая, в свою очередь, разделена досчатыми перегородками на камеры в 2 и 1 окно, т. е. в 8 аршин длины, где помещаются от 2 до 3 и даже до 5 семейств, состоящих из 5-22 лиц. Высота этих помещений не превышает 4 аршин.

Вентиляция воздуха в казармах – за счет форточек в камерах, коридоры форточек не имеют. Согревание помещений – за счет круглой формы железных печей, выложенных кирпичом по 2 печи на коридор, температура высокая – до $+20^0$ по Реомюру.

Если в казарме в камере 3 окна, то там нары в 2 этажа по обе стороны камеры, в них живет 40-48 чел. Перед окном некоторых корпусов, на заднем фасаде, помещены помойные ямы, издающие зловоние, чувствующееся и зимой. Ретирады устроены везде с боков корпусов, при входах. Вода на чай берется из-под крана, с Волги, и носится с Тьмаки, на пищу же получается из колодцев во дворе фабрики. Вкус воды насыщенно-минеральный и подает повод к исследованию ее состава. Пруды, куда спускаются ненужные остатки фабричного производства, представляют мутную жидкость с красноватым оттенком, с поверхностью, отделяющей маленькие пузырьки, пруды эти помещаются у самого здания фабричного и имеют спуск в р. Тьмаку.

Частные помещения фабричные близ самой фабрики в пригородных слободах и в Затьмацкой части города не лучше Корпусных. Типом этих помещений является русская изба в 3 окна, разделенная на части

перегородками. Окна маленькие, без форточек. Около стен нары или двуспальные кровати. В такой избе живет 10-15 или даже 25-30 чел. Все население располагается на нарах, полатях, на полу, признаков постелей не замечено, видимо, подстилкой служит одежда рабочего, в каждой избе – лохань для помоев, издающая зловоние. Каждый рабочий платит за квартиру 80 коп., если живет на своих харчах, пища приготовляется хозяевами. Если хозяйка кормит рабочего, то за это берет 1 р. 50 к. – 2 р. Харчи хозяйские состоят из ржаного хлеба, кислой капусты и пустых щей. Фабричный также платит 15 коп. в месяц за стирку белья. Освещаются помещения керосиновыми горелками без стекол или сальными свечами.

Харчевая лавка очень выгодна для фабриканта, так как жалованье выплачивается нерегулярно. Так, после Страстной недели, когда рассчитывают рабочих, заработанные деньги выдаются не раньше Иванова или Петрова дня, то есть конца июня. Пришедший на фабрику с пустым кошельком, не имея возможности получить заработанные деньги в то время, когда они ему нужны, рабочий поневоле обращается за разными жизненными припасами в лавку, где все припасы продаются, по крайней мере, на 10% дороже городской цены, причем качество довольно низко.

[…] Порой, рабочий берет из лавки припасов больше, чем ему нужно, излишек продуктов продает за бесценок, а вырученные деньги либо отсылает в деревню, где их ждут, либо живет на них и др. Поэтому, чтобы не сидеть в долгах, фабричные прибегают к кражам – пряжи, миткаля и др. Попавшись 2-3 раза на таких делах, насидевшись в тюрьмах, рабочий порой оказывается потерянным для общества.

Условия работы на фабриках – вредные и тяжелые. Помещения плохо вентилируются, пыль состоит из частиц хлопка – чахотка, температура высокая (до 20^0 Р), разбивка суток на 4 х 6 часов – все это действует так, что уже через несколько лет бывшего крестьянина со здоровым цветом лица и нормальными мускулами не узнать. Здоровье сильно подрывает и водка, и сифилис – Тверские фабрики служили рассадниками сифилиса.

Нравственность на фабриках: ночные работы и девиц и парней в одних помещениях, теснота квартир и др.

Велики на фабриках были случаи увечий. Если изуродование рабочего таково, что лишает его способности работать, фабрикант дает ему иногда даровое помещение и средства к существованию. Иногда таких назначают сторожами, дворниками, но чаще просто увольняют без содержания. Больница при Морозовской фабрике – на 50 коек, хорошо устроена. Также при Морозовской фабрике существует начальное училище для детей обоего пола. Но большинство посещающих училище – не работающие на фабрике дети, живущие при родителях.

[…] Средний рост и средний объем груди новобранцев, поставляемых фабричными местностями менее, чем рост и объем груди новобранцев, взятых из других местностей. Обе фабрики наносят вред городу, так как расположены на р. Тьмаке, впадающей в Волгу в центре города, вследствие чего все отбросы, которыми заполняется Тьмака от фабрик, попадают в Волгу, портя воду, которую жители Твери берут для питья».

К большому невезению жителей слободок, прилегавших к Морозовскому предприятию, в плане очистки загрязняемой производством воды в реках Тьмаке и Волге даже за несколько десятилетий, прошедших после сообщения Покровского в «Историко-татистическом описании Тверской губернии», так ничего сделано и не было. Тому свидетельство – архивные материалы.

«Из рапорта старшего советника Тверского губернского
правления В.А. Плетнева Тверскому губернатору Н.Г. фон[Бюнтингу]
о загрязнении рек Тьмаки и Волги сточными водами
фабрики Товарищества Тверская мануфактура[14]
13 декабря 1913 г.

[...] Конденсационные воды (проба № 8) не свободны от смазочных масел и обладают довольно высокой окисляемостью (13.8 млгр), а также слабым нефтяным запахом, способны изменяться, образуя налет на стенках.

Кроме того, банные воды, которых бывает в сутки до 80 тысяч ведер, при анализе (проба № 7) показали, что они загрязнены органическими примесями (100 млгр) и способны загнивать. Прозрачность 3,8 по Снеллеру, способны изменяться, образуя налет на стенках и осадок на дне; устойчивость пены 1 минута 32 сек., содержат следы анилина.

Таким образом, сточные воды с Тверской мануфактуры поступают в реку Тьмаку недостаточно очищенными, изменяют к худшему состав воды этой реки и потому совершенно не отвечают требованиям обязательных постановлений Тверской городской думы от 30 января 1908 года для сточных вод, спускаемых в общественные водоемы.

Загрязнение этими стоками вод р. Тьмаки несомненно вредно отражается на качестве воды и р. Волги, каковая для большей части жителей города Твери является единственным источником питьевой воды.

При этом комиссия сочла необходимым отметить тот факт, что на фабрике имеется приспособление – особый канал из третьего отстойника, идущий мимо фильтров – которое делает возможным спуск стоков с фабрики почти не очищенными и что в таком случае загрязнение воды реки Тьмаки, а через нее и воды в р. Волге примет еще большие размеры.

Подано 13 декабря 1913 г.»

«[...] На 1913 г. на фабрике Тверской мануфактуры работало 13 466 человек, сумма заработка 3 416 000 руб.»[15]

Первые попытки рабочих обратить внимание хозяев на их бедственное положение были предприняты еще в 1870 г. – несколько раз была остановлена работа. Основная причина – огромное количество незаконно наложенных штрафов, практически лишавших рабочих заработка. Особенно сильно ухудшилось положение рабочих фабрики в период кризиса начала 80-х гг., когда, стараясь удержать производство и прибыли на высоком уровне, Морозовы усиливают эксплуатацию не только путем явного снижения расценок, но и путем всяческого изобретения новых штрафов.

«Требования рабочих ткацкого отдела, предъявленные владельцам фабрики[16]

25 февраля 1885 г.

Жалоба наша состоит в том, что нам работать стало всем невозможно, потому что штрафы стали на нас налагать за все качества, как-то: за порчу товара, которые мы можем показать в сдельных книжках, за поломку вилок и разных принадлежащих инструментов, которые могут ломаться от действия машины, за провес и привес утка. Челноки нам выдаются из конторы, и с нас вычитают за каждые два челнока 1 руб. 20 коп. Когда мы идем за получением из конторы утка или несем сдавать в контору товар во время работы, то на нас пишут штраф за каждый раз 50 коп., то поэтому мы принуждены приходить на работу за час раньше времени с работы уходить час[ом] позже. Случалось многим и так, что при уходе в сортир были оштрафованы за простой станков по 50 коп. По окончании недельной работы останавливается наша работа в субботу в 6 часов вечера, а чистка машин производится в воскресенье по рассвет; некоторым случается по необходимости не явиться на чистку – за это пишут за каждый раз по 50 коп. штрафу, несмотря на то, что сменщик его вычистит оба станка по хозяйскому требованию. Есть и такие рабочие, которые даже не знают номеров своих машин, и по незнанию случается сдавать товар с одного станка на другой по сдельным книжкам, за это пишут штраф 25 коп., несмотря на незнаемую его ошибку. Случалась у нас ежегодно в спальнях отбелка каморок, и к нам присылаются рабочие, которым нас принудили платить за каждое окно 30 копеек».

ГАКО Ф. 56. Д. 28899. Л. 55. Подлинник)

«Требования рабочих прядильного отдела,
предъявленные владельцам фабрики[17]
25 февраля 1885 г.[7]*

«Все мы рабочие прядильного отдела[8] объявляем нашу обиду в следующих случаях: у нас цены за сдельные работы перед прежними годами уменьшены, и к этому же у нас уменьшено полтора дня в неделю рабочих

[7] Датируется по содержанию документа ГАКО Ф. 56. Д. 28899. Л. 1, 2.
[8] Публикуется с сохранением стиля документа.

дней, и посредством этого наша заработка весьма уменьшена, и к этому же нас штрафуют за брак, и без чего и совершенно нельзя никак работать, так что за два, за три початка пишут штраф по 2 рубля; эти початки представляют мастеру, и мастер приносит их на машину, и штраф за этот брак повторяется. Случается, попадает нам смешанная ровница с банброс[9], и от недоумения мальчиков попадается на машину, и за это пишут штраф по 1 рублю за каждый початок, а во время работы совершенно нам отойти нельзя ни по каким причинам, даже станешь укладать пряжу или вышел за рамку исправить обязанности мальчика – и это признают за сон или за неисполнение дела и пишут штраф по одному рублю, и это [в] прежнее время полы мыть принуждали, но теперь [с] нас очень строго спрашивают случаи. Мы вымоем полы, но мастер увидит какую-нибудь пренедопрятность, то нас он заставляет перемывать еще один раз или два раза». (ГАКО Ф. 56. Д. 28899. Л. 56. Подлинник)

«Протокол допроса судебным следователем по особо важным делам Тверского окружного суда рабочего фабрики А.Я. Щербакова[18]

26 февраля 1885 г.

Андрей Яковлев Щербаков, крестьянин Шепелевской волости Тверского уезда деревни Поддубок, 27 лет, православный, грамотный, под судом не был… явился к допросу сам вследствие приказания, отданного фабричным, выбрать кого-либо из своей среды для выяснения причин неудовольствия и приостановки работы.

Вчера вследствие этого приказания, отданного г. полицеймейстером, меня выбрали народом с другими 5 лицами: двое из них со мною пришли, а двое, Ефрем Филимонов и Данила Иванов Колобков, остались на фабрике на случай, если бы потребовали хозяева фабрики, г. Чибисов и г-жа Морозова, которые хотели переговорить с нами сегодня в 9 часов утра.

Причины неудовольствия следующие:

[9] Так в тексте, должно быть: банкаброш.

1) Нас, рабочих, очень много штрафуют за каждую безделицу, так, например, если рабочий отлучится от станка на самое короткое время, например, сходить до ветру...

2) Нас, рабочих, заставляют иметь свои челноки, причем покупать их должны на фабрике за 1 руб. 20 коп. пару. Говорят, что будто это сделано было лет 8 тому назад с согласия рабочих, но я должен сказать, что хороший челнок, сделанный из пальмы с металлическими наконечниками, должен долго вымачиваться в масле: он от этого делается тяжелым, не усыхает, а металлические наконечники не отставали от дерева. Пока челноки был хозяйскою собственностью, то так и делалось, теперь же челноки не имеют всех этих качеств, и часто рабочим продаются челноки, недостаточно вымоченные или и вовсе не моченые, почему они плохо работают... почему рабочие просят опять, чтобы челноки были хозяйские, а челноки, находящиеся теперь на руках у нас, были бы оплачены фабрикою...

3) <…> Штраф мне назначен не за нечистку станков, а за плохо вымытый пол, хотя я его холодной водой два раза промывал. Это было в запрошлое воскресенье, 17 февраля… Мы просим, чтобы за эти часы чистки, когда мы и в храм господень не ходим, работаем на хозяина, чтобы за эти часы был нам сделан расчет по 20 коп. за чистку в воскресенье, и просим это за последние 3 года, т. е. со смерти Абрама Абрамовича Морозова, так как фабрика стала не работать в ночь на воскресенье и останавливаться в субботу в 6 часов вечера.

4) Мы просим еще, чтобы мастер не отказывался немедленно исправлять поломки в машинах. Мы, ткачи, практически выучиваемся делу, неучены, многие в машинах ничего не понимают, а сломается что, мастера не дозовешься, а на нас пишут штраф за поломку, причем стоимость его гораздо больше действительной записывается...

5) <…> У меня сломается или подработается челнок, мне нужно взять в магазине фабрики 2 челнока, т. е. пару, так как пара должна быть математически верна для работы, а такое положение очень невыгодно, так

как у меня пропадает 60 коп. на оставшемся после сломанной пары челноке. Почему настаиваем на том, чтобы челноки были хозяйские.

6) За пустую неровность края основы у миткаля, за каждый край вычитаются 25 коп.

7) <…> Вообще мы просим 3/4 положенных нам штрафов возвратить и только 1/4 согласны принять, как соответствующую действительному убытку фабрики.

[…] Я вот в прошлые года [т. е. при Абраме Абрамовиче Морозове] до 30 руб. серебром зарабатывал на этих же станках, при той же пряже, а теперь зарабатываю благодаря непомерным штрафам по 13, 14 и не выше 15 руб. в месяц, а уж вон как убиваюсь, чтобы заработать больше, я ведь себе не враг. Вот все, что имею.

Антон Яковлев Щербаков.

Судебный следователь Губченко».

(ГАКО Ф. 639. Оп. 3 Д. 8. Л. 19-23. Подлинник)

Очень интересен в данном плане следующий документ:

«Справка о числе оштрафованных ткачей фабрики, представленная фабричной конторой судебному следователю по особо важным делам тверского окружного суда[19]

7 марта 1885 г.

На отношение Вашего Высокородия от 2 марта № 198 фабричная контора имеет честь уведомить, что из числа ткачей в период Пасхи 1884 г. по 24 февраля 1885 г. **вовсе неоштрафованных нет** (выделено нами. – Прим. сост.), и отчет за январь 1885 г. по 24 февраля еще не составлен, и как только будет составлен, то контора не преминет доставить.

Поверенный Тронов» (ГАКО Ф. 639. Д. 8. Л. 42. Подлинник)

«О беспорядках на фабрике Товарищества Тверской мануфактуры.[20]

Февраль-апрель 1885 г.

В марте на фабрике были беспорядки, причем жандармами было отмечено, что среди рабочих было много пьяных.

Г. Министр (внутренних дел) приказал, если беспорядки будут продолжаться, выслать всех иногородних на родину.

Из 4200 работавших на фабрике 2000 чел. были высланы на родину. Работа на фабрике шла с перебоями.

10 марта 1885 г. на фабрике из 4200 чел. рабочих осталось только из ткачей и прядильщиков 995 чел. Ушедшие с фабрики (удаленные) отправились преимущественно в Тверской уезд (на родину).

12 марта встали на работу 905 ткачей и прядильщиц. На 16 марта работало уже 1600 чел.

На фабрике все время беспорядков были войска, в частности, в середине марта 35 конных драгун.

С 1 апреля работы на фабрике возобновились в полном объеме, вместе с вновь нанятыми рабочими число их – 4662 чел.

Рабочие просили встречи с хозяевами фабрики, но они не приходили».

По данным фабричного инспектора Московского округа И.И. Янжула, «летом 1885 г. на Тверской мануфактуре работало 5805 рабочих, среди них – 2264 женщины и 407 малолетних».[21]

Забастовки проходили в 1885, 1888, 1893, 1897, 1899, 1905 годах. В связи с этим на Тверской мануфактуре, которая была самым крупным предприятием в губернии, а ее рабочие наиболее революционно настроенными, в 1900 г. штаты полиции были увеличены в два раза и насчитывали одного помощника пристава, двух надзирателей и 34 городовых.[22] Суммы, затрачиваемые Морозовыми на содержание полиции и военной охраны, выросли в начале XX века по сравнению с 1885 г. в 4-5 раз.[23]

«Донесение начальника Тверского губернского жандармского управления в Департамент полиции о стачке рабочих фабрики вследствие введения новых правил внутреннего распорядка, снижения расценок и о принудительном

расчете рабочих[24]

18 июня 1893 г.

На другой день [после забастовки, 14 июня] с прибытием из Москвы владелицы этой фабрики В.А. Морозовой, при объяснении ее с рабочими выяснилось, что главнейшие причины забастовки зависят от нового директора ткацкого корпуса, некоего Людвига Морисовича Моргунова, по распоряжению которого стали вводиться новые порядки, весьма стеснительные для рабочих, так, например: основы заправляются мастерами чрезвычайно медленно, ткачу приходится долго ждать, и делаются из полугнилой пряжи, вследствие чего работа не по вине ткачей замедляется и дает больше прежнего браку; кроме того, издавна установленная длина куска миткаля в 55 и 58 аршина теперь увеличена до 65 аршин, но расценок оставлен прежний. Беспрестанные жалобы рабочих на медленную заправку станков и неисправность оных оставляются директором без внимания, а иногда жалующихся переводят на другие, еще более разлаженные станки, или из коренных ткачей в запасные, т. е. на меньший заработок. Не может им также нравиться неравномерное распределение рабочих часов на 4 смены, по которому одним приходится работать 10, а другим – 14 часов в сутки. В результате всего этого оказалось, что многие ткачи, состоящие на фабрике более 15 лет, вместо прежних 10-20 руб. теперь зарабатывают только от 10 до 15 руб. в месяц. Независимо от этих главнейших причин есть много еще мелких, например: а) подвергшийся три раза в течение месяца штрафу или замечанию совсем рассчитывается и более на фабрику не принимается, б) опоздавший [на] несколько минут прийти на работу после установленного звонка к работе уже не допускается, а между тем это записывается ему в прогул. Высказывая неудовольствие на эти новые порядки, к которым рабочие не успели еще привыкнуть, они настойчиво просили об отмене их; жалуясь на крайний деспотизм и грубое обращение с ними нового директора Моргунова, они требовали смены его и нескольких его приближенных браковщиков и мастеров, которых обвиняют в несправедливости и

ябедничестве. Вызванный начальником губернии для разъяснений всех этих недоразумений, директор правления Тверской мануфактуры Николай Петрович Алексеев, по совещании с Морозовой, заявил, что на увольнение указанных рабочими директора и других служащих он несогласен, а равным образом и остальные желания рабочих удовлетворить не признает возможным, ссылаясь на то, что вновь введенные порядки вполне отвечают интересам производства, практикуются на многих других фабриках и одобрены Департаментом торговли и мануфактур. После таких заявлений Алексеева ткачи, несмотря на убеждения должностных лиц, неоднократно приезжавших на фабрику по поручению начальника губернии, и на мои личные им разъяснения и увещания, не согласились возобновить работы, упорно отказываясь в то же время и получить расчет. Ввиду этого начальник губернии 17 июня решил немедленно ввести на фабрику два батальона расположенного лагерем под Тверью 8-го гренадерского Московского полка, которым прежде всего оцеплен был ткацкий корпус, а затем окружена была на площади огромная толпа забастовавших рабочих. Вслед за тем по приказанию губернатора приступлено было к принудительному расчету. Толпа заволновалась, сделала попытку прорваться, но, окруженная достаточною силою, тотчас же успокоилась так, что употреблять в дело оружие, слава богу, не пришлось. Одновременно с этим приступлено к формальному следствию и в качестве зачинщиков и подстрекателей арестовано 12 человек.

К ночи успели рассчитать и вывести со двора фабрики около 300 ткачей, остальные же все на другой день утром смирились и прекратили забастовку, в 12 часов сегодня возобновили работу […]

Доводя об этом до сведения Департамента полиции, обязанностью считаю доложить, что хотя на этот раз все обошлось благополучно, но за подобный исход в будущем ручаться нельзя. Несомненно, что при существующих порядках и условиях забастовки будут повторяться и с каждым разом становиться грознее и опаснее. По мнению лиц, более или

менее компетентных в мануфактурном деле, за последнее время на этой фабрике замечается не вполне обеспеченный сбыт товара, следствием чего является перепроизводство, а следовательно, и весьма ощутительные убытки, которые побуждают администрацию фабрики прибегать к всевозможным видам экономии и теснить рабочих настолько, чтобы на законном основании сократить число их до размера действительной в них потребности, что было высказано даже самим директором ткачей Моргуновым. Такое ненормальное положение дела, внушая серьезные опасения за общее настроение рабочего люда, вызывает, по-видимому, необходимость принятия безотлагательных и самых решительных мер. (Выделено нами. – Прим. сост.)

Полковник князь Девлет-Кильдеев».

(Рабочее движение в России в XIX в. Т. III. Ч. 2. С. 357-359)

«Предписание Тверского губернатора П.Д. Ахлестышева тверскому Городскому голове об антисанитарных жилищных условиях рабочих фабрики[25]

12 мая 1895 г.

При осмотре в 1893 году мною, совместно с губернским врачебным инспектором, квартир, нанимаемых фабричными рабочими в Красной слободе и в других местностях, оказалось, что большинство этих квартир находится в крайне дурных санитарных условиях. В большинстве случаев домохозяева сдают свои дома съемщикам квартир без контрактов, а эти последние отдают помещения рабочим.

Обыкновенно в одной комнате живут по нескольку семей, отделяющихся одна от другой легкой дощатой перегородкой или простой занавеской, и только в немногих домах устроены отдельные комнатки; кроватей в большинстве квартир нет, и рабочие спят или на полу, или же на нарах, нередко устроенных в два яруса, причем верхний ярус нар при низости потолков в большинстве квартир обыкновенно находится от потолка не более 3/4 аршина. Места на нарах для каждого из рабочих не отделены одно от

другого. Размещаются рабочие в квартирах до невероятности тесно, так что в некоторых квартирах на каждого человека приходится менее 1/2 куб. саж. воздуха; в одном из таких помещений на 11 человек взрослых и 4 малолетних приходится всего 2 куб. саж. и 18 куб. аршин воздуха, в другом – на 5 человек взрослых и 1 малолетнего 1 куб. сажен и т. д.

В большинстве квартир для обмена воздуха нет ни вентиляторов, ни форточек в окнах, вследствие чего воздух в них крайне удушливый и тяжелый. В отношении чистоты квартиры содержатся крайне неудовлетворительно… при домах тесны и грязны, отхожие места содержатся в беспорядке и состоят обыкновенно из маленьких сарайчиков с деревянным полом, а то и без пола, с простою вырытою в земле ямой без всякого сруба, а иногда со срубом, но очень плохо устроенным, чем дается полная вероятность через просачивание экскрементов для загрязнения окружающей почвы.

Колодцы в некоторых дворах оказались расположенными очень близко от отхожих мест, что при совершенно неудовлетворительном устройстве выгребов, несомненно, должно портить в них воду.

Входы во многие из квартир очень тесны и узки. Деревянные лестницы, ведущие в верхние этажи, во многих домах тоже очень узки, круты, ветхи и даже без перил, что представляет большую опасность в пожарном отношении.

Имея в виду, что такие противосанитарные условия квартир рабочих, без сомнения, вредно влияют на их здоровье и могут способствовать развитию среди рабочих болезней, я, признавая крайне необходимым размещение рабочих в возможно удобных и безвредных квартирах, предлагаю Вам, милостивый государь, внести на обсуждение городской думы ближайшего созыва оной вопрос об изыскании способов улучшения квартир рабочих через выработку условий отдачи в аренду домов под квартиры фабричных рабочих, подобно тому, как это уже принято думою 15 ноября 1893 г. в отношении отдачи в аренду городской земли правлению

товарищества Тверской мануфактуры под постройку домов для квартир рабочих на фабрике.

О последующем же предлагаю предъявить мне сведения.»

(ГАКО Ф. 487. Д. 3824. Л. 1, 2. Черновик)

«Доклад городской управы Тверской городской думе
«Об изыскании способов улучшения квартир фабричных рабочих»[26]

23 августа 1895 г.

[...] Городская дума в заседании 15 ноября 1893 года, по выслушании ходатайства доверенного правления Товарищества Тверской мануфактуры Дмитрия Николаевича Попова о постройке домов для квартир рабочих на фабрике, признала возможным принять таковые при нижеследующих условиях: дома 8 и 10 аршинные должны служить для жилья только семьи, заарендовавшей дом, и в них не может быть отдаваемо квартир; в домах пятистенных 10 и 16 аршин одна половина должна служить для жилья семьи заарендовавшей дом, без права отдачи в этой половине квартир, другая же половина этого дома может быть отдаваема для извлечения дохода квартирантам; но при том непременном условии, чтобы на каждого квартиранта было не менее одного кубика воздуха. Причем, при разрешении возведения постройки пятистенных домов управа оговаривает в разрешении, на какое количество рабочих может быть отдаваемо помещение, назначенное для квартир.

Представляя о вышеизложенном думе, управа, с своей стороны, вполне разделяет необходимость принятия мер к улучшению помещений рабочих, как в Красной слободе, так и в других местностях на городской земле, отдаваемой в аренду и с этой целью полагала бы: в контракты на отдачу земельных участков под постройки, а равно при возобновлении таковых на участки, уже состоящие в арендном содержании, ввести условие, в котором арендатор земельного участка обязывался бы в устроенных строениях на заарендованном участке отдавать помещения для жилья рабочих не иначе, как с разрешения городской управы. Разрешение же это дается лишь при

условии, чтобы на каждого живущего рабочего приходилось не менее одного кубика <кубическая сажень> воздуха; чтобы для спанья каждого рабочего имелось особое место на устроенных нарах или отдельная кровать. Место на нарах должно быть длиною 2 аршина 12 вершков, шириною 1 аршин на каждого человека; чтобы в помещении рабочих были устроены форточки, в помещениях же второго этажа, а равно и мезонинах, имелось бы не менее двух входных лестниц. В случае отказа арендатора подчиниться этим требованиям разрешение на устройство помещений для квартир рабочих не дается. В этом же случае, когда разрешение не устройство помещений будет дано, но условия выше сего изложенные, арендатором не будут исполняемы, управе предоставляется право контракт нарушить, что и должно быть оговорено в самом контракте.» (ГАТО Ф. 21. Оп. 2. Д. 61. Л.64, 64 об. № 77)

Несмотря на трудности, внешние и внутренние, производство росло, расширялось и совершенствовалось. Началась более активная работа по улучшению социальных условий труда и быта работников мануфактуры. Эти изменения нашли отражение в документе, представленном на промышленную выставку в Нижнем Новгороде.

«Сведения о размерах производства фабрики, представленные правлением товарищества на всероссийскую промышленную и художественную выставку 1896 г. в гор. Нижнем Новгороде[27]

10 января 1896 г.[10]

I. Наименование, местонахождение и время учреждения предприятия:

Высочайше утвержденное товарищество Тверской мануфактуры бумажных изделий Фабрики в гор. Твери. Правление в Москве. Основано в 1858 г.

II. Орудия и машины, употребляемые в производстве указанием рода и силы двигателей, числа веретен, станков, горнов, печей и т. п. данных:

[10] Дата передачи сведений в дирекцию выставки.

Прядильно-ткацкая фабрика, приводимая в движение шестью паровыми машинами в 2202 эффективные силы, имеет производства:

1) Бумагопрядильное;

а) обыкновенное, состоящее из прядильных ватеров в 22 492 веретена, прядильных сельфакторов в 54 192 веретена и крутильных ватеров в 552 веретена и

б) аппаратное, состоящее из прядильных сельфакторов в 888 веретен. Всего 78 124 веретена.

2) Бумаготкацкое – в 2274 самоткацких станка.

3) Ватное – в 10 кардных машин.

Отбельно-красильно-ситценабивная фабрика приводится в движение 4 большими паровыми машинами в 160 номинальных сил и 43 маленькими – в 218 номинальных сил. В состав ее входят производства:

1) Бумагоотбельное, имеющее 1 открытый отварочный (бучильный) котел емкостью в 146,79 куб. фут., 4 отварочных котла герметических, работающих при давлении свыше атмосферного, емкостью в 1240 куб. футов, и 2 отварочных котла с тележками системы "Матер и Платт", емкостью в 1280 куб. фут.

2) Бумагокрасильное, имеющее 14 гарансинных и им подобных барок емкостью каждая в 46,4 куб. фут., 4 деревянных аппарата для окрашивания в кубовый цвет бумажной пряжи, 4 континю аппарата емкостью все четыре в 888 куб. фут. Для окрашивания тканей в кубовый цвет, 70 джиггеров, красящих каждый 2-2,5 пуда товара за раз, 1 непрерывно действующий континю аппарат, окрашивающий ткани при однократном прохождении в серый или черный кампешевый цвета, и 1 такой же аппарат, красящий в разные цвета ткани, плюсованные нафтолом, 5 плюсовальных машин.

3) Ситценабивное с 14 набивными машинами, печатающими гравированными валами, и 1 дубль-машиной, печатающей сразу обе стороны товара.

4) Отделочное и аппретурное, имеющее 10 машин крахмальных, 2

ширительные рамы, 12 ворсовальных, 4 декатирные, 1 гофрирную, 10 каландров, 14 стригальных и 6 гидравлических прессов.

5) Граверное с 10 накатывальными машинами и 4 пантографами.

III. Вновь введенные особые усовершенствованные технические приемы и их значение в производстве:

По всем отдельным производствам мануфактуры усиленно ведется замена имеющихся машин и приборов новейшими, усовершенствованными, и соответственно с этим совершенствуются технические приемы, применяются постоянно новые изобретения, появляющиеся как в России, так и за границей.

IV. Число главных мастеров (русских и иностранцев):

1) При прядильно-ткацком производстве: 1 директор, его помощник, 3 механика, 3 мастера, из коих двое иностранцев (2 мастера), все же остальные русские.

2) При отбельно-красильно-набивном: 1 директор, 3 колериста, 4 химика, 2 механика и 9 мастеров, из коих трое иностранцев (один колерист, 1 механик и 1 мастер), все же остальные русские.

V. Количество и ценность ежегодного производства:

За последний год выработано:

1) Пряжи 230 330 пудов, из коих 16 490 пудов для продажи, на сумму 229 390 руб., остальное же количество для своего ткачества.

2) Ваты 5675 пудов на сумму 36 320 руб.

3) Соткано разных бумажных тканей 726 280 шт., поступивших для обработки в своей отбельной, красильной и ситцевой фабрике.

4) Обработано и отделано в отбельной, красильной и набивной фабрике для продажи товара в виде беленом, крашеном и набивном 1 024 560 шт. на сумму 7 185 270 руб.

VI. Откуда, в каком количестве и на какую сумму получаются первообразные или полуобработанные материалы:

На выработку товаров употреблено:

хлопка египетского – 71 230 пуд.

«"–" американского – 140 100 «

«из американских семян 42 050 пуд.

Итого: 253 380 пуд. на сумму 2 266 754 руб.

Пряжи вигоневой 2393 пуд. на 48 960 руб.

Красильных материалов – 749 000 руб.

Разных остальных – 405 300 руб.

Сурового миткаля других фабрик 246 830 шт. на 1 006 300 руб.

VII. Куда, в каком количестве и на какую сумму сбываются готовые изделия и продукты:

Все вырабатываемые товары продаются в постоянных складах в Москве, Харькове, Одессе и Варшаве и, кроме того, на ярмарках Украины при общем годовом обороте в сумме около 10 00 000 руб.

VIII. Количество занимаемых рабочих:

а) при самом учреждении (фабрике, заводе, руднике, хозяйстве и т. п.)

Из них постоянных: мужчин – 3944, женщин – 2047, детей – 59 чел.

IX. Число рабочих в сутки: у мужчин и женщин, смотря по роду работ, – 8, 9, 11 и 12 часов (последнее исключительно при денной работе), у детей – 8 часов.

X. Способ вознаграждения рабочих (сдельно, поштучно, помесячно, поденно и пр.) и наибольший и наименьший размер заработной платы:

Плата рабочим исчисляется сдельно, поштучно, помесячно и поденно. Размер заработной платы колеблется от 7 руб. 50 коп. в месяц и до 35 руб.

XI. Состоящие при экспонируемом предприятии особые учреждения для рабочих (школы, больницы, богадельни и пр.):

При фабриках имеются бесплатные:

1) школа 4-годичного курса, рассчитанная до 1500 учащихся с классом кройки и рукоделия;

2) больница на 80 кроватей, при коей состоят: 2 постоянно живущих врача, 2 фельдшера и 1 фельдшерица;

3) родильный приют на 20 кроватей, при нем 1 постоянно живущая акушерка;

4) богадельня, в коей проживают 13 престарелых рабочих;

5) колыбельная на 85 детей, с прислугой, няньками и смотрительницей;

6) приют для 35 сирот-детей.

XII. принимаются ли меры к охранению здоровья рабочих в жилых помещениях и к ограждению от опасности на работе и какие именно:

Предпринято размещение рабочих в особых колониях, для чего уже по сие время имеются выстроенными 40 отдельных домиков на 4 семьи каждый, с отведенной для каждого домика землею в 180 кв. саж. с садом и огородом. Кроме того, за последнее пятилетие выстроены 4 новые каменные казармы усовершенствованного типа с новейшею системой отопления и вентиляции. Все жилые помещения рабочих в санитарном отношении находятся под наблюдением фабричного и медицинского персонала. К ограждению рабочих от опасности на работе приняты меры, значащиеся в обязательном постановлении Тверского губернского по фабричным делам присутствия для бумагопрядильных, ткацких и ситценабивных фабрик Тверской губернии, изданном на основании п. 1 ст. 52 Уст[ава] о пром[ышленности], для охраны здоровья рабочих.

XIII. Введено ли страхование рабочих от несчастных случаев и на каких условиях:

Нет.

XIV. Награды, какие экспонентом получены с означением времени их получения:

Изделия товарищества экспонировались на двух выставках: на Московской мануфактурной 1865 г. и на Всероссийской мануфактурной 1870 г. в Петербурге; на первой были награждены Большой серебряной медалью, а на второй – государственным гербом.» (ГАКО Ф. 850. Д. 1792. Л. 6-9. Копия)

В том же 1896 г. товариществом приобретается недвижимость:

«...Крестьяне Тверского уезда деревни Лагунова Анна Степановна

Кокошкина и доверенный Правления Товарищества Тверской мануфактуры московский мещанин Дмитрий Николаевич Попов заключили договор о продаже Кокошкиной на снос Товариществу принадлежащего ей известкового завода со всеми при нем жилыми и нежилыми постройками, возведенный на земле Тверского Николаевского Малицкого монастыря в г. Твери, Затьмацкой части, близ Иоанно-Предтеченской церкви за 3500 руб».[28]

...Крестьяне Тверского уезда Никулинской волости, слободы Рождественской продали через представителя Товарищества Тверской мануфактуры московского мещанина Дмитрия Николаевича Попова Товариществу «принадлежащий обществу доверителей наших, свободный от всякого залога и запрещения, участок надельной земли, состоящий Тверской губернии, Тверского уезда, при слободе Рождественской, под названием «Большое Поле» в количестве шестнадцати десятин тысячи двухсот квадратных сажен, в том числе неудобной, под половиною реки Тьмаки, по течению и, между этою рекою и идущею из города Твери в город Старицу почтовою дорогою, по границу Городской земли, за исключением участка, граничущего с Городской землею, владеемою крестьянином нашей слободы Михаилом Андреевым Бобриковым, присоединив к нему еще одну только полосу, шириною в десять сажень и длиною сто семнадцать сажень до реки Тьмаки. За тот участок земли денег получено 75 000 руб.»[29]

На следующий год вновь поднимается волна забастовочного движения.

«Донесение Тверского вице-губернатора Н.Н. Усова министру внутренних дел И.Н. Дурново о забастовке рабочих прядильно-ткацкой фабрики[30]

3 июня 1897 г.

Сегодня четыре тысячи рабочих прядильно-ткацкого корпуса фабрики Тв[ерской мануфактуры] забастовали, предъявив требование об увеличении заработной платы; кроме прекращения работ, по фабрике неспокойно. О принятых мерах представляю сведения почтой.

И. Д. губ[ернатора] вице-губ[ернатор]» (ГАКО Ф. 56. Д. 28677. Л. 3. Черновик)

«Отношение правителя канцелярии Тверского губернатора начальнику гарнизона гор. Твери об отправке на фабрику войск для подавления забастовки рабочих[31]

20 марта 1899 г.

Секретно

Экстренно нужное

Ввиду происшедшей на фабрике товарищества Тверской мануфактуры забастовки рабочих в числе свыше 3000 человек и возникновения беспорядков, признавая необходимым для установления на фабрике порядка призвать содействие войска, я, на основании 5 и 12 пунктов приложения к примечанию 316 ст. II т. общего губернского учреждения[32] имею честь покорнейше просить ваше превосходительство о распоряжении к отправлению теперь же на фабрику из находящегося в Твери войска необходимой части его.

Правитель канцелярии Плетнев» (ГАКО Ф. 56. Д. 20297. Л. 50. Заверенная копия)

«Телеграмма начальника тверского губернского жандармского управления Департаменту полиции об охране фабрики войсками и высылке из гор. Твери рабочих-стачечников[33]

21 марта 1899 г.

На фабрике Морозова порядок охраняют войска. Управляющий губернией постановил выслать девятьсот ста[че]чников. Подробно доложу.

Полковник Волков»

Однако были и позитивные моменты в жизни рабочих мануфактуры, об этом свидетельствуют приведенные ниже данные:

«Прошение Тверского Никольского общества трезвости «Мир» Тверскому губернатору о разрешении производить продажу книг в помещении библиотеки при фабрике Товарищества Тверской мануфактуры[34]

Желая способствовать, согласно уставу Общества, распространению между народом книг преимущественно духовно-нравственного и антиалкогольного содержания, чтобы, насколько возможно, укреплять в народе правила религии и нравственности, а также выяснять ему пагубное влияние пьянства в религиозно-нравственном, физическом и материальном отношениях, имею покорнейше просить Ваше Сиятельство о выдаче Тверскому Никольскому обществу трезвости "Мир" законного дозволения на продажу вышеозначенных книг в помещении библиотеки, находящейся при фабрике Товарищества Тверской мануфактуры.

Ответственным лицом такого книжного склада покорнейше прошу дозволить быть мне.

Тверь. 30 декабря 1897 года.

Председательница Тверского Никольского общества трезвости "Мир" – учительница школы, состоящей при фабрике Товарищества Тверской мануфактуры

Н. Секалова[11]»

Одной из сторон деловой активности тверских женщин было содержание гостиниц, постоялых дворов и трактиров.

В целом, из 14 имевшихся в Твери с 1911 по 1914 г. ренсковых погребов [магазин вино-водочных изделий], 6 принадлежали женщинам, один из них был близ Морозовской фабрики, принадлежал А.И. Власовой.[35] Надо полагать, что появились магазины не в 1911 г., а были и значительно раньше, иначе к чему создание общества трезвости...

И далее, данные на 1899 г.[36]:

«Колыбельня-ясли Товарищества Тверской мануфактуры, основаны в 1881 г., относятся к МВД, число мест 100.

---

[11] Секалова Наталья Герасимовна (р. ок. 1858) - дочь священника Полтавской губернии, окончила Киевскую женскую гимназию, в Твери жила с августа 1875 г., работала учительницей в школе при фабрике Товарищества Тверской мануфактуры; председательница Тверского Никольского общества трезвости «Мир». Губернатор разрешил обществу открыть в помещении библиотеки «книжный склад с продажей книг» 16 января 1898 г., после того как он получил ответы на свои запросы Тверскому полицмейстеру и начальнику Тверского ГЖУ «о нравственных качествах и степени политической благонадежности Н.Г. Секаловой» (ГАТО Ф. 56. Оп. 1. Д. 19437. Л. 2-5)

Приют для сирот Товарищества Тверской мануфактуры, основан в 1881 г., относится к МВД, число мест 32, находится 15 мальчиков, 17 девочек. Обходится в год в 8660 руб.

Торговая школа для малолетних Товарищества Тверской мануфактуры, основана в 1869 г., относится к МВД, число мест 1000, обучается 599 мальчиков, 368 девочек.

Торговая школа для взрослых и малолетних рабочих Товарищества Тверской мануфактуры, основана в 1877 г., относится к МВД, число обучающихся 67 мальчиков, 20 девочек, 37 мужчин, 2 женщины.

Школа рукоделия Товарищества Тверской мануфактуры, основана в 1893 г., относится к МВД, рассчитана на 75 мест, обучаются 73 девочки.

3 последних заведения содержатся на 14 527 руб. в год.

Богадельня Товарищества Тверской мануфактуры, основана в 1885 г., относится к МВД, призреваются 11 мужчин, 9 женщин, расходы в год – 1423 руб.

Больница Товарищества Тверской мануфактуры, основана в 1858 г., относится к МВД, рассчитана на 100 коек, содержится 138 мальчиков, 134 девочки, 628 мужчин, 449 женщин, приходящих 1737 мальчиков, 1725 девочек, 11 169 мужчин, 8774 женщины, расходы в год 37 927 руб.

Родильный приют Товарищества основан в 1861 г., относится к МВД, число мест 20».

За Торговой школой при Тверской мануфактуре и некоторыми ее преподавателями наблюдала охранка:

«Правителя Канцелярии Министра

1898 г.

Донесение[37]

Во исполнение приказания Вашего Высокопревосходительства, для выяснения полученных при жандармском дознании указаний на то, что торговая школа тверской мануфактуры… служит проводником в среде рабочих нежелательных взглядов, я отправился в город Тверь и… имею честь

доложить нижеследующее.

Во время моего трехдневного пребывания в Твери, из неоднократных личных объяснений с Тверским губернатором кн. Н.Д. Голицыным, начальником губернского жандармского управления Н.С. Урановым, прокурором М.Н. Киселевым, директором народных Училищ Н.Ф. Добровольским, старшим фабричным инспектором П.А. Песковым, фабричным инспектором И.А. Хмелевым, а равно из сведений, собранных мною при личном посещении, совершенно частным образом, Тверской мануфактуры, расспросов управляющего фабрикой… положение представляется мне в следующем виде.

Школа при Тверской мануфактуре существует издавна, едва ли не с основания фабрики, и до конца 70 годов, наравне с другими начальными училищами, находится под наблюдением Министерства Народного Просвещения, ничем не выделялась от школ того же разряда. В 1898 г. по инициативе правления мануфактуры, находящегося в Москве и состоящего из вдовы бывшего владельца фабрики Варвары Алексеевны Морозовой и трех ее сыновей: Михаила, Ивана и Арсения Морозовых, начальная школа преобразуется в торговую школу и передается в ведение Министерства финансов, по учебному его Отделу. Для школы вырабатывается новый Устав, который утверждается 11 ноября 1898 г. Министром финансов на общем основании Высочайше утвержденного 15 апреля 1896 г. положения о коммерческих учебных заведениях.

Согласно уставу, высшее заведывание школою вверяется Попечительному Совету, состоящему под председательством Почетной Блюстительницы из 4 избранных ею членов, утвержденных Министерством финансов. Почетной Благотворительницей пожизненно должна состоять В.А. Морозова, которая, со своей стороны, избрала в совет трех своих сыновей и Д.Н. Попова (заведывающего хозяйственной частью на фабрике)…

Вместе с преобразованием… школы… на место долгое время заведывавшего ею, известного педагога, действительного статского

советника Д.И. Тихомирова, Попечительным Советом был приглашен бывший инспектор народных училищ Московской губернии Василий Порфирьевич Вахтеров[12]… В.А. Морозова, известная благотворительница, ярко выраженного направления, близкая к кружку «Русские Ведомости» через редактора-издателя их Соболевского, и весьма определенные, крайние убеждения которой известны Вашему Высокопревосходительству, считала Вахтерова вполне подходящим лицом для проведения в школьном деле взглядов, встречающих ее сочувствие. [Само преобразование школы было вызвано желанием Морозовой убрать Тихомирова и назначить на его место Вахтерова. Вахтеров считался в полиции лицом неблагонадежным. В. Вахтеров, несмотря на это, в 1898 г. был утвержден Министром финансов. В ноябре 1897 г. Вахтеров становится учредителем Ссудно-Сберегательной кассы Товарищества печатания Сытина, затем руководит педагогическими курсами учителей в Лубнах, Полтавской губернии. По возвращении оттуда в 1898 г., по приглашению Морозовой, стал работать на Тверской мануфактуре. Но Вахтеров вначале лишь изредка наезжает в Тверь, оставаясь жить в Москве, где делается сотрудником учрежденного врачом Тулуповым без надлежащего разрешения, товарищества для издательства и книжной торговли.] По закрытии в декабре 1898 г. Московским генерал-губернатором… магазина Тулупова, обращено было внимание на Вахтерова и на его противоправительственную деятельность, специально направленную на дело народного образования. По ходатайству генерал-губернатора Министр Внутренних дел 15 февраля 1899 г. делает распоряжение о воспрещении Вахтерову жительства в Москве и Московской губернии в течение трех лет (т. е. 15 февраля 1902 г.).

С этого времени Вахтеров начинает обращать все свое внимание и энергию на школьное дело в Тверской мануфактуре. Очевидно, заведывание школой для детей от 8 до 15 лет не могло удовлетворить его деятельности. И

[12] Вахтеров Василий Порфирьевич (1853-1924) – русский педагог, методист начальной школы, деятель народного образования. Внес большой вклад в теорию и практику начального обучения.

вот по соглашению в В.А. Морозовой Вахтеровым разрабатывается проект устава об особых Торговых классах для взрослых, нечто вроде публичных лекций для рабочих, искусственно присоединенных к Торговой школе Тверской мануфактуры. Устав этот, по ходатайству В.А. Морозовой, утвержден был Министром финансов 16 марта 1901 г.

Устав торговых классов при Торговой школе Тверской мануфактуры, действующий без изменений до настоящего времени, отличается своей неопределенностью. В первой статье указано, что классы бесплатны и «имеют целью сообщать лицам всех возрастов, преимущественно из состоящих на службе в торгово-промышленных учреждениях, начальные коммерческие познания, необходимые в торговом деле». Для поступления в классы требуется представление свидетельства об окончании курса в начальном учебном заведении, но для лиц не имеющих таких свидетельств учреждается приготовительный класс, куда могут поступать и безграмотные. Классы делятся на отделение мужское и женское и состоят в ведении Министерства финансов, по учебному его отделу. Общее заведывание возлагается на Попечительный, при торговой школе, Совет (В.А. Морозова с сыновьями); непосредственно же управление – на инспектора школы (Вахтеров).

[...] На практике… эти условия не соблюдаются. Лекции бывают обыкновенно два или три раза в неделю, в просторной аудитории по вечерам, после 6 часов; собирается иногда до 300 человек, никаких свидетельств при входе не спрашивают и деление на мужское и женское отделения устраняется тем, что большинство лекций бывает соединенное для обоих отделений. Но женщины посещают лекции мало, главный состав слушателей – рабочие, по большей части молодые, лет 20-25, и мелкие служащие на фабрике. Вообще, может придти всякий, кто имеет какое-либо отношение к фабрике. А служащих на фабрике около 10 тысяч человек…

За почти двухгодовое существование классов надзора за ними не было буквально никакого…

[…] Директор народных училищ… сообщил мне, что направление, принятое классами, нисколько его не удивляет, так как он имеет достоверные сведения о крайне предосудительном направлении некоторых преподавателей на классах, в том числе учителя Богомолова, еще сравнительно недавно удаленного с должности преподавателя начальной школы в Торжке, по его настоянию, за политическую неблагонадежность.

[…] Торговые классы… свободные от всякого надзора, за два года их существования, находятся в исключительном ведении Вахтерова и приглашенных им преподавателей, в числе коих главными являются Богомолов и Левин. Оба эти лица известны своею неблагонадежностью. Образ их мыслей разделяют и другие преподаватели и преподавательницы, определенные Вахтеровым. Просматривая их список, приходишь к выводу, что различие между ними лишь то, что некоторые – как Левин, находятся под «негласным надзором полиции», а другие – как Богомолов, под «негласным наблюдением».

[…] Главными лекторами за все время существования классов являлись Левин и Богомолов. Левин, который, между прочим, находится под наблюдением в сношениях с лицами, составлявшими преступное сообщество под именем Тверского социал-демократического комитета, читал историю. Темы им выбранные сами говорят за себя, именно: о взятии Бастилии, вообще о Французской революции, о декабристах, история представительства на Западе, о самоуправлении в России…

Есть указания, что иногда Левин прямо читал какой-либо рассказ Толстого, Горького или Короленко (очевидно не дозволенный цензурой) и толковал прочитанное. Богомолов… читает политическую экономию. Видимо тоже анекдотично и своеобразно. [Вахтеров читает лекции нейтрального характера, например по астрономии. Он обычно ограничивается собеседованиями с учителями, давая им советы и указания. Почти всегда это происходит на частных квартирах – в последнее время на квартире учительницы Судаковой.]

[…] Отсюда возникает важный вопрос – насколько эти лекции приносят вред и отражаются ли они на том установленном жандармскими дознаниями противоправительственном настроении среди рабочих в Твери, получившем в последнее время наглядное выражение в образовании сообщества, именующего себя «Тверским комитетом Российской социал-демократической партии»?

На этот вопрос, по глубокому убеждению моему, надлежит дать положительный ответ… Бывшие за последнее десятилетие на Тверской мануфактуре беспорядки и забастовки, все имели чисто экономическую подкладку: в 1894 г. против директора Моргунова, в 1896 и 1899 гг. против директора Алянчикова, несправедливо, по мнению рабочих, к ним относившимся. В настоящее время рабочие на Морозовской фабрике прекрасно обставлены, они получают на 20% более чем на других заводах Тверской губернии. Директор фабрики И.С. Балашов и управляющий хозяйством Д.Н. Попов… пользуются большой популярностью. Действительно благоустройство образцовое… Нет сомнения, что замечаемое среди рабочих брожение имеет политический характер и вызывается усилиями небольшого кружка лиц, сосредоточенного вокруг Торговых классов и по странному стечению обстоятельств находящегося под покровительством владельцев фабрики. А что брожение именно политического характера, не оставляет сомнения в том самый тон прокламаций, которые разбрасываются на фабрике. Пред 1 Мая прокламация начиналась так: «мы рабочие тяжелым трудом добывая кусок хлеба изнемогая от усталости и гнета фабрикантов ради улучшения своего положения решили вступить в борьбу с самодержавием – нашим врагом и другом людей нас угнетающих – капиталистов».

Из всего сказанного… [следует], что настоящее положение преподавания на Тверской мануфактуре очевидно не может быть оставлено долее без внимания. [Было предложено закрыть торговые классы, а торговую школу (дети до 15 лет) оставить на существующих основаниях.]

[…] Надлежало бы <…> 1) войти в соглашение с г. управляющим Министерством финансов о совершенном закрытии Торговых классов при Торговой школе Тверской мануфактуры, кроме приготовительного класса, в коем обучаются грамоте, и 2) означенный приготовительный класс, по соглашению с г. Управляющим Министерством Финансов и Министром Народного Просвещения, подчинить ближайшему ведению местного директора народных училищ.

В звании камергера Двора ЕИВ Д. Мобишов»

О деятельности в школе при Тверской мануфактуре В.П. Вахтерова подробно рассказывается в воспоминаниях его жены, Э.О. Вахтеровой (Вахтеров преподавал в школе с 1897 по 1903 г., до ареста)[38]:

«…Оставалось еще одно дело, дававшее ему большое удовлетворение и связывавшее его с тем миром детей и учителей, разлука с которым, после его отставки, была ему особенно тяжела. Это фабричная школа при Тверской морозовской мануфактуре, куда он был приглашен еще в 1897 г. Школа тогда еще состояла в ведении Министерства народного просвещения, и, следовательно, «начальство» Василия Порфирьевича оставалось прежнее. И отсюда преследование его, придирки к нему, неразрешение ему давать уроки в этой школе и вообще всякие неприятности. Однако в 1899 г. В.П. Вахтерову удалось перевести эту школу в более либеральное ведомство в Министерство финансов, гораздо более благоприятно относившееся к педагогической работе и имевшее свои школы. Министром финансов был в это время Витте; свою репутацию относительной «левизны» он всячески поддерживал и, конечно, приветствовал перевод в свое ведомство школы реакционного министерства. Школа же от этого перехода очень выиграла, тем более что программа ее была составлена педагогическим советом самостоятельно и была гораздо шире прежней. Выиграл и В.П. Вахтеров, получив свободу действий в этой огромной школе с 1500 учащимися. Еще раньше этого перехода он начал ставить в школе свои педагогические опыты и тогда так писал мне: «Хочу применить к делу обучения тот же

экспериментальный метод исследования, который дал такие блестящие результаты в естествоведении. Чем больше думаю об этом, тем больше воодушевляюсь. Ты представь себе только: методика и точный метод исследования! Есть чем воодушевиться». Одно время и эти опыты, и самое пребывание в школе Василия Порфирьевича были под большим сомнением, а теперь, с переводом школы в новое ведомство, все тревоги улеглись и он мог заняться своей работой без помех и очень увлекся ею. В Тверь он ездил из Москвы два раза в месяц, проводил там по 2, по 3 дня, занимался в школе, давал уроки, ставил свои опыты, а вечером вел собрания и беседы с учителями. Возвращаясь из Твери, он привозил целые груды ученических тетрадок и целые вечера проводил над подсчетом тех цифровых данных, на которых потом строил свои выводы но вопросам методики обучения. В той же школе он путем опросов, анкет и наблюдений изучал вкусы и интересы детей, изучал их чтение и, производя эти наблюдении из года в год и увлекши этой работой иных из учителей, использовал этот материал впоследствии для своих лекций, статей и книг. В детской же школе он, давая уроки, проверял между прочим те свои естественноисторические статьи, которые начал составлять для школьных книг. Учительский персонал Тверской школы в это время был очень хорош: было много опытных, идейных учащих, большинство учительниц были с высшим образованием. Многие из них заинтересовались работой нового инспектора и помогали ему как в добывании материалов, так и в разработке их. Но были и недовольные, находившие, что все эти опыты и опросы нарушают школьный порядок, мешают спокойной работе и вообще ни на что не нужны. «То ли дело было при прежнем инспекторе», — говорили они, но таких было немного.

Интересно отметить, что, как для меня это выяснилось теперь, Тверская школа спасла В.П. Вахтерова от той «меры «изъятия» его из обращения, которую настойчиво рекомендовал Трепов, т. е. от высылки его из Москвы с отдачей под гласный надзор полиции.

[…] Так же, как и раньше, В.П. Вахтеров работал дома над статьями, над учебниками, над обработкой школьных материалов, выезжал иногда на лекции и призывал учительство к объединению. В положенное время, 2 раза в месяц, ездил в Тверь.

[…] С конца 1902 г. присоединилось новое начинание. Вахтеров организовал при фабрике общеобразовательные курсы для взрослых рабочих, привлекши к преподаванию на этих курсах учителей детской фабричной школы К.Н. Левина, П.Ф. Богомолова и врача фабрики Артемова. В дни своих приездов в Тверь В.П. Вахтеров тоже выступал на этих курсах с популярными лекциями-беседами то по естествознанию, то по астрономии, сопровождая их опытами и картинами волшебного фонаря. Курсы имели огромный успех, слушателей набиралось иногда около тысячи, внимание было полное, интерес исключительный: после лекций спрашивали объяснений, просили литературу. Живые беседы В.П. Вахтерова очень нравились рабочим, но самый большой успех имел К.Н. Левин с его яркими популярными историческими лекциями. Из материалов охранки видно, что уже в марте 1903 г. начальник Тверского жандармского управления доносил в Москву, что Вахтеров «читает рабочим фабрики лекции антиправительственного направления», и далее докладывает, что вообще «с назначением Вахтерова инспектором состав учителей и учительниц в школе сильно изменился и в число их стали приниматься лица политически неблагонадежные». Интересная характеристика дается в этом донесении и школьной работе вообще: «В школе главным образом, — говорится в этой бумаге, — обращено внимание не на обучение грамоте, а на развитие детей; так могу указать, что подростки знают, что во Франции избирательный образ правления». Наличие такого преступления, как открытие детям тайны об избирательном правлении во Франции, конечно, не могло остаться без последствий, и внимание к школе, особенно к курсам, усиливается: в июне того же года уже последовало запрещение чтения лекций рабочим. Кажется, Василий Порфирьевич пытался что-то выяснить, ездил по этому поводу в

Петербург, но из этого ничего не вышло. Были слухи, что бывший сослуживец В.П. Вахтерова по Москве, занявший после отставки его место, а потом переведенный директором народных училищ в Тверь, будучи в дружбе с тверскими властями, не раз высказывал удивление, как это они «терпят Вахтерова». Один из преподавателей школы незадолго до запрещения рабочих курсов писал В.П. Вахтерову: «О наших курсах идет дело в жандармском управлении, туда вызывают слушателей для допросов». И далее о том, что упомянутый директор народных училищ (школа и курсы были в ведомстве Министерства финансов, и он лично ничего с ними сделать не мог... кроме доноса) сказал как-то: «А я думал, что вас всех вместе с Вахтеровым давно сослали». Предсказание вскоре сбылось.

[…] В.П. Вахтеров был арестован и увезен в Таганскую тюрьму… Одновременно с В.П. Вахтеровым были арестованы в Твери и заключены в ту же тюрьму и оба преподавателя курсов Левин и Богомолов. Всем трем было предъявлено обвинение в «систематической пропаганде среди рабочих социалистических идей», причем дело это (в числе первоначально к нему привлеченных были еще А.М. Суворовский и Н.В. Струве, впрочем не подвергшиеся задержанию) в бумагах департамента полиции называлось делом о «Тверском комитете». Основанием для обвинения служили показания допрошенных свидетелей — рабочих, слушателей лекций. «Из откровенных показаний допрошенных, — говорится в одной из бумаг дела, — выяснилось, что под предлогом лекций по отдельным отраслям научного знания все поименованные преподаватели вели, по предварительному между собою сговору, систематическую пропаганду среди рабочих революционных идей, возбуждая в них вражду против предпринимателей и фабрикантов и внушая слушателям мысль о необходимости свержения в *более или менее отдаленном* будущем самодержавной власти в России» (курсив мой. — *Э. О.)*. В частности относительно В.П. Вахтерова было и такое показание: «По окончании лекций по астрономии Вахтеров рассказывал рабочим о порядках, существующих в иностранных государствах, хвалил заграничную жизнь и

указывал, что рабочим там живется много лучше, чем в России, так как там при помощи стачек они могут добиться от фабрикантов улучшения условий труда и, участвуя через своих представителей в издании законов того, чтобы законы были одинаково благоприятны как для бедных, так и для богатых. Вместе с тем Вахтеров советовал рабочим объединяться и распространять среди рабочего населения мысль о необходимости свержения самодержавия, так как при настоящем образе правления рабочим невозможно добиться свободы и улучшения своего экономического положения». Другим обвинением против Вахтерова было то, что он, присутствуя на лекциях других преподавателей, тем самым как бы одобрял и их антиправительственные выступления.

Конечно, ни один из преподавателей не был так наивен, чтобы в тысячной аудитории рабочих говорить то, что ему приписывалось, тем более что всем было известно присутствие на фабрике шпионов, — ни одна фабрика не обходилась без них (вероятно, и самые показания якобы рабочих были получены именно от таких переодетых агентов). Следовательно, той пропаганды, да и еще «систематической», о которой говорилось в деле, конечно, не было, равно как и о «свержении самодержавия – в более или менее отдаленном времени» (!), на лекциях, конечно, тоже не могло быть речи. К.Н. Левин, в то время член партии с.-д., конечно, не в тысячной аудитории вел свою работу. Но поводов к тревоге все же было достаточно: направление школы, настроение преподавательского персонала, оживление в рабочей среде, вызванное курсами — все это не было тайной.

[…] Я очень волновалась за Василия Порфирьевича. Он незадолго перед этим перенес воспаление легких, и ему, тогда 50-летнему человеку, было большим риском одиночное заключение в сырой Таганской тюрьме.

Конечно, я немедленно начала хлопоты об освобождении Василия Порфирьевича и, исполняя советы друзей и знакомых, была у Лопухина и Плеве. Лопухин встретил меня необычайно сурово: жестким голосом он высчитывал мне «преступления» «издавно известного департаменту

полиции» Вахтерова и грозил какими-то большими карами. Плеве, жирный, широкозадый, пристально вглядывался в меня своими пронзительными черными глазами и буркнул мне, что у них в департаменте уже есть все нити этого «Тверского комитета». Не более успешны были и хлопоты В. А. Морозовой за своих трех арестованных преподавателей. В.П. Вахтеров сидел в Таганке».

В письме[39], адресованном 26 ноября 1903 г. в Берлин неким «Франтом» господам Bornhardt Schneider, говорится, «что в ночь с 7 на 8 ноября арестованы преподаватели торговых классов В.П. Богомолов, К. Левин и инспектор школы П.В. Вахтеров. Министерство финансов издало в 1895 г. Общее Положение о Коммерческих Училищах, Торговых Классах и Школах, предоставлявшее известную роль в организации учебного дела тем лицам, которые способствовали возникновению училища. В 1900 г. в Твери, на пожертвования главным образом В.А. Морозовой, организована Торговая Школа, для заведования которой был приглашен Д.И. Тихомиров. Через год с небольшим его место занял П.В. Вахтеров, по инициативе которого при школе были устроены вечерние классы. Число слушателей дошло до 400 человек. Приходское духовенство громит в проповедях и учащих и учащихся. Директор народного училища Добровольский посылал в надлежащие места донос за доносом, дирекция фабрики, под давлением жандармов, рассчитывает наиболее толковых посетителей классов. Главная пайщица жертвует ежегодно до 25 000 руб. на содержание школы и классов, Министерство Финансов принимает их в свое ведение, а… директор фабрики увольняет рабочих за посещение классов. Православная церковь с амвона предает проклятию и учителей и учащихся. Министерство Финансов в середине октября командировало для ревизии школы Тайного советника Анопова – управляющего учебной частью. Анопов не нашел крамолы, обратился к жандармам – те не смогли сказать что-то определенное, ссылаясь на «профессиональную» тайну. Уезжая в Петербург, Анопов пообещал убедить Министерство Внутренних Дел в отсутствии козней со стороны

персонала школы, но… в ноябре преподаватели были арестованы». «Франт», судя по смыслу послания, явно был на стороне преподавателей школы.

Полиция не смогла определить автора письма.

Занятия на второе полугодие 1903–1904 гг. в Торговых классах при Тверской мануфактуре были приостановлены.

«О Торговой школе при Тверской мануфактуре»[40]

Совершенно доверительно

1904 г.

Управляющий Министерством
Финансов

(письмо отправлено В.К. фон Плеве)

«*Милостивый Государь*

Вячеслав Константинович!

По распоряжению предместника моего, тайного советника Плеске, 23 минувшего октября был командирован в Тверь член совета Министра Финансов, исполняющий обязанности Управляющего Учебным Отделом Тайный Советник Анопов для ревизии торговой школы при Тверской мануфактуре и торговых классов при названной школе и для расследования на месте обстоятельств, вызвавших обвинение некоторых лиц из преподавательского персонала означенных учебных заведений в тенденциозном направлении их деятельности.

[…] *Торговая школа при Тверской мануфактуре учреждена в 1898 году, и в ней обучаются дети обоего пола только рабочих и служащих на Тверской мануфактуре. Школа содержится на средства Товарищества Тверской мануфактуры и обучение в ней производится бесплатно. Это учебное заведение состоит из 4 приготовительных классов и двух основных, причем в первый приготовительный класс принимаются неграмотные. Ввиду значительного числа учащихся в приготовительных классах, каждый класс делится на четыре параллельных отделения. Собственно же торговая школа состоит из двух основных классов – старших и младшего. Всего в*

торговой школе обучается 908 учащихся, из коих 524 мальчика и 384 девочки. При этом в приготовительных классах состоит 857 учащихся, а в основных – 51 учащийся: 21 – в старшем основном классе и 30 – в младшем основном классе. В основных классах обучаются только мальчики. Большинство оканчивает четырехлетний курс начальной школы, и лишь незначительное число проходит специальный курс торговой школы.

Независимо торговой школы, в ведении Министерства Финансов при Тверской мануфактуре с 1901 г. состоят бесплатные торговые классы для лиц мужского пола не моложе 12 лет из числа рабочих или служащих на фабрике. Занятия в торговых классах происходят, кроме субботы, в вечерние часы, по сменам, от 5 до 10 часов вечера, причем преподаются: Закон Божий, русский язык, арифметика с коммерческими вычислениями, естествознание и бухгалтерия. Общее число записавшихся в классы определялось в 322 человек, из коих в приготовительный класс записалось 85 человек, в основной класс – 196 человек и на курсы бухгалтерии – 41 человек. В торговые классы посторонние лица не допускаются, и каждому учащемуся выдается билет на право посещения классов.

В помещении торговой школы и классов происходят по праздничным и воскресным дням народные чтения. Начало сих чтений значительно предшествовало учреждению торговой школы. Право на устройство народных чтений было дано администрации фабрики, и эти чтения, согласно ВЫСОЧАЙШЕ утвержденному 28 января 1901 г. Положению Комитета Министров, находятся всецело в ведении и под наблюдением местного губернского начальства и дирекции народных училищ. Допущение лекторов и разрешение тем лекций зависят от директора народных училищ по соглашению с Губернатором. Если некоторые из преподавателей торговой школы и классов и являлись лекторами на этих чтениях, то с согласия указанных выше представителей местной администрации. Участие же торговой школы и классов в этих чтениях ограничивается исключительно предоставлением помещения. Администрация фабрики не

только не испрашивала согласия Министерства Финансов на допущение в помещении торговой школы указанных народных чтений, но даже не доводила об этом до сведения Министерства.

[Переписка по делам народных чтений велась с губернатором и директором народных училищ администрации фабрики на бланках Попечительного Совета торговой школы, так что получалось, что народные чтения ведутся торговой школой, таким образом если что-то нелегальное и происходило на народных чтениях, то таковое приписывалось торговой школе и торговым классам, которые на деле ни при чем.]

[Вахтеров В.П. был назначен инспектором школы 19 декабря 1898 г. по ходатайству Морозовой. На службе по ведомству Министерства Народного Просвещения он состоял с 16 августа 1872 г. по 16 октября 1896 г., причем с 1882 г. занимал последовательно должности инспектора народных училищ сначала Смоленской, а затем Московской и Владимирской губерний. Вахтеров был уволен из школы 17 ноября 1903 г.]

Что же касается торговых классов при помянутой торговой школе, то преподавание в оных, как уже было сообщено Вашему Высокопревосходительству 12 декабря 1903 г. временно приостановлено. Открытие сих классов я нахожу возможным допустить лишь после того, как будет надлежащим образом организована торговая школа.

[...]

Ваш покорный слуга (Подпись)

2 марта 1904 года

№ 118»

Министр финансов сообщает В.К. фон Плеве[41] свои соображения по поводу целесообразности работы торговой школы, так как «учащиеся в большинстве по окончании курса приготовительных классов при школе не продолжают своего образования в специальных классах ее, а поступают на работы в разные отделения мануфактурной фабрики. С самого открытия торговой школы только очень немногие из учеников ее по окончании

полного курса случайно поступили на места по бухгалтерской части в конторы, лавки и тому подобные коммерческие учреждения, остальной контингент ищет занятий в фабричных мастерских Тверской мануфактуры».

«Из общего числа учащихся в школе, свыше 900 человек, на долю собственно специальных классов приходится около 50 человек, т. е. менее 6%, причем оканчивающие полный курс специального коммерческого обучения, истратив на это два года, поступают в мастерские Тверской мануфактуры, не приобретя тех познаний, кои они могли бы с пользою для себя и фабрики применять в своей практической деятельности.

По моему мнению, в интересах рабочих и их детей и владельцев фабрики там должна быть устроена начальная школа с дополнительными классами, но не коммерческого, а технического характера, приспособленными к потребностям местного фабричного производства… Равным образом не оправдывалось бы и дальнейшее существование при торговой школе вечерних торговых классов для взрослых рабочих, временно мною закрытых до начала будущего 1904/1905 учебного года!

(Писал В.Н. Коковцев) 24 июня 1904 года»

В августе 1904 г. должно было состояться совещание, с участием представителей Министерств Финансов и Внутренних Дел для обсуждения вопроса о преобразовании существующей при Тверской мануфактуре торговой школы.

На этом дело заканчивается.

«Из правил внутреннего распорядка фабрики[42]

13 марта 1902 г.[43]

I. Правила общие[44]

§1. При найме на фабрику каждого рабочего в книжку его вписывается:

1) На какой срок он нанят.

2) На какое поденное жалованье.

Примечание. Рабочее время для занятых исключительно дневною работою не должно превышать 11 1/2 час. в сутки, а для занятых хотя бы

отчасти в ночное время не должно превышать 10 час. в сутки (правила, утвержденные 2 июня 1897 года).

[…]

§7. Во время нахождения рабочего в больнице заработной платы ему не полагается, но он может пользоваться пособием по усмотрению фабричного управления.

Беременные женщины и все больные рабочие прядильно-ткацкой фабрики могут пользоваться отпуском до полутора месяцев с правом занятия своих мест по выздоровлении, почему поставленные на их место запасные переводятся опять в запас.

[…]

§ 24. Рабочие, которые передадут другому фабриканту или постороннему лицу какой-либо секрет, рисунок, прием или способ производства, составляющий собственность фабрики, подвергаются ответственности, установленной § 5 1355 ст. Уложения о наказаниях.

II. Расписание часов начала и окончания работ

а) На отбельно-красильной и ситценабивной фабрике.

§ 1. Во всех отделениях фабрики, кроме граверного и механического, денные работают с 6 1/2 час. утра до 12 час. дня и с 1 1/2 час. дня до 7 час. вечера без перерывов т. е. чай пить в фабрике не полагается. На воскресные и праздничные дни работы кончаются в 6 час. вечера.

Примечание. Работающие в лаборатории являются утром на работу за полчаса ранее, т. е. в 6 часов утра.

§ 2. Ночные работают от 12 до 1 1/2 час. дня и с 7 час. вечера до 3 час. ночи, а на праздники от 12 до 1 1/2 дня и с 6 час. вечера до часа ночи.

[…]

§ 7. Малолетние, т. е. не достигшие 15-летнего возраста, работают только восемь часов в день: утром с 8 час. до 12 час. дня и после обеда с 1 1/2 до 5 1/2 час. вечера.

[…]

§ 9. Явившиеся на работу на 1/4 часа позднее второго свистка утром или свистка на работу после обеда лишаются заработка, причитающегося за 1/4 дня.

§ 10. Свистки даются так:

1-й – в 6 час. утра – на работу

2-й – в 6 час. 20 мин. утра – на работу

3-й – в 12 час. дня – на обед.

4-й – в 1 час. 20 мин. дня – на работу

и 5-й – в 7 час. вечера, а на праздники – в 6 часов вечера – на окончание работ.

б) На бумагопрядильной и ткацкой фабриках и механическом заводе.

§ 1. В механических ремонтных мастерских и заводе.

Начало работ ежедневно для денных в 6 час. утра; работают без перерывов до 12 час. дня, после обеда и отдыха выходят в 2 час. и работают без перерыва до 7 час. вечера. Накануне праздников после обеда работа начинается в 1 час. дня и кончается в 5 час. вечера, после чего мастеровые должны убрать машины и мастерские; уборка должна продолжаться не более часа. Ночные мастеровые работают с 7 час. вечера до 12 час. и с 1 час. ночи до 5 час. утра; паровщики, кочегары и смазывальщики работают как мастеровые, с обязанностями, упомянутыми в § 17 и 18.

[…]

§ 3. Фабрично-рабочие работают: 6-сменные при 24-часовой работе.

1-я смена – от 12 час. ночи до 4 час. утра и от 12 час. дня до 4 час. вечера.

2-я смена – от 4 час. утра до 8 час. утра и от 4 час. вечера до 8 час. вечера.

3-я смена – от 8 час. утра до 12 час. дня и от 8 час. вечера до 12 час. ночи.

Работают так: шуровщики, подкидчики, смазчики приводов, паровщики и др.

4-сменные при 21-часовой работе:

1-я смена – от 4 час. утра до 10 час. дня и от 4 час. вечера до 9 час. вечера.

2-я смена – от 10 час. дня до 4 час вечера и от 9 час. вечера до 1 час. ночи.

На другую неделю наоборот, кроме тех, где сменяются женщины с мужчинами. Работают так отделения: ткацкое, мюльное, приготовительное, ваточное, трепальное, ватерное, сменные мастеровые и другие.

Примечание. Под праздник 1-я смена – от 4 час. утра до 10 час., 2-я смена – от 12 час. до 6 час. По субботам время от 10 час. до 12 час. назначается для чистки, а если для нее потребуется меньше времени, то паровые пускают ранее или останавливают позднее. Под праздники, когда нет чистки, машины должны быть обметены, мастерские убраны, после останова паровой, останов в 5 час. и работа в две смены поровну.

3-сменнные при 18-часовой работе:

1-я смена – от 4 час. утра до 10 час. утра и от 4 час. вечера до 10 час. вечера.

2-я смена – от 10 час. утра до 4 час. вечера (и на другой день наоборот).

Работают так отделения: ткацкое, катушечное, черномотальное, шпульное, сновальное, проборное, мотальное, ватерное, приготовительное, ваточное, мюльное и другие.

Примечание. (то же, что и у 4-сменных при 21-часовой работе).

Денные при 11-часовой работе:

От 6 1/2 час. утра до 12 час. дня и от 1 1/2 час. дня до 7 час. вечера без перерывов для чая, а по субботам с 6 1/2 до 12 вместе с чисткой и с 1 1/2 час. до 6 час. вечера, а когда нет чистки, то до 5 час. вечера.

Работают так отделения: ткацкое, катушечное, черномотальное, шпульное, сновальное, проборное, мотальное, шлихтовальное, уточный подвал, бердочное, образцовое, ваточное, сортировочное, трепальное, мюльное, ватерное, паковочное и другие.

Денные при 10-часовой работе:

От 7 час. утра до12 час. дня и от 2 час. дня до 7 час. вечера.

Работают так отделения: товароприемное, валичное, мастеровые, шорники, котлочисты, чертежники, рабочие электрического отдела и другие.

4-сменные малолетние при 18-часовой работе:

1-я смена – от 4 час. утра до 8 1/2 час. утра и от 1 час. дня до 5 1/2 час. вечера.

2-я смена – от 8 1/2 час. утра до 1 час. дня и от 5 1/2 вечера до 10 час. вечера.

Работают так: мотальщицы, присучальщики, ватерные, съемщики, укладывальщики пряжи и другие.

Денные малолетние при 8-часовой работе:

От 8 час. утра до 12 час. дня и от 2 час. дня до 6 час. вечера.

Работают так: выкладчики утка, мальчики при подвале, вязальщики ремиз и картона, мальчики при конторах, вызывальщики и другие…

[…]

IV. Порядок и продолжительность отлучек с работ, а для рабочих, живущих в заводских или фабричных помещениях, и из сих помещений.

§ 3. В случае отлучки с фабрики в суд в качестве виновного, истца или свидетеля за время отсутствия с фабрики платы не полагается.

V. Условия пользования устроенными для рабочих при фабрике квартирами, банями и т. п.

§ 10. Живущие в зданиях фабрики рабочие и мастеровые не могут без дозволения конторы принимать к себе никого посторонних, знакомых или родных для ночлега.

VI. Указание времени чистки машин и аппаратов, а также уборки мастерских.

§ 3. На чистку машин прядильной и ткацкой фабрик перед праздником должны выходить обе смены.

§ 4. Платы за чистку машин не полагается. [45]

[…]

IX. Табель взысканий с мастеровых и рабочих фабрик товарищества Тверской мануфактуры.

а) За неисправную работу.

За разные неисправные работы от небрежности и происшедшую от того порчу товара, а также за полом, повреждение или утрату инструментов и разных других орудий производства и за порчу материалов и разных фабричных принадлежностей, взыскания определяются по свойству неисправности, не превышая, однако, в общей сложности всех штрафов суммы третьей части заработка, причитающегося ко дню выдачи его.

С ткачей за разные пороки в товаре взыскивается от 5 до 50 коп.

б) За прогул.

1) С получающих задельную плату по поденной плате.

2) С получающих месячное жалованье.

За каждый день вычитается сумма, равная причитающейся ему за день платы, по расчету 24 рабочих дней в месяц, не превышая, однако, за этот срок суммы 6-дневного его заработка, и, кроме того, удерживается заработная плата за все прогульное время.

3) С получающих поденно вычитается сумма денной платы и удерживается за прогульное время.

в) За нарушение порядка.

1. За несвоевременную явку на работу – до 1 руб.

Примечание. Опоздавшие более одного часа принимаются на работу только в следующую смену.

2. За самовольную отлучку с фабрики – до 1 руб.

3. За несоблюдение правил, указанных в от[деле] VI правил внутреннего распорядка, – до 1 руб.

4. За неисполнение правил от[дела] VII – до 1 руб.

5. За неисполнение правил от[дела] VIII – до 1 руб.

Заведующий И. Балашов.» (ГАКО Ф. 850. Д. 1088. Л. 1. Типографский

оттиск)

События, произошедшие в России в 1905 г., не обошли и Тверь.

Сообщение газеты «Тверские губернские ведомости» о происходившем на фабрике Товарищества Тверской мануфактуры 25 января 1905 г.[46]:

«1 февраля 1905 г.

25 сего января по желанию рабочих фабрики Товарищества Тверской мануфактуры был отслужен благодарственный молебен по поводу того, что бывшие перед тем в течение 2-х недель тревожные дни забастовок прошли для них благополучно, и они не были лишены возможности обычного заработка.

В тот же день вечером, в 9-м часу, при смене рабочих новоткацкого корпуса несколько молодых людей, по-видимому рабочих, человек 10, вбежали в главный коридор корпуса и на середине коридора с криком и киданием вверх шапок начали разбрасывать какие-то листки, возбуждающие к беспорядку и насилию. Ткачи немедленно поставили охрану у всех дверей мастерских и с криком: "А, вот вы! Мы давно вас ждали, из-за вас мы должны с голоду умирать, бей их!" – бросились на нарушителей порядка. При происшедшей драке со стороны оказавшихся в осаде молодых людей были произведены 2 выстрела из револьверов, после чего четверо из них были связаны ткачами и переданы полиции, а остальные успели бежать и скрылись. Из задержанных двое получили тяжкие увечья, а двое сильные побои; со стороны же ткачей пять человек легко ранены ножами. Из числа задержанных виновников беспорядка трое оказались рабочими прядильной фабрики возрастом 17, 21 и 22 лет». (Тверские губернские ведомости.1905. № 9. 1 февраля.)

Из воспоминаний некого А.И. Буланова, бывшего на стороне подстрекателей волнений, о событиях в Твери в январе–феврале 1905г.[47]:

«[...] Решено было всем пойти на фабрику [Морозова. С нее Тверской комитет РСДРП решил начать политическую забастовку в Твери.

Описываемые события происходили 25 января, сразу после собрания рабочих, организованного социал-демократами в Желтиковской роще] и пользуясь временем, «когда одна смена рабочих приходит на фабрику, а другая уходит войти в фабрику и выгнать ткачей. С этой целью и направились к фабрике, но на дороге большая часть рабочих отделилась, и вместо 200 человек образовалось 50-60, но и этого было бы достаточно, но беда была в том, что в фабрике готовились к нашей встрече. После говорили, что мастер Ф.Т. Марков выдал своим приближенным ткачам гири и погонялки и просил их оказать сопротивление. [...] Рабочие, вбежав в фабрику, успели дойти до школы, выгоняя рабочих. Казалось, что это удалось сделать, работы встали, но когда рабочие повернули обратно, то увидели разъяренную толпу, поджидавшую их для избиения. Часть из рабочих, которые вошли для выгона, бросились бежать обратно к школе и выскочили в окно. Некоторых же задержали и началось дикое избиение. Избиты были 3 человека, в том числе «Гага» [Тихомиров И.В.] и Куликов. Эта победа черносотенцев над нами окрылила их надежды, и с этих пор можно определенно сказать, началась организация черной сотни не только на фабрике, но и в городе. И у передовых рабочих появился новый активный враг – это сагитированные рабочие: преимущественно подмастерья и сторожа. [...] В феврале месяце в связи с открытием губернского земского собрания Тверской комитет решил сделать выступление, поручив т. Башлыкову прочитать на открывшемся съезде резолюцию комитета с призывом к решительной борьбе. На открытом собрании Башлыков попросил слова и, пользуясь замешательством председателя, начал читать резолюцию. Трусливые либералы немедленно покинули зал заседания и постыдно бежали. Башлыков же, дочитав до конца резолюцию, вместе с нами благополучно ушел с собрания...» (ТЦДНИ. Ф.114. Оп. 2. Д. 17. Л. 42 об., 43 об., 45. Подлинник. Опубл. с редакторской правкой в сб.: 1905 год в Тверской губернии. Тверь, 1925. С. 123, 124.)

Письмо Богданова Егора Егоровича

Чупрову Александру Ивановичу[48]

«*16 марта Тверь*

Дорогой

Александр Иванович!

Пишу тебе с Морозовской фабрики. Не знаю, известно ли тебе, что я забрел сюда с половины января. Не знаю, долго ли я здесь пробуду, приглашен на три–четыре месяца, а что будет дальше неизвестно. Житье здесь привольное, хозяин, Иван Абрамович – очень милый человек, только по правде сказать чувствую с ним не совсем свободно, никак не могу освоиться с новым своим положением. Живу я в хозяйском доме, так что приходится вместе с ним завтракать, обедать и чай пить, что довольно таки стеснительно, хотя он бывает здесь только наездами, в неделю день или два. Обязанности мои состоят в ревизии некоторых отраслей их мощностей. В Тверском и Вышневолоцком уездах, в разных местах у них около 13 000 десятин лесу. Вот все эти леса мне пришлось объездить. Это занятие довольно любопытное. Повидимому мною довольны, сегодня командируют в Владимирскую губернию. Там 20 000 десятин 300-летней сосны, идет разработка в больших размерах, имеются две паровых лесопилки, придется там прожить недели две. Еду туда не без удовольствия. В Москве был за все время два раза. Теперь пробуду там день или два.

О том, что творится у нас, ты я думаю знаешь из иностранных газет больше, чем мы. На Морозовской фабрике пока беспорядков не было, но грядут, что начнутся не нынче завтра. Попытки к беспорядкам были. Толпа молодежи, человек 40, ворвалась на фабрику, причем некоторые принялись стрелять из револьверов в намерении заставить бросить работу. Но в результате произошла драка и старики одолели. Стрелявшие были избиты, трое до сих пор в больнице, некоторые арестованы. Иван Абрамович думает, что после Пасхи забастовка все-таки будет. В уезде тоже какое-то брожение, везде раскладываются прокламации, школьники, по рассказам

мужиков, поют запрещенные песни. Приходилось мне, при разъездах сталкиваться с мужиками. Везде и всюду общее недовольство. Все одни и те же темы: у господ земля, господа жалованье получают, «их отцы заслужили, а наши ничего не заслужили». Я, конечно, ничего не высказывал, только слушал умные речи. Что-то будет дальше? Вести отовсюду неладные. Вчера здесь рассказывали, что в Ялте разграблены магазины и приезжие уже начали было разъезжаться, но пришли войска и разгром прекратился. В наших палестинах пока все тихо, но поручиться за порядок едва ли возможно. По-моему, всю эту смуту подготовили земские начальники. Что они только творили. Как только мужики до сих пор терпели! Мне самому в последние два года вести дело у земского и пришлось на себе испытать, что значит, когда у идиота судьи мошенник письмоводитель. Мне-то, конечно, кроме неприятностей и хлопот он ничего причинить не мог, а будь на моем месте мужик, тому пришлось бы жутко.

Чем все это кончится – одному Богу известно.

[…]

Твой Егор Богданов

[1905]

Большую роль в организации вооруженного выступления рабочих Тверской мануфактуры сыграл Совет рабочих депутатов, выборы в который были проведены 20-23 октября. Совет рабочих депутатов заседал в театре при Морозовской мануфактуре. Штаб боевой дружины восставших рабочих Твери и склад оружия располагались в школе, недалеко от театра. (Вряд ли Иван Абрамович и даже Варвара Алексеевна, при ее крайне левом настрое, предполагали при строительстве, для чего впоследствии будут использоваться эти здания.) Дело дошло по бесчинства и полного самоуправства:

«Предписание И.Д. начальника тверского губернского жандармского управления 2-му полицейскому надзирателю при фабрике о выявлении рабочих,

конфисковавших охотничьи ружья и патроны из дома И.А. Морозова[49]

5 января 1906 г.

Секретно

Толпа рабочих 15 минувшего декабря явилась в хозяйский дом фабрики и унесла оттуда охотничьи ружья и патроны, принадлежащие И.А. Морозову и фабричной администрации.

Прошу Ваше Высокоблагородие дознанием выяснить участников грабежа и собственников оружия.

Верно: Полковник Гноинский» (ГАКО Ф. 927. Д. 967. Л. 30 Заверенная копия)

«Сведения, составленные старшим фабричным инспектором Тверской губернии, о декабрьской забастовке 1905 г. на фабрике[50]

29 декабря 1905 г.

1905 г., декабрь месяц, Тверская губерния (и) уезд, город Тверь

Имя, отчество и фамилия владельца: Товарищество Тверской мануфактуры

Заведения: Бумагопрядильное, ткацкое, красильное и ситценабивное производства.

Число рабочих в заведении: мужчин – 6300, женщин – 3517, подростков – 515, малолетних – 106. Итого: 10 438.

Число рабочих по специальностям:

Число принимавших участие в забастовке: мужчин – 6300, женщин – 3517, подростков – 515, малолетних – 106. Итого: 10 438.

Число принимавших участие в забастовке по специальностям: все рабочие. 114 818 рабочих дней[13].

Продолжительность забастовки: с 10 часов утра 12 декабря 1905 г. под день расчета.

Вмешательство прокурорского надзора, полиции и войска.

[13] Количество дней написано карандашом.

Войсками совместно с полицией произведен обыск казарм рабочих для их обезоружения.

Причины забастовки: Политическая забастовка без предъявления каких-либо требований.

Результаты забастовки: Все рабочие рассчитаны на основании ст. 105 Устава промышленности. Расчет выдан 20-23 декабря.» (ЦГИАЛ Ф. 23. Оп. 17. Д. 314. Л. 81. Подлинник. На типографском бланке, выделенное вписано чернилами).

Работа на фабрике восстановилась лишь с середины февраля 1906 г.

Видимо, прав был автор статьи о В.А. Морозовой[51]: «Это – видная представительница крупной московской буржуазии. Оставаясь верна традициям своего класса, она всегда отличалась двойственностью. Высказывая сочувствие рабочим в деле отстаивания ими своих прав, она в то же время не стеснялась всячески притеснять рабочих своей Тверской мануфактуры во время забастовок, вплоть до запрещения выдачи съестных припасов из фабричной лавки. Солдатам и офицерам, приглашенным защищать фабрику от мирных стачечников, предлагались целые горы угощения в то время, когда рабочие принуждены были голодать. Теперь, когда общество пробудилось, В.А. Морозова тоже приняла участие в стремлении сбросить деспотию.

В ее доме прошедшей зимой был целый ряд лекций, на которых освещалось современное экономическое и политическое положение страны. Сбор с лекций шел в пользу различных комитетов. Во время последней грандиозной забастовки в Москве, на средства В.А. Морозовой бесплатно раздавались рабочим обеды в общежитии при техническом училище. Желательно, разумеется, чтобы за этими бесплатными обедами последовало полное удовлетворение экономических требований рабочих ее Тверской мануфактуры».

«В конце 1906 г. для борьбы с бастующими рабочими капиталисты центра России создали общество фабрикантов и заводчиков Центрального

промышленного района. Активными членами его стали Морозовы. Членам общества вменялось в обязанность отклонять требования о повышении зарплаты, уменьшении рабочего дня, не принимать рабочих, уволенных за забастовки с других фабрик».[52]

«Сведения о числе рабочих на фабриках и заводах товарищества на 1 марта 1906 г.[53]

	Взрослых	Подростков	Малолетних	Итого	
	муж./ жен.	муж./ жен.	муж./ жен.	муж./ жен.	Всего
Прядильная фабрика	950/ 897	180/ 25	74/ 28	1204/ 951	2155
Новоткацкая фабрика	1907/ 2256	34/ 47	20/ 23	1961/ 2326	4287
Механический завод	725/ –	28/ –	1/ –	754/ –	754
Лесопильный завод	43/ –	–	–	43/ –	43
Известковый завод	13/ –	–	–	13/ –	13
По 1-му участку	3638/ 3153	242/ 73	95/ 51	3975/ 3277	7252
Ситцевая фабрика	1726/ 381	94/ 14	–	1820/ 395	2215
Хозяйственный отдел	522/ 48	–	–	522/ 48	570
По 2-му участку	2248/ 429	94/ 14	–	2342/ 443	2785
ВСЕГО:	5886/ 3582	336/ 87	95/ 51	6317/ 3720	10037

Фабричного района товарищества Тверской мануфактуры

1-й полицейский надзиратель Кулагин» (ГАКО Ф. 927. Д. 1022а. Л. 2. Подлинник)

Из протокола общего собрания владельцев паев товарищества об увеличении основного капитала[54]

3 декабря 1907 г.

I

По открытии общего собрания ему был сделан правлением обстоятельный словесный доклад, которым рядом отчетных цифр было выяснено, насколько настоящий основной капитал в 5 250 000 руб. не соответствует существующей ценности имущественного состава товарищества и размеру его оборотов. Отмечая, что такое положение создает неправильное представление о настоящем объеме дела, правление указало, насколько это служит в ущерб для интересов товарищества во многих отношениях, принимая особенно во внимание то, что многие конкурентные фирмы при одинаковых и даже меньших размерах предприятия обладают значительно большими основными капиталами и вследствие этого большим простором операций. Коммерческий мир судит о фирмах и руководствуется в своих отношениях с ними лишь на основании тех представлений, которые ему дают печатаемые балансы предприятий, а между тем баланс товарищества указывает лишь скромный и не отвечающий положению дела размер основного капитала.

Такое положение выясняет настоятельную необходимость увеличения основного капитала, и правление могло бы предложить произвести это увеличение до суммы по меньшей мере 9 000 000 руб., считая, что и эта цифра недостаточно еще нормирует дело. Увеличение может быть произведено путем перечисления в основной капитал тех сумм из специальных капиталов, имеющихся в пассиве баланса товарищества, которые сами по себе и без того уже представляют собой основной капитал, как заключающиеся не в наличных деньгах или процентных бумагах, но в виде сумм, уже затраченнных на стоимость фабрик и имущества.

К таким цифрам следует, во-первых, отнести 790 000 руб., заключающиеся в сумме 12 886 373 руб. 59 коп. капитала погашения имущества. Эти 790 000 руб. представляют собой усиленное погашение, произведенное из прибылей, оплаченных промысловым налогом, и составляются из следующих цифр: 590 000 руб., перенесенных в капитал погашения из капитала для новых построек, куда они были отчислены

постановлениями общих собраний от 8 июня 1896 г., 27 июня 1897 г. и 25 июля 1898 г. и, кроме того, из отчисленных, как усиленное погашение, 100 000 руб. постановлением общего собрания от 27 мая 1895 г. и 100 000 руб. постановлением общего собрания от 8 июня 1896 г. Затем к основному капиталу следовало бы причислить 725 000 руб., составляющие капитал расширения и улучшения предприятия (325 000 руб. из этой суммы значатся в последнем балансе и 400 000 руб. были затем отчислены добавочно постановлением общего собрания от 19 июля 1907 г.), и, наконец, остальная сумма в 2 235 000 руб. может быть перенесена из запасного капитала, составляющего по последнему балансу 4 400 074 руб. 92 коп. Обязательный размер запасного капитала не предусматривается уставом товарищества, и если взять за основание установившиеся в акционерной практике предельные нормы резервных капиталов в размере одной трети основного, то нормальный резервный капитал нужно счесть в 1 750 000 руб., и, следовательно, из излишка против этой нормы, составляющего 2 650 074 руб. 92 коп., вполне естественно может быть отнесена в основной капитал не достигающая даже этой цифры сумма 2 235 000 руб.

Упомянутое выше отсутствие в уставе товарищества указаний относительно норм запасного капитала заставляет также желать изменения § 20 устава, и потому правление предлагает возбудить ходатайство об изменении его в смысле сказанного, установившегося уже в акционерной практике положения, что предельной нормой запасного капитала полагается одна треть основного.

II.

Выслушав доклад правления, общее собрание единогласно постановило:

1. Увеличить основной капитал товарищества с 5 250 000 руб., разделенных на 750 паев (по 7000 рублей каждый), до 9 000 000 руб. посредством выпуска новых паев повышенной до 12 000 руб. стоимости с обращением на сей предмет: а) 2 235 000 руб. из запасного капитала

предприятия (4 400 074 руб. 92 коп.); б) 790 000 руб. из капитала погашения имущества (12 886 373 руб. 59 коп.); в) весь капитал развития и улучшения предприятия в сумме 725 000 руб., а всего 3 750 000 руб.

2. Соответственно таковому увеличению основного капитала изменить действующий устав товарищества.

3. Установить предельную норму отчислений в запасной капитал в размере одной трети основного капитала и соответственно изменить § 20 устава.

4. Уполномочить правление возбудить установленным порядком ходатайство об увеличении основного капитала товарищества и изменении его устава, предоставив правлению действовать по сему предмету на правах общего собрания пайщиков, а также изъявлять от имени товарищества согласие на условия, если бы таковые правительственными властями при разрешении настоящего дела были предложены.

5. Уполномочить правление, в случае удовлетворения упомянутых выше ходатайств, принять меры к отпечатанию новых паев увеличенной стоимости и к выдаче таковых пайщикам взамен старых.

Иван Морозов, Арсений Морозов, Н. Сахаров, А. Масленников, В. Лухсингер, Федор Долгинцев, Варвара Морозова» (ГАКО Ф. 850. Д. 1586. Л. 68-70. Рукописный подлинник)

В 1907–1909 гг. товарищество Тверской мануфактуры вновь приобретает недвижимость:

В 1907 г.[55] был составлен договор между представителем Товарищества Иваном Ивановичем Кузнецовым и настоятелем Николо-Малицкого монастыря, игуменом Павлом с братией «об отдаче в арендное содержание Товариществу принадлежащую монастырю огородную землю, состоящую в Твери, близ Иоанно-Предтеченской церкви, мерой 11 десятин 439 кв. сажен – срок аренды – 12 лет; с 1 января 1908 г. по 1 января 1920 г., за арендуемую землю Товарищество Тверской мануфактуры уплачивает Николо-Малицкому монастырю по 550 руб. ежегодно, что составит за все

время аренды 6600 руб., арендную плату Товарищество должно вносить монастырю 2 р. в год, в январь и август по равной части; Товариществу предоставляется право на арендуемой земле иметь строения для обжига извести или для другого какого-либо завода, а также склад дров и других принадлежностей; все сооружения, которые будут возведены Товариществом на арендуемой земле, должны быть снесены при сдаче оной монастырю в течение 3 месяцев».

В 1907 г.[56] доверенный Правления Товарищества Тверской мануфактуры крестьянин Владимирской губернии Покровского уезда Жаровской волости деревни Жаров Иван Иванович Кузнецов заключил контракт в том, «что Тверская Городская Управа отдала Товариществу в арендное содержание принадлежащую городу землю, находящуюся между станцией железной дороги (Николаевской) и Хлопковыми воротами мануфактуры мерой в 5 десятин 1140 кв. сажен исключительно под постройку фабрично-рабочей слободки, сроком с 1 августа 1906 г. по 1 августа 1918 г. за плату по 722 руб. 70 коп. в год на нижеследующих условиях:

«1) с возведенных построек Товарищество обязано платить городской оценочный сбор и налог в пользу казны по общей городской оценке; 2) Товарищество будет продавать фабрично-рабочим дома или отдавать их в аренду с правом приобретения их в собственность; 3) дома 8 х 10 аршин должны служить только для жилья семьи, а другое отделение или комната могут сдаваться внаем для извлечения дохода; 4) местность, взятая Товариществом в аренду, должна быть осушена и засажена деревьями… 6) в рабочей слободке на всей площади открытие заведений для продажи крепких напитков не должно быть допускаемо… 7) по окончании сроков аренды, если земля не будет вновь заарендована, то участки, занятые под постройки, должны быть очищены Товариществом от построек в годичный срок… 8) арендная плата за участки арендаторами вносится в Городскую Управу за каждые полгода вперед…»

В 1909 г.[57] дочери купеческого сына Мария Васильевна Знаменская и жена инженера-технолога, инженерных путей сообщения Клавдия Васильевна Адрианова, урожденная Знаменская, продали Тверской мануфактуре недвижимость – 2 деревянных одноэтажных дома на каменном фундаменте, с тесовым сараем, двумя погребами, дровяником и тремя воротами и заборами при них, находящиеся против рабочей слободы фабрики в Твери на городской земле, доставшейся им от тверского купца Егора Александровича Знаменского по духовному завещанию за 4500 руб.

«В 1909 г.[58] уполномоченные Общества крестьян Тверского уезда Желтиковской слободы крестьяне той слободы Кузьма Евплов, Семен Кузьмин и Кузьма Николаев и представитель Товарищества Тверской мануфактуры И.И. Кузнецов заключили настоящий договор в следующем: 1) Общество крестьян Желтиковской слободы отдало Товариществу Тверской мануфактуры в арендное содержание под свалку нечистот принадлежащий Обществу участок земли, состоящий близ Старицкой дороги, идя от г. Твери на левой стороне, граничащий с землею крестьян деревни Борихина, мерою около 4 десятин. 2) Срок аренды определить в 10 лет, считая с тридцать первого марта 1909 г. по 31 марта 1919 г. 3) За аренду означенного участка Товарищество Тверской мануфактуры уплачивает Обществу крестьян Желтиковской слободы по 500 руб. в год, внося деньги за год вперед 31 марта каждого года… 4) Арендуемый участок Товарищество Тверской мануфактуры обязуется обрыть кругом валом в полтора аршина высотой или вырыть вместилище на месте свалки в виде пруда глубиною и размером по усмотрению Товарищества…»

«В 1909 г.[59] 16 июня Московско-Тверское Управление Земледелия и Государственных Имуществ, на основе предписания Отдела Земельных Улучшений от 1 июня 1909 г. за № 2364, заключило сей контракт с доверенным Товарищества Тверской мануфактуры Иваном Ивановичем Кузнецовым на отдачу Товариществу в арендное содержание под разработку

торфа участка торфяного болота «Кулицкий Мох» Тверского Лесничества, Тверской губернии и уезда, площади 1000 десятин с запасом торфяной массы в сырце до 2 200 000 куб. сажен, за предложенную Кузнецовым на проводившихся торгах (28 ноября 1908 г.) цену по 18 1/2 коп. за 1 куб. сажень или за всю массу торфа 407 000 руб. сроком с 16 июня 1909 г. впредь на 60 лет…»

Два любопытных факта из жизни фабричного городка:

«1912 г. – в мае введена в эксплуатацию 1-я очередь центральной электростанции Товарищества Тверской мануфактуры (ТЭЦ № 1), выстроена за 2 года. На электростанции были установлены 6 котлов «Гарбе» паропроизводительностью по 7,5–9 т/час и 2 турбогенератора фирмы «Браун-Бовари» мощностью по 2 тыс. кВт с регулируемым отбором пара 30 т/час от каждой машины.

1913 г. – самая большая казарма «Париж» на территории Морозовского городка построена в стиле «модерн» по проекту архитектора В.К. Терского».[60]

Представляют интерес сведения о мануфактуре, приведенные в двух солидных изданиях того времени:

«Товарищество Тверской мануфактуры бумажных изделий: фабрики в г. Твери, склады в Москве, Харькове, Одессе и Коканде. Основа и начало деятельности акционерного общества – 1859 г. 750 им. паев по 12 000 руб. Правление – Варварка, 9.
Капитал (баланс) – 40 294 руб. , дивиденды – 6 2/3%.»[61]

«...При Т.С. Морозове в 1859 г. был утвержден устав созданного паевого товарищества, были пущены в ход не только прядильная, но и мех.-ткацкая фабрики, а вскоре были выстроены белильно-красильная и отделочная фабрики, которые были обеспечены топливом из своих местных дач, величина которых в 1872 г. достигала 4561 дес.

В 1872 году, когда состоялся третий раздел фирмы "Савва Морозов

Сын и К", т. е. когда Тверская м-ра по жребию перешла в собственность племянников Тимофея Саввича и внуков Саввы Васильевича к Абраму и Давиду Абрамовичам Морозовым, как прямым наследникам после умершего их отца Абрама Саввича Морозова, – наступила, можно сказать, новая эра в дальнейшем расширении и усовершенствовании производства изделий т-ва Тверской м-ры.

Во главе этой м-ры становится бывший помощник Т.С. Абрам Абрамович Морозов, который при содействии своего брата Давида Абрамовича и зятя Владимира Григорьевича Чибисова с неустанной энергией повел дело. За 10 лет времени его директорства, т. е. с 1872 по 1882 г., были сильно увеличены прядильный и ткацкий отделы, а также была выстроена новая, очень большая, отделочная фабрика, и, наконец, им было приобретено для м-ры 32 666 дес. лесов.

С кончиною Абрама Абрамовича, с 1883 по 1892 г., по главе правления т-ва стояла его супруга Варвара Алексеевна, дочь известного фабриканта Алексея Хлудова и опекунша до совершеннолетия своих сыновей – Михаила, Ивана и Арсения Абрамовичей. Тверская м-ра и в это время не перестала развиваться и усовершенствоваться; лесное имущество увеличено в количестве 20 050 дес. Нельзя обойти молчанием и того, что Варвара Алексеевна много сделала для улучшения бытовых условий жизни фабричных рабочих и особенно много сделала для их просвещения, что без сомнения является результатом ее близкой дружбы с ред.-изд. "Русских Ведомостей" проф. Соболевским. Здесь интересным считаем отметить, что В.А. сделан первый опыт назначить директором Тверской м-ры русского инженера. Это было сделано в 1896 году, когда во главе упомянутой м-ры стал известный общественный деятель и директор Никольской м-ры С. Морозова, Сын и К инж. мех. Н.Н. Алянчиков.

В настоящее время правление м-ры состоит из Варвары Алексеевны и ее сына Ивана Абрамовича Морозова, А.А. Масленикова, В.Ф. Луксинира и В.Н. Рогожина. Дир.-рас. состоит И.А. Морозов, при котором м-ра быстро

развивается, но положение рабочих не улучшается. Прядильных веретен имеется 158 512, крутильных 10 010 при 4020 мех. тк. станках. Рабочих 14 000, а годовое производство доходит до 30 000 000 р." Чистая прибыль на 1913/14 г. составила 1 892 645 р. 64 к.»[62]

В 1913–1916 гг., несмотря на начало Первой мировой войны, товарищество мануфактуры продолжает вести политику развития производства, в том числе и за счет приобретения новой недвижимости:

«В 1913 г.[63] крестьяне Тверской губернии, Тверского уезда, Никулинской волости, Желтиковской Слободы на приговоре Общества крестьян этой Слободы решили продать Товариществу Тверской мануфактуры участок надельной земли Тверской губернии и уезда, Никулинской волости, в даче Подмонастырской Желтиковской Слободы мерой в 580 кв. сажен со всеми на нем лесами, водами и всякого рода угодьями, расположенный близ линии Николаевской железной дороги, Большой Старицкой дороги, граничащий выгонной землей владения г. Твери; рекою Тьмакою, а за нею владением Товарищества Тверской мануфактуры и резервом Николаевской железной дороги, ценой в 5500 руб.»

В январе 1914 г.[64] у дворянки Александры Ивановны Неплюевой за 35 000 руб. было куплено имение, состоящее Тверской губернии и уезда, при деревне Козлове в количестве 274 десятин 1825 сажен.

В феврале 1914 г.[65] Товарищество Тверской мануфактуры купило за 20 000 руб. недвижимое имение, находящееся Тверской губернии Осташковского уезда, при сельце Липовце, в местности по народному названию пустошь Разлога в количестве 100 десятин 1488 кв. сажен у Осташковских мещан Елизаветы и Нила Ивановичей Нагибиных.

«В 1915 г.[66] крестьяне Тверского уезда Ильинской волости, на основании приговора, явленного в Ильинском Волостном правлении 5 сентября 1915 г., продали Товариществу Тверской мануфактуры землю, заключающуюся в даче первой части дер. Андреевской Тверского уезда

(недвижимое имущество того же уезда при селениях Шипулине, Солодилове и Зиновьеве), мерою 177 десятин 1288 кв. сажен за 25 200 руб.»

В 1916 г.[67] товарищество Тверской мануфактуры купило у крестьян Тверского уезда Новинской волости деревни Дудорова Василия Никонова и Кузьмы Васильева Лисицына деревянный одноэтажный дом с флигелем, сараем и всеми другими надворными постройками и устройствами при нем, находящийся в г. Твери, Затьмацкой части за линией Николаевской железной дороги, близ Хлопковых ворот Товарищества, в Нечаевской слободе, на земле, арендуемой у Общества крестьян Желтиковской Слободы, аренда переведена на имя Товарищества, дом продан за 4750 руб.

В 1900 г.[68] «гвардии штабс-ротмистр Григорий Петрович Тепляков продал я Товариществу Тверской мануфактуры собственное мое, свободное от всякого запрещения недвижимое имение, состоящее Тверской губернии, Тверского уезда, Никулинской волости и заключающееся в пяти участках земли, означенных на удостоверенном Правлением Московского Земельного банка частном плане, а именно: первый участок при селе Мигалове, в количестве сорока четырех десятин тысячи двухсот тридцати сажень… Второй участок в пустоши Попадьине Вихирево тож… в количестве двадцати девяти десятин девятисот тридцати сажен… тритий участок в пустоши Шишаине… в количестве ста семи десятин шестисот семидесяти сажен… Четвертый участок в пустоши Савихе-Холопове тож, в количестве ста сорока трех десятин двух тысяч двухсот трех сажен… и пятый участок в пустоши Свиньине, в количестве тридцати трех десятин тысячи шестидесяти шести сажен… А взял я за недвижимое имение денег пятьдесят три тысячи рублей…» (Представителем Тверской мануфактуры выступал московский мещанин Дмитрий Николаевич Попов.) В мае 1901 г. товарищество Тверской мануфактуры было введено во владение проданным имением.

В 1914–1918 гг.[69] пригородное сельскохозяйственное имение Мигалово продолжало существовать и состояло из центральной усадьбы, молочной

фермы, 60 десятин пахотной земли и 340 десятин.

Описание строений в имении Товарищества Тверской Мануфактуры при селе Мигалове Никулинской волости (бывш. А.И. Синицыной), 22 декабря 1914 г. (на 3 листах), на правом берегу Волги вверх по течению в 7 верстах от фабрики:

1. «Под литерой А: дом каменный с полуподвалом, крытый железом…. При нем каменное крыльцо и два деревянным, крытых балконом.

Куб. сажен 262, рублей 6550.

2. Кухня при доме, деревянная рубленая, на каменном фундаменте. Кухня соединена с домом коридором.

Куб. сажен 39,50; рублей 50.

3. Три флигеля (один деревянный на каменном фундаменте, один каменный).

Каждый куб. сажен 56-70; рублей от 500до1000 каждый.

4. Дом деревянный на каменном фундаменте из известкового камня. Над частью дома имеется второй этаж, а над ним устроена вышка. Куб. сажен 145; рублей 5075.

5. Погреба, помещение садовника, оранжерея в каменных стенах.

6. Дом деревянный, скотный двор на каменных столбах».

Тверской[70] губернский совет Крестьянских, Рабочих и Красноармейских депутатов, дело № 27 1918 г. на 39 листах. Спор о правах на владение (управление) имением Мигалово бывшего Товарищества Тверской мануфактуры.

«Отдел организации производства при Тверском Губсовнархозе отмечает противоположные отношения со стороны Отдела производств и Тверского уездного земельного отдела к делу имения Мигалово, а именно: Отдел организации производств, ссылаясь на распоряжение Правительства от 17 декабря 1918 г. за № 251 (515) и телеграмму, подписанную тов. Лениным от 4 ноября 1918 г., и в силу других данных, изложенных в прилагаемой переписке, настаивает на неотъемлемом праве Правления фабрики Тверской Мануфактуры над имением Мигаловым, в то время как земельный отдел,

исходя из своих соображений, приписывает это право Никулинскому Волостному земельному отделу. Настоящим просим Губисполком разобрать этот вопрос».

Акт[71] осмотра имения Мигалово от 11 октября 1918 г. межведомственной комиссией из четырех человек «дал следующие печальные результаты. При имении имеются два больших нежилых дома, расположенных один от другого на значительном расстоянии; один из домов – каменный двухэтажный, который стоит в настоящее время заколоченным, и которого поэтому руки хищников еще не коснулись; рядом с ним помещается дом, в котором живет управляющий имением; второй дом также двухэтажный с маленькой вышкой в одну комнату, но деревянный, который главным фасадом своим красиво расположен на берегу реки Волга.

Площадь, занимаемая домом, приблизительно равна шести десятинам вместе с окружным парком (садом). Что касается внутренности дома, то кроме потолков, стен, некоторых внутренних перегородок, служащих когда-то границами некоторых комнат, и полов – ничего не имеется. Насколько ужасен и преступен был разгром хищнического произвола этого дома: кое-где на полу валяются разбитые стекла рам и дверей, а самые рамы и двери вместе с петлями похищены, только жалкие остатки некоторых из них валяются тут поблизости. Даже кирпич и кафель от всех печей, душники и затворки лежанок – и те все повытащены и расхищены до основания. Так что весь дом, который состоит из одиннадцати комнат, расположенных равномерно числу этажей, представляет из себя в настоящее время полнейший хаос, самосбродства, разгрома и хищнического разгула, и подробного описания и расценки имущества никоим образом произвести невозможно.

Управляющий имением Мигалово в своем личном мнении высказывается, что дом этот поправить можно, и даже следует, на что нужно приблизительно субсидий в размере 10-15 тысяч рублей, причем ремонт на эту сумму будет весьма незначительный – хотя бы привести его немного в

порядок. Что касается будущего назначения этого дома, то по мнению присутствующих и Управляющего он может быть приспособлен для какого-нибудь Советского учреждения или для сельской школы... Кто принимал участие в расхищении имущества, тов. Управляющий заявил, что расхищение исключительно происходило со стороны местных крестьян.

Подписи:

Вр. зав. строительной секцией Гвирд.

Член контрольно-хозяйственной комиссии Морозовской Мануфактуры Баранова.

Председатель Никулинского волостного земельного комитета Степанов Арсений Степанович.

Управляющий имением Стерьхов».

Контрольная комиссия[72] Местного комитета Товарищество Тверской Мануфактуры письмом от 23 августа 1918 г. № 744 обращается в отдел организации производства при Губсовнархозе с жалобой на то, что несправедливо «по распоряжению Никулинского волостного земельного комитета от 8 августа 1918 г. Начальником охраны той же волости Буровым отобрано у Заведывающего имением Мигалово фабрик Тверской Мануфактуры, Стерьхова, лошадь серой масти для нужд означенного начальника».

Отмечается, что «факты отобрания лошадей весьма вредно отражаются на интересах как 18 000 рабочих фабрики, так и Государства вообще, т. к. Государство в этом не менее заинтересовано, потому, что на мануфактуру, вырабатываемую нашей фабрикой, исключительно добывается хлеб для голодного населения Российской Федеративной Советской Республики.

Фабричный транспорт и без того в высшей степени расстроен большей частью потому, что вследствие мобилизации в период Русско-Германской войны и недавней реквизиции, произведенной в начале сего месяца Губернским Военным Комиссариатом лошадей, из числа 150 таковых, в

распоряжении предприятия для обслуживания работ его осталось только 60.

Подписи:

Председатель Д. Варгазин,

Секретарь Максимов».

«По свидетельству оказалось, что взятая одна лошадь самовольно из имения Мигалово Милиционером Буровым, по предписанию Никулинского земельного отдела 15 августа 1918 г., возвращена в имение 25 октября сего года, окалеченной и заморенной, хромая на правую переднюю ногу, содрана кожа под передними лопатками, так что в таком виде лошадь в работу не годится.

Подпись:

Заведующий имением Н. Стерьхов в присутствии двух свидетелей: Давыда Денисова, конюха при лошадях, и Марии Александровой».[73]

Телеграмма.[74] 4 ноября 1918 г. Копия. Всем Исполкомам Совнархозам Чрезвычайкомам Губернии центральной области.

«…органы местной власти не имеют права (если оно им не дано специальным постановлением центральной власти) вмешиваться в их [национальных предприятий] распоряжения и отчуждать какое бы то ни было имущество национальных предприятий без разрешения высших органов управления данной отраслью производства. Председатель совета народных комиссаров В.И. Ульянов /Ленин/».

Распоряжение правительства от 17 ноября 1918 г, № 251 (515) имеет заголовок «О невмешательстве Совдепов в жизнь национализированных заводов» и разъясняет смысл телеграммы Предсовнаркома.[75]

1918 г. Тверской Губисполком.[76] На бланке имеется угловой штамп: Совет администрации фабрик Товарищества Тверской Мануфактуры, 9 октября 1918 г., № 1085, г. Тверь. В Контрольно-хозяйственную комиссию.

«Имение Мигалово, принадлежащее национализированному предприятию «Товарищество Тверской Мануфактуры», состоит из Молочной

фермы с 26 штук крупного рогатого молочного скота, участка земли в 60 дес. пахотной земли и 340 дес. леса и лугов.

При усадьбе имения имеется один каменный двухэтажный дом, годный под жилье, одна деревянная дача двухэтажная, один деревянный дом трехэтажный (сильно обветшавший), один жилой дом, в котором помещается приказчик при имении.

При усадьбе имения имеется один каменный двухэтажный дом, годный под жилье, одна деревянная дача двухэтажная, один деревянный дом трехэтажный (сильно обветшавший), один жилой дом, в котором помещается приказчик при имении Н.А. Стерьхов (Назар Артемьевич) с семьей, каменный одноэтажный дом для рабочих при имении и надворная постройка (бани, конюшни, сарай и пр.). При Молочной ферме находится один деревянный дом для экономки и работниц, каменное помещение для коров (стойла), один дом деревянный для рабочих при скотном дворе и два каменных корпуса (пустующих), оставшихся от прежних владельцев. Имение, купленное Товариществом 4-5 лет тому назад, постоянно культивируется расчисткой и подготовкой большей площади под травосеяние. Впоследствии предполагается еще расширить площадь земли под огороды, посадку картофеля и т. п.

В настоящее время главное занятие составляет травосеяние для обслуживания молочной фермы, которая, как в прошлом году, так и в предстоящем, обходится сеном собственного урожая. В среднем молочная ферма дает ежемесячно 4100 кружек или 340 ведер молока, которые исключительно расходуются на фабричную больницу, санаторию и в харчевую лавку дл выдачи детям до 5-летнего возраста, а также в ситцевую фабрику.

Для прокормления молочного скота в текущем году запасено сена собственного урожая 6000 пудов. Кроме этого собрано в этом году и предполагается собрать 3000 мер картофеля, 300 пудов овса и 500 пудов ржи. Эти продукты идут также исключительно для нужд рабочих и служащих

фабрики.

Кроме этого на угодьях имения отгуливается и откармливается скот, купленный для харчевой лавки.

Зимой предполагалось расширить площадь земли под посевы вырубкой заросли под названием «Заказник» и перевозить навоз с фабрик на поля имения. Имение находится в заведывании хозяйственного отдела фабрики под непосредственным управлением приказчиком Назара Артемьевича Стерьхова. Приказчик этот очень опытный и честный практик сельского хозяйства, и присутствие его в имении администрация находит крайне необходимым и полезным в особенности в настоящее время, когда продукты сельского хозяйства сильно возросли в цене, а такие как молоко для больницы прямо-таки ничем не заменимы.

Причисление его к нетрудовому элементу есть обвинение ни на чем не основанное, так как по существу он является и приказчик и старший рабочий имения, налаживая собственными руками каждую машину, как-то плуг, косилку, жнейку, борону, молотилки и т. п., так как других специалистов, знающих эти машины в имении никого нет. Кроме того, на нем же лежат все распорядительные функции по управлению, каковую деятельность мы считаем не менее важной.

Для нужд военного комиссариата, если в этом является необходимая надобность, совершенно может быть подходящей белый каменный двухэтажный дом в усадьбе имения или деревянная дача. Кроме того, можно было бы также вполне приспособить при некотором ремонте один из каменных корпусов на скотном дворе.

Подписи:

Председатель Совета Администрации,

Секретарь (неразб.)»

С началом войны руководство Тверской мануфактуры добивается получения прибыльных военных заказов. Так, только с конца октября 1915 г. по январь 1916 г. ими было получено военных заказов на 4 млн 955 тыс.

аршин тканей и на 10 тыс. корпусов для гранат (ГАКО Ф. 850. Д. 11979. Л. 1, 2). За три года войны Морозовы получили чистой прибыли столько же, сколько и за двадцать предыдущих лет (в 1915–1916 гг. чистой прибыли – 9 931 012 руб. при основном капитале 9 000 000 руб., для сравнения прибыль в 1912–1913 гг. – 1 705 332 руб.; в 1916–1917 гг. основной капитал составлял уже 12 000 000 руб.).[77]

В связи с тяжелым положением в стране, вызванным войной, ухудшилось и материальное состояние рабочих на мануфактуре. В 1915–1916 гг. там прошла волна забастовок.

«Требования рабочих ткацкой фабрики, предъявленные директору фабрики[78]

13 октября 1916 г.

Секретно

1. Об неудержании квартирных и харчевых денег во время болезни и отпусков рабочих.

2. Об увеличении квартирных до 7 рублей в месяц, т. е. на 3 рубля.

3. Не стеснять рабочих в отпусках.

4. Отпускать рабочих женщин для кормления грудных детей на час.

5. Человеческое обращение администрации с рабочими.

6. Беспрепятственно выдавать все продукты из харчевой лавки в достаточном количестве.

7. Увеличение кормовых денег на время войны.

8. Не увольнять никого за настоящую забастовку.

Верно: За помощника правителя канцелярии тверского губернатора (Подпись)» (ЦГИАМ Ф. 102. Оп. 108. Д. 73. Ч. 2. Л. 72. Копия)

«Объявление правления товарищества Тверской мануфактуры о расчете рабочих ткацкой фабрики за забастовку[79]

14 октября 1916 г.

Ввиду невозобновления работ ткацкая фабрика сим объявляется закрытой. Расчет рабочим будет производиться в понедельник 17 сего

октября с 9 часов утра до 6 часов вечера в главной конторе.

Лицам, не явившимся в понедельник за получением заработанных денег, таковые будут отсылаться вместе с паспортами по месту жительства 20 октября сего года через местную полицию.

Товарищество Тверской мануфактуры, правление»

(ЦГИАМ Ф. 102. Оп. 108. Д. 73. Ч. 2. 1916 г. Л. 78. Копия)

Как видно из сравнения приведенных ниже отчетов, забастовки мало сказались на счетах товарищества.

«Баланс Товарищества Тверской мануфактуры бумажных изделий к 10 апреля 1916 года[80]

10 апреля 1916 г.

Актив

Текущие счета и касса 8 582 222 руб. 06 коп.

Членский взнос в Московском купеческом

обществе взаимного кредита 15 000 руб.

Процентные бумаги, паи и акции 1 286 623 руб. 90 коп.

Фабрики с машинами и строениями при них,

дома, амбары и лавки в разных местах,

земля под фабриками и домами

и имущество движимое 23 090 557 руб. 54 коп.

Земли с лесом на корню 1 354 398 руб. 26 коп.

Товары, хлопок, пряжа, топливо,

материалы и другие запасы 14 192 953 руб. 95 коп.

Дебиторы 712 453 руб. 51 коп.

Переходящие суммы на 1916–1917 г. 130 744 руб. 07 коп.

[Итого] 54 364 863 руб. 29 коп.

Пассив

Капиталы:

Основной 9 000 000 руб.

Запасный 2 331 853 руб.

Развития и улучшения предприятия 3 000 000 руб.

Амортизационный 21 012 881 руб. 13 коп.

Для выдачи пенсий, пособий

и иных вспомоществований

служащим, рабочим и их семьям 876 435 руб. 09 коп.

Суммы, отчисленные на устройство

и оборудование благотворительных

учреждений при фабриках Товарищества 855 364 руб. 96 коп.

Суммы, отчисленные в распоряжение правления 56 565 руб. 29 коп.

Суммы, отчисленные на дело пожертвований на нужды войны 23 759 руб. 09 коп.

Суммы, отчисленные на выдачу пособий семьям призванных на войну рабочих и служащих Товарищества 21 442 руб. 55 коп.

Долг господам Морозовым 3 547 000 руб.

Кредиторы 3 576 331 руб. 34 коп.

Переходящие суммы на 1916–1917 гг 132 218 руб. 38 коп.

Прибыль 9 931 012 руб. 46 коп.

[Итого] 54 364 863 руб. 29 коп.

Товариществу принадлежат: ткацкая и прядильная фабрики в Твери, отбельно-красильный, механическо-ремонтный, кирпичный, известковый, лесопильный, деревообделочный заводы в Твери и лесопильный завод при станции Пено, Бологое-Полоцкой железной дороги; мукомольная мельница в Твери, торфяные разработки при станции Кулицкая Николаевской железной дороги, лесные угодья в Тверской губернии. Склады Товарищества находятся в Москве, Харькове, Одессе, Петрограде, Ростове-на-Дону, Омске, Тифлисе, Ташкенте, Самарканде, Коканде, Бухаре и Кашгаре.» (ГАТО Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 11. Л.23, 23 об.)

«Из протокола общего собрания владельцев паев товарищества

об утверждении отчета правления за 1916/17 г.[81]

19 августа 1917 г.[82]

I.

Правление предоставило на основании § 17 устава товарищества подробный годовой отчет, который в кратком извлечении из него представляет следующие цифры:

Приход

По счетам фабричных производств от продажи товаров и по разным статьям 22 137 354 руб. 51 коп.

Расход

По счетам фабричных производств, расходы торговые, дисконт, потери при расчетах, скидки с сомнительных должников, вознаграждение директоров
правления, содержание благотворительных учреждений при фабриках и по разным статьям 13 571 450 руб. 95 коп.

Погашение стоимости имущества 618 015 руб. 19 коп.

14 189 466 руб. 14 коп.

Чистая прибыль за 1916/17 г. 3 097 888 руб. 37 коп.

Прибыль от прежних лет 4 850 000 руб.

7 947 888 руб. 37 коп.

Баланс ко 2 апреля 1917 г.

Актив

Текущие счета и касса	3 190 863 руб. 32 коп.
Членский взнос в Московском купеческом обществе взаимного кредита	15 000 руб.
Процентные бумаги, паи и акции	1 784 867 руб. 15 коп.
Фабрики с машинами и строениями при них, дома, амбары и лавки в разных местах, земля под фабриками	23 565 535 руб. 31коп.

и домами и имущество движимое	
Земли с лесом на корню	2 742 870 руб. 68 коп.
Товары хлопок, пряжа, топливо, материалы и другие запасы	19 836 951 руб. 76 коп.
Дебиторы	8 264 507 руб. 15 коп.
Переходящие суммы на 1917/18 г.	144 483 руб. 54 коп.
	59 545 078 руб. 91 коп.

Пассив

Капиталы:	
Основной	12 000 000 руб.
Запасной	2 362 865 руб. 46 коп.
Суммы, отчисленные в распоряжение гг. пайщиков	3 000 000 руб.
Амортизационный капитал	21 630 896 руб. 32 коп.
Суммы, отчисленные на устройство и оборудование благотворительных учреждений при фабриках товарищества	855 364 руб. 96 коп.
Для выдачи пенсий, пособий и иных вспомоществований служащим, рабочим и их семьям	794 829 руб. 84 коп.
Суммы, отчисленные на дело пожертвований на нужды войны	258 343 руб. 87 коп.
Суммы, отчисленные в распоряжение правления	166 565 руб. 29 коп.
Долг гг. Морозовым	3 498 000 руб.
Кредиторы	7 030 324 руб. 80 коп.

Чистая прибыль за 1916/17 г. 3 097 888 руб. 37 коп.

Прибыль от прежних лет 4 850 000 руб.

(ГАКО Ф. 850. Д. 12131. Л. 1, 2. Копия)

Из отчета правления за 1916/1917 гг. исчезла графа «Суммы, отчисленные на выдачу пособий семьям призванных на войну рабочих и служащих Товарищества», зато появилась «Суммы, отчисленные на дело пожертвований на нужды войны», в которой количество денег увеличилось более чем в 10 раз.

В Тверском Окружном Архиве[83] хранится переписка Морозовых, состоящая из 170 писем между членами семьи. Среди авторов писем – Д.А. Морозов, Ф.Ф. Ныркова, В.А. Морозова. «Наиболее ярко отражены 60-е гг. К 1860–1869 гг. относятся 136 писем, принадлежащих Давиду Абрамовичу Морозову и доверенному фирмы Морозовых – Ф.Ф. Ныркову. Все они адресованы Абраму [Абрамовичу] Морозову, бывшему в то время одним из главных лиц, управлявших предприятиями, принадлежащими фирме.» Письма шли из Англии, Италии, Швейцарии. Особо интересны письма из Англии, сообщающие сведения о хлопковом рынке, Гражданской войне в Америке и др., о самой Англии, ее экономике, общественно-политической жизни, о быте русских буржуа за границей. Но, помимо этого: указание на способы, с помощью которых можно выйти (и Морозовы выходили) из затруднений, связанных с хлопковым кризисом 60^{x} гг., на ход оборудования русских фабрик английскими машинами, на снабжение технической силой предприятий. Также в письмах вырисовываются бытовые черты семейного уклада старших представителей семьи, патриархальность, почтительность и даже робость перед старшими, опека над младшими членами семьи. Давид Морозов и доверенный фирмы Ф. Ныркова приводят данные о биржевых сделках, ценах на хлопок, банковских крахах, падении курса акций и др.

Морозовы, начав установление непосредственно деловых отношений с Англией с поездок в Ливерпуль и Манчестер, с изучения техники, рынка и языка, добились того, что один из них – Давид Абрамович – стал

постоянным посредником между фабриками фирмы и английскими банками, заводами и торговыми домами Англии, таким образом избавившись от господства Л. Кнопа. Первая посылка одного из Морозовых – Давида Абрамовича – в Англию состоялась в 1862 г. Морозов был в Лондоне, Ирландии, Шотландии, где осматривал ситцевые и льняные фабрики. В течение 2 месяцев он посетил 34 города и осмотрел 78 фабрик. В 1864 г. «состоялись 2 поездки – одна Давида Абрамовича в Белфаст – Манчестер и Ливерпуль в феврале месяце, другая – в мае–июне – А.А. Морозова в Англию, Италию и Францию. Последняя носила не деловой характер, имея целью отдых и развлечение. Письма, относящиеся к февральской поездке, кроме сообщений об осмотре фабрик, содержат указания на заказы машин для Тверской мануфактуры на заводах Смита и Плятт.» 1865 год был моментом окончательного оформления связей с Англией семьи Морозовых. В Ливерпуле возникла контора фирмы, появился постоянный представитель по торговым делам. Во время хлопкового кризиса Морозовские Тверские фабрики страдали меньше других, хотя потери прибыли наблюдались и там. Крупные коммерческие связи позволили Морозовым в течение всего года быть в курсе дел хлопкового рынка. Налаженная агентура, посредничество Кнопа (от услуг которого в полной мере они не отказались) помогла им и во время кризиса покупать американский хлопок, попадавший на английский рынок. Рост цен на сырье и его недостаток вызвал не только спекуляцию хлопком в Англии, но и понижение качества его. Фирмы, снабжавшие Морозовых, посылали им недоброкачественное сырье, от которого они терпели потери, перерабатывая его. Высокие цены и низкое качество хлопка в Англии вынудили Морозовых усилить связи с азиатскими рынками. Помимо Туркестана текстильная промышленность России снабжалась хлопком из Персии, Коканда, Хивы и Бухары. Начались закупки хлопка из Азии и продолжались в течение всего года. Хлопковый кризис поднял цены как на сырье, так и на продукцию. Морозовы, в отличие от многих других фабрикантов, имели запасы пряжи, следовательно, могли разжиться за счет

продажи ее по более выгодным ценам. Имея запас товара, Морозовы выступали на всех ярмарках. Информация об этом находившегося заграницей А.А. Морозова составляет второй основной момент переписки. С 1861 по 1864 г. расценки поднялись: пряжа № 20 – с 10 руб. до 32-33 руб.; основа № 30-32 – с 18 до 46-51 руб. Морозовы сбывали на ярмарках пряжу по следующим ценам: пряжа № 20-35 руб., основа № 30-32 – 49 руб.

«В 1866 г. в Англии разразился промышленный кризис. Паника, распространившаяся в связи с кризисом, охватила владельцев фабрик в России и заставила многих из них побывать в Англии. Интересно в связи с этим письмо Ныркова от 26 мая. В нем он отмечает прежде всего приезды русских в Англию и сведения о состоянии дел соседей: «Г. Хлудовы, как видно, делают дело не слишком большое, причины этому решительно не знаю». В другом письме Нырков с горечью констатирует положение дел: «…если бы Вы взглянули на все Ваши бумаги, которые Вы держите в сундуках, то больше они не стоят, как 60 к.»

Окончание финансового кризиса наступило в начале 1867 года.

С мая 1867 по декабрь 1868 г. Морозовы купили для фабрики в Твери двигателей, станков ткацких и прядильных, второстепенного оборудования и материалов на 170,5 тыс. руб. Значительный размер заказов в Англии объясняется тем, что конец 60-х гг. совпадал с моментом роста Тверской мануфактуры, возникшей в годы кризиса 50-60-х гг. и расширявшейся теперь от бумагопрядения до ситценабивного производства».

Можно подвести итог всему, сказанному выше[84]:

«Самое большое расширение промышленного производства на Тверской мануфактуре происходило в 70-80-е гг. В 1870 г. фабрика перерабатывала около 68,7 тысячи пудов хлопка, в 1878 г. – 212 тысяч, а в 1890 г. – более 367 тысяч пудов. За это же время выработка пряжи возросла в 4 раза, а готового ситца – более чем в 4,5 раза.

С ростом производства увеличилось и число рабочих. В 1865 г. на

фабрике товарищества работало 1,6 тысячи человек, через три года – уже в 1,5 раза больше, а спустя десять лет – почти в 3 раза больше.

В 1884–1896 гг. Морозовская фабрика была среди текстильных предприятий крупнейшей не только в Тверской губернии, но и во всей России. Изделия Тверской мануфактуры продавались в Москве, а также на Нижегородской, Ирбитской и Урюпинской ярмарках, большое количество товаров шло на Украину, в Среднюю Азию, Сибирь, Крым, на Кавказ.

Фабрика выпускала миткаль, бумазею, сатин, рубчик, бязь суровую и крашеную, коленкор, мадаполам, ситец – всего 27 видов различных текстильных изделий 49 сортов.

Свои товары Морозовы широко рекламировали на международных и всероссийских промышленных выставках. Товарищество добивалось высокой сортности своих изделий. В 1865 г. на московской мануфактурной выставке изделия Морозовской фабрики были отмечены большой серебряной медалью, а на Всероссийской выставке 1870 г. в Петербурге – государственным гербом.

В начале 90-х гг. фабриканты закупают большое количество нового оборудования, расширяют здания котельных с целью перевода производственных помещений с дорогого газового на более дешевое электрическое освещение и на электросиловую тягу оборудования. К 1890 г. фабрика имела семь паровых машин мощностью 560 лошадиных сил при 14 котлах, а в 1896 г. на ней были уже 49 паровых машин и 41 паровой котел общей мощностью 2362 лошадиные силы. При этом в качестве топлива стали использовать, помимо дров, торф, каменный уголь, кокс и нефтяные остатки.

О мощности Морозовской фабрики свидетельствует такой факт. Уже в 1890 г. она выпускала почти столько же продукции, сколько остальные пять текстильных фабрик губернии.

Морозовы были не только крупными фабрикантами, но владельцами больших лесных массивов. Они скупали леса и земли разорявшихся помещиков. За 30 лет существования Тверской мануфактуры Морозовы

купили в четырех уездах губернии до 54 тысяч десятин лесных угодий. Это было вызвано главным образом большими потребностями производства в дровах (уже в конце 80-х гг. их расходовалось ежегодно до 17 тысяч кубических саженей), а также в бересте, из которой вырабатывался газ для освещения. Кроме того, принадлежавшие товариществу лесные дачи поставляли дешевые пилолесоматериалы для нужд строительства.

В конце 90-х гг. Морозовым тесно стало на правобережье Тьмаки. Оставив прядение и ситцевое производство на старом месте, они начали сосредоточивать ткачество на другой стороне Тьмаки в новой ткацкой фабрике, строительство которой было полностью завершено в 1914 г. Ее станочный парк к этому времени достиг 4233 единиц, а число занятых на ней рабочих – почти 6 тысяч.

На освободившихся площадях в старом здании были установлены дополнительные прядильные машины. К 1917 г. на прядильной фабрике имелось более 178 тысяч веретен. К этому времени прядильщики перерабатывали около 600 тысяч пудов хлопка и выпускали более полумиллиона пудов готовой пряжи. Ткацкая фабрика вырабатывала столько же суровья. Ситцевая фабрика в 1917 г. выпустила более 60,1 миллиона метров готовых тканей. На всех производствах Тверской мануфактуры было занято 17,8 тысячи человек».

«Товарищество Тверской Мануфактуры бумажных изделий.[85]

Бумаго-прядильная, ткацкая и отбельно-красильно-ситценабивная фабрика. Правление – Москва, Варварка, 9. Имеются собственная железнодорожная ветка, мощеная дорога.

Национализировано 28 июня 1918 г. Декретом Совнаркома от 28 июня 1918 г.

Стоимость недвижимого имущества – 26 047 272 руб. на 1917/18 гг. Основной капитал предприятия 12 000 000 руб. (1917/18 гг.). Главные изделия – хлопчато-бумажные. Число рабочих 1913/14 – 15 894 чел; 1916/17 – 15 533 чел., 1917/18 гг. – 16 543 чел., 1918 г. – 17 629 чел.

Полное наименование фабрики: бумаго-прядильная, ткацкая и отбельно-красильно-ситценабивная фабрика Товарищества Тверской мануфактуры бумажных изделий».

«Ордена Ленина хлопчатобумажный комбинат (в обиходе – "Пролетарка") – крупнейшее предприятие города. Расположено вдоль Тьмаки, вблизи линии Октябрьской железной дороги. В прошлом «Товарищество Тверской мануфактуры бумажных изделий», основанное в 1858 г. богородскими купцами Шибаевым, Митюшиным и Брызгалиным. Впоследствии перешло в собственность семьи Саввы Морозова. Бывшее предприятие Морозовых (с 1922 г. – Тверская Пролетарская мануфактура) после национализации вступило в пору обновления. С историей ”Пролетарки” связано зарождение в 1929 г. соц. соревнования коллективов текстильных предприятий Центрального промышленного района. Во время фашистской оккупации в октябре–декабре 1941 г. "Пролетарка" была сильно разрушена».[86]

В московском архиве сохранился уникальный документ: план мануфактуры со всеми строениями, фабричными, жилыми и вспомогательными:

«Товарищество Тверской Мануфактуры

План строения при фабрике, описание и оценка[87]

1903 г.

№ 1 Дом для приезжающих, деревянный, в 2 этажа, печи голландские и мраморный камин с зеркалом, ватерклозет.

№ 2 Дом деревянный, одноэтажный, печи голландская и русская. Занят жилой квартирой.

№ 3^1 Дом деревянный, двухэтажный, ватерклозет и водопровод. Занят жилой комнатой.

№ 3^2 Кухня в 2 этажа.

№ 4 Дом деревянный, двухэтажный, примыкают деревянная

двухэтажная ретирада и коровник. Занят жилыми комнатами.

№ 5 Дом деревянный, двухэтажный. Занят жилыми квартирами (есть ретирада).

№ 6 Дом деревянный, двухэтажный, жилые квартиры.

№ 7-11 Дома деревянные двухэтажные, заняты жилыми квартирами служащих.

№ 12 Хозяйский дом, деревянный в 2 этажа, печи голландская и русская с плитой, ватерклозет и ванна с проведенной водой, примыкает балкон с выходом в сад.

№ 13а, в, в Казарма рабочих деревянная и частью каменная, в 2 этажа, в каменной части – кухни с большими русскими печами, примыкают ретирады.

№ 14 Казарма рабочих каменная, в 3 этажа, раздел на 2 половины – в одной квартиры рабочих, в другой – служащих, устроен водопровод, теплые клозеты, в отделении для рабочих – общие камеры с деревянными нарами в 2 яруса.

№ 15 Казарма для рабочих каменная, в три этажа, устроены клозеты и умывальники с водопроводом, кухни под сводами с кашеварными печами.

№ 16 Сарай тесовый, занят старыми ткацкими машинами.

№ 17 Казарма рабочих каменная, в 4 этажа, с такой же пристройкой для кухонь, ватерклозет.

№ 18а, в, в Казарма рабочих, деревянная и частью каменная, ретирады.

№ 19 Сарай тесовый, занят зимними рамами из фабрик и экипажами.

№ 20 Дом деревянный, одноэтажный, печи голландские и русские, полы сосновые. Занят квартирой пожарной команды.

№ 21 Сарай деревянный, занят складом декораций.

№ 22 Дом деревянный, одноэтажный, печи голландские и русские, полы сосновые, ретирада, занят квартирой артельщика.

№ 22а Коровник деревянный.

№ 22б Погреб деревянный.

№ 23 Каменная двухэтажная контора, полы асфальтовые, водопровод и

клозеты.

№ 24 Строение каменное в 2 этажа, печи голландские, пол асфальтовый, разделено каменными стенами на отделения: в первом – приемная контора при харчевой лавке и каменная лестница в библиотеку; во втором отделении харчевая лавка, при лавке лари и шкафы березовые полированные и сосновые крашеные; в третьем отделении сени с деревянной лестницей; в четвертом отделении погреб с каменным ямником, второй этаж занят помещением библиотеки, школой, училищем и жилым помещением учителей, полы сосновые, паркетные, печи голландские и русские, камин, клозеты теплые; примыкает под литерой а каменная крытая железом в один этаж пристройка для мануфактурной лавки.

№ 25 Хлебопекарня каменная, в один этаж.

№ 26 Дом деревянный, в 2 этажа, живут служащие.

№ 27, 28, 29, 30 – квартиры служащих.

№ 31 Сторожка, крытая железом, в один этаж.

№ 32 Сарай при хлопковом амбаре каменный, в один этаж.

№ 33 Сарай тесовой, занят старыми прядильными машинами.

№ 34 Сарай для десятичных весов, деревянный.

№ 35 Дом для училища, каменный, в 2 этажа, составляет общее помещение с домом № 87, отопление водяное с калориферами, ватерклозет.

№ 36а Погреба деревянные, при них под лит. а коровники бревенчатые.

№ 37 и 38 Погреба деревянные.

№ 39а Коровник деревянный.

№ 40 Строение деревянное, крытое железом, в один этаж на каменном фундаменте, в нем харчевые сараи и амбары, в цоколе каменные подвалы.

№ 41 Строение деревянное, крытое железом, одноэтажное, с большим световым фонарем, занято мучным складом, в части его за дощатыми перегородками помещаются кладовые чая и табака, под частью его в цоколе устроен капустный подвал, где в зимнее время для оттаивания мяса ставятся железные печи.

№ 42 Деревянный навес для хранения угаров.

№ 43а, в Дом деревянный, в 1 этаж, ватерклозет и ванны с водопроводом, в пристройке в помещаются кухни и прачечные. Занят квартирами служащих.

№ 44а, в Дом деревянный, в один этаж, печи голландские и камин, ватерклозет и ванна с водопроводом, в пристройке в кухни и прачечные с водопроводом. Занят квартирами служащих.

№ 45 Строение деревянное, в один этаж, в нем деревянные сараи и чуланы, примыкает птичник.

№ 46 Навес деревянный, с деревянным полом, занят ломовыми полками и прочими хозяйственными принадлежностями и погребами.

№ 47 Казарма рабочих каменная, в 4 этажа, отопление водяное с калориферами, устроена с отдельными помещениями для семейных, в подвале – общая столовая с кухней, где устроены пищеварные котлы, помещения для прислуги и рабочих с русской печью, при ней под литерами а - і – пристройка каменная в 4 этажа с подвалом, клозеты и умывальники с водопроводом.

№ 48 Казарма рабочих каменная, в 4 этажа, с надстройкой в виде башни для астрономических наблюдений, устройство одинаково с казармой 47, к ней причислена половина пристроек для кухонь а – 2.

№ 49 Строение деревянное, в 2 этажа, в первом – 1 каменная стена, в нем сараи, навесы и коровники.

№ 50 Погреба каменные, в 1 этаж, для рабочих.

№ 51 Погреб, как № 50, для харчевой лавки.

№ 52 Сарай при прядильной фабрике, деревянный, в один этаж.

№ 53 в перечне отсутствует.

№ 54 Каменная труба для приема свежего воздуха в приют.

№ 55 Строение каменное, в 1 этаж, с цокольным помещением, в нем находится аппарат для очищения воды.

№ 56 Строение деревянное, в 1 этаж, лицевая сторона стоит на земле,

задняя же над фильтром на весу, поддерживается железными прогонами из балок на чугунных колоннах. Занято складом моделей и разных вещей с механического завода.

№ 57 Погреба деревянные, рядом помойка деревянная, крыта деревом.

№ 58 Сарай для разных вещей с фабрики, деревянный, в 1 этаж, при нем такой же навес.

№ 59 Дом для почтово-телеграфной станции, 1 этаж.

№ 60 Пожарное депо каменное, одноэтажное.

№ 61 Сарай для железа и чугуна деревянный.

№ 62 Сарай для материалов при ситцевой фабрике деревянный.

№ 63 Беседка при приюте деревянная.

№ 64 Теплица для растений деревянная, печь кирпичная.

№ 65 Деревянный коровник, птичник и ретирада, примыкают деревянные, крытые железом погреба, часть строений в 2 этажа, в ней сени к кухням № 3^2

№ 66 Сарай тесовый – склад лесных материалов.

№ 67 Сарай тесовый – склад угля.

№ 68 Погреб каменный.

№ 69 Сарай тесовый – склад лесных материалов.

№ 70 Погреб деревянный, крытый деревом, при нем такой же погреб, крытый железом.

№ 71 Погреб деревянный, при нем такие же сарайчики.

№ 72 Деревянные сараи и погреба.

№ 73 Погреба деревянные, при них такие же сарайчики.

№ 74 Сарай тесовый – склад цемента и алебастра.

№ 75 Две каменные помойки, при казармах.

№ 76 Навес при прядильной фабрике.

№ 77 Хлопковый амбар каменный.

№ 78 Каменная дымовая труба.

№ 79 Погреба каменные, 1 этаж, погреба особой конструкции, лед

помещается в цоколе, над ним ледники и вверху чуланы.

№ 80 Дом деревянный, крытый железом, в 2 этажа, на каменном фундаменте, с такими же 2-этажными пристройками, под литерами А В, внутри ватерклозет и водопровод, к дому примыкают деревянное крыльцо и сени – в 2 этажа. Занят жилыми квартирами.

№ 81 Дом деревянный, в 2 этажа, на каменном фундаменте, с такими же пристройками, под литерой a, в 1 этаж и литерой b в 2 этажа, ватерклозет и водопровод, занят жилыми квартирами и отделением школы.

№ 82 Дом деревянный, в 1 этаж, занят жилыми квартирами.

№ 83 Дом деревянный, в 2 этажа, с глухим брандмауером выше крыши, ретирада. Занят помещением возчиков, кучеров, конторой конного двора и квартирой ветеринара.

№ 84 Колесная мастерская каменная, в 1 этаж, с глухим брандмауером выше крыши, со сводом на рельсах.

№ 85 Строение деревянное, в 2 этажа, в первом этаже прачечная и коровники, очаг кирпичный с двумя котлами и плита, в верхнем этаже сушильня для белья, примыкает наружная деревянная лестница и помойка деревянная, крытая железом.

№ 86 Казарма деревянная, частью каменная для рабочих с брандмауером выше крыши, в 2 этажа на фундаменте, устроена с отдельными помещениями и коридором, снаружи обита тесом и окрашена, в ней печи голландские, перегородки дощатые, двери и рамы сосновые, лестницы деревянные, в каменной части устроены общие кухни с большими русскими печами, примыкают деревянные, крытые железом две ретирады, крыльцо деревянное и железные пожарные лестницы.

№ 87 Дом в 2 этажа, нижний этаж каменный, внутри оштукатурен, верх деревянный, снаружи обит тесом и окрашен, внутри оштукатурен, в нем печи голландские, полы сосновые, двери и рамы сосновые крашеные, лестница чугунная, примыкает каменное крыльцо с деревянным балконом. Занят училищем.

№ 88[a] Сарай для экипажей и сбруи, 1 этаж.

№ 88[b] Каретный сарай каменный в 1 этаж к сараю 88[a], имеет глухой брандмауер, в части его за перегородкой помещаются мастерские для экипажей.

№ 88[c] Конюшня каменная, в 1 этаж, с деревянной дверью для лазарета; устроены стойла.

№ 89[a] Каретный сарай каменный в 1 этаж.

№ 89[b] Конюшня деревянная, в 1 этаж, боковыми сторонами примыкает к смежным каменным строениям, устроены стойла и денники.

№ 89[c] Конюшня каменная в 1 этаж, с брандмауерами, имеющими пролеты.

№ 89[d] Конюшня такая же, как под № 89[b].

№ 89[e] Конюшня каменная, в 1 этаж.

№ 90 Кузница каменная, в ней горны кирпичные, пол земляной, в ней станок для ковки лошадей.

№ 90[a] Кладовая для железа, каменная.

№ 91 Строение деревянное, в 1 этаж, в нем устроены 2 железных бассейна для разборки воды.

№ 92 и 94 Погреба каменные в 2 этажа, такого же типа, как и погреба № 79, в них – чуланы для рабочих, ходы во вторые этажи с наружных железных лестниц, погреба

№ 94 разделены глухими брандмауерами на 6 равных частей.

№ 93 строение каменное крытое железом в 2 и частью в 1 этаж с каменными карнизами, внутри оштукатурено, предназначено для чайной рабочих и залом для спектаклей со сценой, отопление строения паровое, освещение электрическое, коридоры и лестницы под сводами, полы в них и в чайной из цементных плиток, зрительный зал в 2 света с хорами, поддерживаемыми чугунными колоннами с деревянной штукатурной обшивкой, пол сосновый штучный, сцена с трюмом и подъемными декорациями, при ней устроены уборные комнаты, во всем строении оконные

рамы и двери сосновые крашеные, подоконники цементные, лестницы каменные и на сцене железные, устроены ватерклозет и водопровод, под частью строений в цоколе подвалы со сводами и помещение котла для отопления, устроены запасные выходы и железные пожарные лестницы.

№ 95 Строение деревянное, в 1 этаж, стены оштукатурены, двери и рамы сосновые крашеные, потолки деревянные оштукатуренные, большая часть полов цементные и только частью деревянные, печи голландские, изразчатые, проведена вода. Занят амбулаторией.

№ 96 в перечне отсутствует.

№ 97[а] Больница деревянная, крытая железом, в 2 этажа, на каменном фундаменте, с такими же двухэтажными пристройками и двумя поперечными брандмауерами выше крыши, из коих один глухой, другой с железной дверью в нижнем этаже, снаружи обита тесом и окрашена, внутри оштукатурена, карнизы и оконные наличники с резными украшениями, печи голландские и частью с каминами и частью уттермарковские, лестницы чугунные, полы сосновые крашеные, потолки на рельсах и чугунных колоннах, двери и рамы сосновые крашеные, в пристройках устроены ватерклозеты, ванны и души с водопроводом, к ней примыкают деревянные крытые железом в один этаж, коридор в кухню № 99, два крыльца и деревянная пристройка в 2 этажа для чугунной лестницы.

№ 98 Часовня для умерших – каменная, в 1 этаж, внутри оштукатурена, полы сосновые, двери и рамы сосновые крашеные, тут же находится комната для анатомических вскрытий с печью, потолок над часовней сведен куполом, примыкают 2 крыльца.

№ 99 Строение в 2 этажа, нижний этаж каменный со сводом, на рельсах, верхний – деревянный, в 1 этаже кухня для больницы, внутри оштукатурена, в ней печь русская и очаг с кубом и плитой, пол бетонный, во втором этаже жилое помещение, печи русские и голландские, полы сосновые, двери и рамы во всем строении сосновые крашеные, лестница каменная, устроены ватерклозет и водопровод, примыкают 2 крыльца.

№ 100 Прачечная для больницы каменная, в 2 этажа, первый этаж со сводами, на рельсах, внутри оштукатурена, пол бетонный, в ней кирпичный очаг с 3 котлами и плитами, двери и рамы сосновые, проведена вода, во втором этаже сушильня белья, примыкает крытое крыльцо с деревянной лестницей.

№ 101 Дом деревянный, крытый железом, в 2 этажа, на фундаменте, с такой же пристройкой, под литерой а, в 1 этаж, снаружи обит тесом и окрашен, на масле, комнаты оклеены обоями, печи голландские и русские с плитой, полы сосновые, двери и рамы сосновые крашеные, примыкает деревянная крытая железом в этаж рядения до ситценабивного производства." 50-60-х гг.,пенного оболудования и митериалов на 170,52 этажа галерея с лестницами и чуланами и 2 крыльца. Занят жилыми помещениями служащих и богадельней.

№ 102 и 103 Амбары для хлопка и готового товара – каменные, в 1 этаж, с поперечными глухими брандмауерами, выше крыши, лицевая стена между каменных столбов забрана деревом и имеет двери деревянные, полы и рамы сосновые.

№ 104 Навес крытый на деревянных столбах, имеющий две каменные стены; в первой половине временная столярная и плотничная мастерская с русской печью, во втором отделении погреба и кладовые.

№ 105 Строение каменное в 2 этажа со сводами на рельсах, с печами. Занято: первый этаж – столярными и кровельными мастерскими, второй – жилым помещением для возчиков.

№ 105с Сарай каменный, высотой равный 2^{м} этажам, с брандмауерами выше крыши, разделен на 2 яруса, в первом экипажи, в верхнем – склад зимних рам изо всех домов и казарм.

№ 106 Кладовая каменная, в один этаж, примыкают каменные кладовые десятников.

№ 107 Строение в 2 этажа, нижний этаж каменный, верхний деревянный, от смежных строений отделено глухими брандмауерами, в

нижнем этаже амбар для овса и малярная для экипажей, в части его, под сводом, устроена сушильня лесных материалов с топками из строения № 105 с железными трубами; во втором этаже спальни возчиков, печи уттермаркские и русская с кубом; примыкает каменная крытая ретирада с сенями.

№ 108 Коровник деревянный, стены забраны в каменные столбы, середина крыши возвышена для верхнего освещения, устроены стойла с яслями.

№ 109 Погреб деревянный.

№ 110 Погреб деревянный.

№ 111б. б. Строение деревянное, в 2 этажа, в нижнем этаже сорки и помойки, вверху сушилка для белья.

№ 111а Погреб деревянный.

№ 112 Погреб деревянный, при нем такой же навес и лестница на чердак.

№ 113 Сарай деревянный.

№ 114 Погреба деревянные.

№ 115 Погреб деревянный, над ним сушильня белья.

№ 116 Строение деревянное, в 1 этаж, в нем прачечная при хозяйском доме и помещение для прислуги, печи голландские и очаг с котлами.

№ 117 Забор вокруг всей фабрики, большей частью забранный в каменные столбы и ворота деревянные и железные в каменных столбах.

№ 118, 119 в перечне отсутствуют.

№ 120 Строение в 2 этажа, низ каменный, верх деревянный с каменной двухэтажной пристройкой, под литерой а, деревянные стены снаружи обиты тесом и окрашены на масле, на каменной части окна и простенки обтянуты штукатурными наличниками и пилястрами, внутри стены и потолки оштукатурены и окрашены, полы сосновые, двери и рамы сосновые крашеные, ватерклозет с проведенною водой, в нижнем этаже ванны с водопроводом, печь духовая, в кухне русская с котлом и плитою, лестница

чугунная, полы в коридоре 2го этажа бетонные на рельсах, примыкает деревянный тамбур, каменное крыльцо и деревянная пожарная лестница. Занято приютом и колыбельной.

№ 121 Амбар для готового товара каменный, в 1 этаж, с брандмауерами, примыкает холодная сторожка.

№ 122 Казарма рабочих каменная, в три этажа, с такой же пристройкой для кухни, наружные карнизы каменные, во всех 3 этажах в длину всего строения коридор под кирпичными сводами с асфальтовыми полами, все 3 этажа с асфальтовыми полами, в первом и втором этажах кухни со сводами на рельсах, в третьем этаже столовая малолетних рабочих со сводами на рельсах, казарма внутри оштукатурена, двери и рамы сосновые крашеные, лестницы чугунные, отопление водяное с калориферами, котлы помещаются в цоколе под сводами на рельсах, а в кухне две большие печи в 16 очелков, топка в цоколе, в двух местах устроены ретирады; в общих спальнях второго и третьего этажей нары в 2 яруса, примыкают 2 каменных крыльца под сводами с балконом.

№ 123 Погреба деревянные.

№ 124 Сараи деревянные в 1 этаж, заняты каменным и древесным углем, тарой и разными материалами.

№ 125 и 126 Коровники деревянные, над ними под крышей сеновалы, примыкают деревянные птичники.

№ 127 Навес для лесных материалов.

№ 128 Дом деревянный в 2 этажа, на каменном фундаменте, печи голландские и русские, полы дощатые, лестницы деревянные, устроена ретирада. Занят квартирами служащих.

№ 129 в перечне отсутствует.

№ 130 Деревянная настилка между рельсовыми путями при хлопковом и товарном амбарах.

№ 131 Навес при хлопковом амбаре на деревянных столбах. Занят складом товара.

№ 132 и 133 Погреба каменные, устроены так, что в цокольное помещение кладется лед, в первом этаже ледники, во втором этаже и на чердаке под крышей чуланы, накаты деревянные.

№ 134 Дощатые птичник и сарай.

№ 135 Коровники дощатые, с сеновалами под крышей.

№ 136 Строение каменное, в 2 этажа. Первый этаж со сводами на рельсах, с асфальтовым полом, занят прачечной, печь кирпичная с двумя котлами и железная плита, вверху сушильня для белья, вместо окон сделаны деревянные жалюзи, пол дощатый. Примыкают крыльцо, ретирада.

№ 137 Строение деревянное, в 1 этаж, устроено на сваях, в нем очистка загрязненной воды посредством извести и купороса, для сего устроено 4 ящика и 1 железный чан, вместо потолка подшивка по стропилам, отапливается паром.

№ 138 Сарай для вещей прядильной фабрики, деревянный, с такой же пристройкой для орешков.

№ 139 Навес деревянный.

№ 140 Сарай (застрахован с ситцевой фабрикой).

№ 141, 142 в перечне отсутствуют.

№ 143 Сараи деревянные.

№ 144 Сторожка деревянная, с голландской печью.

№ 145 Заборы и ворота дощатые в деревянных столбах за р. Тьмакою, вокруг бывших усадеб Орлова, Сургина и Кокошкина и около новой бани; к ним причисляются деревянные, крытые деревом, под литерой а ретирада и под литерой в будка для сторожа.

№ 146 Баня каменная, в 1 этаж, со сводами на рельсах, внутри оштукатурена, полы асфальтовые, отапливается голландскими печами с каменками и паром, за каменной стеной находятся паровой котел, полки, лавки, двери и рамы крашеные, примыкают 2 каменные крыльца.

№ 147 Флигель для служащих деревянный, в 1 этаж, на каменных столбах, снаружи обит тесом и окрашен, печи голландские и русские,

примыкают деревянное крыльцо и ретирады.

№ 148 Погреба деревянные.

№ 149 Коровники деревянные с сеновалами.

№ 150[a] Собачник деревянный.

№ 151 Дом каменный, в 2 этажа, внутри оштукатурен, в нем отопление голландскими печами, полы, двери и рамы сосновые крашеные, лестницы чугунная и деревянная, устроены ватерклозет и водопровод с кранами. Занят родильным отделением и квартирами служащих.

№ 152 Дом для служащих каменный в 2 этажа, внутри оштукатурен, отопление голландское, лестницы чугунные, на чердаке деревянная, полы, двери и рамы сосновые крашеные, есть ватерклозет и водопровод.

№ 152а Пристройка в 2 этажа, нижний этаж каменный, верх – деревянный, занята кухнями, прачечными, коридором и жилыми комнатами, печи русские с плитами, очаги с котлами и голландские, полы дощатые и асфальтовые, лестница каменная, в цоколе погреба и кладовые.

№ 153 Временный барак для рабочих деревянный, стены в каменных столбах, разделен глухим брандмауером на две половины; в нем печи уттермарковские и печь кашеварная.

№ 154 Погреб деревянный.

№ 155 Деревянная кладовая для садовых инструментов.

№ 156 Казарма рабочих каменная, в 3 этажа, с каменными карнизами и брандмауерами, имеющими во всех этажах пролеты, внутри оштукатурена, отопление водяное от двух котлов, находится в подвале под сводами, устроена с отдельными помещениями для семейных, потолки и полы деревянные, коридоры и кухни и боковые части, где лестницы и калориферы со сводами и асфальтовыми полами, лестницы чугунные, двери и рамы сосновые крашеные, устроены клозеты особой конструкции, в кухнях печи кашеварные особой системы в несколько очелков с общей топкой.

№ 157 Дом для служащих деревянный, в 2 этажа, на каменном фундаменте, в нем печи русские и уттермаркские, полы дощатые, двери и

рамы сосновые, примыкает галерея с деревянной лестницей и ретирадами.

№ 158 Флигель деревянный, крытый деревом, в 2 этажа с комнатой под крышей, печи русские, полы дощатые, примыкает галерея с деревянной лестницей. Занят квартирами служащих.

№ 159 Сарайчики деревянные, крытые тесом.

№ 160 Дом для служащих деревянный, крытый железом, в один этаж, с мезонином, на каменном жилом цоколе, печи русские и уттермаркские, полы дощатые, примыкают 2 галереи.

№ 161 Сарай и погреб деревянные, крытые деревом, причисляются такие же, под литерой а – погреб.

№ 162 Дом деревянный, в один этаж, на каменном жилом подвальном этаже, снаружи обит тесом, в нем печи русские и голландские. Занят квартирами служащих.

№ 163 в перечне отсутствует.

№ 164 Флигель деревянный, крытый деревом, в 1 этаж, в нем печи русские и уттермаркские, примыкают сени с ретирадой. Занят квартирами служащих.

№ 165, 166 в перечне отсутствуют.

№ 167 Дом деревянный в 2 этажа на каменном фундаменте, в нем печи русские и уттермаркские. Занят квартирами служащих.

№ 168 Погреба деревянные.

№ 169 Надворное строение, деревянное, крытое деревом.

№ 170, 171, 172, 173, Флигеля деревянные, в 1 этаж, печи русские и голландские, комнаты оклеены обоями. Занят квартирами служащих.

№ 174 Сарай для хранения запасных материалов, деревянный, в 1 этаж.

№ 175 Дом для служащих, деревянный, в 1 этаж, на каменном фундаменте, снаружи обит тесом, внутри оштукатурен, печи голландские и русские.

№ 176 Сарай для пожарных инструментов, деревянный.

№ 177 Сарай а этаж рядения до ситценабивного производства." 50-60-х

гг., пенного оболудования и митериалов на 170,52 этажа галерея с лестницами и чуланами и 2 крыльца. Занят жилыми помещениями служащих и богадельней склад древесного угля, b – конюшня и помещение для экипажей, деревянные.

№ 178 Сарай для сена деревянный.

№ 179 Навес при хлопковом амбаре на деревянных столбах.

№ 180 Навес при хлопковом амбаре на деревянных столбах.

№ 181 Строение деревянное, коровник и птичник.

№ 182 Погреба деревянные.

Все строения крыты железом.

По всему двору фабрики устроены водопроводы с гидрантами и пожарными кранами.

Вновь выстроенные строения[88]:

№ 96 Амбар готового товара каменный, в 1 этаж.

№ 53 Погреба деревянные.

№ 129 Вновь строящийся деревянный жилой дом.

№ 141 Службы к дому № 129 деревянные.

Дом под № 1 сломан, при доме № 10 сделана деревянная 2-этажная пристройка».

Городок «Товарищества Тверской мануфактуры бумажных изделий» (Морозовский городок)[89]:

«Один из наиболее интересных прифабричных комплексов Центральной России рубежа XIX-XX вв., который выделяется своими значительными размерами и незаурядной архитектурой многих зданий. Расположен в юго-западной части города на обширной ровной территории, пересекаемой в северной части речкой Тьмакой и ограниченной с севера проспектом Калинина, с запада этаж рядения до ситценабивного производства." 50-60-х гг.,пенного оболудования и митериалов на 170,52 этажа галерея с лестницами и чуланами и 2 крыльца. Занят жилыми помещениями служащих и богадельней железнодорожной веткой. Комплекс

городка, включающий жилые, общественные и промышленные здания, а также многочисленные хозяйственные постройки, насчитывает более пятидесяти сооружений.

[...] Попечением В.А. Морозовой при фабрике был открыт целый ряд благотворительных общественных заведений: больница, родильный приют, аптека, "санатория", приют для сирот, ясли, богадельня, убежище для хроников, дом призрения, училище, школа рукоделия, библиотека.

Из трех сыновей В.А. Морозовой склонность к предпринимательству проявил Иван Абрамович... который... в 1890-х гг. переселился в Тверь и принял на себя управление Товариществом. При нем в 1890-1900-х гг. продолжилось возведение многоэтажных кирпичных казарм для рабочих и общественных зданий. Значительным событием стало строительство в 1898-1900 гг. по проекту архитектора В.К. Терского Народного театра, который сначала назывался "чайная и зал для спектаклей".

В 1880-1890-х гг. Тверская мануфактура по объему производства стала одной из крупнейших в России, ее изделия продавались в Москве, на Нижегородской, Ирбитской и Урюпинской ярмарках, на Кавказе, в Крыму, Сибири, Средней Азии. В эти годы осуществлялась значительная модернизация и расширение производства, в конце 1890-х гг. началось возведение на новой территории, на левом берегу Тьмаки, новой ткацкой фабрики (завершена в 1914 г.), тогда как на старом месте остались прядильное и ситцевое производства. Со второй половины 1890-х гг. эти работы возглавил талантливый инженер и известный общественный деятель Н.Н. Алянчиков, в 1896 г. назначенный директором Тверской мануфактуры (ранее он был директором Никольской мануфактуры фирмы "Саввы Морозова Сын и К"). В 1902 г. многие сооружения фабрики пострадали от сильного пожара. Восстановление предприятия и строительство новых цехов проводились в 1902–1903 гг. по проекту инженера-архитектора фабрики А. Саламбекова. Им же в эти годы построен ряд деревянных общественных зданий в городке для рабочих – в частности, амбулатория (ныне аптека). К

1904 г. общий капитал Товарищества составил 3 млн рублей.

Несмотря на сравнительно хорошие условия труда и жизни рабочих в конце 1890-х гг. на Тверской мануфактуре развернулось революционное движение, вылившееся в крупные забастовки (три в 1897 г., две в 1899 г.). В 1905 г. в здании театра стали проходить собрания Совета рабочих депутатов. После выступлений рабочих театр и библиотека были закрыты, помещение чайной отдано под архив конторы. В 1910-х гг. И.А. Морозов продолжал развитие производства, строительство прифабричных жилых и общественных сооружений. В 1910 г. был принят план по расширению всех благотворительных заведений мануфактуры. Наивысшей точки развития Тверская мануфактура, как и другие текстильные предприятия страны, достигла в годы Первой мировой войны. К 1915 г. на фабриках Товарищества действовало 158 512 прядильных и 10 010 крутильных веретен, 4020 механических ткацких станков. Число рабочих достигло 14 000. В результате выполнения военных заказов прибыли предприятия в 1916 г. превысили 9 млн рублей.

[...] Одновременно с развитием фабричного производственного комплекса Тверской мануфактуры в 1860–1910-х гг. сложилась застройка городка для рабочих, число которых постоянно возрастало (с 1.6 тыс. чел. в 1865 г. до 5 тыс. чел. в 1880-е гг. и 14 тыс. чел. в середине 1910-х гг.). Корпуса трех-пятиэтажных казарм и хозяйственные постройки возводились из красного кирпича, произведенного на собственном заводе Товарищества (открытом в 1859 г. в деревне Рябьево Никулинской волости Тверской губернии) и имевшего клеймо М.К. (морозовский кирпич). Часть общественных зданий строилась из дерева.

[...] Стилистически и композиционно менее однородную группу образуют общественные и хозяйственные сооружения Морозовского городка. Первыми в этом ряду в 1870–1890-х гг. в разных частях городка были построены кирпичные хозяйственные одно-двухэтажные сооружения... (пожарное депо и конюшни, склады, амбар, погреба и склад) со скромным

фасадным декором, близким убранству первых казарм...

Одна из наиболее интересных построек комплекса – Народный театр, 1898–1900-х гг., архитектор В.К. Терский – редкий пример специального театрального здания рубежа XIX-XX вв., возведенного в рабочем городке. О высоком уровне его технической оснащенности свидетельствует страховая опись, составленная вскоре после открытия театра в январе 1900 г. Отопление паровое, освещение электрическое, полы из цементных плит, зрительный зал в два света с хорами, поддерживаемыми чугунными колоннами с деревянной оштукатуренной обшивкой, пол сосновый штучный. Сцена с трюмом и подъемником для декораций, под ней устроены уборные комнаты для артистов».

Затьмачье

«Техническое училище (Смоленский пер. 1, корп. 1-2)

Основано в 1877 г. как ремесленное училище благотворительного общества "Доброхотная копейка". С 1898 г. – школа ремесленных учеников, в 1909–1919 гг. – низшее техническое училище. Существующий ансамбль создан на средства фабриканта И.А. Морозова и инженера-механика А.Н. Коняева: учебный корпус в 1898–1900 гг. по проекту арх. А.П. Федорова, жилой дом для преподавателей в 1908 г. по проекту А.Н. Коняева, учебные мастерские в начале XX в. Три кирпичных здания формируют пространство обширного двора, по сторонам которого на красную линию переулка выходят учебный корпус и дом для преподавателей, а в глубине расположены учебные мастерские».

Тверской мануфактуре принадлежало имение Поповка, местоположение которого до последнего времени вызывало споры и разночтения и только благодаря научным изысканиям В.Н. Асеева (Тверь) было определено абсолютно точно. Именно это обстоятельство – впервые публикуемые интереснейшие находки (архивные документы и результат работы на местности) – позволило составителям монографии отвести истории Поповки так много места на страницах книги.

Планы, вводный акт и купчая. Роща № 12, Поповская.

Купчая крепость и Вводный лист. Рукописная копия № 198, 1874 г., 5 ноября[90]

«Судебный пристав Тверского окружного суда Фелициан Руткевич на основании определения того же суда, состоявшегося 13.09.1874, изложенном в исполнительном листе от 25.09.1874 за № 2857, ввел во владение Товарищество Тверской Мануфактуры недвижимым имением, состоящим в Тверском уезде:

1) при селе Андреевском деревни Шернове и новопоселенном сельце, называемом «Сельце» с пустошью Новгородово и заключающемся в земле в количестве тысячи шестисот тридцати семи десятин с саженями, более или менее, сколько таковых окажется, со всеми на оной угодьями, лесами, водами и строениями,

2) при селе Андреевском в пустошах Сенцово и Хлебочево, а по геометрическим специальным планам пустошью Сенцовой и первой частью пустоши Хлебочевой, в количестве шестидесяти трех десятин тысячи шестисот сорока сажен земли, более или менее, сколько таковой окажется, приобретенным Товариществом от Потомственных Почетных граждан Николая, Василия и Алексея Васильевых Поповых по купчей крепости, совершенной и. д. Тверского Нотариуса Жуковского г. Плетневым 25.06.1874 и утвержденной старшим Нотариусом Тверского окружного суда 12.06. с. г., выпись № 659. Означенное имение во владение принял поверенный Товарищества Тверской мануфактуры Ученый Управитель Михаил Афонасьевич Савельев.

При вводе свидетелями были: крестьяне Тверского уезда деревни Путилова Вукол Антонов и Никита Гаврилов (неграмотные), Антон Евсеев; села Андреевского Степан Яковлев, Филипп Гаврилов (неграмотные), Иван Тимофеев, Никифор Назаров, и деревни Шернева Фатей Захаров, Иван Федоров и Сергей Петров, а по безграмотству их и личной просьбе расписался крестьянин той же деревни Анисим Григорьев.

Ввод во владение совершил и. д. Судебного Пристава Ф. Руткевич. (м. п.)»

Письмо Управляющего имением « Поповка» И. Дашкова Абраму Абрамовичу Морозову от 6 сентября 1879 года на бланке с типографским штампом

«*Поповского имения Товарищества Тверской Мануфактуры*»[91]

«Когда я поступил к Вам на должность, Вы мне изволили назначить жалованье в 1000 рублей в год, затем 8 июля, когда Вы изволили быть в Поповском имении с Варварой Алексеевной, Вы при отъезде из имения назначили мне вместо тысячи рублей тысячу двести рублей, но на фабрике в конторе, вероятно, об этом не знали и вчера вписали мне в книжечку (до сего времени в книжечке жалованье не было назначено) жалованье 85 рублей в месяц. Рассчитывая, что со стороны конторы это сделано по незнанию, я осмеливаюсь покорнейше просить Вас сообщить конторе назначенное мне Вами лично жалованье в сто рублей в месяц.

В Вашем доме с балкона драпировка снята, и окна и двери все закрыты щитами, снята также парусина и с балкона старого дома. Лес для скотного двора из Селижарова получен. В имении все, слава Богу, благополучно.

С истинным уважением и преданностью пребываю покорный слуга Ваш. И. Дашков».

В левом верхнем углу документа имеется роспись синим карандашом, предположительно А.А. Морозова.

«Счет-квитанция № 9639 и полис Правления Коммерческого страхового от огня общества, С.-Петербург, 5 июня 1874 г.[92]

Г.г. Потомственным Почетным гражданам Василию, Николаю и Алексею Васильевичам Поповым за застрахование оцененного имущества имения в 12 248 рублей серебром, согласно Заявлению страхователя суммою 10 000 рублей по полису № 39281 на срок с 8 июня 1874 по 8 июня 1875, полагается оплата страховой премии 121 рубль.

На подлиннике полиса № 39281 от 8 июня 1874 г. имеется состав и стоимости 16 составных частей страхуемого братьями Поповыми имущества, «находящегося в 24 верстах от Твери на берегу реки Волги Тверской губернии и уезда»:

№ п. п.	Рубли Серебром	Литера строения по плану	Назначение строения
1	2800	А	Дом деревянный, крытый тесом
2	100	Б	Дом деревянный, крытый тесом
3	160	В	Подвал деревянный
4	1000	Г	Людская деревянная, крытая тесом
5	600	Д	Службы деревянные, крытые тесом
6	900	Е	Амбар деревянный, крытый тесом
7	1000	Ж	Службы деревянные, крытые тесом
8	150	З	Баня деревянная, крытая тесом
9	170	И	Баня (вторая) деревянная, крытая тесом
10.	150	Л	Погреб деревянный, крытый тесом
11.	400	М	Изба деревянная, крытая тесом
12.	80	Н	Погреб деревянный, крытый тесом
13.	1300	О	Скотный двор деревянный, крытый тесом и соломой
14.	400	Р	Флигель деревянный, крытый тесом
15.	40	С	Кузница деревянная, крытая тесом
16.	750	Т	Ветряная деревянная мельница.
Итого: 10 000.			

Братья Поповы до продажи имения в предыдущих 1873–1874 гг. страховали его имущество по 3 позициям на сумму 700 рублей, как это следует из полиса № 134248 с 23 октября 1873 по 23 сентября 1874 г.

Московского Страхового от огня общества, с оплатой премии 17 руб. 50 коп., пошлины 5 коп. и портового сбора 50 коп.[93]

«Товариществу Тверской Мануфактуры выдано страховой возобновительное свидетельство № 745198 от 10 ноября 1888 г. по полису № 1035372 Российского Страхового от огня общества в Москве на имущество имения «Сельцо» Тверской губернии и уезда, стоимостью 18 000 рублей. За страхование взыскана премия 113 руб. 40 коп., пошлина 13 руб. 50 коп., гербовый сбор 80 коп.»[94]

Примечание. Прежние владельцы имения братья Поповы занижали страховую сумму более чем в 10 раз. Новые хозяева имения Морозовы, ориентируясь на рыночную оценку стоимости 12 248 руб., установили стоимость имения 18 000 руб. и придерживались этой оценки, по крайней мере, с 1875 до 1890 г., как это следует из документов рассматриваемого дела.

«Товарищество Тверской мануфактуры»[95]

Межевая книга, роща № 12 Поповская Товарищества Тверской мануфактуры

«1879 года мая 30-го дня по Высочайшему указу… утверждена межа и сочинена сия межевая книга Ржевским уездным землемером Вяхиревым на участке Тверской губернии Тверского уезда под названием сельца Сельце с пустошами, владение Потомственных Почетных граждан Василия, Николая и Алексея Васильевых Поповых, вымежеванная по указу Тверского Губернского управления и ремарок Межевой Канцелярии из дачи сельца Деревягино с сельцом Сельцом, деревнями Шернево, Змеево и Остров и пустошами Могильник, Савкино, что были деревни, Круглое другое Круглое, Волково, Ильинское, Новинка, Большой Бор, Лузгина, Глинкова, Чигранева тож, Сухарево, Горки, Колодезь, Стеблово, Баскакова, Щетягино, Давыдково, Воронцово и Сухарево. Начало межи взято от смежной межи села Казанского, Хвостово тож, с деревнями и пустошами от межевого столба с признаками, поставленного на правом беоегу реки Волги, расстоянием от нее

в 15 саженях, пред которым вырыты две межевые ямы, одна в правой стороне по меже села Казанского, Хвостова тож, с деревнями и пустошами, а другая вперед по меже... а отсюда окружная межа обойдена следующими линиями на специальном плане». Далее следует описание межи 134 линиями (отрезками) с обозначением каждого поворотного пункта и соседних владений. Всего удобной и неудобной земли в круговой меже 1923 дес. 143 кв. саж., в том числе удобной земли 1800 дес. 2078 саж.

«В поселении состоят сельцо Сельцо и деревня Шернево, в коих состоит по последней десятой ревизии в первом – господский дом со службами, и во второй – мужеского пола 103 души».

Роща № 10 Апаринская. План частный № 5 на три участка земли деревни «Апариной» на 157 дес. 161 кв. саж. Масштаб в одном английском дюйме 100 саж. Размер плана 60´80 см^2.

Роща № 10 Апаринская была приобретена у надворного советника Николая Артемьевича Хвостова, сына Артемия Николаевича Хвостова, бывшего владельца села Хвостово (Казанское).

Участок рощи № 10 Апаринская расположен по правому берегу реки Волги от потока Красновского впадает в Волгу (ниже деревни Красново) под названием участок Б и участок А, расположенный под деревней Апариной до села Мигалово, также по правому берегу реки Волги.[96]

Роща № 12 Поповская.[97] План частный № 4 на пустоши дачи «Сельца», принадлежащей Товариществу Тверской мануфактуры, 1874 г. На плане в масштабе (в одном английском дюйме 100 сажен) нанесены 6 пустошей:

№	Название	Всего земли, дес[ятин]	В том числе дес[ятин] лесу	В том числе дес[ятин] пашни
1.	Пустошь Новгородова	33	32	0
2.	Пустошь Щетягино	145	63	13
3.	Пустошь Шернева	110	24	40

4.	Пустошь Андреевская	12	10	0
5.	Пустошь Хлебочева	22	0	0
6.	Пустошь Сенцова	42	15	7
7.	ИТОГО:	364	144	60

План хозяйственной съемки Тверской губернии и уезда Кумординской волости под названием первой пустоши «Острова» рощи № 12 Поповская на 284,97 дес. Товарищества Тверской мануфактуры. Съемки 1891 г., август месяц, по натуральному показанию магнитной стрелки.

Участок расположен напротив имения Поповка на правом берегу Волги с протяженностью в сторону деревни Путилова.[98]

Хозяйственный план пустошей сельца «Попова» под названием Новгородово, Хлебачева и Щетягина Товарищества Тверской мануфактуры на 325,45 дес.[99]

Роща № 12 Поповская.[100] План частный № 10, участок дачи «сельцо Сельцо» на 1213 дес. 25 кв. саж. Снято в 1889 г. по натуральному показанию магнитной стрелки.

Имение Поповская роща на западе ограничивается речкой Избрижка, за Избрижкой до деревни Шернева имению принадлежит пустошь Сенцова. На севере за сосновым бором расположено болото Ульяниха, в южной части принадлежащее Поповке, а в северной – крестьянам деревни Змеево. Начиная от северной границы имения у устья ручья Менский между Хвастово и Поповкой, вдоль Волги и на 2 версты вглубь леса в направлении Шернева встречаются участки сосны на высоких местах в возрасте до 100 лет, окруженные участками молодого леса в возрасте 35-45 лет.

На плане можно различить более десяти строений «Новопоселенного сельца Сельцо» со спуском к пристани, от которой пунктиром обозначен перевоз на правый берег, где находится береговая сторожка, от которой в сторону деревни Марьино указана дорога на Тверь. На расстоянии 350-400 м от новой центральной усадьбы Сельцо обозначена старая усадьба с клумбой и парком перед домом. Эта старая усадьба встречается на некоторых других

планах. Старые липы и березы по обеим сторонам аллеи длиной около 200 м вдоль бичевника и напротив старого усадебного дома можно увидеть еще и сегодня.

Если пользоваться в Поповке перевозом через Волгу, то расстояние от Поповки до фабрики по прибрежной дороге через Марьино, Апарино, Мигалово составляет 22-23 версты, через Марьино, Даниловское – 23-25 верст, водой по Волге до устья реки Тьмаки – 24 версты. Упоминаемые 25 верст от фабрики до Поповки в ряде документов и воспоминаний относятся к «стандартному» для тех времен пути от Тверской ярмарки по Старицкой дороге через Даниловское к волжской переправе на левый берег в местечке Кокошки (800 метров выше устья реки Тьмы) и далее вдоль левого берега через Мухино Городище и Хвастово до Поповки. В зависимости от погоды, состояния дорог и других обстоятельств использовались все возможные варианты «сухопутных» путей сообщения, но гостевой вариант для приезжающих на железнодорожную станцию Тверь предполагал заказ упряжки лошадей на конюшенном дворе фабрики. Она забирала гостя на привокзальной площади, выезжала на Старицкий тракт, в селе Даниловском сворачивала вправо на проселок до деревни Марьино и далее до перевоза на Поповку лодкой. Высокий правый берег в точке переправы (около 10 м) и небольшая ширина реки (около 100 м) позволяли легко вызвать лодочника с левого берега, если только он уже не поджидал гостей в сторожке на правом берегу. Таким путем добирался в Поповку А.П. Чехов, заказавший телеграммой на имя фабрики Товарищества лошадей к поезду в августе 1898 года.

Роща № 12 Поповская Товарищества Тверской мануфактуры. План частный, № 3 на сельцо Андреевское и деревню Шернево, на 645 дес. 520 саж., 1874 г.[101]

Роща № 12 Поповская Товарищества Тверской мануфактуры. Копия плана № 12 сельца «Сельцо» на 1923 дес. 1403 саж., 1905 г. Настоящая копия плана выдана из Тверской губернской чертежной доверенному

Правления Товарищества Тверской мануфактуры Ивану Ивановичу Кузнецову 15 декабря 1905 г. за № 2043.[102]

Инвентарная опись Тверских и Селижаровских рощ фабричной конторы Товарищества Тверской мануфактуры на Пасху 20 апреля 1880 г.[103]

Всего на 20 апреля 1880 г. на балансе числится 47 рощ, в основном вдоль реки Волги, в вечном владении общей стоимостью при покупке 532 598 руб. 74 коп. Суммарная стоимость всех рощ с учетом заготовленных дров и лесных материалов за 6 лет владения составила 555 224 руб. 63 коп. Наряду с рощами в вечном владении на 20 апреля 1880 г. имелись 24 рощи в срочном владении на разные сроки при общей стоимости аренды 108 572 руб. Среди всех рощ 12-я Поповская имела земли 1700 дес. 1649 саж., приобретена была 25 июня 1874 г., единственная имела недвижимость при покупке на 10 000 руб. и вновь построенную – на 17 601 руб. 83 коп. Расходы по Поповке на 1880 г. составили: недвижимость – 20 000 руб., лошади, скот и птица – 779 руб., материалы – 1661руб. 43 коп.

«Инвентарь Поповского имения Товарищества Тверской мануфактуры[104]

1908 г.

Дом Варвары Алексеевны Морозовой

[в приложенном перечне идет перечисление мебели, находившейся в доме]

Дом для приезжающих хозяйский

Хозяйский погреб и сушилка

Кухня при хозяйском доме

На усадьбе

Дом желтый бывший под квартирой управляющего

Кладовые при том же доме

Дом огородника

Дом рабочих

Баня прачечная

При молотилке

При молочной

При скотном дворе

При молочном погребе

При запасном сарае

При оранжерее (5 персиковых деревьев, 1 абрикосовое, 1 сливочное – отправлены в имение А.А. Морозова)

При грунтовом сарае

Каретник при дворе

Сарай с омшаниками (хомуты, уздечки и др.)

Конюшня

Поднавес при омшанике

Дом бывший приют

Контора

Погреб при приюте»

Здания деревянные, были беседки, колодцы, скотный двор, птичник, сторожка на правом берегу Волги, пруд без загородки, парники, сад ягодный, купальня, спуск на Волге на Путиловском берегу, палисад.

В деле находится рукопись внутреннего документа Товарищества Тверской мануфактуры под названием «Описание и оценка строений, принадлежащих Товариществу Тверской мануфактуры и состоящих Тверской губернии и Уезда в 25 верстах от г. Твери в имении «Сельцо» – Поповка, Новинской волости, 8 июля 1914 г.». [105](Документ не имеет подписи. Он готовился, по-видимому, в интересах страхования имущества.) В деле приводится описание строений под литерами А, Б, В, Г… Т, привязанных к плану имения, но сам план в деле отсутствует. Завершается документ оценкой стоимости каждого из строений и суммарной оценкой стоимости имения. Описание строений воспроизводится ниже с сохранением последовательности изложения и орфографии оригинала:

"Строение А. Дом деревянный, крытый железом в один этаж с мезонином на каменном фундаменте, снаружи частью отделан вырезными

украшениями и окрашен на масле; к дому примыкают под литерой А две деревянные крытые железом пристройки, одноэтажные, в них передняя и ватерклозеты, печи голландские, к сим пристройкам примыкают крыльца и под литерой Б – навес на деревянных колоннах, крытый железом с досчатым полом и лестницею для схода в сад. Занят бывает временно, только летом, владельцами.

Строение Б. Строение деревянное, крытое железом, в два этажа, на каменном фундаменте, снаружи нижний этаж обит тесом и все строение окрашено на масле, внутри нижний этаж оштукатурен и занят кухней к дому А. В кухне печь русская с плитой, пол из метлахских плит, верхний этаж занят прислугой, печь унтермарковская, пол дощатый, двери и рамы во всем строении сосновые крашеные. Примыкают деревянные крытые железом сени с деревянной лестницей во второй этаж.

Строение В. Строение деревянное, крытое железом в один этаж, с помещением для сушки белья под крышею в виде мансард, с окнами жалюзи, снаружи все строение окрашено, пол в нем дощатый, двери и рамы крашеные, под всем строением устроен каменный нежилой подвал, перекрытый сводами по рельсам. В нем кладовая провизии и погреб.

Строение Г. Дом деревянный, крытый железом, в один этаж, на каменном фундаменте, снаружи окрашен, в нем печи голландские, полы паркетные сосновые, крашеные двери и рамы сосновые. К дому примыкают деревянные крытые железом терраса и крыльцо. Занят бывает только летом владельцами под жилые комнаты.

Строение Д. Скотный двор, стены коего деревянные в каменных столбах, крыт деревом, в нем устроены стойла для скота, потолок деревянный.

Строение Е. Дом деревянный, крытый железом, в один этаж с мезонином, на фундаменте, снаружи окрашен, внутри оштукатурен, в нем печь русская с плитой и голландские; полы, двери и оконные рамы сосновые крашеные, лестницы деревянные. Примыкают деревянные и крытые железом

терраса и двое сеней. Под квартирой лесничего.

Строение Ж. Дом для объездчика деревянный крытый деревом, в один этаж с летними комнатами, под крышей в нем печь русская, полы, двери и рамы сосновые крашеные. Примыкают деревянные крытые деревом сени и ретирада. [Здесь, в строении Ж, и далее, в строении И, имеется в виду упрощенное отхожее место при доме, в отличие от ватерклозетов главного дома.]

Строение З. Контора деревянная, крытая дранью, в один этаж, в ней печь русская и голландские, пол, двери и оконные рамы сосновые крашеные, примыкают крытые дранью сени, в них чуланы и лестница на чердак. Помещение жильем не занято или занято только летом.

Строение И. Изба для рабочих деревянная, крытая дранью, в один этаж. В ней печи русские, полы дощатые, двери и рамы еловые, в передней части строения сени с примыкающей ретирадой.

Строение К. Баня-прачечная деревянная в один этаж; в ней печь кирпичная с каменкой и котлом; пол, двери и лавки сосновые и еловые.

Строение Л. Скотный двор, крытый железом, в один этаж, стены коего деревянные в каменных столбах, пол каменный (мощеный булыжным камнем), потолок деревянный. К нему примыкают две пристройки деревянные крытые железом, в один этаж, под литерой А для помещения рабочих с русской печью пол дощатый, и под литерой Б, тоже для рабочих, в ней кирпичная печь; пол, двери и рамы во всем строении сосновые и еловые.

Строение М. Навес на деревянных столбах, деревом крытый, для хранения сена и соломы.

Строение Н. Сенной сарай деревянный, крытый дранью, в один этаж.

Строение О. Молочная деревянная, крытая дранью, в один этаж, с деревянным, под частью, ясеником для погреба, в ней пол и потолок деревянные.

Строение П. Погреб деревянный в земле крытый дранью.

Строение Р. Амбар деревянный, крытый деревом, в один этаж, в нем

пол и потолок дощатые, устроены закрома для зерна, средняя часть занята кладовой сбруи.

Строение С. Строение деревянное, крытое деревом в один этаж, в нем сарай и, в части, птичник.

Строение Т. Погреб деревянный в земле, крытый деревом".

Ворота, заборы и калитки вокруг строений А, Б, В, Г в деревянных столбах и рамках железных решетчатых (из обручного железа).

Строения все прочны и вместе представляют бывшее сельскохозяйственное имение; заняты бывают временно владельцами; управляющим и работниками (неразбор.) – постоянно.

Оценка строений (в рублях) без фундаментов:

А – 15000

Б – 2000

В – 1000

Г – 5500

Д – 2500

Е – 6000

Ж – 800

З – 1100

И – без цены

К – без цены

Л – 1500

М, Н, О, П, Р, С, Т – без цены.

Итого – 35 400 рублей.

Сравнение обоих описаний позволяет говорить об их совпадении в части существенных строений, отмеченных ненулевой ценой в «тверском» описании. Не менее важным для географической идентификации имения является указание на сторожку и спуск к Волге с правого Путиловского берега. Деревня Путилово (в XIX веке – Путилова) находится на 25 версте от Твери вверх по правому берегу Волги, а имение Поповка – напротив

Путилова. Если говорить точнее, то главный дом имения отстоял примерно на 400 метров вниз по течению от крайних домов деревни Путилово. Переправа была жизненной необходимостью не только и, может быть, не столько хозяев усадьбы, сколько работного люда, которого в имении Поповка бывало до 20 человек постоянного состава с жильем при имении. «Дом бывший приют» предназначался для размещения не только постоянных, но и сезонных рабочих.

Гостевой дом появился в имении позже главного дома. Правдоподобно говорить о времени после 1891 года, сославшись на воспоминания М.К. Морозовой о доме-лесной даче при первом посещении Поповки (Наше наследие. № 6. 1991. С. 88-109). Приведем фрагмент этого воспоминания, который указывает также на местоположение имения Поповка в соответствии с нашими данными и не позволяет согласиться с точкой зрения о нахождении имения Поповка в 25 верстах ниже Твери по Волге (Кулик В.Н. Да не оскудеет рука дающей. Благотворительная деятельность В.А. Морозовой. Тверь, 2005): «Летом мы часто ездили в именье Поповку, которая находилась в 25 верстах от Твери, вверх по Волге. Поповка не была благоустроенным имением. Это была лесная дача, принадлежащая фабрике. В ней не было хозяина и потому она находилась в некотором упадке. Дом был простой, бревенчатый, внутри обшитый тесом. В доме было всего комнат шесть. Перед домом был небольшой сад, сзади кухня, баня и прачечная. Окружали дом бесконечные леса, которые тянулись на много десятков верст. Когда мы первый раз поехали в Поповку, в год нашей свадьбы, то мы ехали на нашем пароходике «Новинка» и чуть-чуть не утонули». Нет оснований сомневаться в фактических данных из этого высказывания, кроме «многих десятков верст», поскольку сохранившиеся и исчезнувшие соседские деревни отстоят от Поповки не далее 10 верст.

Реконструкция плана центральной усадьбы Поповка (Сельцо) имения Товарищества Тверской Мануфактуры под названием «Роща № 12-й Поповская», составленная с учетом планов 1861 и 1874 г. на основе

настоящего описания и осмотра на месте остатков усадьбы, представлена на рисунке.

К остаткам и характерным признакам усадьбы, по состоянию на 01.01.2006 г., относятся:

– часть фундаментов главного дома, на которых в 1954 г. был сооружен кирпичный дачный дом (по местной легенде – для генерала, участника Великой Отечественной войны). Позже этот дом был предоставлен для проживания лесничему с семьей, а сейчас необитаем и заброшен;

– пруд прямоугольной формы, размером около 30 х 60 м, между главным домом усадьбы и рекой Волгой слева от дороги, ведущей от дома к реке;

– прямоугольная, не заросшая лесом и кустарником площадка, ранее вмещавшая огороженные строения А, Б, В, Г хозяев усадьбы по описанию 1914 г., на которой были расположены главный дом А, кухонный дом Б с верхним этажом для прислуги, провиантский дом В с мансардой для сушки белья и гостевой дом Г;

– следы прежней береговой дороги в сторону соседних селений Шернево и Хвастово, ранее проходившей между главным домом и прудом; часть дороги от главного дома в сторону Шернево обрамлена липами и соснами примерно 100-летнего возраста; в настоящее время прежняя береговая дорога не используется и зарастает мелколесьем, а бывшая объездная, или задняя, дорога, огибающая усадьбу с запада, является единственной проезжей дорогой;

– на месте бывших хозяйственных построек, жилья лесничего и объездчика – четыре садово-огородных участка дачного типа; можно увидеть местами использование старых строительных материалов при устройстве фундаментов;

– след «Морозовской канавы», которая отмечалась практически на всех крупномасштабных картах, изданных в XX веке, в том числе в последнем подробном атласе "Тверская область". М., 2002. С. 187 (масштаб – в 1 см 1

км). Эта канава начинается практически от юго-западного угла усадьбы Поповка, около 500 метров идет в западном направлении, начинаясь справа от Шерневской дороги, затем делает резкий поворот на северо-запад в сторону деревни Гильнево, и, проходя через урочище Зыковское, приближается к асфальтированной ныне дороге между деревнями Гильнево и Змеево на расстоянии около 1 км вдоль дороги юго-западнее Гильнево. Расположение канавы и угол поворота около 120 градусов соответствуют границе Морозовских владений на плане 1874 г.[106] в пределах дачи № 567 по плану Генерального межевания;

– наименование «Поповка» (каких только в Тверском уезде XX века не менее четырех), которое употребляется для обозначения как всего Морозовского имения, так и его центральной усадьбы, в документах и мемуарах периода 1874-1930 гг. Около домика лесника, примерно в 300 метрах по дороге в сторону Хвастово, на территории бывших хозяйственных служб имения Поповка, возник и существует сейчас поселок Чапаевка из четырех небольших хозяйств. Название Чапаевка вместо неблагозвучной по тем временам Поповки прижилось после предвоенных съемок кинофильма «Чапаев», в которых река Волга и ее берега около Поповки и Моркина Городища заменяли реку Урал. Съемки «высокого уральского берега, до которого не удалось доплыть Чапаеву», происходили в одном из красивейших мест ближнего тверского Верхневолжья, которое находится в 300 метрах выше села Моркино Городище по правому берегу реки Волги. Это традиционное место «гулянья над Волгой» местного и приезжего люда. Называлось оно раньше и называется сейчас Красная горка и, без сомнения, это название было известно В.А. Морозовой. Но сейчас бытует на равных и другое наименование – Чапаевская горка. Именно об этом волжском месте близ Поповки вспоминала М.К. Морозова в связи с Борисом Бугаевым – Андреем Белым[107]. «В начале 1904 г., после смерти моего мужа, мы всей семьей, с моей сестрой и детьми, уехали на целый год в Швейцарию, откуда вернулись весной 1905 года». И далее: «Я его [А. Белого, весной 1905 г.]

пригласила к нам в деревню, в Поповку, находившуюся на Волге, в 25 верстах от Твери, куда мы вскоре уехали. В начале июля он приехал к нам в Поповку на несколько дней. Тут мы много гуляли по окружающим Поповку дремучим лесам, устроили пикник в селе Моркино-Городище, находившееся от нас верстах в 10, на очень высокой горе над Волгой, откуда открылся бесконечный простор, грандиозный вид на извилины Волги и кое-где белевшие далекие церкви. Поехали мы большой компанией на лодках, со всеми детьми, и там жгли костры и даже ночевали под открытым небом, в поле, около леса». Речное пароходство до 2000 г. сохраняло в своих рейсовых расписаниях наименования необорудованных причалов Хвастово и Чапаевка (Поповка) по левому берегу Волги выше устья реки Тьма, хотя самих населенных пунктов уже не было.

Исследователь В.Н. Агеев, занимавшийся определением местоположения Поповки, сообщает, что потомок братьев-крестьян Зубовых, ныне здравствующий Зубов Павел Фаддеевич 1917 года рождения, участник Великой Отечественной войны, проживающий в деревне Мухино Городище, 3-й дом с северного края, считает своей «малой родиной» село Хвастово. Он согласился на разговор (сентябрь 2005 г.). Доверившись его памяти, В.Н. Агеев сделал следующие записи:

«Мой дед Зубов Ефрем Константинович во время крестьянской реформы 1861 года переселился из Пензенской губернии в село Хвастово и построился за Поповым ручьем, считая от Волги. Родились и выжили у него пять сыновей. Их имена в порядке старшинства: Артемий, Фаддей, Федор, Николай, Владимир. Братья жили сначала в отцовском доме, но постепенно строились рядом друг с другом. Ближе к революции, а уж точно к 1925–1928 годам, вся Хвастовская деревня по левому берегу Попова ручья состояла из пяти Зубовских домов. На правом берегу ручья, ближе к Волге, было 2 или 3 церковных дома, а около церкви большой хозяйский дом. В одном жил поп Постников, рядом псаломщик или дьякон Метлин. Он помоложе попа, звали его, вроде бы, Арсений Владимирович. Недалеко от церковных домов

находилось старинное небольшое кладбище, где хоронили лиц духовного звания. Там лежит и Постников. Похоронили его ближе к 1930 году. Тогда же церковь каменную закрыли и ликвидировали наше село, давали помощь на переезд. Раскатывали дома по бревнам, перевозили на новое место, кто куда. Фаддей Ефремович выбрал Мухино Городище, на краю, где я живу и мы сейчас разговариваем. А земля Хвастовская понадобилась для Красной Армии, образовалось там военное подсобное хозяйство. Под него использовали деревянный хозяйский дом на высоком каменном фундаменте, так что в подпол могла заезжать лошадь с телегой через отдельные ворота, и каменный церковный дом. Конный двор, теплая рига и другие хозяйственные постройки были сохранены для военного советского хозяйства».

Про барыню Морозову Павел Фаддеевич знает по рассказам отца, да и других сельчан. Добрая была, в беде помогала и пользу людям старалась принести. Все братья Зубовы были как соседи знакомы с барыней, но она особо отличала младшего, Владимира. Он к хозяйству меньше остальных был способен, но музыкант был лучше всех. Варвара Алексеевна привезла и подарила ему гармонь. Она в округе была самая богатая и все к ней обращались за помощью лично или, может быть, через батюшку. Давала деньги или ткани на приданое бедным девкам. Или на корову, если случался падеж и семья сама не могла справиться. «Приходили к ней за помощью со всего нашего прихода, – говорит Павел Фаддеевич, – из деревень: Борки, Городище, Гильнево, Гостилково, Змиево, Ярково и с правого берега из деревень Спичево, Пьянкино».

Отец Павла Зубова, Фаддей Ефремович, помнил случаи из своего подросткового детства, когда ребята, да и люди постарше, узнав о возможном скором проезде барыни через деревню, старались угодить ей, открывая перед бричкой загонные деревенские ворота. В ответ получали монеты или конфеты из рук барыни или искали эти гостинцы в придорожной траве.

В советское время, после смерти В.А. Морозовой в сентябре 1917 года,

в результате земельного и имущественного передела земли села Хвастово и имения Поповка передавались разным государственным ведомствам и в конце концов, около 1928 года, были приписаны к Красной Армии для отработки специальных военных задач и создания советского подсобного военного хозяйства. После Великой Отечественной войны лесные массивы по обоим берегам Волги (от Мухина Городища до села Андреевское по левому берегу и от деревни Спичево до деревни Путилово по правому берегу) были сохранены за военным ведомством. В народной молве за этими местами закрепились названия «Полигон» по левому берегу и «Путиловские лагеря» по правому берегу.

Рассказывая о Морозовской мануфактуре и ее владельцах, нельзя обойти молчанием участие Варвары Алексеевны и ее сыновей в благотворительных делах, причем не только у себя на фабриках, но и в самой Твери. Приведенные ниже материалы, основанные на архивных данных, красноречиво говорят об этом:

Еще при жизни первого мужа (А.А. Морозова) Варвара Алексеевна широко занималась благотворительностью. Известный специалист в области фабричного и рабочего права, И.И. Янжул, работавший в начале 1880-х гг. фабричным инспектором в Тверской губернии, отмечал, что именно хозяева Тверской мануфактуры отчисляют значительные суммы на образование работающих там женщин и детей.[108]

«В.А. Морозова... очень много сделала для рабочих своей мануфактуры. Основала и финансировала больницу, родильный приют, аптеку, «санаторию», приют для детей, «колыбельную» (так называли ясли: воспитательниц тогда величали «детскими садовницами»). В.А. Морозова открыла богадельню, убежище для хроников, дом призрения, школу рукоделия, библиотеку. Очень много она сделала для просвещения рабочих своих предприятий. В 90-е г. позапрошлого столетия Варвара Алексеевна организовала школу (начальную) для фабричных ребятишек, воскресную и торговую школу для самих рабочих, а при последней – женскую школу, где

преподавали воспитанницы Тверского епархиального училища... Чтобы поездки на учебу не были затруднительны, для молодых девушек, Варвара Алексеевна приказала каждое воскресенье привозить их на конке в школу, вместе с воспитательницами.

За активную и полезную деятельность в звании попечительницы Морозовского ремесленного училища в апреле 1898 г. Варвара Алексеевна была награждена золотой медалью с надписью «За усердие» для ношения на шее на Александровской ленте.

[...] Варвара Алексеевна успевала вникать в дела многих учреждений, которым помогала своим деятельным участием. Так, в 1883 г. она стала председателем попечительного совета тверской женской Мариинской гимназии. Ознакомившись с постановкой учебно-воспитательного процесса, Варвара Алексеевна пришла к выводу, что некоторые предметы изучаются недостаточно глубоко, и предложила конкретную программу улучшения работы гимназии, особенно последнего, 8-го класса. Считая, что выпускницы недостаточно подготовлены к будущей работе в школе и в семьях, Варвара Алексеевна рекомендовала ввести чтение по отечественной истории, улучшить изучение языков, расширить преподавание педагогики и познакомить гимназисток с историей педагогики. Но, главное, выпускницам необходимо было получить возможность применять свои знания на практике. Для этого предлагалось привлечь девушек к преподаванию в особой элементарной школе, где было бы совсем немного учениц.

Понимая, что у Мариинской гимназии нет возможности оплачивать новые учебные часы и предметы, Варвара Алексеевна обязалась ежегодно выплачивать на эти цели 760 рублей. Варвара Алексеевна настояла на создании комиссии, которая разработала конкретные предложения и отослала их попечителю Московского учебного округа. Ответ не заставил себя долго ждать. С некоторыми предложениями попечитель согласился. Так, было улучшено преподавание русского, немецкого и французского языков, в 5 и 6-м классах введены уроки географии, в 8-м – истории... Многие

интересные идеи не получили одобрения московского начальства.

[...] Но Варвару Алексеевну не останавливали отказы. Уже в 1891 г. она договорилась с известным педагогом Д.И. Тихомировым дать несколько открытых уроков и лекций в начальной школе при Морозовской мануфактуре для учениц 8 класса с целью ознакомления с усовершенствованной методикой начального образования. В Московский учебный округ была отослана программа занятий. Полученный ответ настоятельно рекомендовал разъяснить госпоже Морозовой, что "рассмотрение вопросов педагогического характера не входит в обязанности попечительского совета" и допущение занятий учениц в фабричной школе невозможно. Однако, несмотря на отказы, в 1895/1896 учебных годах в Мариинской женской гимназии было открыто "неграмотное отделение" подготовительного класса, где выпускницы последнего, педагогического, проходили практику.

27 лет Варвара Алексеевна была председателем попечительского совета гимназии. Все эти годы она внимательно следила за жизнью учениц и преподавателей. Она подарила девушкам 153 тома сочинений русских классиков, в 1910 г. дала 17 тысяч рублей на ремонт и надстройку здания гимназии. В фондах Мариинской гимназии, хранящихся в Тверском областном архиве, есть удивительный документ, показывающий отношение Варвары Алексеевны к людям. Это ее письмо к членам попечительного совета, написанное в августе 1889 г. В это время решался вопрос о пенсии начальницы гимназии Констанции Федоровны Гросвальд. В.А. Морозова не могла быть на этом заседании, ибо уезжала за границу, поэтому обратилась к членам совета письменно и просила их обратить внимание на то, что К.Ф. Гросвальд отдала делу образования 45 лет. "Воспитав в духе правды и доброй нравственности несколько поколений, не имеет независимого состояния и должна существовать на пенсию 760 руб. Было бы справедливо, – замечала В.А. Морозова, – назначить дополнительную пенсию от Попечительного Совета". Такая пенсия была назначена, но платила ее из

своих средств Варвара Алексеевна. Ежегодно она доплачивала К.Ф. Гросвальд 240 руб.

В 1908 г. Мариинская женская гимназия торжественно отметила 25-летний юбилей службы Варвары Алексеевны на посту председателя попечительского совета. Совет ходатайствовал перед попечителем Московского округа о награждении Варвары Алексеевны в связи с юбилеем бриллиантовым браслетом из кабинета его величества государя императора. Совет обещал оплатить стоимость подарка из специальных средств гимназии. Но полученный ответ гласил: «...ходатайству... затрудняюсь дать дальнейшее движение». Так и осталась Варвара Алексеевна без почетной царской награды. Почему? Ведь ее заслуги в области благотворительности неоспоримы. В 1908-09 гг. на помощь благотворительным заведениям Тверской губернии она истратила 81 436 руб. 54 коп. В 1910 г. на преобразование и расширение этих заведений выделено еще 580 тыс. рублей. В годы Первой Мировой войны при Морозовской мануфактуре на средства хозяев был устроен лазарет и учреждены пособия семьям призванных в армию».[109]

«[...] Родоначальником этой ветви [тверской] был Абрам Саввич, возглавивший в 1858 г. Товарищество Тверской мануфактуры бумажных изделий. Преемниками его стали дети – Абрам и Давид и внуки – Михаил, Иван и Арсений.

Честное и добросовестное отношение к делу привело к тому, что оно выросло с нескольких сотен рублей в одно из крупнейших торгово-промышленных дел России. Но Морозовы были известны еще и своей благотворительностью. На попечении Тверских Морозовых во второй половине 19 – начале 20 века находилось 11 благотворительных заведений при фабриках Товарищества: больница и родильный приют, приют и колыбельная, училище, школа рукоделий, театр, библиотека, богадельня, дом призрения, аптека, санаторий и лазарет. Эти заведения пользовались отчислениями Морозовых до 1918 г., получая ежегодно все необходимое для

существования. Расходы на содержание этих заведений постоянно увеличивались. Так, если в 1868 г. на содержание больницы уходило ~ 1,5 тыс. руб., то в первые десятилетия 20 в. уже 20-68 тыс.руб. В целом же отчисления по статье "на содержание благотворительных заведений" повышались ежегодно в начале 20 века: 72 812 рублей (1901 год) – 231 600 рублей (1916 год). Большая часть из перечисленных средств шла на оплату жалованья служащим, отопление и освещение благотворительных заведений, остальная – на конкретные нужды. Самые большие расходы были связаны с содержанием больницы и родовспомогательного отделения.

От 4 до 14 тыс. руб. ежегодно отчисляли Морозовы детскому приюту... При детском приюте с 1913 по 1920 г. организовывались продовольственные дни для детей прислуги, надзирателей и служащих...

Построенному в 1899 г. ремесленному училищу при фабриках Товарищества для детей рабочих и служащих Морозовы ежегодно жаловали от 7 до 35 тыс. руб. Кроме того, для рабочих и детей В.А. Морозова создала библиотеку и отчисляла на ее содержание от 106 до 2300 руб. На эти средства приобретались новые книги и ремонтировались старые.

Большую материальную поддержку оказали Тверские Морозовы театру, особенно в 1899-1901 г., когда отчисляли на его содержание до 5 тыс. руб. Начиная свою торгово-промышленную деятельность, Морозовы содержали старообрядческие молельни и богадельни. В начале 20 в. на их попечении в Твери была богадельня при фабриках Товарищества Тверской мануфактуры. Для бедных и неспособных к трудовой деятельности рабочих, получивших серьезные травмы, при Товариществе в 1910 г. открывается дом призрения, а в 1913 г. на средства фабрикантов открывается санаторий в Гаграх для больных туберкулезом.

1913 г. стал годом начала работы аптеки при фабриках мануфактуры... С начала войны Морозовы, как и другие фабриканты, оказывали помощь раненым воинам. Они выделяли деньги на открытие и содержание лазарета.

Наряду с постоянным содержанием лазарета и оказанием денежной

помощи фабричным благотворительным заведениям Морозовы помогали различным благотворительным и попечительным обществам. Абрам и Давид, а также Михаил Морозовы были почетными членами Тверского губернского попечительства детских приютов за постоянную и довольно большую помощь. Об этом свидетельствует письмо председателя попечительства: "Тверской детский приют каждодневно в течение нескольких лет пользовался пожертвованием мануфактурных изделий на 160 детей [...] и предлагает принять звание почетного члена Попечительства Морозову Абраму Абрамовичу". Как следует из документов попечительства, вспомоществования оказывали дважды в год – на Пасху и на юбилей детского приюта (4 января) – как деньгами, так и изделиями мануфактуры: "ситцем разных манеров" и миткалем.

Откликнулись Морозовы и на просьбу Тверского общества доброхотной копейки «пожертвовать что-либо для бедных Твери». Помимо участия в благотворительных обществах и содержания благотворительных заведений при фабриках, Морозовы отчисляли деньги на выплату разовых пособий, пенсий и др. рабочим и служащим Товарищества. С 1903 г. такие выплаты проводятся ежемесячно и выделяется специальная статья расхода.

И еще очень важная статья благотворительных расходов тверских Морозовых – помощь учебным заведениям и учащимся Твери. Из счетов Морозовых видно, что помощь оказывалась Иллюминарской и Мариинской гимназиям, губернской мужской, школе Максимовича, Тверскому епархиальному, коммерческому, реальному училищам. Выдавались также пособия на обучение детей рабочих и служащих Товарищества. Из записей личных расходов за 1915-1921 годы видно, что Иван Абрамович выдавал пособие на обучение 45 детей, Варвара Алексеевна – 25 и Арсений Абрамович – 46. Эти пособия носили единовременный характер и достигали 10-300 рублей».[110]

«На Руси был обычай собираться на посиделки. И вот в 1862 г. у нас в Твери собрались знатные дамы у Авдотьи Павловны Глинки, внучатой

племянницы фельдмаршала М.И. Кутузова, жены поэта-декабриста Ф.Н. Глинки. Одержимые желанием приносить пользу бедным, они обратились с воззванием: "давайте с каждого рубля, затраченного нами на наряды и веселье, одну копейку откладывать на благодеяния нуждающимся". Так возникло благотворительное общество "Доброхотная копейка" ("Д.К."). После утверждения Министром внутренних дел в 1868 г. Устава, разработанного А.К. Жизневским, общество стало существовать официально. С тех пор на столе заседаний стояла кружка с надписью "Рука дающего да не оскудевает!" Среди учредителей и членов Общества "Д.К." были, кроме супругов А.П. и Ф.Н. Глинки, губернатор князь П.Р. Багратион и его супруга, губернатор А.Н. Сомов, купец А.Ф. Головинский, известный доктор Э.Ф. фон Ландэзен и др.

Поначалу "Д.К." оказывалась различная помощь в обработке огородов, на лекарства, на обучение детей ремеслу и пр.

В 1873 г. "Д.К." открывает столовую для бедных, которая разместилась в доме, подаренном Ф.Н. Глинкой. Вместо столовой в этом доме в 1882 г. был устроен детский приют для девочек-сирот, а столовая была вновь открыта уже в 1884 г. по инициативе губернатора А.Н. Сомова, председателя "Д.К.", но в доме купца И.П. Кобелева на пожертвования А.Н. Сомова, купцов Г.П. Аваева, В.В. Светогорова, А.А. Коняева и др.

В 1875 г. попечительница княгиня С.В. Мещерская открывает на свое содержание за Тьмакой в доме Веркута приют для бедных престарелых женщин. Такие же приюты были открыты за Волгой и в городской части Н.А. Еропкиной.

В 1877 г. "Д.К." открывает народную школу с ремесленным столярно-токарным и кузнечно-слесарным классом. Осуществляется идея губернатора князя П.Р. Багратиона о создании такого училища. Его ранее данные деньги на эти цели и пожертвования попечителя этой школы купца И.А. Морозова способствовали этому важному событию.

Вначале народная школа помещалась в Затьмачье на квартире ее

первого попечителя А.А. Губченко. Затем была переведена в более просторный дом П.Н. Добрынинского близ Смоленского кладбища. А в 1892 г. при содействии Городского головы А.Ф. Карпова училище перемещается в освободившееся здание богадельни на "Татарской горке". При материальной поддержке купцов В.А. Морозовой, В.Г. Аваева, А.А. Коняева и др. был построен второй деревянный этаж, построены кузница и слесарная мастерская. Позднее, в 1898 г., училище, преобразованное в школу ремесленных учеников, переселяется во вновь отстроенное здание у Смоленского кладбища, оснащается современным оборудованием. Средства на это дали: И.А. Морозов – 13 500 руб., А.А. Коняев – 5000 руб., В.В. Святогоров – 2000 руб., Ф.А. Куров – 1000 руб., А.Н. Коняев – 1000 руб. С этих пор школа переходит в ведение государства. Директором училища становится инженер-механик А.Н. Коняев. [Сейчас в этом здании политехникум.]

[...] Нельзя не обратить внимания на существовавшие тогда же общества, оказывавшие благотворное и оздоровляющее влияние на физическое и духовное состояние человека.

Это Общество поощрения труда и разумного отдыха "Парус", "Общество организации путешествий учеников Тверской мужской гимназии", Общество трезвости "Мир" (попечительница В.А. Морозова)...»[111]

«В Доме Трудолюбия, в честь которого Троицын переулок переименовали в переулок Трудолюбия, на полном обеспечении общества мальчики из малообеспеченных семей, сироты, обучались слесарному, медницкому, кузнечному, столярному делу, девочки – швейному. Воспитанники ремесленного училища после 4^{x} лет учебы держали экзамены по общеобразовательным предметам и ремеслам и получали звание подмастерья, а через 2 года практики – мастера. Здесь готовили мастеров – мебельщиков, слесарей, токарей, кузнецов по изготовлению машин, сельхозоборудования, инструмента. Ремесленное училище содержали предприниматели, купцы и Товарищество Тверской мануфактуры.

Первая мировая война привела в Тверь беженцев и раненых. В августе 1916 г. к 50 000 посещений (ежедневно 200) амбулатории прибавилось еще 6000 беженцев. Перевязочной и 2 кабинетов для врачей не хватало. Решили расширить амбулаторию на пожертвованные средства председателем Товарищества Тверской мануфактуры И.А. Морозовым 50 000 руб. на благотворительные дела города и оказание помощи больным, раненым воинам и их семьям. В переоборудованном здании было 4 кабинета для приема больных, перевязочное и другие нужные помещения».[112]

---

[1] Век труда и борьбы. Документы и материалы по истории Калининского хлопчатобумажного комбината, 1858-1958 гг. Калинин, 1961. С. 58, 59.
[2] Век труда и борьбы. Документы и материалы по истории Калининского хлопчатобумажного комбината, 1858-1958 гг. Калинин, 1961. С. 7.
[3] Там же. С. 61, 62.
[4] Век труда и борьбы. Документы и материалы по истории Калининского хлопчатобумажного комбината, 1858-1958 гг. Калинин, 1961, стр. 63, 64.
[5] Вся Москва на 1895 г. М., 1895. С. 735.
[6] Вся Москва за 1899 г. Ч. 2. М., 1899. С. 771.
[7] Вся Москва за 1903 г. Ч. 2. М., 1903. С. 1090.
[8]Век труда и борьбы. Документы и материалы по истории Калининского хлопчатобумажного комбината, 1858-1958 гг. Калинин, 1961. С. 65-67.
[9] Век труда и борьбы. Документы и материалы по истории Калининского хлопчатобумажного комбината, 1858-1958 гг. Калинин, 1961. С. 10, 11.
[10] Там же. С. 455.
[11]Век труда и борьбы. Документы и материалы по истории Калининского хлопчатобумажного комбината, 1858-1958 гг. Калинин, 1961. С. 67.
[12]Век труда и борьбы. Документы и материалы по истории Калининского хлопчатобумажного комбината, 1858-1958 гг. Калинин, 1961. С. 70, 71.
[13] Покровский В. Историко-статистическое описание Тверской губернии. Т. 2. Тверь, 1880. С. 41, 43-58.
[14] ГАТО Ф. 103. Оп. 1. Д. 882. Л. 1, 1об.
[15] Тверской край в XX веке. Документы и материалы. Вып. 2. Тверь, 1995. С. 54-56.
[16] Век труда и борьбы: Документы и материалы по истории Калининского хлопчатобумажного комбината, 1858-1958 гг. Калинин, 1961. С. 102.
[17] Век труда и борьбы: Документы и материалы по истории Калининского хлопчатобумажного комбината, 1858-1958 гг. Калинин, 1961. С. 103.
[18] Век труда и борьбы: Документы и материалы по истории Калининского хлопчатобумажного комбината, 1858-1958 гг. Калинин, 1961. С. 110-112.
[19] Век труда и борьбы: Документы и материалы по истории Калининского хлопчатобумажного комбината, 1858-1958 гг. Калинин, 1961. С. 123.
[20] ГАРФ Ф. 102. 3 д-во. Д. 2. Ч. 10. Л. 6, 8, 34, 38, 39, 44, 49, 53, 57, 59.
[21] Отчет за 1885 г. фабричного инспектора Московского округа профессора И.И. Янжула. Спб., 1886. Табл. 1, 7.
[22] ГАКО Ф. 801. Д. 1210. Л. 23, 24.
[23] ГАКО Ф. 850. Д. 10671. Л. 66.
[24] Век труда и борьбы: Документы и материалы по истории Калининского хлопчатобумажного комбината, 1858-1958 гг. Калинин, 1961. С. 133-135.
[25] Век труда и борьбы: Документы и материалы по истории Калининского хлопчатобумажного комбината, 1858-1958 гг. Калинин, 1961. С. 95, 96.
[26] Тверской край в XX веке. Документы и материалы. Вып. 4. Тверь, 1997. С. 89, 209, 210.
[27] Век труда и борьбы: Документы и материалы по истории Калининского хлопчатобумажного комбината, 1858-1958 гг. Калинин, 1961. С. 74-77.
[28] ЦИАМ Ф. 351. Оп. 1. Д. 54. Л. 332.
[29] ЦИАМ Ф. 351. Оп. 1. Д. 54. Л. 333, 333 об.
[30]Век труда и борьбы: Документы и материалы по истории Калининского хлопчатобумажного комбината,

1858-1958 гг. Калинин, 1961. С. 136.
[31] Век труда и борьбы: Документы и материалы по истории Калининского хлопчатобумажного комбината, 1858-1958 гг. Калинин, 1961. С. 144.
[32] См. свод законов Российской империи. Т. 2, изд. 1892 г.
[33] Век труда и борьбы: Документы и материалы по истории Калининского хлопчатобумажного комбината, 1858-1958 гг. Калинин. С. 145.
[34] ГАТО Ф. 56. Оп. 1. Д. 19437. Л. 1, 1 об. № 29
[35] Тихомирова М.Н. Предпринимательская деятельность Тверских женщин в начале XX столетия // Женщины в социальной истории России. Тверь, 1997. С. 67.
[36] Благотворительные учреждения Российской империи. Т. 2. СПб., 1900. С. 827-829.
[37] ГАРФ Ф. 102. ОО. Д. 3. Ч. 293. Л.Л. 1 - 7 об.
[38] Вахтерова Э.О. В.П. Вахтеров, его жизнь и работа. М., 1961. С. 150, 151, 174-177.
[39] ГАРФ Ф. 102. ОО. Д. 3. Ч. 293. Л. 9, 9 об., 10, 10 об., 11, 14, 15.
[40] ГАРФ Ф. 102. 3 д-во. Д. 682. Л. 2, 2об., 3, 8.
[41] ГАРФ Ф. 102. 3 д-во. Д. 682. Л. 15, 15 об., 16, 16 об.
[42] Век труда и борьбы: Документы и материалы по истории Калининского хлопчатобумажного комбината, 1858-1958 гг. Калинин. С. 162-165.
[43] Дата утверждения старшим фабричным инспектором Тверской губернии.
[44] [44] Опущены пункты о порядке заполнения расчетных книжек, выдаче зарплаты, праздничных днях и т. п.
[45] В опущенных VII и VIII разделах говорится об обязанностях рабочих по соблюдению порядка на фабрике и предосторожностях в обращении с машинами и т. п.

[46] Тверской край в XX веке. Документы и материалы. Вып. I. Тверь, 1994. С. 75, 76.

[47] Тверской край в XX веке. Документы и материалы. Вып. I. Тверь, 1994, стр. 76, 77.
[48] ЦИАМ Ф. 2244. Оп. 1. Д. 1001. Л. 149, 149 об., 150, 150 об., 151, 151 об.
[49] Век труда и борьбы: Документы и материалы по истории Калининского хлопчатобумажного комбината, 1858-1958 гг. Калинин. С. 227.
[50] Век труда и борьбы: Документы и материалы по истории Калининского хлопчатобумажного комбината, 1858-1958 гг. Калинин. С. 224-225.
[51] Деятели освобождения // Голос Жизни. 1905. № 10/14. С. 122.
[52] МОГИА Ф. 143. Оп. 1. Д. 252. Л. 45.
[53] Век труда и борьбы: Документы и материалы по истории Калининского хлопчатобумажного комбината, 1858-1958 гг. Калинин. С. 166.
[54] Век труда и борьбы: Документы и материалы по истории Калининского хлопчатобумажного комбината, 1858-1958 гг. Калинин. С. 170-172.
[55] Ф. 351. Оп. 1. Д. 54. Л. 86, 86 об.
[56] Ф. 351. Оп. 1. Д. 54. Л. 101, 101 об., 102, 102 об.
[57] Там же. Л. 20.
[58] Там же. Л. 107, 107 об.
[59] Ф. 351. Оп. 1. Д. 54. Л. 115.
[60] Памятники истории и культуры Калининской области. М., 1988. С. 143.
[61] Сборник сведений о действующих в России акционерных обществах и товариществах на паях. Спб., 1914.
[62] Иоксимович Ч.М. Мануфактурная промышленность в прошлом и настоящем. Т. 1. М., 1915. С. 36-38.
[63] Ф. 351. Оп. 1. Д. 54. Л. 25, 25 об.
[64] Ф. 351. Оп. 1. Д. 54. Л. 27.
[65] Там же. Л. 28.
[66] Там же. Л. 345 .
[67] Там же. Л. 76.
[68] Ф. 351. Оп. 1. Д. 54. Л. 336 об., 337, 337 об., 338 об., 339 об., 340 об., 343.
[69] ГАТО Ф. 850. Оп. 1. Д. 12172
[70] ГАТО Ф. 291. Оп. 1. Д. 102
[71] Там же. Л. 15.
[72] ГАТО Ф. 291. Оп. 1. Д. 102. Л 18. Машинопись. 1918 г.
[73] ГАТО Ф. 291. Оп. 1. Д. 102. Л. 22, акт 1918 г. октября 25 дня.
[74] Там же. Л. 29.
[75] Там же. Л. 30.
[76] Там же. Л. 34.
[77] Век труда и борьбы: Документы и материалы по истории Калининского хлопчатобумажного комбината, 1858-1958 гг. Калинин. С. 32, 456.
[78] Там же. С. 258.
[79] Век труда и борьбы: Документы и материалы по истории Калининского хлопчатобумажного комбината,

1858-1958 гг. Калинин. С. 258.
[80] Тверской край в XX веке. Документы и материалы. Вып. 2. Тверь, 1995. С. 63, 64.
[81] Опущены фамилии владельцев паев, присутствовавших на заседании.
[82] Век труда и борьбы: Документы и материалы по истории Калининского хлопчатобумажного комбината, 1858-1958 гг. Калинин. С. 180, 181
[83] Вершинский А. Хлопчато-бумажная промышленность России и английские кризисы 60[x] гг. XIX в. Тверь, 1930. С. 3-5, 8, 9, 11, 17, 18-20, 22-24, 27.
[84] Шпыхов Г.Т., Костюковский В.В. Пролетарка. М., 1985. С. 16-38.
[85] Фабрично-заводская промышленность Тверской губернии. Тверь, 1918.
[86] Город Калинин: Очерк-путеводитель / Сост. Захаров В.И. М., 1983. С. 141, 142.
[87] ЦИАМ Ф. 351. Оп. 1. Д. 45. Л.Л. 1 - 15 об.
[88] ЦИАМ Ф. 351. Оп. 1. Д. 45. Л. 18 об.
[89] Памятники архитектуры Тверской области. Тверь, 2000. С. 86, 147, 148, 151.
[90] ГАТО Ф. 850. Оп. 1. Д. 12530.
[91] ГАТО Ф. 850. Оп. 1. Д. 12530. Л. 92.
[92] ГАТО Ф. 850. Оп. 1. Д. 12530. Л. 97, 98.
[93] ГАТО Ф. 850. Оп. 1. Д. 12530. Л. 99.
[94] Там же. Л. 100.
[95] Там же. Л.10-45.
[96] ГАТО Ф. 850. Оп. 1. Д. 12530. Л. 170.
[97] Там же. Л. 171.
[98] ГАТО Ф. 850. Оп. 1. Д. 12530. Л. 172.
[99] Там же. Л. 173.
[100] Там же. Л. 174.
[101] ГАТО Ф. 850. Оп. 1. Д. 12530. Л. 175.
[102] Там же. Л. 177.
[103] ГАТО Ф. 850. Оп. 1. Д. 10386.

[104] ЦИАМ Ф. 351. Оп. 1. Д. 54. Л. 2 об. - 18 об.
[105] ГАТО Ф. 850. Оп. 1. Д. 12163.
[106] ГАТО Ф. 850. Оп. 1. Д. 12533.
[107] Воспоминания об Андрее Белом. М., 1995. С. 31-50.
[108] Отчет за 1882-1883 г. фабричного инспектора над занятиями малолетних рабочих Московского округа И.И. Янжула. СПб., 1884. С. 24, 25.
[109] Кулик В.Н. Благотворительная деятельность женщин в России. В.А. Морозова // Женщины в социальной истории России. Тверь, 1997. С. 53-56.
[110] Назарова Н.В. Благотворительность Тверских Морозовых // Дни славянской письменности и культуры. Сб. докл. Вып. 1. Тверь, 1995. С. 52-54.
[111] Ротермель Б.Н. Благотворительность в Твери // Записки Тверских краеведов. № 2. Российская провинция, 2000. С. 35-37.
[112] Борис Ротермель. Благо творящие // Тверская старина. 1991. № 1. С. 91, 92.

Глава 4. В.М. Соболевский и «Русские ведомости»

Василий Михайлович Соболевский (1846-1913), редактор газеты «Русские ведомости», был (выражаясь юридическим языком) фактическим мужем Варвары Алексеевны и отцом их общих детей – Глеба и Наталии. К сожалению, ни жена, ни дети воспоминаний о нем не оставили. Представление о незаурядной личности Соболевского можно составить по отзывам его друзей и сотрудников газеты, которой он руководил на протяжении многих лет (1863-1912). Они описывали разные периоды жизни Василия Михайловича, мир его интересов, кругозор. Читая их, постепенно начинаешь создавать для себя образ этого одаренного, незаурядного человека, человека-труженика, посвятившего свою жизнь одному делу – процветанию газеты «Русские ведомости». Воспоминания эти, к сожалению, были составлены уже как дань памяти безвременно ушедшему из жизни Василию Михайловичу. Опубликованы они были в юбилейном сборнике статей «Русские Ведомости. 1863-1913», вышедшем в свет в 1913 году, и в нескольких выпусках газеты «Русские ведомости».

«В.М. Соболевский (Памяти друга)»[1]

«Василий Михайлович родился в 1846 году и происходил из дворянской семьи Орловской губернии. Отец его умер уже давно, а мать несколько лет назад в преклонной старости в г. Орле. Воспитывался Василий Михайлович некоторое время в Орловской гимназии, а затем отдан в один из лучших московских пансионов (если не ошибаюсь, Циммермана)… где обучали по тому времени основательно. Особенно хорошо было поставлено обучение языкам, как новым, так и древним. В.М. говорил мне, что он свободно мог читать нетрудных латинских классиков… он свободно читал и говорил на французском, английском и немецком языках. […] В 1863 г. В.М. поступил на юридический факультет Московского университета, но окончил его только в 1869 г. …Товарищами В. М-ча по университету были А.С.

Посников и А.И. Чупров[14]; в их же компании был и А.П. Лукин, ставший впоследствии сотрудником и одним из издателей "Русских Ведомостей"… По окончании курса В.М. был оставлен при университете для подготовки к профессуре и, выдержав в 1871 г. испытания на степень магистра, был командирован заграницу, где пробыл около двух лет, слушая лекции в разных университетах Германии и работая также в Париже и Лондоне. По возвращении из-за границы он получил место преподавателя (или и. д. доцента) по финансовому праву в [Демидовском] Ярославском лицее, где и читал лекции с 1873 по 1876 год, причем его коллегой там был А.С. Посников. Через Посникова В.М. познакомился и с Н.С. Скворцовым, тогдашним издателем "Русск. Вед.", с которым скоро подружился, часто виделся с ним при посещениях Москвы и нередко останавливался у него на квартире.

[…] В 1876 г. В. М. как-то заболел и решился поехать для более серьезного лечения в Москву; Скворцов уговорил его остановиться на все время лечения у него в доме. В это время он и сделал В. М. предложение остаться в Москве и поступить к нему помощником редактора. [После долгих колебаний Василий Михайлович согласился.] С конца 1876 г. В.М. стал официальным помощником редактора "Русск. Вед.". Когда же в 1882 г. Скворцов заболел, то в течение всей долгой его болезни В. М. вступил во все права редактора…

После смерти Скворцова положение "Русских Ведомостей" было критическим в финансовом плане. Ему предлагало помощь одно влиятельное лицо, и если бы эта помощь была принята, вряд ли "Русские Ведомости" осталась той газетой, которой является. Было создано паевое Товарищество, в которое вошли все ближайшие постоянные сотрудники. На газете тогда

[14] Чупров Александр Иванович (1842–1908), экономист, статистик и публицист; чл.-корр. Петербургской АН (1887); профессор кафедры политической экономии и статистики Московского университета (1878–1899). Чупров — один из основоположников русской статистической науки, автор многочисленных работ по политэкономии, аграрному вопросу и железнодорожному хозяйству. Организовал Общество распространения технических знаний (1869), Статистич отделение при Московском юридическом обществе (1882, его бессменный председатель), ставшее центром земских статистиков. В 1882 г. организатор переписи населения Москвы. 35 лет сотрудничал в газете «Русские ведомости».

лежало 100 000 долга.

В 1883 г. образовалось Товарищество из 11-ти лиц и быстро принялось за ведение дела.

[…] [Василий Михайлович] был широко образованный человек, которому ничто человеческое не было чуждо. Юрист и социолог по образованию, он питал большой интерес к литературе, русской и иностранной… Особенно же интересовало его искусство, которое он не только любил, но изучал и понимал. Во время своих многократных поездок за границу он осмотрел все музеи, от Берлина и Вены, до Парижа и Лондона и от Копенгагена до Неаполя и Мадрида. Он посетил такие уголки Италии как Сиена, Лукка, Ассизи, Равенна. Всюду он приобретал фотографии картин, статуй, рисунков, составил хорошую коллекцию гравюр, выписывал лучшие сочинения по искусству и оставил по себе богатое собрание снимков и книг, особенно по таким классикам, как Леонардо да Винчи, Микеланджело, Рафаэль и мн. др. Интересовался он постоянно и наукой, в различных ее отраслях, читая с одинаковым интересом как труды по истории и общественным наукам, так и общедоступные сочинения по естествознанию. Эта обширная начитанность была ему важным подспорьем в редакторском деле, в котором он выработал притом удивительный такт… Он был, я сказал бы, истинный джентльмен, неизменно верный своим убеждениям, искренно добрый ко всем его окружавшим и верный друг всем более к нему близким.

Анучин Д.[15]»

«Соболевский, Василий Михайлович[2] (родился 11-го апреля 1846 г.; умер 9-го мая 1913 г.), редактор «Русских Ведомостей». Имя Соболевского повторяется чуть ли не на каждой странице этой книги, история его жизни так сливается с историей газеты, что писать его биографию значило бы

[15] Анучин Дмитрий Николаевич (1843—1923), антрополог, географ, этнограф и археолог, академик (1896) и почётный член (1898) Петербургской Академии наук. Президент (с 1890) Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Разработал методы изучения антропологии и этнографии в комплексе с естественными науками. Член редакции «Русских ведомостей».

повторять с большими или меньшими подробностями то, что уже сказано в статьях, посвященных прошлому газеты или памяти ее многолетнего главного редактора. Конечно, и до 1873 года, с которого Соболевский связывает свою жизнь с жизнью газеты у него была биография; он родился в Орловской губернии в дворянской помещичьей семье; учился сначала в орловской гимназии, затем в московском пансионе Циммермана: поступил в 1863 году в университет и, окончив курс юридического факультета в 1869 году, был оставлен для подготовки к профессорскому званию; два года затем готовился к магистерскому экзамену, живя, между прочим, некоторое время в симбирской деревне проф. Ф.М. Дмитриева; в 1871 году выдержал испытание на звание магистранта финансового права и уехал на два года за границу; работал в Германии, в Париже и Лондоне над облюбованным им в качестве темы для магистерской диссертации вопросом о подоходном налоге; в 1873 году начал курс лекций по финансовому праву в Демидовском юридическом лицее, продолжая работать над своей диссертацией, но прежде чем она была закончена, увлекся публицистической деятельностью. И тут все зигзаги жизненной карьеры Соболевского выпрямляются в одну линию. Начав писать в «Русских Ведомостях» в том же 1873 году, как и читать лекции, он через два с небольшим года, в 1876 году, становится сначала помощником редактора, а вскоре и редактором газеты, которой отдает всю свою жизнь, с которой отождествляет все свои интересы, от которой не может оторваться мыслью даже тогда, когда решает оторваться просто ради отдыха. «Как видите, – писал он мне однажды, сидя в вагоне, уносившем его из Москвы, – как видите, от «Русских Ведомостей» не уедешь, – и в вагоне, я все думаю больше о них, чем о другом. Боюсь, что и шум океана не переменит течения мыслей». И действительно, этого изменить не могла никакая перемена мест. У океана, и в Вечном городе, и на кавказских горах, и в глуши русской деревни, при всяких обстоятельствах, все его помыслы обращались к «нашему дорогому детищу». Груда его писем, лежащая предо мной, хранит в себе бесчисленные следы его постоянных трогательных забот

о газете. Уйти куда-нибудь от «Русских Ведомостей» Соболевский не мог. Он был всегда с ними, куда бы его ни занесла судьба. Но эта преданность интересам газеты, сосредоточенность на одном излюбленном деле, не превращала его в узкого профессионала, а напротив, соединялась в нем с редкой широтой кругозора и с исключительной разносторонностью. Естественно, что редактор политической газеты в области политики чувствовал себя дома и часто обращался мыслью к ней. Естественно и то, что эти мысли были по большей части печальны, особенно в последние годы. «17 октября! – писал он мне еще сравнительно недавно, – вот в какой знаменательный день пишу я вам, дорогой мой В.А., – день радости, судя по расцветившим наши Гагры флагам, военному параду и т. п., – день многих и многих печалей, вздохов по несбывшемуся, – скажем друг другу на ушко». «Зазнались, – пишет он в другой раз по поводу одного слишком уж развязного административного воздействия на печать, – зазнались и мечтают о полном восстановлении старого. Удастся ли?» И он обращается к исследованию причин, благоприятствующих реакции. «Такого веками накопленного свинства, в каком мы с вами живем, не очистить собственными силами никакому Геркулесу…» «Новое, – оно конечно, где-нибудь есть: ни один новый день не тождествен со старым, но считать-то эти дни придется нам, – ох! – как долго и медленно. Читал я здесь с величайшим удовольствием поучительную книжку Дайси: «Закон и общественное мнение в Англии» – и вот из нее с наглядностью выходит, что только новая закваска может упрочивать и создавать «новый» строй, а не наоборот, как некоторые склонны утешать себя, – будто бы новый строй может сразу переменить к лучшему старую закваску. Много, много еще грехов на нас самих, и не нашему поколению очиститься от них». Литература и искусство, которые он хорошо знал и любил, служили для него утешением в политических невзгодах. И, кажется наиболее жизнерадостные письма получались от Вас. Мих. именно тогда, когда он попадал в Рим. «Хожу, – писал он, – пешком по целым дням, всегда выходя через парк Villa Borgheze, дышащий уже

настоящей весной и соединенный теперь дамбой с Monte-Pincio. Вообще здесь нашел много нового даже после двухлетнего краткого отсутствия. И в Museo Nationale прибавились интересные новинки, начиная с прилагаемой. Эта девочка из Anzio (там она недавно найдена) является предметом спора. Многие утверждают, что это мальчик»… «Только что был в S.-Clementi, - любимой моей церкви, – и любовался старинным белого мрамора амвоном, чуть ли не VI века, а по стенкам – инкрустированная в белом мраморе пестрая каемка: точно русское шитое полотенце или рукава сорочки на хохлушке. Прелесть! А в крещальне S.-Giovanni in Laterano при мне крестили современного итальянского младенца: разница в возрасте крестимого и battisterio большая: последнему более 1200 лет. И, вероятно, – иронически заканчивает Соболевский, – и впредь через столько же лет все будут делать то же самое, как ни старайся боборыкинский антимистический кружок в Москве». Порой отдых от политических треволнений находил он в литературных занятиях, не связанных с газетными злобами дня. « А я, – писал он как-то, – наконец приступил к печатанию писем Тургенева, французский язык которых я попробовал перевести и в результате «перепер» Тургенева, как выражался Н.Х. Кетчер о своем переводе Шекспира. Оказывается, писать за Тургенева письма к его возлюбленной по-русски совсем не так легко. Каждое слово французского оригинала, – в котором на каждом шагу сквозит свойственное русскому (пишущему по-французски – французу) желание щегольнуть знанием языка и писать отборно французскими словечками и выражениями, – возбуждает сомнения, – как его передать по-русски. И вот, в конце концов, – заканчивал взыскательный к себе самому редактор, – я очень недоволен этой попыткой».

Такие литературные занятия ради отдыха и развлечения, однако, были кратковременны. Соболевский отстранялся от них, чтобы погрузиться в жизнь газеты и заботы о ней. Только один последний год жизни он мог себя считать совершенно свободным от этих забот. И все же не был от них вполне свободен: письма его и после «добровольного удаления от дел» постоянно

возвращаются все к этим же «делам». Он даже как будто считает нужным оправдываться в том, что после 35 лет снял с себя редакторское тягло: «Пишет вам, – говорится в одном из его писем последнего периода, – пишет вам «старейший» редактор в день своего рождения: 66 лет! Proportion gardee это – ух как много! Самый старейший, Скворцов, ушел 47 лет… не так, как я, а на тот свет. Получив вашу коллективную, милейшую телеграмму, я невольно подумал, что такой счет лет все же служит пред судом совести некоторым смягчающим обстоятельством для совершенного мной акта… Feci quod potui»… И, действительно, пользоваться своей свободой от редакционной работы «старейшему» редактору «Русских Ведомостей» пришлось недолго: не прошло года с того момента, когда он заплатил свой последний редакционный долг в московских «Каменщиках», как он уже лежал на столе… В этом судьба Соболевского необыкновенно напоминает судьбу одного из редакторов «Times»а. Тот тоже после 36-летней редакторской работы казалось, вполне здоровый, вдруг и без всякой видимой причины «добровольно» удалился от дел и через немного месяцев умер со словами: "Я работал, пока мог, а теперь умираю"…

Владимир Розенберг»

Вот как описывал рабочий день В.М. Соболевского в том же сборнике[3] И.П. Белоконский[16], статья «Из воспоминаний сотрудника»: «Вставал он обыкновенно около часу дня и, напившись кофе, отправлялся в редакцию, между 2-3 часами. Здесь он тотчас же приступал к работе, просматривал рукописи, читал статью в гранках и т. п.; около 6-ти часов Василию Михайловичу подавали обед, после которого он немного отдыхал, и в 10-11 часов вечера был опять в редакции, и сидел уже до утра! И так ежедневно!»

«Василий Михайлович Соболевский»[4]

(Воспоминания)

«Широко отозвалось русское общество на смерть В.М. Соболевского.

[16] Белоконский Илья Петрович (1855-?), публицист, беллетрист, земский статистик. Как народоволец неоднократно подвергался арестам и высылкам.

И не было в этих отзвуках холодных слов, привычных, заученных фраз, – печалью, скорбью и чувством почтительного уважения запечатлены были эти отзвуки. Там были голоса людей близких, интимных, были отклики смежных и родственных печатных органов; были отзвуки не знавших его людей, просто читателей, выражавших свое сочувствие и отдавших дань глубокого уважения пред редактором «Русских Ведомостей», столько лет стоявшим у станка хорошего печатного слова…

Так, недавно суровый старик, чье сердце было полно веры и сомнения, гнева и скорби, на склоне своей жизни, как итог литературной деятельности, сказал неправедное слово…: «Писатель пописывает, читатель почитывает»… Глубоко неправедное, прежде всего о писателях, – и он сам, и те, что писали с ним, не пописывали, а писали, – неправедное и по отношению к читателю.

При нем, при Салтыкове-Щедрине, были похороны Достоевского и Некрасова, он знал, должен был знать, как читали его самого и вообще «Отечественные Записки». И неправда шла только от его гордого, жадного, несытого писательского сердца, от скорби о правде, которую они, писатели, несли в жизнь и которую жизнь не осуществляла.

С тех пор много тайного стало явным, и читательское отношение к писателю достаточно выяснилось. Я не говорю об отношении читателя к беллетристам, художникам слова, – они ближе, интимнее читателю, шире их читательский круг, и можно понять то широкое юбилейное чествование писателей-беллетристов, которое наблюдалось в последние годы. И не одних беллетристов. Юбилей Михайловского, необыкновенный взрыв скорби по поводу смерти Анненского и по всякому случаю проявляющееся горячее отношение к писателям, не только беллетристам, – давно опровергли гневное и скорбное заявление Щедрина. Читатель не почитывает, а вчитывается и вычитывает.

Скорбь по поводу смерти В.М. Соболевского еще лишний раз подчеркнула это отношение читателя, но она сказала и многое другое.

В писателе любят и человека; *в писателе любят* и его писательскую

индивидуальность, его личные идеи, манеру, стиль; но именно отношение к смерти Соболевского показало, что читатель широких слоев русской публики любит и ценит печатное слово вообще, – ценит и высоко ставит ту миссию, которая выпала на долю русской литературы, то общественное дело, которое она давно несет на себе.

В.М. Соболевский не был писателем в тесном смысле слова, – подписанных им статей не знают; он был только редактор. Он не был и общественным деятелем в общепринятом смысле слова, – его участие в общественных делах публике неизвестно; он не был ни земским, ни городским общественным деятелем, ни крупным деятелем других общественных организаций, – а только редактором «Русских Ведомостей». Очевидно, читатель вычитывал в газете, которую он вел, то, что кровно нужно было читателю, что отвечало на самые важные и интимные запросы его души.

На что отзывался В.М. Соболевский? Какому Богу молился? Представитель партии народной свободы сказал на могиле Соболевского в своем поминальном слове, что орган этот («Русские Ведомости») был беспартийный, но близок по направлению к партии народной свободы… Я не собираюсь здесь оспаривать этой близости, но не могу не сказать, что В.М. Соболевский был сложившимся человеком уже в половине 70-х годов и вел газету в определенном, сложившемся в те времена, миропонимании, когда еще не только не конструировалась партия народной свободы, но и не была выработана теоретическая основа ее; когда только робкие, одинокие голоса говорили об увенчании здания и к слову «конституционно» не было еще прибавлено «демократическая». Несколько неудобно говорить то, что «Русские Ведомости» *были* близки к партии, когда партии не существовало, как партии, и было бы скромнее и справедливее сказать, что они, люди партии народной свободы, в той или иной мере были близки к идеям и миропониманию В.М. Соболевского, – было бы скромнее и исторически справедливее сказать, что они росли и складывались под некоторым

влиянием тех принципов, которые проводил в «Русских Ведомостях» за свое долгое руководительство В.М. Соболевский.

Конечно, легкая задача делить покойников, но и не очень благодарная.

Во всяком случае с неменьшим правом можно утверждать, что «этот орган» был близок к народничеству. И даже не будет парадоксом сказать, что «Русские Ведомости» были не очень далеки от социал-демократической партии, опять-таки до возникновения самостоятельной партии. Трудно сказать, кто больше сделал в смысле ознакомления широких слоев читающей публики с программой и тактикой германской социалистической партии, чем пространные и осведомленные корреспонденции за 80-е и 90-е годы Иоллоса с его критическим отношением к вождю свободомыслящих Евгению Рихтеру и определенным уклоном в сторону Бебеля и Либкнехта.

И прежде всего те слова – малы и узки для органа, который вел он, и неверны, поскольку малы и узки, – они являются бедные и бледным цветком на могилу В.М. Соболевского.

«Русские Ведомости» были газетой перевала, когда медовый месяц 60-х годов, правда, сдобренный большой дозой дегтя, кончился, когда ликвидированы были волновавшие в предшествовавшую четверть века русское общество старые споры славянофилов и западников, за упразднением старого, чистого славянофильства и старого западничества, и из всего многообразного движения 60-х годов далеко продвинулась одна определенная линия, скоро наложившая свою печать на всю русскую жизнь – народничество. И сам Соболевский, и люди, собравшиеся около «Русских Ведомостей», были так сказать шестидесятники-семидесятники, люди, сложившиеся под влиянием шестидесятых годов и проявлявшие себя в 70-х и 80-х годах, определявшие русскую жизнь и определявшиеся всем тем новым, что вставало в русской жизни.

И в этом сказалась вся миссия «Русских Ведомостей». Они защищали все то, что завоевали 60-е годы и на что продолжались неустанные атаки врагов, – суд, земство, печать, женское равноправие, свободу

вероисповедания, и приняли, и проводили в жизнь то новое, что несло народничество. И вопросы о праве крестьянства, о праве на землю, о праве на свободную жизнь были неустанными темами «Русских Ведомостей».

Нельзя говорить о Соболевском, не говоря о «Русских Ведомостях», как нельзя говорить о «Русских Ведомостях», не говоря о Соболевском; нельзя разделять их потому, что они неотделимы, как два сросшиеся тела. Нельзя потому еще, что Соболевский всю жизнь проявлял себя, за редкими исключениями, не подписанными своими статьями, а только как редактор «Русских Ведомостей», только через «Русские Ведомости».

К тому почтительно-скорбному сонму голосов, раздавшемуся над могилой Соболевского, где так широко вскрывались деятельность и значение Соболевского, я прибавил бы, или, вернее, подчеркнул бы, только одно, что слабо прозвучало там, – о роли «Русских Ведомостей» и через них Соболевского в создании типа ежедневной газеты в России, я говорю о свободной, не купленной, так сказать, неарендованной печати, и в особенности о влиянии «Русских Ведомостей» на уклад и направление провинциальной печати, которая наперекор стихиям, так выросла за последние тридцать лет, и играет теперь такую огромную роль в политическом и социальном самоопределении России.

Не будет преувеличением сказать, что «Русские Ведомости» были первой газетой этого типа. И они не имели предшественников, как журналы 70-х годов имели предшественников в журналах 60-х и 50-х годов. Возникали тогда газеты прогрессивного направления в Петербурге, но ни одна не дожила до сего времени. Были личные органы, в роде Аксаковского «Дня», «Современных Известий» Гилярова-Платонова, «Русские Ведомости» не были личным органом. С вступлением В.М. Соболевского они сразу сделались выразителями мнений коллективной группы, где не было хозяина, где общая линия поведения, общий тон диктовались мыслью и волей группы, стоявшей во главе редакции. И не одна газета до «Русских Ведомостей» не поднималась до такой высоты, такой, я бы сказал, роскоши постановки

газетного дела. Не говоря уже о крупных именах, сгруппировавшихся сразу около «Русских Ведомостей», – профессоров, общественных деятелей, – трудно назвать литературную силу истекшего тридцатилетия, в той или иной мере примыкавшую к народничеству, которая не фигурировала бы на страницах «Русских Ведомостей».

И «Русские Ведомости» всегда были органом направления, можно сказать, органом по преимуществу русской интеллигенции, никогда не укладывавшейся в одну партию и находившей в «Русских Ведомостях» отклик на все то, чем жила русская интеллигенция за последние тридцать лет.

Я не хочу здесь говорить о роли и значении Соболевского, как редактора, об этом сказали и, конечно, скажут еще больше люди, работавшие с ним, и трудно выделить из общей суммы работы главных сотрудников «Русских Ведомостей», долю участия и влияния В.М. Соболевского. Там были люди равного с ним роста, положившие не меньше ума и сердца на то дело, которое делали «Русские Ведомости»; но есть нечто, что выделяет его из всех других работников «Русских Ведомостей». Уже то, что именно он начал тридцать лет назад свою активную роль в газете привлечением к ней крупных литературных и общественных сил, что именно он сорганизовал редакцию и создал в ней общий внутренний тон, – выделяет его в особую позицию.

И потом те, другие, приходили и уходили, и помимо работы в «Русских Ведомостях» делали другие дела, – профессорствовали, были общественными деятелями в земском, городском самоуправлении, сотрудничали в ученых и просветительных обществах, писали книги и ученые работы, – он один сразу, после короткой внутренней борьбы за профессуру и возможность научной работы, ликвидировал прошлое и ушел в «Русские Ведомости». Весь ушел. «Русские Ведомости» стали единственным делом его жизни, его кафедрой, его общественным и просветительным делом, долгой книгой, которую он писал тридцать лет. И он никуда не

уходил. Он тридцать лет стоял у рабочего станка, пристально всматриваясь в русскую жизнь, чутко прислушиваясь ко всему, чем волновались русская мысль и русское сердце. Ежечасно, в напряженной борьбе с врагами, окруженный всеми разочарованиями и всеми надеждами, которые ежечасно шли к редакторскому кабинету «Русских Ведомостей». В.М. Соболевский был не один, но он был неустанно и всегда…

За «Русскими Ведомостями» и за всем тем, что создавало обстановку его деловой жизни за тридцать лет, оставался Василий Михайлович Соболевский, как личность, отдельный, независимый от своей рабочей обстановки.

Я долго видел его именно в обстановке «Русских Ведомостей». В мои короткие наезды из Нижнего Новгорода в Москву, я видался с ним всегда в редакции «Русских Ведомостей», между 3-6 часами, когда он неизменно сидел в своем редакторском кабинете. Он был хмурый, застегнутый, напряженно, со сдвинутыми бровями, всматривавшийся в поминутно отворявшиеся двери кабинета, в озабоченные лица, появлявшихся сотрудников, в приносившиеся гранки готовящегося нумера и перекидывавшийся короткими сжатыми фразами с теми, кто входил, и с теми, кто сидел у него в кабинете. И когда я наблюдал его там, мне все казалось, что он напряженно ждет, что вот сейчас внезапно и неожиданно откроются двери и войдет нечто тревожное и враждебное, к чему он должен готовиться и что должен встретить, – и только, когда входил приятный и милый ему человек, его лицо преображалось. Тогда появлялся веселый и радостный блеск в глазах, его обычная насмешливая улыбка становилась необыкновенно приветливой и остроумными, веселыми, сжатыми фразами перекидывался он с пришедшим. И удивительно милым и приветливым становилось хмурое лицо.

Мне неловко было отрывать его от напряженной работы, и я не подолгу засиживался в редакторском кабинете. А потом В.М. приехал ко мне в Ялту, мы ходили с ним по ялтинским горам и две зимы по месяцу и по два

жили мы в Ницце, а потом и в Москве стали видеться не в обстановке «Русских Ведомостей».

Я долго не понимал его. Не потому только, что он был застегнутый человек, не сразу и не весь подходивший к другим людям, – долго мешало моему пониманию его скептическое, отношение к явлениям русской действительности. В долгих беседах и в долгих спорах, из которых часто состояли наши беседы, меня поражало его казавшееся мне нередко безнадежно отрицательным отношение к действовавшим тогда силам русской жизни.

По отношению к правительству у нас не было разногласий. Мне не приходилось оспаривать и его глубоко безнадежное, с оттенком сарказма, отрицательное отношение к дворянству, как к классу, к его социальной позиции, к его традициям и к его неизбежному будущему. Не много приходилось нам спорить и по поводу так называемого общества, либерального общества, к дееспособности которого он относился с большим сомнением; но уже по поводу роли земства и роли интеллигенции нам приходилось вести большие споры. И вот именно в этих спорах, в этом сомневающемся, мало верующем его отношении к организующей, как мне казалось, роли земства, к духовной силе интеллигенции и даже к действенной программной роли русской литературы в русской жизни, – что иногда прорывалось у него, – я не понимал его. Казалось, он не видел действенных сил в современной русской жизни, и, казалось, сомневался в том, что они откуда-нибудь придут. Я задавал себе вопрос: чему же верит он? И верит ли чему-нибудь этот скептический ум, этот насмешливо улыбающийся человек? И думалось мне, – если он так мало верит, так во всем сомневается, то во имя чего он потратил и тратит всю свою жизнь на тяжелую, измывающую, – он сам говорил мне об этой тяжести и измывании, – работу в «Русских Ведомостях»?..

А потом я понял его. Думаю, что понял. Он не то, что не верил ни во что, а сомневался во всем. И был определенный пункт, к чему сводились его

сомнения, весь его скептицизм, – малое присутствие чести, личной и общественной, у русских людей. Малое присутствие гордости, сопротивляемости, желания и умения отстаивать свою честь, свое я, свое дело жизни.

Он не склонен был к долгим спорам и на русский манер теоретическим рассуждениям, длинно излагаемым, – мысли были короткие, сжатые; фразы – энергические; и его обычная манера была – скептически-насмешливая. Вот почему, пытаясь воссоздать образ покойного В.М. Соболевского, я позволяю себе привести несколько общих соображений, которые, мне думается, помогут понять именно основу скептицизма В.М. Соболевского.

И давнее и недавнее прошлое дают нам многочисленные примеры борьбы *за других*, борьбы с страданием, борьбы поднимавшейся до высоких подвигов, до мученичества, но мало и редко видели мы и видим примеров борьбы за себя, за свой личный счет, за свои права, за свое гражданское право, за свое человеческое достоинство. Обиженный или обижаемый в самых кровных своих интересах русский человек или просто не защищает свое «я», или быстро бросает борьбу за восстановление своих утесненных, иногда нагло попираемых прав. «Наплевать!» «Черт с ним!» (с тем, кто нарушил право его, восклицающего). «Стену лбом не прошибешь», не умно и бесплодно прать против рожна, – вот давние и привычные формы отношений русского человека к обижающему его злу. И редкие случаи упорной защиты своего личного права нередко кажутся многим русским людям чудачеством, если не сутяжничеством.

Я не хочу разбирать причины этой черты русского характера, вытекает ли она из долгой коллективной психологии русского народа, где личность тонула в общем деле государственного строительства и где мало было места для отделенности человека, для проявления его индивидуальности, из долгого ли русского крепостного права, где и рабы и владельцы рабов одинаково воспитывались в рабьих чувствах, вытекало ли оно из долгого опыта, вынесенного русским человеком в бесплодности и безнадежности

защиты своего права, в крепкой вере в крепость и необъятность стены, которую нужно было прошибать, – но явление существовало вплоть до последнего времени. Малое противление злу, наносимому личному, человеческому я, – составляло характерную черту русской психологии.

И это, – малая гордость, – недостаток чувства чести, проявлялось и в отношении отдельного человека к коллективным делам, когда они стали возникать в России.

И скептицизм Соболевского, как я понял основную точку его отправления, относился именно к этому основному, по его мнению, русскому недостатку, – к непривычке, к неумению, или нежеланию защищать свое я, свое лично человеческое достоинство, свои индивидуальные интересы, личные и групповые.

Он верил и в работу земства и в деятельность интеллигенции и во все те прогрессивные движения, которые возникали в русском обществе за тридцатилетие его наблюдений над русской жизнью, но он глубоко скептически относился именно к противлению русского человека, к его способности, к упорной планомерной борьбе.

И в деятельности земства, и в толстовском движении, и в эволюции общественных групп, и в тактике, в манере действования политических партий, рекрутировавшихся из общества, он везде отыскивал эту русскую черту, – непривычку, неумение или нежелание отстаивать свое право и бороться за него до конца, как бы ни сужены и ни ограничены были меры легальной борьбы. Употребляя слово «легальной» борьбы, я не хочу сказать, чтобы В.М. очень верил в возможность мирной эволюции русской действительности, – и после «конституции» он еще менее верил в возможность ее, но я хочу только указать, только подчеркнуть его глубокую веру в необходимость борьбы, его неверие в широкий и туманный, так успокоительно действующий лозунг, что только изменение общих гражданских условий русской жизни может создать условия борьбы за свое «я» и за отдельные вопросы; – его убеждение в необходимости борьбы при

всяких условиях, понимание этой борьбы, как необходимого свойства всякого отдельного человека, как обязательного лозунга для всякой общественной группы.

Об одном он не говорил с иронической улыбкой, – о народе. Не то, что он возлагал оптимистические надежды на народ, – он редко и скупо говорил о народе, – но в своем скептическом отношении к русской действительности, он как-то обходил народ. Но и из молчания, из коротких скупых фраз, я чувствовал, с каким глубоким и неослабным интересом относился он ко всему, что касалось народа. Я знал, как горячо и взволнованно относился он к народным бедствиям, к голоду, к земским начальникам и к другим бедам, обрушивавшимся на голову народа; я знал, с каким живым интересом, даже странном в этом скептически настроенном человеке, относился он ко всему новому, живому и сильному, что поднималось в народе, к проявившейся в низах тяге к книге и к образованию, к более активному участию крестьянства в земстве, к новым вспыхнувшим формам самодеятельности в деревне. Я помню, как живо интересовался он всяческими начинаниями в эстетической художественной области, возникавшими в деревне или проникавшими в деревню, между прочим к попытке, – в этом направлении, – В.С. Серовой и М.К. Врангель-Бларамберг. Я почувствовал, как глубоко залег в душе и сердце В.М. народ, какое место занимал народ в душе его.

Только раз за все мое знакомство с В.М Соболевским я видел его глубоко взволнованным. Уравновешенный, всегда спокойный и дисциплинированный, он пришел ко мне, – это было много лет назад – возбужденный и взволнованный, и рассказал, что у него только что вышла дикая сцена с одним общим нашим знакомым, известным русским человеком, представителем и тогда уже редкого типа чистого, старого западноевропейского либерализма, который яростно и совершенно неожиданно напал на В.М. за направление «Русских Ведомостей».

– Что вы нам постоянно суете этого вшивого, грязного мужика?

И доказывал, что «Русские Ведомости» отводят слишком много места

мужику и оставляют в тени культурные интересы, и интересы их, людей общества и что тем самым «Русские Ведомости» и он, Соболевский, умаляют и задерживают организацию либеральных сил общества.

– Почему же вы не отчитали его, как должно? – невольно вырвалось у меня.

– Да где же! Не в себе… Невменяемый. Ничего не слушает и только кричит: мы, мы…

В.М. ходил по комнате и по своему обычаю сердито фыркал и подавал реплики не столько мне, сколько тому, отсутствующему противнику.

И вот только в этот раз мы разговорились более обстоятельно, и интимно, и я понял, что вопрос о народе, о духовном и экономическом подъеме его был для Соболевского не только вопросом справедливости, а и решением государственного вопроса, основной и конечной целью, к которой должна быть направлена деятельность интеллигенции, в чью сторону должна быть направлена русская государственная жизнь.

Понял я и Соболевского, общественного деятеля, редактора «Русских Ведомостей», когда понял его, – человека.

Он был гордый человек, он был человек чести. Мне нечего говорить об его совести, которая легла в основу его жизни, его служения народному благу, но он никогда не был кающимся дворянином и не было молитвенно-покаянной ноты в его душе. Он был гордый человек, человек чести, он боролся за других, но и боролся за себя, у него было уважение к собственной личности, защита и оборона своего я, своего человеческого достоинства.

И это чувство собственного достоинства было, думаю, одной из самых характерных и определяющих черт личности покойного. Во всем, – в манерах его, в отношениях к людям, деликатных, но никогда не позволявших никакого амикошонства. Во всем у него чувствовалось нечто отгороженное, отграниченное, постоянная сторожная обороненность, – и против врагов и против некорректных манер других людей, даже с добрыми намерениями

неделикатно залезающих в чужую душу.

Во всем облике его, когда и наблюдал его в Ницце, среди разноплеменной и разнокалиберной ниццкой публики, единственно, кого напоминал он, были английские люди, ближе всего подходил он к типу английского джентльмена.

Это было какое-то особо обостренное, напряженное чувство собственного достоинства.

Раз он спросил меня, давно, больше двадцати лет назад, когда я в первый раз ездил за границу, – что я чувствовал, переезжая границу.

Я ехал больной и был так перегружен тогда всякими трудами и заботами русской жизни, что не почувствовал особо светлого настроения. И, помню, сказал что-то об облегчении, но что-то неопределенное, тусклое.

Он удивленно смотрел на меня и говорил, что вот он теперь, ночью иногда (разговор был в Москве), представляет себе, что переезжает через границу, и ему становится легко и радостно, и что он всякий раз испытывает это ощущение, когда переезжает границу, – чувство легкости, освобождения от давления насилия, от того липкого, темного и грязного, что окутывает русского обывателя в России. И когда мы сидели в маленьких театриках и в кафе, бродили во время карнавала в шумной ниццкой толпе, ходили по окрестностям Ниццы и завтракали в маленьких деревенских харчевнях, и урядник не заглядывал к нам с надзором, что мы едим, он с радостным и насмешливым чувством отмечал все те мелочи, из которых складывается жизнь и которые создают такую разную атмосферу личной жизни во Франции и в России. Он никогда не обольщался на счет многих существенных сторон французской жизни, и именно он еще двадцать два года назад просветил меня на счет французской прессы, сказав, что она, – буржуазная пресса, – вся «продается с публичного торга», и что он в Ницце читает только «Temps» и читает только потому, что это – официальный орган и что там помещаются солидные осведомленные статьи. И тем не менее он совершенно особо, не по-московски, чувствовал себя в Ницце, в Риме и в

Париже, именно, потому, что там сняты глупые бессмысленные путы с обывателя, что не было так сказать русской пошлости в административной опеке, в гражданской практике жизни.

Присудил его московский суд к тюремному заключению на один день. Только на один день. А он волновался. И было странно мне, что он волновался и я, шутя, говорил ему, что это в роде увенчания здания, без которого дом не достроен, и что не гармонично с общей русской жизнью преследовать жизнь, не зайдя хоть на один день в тюрьму, порядочному русскому человеку, не сидящему за печкой, и что по крайней мере все сделано чинно-благородно, по суду, – не то, что какая-нибудь административная ссылка. А он волновался и говорил, что административную ссылку он больше понимает, – ну вот карниз обвалится на голову проходящего, либо какая зверюга лесная облапит, а то ведь тут суд собирался. Народу сколько, целый аппарат! И за что судили? И на день присудили. И вот придет околоточный и протянет руку к шивороту.

Кажется, он скольких-то минут не досидел своего дня, и потом не без приятности рассказывал мне, как он сидел, свое знакомство с уголовными арестантами, всю атмосферу тюрьмы, первый раз испытанную им, и, по-видимому, склонен был находить, что не дурно увенчать здание…

Тридцать лет оборонял он свое любимое дело, дело жизни его – «Русские Ведомости», и эти тридцать лет его редакторства были непрерывающимися годами неустанной борьбы с врагами, неотступно нападавшими на его дело, на его позицию. Ему не всегда, и даже можно сказать редко, удавалось с успехом оборонять свое дело, но он всегда боролся, и никогда не складывал оружия.

И наиболее ярко оттенил эту сторону в деятельности В.М. Соболевского В.Г. Короленко в своих воспоминаниях, так удивительно ярко по «Эпизоду» освещающих всего В.М. Соболевского. Эпизод состоял в том, что В.М. Соболевский по собственной инициативе, на свою личную ответственность, ночью пошел будить всевластного генерал-губернатора

Долгорукова, запретившего накануне 19-го февраля касаться в нумере крестьянского вопроса, и в том, что под серьезной угрозой ответственности и личной и для газеты, он не выпустил на другой день нумера «Русских Ведомостей». Этот эпизод лучше всего говорит о том, как твердо стоял покойный на почве защиты своего права, – и во всяком случае это был исключительный эпизод в прежней жизни повседневной прессы, редкий по благородству жест для того времени.

Повторяю, он не всегда успевал оборонить свое дело, он не успел оборонять и своего личного я. Можно сказать, перед смертью к нему протянулась рука околоточного и хоть один день он просидел в тюрьме. К нему приложена была правительственная марка, без которой последнее время не часто удается русским интеллигентным людям уходить в могилу…

Он был по существу, по общему складу – шестидесятник. В шестидесятые годы он рос, учился, воспитывался и уже сложившимся человеком, прошедшим заграничную выучку, с выработанным миросозерцанием, с твердой дисциплиной мысли, молодым ученым вошел он в семидесятые годы. И долгие годы он вращался среди людей шестидесятых годов. Я многих знал из них, дорогих мне людей.

Они были удивительные. Для них была весна: для них, – людей впервые выступившей на арену русской действительности русской интеллигенции, – цвели цветы. Они были озарены тем широким светом, который вставал в шестидесятых годах над всеми уголками русской жизни, и будил и будоражил все концы России и все стороны русской жизни. Они боролись за других, но боролись и за себя; они освобождали других от крепости, но освобождали и себя от многообразных форм старого русского крепостничества.

И они были победители… Они видели падение стены, на их глазах вспыхнуло и широко разлилось великолепное русское женское движение, они видели, как родилась и росла новая культурная жизнь; они видели, как новое, гордое, смелое и сильное входило на место старого мрака и застоя в

религиозном вопросе, в науке и искусстве, как менялись нравы и обычаи, как будоражилась и перестраивалась вся русская жизнь. И, очевидно, эту память о великой молодости, эту широту горизонтов шестидесятых годов, гордость победителей и радость торжества, доносили они до могилы и должно быть потому были такие ясные, жизнерадостные, гордые, молодые, нестареющие. В них было отрицание, знаменитое отрицание шестидесятых годов и великое утверждение 60-х годов; в них была вера и сомнение, – они были в большей или меньшей мере верующими скептиками в том смысле, в каком наиболее ярко выразил это в себе Н.Г. Чернышевский. Их головы не были окружены нимбами, и тень подвижничества не легла на их лица; они были такими молитвенными, так к одному Богу устремленными, как их преемники, люди семидесятых годов; они были, так сказать, более светскими людьми, более язычниками, и венок победителей был на их головах.

Мы сходились ближе и ближе, как-то незаметно теплее и интимнее становились наши отношения, и кончилось тем, что я стал останавливаться у него в мои приезды в Москву.

И образовался у нас особый порядок дня. Утром я уходил устраивать свои дела, а в час ночи ждал В.М. из редакции, и, когда он приходил, мы начинали ужинать. И это было мое любимое время собеседования с В.М. Он терял свой хмурый вид, сбрасывал с себя тяжелые, докучливые тревоги дня, он был весел, оживлен и остроумен, и долго засиживались мы вдвоем за столом. И самая любимая тема его разговоров была литература. Он чутко, – я даже удивлялся, когда он успевал знакомиться с новой литературой, – присматривался к новым литературным надеждам и разочарованиям, к вставшим новым талантам в области художественной литературы. Но особенно любил он делиться своими литературными воспоминаниями. Ярко и всегда остроумно, по-своему, с сжатыми характеристиками, говорил он о Салтыкове, Михайловском[17] и о Глебе Успенском[18], к которому чувствовал

[17] Михайловский Николай Константинович (1842-1904), публицист и критик, виднейший теоретик русского народничества, фактический редактор журнала «Русское богатство».
[18] Успенский Глеб Иванович (1840-), известный писатель-народник.

какую-то особую глубокую нежность.

И в этот последний период, когда я видел его дома, в его интимной обстановке, я понял, почему его так любили, почему к нему так шли люди и не уходили от него, раз узнавали его. Он был благородный человек, бесконечно добрый, я сказал бы, нежный человек. Была в нем особая черта, способность чутко всматриваться в чужую душу и подходить к ней с тонкой деликатностью, в особенности, когда требовалось его участие, или совет, или помощь. И я уже не удивлялся и понимал, почему именно он собрал около «Русских Ведомостей» с первых шагов своего редакторства больших людей ума и сердца и все продолжал собирать их за свою тридцатилетнюю редакторскую деятельность, и почему не уходили раз пришедшие…

Уже несколько лет он начал думать об уходе из «Русских Ведомостей». Удручали его недуги, время от времени появлявшиеся, и в особенности прогрессировавшая глухота. Была усталость от долгой, напряженной редакторской работы, и было еще нечто, что, по-видимому, удручало его больше усталости и недугов. Когда я говорил, что нет оснований покидать ему «Русские Ведомости», что он будет тосковать без них, он с горечью отвечал мне, что случилось в общественной атмосфере, в газетном укладе, что требует иных манер, других, более молодых людей, что он уже не к делу, не к месту.

И потянуло его к искусству, к которому всегда тяготел он. В письмах, которые писал он мне из Рима, он отмечал мне новые сокровища красоты, которые встретил он там, подробно рассказывал о новых раскопках, которые шли тогда на форуме, и о только что при нем открытой там старой базилике, кажется, Кирика и Иулиты. И все звал меня в Рим, лучше которого он не находил места на земном шаре. А когда возвращался в Москву, привозил с собой большие фолианты дорогих изданий, с репродукциями художественных сокровищ Италии, и в свободное время мы рассматривали вместе снимки с сокровищ Равенны, которыми он в особенности увлекался последнее время.

И мысль о смерти стала навещать его. Как-то раз он попросил меня выслушать его, – у него была инфлуэнция, осложненная капиллярным бронхитом. Серьезного ничего не было, был склероз, но ничего тревожного не оказалось и в сердце, о чем он особенно настойчиво спрашивал меня.

– Ну, значит, роковой исход, – с своей обычной насмешливой улыбкой спросил он, – не скоро еще будет?

Я начал было ему говорить докторские, благоразумные и остерегающие слова относительно необходимости избегать ночной работы, чрезмерных волнений, важности давать себе продолжительные отдыхи. Он слушал внимательно и благосклонно, но все улыбался и ответил мне:

– Ну уж, во всяком случае из-за него (рокового исхода), я изменять порядка жизни не буду…

И тотчас же стал меня уговаривать ехать в Рим и в другие итальянские места, которые непременно нужно повидать заблаговременно, пока смерть не пришла.

В прошлом году мы сговорились, что он приедет ко мне в Ниццу и оттуда мы отправимся в Рим и будем ходить по маленьким городкам, старым церковкам, а в июне будем справлять новоселье в Красной Поляне, в только что выстроенном им доме. Он не приехал в Ниццу и нам не пришлось справлять новоселье в новом доме…

И должно быть одно из последних предсмертных писем, пред самым заболеванием, а, может быть, уже во время заболевания, я получил от него весной, помеченное 5-м апреля, т. е. за три дня до его отъезда в Гагры. Я позволю себе привести выдержки из этого письма, так как они чрезвычайно характерны для покойного.

«…Покружил по Европе довольно-таки порядочно: Вена, Париж, Лондон, Берлин… и не знал только туда, куда попасть было бы всего приятнее, т. е. в Рим. Придется отложить его для предсмертной поездки, так как посмертной, кажется, быть не может, ибо «посмертно» могут писать только писатели, как они часто последнее время и делают у нас, причем

читатель нисколько не удивляется, собственными глазами виды и читая «посмертное произведение».

Требует от меня только, чтобы я непременно дожил до 3-го сентября, пятидесятилетия «Русских Ведомостей», и не только дожил, но и написал что-то такое, какие-то мемуары для юбилейного нумера газеты. Требование для меня совершенно невыполнимое, и одно его предъявление может ускорить роковой исход, если на нем будут настаивать. Мне писать мемуары! Когда и чужим-то я ни слова не верю, и сам, конечно, кроме наглого вранья в своих мемуарах не дам: разве можно писать правду, когда знаешь, что она будет напечатана?»

Василий Михайлович не дожил до юбилея, – ему не пришлось писать мемуары; и грустно-насмешливая улыбка. В.М. смотрит на меня с «посмертных» строк.

С. Елпатьевский»

Говоря о Соболевском-редакторе, нельзя не коснуться истории создания газеты «Русские Ведомости», которой он так дорожил и которая была смыслом его жизни.

«Газета "Русские Ведомости" стала издаваться в Москве с 3 сентября 1863 г. Сперва выходила три раза в неделю, с 1868 г. стала выходить ежедневно. Основателем ее и первым редактором был Н.Ф. Павлов, предпринявший это издание вслед за прекращением его же газеты "Наше время"; затем издателями были: с 1865 г. – И.Н. Павлов, с половины 1866 г. – Н.С. Скворцов, с конца 1882 г. – В.М. Соболевский, они же заведывали и редакцией В 1883 г. газета перешла в собственность литературного товарищества, в состав которого вошли В.М. Соболевский, проф. А.И. Чупров, П.И. Бларамберг, Г.А. Джаншиев, М.А. Саблин, проф. А.С. Посников, А.П. Лукин, проф. Д.Н. Анучин, В.Ю. Скалон, Пагануцци, М.Е. Богданов.

Основной капитал товарищества составлял 400 000 руб. Ответственными редакторами были сначала А.С. Посников, а с 1891 г. –

А.С. Посников и В.М. Соболевский. В состав правления входили В.М. Соболевский, Д.Н. Анучин, М.Е. Богданов, заведующий технической частью был С.Д. Анучин».[5]

«Типография издательства помещалась по адресу: Москва, Б. Чернышевский пер., соб. дом 7. В типографии были установлены электродвигатели мощностью 54 л.с., число рабочих – 90 человек».[6]

«С редакцией газеты сотрудничали либеральные профессора: К.Д. Кавелин[19], Н.И. Кареев[20], В.О. Ключевский[21], М.М. Ковалевский[22], А.А. Мануйлов[23], П.Б. Струве[24], Б.Н. Чичерин[25], А.И. Чупров, И.П. Янжул[26] и др. В "Русских Ведомостях" печатались В.Г. Короленко, П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, М.Е. Салтыков-Щедрин, Г.И. Успенский. [В 1913–1914 гг. редактором и издателем был А.А. Мануилов. В 1914–1916 гг. – Илья Николаевич Игнатов.] В 1916–1918 гг. издателями газеты были А.А. Мануйлов, А.И. Чупров; редакторами – А.А. Мануйлов и В.А. Розенберг. В 1918 г. газета была закрыта, последний номер ее вышел 14 (27) марта 1918 г.»[7]

---

[19] Константин Дмитриевич Кавелин (1818-1885) – историк, философ, правовед и публицист, один из идеологов либерал-консерватизма.

[20] Кареев Николай Иванович (1850-1931), - историк, философ, социолог, педагог, общественный деятель, профессор Варшавского и Петербургского университетов, член-корреспондент Петербургской и Краковской Академий Наук, почетный член Академии наук СССР.

[21] Ключеский Василий Осипович (1841-1911), историк, академик Петербургской Академии наук (1900), почетный академик по разряду изящной словесности (1908).

[22] Ковалевский Максим Максимович (1851—1916), историк, юрист, социолог, академик Петербургской Академии наук (1914). Один из создателей и лидеров Партии демократических реформ (1906). Член Государственного совета от Академии наук (с 1907).

[23] Мануйлов А. А. (1861-1929) - видный ученый-экономист, публицист, член ЦК кадетов с 1905 г. В первую мировую войну - председатель Московского отделения Военно-промышленного комитета, в первом буржуазном и первом коалиционном правительствах - министр просвещения. После революции участвовал в подготовке реформы русского правописания (1918 г.); член правления Госбанка.

[24] Струве Петр Бернардович (1870-1944), политический деятель, экономист, историк, публицист, академик РАН (1917, в 1928 исключён). В 1890-х гг. теоретик “легального марксизма”, вёл полемику с народниками, автор Манифеста РСДРП (1898). С начала 1900-х гг. лидер российского либерализма, редактор журнала “Освобождение”, один из руководителей “Союза освобождения”. С 1905 член ЦК партии кадетов. С 1920г. в эмиграции.

[25] Чичерин Борис Николаевич (1828—1904), юрист, историк, философ, почётный член Петербургской Академии наук (1893). В 1840—50-х гг. член московского кружка западников, в 1861—68 профессор Московского университета. Основоположник “государственной школы” в российской историографии. Представитель либерального течения российской философско-юридической мысли. Сторонник конституционной монархии.

[26] Янжул Иван Иванович (1846–1914) — экономист и статистик, профессор кафедры финансового права Московского университета (с 1876 г.), действительный член Петербургской АН (1895). Труды по вопросам налоговой политики, фабричного и рабочего законодательства.

Подробнее о зарождении газеты рассказывает в своей книге ее бывший редактор В. Розенберг[8]:

«3 сентября 1863 г. в Москве, "в доме г. Клевезаль, против Мясницкой части" вышел в свет маленький газетный листок, в заголовке которого значилось "Русские Ведомости" (год 1-й № 1 1863 вторник 3 сентября). Этот первый номер "Русских Ведомостей", объемом в 8 страничек маленького формата, был подписан в качестве редактора-издателя их основателем, в свое время весьма известным писателем, Николаем Филипповичем Павловым (1805–1864). В конце листа значится: "Дозволено цензурою. Москва, 3-го сентября". Редактор жил здесь же. "Русские Ведомости" выходили 3 раза в неделю – вторник, четверг, суббота. Первые собственные корреспонденции из-за границы газета начала получать лишь с 1867 г., при втором редакторе, Николае Семеновиче Скворцове (1838–1882).

[…] Когда появились "Русские Ведомости", у московской интеллигенции не было своего органа в современной печати. Единственная московская газета "Московские Ведомости" [Каткова и Леонтьева]… московскую интеллигенцию не удовлетворяла [разошлись во взглядах с редакторами]. Ею же была начата на страницах "Русских Ведомостей" борьба с реакцией.

[В марте 1864 г.] умер основатель "Русских Ведомостей", редактировавший их всего семь месяцев. Собственником издания стал сын Н.Ф. Павлова, Ипполит Николаевич. Но редакция газеты перешла к Николаю Семеновичу Скворцову, который сначала (№ 39-61) подписывал газету "за редактора", а с 26 мая, после официального утверждения, уже как редактор. С этого времени и до конца жизни (в ночь с 12 на 13 сентября 1883 г.) он остается во главе редакции и умело… создает прочное основание для ее развития. […] Он сумел привлечь к участию в газете знаменитых впоследствии адвокатов А.И. Урусова, Ф.Н. Плевако, М.П. Щепкина – известного писателя и общественного деятеля. Во второй половине 60-х гг. постоянными сотрудниками "Русских Ведомостей" становится плеяда

молодых ученых, стяжавших впоследствии почетную известность: А.С. Посников, А.И. Чупров, В.М. Соболевский, И.И. Янжул и др., из старшего поколения – знаменитый юрист и философ Б.Н.Чичерин, историк права Ф.М. Дмитриев, профессор Московского университета историк Н.А. Попов, известный писатель Глеб Успенский и др.»

О начале деятельности В. Соболевского автор книги вспоминает так: «В "пятницу, 26-го января 1868 года", – в "день печальный для студентов", – произошло крупное событие в жизни тогдашнего московского общества; в этот день московское студенчество, а с ним вместе и вся московская интеллигенция чествовали Бориса Николаевича Чичерина по случаю его неожиданного и преждевременного ухода из университета. Незадолго перед тем разыгралась одна из самых печальных историй в летописях Московского университета, в результате которой университет едва не потерял знаменитого историка С.М. Соловьева и навсегда лишился таких научных сил как Чичерин и Ф.М. Дмитриев. Поводом к этому прискорбному делу послужил первый по времени случай нарушения министром народного просвещения университетского устава 1863 г.

Один из старых профессоров университета, баллотируясь на новое пятилетие по выслуге 25 лет, не получил узаконенных двух третей голосов и тем не мог быть утвержден в должности, а в сущности назначен без выбора властью министра. И так как, говоря словами профессора Ф.М. Дмитриева… "не было причины, чтобы случай не повторился", меньшинство совета, с Дмитриевым и Чичериным во главе, решило "оградить права университета". Но они наткнулись на противодействие со стороны ректора С.И. Баршева и поддерживавшего его большинства совета, вдохновителем которого был в то время профессор П.М. Леонтьев, товарищ Каткова по "Московским Ведомостям". […] Когда все другие способы отстоять попранное право были использованы, ряд профессоров, принадлежавших к меньшинству, подал прошение об отставке. Одним из первых …[был] Чичерин; в декабре 1867 г. он уже дочитывал свой последний университетский курс. 19 декабря должна

была быть его последняя лекция, [прочитать которую ему не дало университетское начальство].

Чичерин простился со слушателями письменно, его… "Прощальное письмо к моим слушателям" было опубликовано в № 25 "Русских Ведомостей" 1868 г.

[Это письмо послужило поводом] к жаркой и продолжительной полемике. [На одной стороне] профессора Дмитриев, Капустин, Рачинский, Соловьев, Бабст... На противоположной… "Московские Ведомости"».

Во время первой борьбы за университетскую автономию В.М. Соболевский, тогда студент третьего курса, принял активное участие в газетной кампании 1868 г. В сотрудничестве с товарищами-студентами, устроителями публичного чествования Чичерина, «он составил описание этого "прощального обеда" и принес его Скворцову. В Соболевском Скворцов нашел своего ближайшего помощника и заместителя. Но прежде чем это случилось, прошло немало лет. Привлечь Соболевского к сотрудничеству Скворцову удалось только в 1873 г.

Написать первую руководящую статью в "Русских Ведомостях" Соболевского побудило только желание выручить друга-редактора из затруднительного положения. В один из приездов своих в Москву (из Ярославля, где Соболевский был в то время доцентом Демидовского лицея) он провел вечер где-то в обществе вместе со Скворцовым и поздно ночью на пути домой согласился заехать в редакцию. Здесь редактор неожиданно объявил ему, что для очередного номера нет передовой статьи, и что написать ее кроме Соболевского некому. Дело было перед самым Рождеством, когда многие из ближайших сотрудников газеты отсутствовали. Написать он может и должен, тем более, что и тема для статьи подходящая: надо ответить на вылазку "Московских Ведомостей" против мирового суда, о которой друзья беседовали в этот же вечер. Во втором часу ночи Соболевский начал писать; редактор, уверенный в силах дебютанта, отбирал у него написанные листки прежде, чем успевали просохнуть чернила, и,

бегло просмотрев, отсылал в типографию.

Последний перед Рождеством 1873 г. [от 23 декабря, № 277] номер газеты был закончен не рано, так как срочная статья, писавшаяся ночью наспех, вышла по крайней мере втрое длиннее обычной передовой статьи, без малого в 700 строк! Но редактор был доволен: статья была сильная, основательная, но вместе с тем живая и остроумная, разбивавшая противника на-голову.» Смысл статьи Соболевского был в том что "Русские Ведомости" выступили в защиту "равенства всех граждан и всех сословий перед законом с одной стороны, и права общества выбирать себе судей, с другой".

В первой половине 70-х гг. Чупров и Соболевский становятся деятельными сотрудниками газеты, а еще немного спустя Соболевский принимает на себя обязанности второго редактора "Русских Ведомостей". За ними и прямо ими в состав сотрудников привлекается ряд талантливых писателей и ученых, разделяющих их политические и экономические воззрения. Во второй половине 70-х гг. нередко "Русские Ведомости" печатают статьи за подписью Глеба Успенского, Златовратского, Нефедова, Боборыкина, Южакова, появляются произведения С.А. Муромцева, М.М. Ковалевского, В.И. Орлова, Н.И. Каблукова. Из ранее примкнувших к газете писателей она по-прежнему пользуется содействием таких людей, как В.Ю. Скалон, М.А. Саблин, И.И. Янжул.

«Вскоре после смерти Павлова-отца – 20 июля 1864 г. – Скворцов переводит редакцию в другое помещение – Полянка, у Малого Каменного моста, дом кн. Трубецкой. […] 1 января 1868 г. "Русские Ведомости" становятся ежедневной газетой и одновременно меняют формат на больший. […] 16 декабря 1870 г. объем газеты был еще увеличен (4 столбца в 130 строк), а еще через полтора года, с 1 августа 1872 г., газета стала выходить листами большого формата в 6 столбцов по 145 строк.

20 июля 1871 г. газета вместе с типографией переходит в новое помещение: Арбат, Криво-Никольский пер., дом Делоне.

[...] С газетой сотрудничали М.Е. Салтыков-Щедрин, Н.Г. Чернышевский, Л.Н. Толстой, на "Русские Ведомости" работали Вл.С. Соловьев[27], П.Н. Милюков[28], К.А. Тимирязев, И.И. Мечников, В.О. Ключевский, С.Н. и Е.Н. Трубецкие, П.Б. Струве и пр. и пр.

В 1875 г., 3 ноября, газета была переведена Скворцовым в новое, специально приспособленное для этого здание – Мясницкая, Юшков пер., д. № 185, в этом доме редакция оставалась несколько лет и при товариществе 20 мая 1886 г. "Русские Ведомости" перешли в свое новое помещение, в Чернышевском пер., в дом, некогда принадлежавший кн. В.А. Черкасскому и принесенный ему в дар москвичами. Старое здание было тесно для газеты. Его неоднократно расширяли и перестраивали.

[...] А.С. Посников вскоре, наряду с Соболевским, становится редактором газеты (около 1886 г.)».

Из воспоминаний Д. Анучина[9]:

«[…] Осенью 1881 г. временные занятия мои в "Русских Ведомостях" должны были прекратиться, но Н.С. Скворцов сказал мне, что редакции жаль со мной расстаться, что я оказался подходящим сотрудником и что поэтому он предлагает мне продолжать сотрудничество. Я согласился, причем от меня отпала обязанность являться ежедневно в редакцию, а только по мере надобности. Круг тем моих писаний постепенно расширялся, и стал включать в себя вопросы науки, литературы, народного образования и др. Темы эти выбирались почти всегда мною и обыкновенно одобрялись Василием Михайловичем, вступившим в 1882 г. во все права редактора. Скворцова в этот год мы почти не видали; он был болен и с весны пребывал постоянно на даче в Алексеевском просеке, в Сокольниках. Осенью того же года он скончался. Василий Михайлович поместил в газете обстоятельный, прочувствованный о нем некролог, и затем издание внешним образом продолжалось прежним порядком, но в действительности для него наступил

[27] Соловьев Владимир Сергеевич (1853-1900), знаменитый философ и публицист.
[28] Милюков Павел Николаевич (1859-1943) - русский социолог, историк, общественный деятель.

критический момент, серьезно угрожавший его существованию.

В.К. фон Мекк охотно согласился помочь Скворцову в трудное для газеты время и купил воронинские векселя. Но ему вовсе не улыбалась мысль стать издателем "Русских Ведомостей". После смерти Скворцова перед В.М. Соболевским возникла задача придумать какую-нибудь комбинацию для возможности сохранения газеты в своих руках, при имевшемся составе сотрудников.

Мысль образовать издательское товарищество из ближайших сотрудников возникла, впервые, кажется, у Лукина, который сообщил о ней Чупрову и Богданову. Скоро поделились ею и с Соболевским, предложив ему составить товарищество по изданию "Русских Ведомостей", – из него и указанных трех лиц. Соболевский предложил ввести в него и других постоянных и старейших сотрудников, а также В.С. Пагануцци, которому он считал себя обязанным за ограждение интересов газеты в сношениях с фон-Мекком и в котором он видел человека, способного устроить хозяйственную часть газеты.

В конце концов в состав товарищества вошло 11 лиц, именно: Соболевский, Чупров, Богданов, Лукин, Посников, Скалон, Саблин, Бларамберг, Джаншиев, Пагануцци и я. Выработан был товарищеский договор, который и был заключен в нашем присутствии у нотариуса Эггерса, имевшего тогда контору в доме "Славянского Базара". Одновременно должны были мы подписать и список принимаемых нами на себя долгов, в сумме около ста тысяч рублей. Скоро весть о новом товариществе распространилась, и "Московский Листок" долго потом посмеивался над 12-ю "братчиками" "Русских Ведомостей", упорно почему-то насчитывая их 12, вместо 11-ти.

В основу нового товарищества был положен трудовой принцип: все члены его обязаны были работать в газете и все были на это согласны, но в действительности обстоятельства сложились так, что не все могли или были расположены в равной мере трудиться для издания. Наиболее было сделано

для него, особенно в 80-х и начале 90-х годов, В.М. Соболевским. Он работал усердно большую часть года, являясь в редакцию и днем, в 3-5 часов, и вечером для выпуска нумера, отдавая этому делу время с 11-ти до 2-х, а иногда и до 3-4 часов ночи. Желая возбудить больший интерес к газете, он старался привлечь к участию в ней лучших писателей того времени. Уже ранее в газете писал Г.И. Успенский, с которым В.М. был очень близок, ездил с ним одно лето на Кавказ и т. д.; участие Г.И-ча продолжалось и при товариществе, пока он был еще здоров. Через него и других лиц В.М. завел сношения с Н.К. Михайловским. Через Михайловского был привлечен к участию в "Русских Ведомостях" М.Е. Салтыков (Щедрин), помещавший в газете свои "Сказки". Участие Успенского, Михайловского, Салтыкова (Щедрина), несомненно, увеличило интерес газеты, к участию в которой были кроме того постепенно привлечены: В.Г. Короленко, Станюкович, Чехов, Златовратский, Мамин и др., в которой завелись хорошие иностранные корреспонденты, стали помещаться литературные, научные, театральные и др. обзоры, и т. д.

В.М. Соболевский был, как сказано, деятельным редактором большую часть года, но, естественно, у него являлась и потребность в отдыхе; на 2-3 месяца он обыкновенно уезжал за границу. Его обязанности за это время исправлял сначала П.И. Бларамберг, числившийся помощником редактора, а затем А.С. Посников. Последний, оставив к началу 1880-х годов профессуру в Одесском университете, жил в течение нескольких лет в своем родовом имении в Вяземском у. Смоленской губ. Вступив в товарищество "Русских Ведомостей", он первое время не принимал близкого участия в газете, но затем поселился в Москве и стал заменять Василия Михайловича в его отсутствие. Своими знаниями в области общественных наук, земского и крестьянского дела, он был очень полезен газете, и в этом отношении, как и по проявленной им энергичной инициативе, его деятельность, как редактора, представлялась очень ценной. Редакторские обязанности стали им исправляться с 1887 года, хотя официально он был утвержден вторым

редактором только в 1890 году.

А.С. Посникову главным образом "Русские Ведомости" были обязаны тем, что они сделались органом земским, ставившим на первый план земские интересы и упорно проводившим, насколько то было можно при тогдашних цензурных условиях, идею народного представительства. Значительное место уделялось в газете вопросам крестьянского быта и права народного образования, финансов».

В своих воспоминаниях Д. Анучин не упоминает о сторонней помощи, к которой все же прибегнул В.М. Соболевский, спасая газету. Возможно, факт этой помощи не был предан огласке, так как существовала она не долго и не принесла желаемых результатов. Как бы то ни было, газета от Скворцова к Товариществу перешла через участие в деле В.К. фон Мекка и Е.И. и А.П. Фок.

Договор, заключенный Соболевским В.М. с Фок Елизаветой Игнатьевной и Александром Петровичем на право издания газеты «Русские Ведомости»[10]

«1882 года ноября 9 дня мы, нижеподписавшиеся, дворянка Елизавета Игнатьевна Фок, Тобольской 1 гильдии купец Александр Петрович Фок и кандидат прав Василий Михайлович Соболевский заключили настоящий договор в следующем.

1. Я, Соболевский, владею правом издания в Москве ежедневной газеты «Русские Ведомости», издающейся 20-й год и перешедшей ко мне в собственность от камер-юнкера Владимира Карловича Фон-Мекк по условию, явленному и заключенному в конторе Московского нотариуса Эггерс Октября 22 дня 1882 года по реестру.

2. В силу настоящего договора я, Соболевский, принимаю в соучастники по владению той газетой дворянку Елизавету Игнатьевну Фок и Тобольского купца Александра Петровича Фок, каждого в третьей части и стоимости, на условиях и основаниях, в настоящем договоре постановленных.

3. Так как вместе с приобретением права издания «Русских Ведомостей» от Фон-Мекка, я, Соболевский, выдал вместе с Гг. Фок прежнему владельцу Фон-Мекку, векселя на сумму сорока пяти тысяч рублей общей моей, Соболевского, и Гг. Фок подписью, причем я обязался не передавать права издания «Русских Ведомостей» до платежа всех, следующих Г. Фон-Мекку денег по тем векселям, то, в виду соблюдения этого условия относительно Фон-Мекка, господа Фок входят во все права свои по изданию не прежде, как по уплатам всех, следующих Г. Фон-Мекку платежей по тем векселям, выданным: 1-й, в сумме десяти тысяч рублей, от 22-го Октября 1882 года сроком по 1-е декабря 1882 года, 2-й, от того же числа в сумме пятнадцати тысяч рублей, сроком по 15 января 1883 года и 3-й, от того же числа в сумме двадцати тысяч рублей сроком по 1-е июня 1883 года. Если Гг. Фок произведут платеж по этим документам ранее положенных в них сроков, то они вступают во все права свои по изданию, каждый в третьей части, немедленно по уплате этих денег г-ну Фон-Мекку.

4. Ввиду того, что при настоящем положении дела издание не может дать достаточно средств для покрытия платежей, указанных в предыдущем пункте, и принятых нами по договору с прежним владельцем Фон-Мекком долгов разным лицам на сумму сорока двух тысяч рублей, а равно потребует наличных денег для продолжения издания до 1-го января 1883 года, то мы, Елизавета и Александр Фок обязались и в настоящее время обязуемся доставлять потребные денежные средства для покрытия тех платежей из посторонних источников, имея право заимствовать для этой цели из доходов газеты только ту часть, по взаимному с Г. Соболевским согласию, которая окажется излишнею за обеспечением правильного издания газеты на весь текущий год.

5. Часть долга, причитающаяся на долю Г. Соболевского, погашается теми же суммами, которые обязаны доставлять Гг. Фок за его счет, и эта часть долга, уплаченная последними, записывается по книгам издания в долгу за Г. Соболевским с прибавлением 10% в год в пользу Гг. Фок.

Проценты эти насчитываются на оставшийся неуплаченным Г. Соболевским долг и считаются со дня действительного платежа Господами Фок за часть Соболевского денег.

6. В случае отказа Г. Соболевского от погашения долга из причитающихся на его долю доходов или в том случае, если Гг. Фок не доставят достаточных в срок денег для платежа по всем вышеозначенным обязательствам, то виновная сторона подвергается следующим последствиям: как Г. Соболевский, с одной стороны, так и Гг. Фок, с другой, имеют право виновной стороне от соучастия в праве издания отказать, уплатив вместе с тем все внесенные им из посторонних источников деньги.

7. Распоряжение всеми делами издания производится не иначе, как с общего участников согласия. Ближайшее заведование хозяйственной частью возлагается на Г. Александра Фок, который снабжается для этой цели доверенностью, и получает в вознаграждение своего труда три тысячи рублей ежегодно. Деньги, поступающие в доход по изданию, вносятся на текущий счет в одно из кредитных учреждений на общее Александра Фок и Соболевского имя и выдача чеков производится за общим подписом Гг. Александра Фок и Соболевского. [По уплате же Г. Фоком всех денег, следующих Фон-Мекку и по обеспечении наличными деньгами на полгода издания газеты, Г. Фок становится полным распорядителем дела и деньги, получаемые из газеты, поступают в банковое учреждение на его имя.] В Декабре месяце каждого года составляется бюджет издания, который подписывается всеми участниками. Если бюджет не будет почему-либо составлен, то расходование сумм следует производить, руководствуясь бюджетом прошлого года.

8. Г. Соболевский, как редактор газеты, получает из валового дохода жалованье пять тысяч рублей в год, помесячно, и имеет исключительное право в пределах, установленных бюджетом, приглашать сотрудников по своему усмотрению, заключать условия с ними, назначать им построчную плату и расходовать суммы для их вознаграждения.

9. Ежегодный платеж вдове дворянина Ольге Ивановне Скворцовой четырех тысяч рублей производится из валового дохода газеты.

10. Печатание газеты производится в типографии, принадлежащей Елизавете Игнатьевне Фок, которая получает за это плату, составляющуюся из действительных расходов на печатание с прибавлением пятнадцати процентов пользы.

11. В случае выхода кого-либо из соучастников издания, оба другие, или за отказ одного из них другой – имеют преимущественное право на приобретение доли выходящего, которая подлежит определению по оценке на нижеследующем основании. При существовании долгов на издании доля каждого определяется в двадцать пять тысяч рублей, из которых должна быть вычтена часть причитающегося на его долю долга. Остаток укажет точную стоимость доли. Если причитающийся на его часть долг превышает двадцать пять тысяч рублей, то недостающая сумма должна быть выплачена выходящим соучастникам. Затем, при отсутствии долгов и при чистом доходе газеты не свыше семи тысяч пятисот рублей, стоимость доли каждого определяется в двадцать пять тысяч рублей. При чистом доходе свыше семи тысяч пятисот рублей, цифра высшая против 7500 рублей дохода помножается на десять, делится на три, и полученный таким образом итог прибавляется к двадцати пяти тысячам рублей, что и составляет стоимость части выходящего. Требование о выходе из участников газеты должно быть заявлено за четыре месяца, по истечении которых и определении доли выходящего, должно быть тотчас же внесено 15% со всей причитающейся ему суммы, а остальная часть уплачивается, впредь до погашения, всей наличностью чистого дохода газеты.

Приписка: а то, что особенно в 7 пункте сей копии с договора: «По уплате же и прочее, и слов «на его имя» включительно, не числить. С подлинным верно и подленник находится у меня. Тобольский временной купец

Александр Петров Фок».

О дальнейшей судьбе этого договора данных в архиве найти не удалось.

В современных изданиях, посвященных истории купечества конца XIX – начала XX в., встречается утверждение о финансовой помощи, оказываемой В. Морозовой «Русским ведомостям», однако, без ссылки на архивные источники. Вполне вероятно, что Варвара Алексеевна действительно сочла необходимым поддержать материально прогрессивное издание, однако документального подтверждения этой помощи нами найдено не было. Возможно, поводом к такому утверждению послужили воспоминания Н. Варенцова[11]:

«В.А. Морозовой увлекся известный издатель и редактор самой либеральной газеты в Москве "Русские Ведомости" Соболевский, и она жила с ним открыто, не сочетавшись церковным браком, не обращая никакого внимания на окружающее ее общество и всех ее родственников. Злоязычники утверждали, что она не желала менять свою известную фамилию: Морозову на Соболевскую, представлявшуюся в ее купеческих глазах малозавлекательной; имея от него детей, оставила им фамилию Морозовых.

[...] В.А. Морозовой – несомненно, выдающейся женщине среди московского купечества – пришлось пережить много огорчений из-за ее связи с Соболевским, так нарушаемых ею традиций общества, крепко столетиями державшихся; но всего больше доставляло неприятностей ей, когда имя ее трепали газеты, полемизирующие с "Русскими Ведомостями", называя редактора Соболевского "содержанкой московской купчихи", давая понять, что "Русские Ведомости" пользуются денежной поддержкой у Морозовой.

"Русские Ведомости" были органом либералов и в обществе с иронией назывались "профессорской" [газетой] из-за участия в ней многих профессоров. Отличалась газета сухостью своего содержания, доктринерством и особенно горячим стремлением к фритредерству, от совершенного непонимания, что "свободная торговля" по тому времени не

может быть осуществлена без сильных экономических потрясений, задевающих почти все сословия государства, но "Русские Ведомости" этим лозунгом усиленно потряхивали в своей уже довольно потрепанной торбе.

Все эти условия не создавали большого успеха газете среди читающей публики, и она не имела большого тиража; между тем Москва сильно нуждалась в хорошей и серьезной газете, чего добился потом Сытин с изданием газеты "Русское слово", хотя и она далеко не была идеальной».

В ЦИАМ сохранился нижеприведенный документ[12].

Квиток обрезан по краям:

«…ЕРТВОВА…

№ 1565 квитанция 200 р…к

Конторою «Русских Ведомостей» получено от Варвары Алексеевны Морозовой в пользу голод.[ающих] Воронежского (?) уезда в распоряжение Погожевой = двести руб. коп.

Москва 16 апреля 1892 г.

Кассир…»

Это, к сожалению, единственный документ, найденный в архивах, говорящий о денежном вкладе Варвары Алексеевны, и то, не в пользу газеты, а в пользу голодающих.

Также в Центральном историческом архиве Москвы были найдены баланс и расходы за 1893 г. по редакции «Русских ведомостей». Приведена выдержка из документа[13]:

«Редакция

Содержание сотрудников

1893 г.

Расход по смете Сотрудников	за 12 мес.	за 7 мес.
В.М. Соболевского	5000	2916 р. 67 к
А.С. Посникова	5000	2916 р. 67 к.

П.И. Бларамберга	5000	1750 р.
А.П. Лукина	2400	1400 р.
М.А. Саблина	2400	1400 р.
А.И. Чупрова	1560	910 р.
Д.Н. Анучина	1200	700 р.
М.Е. Богданова	1200	700 р.
Г.А. Джаншиева	1200	700 р.
В.Ю. Скалона	1200	700 р.
В.Л. Бинштока	520	
А.Е. Крепова	900	
А.А. Мануилова	1500	
Д-ра Кервелли	600	
В.А. Уляницкого	900	
Г.Б. Иоллоса	1500	
В.Е. Якушкина	1500	
Ф.Н. Митропольского	1200	
В.А. Розенберга	1500	
И.И. Иванюкова	600	
Н.В. Юнгфера	480	

Содержание петербургских корреспондентов – около 5000 р., метеорологические известия 250 р., судебный указатель 120 р., содержание секретаря 600 р., контора: 6 конторщиков, бухгалтер, артельщик и др. – около 7000 р.; прислуга – 5 лиц – 1284 р. в год; печатание (жалование, краска, материалы, освещение, отопление, страхование и др.) – около 30 000 р., бумага 70 000р., помещение – плата в год 7000 р., отопление 950 р., разные расходы – около 12 000 р. Итого всех расходов в год – 267 925 р. 50 к.»

В книге «Русские ведомости». 1863–1913. Сборник статей. М., 1913[14] приведены интересные статистические данные, дающие полную картину о популярности газеты в разных слоях общества:

«Читатели "Русских Ведомостей"»

«В феврале 1913 г. редакция обратилась к читателям газеты с просьбой ответить на ряд вопросов, освещающих как облик самого читателя, так и его отношение к "Русским Ведомостям". Ответы на вопросы в короткий срок пришли со всех концов России. Читатели с удовольствием откликнулись на просьбы газеты…

Возрастной состав

Возраст	% читателей в Москве	% читателей в провинции
До 25 лет	6	4.9
25-30 лет	16.5	12.6
30-40 лет	29.2	33.2
40-50 лет	21.2	26.7
50-70 лет	18.0	21.4
Свыше 70 лет	1.5	1.2
Итого	100	100

Образование

Образование	Москва (%)	Провинция (%)
Высшее[15]	68.0	67.4
Среднее	19.7	22.7
Низшее	12.3	9.7

Национальность

Национальность	Москва (%)	Провинция (%)
Русские	82.2	82.8
Евреи	8.5	6.9
Разные национальности	9.3	

Продолжительность чтения газеты

% читающих газету	Москва	Провинция
До 1 года	2.4	2.7
От 1-5	12.4	12.8
5-10	22.5	21.5
10-20	30.0	34.8
20-30	22.2	21.8
30-40	8.4	5.9
40-50	2.1	1.0

Состав читателей по профессиям и полам в % от общего числа

Занятия	Мужчины	Женщины	Всего
Учащиеся в высших учебных заведениях	14.3	2.7	17.0
Педагоги (в средних и низших учебных заведениях)	8.0	4.6	13.5
Врачи (несколько лиц низшего мед. персонала)	12.0	1.0	13.0
Без определенных занятий (преимущественно женщины, занятые домашним хозяйством и воспитанием детей)	2.0	5.1	7.1
Конторщики	6.8	0.2	7.0
Владельцы торгово-промышленных заведений (директора фабрик и тому подобное)	6.7		6.7
Чиновники	6.0		6.0
Торгово-промышленные	5.4		5.4

служащие			
Адвокаты	5.0		5.0
Инженеры	3.8		3.8
Ученые	3.4		3.4
Представители искусства (музыканты, певцы, артисты, художники)	2.2	0.5	2.7
Частная служба различная (личные секретари, переписчики и др.)	2.5	0.1	2.6
Служащие в городских и земских учреждениях	1.8		1.8
Литераторы	1.0		1.0
Железнодорожные служащие	1.0		1.0
Духовенство	0.6		0.6
Сельские хозяева	0.6		0.6
Банковские служащие	0.5		0.5
Военные	0.5		0.5
Рабочие	0.5		0.5
Агрономы	0.3		0.3

Названия отделов «Русских Ведомостей» той поры: «Передовые», «Телеграф и телефон», «Отчеты Государственной думы», «Изо дня в день», «Отклики жизни», «Иностранные известия», «Иностранные корреспонденты», «Хроника», «Провинциальная почта», «Фельетоны», «Театр и музыка», "Московские вести"».

В.М. Соболевский скончался в мае 1913 г., в сентябре было вскрыто его духовное завещание. Приводятся отрывки из него[16].:

«20 сентября 1913 г. было утверждено к исполнению духовное

завещание Василия Михайловича Соболевского, умершего 9 мая 1913 г. Душеприказчик по завещанию – присяжный поверенный Дмитрий Николаевич Доброхотов.

Выписка из духовного завещания В.М. Соболевского:

«В Общество вспомоществования недостаточным студентам Императорского Московского Университета три тысячи рублей на предмет уплаты за слушание лекций за наиболее нуждающихся студентов».

2 ноября 1913 г. Правление Императорского университета уведомило Общество вспомоществования нуждающимся студентам, что 26 октября прокурор Московского окружного суда препроводил ректору университета выписку из духовного завещания кандидата прав Соболевского В.М.»

Часть завещания была опубликована в «Русских ведомостях»[17]:

«Касса взаимопомощи литераторов и ученых

"...Вчера происходило общее собрание Кассы взаимопомощи литераторов и ученых. Доложено, что В. М. Соболевский завещал в пользу Кассы свою поразрядную сумму в 1484 руб." ...»

Далее приведены тексты из газет (или их фрагменты) – отклики на смерть Василия Михайловича Соболевского.

«Дорогой и незабвенный Василий Михайлович Соболевский
тихо скончался от паралича сердца в Гаграх 9-го сего мая, о чем убитая горем семья покойного извещает родных и знакомых».[18]

«Комитет Общества для пособия нуждающимся студентам Императорского Московского университета сим уведомляет гг. членов Общества, что сегодня, 11-го мая, в 1 ч. дня, в помещении комитетской столовой (Малая Бронная, 4) будет отслужена панихида по скончавшемся ПОЧЕТНОМ ЧЛЕНЕ Общества Василии Михайловиче Соболевском».[19]

«Общество любителей российской словесности, Общество деятелей периодической печати и литературы, Толстовское Общество, Общество им.

А.Н. Островского, Литературно-художественный кружок, Общество свободной эстетики, Литературная "Среда", Совет присяжных поверенных округа московской судебной палаты, Московский городской университет им. Шанявского, Общество взаимопомощи при московском учительском институте, Общество мира, Общество славянской культуры, Общество распространения правильных сведений об евреях, Московское юридическое общество, Общество русских врачей в память Н.И. Пирогова, Общество грамотности, учебный отдел Общества распространения технических знаний, Московское отделение Императорского русского технического Общества, Общество распространения коммерческого образования, Общество сельского хозяйства, Общество взаимопомощи русских агрономов, Общество для пособия нуждающимся студентам Императорского московского университета, Общество усиления средств Московского городского университета им. Шанявского, 1-й женский клуб, Юридическое собрание, Книгоиздательство писателей, редакции журналов "Вестник Воспитания", "Голос Минувшего", "Путь", "Юная Россия" и Комитет юбилейных чествований "Р.В." **извещают своих членов**, что в понедельник, 13 мая, в 4 часа дня, в церкви Большого Вознесения на Б. Никитской, будет отслужена панихида по В.М. Соболевскому».[20]

«Редакция газеты «Русские Ведомости» извещает, что тело скончавшегося 9 мая в Гаграх В.М. Соболевского прибудет на Курский вокзал сегодня, во вторник, 14 мая, в 8 ч. 35 мин. вечера и по прибытии будет перевезено в храм Воздвижения, на Воздвиженке. В среду, 15 мая, после заупокойной литургии в означенном храме (начало в 10 часов утра) состоится погребение на Ваганьковском кладбище».[21]

«Памяти Василия Михайловича Соболевского»

«Я слишком удручен внезапной кончиной Василия Михайловича, чтобы спокойно и обдуманно писать сейчас о нем. Для меня покойный был не только руководителем газеты, с которой я сроднился за 27 лет

беспрерывного сотрудничества, но близкий, дорогой человек. В последние годы я, посещая Москву, нередко останавливался в его квартире, и всего только четыре месяца назад, когда он проживал в «Лоскутной гостинице», много раз виделся с ним, причем мы строили планы этим летом встретиться на Кавказе, в Красной Поляне, где В.М. приобрел небольшой участок и построил себе «предсмертное жилище», как он выражался. И вот уже нет его! Скончался В.М. недалеко от назначенного места для свидания, – в Гаграх.

Белоконский И.П., Харьков»[22]

«Из зарубежных встреч»

«Он [Соболевский] почти ежегодно приезжал в Париж и каждый раз уделял нам довольно много времени. (К. Аркадакский писал из Парижа для «Русских Ведомостей».) Его живо интересовала французская политическая жизнь. Мы с ним ходили по выставкам, в палату депутатов и на народные собрания, заглядывали и в Сорбонну...

К. Аркадакский»[23]

«Болезнь и последние минуты В. М. Соболевского»[24]

«Вчера утром вернулись из Гагр в Москву сын и дочь В.М. Соболевского и другие близкие к почившему лица, свидетели его последних минут.

Как они передают, В.М. Соболевский еще в Москве, где остановился на недолгое время после возвращения из Лондона, чувствовал себя нехорошо, жаловался на недомогание, кашлял, но не придавал этому значения и торопился в Гагры, не раз повторяя, что там солнце быстро его вылечит, вернет силы. Первые пять-шесть дней в Гаграх, хотя недомогание продолжалось, В.М. вел свой обычный образ жизни, очень много ходил, спускался вниз с горы, где помещается его квартира, каждый день брал ванны, сердился, когда ему говорили об его болезни. Но настроение у него было удрученное, и близкие к нему, вспоминая теперь некоторые его фразы, думают, что уже носил он в себе предчувствие смерти. Так, он не раз начинал

говорить о гагринском кладбище; как-то сорвалась у него фраза, что хорошо бы тут умереть.

На шестой день по приезде в Гагры у В.М. сильно поднялась температура... Приглашенный врач констатировал воспаление легких...

В конце третьей недели болезни наступило значительное облегчение. Температура упала, самочувствие больного заметно улучшилось. Так продолжалось в течение дня. Но уже к вечеру температура вновь поднялась, на утро – 38,8 и с тех пор уже не опускалась. Врачи находили, что болезнь течет вполне нормально, не угрожает катастрофой. Только тревожила несколько все возраставшая слабость. За два дня до рокового 9 мая слабость стала особенно значительна, иногда В.М. начинал бредить, много говорил о море. Но за исключением этих коротких минут бреда больной сохранял вполне ясное сознание; только можно было заметить, что слабеет память.

7-го мая из Лондона приехала дочь В.М., из Москвы – сын, извещенные телеграммами о болезни. В.М. узнал детей, был недоволен, что их потревожили, говорил, что он очень скоро поправится, жалел, что дочери пришлось сделать такой долгий путь и оставить в Лондоне мужа и ребенка.

То состояние, которое описано выше, продолжалось до 2-х час. дня 9-го мая. В 2 час. дня наступила крайняя слабость... Врачи заявили родным, что положение безнадежно, что началось умирание. Это тихое угасание, по-видимому, не сопровождавшееся страданиями, продолжалось семь часов... Было 9 час. с несколькими минутами. В.М. вскинул руки, схватился за сердце. И его не стало».

«Похороны В.М. Соболевского»[25]

«Вчера Москва хоронила В.М. Соболевского…

В 10 час. утра в церкви упраздненного Крестовоздвиженского монастыря началась заупокойная литургия. До начала обедни и во время ее депутации от различных обществ и учреждений возлагали венки. Пел хор Архангельского. […] В храме находились: В.А. Морозова, дочь и сын покойного В. М-ча, члены Гос. Думы от г. Москвы В.А. Маклаков, М.В.

Челноков, Н.Н. Щепкин, быв. Чл. 2-й Гос. Думы А.И. Юренев, акад. А.Н. Веселовский, проф. Д.Н. Анучин, И.А. Каблуков, А.А. Кизеветтер, Ф.Ф. Кокошкин, Н.М. Кулагин, Л.М. Лопатин, А.А. Мануилов, М.А. Мензбир, П.А. Минаков, Г.И. Россолимо, А.Ф. Фортунатов, А.Н. Филиппов; художник В.В. Переплетчиков и представители земства и мос. Гор. обществ. правления: председатель москов. уезд. Управы И.Б. Месснер [и др.]

Венки были размещены на трех колесницах. Похоронная процессия двигалась от церкви по Воздвиженке и направилась Шереметевским пер., Никитской в Б. Чернышевский пер., к редакции «Русских Ведомостей». Здесь была отслужена лития и похоронный кортеж направился к Ваганьковскому кладбищу. [Речи на могиле произнесли: Д.Н. Анучин, А.А. Мануилов, кн. П.Д. Долгоруков, И.И. Попов, В.М. Фриче; от рабочих – наборщик типографии И.М. Загревский]».

«В понедельник 17 июня, в сороковой день по кончине В.М. Соболевского имеет быть совершена заупокойная литургия в церкви Малого Вознесения в 10 часов утра и панихида на Ваганьковском кладбище в 12 часов дня».[26]

В фонде А.И. Чупрова, находящемся в ЦИАМ, сохранилась переписка Александра Ивановича с Варварой Алексеевной. Ее письма – пожалуй, единственный источник сведений о взаимоотношениях двух близких людей – Василия Михайловича Соболевского и Варвары Алексеевны Морозовой. Но и в них информация весьма скудная...

17 сент. 1900 г. Чупрову А.И. из Швейцарии от Морозовой В.А. была послана открытка, где сообщалось, что они с Василием Михайловичем там отдыхают, а к 1 октября вернутся в Москву.[27]

Письмо А.И. Чупрову от 17 июня 1901 г.

*Клин*28

«*Многоуважаемый Александр Иванович!*

Вам вероятно уже писала Ю.Е. Богданова, что ей вручена сумма для передачи стипендиаткам и для г-жи Хлюстиной(?) за прежние сроки

выдано 180 р.

Мы вас поджидали, многоуважаемый Александр Иванович, к нам в Россию. Здесь у нас теперь хорошо. Оживились надежды, на душе стало бодрее. За последние 20 лет мы едва ли чувствовали себя когда еще такими воспрянувшими как в настоящее время. Дай то Бог, чтобы эти надежды не оказались бы иллюзиями.

У нас здесь, в деревне, прелестно. Трава, рожь, деревья густы, крупны и ароматны. В воздухе тепло, влажно и ясно. Давно не запомнить такого мая.

Бедный Вас. Михайлович с 15-го засядет несменно в редакции. Пока чувствует он себя хорошо, а на осень взоры его обращены с надеждой на Биаррицы.

Жму крепко вашу руку

Преданная вам

В. Морозова»

Только несколько последних лет жизни суждено было Василию Михайловичу провести в стенах собственного дома. В 1909 г. он переезжает в купленный дом по адресу Воздвиженка 4/729. До этого – в самом начале деятельности его в качестве редактора «Русских ведомостей» – Соболевский жил при издательстве (Чернышевский пер., Тверской ч., 2 уч.). Затем – с 1899 г. – снимал квартиры в доме Гирш, доме Титовой на Поварской. А в 1913 году его не стало…

В 1916 г. Варвара Алексеевна Морозова решила увековечить память любимого человека созданием библиотеки-читальни имени В.М. Соболевского[30].

«Переписка с VII отделением Управления о пожертвовании редакцией "Русские Ведомости" =19 000 руб. и Морозовой В.А. =31 000 руб. на постройку библиотеки-читальни имени Соболевского В.М.»

15 сентября 1916 г. – 8 октября 1916 г.

Московская Городская управа 8 октября 1916 г.

в л. № 101

VII отделение В Фондовый Отдел Городской Управы

Октября 7 дня 1916 г.

№ 2894

На отношение от 15 сентября с/г. за № 8303, Училищное Отделение сообщает, что заявление редактора-издателя "Русских Ведомостей" А.А. Мануилова и В.А. Морозовой от 7-го марта с/г. с препровождением 19 000 руб., собранных редакцией "Русских Ведомостей" и 31 000 рублей, жертвуемых В.А. Морозовой с тем, чтобы на эти деньги была выстроена библиотека-читальня с присвоением ей имени покойного редактора газеты "Русских Ведомостей" Василия Михайловича Соболевского – было доложено Городской думе 8-го марта с/г. (Журнал № 5, ст. **IXXVI-188. –** выделено нами. – Прим. сост.). Означенные 50 000 руб. были внесены в кассу Управы 19 марта с/г. по квитанции за № 4661.

Означенного выше заявления А.А. Мануилова и В.А. Морозовой, а также каких-либо других материалов по этому пожертвованию в Училищном Отделении не имеется.

Член Управы

Делопроизводитель

П. Делопроизводителя»

«Выписка из журнала заседания Городской Управы 1-8 марта 1916 года № 5 – 1916 г. ст. **VXXVI-188** (выделено нами. – Прим. сост.). Положено заявление редактора-издателя газеты "Русские Ведомости" А.А. Мануилова и В.А. Морозовой, от 7 марта, с препровождением 19 000 руб., собранных редакцией «Русских Ведомостей», и 31 000 руб., жертвуемых В.А. Морозовой, с тем, чтобы на эти деньги была выстроена библиотека-читальня, с присвоением ей имени покойного редактора газеты «Русские Ведомости» Василия Михайловича Соболевского.

По предложению председательствующего единогласно ПОСТАНОВЛЕНО:

1. Выразить жертвователям благодарность Городской Думы.

2. Поручить Городской Управе представить по означенному заявлению доклад, с заключением Училищной Комиссии.

Верно: Делопроизводитель».

К сожалению, последовавшие в стране события не дали осуществиться этому проекту

---

[1] «Русские Ведомости». 1913. № 108. С. 2.
[2] «Русские Ведомости». 1863-1913. Сборник статей. М., 1913. С. 164-166.
[3] «Русские Ведомости». 1863-1913. Сборник статей. М., 1913. С. 174.
[4] «Русские Ведомости». 1863-1913. Сборник статей. М., 1913. С. 142-153.
[5] Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Спб., 1899. Т. XXVII. С. 332, 333.
[6] Фабрично-заводские предприятия Российской империи. Спб., 1909. Разд. 3, № 1175.
[7] ЦИАМ Ф. 1439. Оп. 1. Предисловие.
[8] Розенберг Владимир. Из истории русской печати. Организация общественного мнения в России и независимая беспартийная газета «Русские Ведомости». Прага, 1924. С. 17-19, 22, 33, 34, 43-46, 48, 49, 50-52, 59, 60, 61, 69, 70, 73, 249.
[9] «Русские Ведомости». 1863-1913. Сборник статей. М., 1913. С. 77-79.
[10] РГАЛИ. Ф. 452. Оп. 1. Д. 31. Л. 1., 1 об., 2.
[11] Варенцов Н.А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. М., 1999. С. 673, 674.
[12] Ф. 2241. Оп. 1. Д. 3061. Л. 23.
[13] ЦИАМ Ф. 2244. Оп. 1. Д. 3102. Л. 1, 1 об.
[14] ЦИАМ Ф. 2244. Оп. 1. Д. 3102. С. 113-115, 118.
[15] К лицам с высшим образованием причислены и студенты, так как имеется в виду уровень интеллигентности читателя.
[16] ЦИАМ Ф. 224. Оп. 1 Д. 310. Л. 1, 2, 3.
[17] «Русские Ведомости». 1913. № 269. С. 4.
[18] «Русские Ведомости». 1913. № 107. С. 1.
[19] «Русские Ведомости». 1913. № 108. С. 1.
[20] «Русские Ведомости». 1913. № 109. С. 1.
[21] «Русские Ведомости». 1913. № 110. С. 1.
[22] «Русские ведомости». 1913. № 111. С. 2, 3.
[23] «Русские ведомости». 1913. № 110. С. 2.
[24] «Русские Ведомости». 1913. № 111. С. 2.
[25] «Русские Ведомости». 1913. № 112. С. 2.
[26] «Русские Ведомости». 1913. № 138. С. 1.
[27] ЦИАМ Ф. 2244. Оп. 1. Д. 2076. Л. 3.
[28] Там же. Л. 1, 1 об., 2.
[29] Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1909 г. Ч. 3. С. 390.
[30] ЦИАМ Ф. 179. Оп. 59. Д. 222. л. 2, 2 об.

Глава 5. Общественно-политическая деятельность В.А. Морозовой

Эта глава книги посвящена участию В.А. Морозовой в общественно-политической жизни страны. Однако начать ее хотелось бы не с документов, а с отрывков из воспоминаний, дающих представление о Варваре Алексеевне как личности, о том, какой видели ее современники, а также о ее окружении, о людях, с которыми она поддерживала дружеские или деловые отношения; это общение и давало возможность Варваре Алексеевне участвовать самым заметным образом в общественной жизни России.

Самыми главными и важными, наверно, можно считать слова любви и преклонения перед Варварой Алексеевной, сказанные ее дочерью, Наталией Васильевной Морозовой-Поповой[1]:

«ВАРВАРА АЛЕКСЕЕВНА МОРОЗОВА

Мне хочется написать о своей матери Варваре Алексеевне Морозовой. Она была выдающаяся женщина. У меня остался ее дневник. Писала она его в 14–17 лет. Родилась она в 1848 году, умерла 6 сентября 1917 года.

С молодых лет она мечтала помогать людям, быть им полезной. Ее отец, Алексей Иванович Хлудов, насильно выдал ее замуж за богатого купца Абрам Абрамовича Морозова. Мама три раза ему отказывала. Тогда отец запер ее в комнате, и она почти год просидела взаперти. В это время отец проклял своего сына Михаила Алексеевича Хлудова, ее любимого брата, и она согласилась выйти замуж, если он простит брата.

Мама вышла замуж, Абрам Абрамович боготворил ее, это видно по его письмам, нежным и трогательным. Едва ли она была счастлива с ним, А.А. был менее образованный, старше ее, а мама много читала, играла на рояле, свободно говорила по-французски. У нее было три сына, старший Иван Абрамович[2], Михаил Абрамович и Арсений Абрамович. Все они рано умерли. Муж ее, Абрам Абрамович психически заболел, и проболел около 5 лет. Мама никуда его не отдавала, лечила дома. Это было очень тяжело для нее. Во время болезни мужа она очень подружилась с профессором

психиатром Сергеем Сергеевичем Корсаковым, который лечил его. Это был прямо необыкновенный человек, самоотверженный и добрый. До него, в больницах, очень жестоко обращались с психическими больными, он первый отменил эту ненужную жестокость. После смерти мужа (он умер в 1882 году), Варвара Алексеевна построила Психиатрическую клинику имени А.А. Морозова, где директором стал С.С. Корсаков. Клиника до сих пор существует, находится она на Малой Пироговской, и осталась в таком виде, как ее построила моя мать. Ее портрет, нарисованный художником Бразом, находился там.

В начале восьмидесятых годов мама познакомилась с моим отцом, Василием Михайловичем Соболевским. Это был один из самых культурных, образованных людей того времени.

Мама была чуть ли не первая красавица в Москве. Умная, образованная, и он полюбил ее, и любил ее больше всего на свете до самой смерти.

Первый муж моей матери оставил большие средства, и она старалась их тратить на пользу народа. Кроме психиатрической клиники, она построила Раковый институт на Девичьем поле, потом превратившийся в Онкологический институт и переехавший на Беговую улицу.

Мама считала, что образование для народа нужнее всего и она построила первую в Москве читальню и библиотеку – Тургеневскую. Она и сейчас существует.

Построила и содержала до самой смерти много сельских школ. В одном Клинском уезде их было 6, были в Калининской области и др. Кроме платы учителям, и учебных пособий, она устраивала горячие обеды для учеников. Учительницы были ее самые близкие друзья, и наши тоже.

Она много жертвовала на Народный университет им. Шанявского, Пречистенские курсы для рабочих, содержались почти на ее средства. Это были вечерние общедоступные, бесплатные курсы, при императорском Русском техническом обществе. Ею было создано ремесленное городское

училище и тоже содержалось до самой смерти.

Она долгое время была председательницей общества помощи просветительным учреждениям: Университета Шанявского, Пречистенских курсов, а в Ленинграде общества помощи Высшим Медицинским курсам.

В Москве она создала первый Женский клуб, и до самой смерти была его председательницей. Мама построила и содержала несколько земских больниц по всей России.

У нее в доме в 1905 году собиралась группа большевиков в течение некоторого времени. Среди них помню К.К. Покровского (?), Скворцова-Степанова, С.И. Мицкевича /потом он заведовал музеем Революции/, Н.Л. Рожкова – профессора истории. За многих большевиков арестованных, она вносила денежный залог /5000 р./, и им удавалось бежать за границу, как Рожков и многие другие. У меня хранится письмо, не могу разобрать подпись, где товарищ благодарит мою мать, что благодаря ей он скрылся за границу.

Я помню проф. Лебедева, физика, ему пришлось уйти из Университета, она ему устроила лабораторию. Мечникову И.И. она помогла купить обезьян для опыта. Шлиссельбуржцу Н.А. Морозову построить лабораторию. Ученикам сельских школ, желающим учиться дальше, она помогала и устраивала их в училища или гимназии. Многие жили у нас и учились. Помню А.Н. Марзеева, недавно умершего академика медицинских наук СССР, А.А. Миндалева, тоже ставшего профессором, и других. Александр Никитович Марзеев окончил нашу сельскую Майдановскую школу и отличался замечательными способностями. За него хлопотала его учительница Ага Михайловна Бенаманская, большой друг моей матери. Он жил у нас и учился. Помню, мне было лет 15, приходит пристав с понятыми, делает у нас обыск и арестовывает его. Мама ездила хлопотать за него, навещала в тюрьме. Ему в конце концов разрешили жить на родине, в Майданове около Клина. Здесь он готовился к экзамену на аттестат зрелости. Потом он поступил на медицинский факультет Университета, стал сперва

врачом, потом профессором, а потом академиком медицинских наук СССР. Он жил всегда в Киеве, и когда приезжал в Москву , всегда навещал меня. Недавно он умер. В своей автобиографии, которая должна быть напечатана, он пишет и о моей матери.

В тяжелые годины страны моя мать всегда откликалась на несчастья родины: во время голода 90-х годов она устроила отряд в Уфимской губернии помощи голодающим. Во время германской войны 1914 года, она оборудовала и содержала большой медицинский отряд на Западном фронте, прикомандированный к штабу 55 пехотной дивизии № 99.

Мой отец Василий Михайлович Соболевский был в течение 30 лет редактором и издателем газеты «Русские Ведомости». У нас в доме бывали часто Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, И. Эртель, В.Г. Короленко, Д.Н. Мамин-Сибиряк, Я. Елпатьевский, П.Д. Боборыкин, Н.К. Михайловский и многие другие.

Отец был очень дружен с Глебом Успенским, М.Е. Салтыковым-Щедриным, Н.К. Михайловским, А.И. Эртелем, переписывался с ними.

Маму не удовлетворяла тогдашняя купеческая среда, и ее тянуло к более просвещенным и интересным людям. Ее друзья были писатель Н.Д. Боборыкин, С.Я. Елпатьевский, профессор В.Н. Вахров, Д.И. Тихомиров, с этими известными педагогами того времени она советовалась по поводу устройства школ. Часто бывали профессор Умов, И.И. Мечников.

Сама она была педагогом по призванию, всегда у нее были ученики. Я сама поступила в 7 класс гимназии, и она все время со мной занималась. Только в последние годы перед поступлением у меня были учителя. Она сама старалась всю жизнь увеличивать свои знания. В 50 лет она начала изучать немецкий язык, и скоро читала немецких авторов в подлиннике. На рояле она играла каждый день обязательно, разучивая все новые и новые вещи.

В Твери, на фабрике, был ей устроен театр, больница, школа, ясли, приют, которые были все время под ее наблюдением. Были устроены вечерние курсы для рабочих, на которых читали лекции К.Н. Богомолов,

Вахтеров, Левин. Когда они были арестованы в 1906 г. и высланы, мама сама ездила хлопотать за них к министру Плеве, и добилась их более раннего возвращения. Это были ее ближайшие друзья до самой смерти.

Перед своей смертью она все паи завещала рабочим, на улучшение их бытовых и социальных условий.

Моя мать всей душой пошла бы вместе с революцией, и была бы крупным работником в мире просвещения, потому что без общественной полезной деятельности жить не могла, и бурный рост просвещения, о котором она мечтала всю жизнь, наконец наступил.

Попова Н.В. 1958 г.»

Не менее интересны воспоминания невестки Варвары Алексеевны, Маргариты Кирилловны, жены старшего сына Михаила[3]:

«Моя свекровь, Варвара Алексеевна, была рожденная Хлудова. Когда я вошла в ее семью [1891], она была еще молода и очень красива. У нее были замечательные глаза, очень большие, темно-карие, с красивыми, пушистыми, соболиными бровями. Выражение их было строгое, но иногда веселое с оттенком грусти.

Глаза эти нельзя было не заметить, они были исключительно хороши. Цвет лица ее был яркий, улыбка очень привлекательная. Варвара Алексеевна была человеком самых передовых идей, и, несмотря на то что она была крупной капиталисткой, она была не чужда социалистических взглядов. Вместе с тем она была очень деловая и практическая, умела хорошо ориентироваться в коммерческих делах. Она была издательницей «Русских ведомостей», передовой газеты того времени. Просветительная деятельность ее была очень широкой. О ней знали не только в Москве, но и вообще в России. Кроме постройки школ, читален, она особенно покровительствовала «Обществу воспитательниц и учительниц». Ее муж, Абрам Абрамович Морозов, зная ее стремление к общественной деятельности, оставил ей лично большую сумму на это. Она построила на эти деньги психиатрическую больницу на Девичьем поле. Характера В.А. была сурового, особенно, когда

случалось ее ближе знать. При более поверхностном знакомстве с ней, она казалась очень привлекательной, любезной и даже доброй, так как делала много добра, помогая нуждающимся студентам, курсисткам и учительницам, которым она особенно сочувствовала. Но близким к ней людям, ее семье, было трудно и тяжело с ней. Она не была ни нежной матерью, ни женой; вообще нельзя было заметить, чтобы она к кому-нибудь горячо относилась из окружающих ее близких людей. После смерти своего мужа она соединила свою жизнь с профессором Василием Михайловичем Соболевским, редактором-издателем «Русских ведомостей». Она не была с ним обвенчана, хотя имела от него двоих детей.

При моих посещениях В.А. мы с ней много и подолгу беседовали, иногда до поздней ночи. Каждое лето я ездила к ней, также одна, без мужа, погостить дня на два-на три. Там мы также много беседовали, совершая большие прогулки вдвоем. Но несмотря на это, близости и искренности отношений между нами не завязалось. Мы были разного воспитания и очень разных характеров. У В.А. я часто встречала проф. А.И. Чупрова, И.И. Иванюкова, Гольцева, М.В. Саблина, близких к «Русским ведомостям», также П.Д. Боборыкина, И.Ф. Горбунова, Глеба Успенского и Джаншиева.

Как-то раз я зашла к В.А. вечером, она куда-то собиралась и предложила мне поехать вместе с ней к Льву Николаевичу Толстому, который жил тогда в Москве, в своем доме в Хамовниках. Я, конечно, с восторгом согласилась.

Лев Николаевич иногда заходил к Варваре Алексеевне, и она всегда старалась помочь крупными суммами денег в тех делах, о которых он просил ее. Так и в этом деле, о котором шла речь в этот день; оно касалось духоборов. Духоборов в это время правительство выслало из России. Л.Н. собрал очень большие деньги, чтобы помочь духоборам уехать и устроиться в Северной Америке. Сын Л.Н. — Сергей Львович поехал с ними, чтобы им помочь устроиться. Л.Н. получил подробное письмо от своего сына из Канады, в котором тот описывал путешествие свое и приезд в Канаду. Лев

Николаевич хотел прочесть В.А. это письмо, зачем она и собралась ехать к нему».

Далее идут выдержки из воспоминаний людей, не связанных с Варварой Алексеевной узами родства.

«В этой ветви морозовского семейства особенно известными были женщины, – не урожденные Морозовы, а морозовские жены. Варвара Алексеевна урожденная Хлудова, и Маргарита Кирилловна урожденная Момонтова, сыграли, обе, огромную роль не только в московской, но и в общерусской культурной жизни. Варвару Алексеевну Боборыкин описал в своем Китай-Городе. Но оригинал был гораздо примечательнее копии. Верно у Боборыкина лишь то, что ее деятельность широко развернулась после смерти ее первого мужа, А.А. Морозова. Вторым ее мужем был профессор В.М. Соболевский, руководитель газеты "Русские ведомости". По каким-то завещательным затруднениям она не могла выйти за него замуж официально, и ее дети от Соболевского, Глеб и Наталья, носили фамилию Морозовых. Глеб Васильевич был женат на Марине Александровне Найденовой. Варвара Алексеевна была – "классический тип прогрессивной Московской благотворительницы". Не было начинаний, на которые она не откликалась бы. Но в ее активности была особая черта, являвшаяся, конечно, следствием ее близости к "Русским ведомостям", и в этом вопросе она представляла некоторое исключение среди других деятелей из московского купечества. Одним из ее главных созданий были так называемые Пречистенские курсы для рабочих, которые действительно были таковыми и, с течением времени, стали значительным центром для просвещения московских рабочих масс. Моя сестра, Надежда Афанасьевна, почти со времени их возникновения, была одной из деятельных сотрудниц В.А. В этом деле, в связи с чем и я, соприкасаясь с этим начинанием, был в общении с Варварой Алексеевной и сохраняю благоговейную память о ее бескорыстной и энергичной работе.

Беспристрастия ради, я приведу один отзыв, который дает о ней Владимир Немирович-Данченко в своей книге "Из прошлого":

″Это была очень либеральная благотворительница. Тип в своем роде замечательный. Красивая женщина, богатая фабрикантша, держала себя скромно, нигде не щеголяла своими деньгами, была близка с профессором, главным редактором популярнейшей в России газеты, может быть даже строила всю свою жизнь во вкусе благородного сдержанного тона этой газеты. Поддержка женских курсов, студенчества, библиотек, – здесь всегда можно было встретить имя Варвары Алексеевны Морозовой. Казалось бы, кому же и откликнуться на наши театральные мечты, как не ей. И я, и Алексеев, были с ней, конечно, знакомы и раньше. Уверен, что обоих нас она знала с хорошей стороны.

Когда мы робко, точно конфузясь своих идей, докладывали ей о наших планах, в ее глазах был почтительно-внимательный холод, так что весь наш пыл быстро замерзал, и все хорошие слова застывали на языке. Мы чувствовали, что чем сильнее мы ее убеждаем, тем меньше она нам верит, тем больше мы становимся похожими на людей, которые пришли вовлечь богатую женщину в невыгодную сделку. Она с холодной, любезной улыбкой, отказала...″»[4]

Есть воспоминания о Морозовой и в мемуарах Н.А. Гольцевой[5]:

Л. 22 [...] «В.А. [Гольцев] начал работать в газетах, в журналах; давал уроки по русской литературе В.А. Морозовой и по истории в Арсеньевской гимназии...»

Л. 91 [...] «...Затем И.И. Янжул пригласил всех присутствующих к ужину. В это время в нашем Обществе стала появляться интересная женщина В.А. Морозова. Богатая, красивая, умная она увлекала всех своею простотою, веселостью и открытым характером. Михайловского посадили рядом с Морозовой и он весь вечер не отходил от нее. Повидимому Морозова также

увлеклась своим собеседником – его интересною внешностью и удивительным красноречием» (Вероятно, 1884 г.).

Возможно, В. Морозова состояла членом партии кадетов, хотя документальных подтверждений тому не найдено. Достоверно известно, что кадетом был ее фактический муж В.М. Соболевский[6]:

«На предстоящий 12 октября 1905 г. в доме кн. Долгорукова учредительный съезд партии конституционалистов-демократов представителями от Москвы выбраны: Анучин, Балавинский, Биск, Григорьев, Зернов, Каблуков, Кольцев, Кизеветтер, Крандиевский, Маклаков, Михайлов, Муравьев, Пржевальский, Скалов, Соболевский, Чупров, Чичкин, Шатерников, кн. Шаховской.

Собрание для выбора 20 делегатов от Москвы поручило делегируемым отстаивать на съезде мнение, что члены партии кадетов должны принимать участие в выборах в Государственную думу и добиваться избрания в нее, чтобы потребовать ее замены законодательным собранием, избираемым путем всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов без различия пола».

Представляет в этом смысле интерес обзорная статья Кулик В.Н. (сотрудник Тверского государственного университета), посвященная истории зарождения и деятельности партии кадетов в России и любезно предоставленная для нашего сборника[7]:

«Отношение кадетов к женскому вопросу и деятельность партии среди женских масс 1905–1917 гг.»

«Начавшиеся революционные события 1905 г. многое изменили в общественной жизни российского общества, в частности, появилась возможность для формирования многопартийности. Создаются новые, теперь уже легальные, партии и среди них – кадеты [конституционалисты-демократы]. Эта либеральная партия имела наиболее разработанную и тщательно продуманную программу решения женского вопроса. Данное

обстоятельство объяснялось многими причинами. Во-первых, либеральное движение уже обладало более чем столетним опытом. Во-вторых, в его становление внесли огромный вклад женщины, начиная с просвещенной монархини Екатерины II, президента двух академий Екатерины Дашковой и кончая фрондирующими дворянками, женами декабристов. И, наконец, будучи партией, отмежевывающейся от всех предубеждений и традиций леворадикального лагеря, предрассудков консервативно-правительственных кругов в области решения женского вопроса, кадеты пытались защитить интересы женщин всех классов и сословий.

Численность женщин в России всегда была традиционно высокой, и их поддержка обеспечивала «партии народной свободы», как еще называлась кадетская партия, широкую социальную базу. Поэтому, несмотря на то, что опорой либералов были образованные женщины, кадеты стремились распространить свое влияние и на простых тружениц – крестьянок и работниц. Это сразу поставило партию в сложное положение и вызвало некоторую туманность и недосказанность программных требований по женскому вопросу, ибо весьма непросто было совместить столь разные интересы и требования. Кадеты пытались учесть не только противоположность интересов россиянок различных социальных слоев, но и требования представительниц различных национальностей. Эта разноликость женского населения России, его пестрый состав, обусловили споры в либеральной партии по программным требованиям. Расплывчатость программы по женскому вопросу, безусловно, объяснялась и новизной постановки проблемы.

[…] В начале XX века общественное мнение еще не было готово к мысли о политическом и социальном равноправии женщины с мужчиной. Тем более нельзя было рассчитывать на немедленное решение этих проблем. Даже сами кадеты, отстаивавшие принципы построения гражданского общества, уважения человеческой личности, положение о равноправии граждан России обоего пола приняли далеко не безболезненно. Этот вопрос

широко обсуждался на I съезде конституционно-демократической партии. В ходе дебатов часть участников съезда во главе с П.Н. Милюковым заявила, что выйдет из состава партии, если в ее программу будет включено положение об избирательном праве для женщин. Жена Павла Николаевича – Анастасия Сергеевна Милюкова – была одной из самых страстных защитниц женского избирательного права. Участница съезда А.В. Тыркова с недоумением констатировала в своих мемуарах, что в то время вопрос о женском равноправии в прогрессивном общественном мнении был уже как будто разрешен, и, тем не менее, именно он, а не аграрный или национальный, вызвал на учредительном съезде такие яростные споры. И «правоверный радикал П.Н. Милюков» занял очень резкую антифеминистическую позицию, объясняя ее отсталостью русских крестьянок, их малограмотностью и неподготовленностью к политической жизни. Он считал, что женское избирательное право вызовет недовольство среди крестьян, ибо они не привыкли смотреть на женщину, как на равную. Для партии это будет невыгодно, уронит ее авторитет в глазах многих россиян и оттолкнет их от нее. Разгоревшаяся на съезде дискуссия заставила, очевидно, не одну Тыркову, но и многих россиянок по-новому оценить происшедшие в стране перемены. Им и в голову не приходило, что образованный человек, либерал мог отрицать их равность с ним. Они совершенно твердо, без всяких колебаний, чувствовали себя, может быть, не лучше, но и не хуже мужчин. Последние могли быть умнее, но могли быть и глупее дам, более или менее способнее или образование их. Не в этом было дело, а в том ощущении права участвовать в жизни своей страны, которое появилось у многих интеллигенток. Они были уверены, что наравне со всеми гражданами Российской империи теперь могут иметь право голоса, суждения и осуществления этого суждения. В России до манифеста 17 октября 1905 г. мужчины и женщины равно не имели политических прав. Быть может, благодаря этому в русском образованном классе не было той стены между мужской и женской частью общества, как в Европе. Они вместе мечтали о

свободе, о правах и обязанностях гражданина, вместе их добивались. И как же "теперь, на полдороге, выбросить женщин из длинного списка прав для всех…", – недоумевала А.В. Тыркова.

[…] Под давлением нарастающей революции и возросшей активности женских общественных организаций кадеты, уже на своем II съезде, в начале 1906 г., отказались от нерешительной позиции в отношении участия женщин в выборах народных представителей. И, несмотря на то, что попутно они отказались и от ответственности за сроки осуществления политического равноправия женщин, кадеты сразу же попали под огонь критики реакционных кругов. «Партию народной свободы» обвинили в том, что, решившись на такой шаг, она оттолкнула от себя "достаточные классы", так и не сумев привлечь народные массы. И, тем не менее, кадеты создали превосходную теоретическую модель устройства правового общества, составной частью которой было неукоснительное соблюдение гражданских и политических прав личности, независимо от ее пола. Как и социал-демократы, «партия народной свободы» в своей программе наиболее полно представила требования равноправия полов и повышения социального статуса женщин. Она, единственная из всех российских буржуазных партий, разработала целую систему мер, улучшающих положение женщины на производстве. Так, 44 параграф программы гласил: "Введение законодательным путем 8-ми часового рабочего дня… Немедленное осуществление этой программы всюду, где в данное время возможно..." Но кто определял эту норму? Предприниматели? Рабочие? Правительство? Требование запрещения ночных и сверхурочных работ сводилось "на нет" оговоркой о сохранении этих работ там, где они технически и общественно необходимы. Кадеты предлагали совершенствовать охрану труда женщин и детей и установить особые меры охраны труда женщин и мужчин на вредных производствах.

Вслед за эсерами и социал-демократами, они настаивали на необходимости доступа женщин к образованию в учебных заведениях всех

ступеней. Специальный параграф особо оговаривал уничтожение всех стеснений, связанных с полом ребенка при поступлении в школу. Такое многоплановое понимание женского вопроса говорило о зрелости и политическом опыте кадетов, которые значительно серьезнее, чем другие российские партии, и правого, и леворадикального толка, относились к этой проблеме.

Несмотря на серьезную теоретическую разработку вопроса, успехи кадетов в женском движении были неоднозначны. Так, по имеющимся неполным данным, в годы первой русской революции в Москве из 8506 членов кадетской партии 934 были женщины, из 1039 кадетов Литейного района Петербурга — 133 женщины, в Торжке (Тверской губернии) из 53 кадетов — 5 женщин, в Киеве женщины составляли 12% от всех кадетов. «Партия народной свободы» прилагала много усилий для укрепления своего влияния среди широких женских масс. В программе делегатских отчетов с мест, составленной ЦК в начале 1906 г., одним из вопросов было отношение женщин к кадетам и о том, какие препятствия мешали привлечению в партию новых членов в различных слоях общества. Как показали материалы опроса, наиболее охотно в ряды кадетской партии вступали образованные женщины. Они наравне с мужчинами принимали деятельное участие во всех делах партии.

[…] В.А. Морозова неоднократно помогала кадетам материально. Так, в начале марта 1906 г. она пожертвовала ЦК кадетской партии 1000 рублей.

Стремясь укрепить свое положение среди женщин, либералы не ограничивались только привлечением россиянок в ряды партии, предпринимались поиски новых форм практического воздействия на женское население страны. Большие надежды возлагали кадеты на работу среди слушательниц высших женских курсов, особенно Бестужевских в Петербурге. В кадетской прессе много писалось о несовершенстве женского образования, о нуждах высших и средних женских учебных заведений, о допущении россиянок в университеты. В 1905 г. кадеты провели

учредительное собрание своей партии на Высших женских курсах, которые выделили из своей среды 5 человек для связи с «партией народной свободы». К сожалению, пока не удалось найти сведений о численности кадеток среди слушательниц Бестужевских курсов. Но то, что они были на курсах и пытались вести там работу, подтверждается косвенными данными, в частности, неоднократными приглашениями бестужевок, членов «партии народной свободы», на собрания кадетов, воспоминаниями курсисток, материалами партийной печати.

Интересно проследить, как аргументировала кадетская печать требование избирательного права для женщин: "идее равноправности обоих полов", считали либералы, трудно противопоставить специальные возражения, но эта идея встретит недоверие у значительной части населения России. Кроме того, "участие женщин в выборах, – опасались кадеты, – будет неравномерно, в городах сильнее, чем в деревне... а при численном равенстве и даже преобладании женского населения такая неравномерность может совершенно извратить количественное соотношение различных групп населения, дав большинство менее многочисленной" (женщины в 1905 г. составляли 24,4% рабочего класса Российской империи).

Боязнь усиления радикальных позиций пролетариата в Думе за счет голосов работниц-избирательниц вызвала еще одно своеобразное предложение партии "народной свободы" — положить в основу избирательного права понятие "домохозяйство", т. е. разрешить участвовать в выборах женщинам всех классов, ведущим самостоятельное хозяйство. При этом особо подчеркивалась возможность избирательных прав для крестьянок и недопустимость их для пролетарок. Более однозначно и открыто отстаивали свои взгляды по поводу избирательного права на страницах кадетской печати равноправки. Они были возмущены тем, что избирателями стали "дикие инородцы", рабочие и крестьяне, а не образованные женщины.

Кадеты пытались распространить свое влияние на женщин-крестьянок. При этом они хорошо представляли положение дел в деревне, знали

отсталость и забитость российских крестьянок и понимали, что письменная агитация в данном случае бесполезна. Член Московской группы «партии народной свободы» Ю. Сиротина представила ЦК записку о необходимости систематического ведения устной пропаганды в деревне. "Союз равноправности женщин" оказывал содействие крестьянкам при составлении заявлений, петиций, требований и других обращений в Государственную думу, а равно и в другие общественные учреждения. Однако установить тесные связи с крестьянками «партия народной свободы» не смогла, слишком низок был уровень политической культуры женщины-селянки, очень непохожими и далекими друг от друга по взглядам были полуграмотные и неграмотные крестьянки и прозападно мыслящие деятельницы либеральной партии.

Стремились кадеты завоевать и доверие пролетарок. При этом использовались уже привычные формы воздействия: составление петиций от имени работниц во все государственные и общественные организации, использование печати для ознакомления со своими взглядами на положение дел в фабрично-заводской жизни. В условиях нарастающей революции кадеты регулярно и подробно информировали о беспорядках на предприятиях и в государственных учреждениях, о требованиях, которые предъявляли бастующие, не забывая и специальных требований женщин-работниц и служащих.

Представители конституционно-демократической партии уверяли, что защищают интересы женщин всех классов и сословий и предлагали соотечественницам, если те того пожелают, вступать в различные партии по классовому принципу, отстаивать там свои политические и социальные интересы. А к кадетам и в прокадетски настроенные общественные организации идти и бороться против угнетения по половому признаку.

В.А. Морозова одна из первых в России в июле-августе 1905 г. попыталась претворить в жизнь эту идею «партии народной свободы» и, опираясь, прежде всего на работниц своих фабрик, создать в Твери

внепартийный женский союз для женщин всех сословий. Численность пролетарок на предприятиях товарищества Тверской мануфактуры к этому времени возросла и к 1906 г. составляла 5606 человек (мужчин работало 6310 человек). Казалось, кому как не ей, хозяйке огромного предприятия, хорошо знавшей проблемы своих работниц, заниматься решением данного вопроса. Ведь многие ее коллеги по партии были юристами, преподавателями высшей школы и в случае необходимости могли оказать ей квалифицированную помощь. Недаром кадетов в народе еще величали профессорской партией. Но оказалось, что осуществить то, что предлагали российские либералы, не так то просто. В стране, раздираемой и политическими, и социальными, и классовыми противоречиями, отрицающей идею соглашения и компромисса, подобное начинание изначально было невыполнимым. И местные социал-демократы постарались показать пролетаркам, что невозможен "какой-нибудь… союз между… В.А. Морозовой и ткачихой с ее фабрики… Женщину-пролетария мы зовем в свои ряды и не хотим, чтобы ее классовое сознание меркло под обворожительными взглядами Морозовой", – убеждали работниц тверские большевики. Союз, проведя несколько собраний, прекратил свое существование.

[…] «Партия народной свободы» активно использовала для распространения своего влияния многочисленные общества самообразования и библиотеки. Несомненно, в их числе была и основанная в 1885 г. В.А. Морозовой первая в России публичная бесплатная Библиотека-читальня им. Тургенева. Здесь все – и удобный читальный зал, и приветливые, грамотные сотрудники, и большой выбор литературы и периодики – привлекало читателей, состоящих, прежде всего, из школьников, студентов, служащих частных предприятий, ремесленников и мастеровых. В то время как библиотеки многих учебных заведений "отличались крайней скудостью, нарочито ограниченным подбором книг, в Тургеневской читальне открывался для пытливого юного ума и чувства свободный выход в

необъятный простор мировой мысли и литературы… Это был радушный демократический уголок в Москве… ", – утверждал впоследствии один из ее читателей, профессор, доктор филологических наук С. Дурылин. Но больше всего молодежи нравилась возможность обсуждать здесь происходившие в стране события, обмениваться сведениями, читать вместе газеты. В.А. Морозова, как всегда, яростно отстаивала право своего детища работать нормально, в данном случае, иметь не урезанное цензурой собрание литературы и периодики. С просьбой похлопотать о допущении изъятых цензурой книг в читальню она обращалась даже к товарищу министра внутренних дел В.К. Плеве.

Практически сразу же после начала Первой мировой войны В.А. Морозова создала на свои средства госпиталь. Варвара Алексеевна всегда последовательно отстаивала свои взгляды. Она не только способствовала организации специального и высшего женского образовании в России, но и сама охотно предоставляла работу женщинам-специалистам. Так, и заведующей, и врачом в ее госпитале были дамы – Гусева Т.И. и фон Вендрих В.С.

После Февральской революции активизировалась деятельность всех женских общественных организаций. Появилась масса новых союзов. Непривычная для кадетов роль правящей партии еще больше усилила их внимание к женскому движению и, прежде всего, к интеллигентке. Хотя «партия народной свободы» не была готова к быстрым переменам, тем не менее уже 21 марта 1917 г. председатель Временного правительства и министр внутренних дел Г.Е. Львов от лица правительства заявил о распространении избирательных прав на женщин. Благодаря этому решению, принятому, безусловно, под давлением женских общественных организаций, но "с подачи" кадетов, для интеллигенток был открыт доступ ко всем должностям в правительстве, вплоть до министра, а также в органы самоуправления. Первой женщиной России, занявшей пост товарища

министра просвещения, стала видная деятельница кадетской партии С.В. Панина.

Расколотое революцией российское общество исключало возможность каких-либо компромиссов и соглашений. К осени 1917 г. "расколотыми" оказались не только разные социальные группы, сословия, классы, но и женщины страны. Снижение морального статуса женщин, авторитета матери в условиях идущей войны, непонимание россиянками происходящего сделали невозможными все их попытки стать связующим звеном распадающегося общества.

Не сумев прийти к компромиссу между собой, российские партии не смогли объединить женское движение и использовать его для укрепления демократии. Россиянки поддержали самые радикальные, популистские требования и придали дополнительный импульс большевистской партии в борьбе за власть».

«Идею равноправности обоих полов», декларируемую кадетами, хорошо иллюстрировала деятельность Московского женского клуба, председателем правления которого была В.А. Морозова[8]:

«В Москве 25 марта, в 8 ч. вечера, в доме Маслова, в Гагаринском пер., открылся московский женский клуб, имеющий целью способствовать общению своих членов как на почве совместного изучения вопроса о равноправности женщин, так и вообще взаимного содействия их умственному, политическому и моральному развитию путем устройства докладов, чтений, бесед и разумных развлечений. С этой целью клуб устраивает для своих членов и их гостей публичные лекции, литературные чтения, курсы и собеседования и т. п. по различным вопросам общественной и политической жизни, литературные, художественные, музыкальные и семейные вечера и другие развлечения, как-то: танцы, спектакли и игры в шахматы и шашки; клубу предоставляется право иметь свою библиотеку, читальню и музей. Членами клуба могут быть лица обоего пола, достигшие совершеннолетия; клуб состоит из неограниченного числа членов. Лица, не

принадлежащие к членам клуба, имеют право доступа в клуб по записи двух членов клуба, в качестве гостей. Гости, посещающие клуб по записи двух членов клуба, уплачивают за вход 10 к. Члены семьи лица, состоящего членом клуба, пользуются правом бесплатного входа в клуб одновременно с этим лицом. Члены клуба вносят ежегодно членский взнос в размере 5 руб. Прием в члены клуба производится правлением клуба во всякое время по рекомендации пяти членов клуба и по единогласному избранию, производимому открытой баллотировкой. Средства клуба составляются из членских взносов, пожертвований, доходов с устраиваемых платных лекций, чтений, спектаклей, игр и т. п. Управление делами клуба принадлежит правлению, избираемому общим собранием членов клуба сроком на 1 год, в составе не менее 14-ти лиц, и общему собранию, которое считается состоявшимся при наличности 1/20 числа всех членов клуба. Помещение клуба для пользования библиотекой и читальней открыто с 12-ти час. дня до 2 час. ночи. Учредителями клуба состоят: А.А. Адлер. Кн. М.Н. Сумбатова, Н.Н. Шустов и З.С. Иванова-Мирович. В состав правления клуба избраны: председателем – В.А. Морозова, товарищем председателя Н.Н. Щепкин. Членов клуба в настоящее время насчитывается до 150. Помещение клуба, снятое за 3000 руб. в год, состоит из 10-12 комнат. Оборудование клуба стоит 2000 р. На оборудование клуба поступили пожертвования от гг. Вострякова. П.И. Дьяконова и др., а также сбор в 300 р. с лекции С.В. Яблоновского-Потресова – «В защиту С.П. Фамусовой». Помещение клуба предполагается сдавать по возможности бесплатно Обществам, кружкам и отдельным лицам для собеседований. На открытии клуба присутствовало 200 членов и гостей, в числе их председатель правления В.А. Морозова, товарищ председателя Н.Н. Щепкин, члены правления, гласные московской Думы И.А. Столповский, П.М. Кишкин и С.К. Говоров, и. д. президента московского Общества сельского хозяйства М.М. Щепкин, И.И. Новгородцев, К.К. Мазинг, М.Г. Комиссаров, некоторые присяжные поверенные, врачи и др. В 10-м часу вечера, с прибытием в клуб члена Государственной Думы В.А.

Маклакова, состоялась за чаем беседа о деятельности Государственной Думы.

В марте в Таврическом дворце происходило под председательством Шингарева собрание крестьян-депутатов. На нем присутствовало около 50 человек. Обсуждался министерский законопроект об организации мелкой земской единицы или о поселковом и волостном самоуправлении. Большие прения вызвал вопрос о предоставлении избирательного права женщинам. Многие из крестьян высказались за женскую равноправность. Собрание по предложению председателя признало принцип женской равноправности, но практическое осуществление этого принципа в органах местного самоуправления большинством 23-х голосов против 18-ти при нескольких воздержавшихся все-таки признало преждевременным».

«М.В.Д.
Московского Градоначальника Канцелярия
Отделение распорядительное
Февраля 21 дня 1908 г.
№ 5838

В Правление Моск. Ж. Клуба

До сведения моего дошло, что в М. Ж. клубе в устраиваемых лекциях, чтениях и т. п. принимают участие в качестве гостей рабочие, с каковой целью назначаются даже особые вечера, причем присутствующие рабочие получают приглашения являться на следующие собрания.

Принимая во внимание, что Ж. клуб, согласно своего устава, имеет целью способствовать общению своих членов как на почве совместного изучения вопроса о равноправности женщин, так и вообще взаимного содействия в деле развития путем устройства докладов, чтений, бесед и разумных развлечений и кроме членов в клуб, как и во все общественные собрания, могут иметь доступ только вводимые членами клуба гости, причем по уставу Ж. клуба для сего необходима запись двух членов клуба и имея в виду, что устройство Ж. клубом особых вечеров для рабочих является

неотвечающим характеру и назначению Ж. клуба, указанному в его уставе, прошу Правление клуба, на основании ст. 34 Временных правил 4 марта 1906 года, безотлагательно принять меры к устранению указанного.

При этом считаю долгом предварить, что если и после сего предупреждения означенное несоответствие деятельности клуба с его уставом будет продолжаться, то по отношению к клубу я немедленно приму меры, указанные в законе 4 марта 1906 г. Об обществах и союзах с применением к клубу ст. 33 относительно закрытия обществ, уклонившихся от условий деятельности, указанных в их уставах.

И. д. Градоначальника

Полковник Климович

Управляющий Канцелярией (неразборчиво)»[9]

На л. 2 запись карандашом:

«1. М. ж. кружок имеет основной целью содействовать (общему полит. освобождению) и уравнению прав женщин с правами мужчин и ближайшей целью объединение [зачеркнуто "женщин"] лиц обоего пола, сочувствующим целям Кружка.

2. [Зачеркнуто "Средствами"] С этой целью М. ж. Кр. предоставляется устраивать для своих членов и их гостей литерат. худож., музык., танцов. и семейные вечера, концерты, жив. картины, драмат. представл., выставки, публичные лекции и курсы, литерат. чтения и собеседования и т. п.»[10]

«Список посетителей женского клуба

Всего 109 чел. – мастеровых, служащих. Это дети и подростки в возрасте от 6 до 16 лет. Возле каждой фамилии указано образование лица (самоучка, нач. шк.) и место работы или хозяин (напр., сапожн., драпировочн., прачешная, шляпн. магазин, прислуга, дворников брат, шляпная мастерская, водопровод, зуб. аптека, дочь хоз. водопровод. заведения, чулочница, красильня, колон. магазин, обув. магазин, мещ. приют, вышив., портной, полотер, детский сад, мясн. лавка, модн. маст.)».[11]

На л. 6 того же фонда и дела приведен список членов женского клуба. Среди 41 члена числится и Морозова В.А.

«Сегодня, в 9 час. вечера, в Женском клубе (Арбат, Филипповский пер., 9) состоится очередной чай. Предполагается беседа на литературную тему, а в воскресенье, 17-го ноября, в 8 час. вечера, – музыкальный вечер, посвященный памяти П.И. Чайковского».[12]

«Сегодня в Московском женском клубе (Филипповский, д. 3) состоится обычный "чай". С.П. Циммерман сделает «вступление к беседе "Гаршин и мы"». Начало – в 8 1/2 час».[13]

«*Глубокоуважаемый Иван Алексеевич,*

Первый Московский Женский Клуб приветствует Вас в день двадцатипятилетнего служения Вашего родной литературе.

Мы чтим в Вас писателя, лозунгом которого в течение всей деятельности были слова: "свято - человеческое горе".

Этот лозунг соединяет Вас "со старыми поэтами родными по быту, по душе и даже по местности – средней полосе России" – так же, как и Ваше глубокое проникновение в сущность русской души. Высокохудожественно запечатлена Вами в образе Натальи из "Суходола " несокрушимо-стойкая сила этой души в любви, простоте и смирении.

Являясь поэтом, у которого "кровное родство с природою", Вы дали нам описания этой природы, которые должны войти в хрестоматии, как образцы, а язык Ваших произведений есть именно тот русский язык, о котором Тургенев писал, что "в дни тягостных раздумий о судьбах родины – он один поддержка и опора" и "нельзя не верить, чтобы такой язык не был дан великому народу".

От души желаем Вам, чтобы на всех "трудных перевалах", которыми так богата жизнь человека, когда "подъемы к счастью высоки и трудны, а ночь, туман и буря встречают на высоте", Вы не испытывали никогда

"жуткого одиночества". Искренняя любовь Ваших многочисленных читателей пусть послужит Вам поддержкой.

Председательница В. Морозова

Секретарь С. Маньковская

Октябрь 28 октября 1912»[14]

Сохранилось свидетельство и личной переписки между Варварой Алексеевной и Иваном Алексеевичем:

Письмо В.А. Морозовой к И.А. Бунину[15]:

«*Большое Вам спасибо, глубокоуважаемый Иван Алексеевич, за присланную книгу, за внимание, за память. Чем делаешься старше, тем все более ценишь это внимание. В молодости как-то все принимаешь за должное, многое недостаточно ценишь, а под старость, напротив, становишься чувствительным и благодарным за всякое проявление доброжелательного к тебе отношения.*

Еще раз приношу мою глубокую благодарность.

С искренним уважением

Преданная Вам

В. Морозова

21 января 1917 г.»

Круг общения Варвары Алексеевны с различными людьми был весьма велик. Вот еще несколько примеров ее дружеских связей с интереснейшими представителями того времени.

Известно, что к В.А. Морозовой Чеховым было написано одно письмо, зато 11 писем были отправлены Варварой Алексеевной к Антону Павловичу (1897-1900).[16]

Телеграмма Морозовой на несохранившееся или ненайденное письмо А. Чехова от 5 декабря 1899 г. из Ялты (№ 1199)[17]:

6 декабря 1899 г.: «*Сейчас получили Вашу депешу, спешу откликнуться на нее. Не знаю, почему-то она запоздала, но это и к лучшему. Теперь, когда все поздравления окончились, Ваш одинокий голос особенно мне мил. Варя,*

конечно, в восторге, что Вы не забыли ее».

№ 2123. И.П. Чехову[18]

2 (14) октября 1897 г. Ницца

«*Брате Иване, я просил В.А. Морозову, которая теперь в Париже, оставить тебе мое письмо с одним весьма интересным документом; и этак около 11-12 октября к тебе придут ее младшие дети или кто-нибудь из них. Если дети придут с гувернанткой, то в благодарность за исполненное поручение поводи их по классам и покажи им того жирафа, который стоит в шкафу…*

Твой А. Чехов»

№ 2224. В.А. Морозовой[19]

12 (24) января 1898 г. Ницца

«*Дорогая Варвара Алексеевна!*

В Алжир я, по всей вероятности, не поеду, а если поеду, то не скоро. Дело в том, что Максим Максимович заболел острым сочленовным ревматизмом и теперь сиднем сидит у себя в Париже, в кресле, и Аллах ведает, когда он вернется к себе в Beaulieu. На всякий случай сообщаю Вам его парижский адрес: 26 rue des Mathurins.

Ваше письмо для меня было приятнейшим сюрпризом. Только, пожалуйста, не раздумайте, не слушайте никого и непременно приезжайте. И пожалуйста, телеграфируйте своевременно, чтобы я мог встретить Вас на вокзале. Здесь чудесная погода, тепло, тихо, цветут уже фруктовые деревья, одним словом, весна. Л.А. Шанявская, которая скоро будет в Москве (она вчера уехала), расскажет Вам, как здесь хорошо. Кстати же скоро карнавал.

Теперь поручение, ибо российский человек не может обойтись без поручений. Пошлите взять по прилагаемому рецепту и привезите мне. Это в аптек[арском] магазине Феррейна на Никольской.

Я получаю из России все такие грустные, унылые письма! Ваше письмо, в котором так много веселого (и есть даже свадьба), –

единственное, которое не повергло меня в сплин, а наоборот, излило на мое сердце бальзам. Альбертину Германовну от души поздравляю и радуюсь за нее. Наташе, Глебу и Варе нижайший поклон и привет. Василию Михайловичу тоже. Итак, буду ожидать Вас с нетерпением!

Ваш А. Чехов».

№ 2337. И.Э. Бразу[20]

2 июля 1898 г. Мелихово

«*Многоуважаемый Иосиф Эммануилович, я как-то виделся с Варварой Алексеевной, и она, между прочим, говорила мне, что намерена писаться у Вас. Она теперь живет около Клина, скоро переберется в Тверскую губ[ернию]. Я побываю у нее в тверском имении, вероятно, около 10-го и узнаю, как и что, и тогда напишу Вам. А пока я пошлю ей Ваш адрес: быть может, она сама напишет Вам.*

Я здоров, но жизнь веду бухгалтерскую. Хочется опять в Париж. Во всяком случае до середины августа постараюсь не уезжать далеко от Москвы. Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов»

На обороте:

«*Петербург.*

Его высокоблагородию

Иосифу Эммануиловичу Бразу

Алексеевская, 4»

Был в переписке с А. Чеховым и В.М. Соболевский. Общались они и лично. Знакомство их приходится примерно на 1890-е годы. Известны 35 писем Чехова к Соболевскому, 44 письма Соболевского к Чехову (1892-1904), хранящихся в РГБ.[21] Особый интерес представляет одно из писем А. Чехова к Соболевскому.

В.М. Соболевскому

24 июня 1897, Мелихово

«*Дорогой Василий Михайлович, обращаюсь к Вам с большой просьбой,*

очень большой, какой Вы, конечно, не ждали. Не ждали, потому что, по нынешним временам, у Вас и без того много хлопот и забот и всяких передряг. Дело вот в чем. У нас в приходе был священник, о. Николай Некрасов, личность почтенная и заслуженная. Это был симпатичный человек, население его любило, и в земстве считался он одним из лучших законоучителей. За усердие ему дали повышение, перевели в город, в Серпухов. Но это повышение оказалось не в пользу. Некрасов заболел в городе, чувствует себя там отвратительно – и теперь рыдает навзрыд, просится назад в деревню. Пока не назначили нового священника, его могут перевести опять к нам – и мне кажется, тут мог бы оказать нам протекцию староста Успенского собора Михаил Абрамович Морозов. Он мог был посоветовать, что делать, к кому обратиться и проч., и в случае надобности замолвить словечко. Самому же Некрасову подавать прошение неловко – это не принято, да и, пожалуй, упрекнут в приверединчестве и оставят за штатом. Будьте добры, спишитесь с Михаилом Абрамовичем, узнайте, может ли он принять о. Некрасова, чтобы поговорить с ним, и если может, то когда и где? Его адрес мне неизвестен. Сделайте милость, окажите протекцию; мне так жаль этого бедняка! Я могу дать ему медицинское свидетельство и собрать в его пользу сотни подписей.

[...] На сих днях получу ответ насчет овчарки и пошлю его в Клин. Рассказ пришлю. Как дела? Мне еще не привозили газет со станции, и я нахожусь в неизвестности. Будьте здоровы, крепко жму руку. Ваш А. Чехов»

Из примечаний к письмам:

1) к В.М. Соболевскому (№ 2131): *Без Вас скучновато*. – В своем письме Соболевский также подводил итог совместному пребыванию в Биаррице и Ницце: «...Я самым лучшим результатом моей настоящей заграничной поездки считаю представившуюся мне возможность поближе узнать Вас, дорогой мой [...]. В[арвара] А[лексеевна] и все шлют Вам сердечный привет. К детям я Вас ревную: они Вами божатся...»[22]

2) к В.А. Морозовой (№ 2224): *Ваше письмо для меня было приятнейшим сюрпризом*. – Морозова писала Чехову: «У меня явилась смелая мысль съездить на несколько недель, т. е. недели на две, на три, в Ниццу».

Наташа, Глеб и Варя – дети Морозовой. [Издатели собрания сочинений А. Чехова посчитали, однако, без ссылки на документы, что Варя дочь В.А. Морозовой.]

...буду ожидать Вас с нетерпением! – Морозова приехала в Ниццу 28 марта 1898 г.[23]

3) к И.Э. Бразу (№ 2317): *...недели две назад я завтракал у В.А. Морозовой & Вы напишете ее портрет*. – Чехов посетил В.А. Морозову, вероятно, 5 мая 1898 г., в день возвращения из Петербурга в Москву. В октябре 1898 г. Браз написал ее портрет, который был представлен, вместе с портретом Чехова, на академической выставке в Петербурге в марте 1899 г. Давая отчет с выставки, «Русские ведомости» писали: «В ряду портретистов нужно приветствовать новую большую и многообещающую силу – г. Браза. Два выставленных им портрета А.П. Чехова и В.А. Морозовой подолгу держат перед собой и знатоков, и публику» (1899. № 72, 14 марта, статья Буквы – И.Ф. Василевского – «Петербургские наброски»).[24]

Благодаря письмам А. Чехова к Морозовой и Соболевскому подтвердилась одна версия – в доме Морозовых жила девочка Варя. Кем она была и кем приходилась Варваре Алексеевне или Василию Михайловичу – к сожалению, по сей день не удалось выяснить. По семейным преданиям Хлудовых-Морозовых это была приемная дочь Варвары Алексеевны. Так ли это? Архивных данных нет...

Так же существуют письма, говорящие о дружеских отношениях Варвары Алексеевны с писателями Иванчиным-Писаревым А.И. и Михайловским Н.К. (орфография и пунктуация сохранены).

«*Многоуважаемый*

Александр Иванович!

На днях послала вам через Вас. Мих. Соболевского перевод на 10 000 р. По всей вероятности вы его уже теперь получили. Письма ваши мною получены. Не отвечала я на них, т. е. на первое письмо главным образом оттого что знала что получу второе с более определенным характером. На увеличение подписки можно только рассчитывать, а пока придется вам перебиться немного. И, бог даст, с 96 года начнете процветать. В лице Иолласа вы имеете на мой взгляд положительно прекрасное приобретение(?). Июльскую книгу еще не получала, но на рекомендуемую вами вещь непременно обращу внимание. Если будете в Москве, как предполагаете, на забудьте заехать ко мне. Справьтесь предварительно у Соболевского о моем местонахождении, приходится мне иногда уезжать в Тверь а мне будет досадно если вы не разыщите меня. Кланяйтесь, когда будете писать, Ник. Константиновичу, я так рада за него, что ему удалось хорошо отдохнуть на Кавказе.

Искренне уважающая вас

В. Морозова

1896 19 июля»[25]

«*Многоуважаемый*

Александр Иванович!

Позвольте выразить Вам мою признательность за присланные Вами книги. Я не могла сделать этого раньше, потому что только недавно вернулась из заграницы.

С истинным уважением

В. Морозова

4(9?) апреля 1913 г.»[26]

Письмо к Михайловскому Н.К.:

«*Многоуважаемый*

Николай Константинович!

Пять томов ваших сочинений я получила в исправности. Очень благодарна вам за память. Чем делаешься старше, тем более начинаешь дорожить добрыми отношениями людей тем больше ценишь каждое проявление этих отношений. Передайте, прошу вас, Александру Ивановичу о получении мною книг.

Мне скоро придется по делу ехать в Петербург надеюсь повидаться с вами. Все мы хлопочем о земском(?) собрании. Не очень-то нам его разрешают.

С истинным уважением

В. Морозова

1877 июль»[27]

Но прежде всех личных отношений всегда стояло дело – дело благотворения – какую бы форму оно ни принимало. Даже в общении с известной актрисой на первом месте не свойственный, наверное, любому человеку интерес к представителю мира искусства, а польза для общего блага, которую может принести это общение.

Телеграмма

«*ПБГ Фонтанка 38 Савиной*

Спектакль назначен на двадцатое очень прошу и предлагаю остановиться у меня Воздвиженка свой дом уведомьте какому поезду выслать встретить # Морозова»[28]

Конверт письма: «Ее высокородию Марье Гавриловне Савиной»[29]

«*Глубокоуважаемая Марья Гавриловна!*

Приношу Вам искреннюю благодарность за выраженное Вами любезное согласие помочь Вашим драгоценным участием доброму делу усиления средств Народного университета. Буду очень счастлива видеть Вас в моем доме, где устраивается с этой целью благотворительный спектакль при Вашем благосклонном участии. С радостью жду случая познакомиться с Вами лично.

С истинным уважением и преданностью.

Готовая к услугам

В. Морозова

1909 г. 10 ноября

Москва. Воздвиженка, св. д.»[30]

(Л. 4 План дома)

Одним из основных направлений благотворительной деятельности В.А. Морозовой было дело обеспечения возможности получения образования людьми различных социальных прослоек, в основном, представителями малоимущего населения. Варвара Алексеевна всегда находила единомышленников, в любых своих благих начинаниях. В деле народного образования такими единомышленниками оказались, среди прочих, Василий Порфирьевич Вахтеров, работавший, по приглашению Морозовой, также в образовательных учреждениях при Тверской мануфактуре, и Николай Васильевич Тулупов. Не смущал Варвару Алексеевну и тот факт, что среди людей, с которыми она трудилась на ниве просвещения, были элементы, состоявшие под гласным или негласным надзором полиции, благодаря им и сама Морозова сделалась поднадзорной; отчеты «охранки» о ее делах и связях, о собраниях, проходивших в ее доме на Воздвиженке, сохранились в фондах ГАРФ, благодаря этим отчетам стала известной еще одна сторона сложной, одаренной, энергичной и деятельной натуры Варвары Алексеевны Морозовой. В документах «охранки» встречается имя и Василия Михайловича Соболевского. Не исключено, что под влиянием именно его деятельности, распространителя передовых идей, Морозова решилась отступить от предписанного законами купеческого сословия статуса законопослушной гражданки.

«О запрещении революционной газеты ″Самоуправление″»[31] (1888–1889 гг.)

Дело началось в ноябре 1887 г. с розыска некой Елены Дмитриевны Копыловой, подозреваемой в распространении этой газеты. Затем, по мере его раскрутки, стали всплывать фамилии сотрудников «Русских

Ведомостей», в частности Розенберга, Чупрова, Янжула, – людей, близких к Соболевскому.

Соболевский, как член либерально-демократической партии, сочувствовал газете «Самоуправление», органу социалистов-революционеров, издаваемой в Женеве и распространяемой в Москве, Туле, Санкт-Петербурге, Владимире и др., но явно себя не «засвечивал», тем не менее, за ним велась слежка, что подтверждает следующее сообщение:

«19 сентября 1889 г. из отделения по охранению общей безопасности и порядка в Москве поступило сообщение в департамент полиции, что редактор-издатель «Российских Ведомостей» Соболевский В.М. выбыл за границу по паспорту, выданному московским генерал-губернатором».

«Доклад отделения
по охранению общественной
безопасности и порядка в Москве[32]
Секретно 1914 г.

Отделение докладывает Его Превосходительству г. Московскому Градоначальнику, что лига народного образования возникла в 1906 году в Санкт-Петербурге была использована революционными организациями; в нее входили представители всех оппозиционных и революционных партий. Инициаторами Фальборг, Чернолусский и другие.

В Москве было тогда же организовано областное Отделение лиги, проявившее активную деятельность; главная идея – объединяло народных учителей.

В Москве был представителем известный педагог Вахтеров; товарищем присяжный поверенный Сахаров; казначей Варвара Алексеевна Морозова.

Закрытое в 1907 г. это областное отделение в составе своих членов перекочевало в Московское Общество грамотности, но там они не проявили такой деятельности.

В 1904 году в Санкт-Петербурге по инициативе Алексея Алексеевича Суворина (Порошин) была брошена идея о необходимости создания "Фонда

народного просвещения" и затем было возбуждено ходатайство о легализации этого фонда, на что последовал отказ. Тогда... была открыта в "Руси" денежная подписка на этот фонд; приняло в ней участие более 40 000 человек и она дала 65 000 руб. Когда закрылась "Русь" и путей для легализации фонда не было, тогда собранный капитал был передан в ИМПЕРАТОРСКОЕ техническое общество, где находится и сейчас, из них 50 000 находится в неприкосновенном капитале фонда. Лет 8-9 все это дело было под спудом и никаких признаков жизни в нем не наблюдалось.

18-го января сего года устав "фонда народного просвещения" был утвержден Министром Внутренних Дел.

После утверждения фонда в Санкт-Петербурге 23-го марта сего года в Соляном Городке состоялось учредительное собрание на котором избран президиум фонда; избранными оказались нижеследующие лица, являющиеся инициаторами: Небольсин, Батюшков, Карбасников, Ал. Суворин, Зенгер – публицист, писавший в "Руси" и инженер Шестаков.

Когда в Москве выяснилось утверждение фонда, то на квартире А. Суворина и в редакции "Нови" происходили в марте сего года в узком кругу частные совещания о том как провести в жизнь задачи "фонда". Высказывалась мысль перенести правление фонда в Москву как место более чутких и живых общественных сил – вопрос этот, однако, остался открытым. Задачи членов совещания свелись к обсуждению вопросов по объединению народных учителей, содействия, выдачи вспоможения, издания отдельного печатного органа, однако все это не оформилось; по существу здесь были только разговоры на тему; практических шагов не предпринято. Возможно в дальнейшем и другие частные совещания, так как инициатор дела А. Суворин живет в Москве...

Наблюдение продолжается.

Подполковник Мартынов

19 апреля 1914 г.»

«Устав Лиги Образования[33]

1. Лига Образования имеет своею целью содействовать постановке образования в России на началах, соответствующих вполне развитому демократическому строю общества.

2. Лига заключает в круг своих интересов общее образование на всех его ступенях: высшее, среднее, низшее и так называемое внешкольное образование.

3. Лига занимается теоретической разработкой вопросов образования, проведением их в жизнь и основанием различных учреждений, соответствующих ее целям.

4. Лига представляет собою самостоятельное юридическое лицо и имеет право приобретать и отчуждать движимую и недвижимую собственность и вступать во всякого рода договоры и обязательства.

5. Лига Образования состоит из: 1) общих съездов, 2) Правления лиги и 3) областных отделов Лиги.

6. Общие съезды представляют собою общее собрание Лиги.

7. Общий съезд состоит из представителей областных отделов Лиги, выбираемых по одному от каждых пятисот членов, но не менее 1 представителя от областного отдела.

8. Общие съезды бывают очередные и экстренные.

9. Очередные съезды собираются раз в два года, в сроки, заранее назначенные самими съездами.

10. Экстренные съезды созываются по постановлению Правления Лиги или по постановлению группы отделов, когда такое постановление состоялось не менее 1/5 всего числа отделов».

«Протокол Учредительного Собрания Московского Областного Отдела Лиги Образования[34]

8 1/4 часов вечера 24 мая 1906 года Генрих Адольфович Фальборк объявил заседание открытым и председателем Собрания, по его предложению, был избран единогласно Иван Николаевич Сахаров, а секретарем Виктор Викторович Рот. Фальборк ознакомил собрание с

проектом декларации Лиги, в которой говорилось о ближайших ее целях и задачах. В заключение Фальборк указал, что "просвещение является главным орудием демократии; В.Д. Соколов ознакомил Собрание с основными положениями Устава Областного отделения. [...] По предложению Г. Кулябко-Корецкого было внесено добавление к § 4 о том, чтобы преподавание было светским. В.П. Вахтеров [...сказал], что задачей Отдела должно быть общее образование, которое объединяет всех людей и развивает прежде всего чувство человеческого достоинства и человеческого самосознания, а специальное образование по самому существу своему – разъединяет людей и совершенствует лишь определенные способности человека.

Доктор Мицкевич сомневался в своевременности устраивать Лигу, думая, что это дело привиться не может, т. к. может встретить противодействие Правительства, и что теперь не время думать о просвещении, а о борьбе. Собравшиеся с ним не согласились.

Затем были произведены выборы в Члены Совета.

Избранными оказались: Ю.А. Бунин, Н.Н. Бычков, И.П. Белоконский, Э.О. Вахтерова, В.П. Вахтеров, Е.Ф. Волкова... А.А. Кизеветтер, В.А. Морозова, А.А. Мануилов... П.В. Тулупов... В.В. Рот, А.Н. Реформатский... И.Н. Сахаров...

Заседание было закрыто в 12 часов 5 минут по полуночи.

Председатель собрания Сахаров»

«Заседание Совета... 7-го июня 1906 года

Прибыли: И.П. Белоконский, В.П. Вахтеров, В.А. Морозова, С.С. Плавинская, Н.В. Тулупов, И.Н. Сахаров, В.Д. Соколов, В.П. Шереметевский.

Председательствовал И.Н. Сахаров

[...] Н.В. Тулупов предложил разбить г. Москву на 9 районных комитетов. Совет поручил Тулупову разработать проект внутреннего распорядка для комитетов.

[...] Совет постановил образовать комиссию по низшей школе, организацию которой принял на себя В.П. Вахтеров, Библиотечную комиссию, организацию которой взяла на себя В.А. Морозова и комиссию по средней школе, быть организатором которой изъявил В.Д. Соколов. В.Д. Соколов даст отчет о денежных суммах по двум подпискам.

Всего собрано – 217 руб. 50 коп.

Израсходовано – 129 руб. 95 коп.

Остаток – 87 руб. 55 коп. передали казначею В.А. Морозовой».[35]

«Заседание... 21-го сентября 1906 года

[...] Совет постановил принять предложение В.А. Морозовой об образовании особой комиссии по усилению средств Лиги и просить В.А. Морозову организовать эту комиссию».[36]

«Заседание... 2-го октября 1906 года

[...] 10) И.Н. Сахаровым доложено о том, что В.А. Морозова предоставила в своем доме помещение для заседаний Лиги, а В.В. Рот доложено о том, что он предоставил в своей квартире помещении».[37]

В следующем документе охранки имена Морозовой и Соболевского упоминаются уже совместно:

1893 г.
Совершенно секретно
«Начальник Отделения
по охранению общественной
безопасности и порядка
в Москве[38]

Из отчета о деятельности комитета Грамотности при Императорском московском обществе сельского хозяйства за 1893-1894 годы, усматривается, что почти половина его членов известна своей политической неблагонадежностью, а руководящее делами его меньшинство проявило

недавно свое антиправительственное направление в событиях, имевших место по восшествии на престол ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II.

Профессора Сеченов, Чупров, Алексей Веселовский, Павел Виноградов, Василий Ключевский, Михаил Корелин и Василий Соболевский участвовали в подаче незаконной петиции ЕИВ, Московскому генерал-губернатору, об изменении действующего Университетского устава.

[...] На собрании Комитета (прения доходили до такой откровенности, что обсуждалась необходимость политической свободы в России); благодаря существованию при Комитете особой Комиссии по воскресным школам, не только в столице велась пропаганда неблагонадежными лицами…

Так как вступление в члены Комитета сопряжено лишь с 3х рублевым взносом, то неблагонадежный элемент и спешил записаться в таковые, чтобы под мирным флагом проводить свои противоправные тенденции, если и объясняется то удивительное обстоятельство, что из 800 человек, поименованных в прилагаемом отчете, 240 – оказываются известными по своей крайне политической неблагонадежности и очень многие из них привлекались к делам политического характера…

Отдельного корпуса Жандармов

Подполковник (Бердяев (?))»

Выдержки из прилагаемого отчета.[39]

Список должностных лиц и членов Комитета Грамотности в Москве, известных своей неблагонадежностью.

Их номера – в числе первых по списку, до 20, – дальше по алфавиту:

«15. Морозова Варвара Алексеевна – известна Департаменту как личность оказывающая денежные пособия с предосудительными в политическом отношении целями. Распропагандирована Виктором Гольцевым в либеральном отношении.

16. Соболевский Василий Михайлович – упоминается в переписке взятой по обыску у известного департаменту Николая Астырева».

Среди 20 – Чупров А.И., Милюков И.Н., Ключевский В.О., Бальмонт Константин Дмитриевич, Гольцев В.А. № 1 – Вахтеров Василий Порфирьевич.

В.А. Морозова и В.П. Вахтеров не случайно оказались в одном списке. Их связывала не только многолетняя общественно-просветительская работа. В течение 6 лет Василий Порфирьевич работал в школе, по приглашению Морозовой, при Тверской мануфактуре.

«В.П. Вахтеров[40] родился в 1853 г., в семье консисторского сторожа, в г. Арзамасе. Восьми лет он поступил в Арзамасское духовное училище… В 1866 г. В.П. Вахтеров окончил духовное училище, а в 1867 г. поступил в Нижегородскую духовную семинарию. Здесь он с упоением изучает «Историю цивилизации» Бокля, читает произведения революционных демократов, народников, изучает передовую педагогическую литературу и прежде всего труды К.Д. Ушинского.

Под влиянием идеи «хождения в народ» В.П. Вахтеров решил посвятить себя делу просвещения народа. Не окончив духовной семинарии, он выдержал в 1871 г. экзамен на звание домашнего учителя и в 1872 г. начал свою педагогическую деятельность в качестве учителя начальной школы в г. Василь-Сурске, а затем в Ардатове Нижегородской губернии.

[…] В 1874 г. В.П. Вахтеров поступил на одногодичные курсы при Московском учительском институте, после окончания которых (в 1875 г.) в течение шести лет был учителем, а затем и инспектором Духовщинского городского училища на Смоленщине.

[…] В 1881 г. В.П. Вахтеров назначается инспектором народных училищ четырех уездов Смоленской губернии.

[…] Поскольку либеральная общественная деятельность В.П. Вахтерова в Смоленской губернии протекала в более или менее дозволенных рамках, он не только не был отстранен от должности инспектора народных училищ, а как человек безусловно талантливый, проявивший себя способным учителем и инспектором, был переведен в июле 1890 г. инспектором школ в

Москву. Правда, здесь дело не обошлось без связей. Его рекомендовал попечителю Московского округа графу Капнисту известный педагог Малинин, крупный методист математики, инициатор создания Московского учительского института и первый его директор.

[…] Работая инспектором в Москве, В.П. Вахтеров одновременно принимал самое активное участие в деятельности Московского Комитета грамотности. Он, можно сказать, был душой этого комитета. В это время он развертывает широкую пропаганду всеобщего обязательного начального обучения и активно участвует в организации школ для рабочих. Работая в Комитете грамотности, он способствовал созданию ряда внешкольных учреждений…

[…] В 1896 г. Вахтеров вынужден был уйти в отставку.

С этого времени начинается новый и, пожалуй, самый плодотворный период его жизни. Продолжая заниматься разносторонней культурно-просветительной деятельностью (в О-ве грамотности. В Лиге образования, на съездах по профессионально-техническому образованию и т. п.), В.П. Вахтеров именно в это время создает «Русский букварь» и замечательные книги для чтения «Мир в рассказах для детей» (1900), в которых обобщался его опыт педагога-демократа, талантливого методиста.

[…] В период с 1897 по 1903 г. В.П. Вахтеров проводил интересную работу в школе при Тверской мануфактуре Морозовой. Он провел здесь ряд ценных экспериментов по изучению детей и по методам обучения. Его педагогические наблюдения в тверской школе были использованы впоследствии в его творческих работах по педагогике и методикам».

Из воспоминаний супруги Василия Порфирьевича Э.О. Вахтеровой[41]:

«[…] В том же 1897 г. В. А. Морозова, владелица фабрики " в Твери, пригласила В. П. Вахтерова заведовать педагогической частью в ее большой школе при Тверской мануфактуре. Дело было интересное. Огромная, многолюдная, отлично оборудованная школа, с прекрасно подобранным коллективом учащих, полная возможность в качестве инспектора классов

работать без помех — все это не могло не увлечь Василия Порфирьевича, и это тем более, что, разобщенный со школой с момента своей отставки, он чувствовал в этом отношении большую пустоту. Он был доволен. «Школа великолепная,— писал он мне, ознакомившись с нею, — занимаюсь всласть. А то очень уж одолела меня тоска по школе. Делаю педагогические опыты». Однако «друзья» из Министерства народного просвещения и Министерства внутренних дел не дремали, и не прошло и полгода, как Василий Порфирьевич пишет мне: «Дело с Тверской школой получило грустный конец. Пришла бумага не допускать меня к преподаванию. Я, разумеется, борюсь, но это только долг, а успех безнадежен. Ты подумай, мои опыты в полном разгаре, и я должен их прекратить». (Он начал тогда ставить свои педагогические эксперименты по различным вопросам методики обучения, использованные им впоследствии в его статьях и книгах.)»

И вновь материалы охранки:

Выписка из полученного агентурным путем письма с подписью «Оля», Москва, от 1 апреля 1905 г., к А.А. Самойловой, в Казань[42]:

«Вот уже целая неделя, как я ни одного вечера не сидела дома. Теперь в Москве ежедневно в 4-5 местах читаются рефераты на злободневные темы, разумеется, неофициально. Серия лекций у Орлова-Давыдова кончилась и началась подобная же у Новосильцева и тоже бесплатная. В других местах, у В.А. Морозовой и других – платные лекции и еще более радикальные, там спорят иногда до глубокой ночи. Подумай как это все ново, важно и интересно. И это каждый вечер. Масса людей захвачена этим. Везде и всюду только и разговоров, что об этих собраниях. Кстати, на этих собраниях удается набирать много денег на разные, нелегальные конечно цели. Собрания редко проходят без прений, споров и даже вражды. И вот для примирения враждующих сюда приезжал Милюков. Сам он радикал, но стоит за соединение партий чтобы не пропустить момента. Он приезжал в понедельник и присутствовал на реферате Мануйлова. Я редко видела, чтобы кого либо встречали так восторженно. На следующий день он читал лекцию

у Новосильцевых. В среду он повторил эту лекцию у Морозовой. Он читал о движении либералов и социалистов в России за последние 50 лет вплоть до наших дней, разбирал и текущие дела, отношения между партиями, всякие меры, проэкты и т. д. На будущей неделе будет еще его лекция».

«21 мая 1905 г.
В Департамент Полиции
Московского
Градоначальника
Отделение по охранению общественной
безопасности и порядка в г. Москве[43]

По воспоследовании ВЫСОЧАЙШЕГО Манифеста 18 февраля по инициативе находящейся в Москве оппозиционной группы, состоящей преимущественно из земских деятелей и носящей наименование «Союз Освобождения», в квартире наиболее видных членов ее, известных Департаменту Полиции, князей Петра и Павла Дмитриевичей Долгоруковых, проживающих в доме графа Орлова-Давыдова, по Малому Знаменскому переулку, стали устраиваться совещания с целью обсуждения текущих политических вопросов. Вначале совещания эти носили специальный характер и на них было постановлено ходатайствовать перед Государем Императором о допущении выборных в Комиссию Министра Внутренних Дел; но затем, совещания эти стали принимать характер бесед на различные темы. Главными инициаторами и руководителями этих бесед были упомянутые князья Долгоруковы, князья Дмитрий и Сергей Шаховские и Действительный Статский Советник Юрий Александрович Новосильцев. В целях привлечения возможно большего числа слушателей на эти беседы, Долгоруковыми распространялись среди знакомых в значительном количестве (до 300) билеты за своею подписью и вход на эти беседы допускался исключительно по этим билетам. В качестве лекторов на этих беседах между прочими выступали известные профессора Александр Аполлонович Мануйлов, Николай Павлович Милюков, Александр

Федорович Фортунатов, присяжные поверенные Михаил Львович Мандельштам, Михаил Яковлевич Герценштейн, Николай Митрофанович Жданов и Иван Николаевич Сахаров.

[…] Первое собрание на квартире Новосильцева состоялось 26 марта и на нем была прочитана гласным Курского Земства Якушкиным лекция на тему о «Декабристах», после которой велась беседа по крестьянскому вопросу и высказывалась необходимость вести в широких размахах пропаганду в крестьянских массах, с целью подготовить таковые к предстоящей реорганизации существующего государственного строя. [Присутствовало около 150 человек.]

Второе собрание в квартире Новосильцева состоялось 29 марта, причем число присутствующих на нем возросло до 400 чл. На этом собрании Николай Павлович Милюков читал лекцию о 60-х годах.

[...] Так как эти два собрания имели внешний большой успех, то инициаторы их решили устраивать подобные беседы возможно чаще, и на следующий день беседа состоялась в доме близкой знакомой всех упомянутых лиц вдовы п.п.г. Варвары Алексеевны Морозовой.

Таким образом, все последующие собрания происходили до последнего времени попеременно в квартирах Новосильцева, Варвары Морозовой и родственников последней Маргариты Морозовой, проживающей в своем доме по Смоленскому бульвару.

[...] 5 апреля на собрании в квартире Новосильцева присутствовали 286 человек, причем Федор Федорович Кокошкин читал лекцию о реформах императора Александра II, а присяжный поверенный Иван Сахаров – о конституции в Германии.

10 апреля собрания состоялись в квартире Новосильцева и Маргариты Морозовой. На первом собрании у Новосильцева присутствовали 280 человек и некто Серошевский сделал сообщение на тему о политических событиях последнего времени в России; лекция была очень умеренного направления. На втором собрании у Маргариты Морозовой было до 200

человек и в числе присутствовавших, между прочими, были замечены наблюдаемые по местной социал-демократической организации, подвергавшиеся аресту в предупреждение демонстрации 1 сего мая, известные Департаменту Полиции Мария Розенберг и Игнатий Шиловский.

11 апреля у Варвары Морозовой происходило большое, продолжавшееся до часа ночи, собрание, на котором профессор Мануйлов прочел сообщение на тему по аграрному вопросу, доказывая необходимость выкупа всех помещичьих земель правительством.

13 апреля у Новосильцева, в тесном кругу знакомых князем Шаховским, Водовозовым и Кокошкиным было прочитано сообщение о государственном устройстве Сербии и Америки. В тот же день у Варвары Морозовой состоялась лекция, на которой присутствовало до 500 человек; лекцию читал профессор Милюков на тему об истории русского революционного движения, начиная с Герцена и до наших дней.

[...] 24 апреля у Варвары Морозовой опять состоялось многолюдное собрание, на котором читал лекцию писатель Скворцов, доказывавший необходимость создания в настоящее время определенных политических партий и вред, наносимый общему реформенному делу существующими ныне профессиональными союзами, которые лишь искусственно объединяют людей различных политических убеждений. По окончании сообщения Скворцова говорил адвокат Жданов и какой-то неизвестный, речь коего была настолько крайнего направления, что В.М. просила одного из присутствующих прервать эту речь, что весьма обидело оратора, но речь он все-же прекратил...

[...] ...Так как пока в собраниях в квартирах Варвары и Маргариты Морозовых, а также Юрия Новосильцева, происходит лишь, главным образом, совместное обсуждение известными частными лицами вопросов, касающихся государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния и так как собрания эти, несмотря на их сравнительную многолюдность, не сопровождались до сего времени какими-либо

нарушениями общественной тишины и спокойствия, то Его Высокопревосходительство признавал бы желательным по отношению к этим собраниям ограничиться лишь бдительным наблюдением; с целью выяснения дальнейших задач этих собраний и воспрепятствования проникновению в них нежелательных, явно враждебных по отношению к Правительству элементов.

Генерал-майор (подпись)»

«Министерство Внутренних Дел
Департамент полиции
По особому отделу
28 мая 1905 г.[44]

Вследствие отношения от 21-го сего мая за № 4604, Департамент Полиции имеет честь уведомить Ваше Сиятельство, по докладе Господину Товарищу Министра Внутренних Дел Заведывающему Полицией обстоятельств дела о происходящих в Москве в квартирах п.п.г. Варвары и Маргариты Морозовых и д.с.с. Юрия Новосильцева собраниях, посвященных обсуждению государственных вопросов, Его Превосходительство признал, что принятие тех или иных мер по отношению к означенным собраниям всецело зависит от усмотрения Московского Генерал-Губернатора.

Под. директор Коваленский»

Тулупова Н.В., Вахтерова В.П. и Морозову В.А. объединяла не только общая деятельность в Лиге Образования.

«№ 3687
4 декабря 1898 года
Москва
Охранному Отделению[45]
Копия
Секретно

Протоколы 1-го общего собрания пайщиков Торгового Дома "И.В. Тулупов. и К." под фирмою "Друг Образования"

1) 1898 года, октября 27 дня в доме Варвары Алексеевой Морозовой состоялось первое собрание пайщиков вышепоименованного торгового предприятия, по продаже книг и учебных пособий, а именно: потомственной почетной гражданки Варвары Алексеевны Морозовой, статского советника Василья Порфирьевича Вахтерова, московского купца Ивана Дмитриевича Сытина, который заменял собою отсутствовавшего пайщика, врача Федора Ивановича Благова по личной просьбе и доверию последнего, надворного советника Николая Васильевича Тулупова и учредителя торгового дома, врача коллежского советника Ивана Васильевича Тулупова.

В начале заседания было заявлено об открытии Торгового Дома, согласно разрешению Московской купеческой Управы от 14-го октября 1898 года, за № 5334 на основании договора, совершенного у московского нотариуса Шидловского за № по реестру 3877 от 21 сентября 1898 года. Далее было решено выдать пайщикам квитанции в получении с них учредителем И.В. Тулуповым сумм, составляющих капитал Торгового Дома, а именно: 2000 рублей наличными от В.А. Морозовой, 2000 рублей наличными от В.П. Вахтерова, 500 рублей наличными и 1500 руб. товаром от Ф.И. Благова, 2000 рублей наличными от Н.В. Тулупова. Учредитель И.В. Тулупов внес в это дело наличными 2000 рублей, в чем постановлено выдать ему квитанции за подписом остальных участников торгового дома. Таким образом капитал Торгового Дома составляет десять тысяч рублей. Эти суммы внесены в бухгалтерские книги в соответствующие счета. Участие в делах Торгового Дома личным трудом и ведение всех, относящихся к торговле, операций поручено Василию Порфирьевичу Вахтерову и Николаю Васильевичу Тулупову за ежегодное вознаграждение по 1200 рублей каждому.

[...] К торговле книгами решено присоединить продажу писчебумажного товара и учебных пособий, для чего постановлено: войти в

соглашение с фирмою Кувшинова и другими с целью получения товара на комиссию или на других выгодных условиях.

Наконец предпринять издание книг разнообразного содержания и решено издавать с виньеткою и в формате, отличающими наше издание от других. Редактором издаваемых книг единогласно избран В.П. Вахтеров, в виду чего он каждую неделю освобождается от занятий в магазине на 2 или 3 дня по его усмотрению. На первый раз решено издать: "Несчастный жених" пов. Волковой из эпохи царствования Бориса Годунова, несколько небольших рассказов Китлинга, и Языческая вера Хавкина и друг.

В конце заседания решили собираться для обсуждения текущих дел и дальнейших предприятий 1 или 2 раза в месяц сообразно потребностям.

Врач Федор Иванов Благов.

Верно: И. об. Делопроизводителя

Московского Охранного Отделения»

Копия

«Книжный магазин "Друг Образования" Тулупова, Москва, Никольская улица, д. "Славянского Базара", бывшее помещение магазина Т-ва И.Д. Сытина

Магазин ставит своею задачей возможно быстрое и возможно дешевое удовлетворение требований на книги разного рода.

Магазин высылает иногородним ВСЕ КНИГИ, ИМЕЮЩИЕСЯ В ПРОДАЖЕ и располагает значительным запасом изданий по всем отраслям литературы и науки. Возможно быстро исполняет заказы на УЧЕБНИКИ. Составляет БИБЛИОТЕКИ ШКОЛЬНЫЕ И НАРОДНЫЕ по данному списку. (Берет на себя подбор библиотек на определенную сумму. Удовлетворяет требования книжных складов, торгующих дешевыми книгами.) Берет на себя исполнение поручений ПО ПОДБОРУ КНИГ на указанные цены. Располагает значительным запасом ДЕТСКИХ КНИГ ДЛЯ ПОДАРКОВ, КАЛЕНДАРЕЙ издания Т-ва И.Д. Сытина, Гатцука, Ступина и пр., КАРТИН для школ и народа, КНИГ ДЛЯ НАГРАД учащимся.

Магазин имеет на комиссии все издания "Библиотеки для самообразования", а также улучшенные издания Т-ва И.Д. Сытина, "Посредника", "Правды", Калмыковой, Лавровой и Попова, "Родного Слова" и Московского Общества Грамотности. Кроме того, располагает значительным запасом изданий бывшего С-Петербургского Комитета Грамотности, Харьковского Общества Грамотности, Муриновой и др. Иногородние требования исполняются наложенным платежом».[46]

«Его Императорскому Высочеству
Московскому Генерал-Губернатору
И. д. Московского обер-полицеймейстера[47]

Рапорт

Старший Инспектор по делам печати в городе Москве, отношением от 2-го мая текущего года за № 310, в виду ходатайства врача, Коллежского Советника Ивана Васильева ТУЛУПОВА о разрешении ему приобрести находящийся Городского участка, в доме Синодальной Типографии, книжный магазин Товарищества И.Д. Сытина, просил меня сообщить сведения о политической благонадежности названного лица, а также и о том, не встречается-ли с моей стороны каких либо препятствий к удовлетворению его ходатайства. В виду того, что Иван Тулупов приходится родным братом известного Департаменту Полиции Надворного Советника Николая Васильева ТУЛУПОВА, вопрос о его благонадежности, во исполнение циркуляра Господина Министра Внутренних Дел от 29 ноября 1891 года за № 4910 был мною представлен на заключение Департамента Полиции, который отношением от 18 июля сего года за № 5897, уведомил меня, что о враче Иване Тулупове неблагоприятных сведений в виду Департамента не имеется.

[...] Московская Купеческая Управа, на сделанный ей запрос, уведомила, что названный Иван Тулупов представил в Управу выписку из торгового договора, явленного им у Московского нотариуса Шидловского 21 сентября сего года, за № 3877, об учреждении им в Москве торгового дома, в

виде товарищества на вере, под фирмою "И. Тулупов и К", для издательства, книжной торговли и других операций, и что вкладчиками этого торгового дома состоят: потомственная почетная гражданка Варвара Алексеевна МОРОЗОВА, Статский Советник Василий Порфирьев ВАХТЕРОВ, врач Федор Иванов БЛАГОВ и родной брат вышеупомянутого Ивана Тулупова, Надворный Советник Николай Васильев ТУЛУПОВ. А между тем означенный торговый дом, как это видно из вышеуказанного отношения за № 729, за другим разрешением, на право производства означенных торговых операций, не обращался и, по спискам Инспекции, значится лишь книжный магазин И.В. Тулупова. Таким образом Иван Тулупов, получив разрешение лишь на свое имя и образовав без ведения власти разрешившей ему магазин, товарищество, допустил этим передержку, очевидно предвидя, что товариществу, в его наличном составе – разрешения на магазин не последовало-бы, так как все вышепоименованные лица представляются более или менее скомпрометированными в политическом отношении.

[...] Варвара Морозова издавна известна своими обширными связями среди оппозиционных элементов, коим всегда оказывала материальную поддержку, как и лицам, потерпевшим за антиправительственную деятельность. Статский Советник Вахтеров еще в бытность свою Инспектором Народных Училищ был замечен в постоянных сношениях с представителями некоторых революционных кружков. Члены этих кружков были охотно допускаемы Вахтеровым в организуемые им воскресные школы, где этот неблагонадежный элемент и проявлял свободно свою преступную деятельность. Одною из таких – была школа при фабрике Товарищества Прохоровской Трехгорной мануфактуры, учительский персонал коей значительно пополнил личный состав террористического кружка Таисии Акимовой (записка от 5 мая 1895 года за № 1164), и положил начало рабочему движению в Москве, в лице группы "Московский Рабочий Союз", ликвидированной в 1896 году. В конце концов, за вредность своего направления Вахтеров был уволен от занимаемой им должности Инспектора

Народных Училищ. Кроме того он представляется лицом не безупречным и в нравственном отношении: законный брак Вахтерова, совершенный в 1880 году с женою его Наталиею Алексеевою Вахтеровою, вследствие ее прошения о супружеской неверности мужа, решением Московского Епархиального Начальства, утвержденным Святейшим Правительствующим Синодом, расторгнут, с осуждением ответчика на всегдашнее безбрачие. Между тем, Вахтерову, несмотря на последовавшее осуждение, удалось 7-го января текущего года, в Сувалках, сочетаться законным браком с состоящею, за политическую неблагонадежность, под негласным надзором полиции дочерью Генерал-майора Эмилией Орестовой КИСЛИНСКОЙ.

[...] Тулупов и Вахтеров будучи членами Общества Грамотности, унаследовавшего традиции и состав закрытого Комитета Грамотности, очевидно, нашли для себя более удобным продолжать осуществление своих и Общества Грамотности целей, вне организации этого Общества, на почве учрежденного ими коммерческого предприятия; эта комбинация освобождает их от подчинения уставу Общества и дает более легкий способ уклониться от правительственного контроля.

[...] Ввиду вышеуказанной ложной постановки дела в магазине Ивана Тулупова и вредной деятельности этого магазина в государственном отношении и принимая во внимание злостность практикуемых Тулуповым средств при преследовании им своих целей, чему примером служит тайное от администрации учреждение им Товарищества, – я имею честь почтительнейше ходатайствовать пред ВАШИМ ИМПЕРАТОРСКИМ ВЫСОЧЕСТВОМ о закрытии означенного магазина, как предприятия открытого при помощи обмана, с умолчанием о действительных его инициаторах.

Исправляющий должность
обер-полицеймейстера,
полковник (подпись)»

Секретно

«Его Превосходительству
Господину Московскому обер-полицеймейстеру
Помощника Начальника Отделения по
охранению общественной безопасности
и порядка в гор. Москве Ротмистра Сазонова[48]

Рапорт

Во исполнение предписания от 27 сего декабря за № 13545, имею честь донести Вашему Превосходительству, что сего числа книжный магазин "Друг Образования", помещающийся на Никольской улице, в доме Синодальной Типографии, Городского участка и принадлежащий товариществу "И.В. Тулупов и К" закрыт в присутствии местного Инспектора по делам печати, по требованию которого было отобрано свидетельство на право торговли у заведывающего делами названного товарищества, брата И.В. Тулупова, Надворного Советника Николая Васильева Тулупова, уполномоченного товариществом нотариальной доверенностью.

[...] Одновременно отобрана и разносная книга Московского Общества Грамотности, секретарем которого, как оказывается, состоит Н.В. Тулупов. По поручению этого Общества им формируются маленькие народные библиотеки, составленные исключительно из книг магазина товарищества и рассылаются от имени Общества Грамотности по назначению (адресаты также поименованы в описи)».

«ОТДЕЛЕНИЕ
по охранению общественной безопасности
и порядка в г. Москве[49]
Секретно

СПРАВКА

ТУЛУПОВ Иван Васильев, Коллежский Советник, в 1898 г., с разрешения властей, приобрел на свое имя книжный магазин под названием "Друг Образования" являясь фиктивным владельцем магазина, так как, в

действительности, Тулупов, без ведения властей, образовал из магазина Товарищество, в состав которого вошли лица политически неблагонадежные, вследствие чего магазин был закрыт.

20 августа 1911 года»

Больше документов по поводу политической деятельности В.А. Морозовой в фондах ГАРФ не обнаружено.

---

[1] Воспоминания публикуются впервые, подлинник хранится у потомков В.А. Морозовой.
[2] Автор ошибается: старшим сыном был Михаил Абрамович (прим. сост)
[3] Морозова М.К. Мои воспоминания // Московский альбом М., 1997. С. 200, 201.
[4] Бурышкин П.А. Москва купеческая. М., 1990. С. 122, 123.
[5] ОР РГБ Ф. 77. К. 23. Ед. хр. 1.
[6] ГАРФ Ф. 102. ОО. 999 ч. 43. Л. 50.
[7] Нигде более не опубликована.
[8] Женский вестник. 1907. № 4. С. 127, 128.
[9] РГАЛИ. Ф. 878. Оп. 1. Д. 3055. Л. 1, 1 об.
[10] РГАЛИ. Ф. 878. Оп. 1. Д. 3055. Л. 2.
[11] Там же. Л. 4.
[12] «Русские Ведомости». 1913. № 269. С. 5.
[13] «Русские Ведомости». 1913. № 274. С. 4.
[14] РГАЛИ Ф. 44. Оп. 2. Д. 131. Л. 14, 14 об.
[15] РГАЛИ Ф. 44. Оп. 1 Н-69. Д. 160. Л. 1.
[16] Чехов А.П. Полн. Собр. соч. в 30 т. М., 1979. Т. 7. С. 771.
[17] Там же. Т. 8. С. 638.
[18] Там же. Т. 7. С. 63.
[19] Чехов А.П. Полн. Собр. соч. в 30 т. М., 1979. С. 149, 150.
[20] Чехов А.П. Полн. Собр. соч. в 30 т. М., 1979. Т. 7. С. 231.
[21] Чехов А.П. Полн. Собр. соч. в 30 т. М., 1979. Т. 7. С. 625.
[22] Чехов А.П. Полн. Собр. соч. в 30 т. М., 1979. С. 447.
[23] Чехов А.П. Полн. Собр. соч. в 30 т. М., 1979. Т. 7. С. 520.
[24] Чехов А.П. Полн. Собр. соч. в 30 т. М., 1979. Т. 7. С. 575.
[25] Пушкинский дом Ф. 11. Оп. 2. № 298. Архив А.И. Иванчина-Писарева.
[26] Там же.
[27] Пушкинский дом Ф. 114. Оп. 3. № 74. Архив А.И. Иванчина-Писарева.
[28] РГАЛИ Ф. 853. Оп. 2. Д. 877. Л. 1.
[29] Там же. Л. 2.
[30] Там же. Л. 3.
[31] ГАРФ Ф. 102. 3 д-во. Д. 114. Л. 45, 46, 56 об., 200.
[32] ГАРФ Ф. 102. 9 д-во. Д. 31. (Стиль и пунктуация донесения сохранены.)
[33] ГАРФ Ф. 63. 1907. Д. 233. Т. 1 (4). Л. 207.
[34] ГАРФ Ф. 63. 1907. Д. 233. Т. 1 (4). Л. 209, 209 об., 210.
[35] ГАРФ Ф. 63. 1907. Д. 233. Т.1 (4). Л. 213.
[36] Там же. Л. 218.
[37] Там же. Л. 219.
[38] ГАРФ Ф. 102. 3 д-во. Д.635. Л. 63, 63 об., 64, 64 об.
[39] Там же. Л. 67 об., 68.
[40] Вахтерова Э.О. В.П. Вахтеров, его жизнь и работа. М., 1961. С. 7-11.
[41] Вахтерова Э.О. В.П. Вахтеров, его жизнь и работа. М., 1961. С. 139, 140.
[42] ГАРФ Ф. 102. ОО. Д. 1000. Л. 9, 9 об.
[43] Там же. Л. 32, 32 об., 33, 33 об., 34, 34 об., 35.
[44] ГАРФ Ф. 102. ОО. Д. 1000. Л. 56.
[45] ГАРФ Ф. 63. Оп. 18. Д. 541. Л 29, 29 об., 30.
[46] ГАРФ Ф. 63. Оп. 18. Д. 541. Л. 10.
[47] Там же. Л. 18, 18 об., 19, 19 об., 20, 20 об., 21.
[48] ГАРФ Ф. 63. Оп. 18. Д. 541. Л 35, 35 об.
[49] ГАРФ Ф. 63. Оп. 18. Д. 541. Л. 87.

Глава 6. Потомки

Михаил Абрамович Морозов

Михаил Морозов (1870-1903) был старшим из трех сыновей Варвары Алексеевны и Абрама Абрамовича.

Выпись из метрической книги московской единоверческой Троицкой-Введенской церкви у Салтыкова моста за 1870 г. под № 15[1]:

«Михаил Родители его Потомств. Почет. Гражданин Абрам Абрамов Морозов и законная жена его Варвара Алексеева, оба православ. исповед. Восприем. Мануфактур-Совет. Потом. Почет. Гражд. и Кавалер Алексий Иванов Хлудов и Московская купчиха Пелагия Яковлева Чернышева. Протоиерей Березин. Д. Скворцов П. Световидов. Родился 7, крещен 12 августа».

«В детские годы вместе с братом Иваном занимался живописью под руководством К. Коровина и Е. Хруслова. По традиции купеческих семей он, как старший, должен был возглавить дело. Однако М.А. Морозов не вписывался в привычные рамки… Михаил Морозов выбрал историко-филологический факультет Московского университета, который закончил в 1893 г. с дипломом первой степени. Будучи студентом первого курса университета, Михаил получал от матери… по 75 рублей в месяц. Однако, когда ему исполнился 21 год, т. е. в день совершеннолетия, он стал одним из самых состоятельных людей России. Сначала он недолго преподавал в университете. В это время подготовил и опубликовал на собственные средства под псевдонимом «Михаил Юрьев» сочинения «Спорные вопросы западноевропейской исторической науки» (1890), «Карл V» (1894), «Мои письма» (1895), последняя работа носила автобиографический характер».[2]

После того, как кандидатура Михаила Абрамовича Морозова на пост председателя Комиссии по устройству Всероссийской художественно-промышленной выставки в Нижнем Новгороде в 1896 г. была отклонена, один журналист сообщил такое мнение о нем: «У этого Морозова…

репутация скорее фельетонно-газетная, чем деловито-коммерческая. Михаил Абрамович большой любитель литературы: сам охотно отдает ей свои досуги, не прочь посотрудничать в газетах, не прочь блеснуть остроумной книжкой, написал недавно, кажется, даже драму… В Москве его знают как завсегдатая первых представлений, как очень милого господина, имеющего роскошный дом и красивый выезд, как доброго малого, с которым приятно встретиться в театре, в ресторане»[3]

В 1890-е гг. Морозов не раз бывал за границей – в Париже, Берлине, Турине, Риме, Александрии, Триесте, Монте-Карло, Ницце, – где знакомился с художественными музеями и памятниками истории.

Живописная усадьба М. Морозова находилась на углу Смоленского бульвара и Глазовского переулка (Смоленский бульвар, д. 26/9). Особняк был построен в 1877 г. архитектором А.И. Резановым для чаеторговца К.С. Попова[4]. Морозов купил его в 1891 г. по случаю женитьбы на Маргарите Кирилловне Мамонтовой (в настоящее время интерьеры дома очень хорошо восстановлены, там располагается один из многочисленных банков Москвы).

В фондах ЦИАМ сохранилась запись в метрической книге церкви Бориса и Глеба[5]:

«10 ноября 1891 г. в церкви Бориса и Глеба у Арбатских ворот (Пречистен. сорок) венчались студент Московского Императорского Университета историко-филологического факультета, из Потомственных почетных Граждан, Михаил Абрамович Морозов, православного вероисповедания, первым браком, 21 года и дочь Потомственного Почетного Гражданина девица Маргарита Кирилловна Мамонтова, православного вероисповедания, 18 лет. Таинство совершил приходский священник Михаил Руднев.

Поручители по жениху: Московский мещанин Семеновской слободы Николай Михайлович Груздев и ученый управитель Михаил Афанасьевич Савельев; по невесте: потомственный почетный гражданин Виктор

Николаевич Мамонтов, коллежский советник Иван Николаев Мамонтов и доктор медицины коллежский советник Владимир Николаевич Шнауберт».

Особняк М.А. Морозова стал художественным салоном. Михаил Морозов оказался в числе первых продолжателей дела, начатого братьями Павлом и Сергеем Третьяковыми: он собирал картины следовавших за передвижниками русских художников и иностранных, шедших вслед за барбизонцами. Михаил Абрамович начал покупать французскую живопись с середины 1890-х гг. Появившийся в его коллекции этюд «Кабачок» оказался первой в России работой Эдуарда Мане. «Живя в Париже, Михаил Абрамович Морозов подружился с художником-маринистом Досекиным, l'heure sainte de l'absinthe [священный час абсента] затягивался на много часов… Морозов пристрастился к этому напитку и сделался его жертвой.»[6] Если бы его блистательная коллекционерская карьера не оборвалась в 1903 г., он наверняка смог бы составить конкуренцию Сергею Щукину, поскольку благодаря своему исключительно буйному и неуемному темпераменту, как собиратель действовал необычайно смело и решительно.

С. Дягилев о М. Морозове[7]: «Коллекции и коллекционеры крайне редки в России. В последние годы под влиянием художественной деятельности

П.М. Третьякова в Москве стали появляться среди просвещенного московского купечества настоящие любители искусства, и к тому же, как это ни кажется на первый взгляд странным, любители самого передового, ультрасовременного искусства. Таким любителем был только что умерший М.А. Морозов. Собрание его, составленное в какие-нибудь пять лет, ежегодно пополнялось привозимыми им из-за границы и покупаемыми в России художественными произведениями. М.А. умер совсем молодым человеком, ему не было 35-ти лет. Можно себе представить, в какую галерею разрослось бы его собрание, если бы смерть не прервала этих добрых начинаний.

Коллекция М.А. Морозова чрезвычайно разнообразна, в ней много первоклассных русских картин, начиная с отличного портрета Боровиковского и кончая работами всех наших талантливых современников, как Суриков, Васнецов, Серов, Коровин, Виноградов, Иванов и другие.

Но чем особенно увлекался М.А. за последнее время, это коллекционированием современной иностранной, и особенно французской школы. Он привозил отличных Дега, Ренуаров, Мане, Моне, а с нынешнего года стал единственным в России собственником произведений таких мастеров, как Боннар, Вюиллар, Дени, Гоген и других, вещи которых даже в Париже не нашли еще себе достойной оценки.

Между прочими полотнами М.А. приобрел знаменитую и наделавшую столько шума в Париже «Интимную феерию» Бенара, а также купил одну из самых первых вещей Англады, когда еще об этом, модном теперь художнике никто не говорил.

Все это свидетельствует о том, что М.А. Морозов относился к своей задаче коллекционера с большой любовью и тонким чутьем.

Как жаль, когда такие люди, столь глубоко окунувшиеся в жизнь, любящие и понимающие ее, вдруг выбиваются из строя. Их очень недостает. Казалось бы, что они специально созданы для жизни и должны в ней пребывать, пока в них не потух запас той жизненной энергии, которою они так видимо изобилуют.

М.А. Морозов вообще был чрезвычайно характерной фигурой, во всем его облике было что-то своеобразное и вместе с тем неотделимое от Москвы, он был очень яркой частицей ее быта, чуть-чуть экстравагантной, стихийной, но выразительной и заметной. Его, повторяю, постоянно не хватает, о нем часто вспоминаешь с грустью, и я уверен, что большинство художников-москвичей и любителей искусства и театра долго не забудут его оригинальной жизнерадостной фигуры, так метко обрисованной на оставшемся нам портрете Серова, написанном почти накануне ранней и неожиданной кончины М.А. Морозова».

Портрет, о котором упоминал Дягилев, был написан Серовым в 1902 г. Маргарита Кирилловна так отзывалась о творчестве художника[8]: «Тяжелой его чертой был какой-то юмористический пессимизм по отношению к людям. Он своим наблюдательным, трезвым взглядом видел в каждом человеке, а особенно в том, которого он в данный момент изображал, карикатуру». Об этом портрете много было разговоров и мнений критиков и тогда, и сейчас. Наверное, каждый видел в изображенном то, что хотел видеть. Несомненно одно: уже в этом портрете проявилась уникальная особенность серовского таланта – способность соединять в изображении «общий план», как видели портретируемого все, и «крупный», оценочный, сущностный. Серов отказывался писать портреты людей серых, банальных, он был придирчив к модели, однако портреты Морозовых писал охотно. Ныне этот портрет находится в Третьяковской галерее. В 1911 г. он экспонировался на Международной художественной выставке в Риме, об этом говорится в письме В. Серова (от 11 мая)[9]:

«*Многоуважаемая Маргарита Кирилловна!*

Благодарю Вас очень за портрет Михаила Абрамовича.

Вы всегда были добры ко мне – чего я никогда не забываю.

Портрет доставлен в порядке и хорошо мной поставлен в моем аппартаменте в русском павильоне (очень недурном сравнительно с другими).

Своей собственной выставкой т. е. тем, что выставили и как – доволен.

Комнаты не велики – вещей не много, но довольно солидные и нет элемента магазинности, чем страдают все вообще выставки и здешняя интернациональная в особенности – разумеется за исключением исключений. А к Риму – если Вы его знаете – выставки сами не к лицу.

Относительно акомпаньятора не писал (каюсь) ибо при Дягилеве давным давно оказался Щербачев.

Готов к услугам

В. Серов

Жена очень Вам кланяется».

После смерти Михаила Абрамовича большая часть картин из его собрания была передана Третьяковской галерее. В фондах ОР РГБ, к сожалению, без даты (однако, судя по другому документу (Ф. 171. К. 20. Ед. хр. 3), не ранее 1914 г.(?)), сохранилось заявление от М.К. Морозовой[10]:

«В Совет Московской
Городской Художественной Галлереи
имени Павла и Сергея Михайловичей Третьяковых
Вдовы Коллежского Асессора
Маргариты Кирилловны Морозовой

Заявление

Покойный муж мой Михаил Абрамович Морозов выражал, при жизни своей, желание, чтобы его собрание картин русских и иностранных художников перешло впоследствии в собственность художественной галлереи имени П. и С. Третьяковых. В исполнение этой воли покойного, я представляю при сем опись сказанных картин всего в количестве восьмидесяти трех номеров, и заявляю, что я передаю их в собственность галлереи, причем шестьдесят картин передаются мною теперь же, остальные же, нижепереименованные, двадцать три картины я оставляю пожизненно в своем пользовании и они должны поступить в галлерею после моей смерти, причем, до того времени, за могущие произойти вне моей воли случаи порчи или утраты этих картин ответственности на мне лежать не должно.

Список картин, оставляемых мною в пожизненное мое пользование:

№ по списку.

17. Головин. Зимний Дворец.

32. Бенуа. В Версали.

35. Серов. Портрет М.А. Морозова.

46. Сомов. Купальщицы.

55-58. Левитан. 4 этюда.

63. Коровин Конст. Мельницы.

64. Левитан. Ранняя весна.

69. Max Gabriel. Утро

70. Коровин Сергей. К Троице.

73. Corot. Пейзаж.

74. Diaz. Une plaine.

75. Jongkind. Пейзаж.

76. Рокотов. Портрет.

77. Boudin. Пейзаж.

78. Pointelin. Пейзаж.

79. Rodin. Ева.

80. Corot. Женщина.

81. Врубель. Царевна Лебедь.

82. Галлен. Финляндский пейзаж.

83. Коровин Конст. Север (Гуашь)

Маргарита Кирилловна Морозова»

Но не только этим щедрым даром обязана Москва Михаилу Абрамовичу Морозову. В 1903 г., согласно его духовному завещанию, поступило около 15 000 руб. в пользу попечительства о бедных Рогожской части 3-го участка, участковым попечителем которого благотворитель являлся на протяжении ряда лет. «По воле покойного М.А. Морозова в пользу попечительства 3-го Рогожского участка – 4565 руб. 21 коп. на постройку приюта для неизлечимых больных».[11] «…По воле скончавшегося М.А. Морозова – 10 241 руб. 11 коп. в пользу того же попечительства».[12] «…Пожертвования на эту цель [приют] поступали и в течение следующих 4 лет; всего собрано за 5 лет в виде пожертвований 58 983 руб. 73 коп. …На эти суммы построено на участке земли, отведенном городом за Покровской заставой, в Александровской слободе, каменное двух-этажное здание приюта для неизлечимых на 50 мужчин и 50 женщин. 15 мая 1903 г. состоялось освящение этого приюта, а 1 августа открыт был прием призреваемых».[13]

Михаил Абрамович состоял вместе с матерью, Варварой Алексеевной, членом Комитета Московского Общества покровительства беспризорным и освобождаемым из мест заключения несовершеннолетним. Был избран 15 ноября 1896 г. Срок полномочий закончился в 1899 г. Возобновилось ли членство после перевыборов – данных нет.[14]

Выдержка из некролога, опубликованного в «Историческом вестнике» за 1903 г.[15]: «...Он не чужд был и журналистике. Часть его журналистских работ, всегда – с огоньком, с оригинальностью в стиле, была несколько лет назад напечатана в "Нов. Дня". Михаил Абрамович сотрудничал в "Северном Вестнике", где был напечатан ряд писем об его заграничных поездках, написанных под псевдонимом "Михаил Юрьев". М.А. Морозов был видным общественным деятелем. Он занимал должность старосты Большого Успенского собора, состоял попечителем Городского попечительства о бедных 3-го участка Рогожской части, попечителем Рогожского 4-го начального мужского училища, членом высочайше утвержденного комитета по устройству музея изящных искусств имени императора Александра III, директором Николаевского приюта ведомства совета детских приютов, директором московского отделения императорского русского музыкального общества, членом совета больницы августейшего имени императора Александра III, казначеем московской консерватории, членом множества благотворительных обществ. М.А. был известен как большой любитель изящных искусств, и его картинная коллекция, в которой собраны шедевры русских и иностранных художников, представляют богатейшее собрание. В последние годы, близко став в качестве старосты Успенского собора, к этому замечательному памятнику нашей старины, он задумал написать его историю и много с любовью работал над этим трудом».

«М.А. Морозов принимал участие в деятельности и финансировании ряда общественных организаций – Общества любителей художеств, Общества литераторов и ученых, Общества ревнителей просвещения,

Филармонического общества. Кроме того, Морозов жертвовал немалые деньги на содержание Строгановского художественно-промышленного училища. Он был гласным Московской городской думы в 1897-1900 гг., старшиной Московского купеческого собрания».[16]

После революции в Москве были национализированы 5 библиотек Морозовых. Среди них – собрание книг М.А. Морозова. «Морозова М.А. Москва. Мертвый пер., 9. 40 000 томов. История искусства, история, литература, классики русские и иностранные, журналы, беллетристика. В 1918 г. поступила в Главмузей».[17]

Безусловно, и общественная, и культурная деятельность Морозова осознавалась и высоко оценивалась современниками. Подтверждение тому – выборные должности и членство в различных благотворительных организациях.

Однако имеет место и такой документ[18]:

«Из ведомости расхода одного из владельцев фабрики

М.А. Морозова в 1901 г.[19]

4 февраля 1902 г.

Содержание хозяйского стола

Повару по счетам 5144 руб.

Смирновым бр[атьям] 2000 руб.

Петрову М.П. 1025 руб.

Жижину Н. 655 руб.

Кирпикову 135 руб.

Шафоростовым 432 руб.

Колганову 109 руб.

Бабанину 140 руб.

Альберту 83 руб. 75 коп.

Выгодчиковой 23 руб.

Егорову 107 руб. 50 коп.

Арсентьеву 24 руб. 85 коп.

За хлеб 19 руб.

Вино 9889 руб. 10 коп.

Леве Е. 5900 руб.

В. Хотцен и К° за вина 600 руб.

Бауер и К° за вина 954 руб.

Джонстон за вина 397 руб. 34 коп.

Шванебах за вина 954 руб. 71 коп.

Перпигнан и Сориа за вина 880 руб. 17 коп.

Кюльвейнс за вина 335 руб.

Леве и Зейдлер за пошлину и расходы 890 руб. 39 коп.

Гергард и Гей за пошлину и расходы 393 руб. 80 коп.

Российскому обществу 452 руб. 83 коп.

Шумилину С.Н. за розлив вина 210 руб.

За провоз вина от Кизляра до Москвы 39 руб. 91 коп.

[Итого] 12 008 руб. 15 коп.

Устройство вечеров

Гостинице «Эрмитаж» 2855 руб.

Ноеву Ф.Ф. 2800 руб.

Сиу и К° 45 руб. 25 коп.

Фокину 248 руб.

Ракову 112 руб.

Риго за оркестр 250 руб.

Лабади, пианисту 200 руб.

Фокуснику 50 руб.

Израсходовано буфетчиком и другими 421 руб. 05 коп.

На чай официантам, полиции и другим 359 руб.

Номера для платья 24 руб. 12 коп.

За принадлежности для котильона 169 руб.

Дмитриеву, пианисту 75 руб.

[Итого] 7607 руб. 42 коп.»

«Формулярный список о службе умершего Директора Николаевского детского, в Москве, приюта Ведомства учреждений ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ, Коллежского асессора Михаила Абрамовича Морозова[20]

Составлен 4 мая 1916 года

Настоящая копия выдана Канцеляриею Московского Совета детских приютов Ведомства учреждений ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ вдове умершего Директора Николаевского детского, в Москве, приюта, Коллежского асессора Михаила Абрамовича Морозова Маргарите Кирилловне Морозовой, вследствие ее прошения, для представления в ИМПЕРАТОРСКИЙ Московский Университет при поступлении в названный Университет сына ее Михаила Мая 4 дня 1916 года.

Правитель Канцелярии Совета

Помощник Правителя

1.Чин, имя, отчество, фамилия, должность, лета от роду, вероисповедание, знаки отличия и получаемое содержание.

Коллежский Асессор Михаил Абрамович Морозов, умерший Директор Николаевского, в Москве, детского приюта, Ведомства учреждений ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ, 31 года от роду, вероисповедания православного.

Имеет орден Св. Станислава 3 ст. и Св. Анны 2 ст., серебряную медаль для ношения на груди на Андреевской ленте в память Св. Коронования ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА и вензелевый знак, ВЫСОЧАЙШЕ установленный в память исполнившегося столетия со времени возникновения Ведомства учреждений ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ.

Содержания по службе не получал.

2. Из какого звания происходит, есть ли имение у него самого и у родителей, у жены, если женат: родовое, благоприобретенное.

Из Потомственных Почетных Граждан.

Имения в Тверской и Владимирской губерниях

У матери дом в Москве и имения в Московской и Тверской губерниях

У жены родовое – нет, приобретенное – дом в Москве

3. Где получил воспитание и окончил ли полный курс наук в учебном заведении; когда поступил в службу, какими чинами, в каких должностях и где происходил оную; не было ли каких особых по службе действий или отличий; не был ли особенно чем-либо награжден кроме чинов

По окончании полного курса наук в ИМПЕРАТОРСКОМ Московском Университете на историко-филологическом факультете удостоился диплома первой степени, каковой выдан ему10 сентября 1893 года за № 13436

Согласно прошения его, Советом Попечительства о бедных в Москве, определен на должность чиновника особых поручений при том Совете 1893 Октября 1

С ВЫСОЧАЙШЕГО ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ соизволения назначен Почетным Членом Попечительства по Мариинскому Училищу оного 1893 Ноября 11

Указом Правительствующего Сената, от 25 апреля 1894 года за № 65, утвержден в чине Коллежского Секретаря со старшинством с 1893 Октября 1

Со ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕГО соизволения ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕОДОРОВНЫ, последовавшего в 8-й день декабря 1894 года, согласно прошения, определен на должность Директора Николаевского, в Москве, детского приюта с оставлением в занимаемой им должности с 1894 Мая 25

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ пожалован, в 27-й день Мая 1895 года, за заслуги по Дамскому Попечительству о бедных в Москве, орденом Св. Станислава 3 ст. 1895 Мая 27

Состоит старостою при Успенском, в Москве, соборе.

Избран Почетным Мировым Судьею по городу Москве с 1896 Мая 17

Получил ВЫСОЧАЙШЕ установленную серебряную медаль для ношения на груди на Андреевской ленте в память Св. Коронования ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА 1897 Января 15

ВЫСОЧАЙШИМ Приказом по гражданскому ведомству, от 4 апреля 1897 года № 25 произведен, за выслугу лет, в Титулярные Советники со старшинством 1896 Октября 1

Получил право на ношение на правой стороне груди вензелевого знака ВЫСОЧАЙШЕ установленного по случаю исполнившегося 2 Мая 1897 года столетия со времени возникновения ведомства учреждений ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ 1897 Мая 2

ВЫСОЧАЙШИМ Приказом по гражданскому ведомству, от 9 июня 1900 года за № 45, произведен, за выслугу лет, в чин Коллежского Асессора со старшинством с 1899 Октября 1

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ награжден орденом Св. Анны 2 ст. 1901

Апреля 5. Скончался 1903 Октября 12

4. Холост или женат на ком, имеет ли детей, кого именно; год, месяц и число рождения детей, где они находятся и какого вероисповедания.

Женат первым браком на дочери Потомственного Почетного Гражданина Маргарите Кирилловне Мамонтовой. Имеет детей родившихся: Юрия – 21 Сентября 1892 г., Михаила – 5 Февраля 1897 г., Елену – 11 Августа 1895 г. и Марию – 2 Января 1904 года.

Жена и дети вероисповедания православного.

Правитель Канцелярии Совета (подпись)

За Помощника Правителя (подпись)»

Михаил Абрамович скончался 12 октября 1903 г. В «Русских Ведомостях» от 13 октября был опубликован некролог, который с некоторыми дополнениями перешел в № 282[21]:

«МИХАИЛ АБРАМОВИЧ МОРОЗОВ

волею Божией тихо скончался 12-го сего октября в 1 1/2 часа дня, о чем семья покойного в глубоком горе извещает родных и знакомых.

Панихиды совершаются в 11 час. утра и 7 час. вечера.

Отпевание в церкви Покрова Пресвятой Богородицы, что в Левшине, в среду, 15-го октября. Вынос – в 9 час. утра. Погребение в Покровском монастыре. Поминовение – в д[оме] Золотарского, на Долгоруковской улице.

Особых приглашений не будет».

Там же был опубликован еще один некролог[22]:

«Правление товарищества Тверской мануфактуры с чувством глубокой скорби извещает о понесенной глубокой утрате своего дорогого незабвенного директора МИХАИЛА АБРАМОВИЧА МОРОЗОВА, скончавшегося 12-го сего октября.

В день погребения, 15-го октября, Правление товарищества, контора и торговый амбар в Москве, фабрика в Твери и торговые отделения в Харькове и Одессе будут закрыты».

В этом же номере объявление[23]:

«От дирекции московского отделения Императорского русского музыкального Общества.

Во вторник, 14-го октября в Большой зале консерватории будет отслужена панихида по случаю последовавшей 12-го сего октября кончины почетного члена, бывшего директора и казначея московского отделения, бывшего члена и казначея Строительной комиссии по сооружению здания московской консерватории МИХАИЛА АБРАМОВИЧА МОРОЗОВА.

К панихиде приглашаются почетные и действительные члены Отделения, профессора и преподаватели консерватории, учащиеся с их родителями и все желающие почтить память усопшего. Начало панихиды – в 1 час дня».

В «Русских Ведомостях» от 15 октября, в статье о похоронах М.А. Морозова, говорилось, что на его гроб во время панихиды было возложено свыше 60 венков, в том числе от членов Попечительства о бедных Рогожской части 3-го участка, от 4-го Рогожского мужского училища, от московского

отделения Императорского музыкального Общества, от друзей-художников и др.[24]

Копия

«Духовное завещание Михаила Абрамовича Морозова[25]

Выпись из второй части актовой книги для актов, не относящихся до недвижимых имуществ Московского Нотариуса Ивана Николаевича Успенского, за 1903-й год, листа 12 страница 2, № 29.

Тысяча девятьсот третьего года сентября двадцать второго дня, явился ко мне, Ивану Николаевичу Успенскому, Московскому Нотариусу, в Контору мою, находящуюся Городского участка, по Ильинке, в доме под № вторым, известный мне лично и имеющий законную правоспособность к совершению актов Коллежский Асессор Михаил Абрамович Морозов, живущий в Москве, Пречистенской части, первого участка, в своем доме, в сопровождении лично мне известных свидетелей: Московского мещанина Якова Ивановича Малявкина, Титулярного Советника Александра Гавриловича Спасского и Васильевского мещанина Владимира Егоровича Качалова, живущих в Москве, первый – Рогожской части, третьего участка, в доме Калинина, второй – Сущевской части, первого участка, в доме Сальмановича, и третий – Пресненской части, третьего участка, в доме Иваникова, с объявлением, что он, господин Морозов, желает совершить нотариальным порядком духовное завещание, следующего содержания:

Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Я, нижеподписавшийся, Коллежский Асессор Михаил Абрамович Морозов, находясь в здравом уме и твердой памяти, настоящим духовным завещанием делаю следующие распоряжения: Первое. Все движимое и благоприобретенное недвижимое имущество мое, какое только в день смерти моей окажется, мне принадлежащим, где бы таковое имущество ни находилось и в чем бы ни заключалось, я завещаю в полную собственность любезной супруге моей Маргарите Кирилловне Морозовой.

Второе. Все ранее совершенные мною духовные завещания я сим уничтожаю и прошу считать их недействительными. Аминь. Проект сего завещания читан завещателю, г. Морозову, в присутствии вышепоименованных свидетелей и, по одобрении оного и удостоверении, что он по доброй воле желает это завещание совершить и понимает его смысл и значение, внесен в актовую книгу, из которой вновь прочитан тем же порядком.

Выпись, оплаченную гербовым сбором размера одного рубля, следует выдать завещателю, Михаилу Абрамовичу Морозову.

Коллежский Асессор Михаил Абрамович Морозов.

При совершении сего духовного завещания свидетелями были: Московский мещанин Яков Иванович Малявкин, Титулярный Советник Александр Гаврилович Спасский, Васильевский мещанин Владимир Егорович Качалов. Нотариус Иван Успенский.

1903 года ноября 8 дня сделана сия надпись в 5 отделении Московского Окружного Суда в том, что по определению сего Суда от 3 ноября 1903 года постановлено: нотариальное духовное завещание умершего 12 октября 1903 года Коллежского Асессора Михаила Абрамовича Морозова, представленное в выписи из актовой книги Московского Нотариуса Успенского за 1903 год, части второй, лист. 12, стран. 2, № 29, к исполнению утвердить и выдать просительнице по уплате актовой пошлины три рубля, на публикации три рубля и наследственной пошлины тринадцать тысяч сто двадцать девять рублей 29 коп.

Ввести по этому духовному завещанию вдову завещателя Маргариту Кирилловну Морозову в общее с другими лицами владение правом на третью часть в доме с землею и надворными строениями в Москве, Городского участка, под № 130/1023 приобретенном по купчей крепости, утвержденной Старшим Нотариусом сего Суда 19-го декабря 1895 года по реестру за № 3549, из какового владения проданы 28 октября 1897 года по купчей городу Москве два участка земли, мерою 86.60 квадратных сажен с переводом на

нее запрещения по сборнику 1895 года за № 3302, и правом на половинную часть в доме с землею и надворными строениями в Москве, Лефортовской части, 3 участка, под № 484/699, приобретенным завещателем по купчей крепости, утвержденной Старшим Нотариусом сего Суда 13 Мая 1897 года по реестру за № 1428, с переводом на нее запрещения по сборнику 1897 года за № 1386, обязать наследнику исполнительный лист по этому определению представить к Старшему Нотариусу сего Суда для отметки в крепостном реестре...

По сему духовному завещанию вдова Коллежского Асессора Маргарита Кирилловна Морозова введена во владение правом на половинную часть в доме с надворными постройками и землей в Москве в Лефортовской части 3 участка под № 484/699, приобретенном завещателем по купчей крепости, утвержденной Старшим Нотариусом Московского Окружного Суда 13 Мая 1897 г. по реестру за № 1428-м, согласно постановления Московского Окружного Суда, изложенного в Исполнительном листе от 12 ноября 1903 года за № 6934-м, в удостоверение чего на основании 1431 статьи Устава Гр. Суд. сделана эта надпись. Декабря дня 1903 года. Судебный Пристав Хоботов.

1903 года декабря 8 дня вдова Коллежского Асессора Маргарита Кирилловна Морозова – на основании исполнительного листа Московского Окружного Суда от 12-го ноября 1903 года за № 6934 – введена во владение в одной третьей части недвижимого имения, дошедшего к ней по сему духовному завещанию, состоящего в городе Москве по Варварке Городской части и участка – под № 130 стар. 1023 нов., причем из всего владения следует считать исключенными два участка земли мерою 86.60 квадр. сажен земли, как проданные прежними владельцами бр. Морозовыми городу Москве по купчей – 28 октября 1897 года. Ввод совершен Судебным Приставом Московского Окружного Суда Боярковым, о чем согласно 1431 ст. Уст. Гр. Суд. и сделана эта надпись. Судебный пристав Боярков».

Письмо Ивана Абрамовича Морозова к Маргарите Кирилловне[26]:

«*Милостивая Государыня Маргарита Кирилловна,*

После смерти мужа Вашего Михаила Абрамовича к Вам, согласно духовного завещания, перешло все движимое и недвижимое имущество покойного.

При утверждении в правах наследства Вы не были введены во владение в принадлежащих Вам частях в двух недвижимых имуществах – Мугреевском и Спировском имениях.

Покойному мужу Вашему принадлежали 2/7 части Мугреевского имения, из которых 1/7 часть была родовая, а другая 1/7 часть была им благоприобретенная. Таким образом по закону Вам должна была перейти вся 1/7 часть им благоприобретенная и 1/7 часть от другой 1/7 части – родовой. Всего же к Вам должна была перейти 8/49 часть имения.

В Спировском имении Вашему покойному мужу принадлежала 1/4 часть и к Вам, по закону о родовых недвижимых имуществах, должна была перейти 1/7 часть всей 1/4 части, то есть 1/28 часть имения.

При учреждении Мугреево-Спировского Лесопромышленного Товарищества оба вышеупомянутых имения перешли в собственность Товарищества, причем владельцы вместо долей получили паи учрежденного Товарищества. Оба имения оценены в 700 000 рублей, – Спировское в 112 000 рублей, а Мугреевское в 588 000 рублей и владельцы этих имений получили 350 паев Товарищества при номинальной стоимости 2000 рублей каждый.

Так как Вам, как выше было упомянуто, должна была принадлежать 1/28 часть Спировского имения, то Вы должны были получить 2 пая по этому имению и владея 8/49 частями Мугреевского имения Вы должны были получить 48 паев по последнему. Всего же Вам должно было принадлежать 50 паев вновь учрежденного Мугреево-Спировского лесопромышленного Товарищества.

Но так как, повторяю, Вы не были своевременно введены во владение частей в этих двух имениях, то части Ваши, а следовательно и паи перешли

детям Вашим Георгию, Михаилу, Елене и Марии, причем Георгий и Михаил получили вместе со своими долями всего по 42 пая а Елена и Мария по 7 пая от Товарищества.

При нормальном же распределении паев дети Ваши должны были получить – Георгий и Михаил по 20, а Елена и Мария по 4 пая Товарищества.

Таким образом излишек, полученный сыновьями Вашими, представляет для каждого 22 пая, а для дочерей Ваших для каждой 3 пая Товарищества, что в общей сложности и составляет 50 паев, которые и должны были бы по закону и праву Вашему принадлежать Вам.

С совершенным почтением

Иван Морозов»

Письмо характеризует Ивана Абрамовича как делового человека и определяет его отношение к детям умершего брата – стремление обеспечить их будущее и участие в семейных делах.

Огромный интерес представляют воспоминания Маргариты Кирилловны, написанные в 1957 г., охватывающие значительный период ее жизни – и с Михаилом Абрамовичем, и уже после его смерти[27]:

«Я родилась в Москве, 22 октября 1873 года, на Покровке, в доме Д.П. Боткина. Мои родители занимали флигель на дворе этого дома. Дмитрий Петрович и Софья Сергеевна Боткины были большие друзья моей матери и отца. Отец мой, Кирилл Николаевич Мамонтов, был одним из многочисленных братьев Мамонтовых. У моего деда Николая Федоровича и бабушки Веры Степановны была многочисленная семья; многие умерли и осталось их, судя по большому семейному портрету, одиннадцать человек.

[...] В 1891 году я вышла замуж за Михаила Абрамовича Морозова, который принадлежал к семье известных фабрикантов, потомков Саввы Васильевича Морозова, создавшего богатство семьи Морозовых, в первой половине прошлого века.

Свадьба наша 10 ноября была отпразднована с большой пышностью. Венчание происходило в Университетской церкви на Большой Никитской[29]. Церковь была торжественно освещена и убрана цветами и растениями. Народу было много, как тогда говорили: «вся Москва». После венчания состоялся большой обед в ресторане «Эрмитаж», где было для таких случаев особое, большое, помещение. По окончании обеда мы с мужем уехали в Петербург курьерским поездом.

В Петербурге мы прожили целый месяц в гостинице «Европейской». Первым нашим знакомым, приходившим к нам иногда к обеду, был известный тогда адвокат и театрал князь Александр Иванович Урусов. Князь Урусов был большим почитателем французского писателя Флобера и подарил мне, как он это обычно делал, свою фотографию с надписью: «Lire Flaubert» («Читайте Флобера»).

Днем мы посещали музеи и вообще знакомились с Петербургом, а по вечерам, почти ежедневно, бывали в театре, особенно часто в Александрийском и Михайловском.

Из Петербурга мы поехали в Париж. В Париже мы продолжали вести тот же образ жизни, что и в Петербурге, то есть днем ходили по музеям, а вечером в театр.

Прожив в Париже целый месяц, мы поехали в Ниццу. Из Ниццы часто ездили в Монте-Карло. В Монте-Карло у меня осталась в памяти сидящая за игорным столом княгиня Е.М. Юрьевская, вдова императора Александра II. Очень полная рыжеватая блондинка, как мне показалось, сосредоточенно игравшая в рулетку.

От Ниццы у меня остался в памяти один совершенно феерический образ — это карнавал, на который мы смотрели из окна нашего отеля. Это

[29] Противоречия с приведенной выше выписью из метрической книги о венчании нет. Вероятно, оно происходило, действительно, в Университетской церкви, однако в приходской церкви (Бориса и Глеба) запись о венчании должна была существовать. «В конце 19 в. появился новый вид брачного документа – предбрачные свидетельства, которые выдавались священниками своим прихожанам для совершения обряда венчания в другом храме. В этих свидетельствах указывались: имя прихожанина, холост, вдов или разведен (девица или вдова), возраст или дата рождения, бывал ли на ежегодной исповеди, нет ли препятствий к браку. (ЦИАМ Ф. 2121. Оп. 3. Л. IV.)» Затем свидетельство о венчании надо было представить для записи в приходской храм.

совершенно непередаваемая красота моря цветов. Один экипаж был весь покрыт красной гвоздикой, даже колеса и сиденье кучера, а дамы, сидящие в нем, все в красном, утопали в огромных букетах красных гвоздик и осыпали всех дождем этих цветов. И тысячи экипажей различных форм, один — весь покрытый розовыми, другой — белыми, желтыми, пестрыми цветами. И дамы, сидящие в них, сами, как цветы. Все дома и улицы также украшены цветами, и со всех сторон сыпался дождь разнообразных цветов и конфетти.

Еще я хорошо помню жившую с нами рядом в отеле английскую королеву Викторию. Очень маленькую, толстенькую старушку, в черном пышном шелковом платье, с зеленым зонтиком «козырьком», надетым на глаза. Она каждое утро садилась в открытое ландо со своими приближенными и ехала кататься.

Ранней весной в марте мы вернулись в Москву. Сначала мы нанимали квартиру в Леонтьевском переулке, а с осени мы переехали во вновь купленный моим мужем дом на углу Смоленского бульвара и Глазовского переулка. Дом этот был своим фасадом полукруглый, в середине выступающая терраса с мраморными белыми колоннами. Фундамент дома был облицован темно-красным гранитом. Внутри дом был очень причудливый, по-моему, очень некрасиво отделанный. Было смешение всех стилей: передняя была египетская, зала — вроде ампир, аванзала — помпейская, столовая — русская, еще комната — мавританская. Все время, пока я там жила, я мечтала все переделать, и даже были проекты архитектора И.В. Жолтовского, но эта затея должна была стоить таких огромных денег, которых у меня не было, и я должна была навсегда отказаться от этой мысли.

Когда мы переехали в наш дом, электричество только начинали проводить в Москве. В нашем районе его в домах еще совсем не было. Поэтому мой муж решил устроить свою маленькую электрическую станцию, иметь своего электротехника с тем, чтобы и все службы освещались электричеством.

Мой муж сам взял на себя управление домом и хозяйством, поставил нашу жизнь на очень широкую ногу. Например, у нас было два кучера и два выезда: мой — в английской упряжке и кучер, одетый по-английски, и моего мужа — русская упряжь с русским кучером с большой бородой. Для этого требовалось и лошадей, и людей, и экипажей вдвое больше. Мой муж любил, чтобы был хороший стол, и взял хорошего повара. Он любил звать гостей к обеду, нужна была отличная сервировка и буфетчик, которому нужны были помощники. Так сразу жизнь приняла широкий характер, который с годами все расширялся. У нас в Москве в богатых домах было так поставлено, что хороший повар не делал никакой грязной работы, ему нужно было все приготовить. Хороший буфетчик также ничего не мыл и не чистил, а только накрывал стол с помощником или помощницей и подавал на стол готовое блюдо, которое ему посылал повар. Также и горничная, которая ходила за хозяйкой дома, никакой грязной работы не делала. Для стирки была в доме своя прачка, а для чистки комнат по субботам утром приходили полотеры, все чистили, отодвигали и натирали полы. Даже для завода часов приходил раз в неделю часовщик, так как в каждой комнате непременно стояли красивые часы. В передней и для телефона находился швейцар, он же выездной лакей — в театр мы ездили всегда в карете с выездным, который хранил наши шубы, как тогда было принято. Обед подавали два лакея: буфетчик и камердинер хозяина. При этом лакеи носили ливрею, уже данным домом присвоенную. Весь нижний этаж дома был занят кухнями, кладовыми, прачечной, комнатами прислуги, где многие жили целыми семьями. Там был свой мир!

Первые два или три года мы очень много ездили в театр, почти каждый вечер. Обычно была взята ложа в Большом или Малом театрах.

[...] Летом мы часто ездили в именье Поповку, которая находилась в 25-ти верстах от Твери, вверх по Волге.

Поповка не была благоустроенным имением. Это была лесная дача, принадлежавшая фабрике, в ней не было хозяина, и потому она находилась в

некотором упадке. Дом был простой, бревенчатый, внутри обшитый тесом. В доме было всего комнат шесть. Перед домом был небольшой сад, сзади кухня, баня и прачечная. Окружали дом бесконечные леса, которые тянулись на много десятков верст.

Когда мы в первый раз поехали в Поповку, в год нашей свадьбы, то мы ехали на нашем пароходике «Новинка» и чуть-чуть не утонули. Погода была холодная, дул сильный встречный ветер. Мы — все пять человек: мой муж, его товарищ В.Н. Горбачев, мои две двоюродные сестры и я — сидели за столиком в рубке. Вдруг в ней на полу показалась вода. Через несколько минут вода хлынула в двери рубки, пароход перевернулся и врезался трубой в дно. Все как-то выкарабкались на поверхность, а меня завалила мебель рубки, и я долго барахталась под ней на дне реки. Все начали кричать, звать меня, бросаться за мной. Наш машинист нырнул, и ему удалось случайно схватить меня за шляпу, а я схватилась за его руку, когда почувствовала, что меня кто-то тянет за шляпу, и он меня вытащил. Мы довольно долго держались, уцепившись за бок парохода, наполовину в воде, но никого кругом не было. Через некоторое время мы увидели плывущую барку с привязанной сзади лодкой и очень обрадовались. Мы скоро вскарабкались в эту лодку, и она нас дотащила до берега. На берегу мы развели костер, чтобы немного согреться и обсушиться, пока нам удалось послать в Тверь за лошадьми.

Мой муж, Михаил Абрамович, был очень молод, когда мы поженились. Ему был всего 21 год. Он был на последнем курсе историко-филологического факультета Московского университета. На следующий год после нашей свадьбы он держал государственный экзамен и получил диплом первой степени.

В университете он занимался специально всеобщей историей и писал несколько работ по этому предмету. По окончании курса мой муж дополнил некоторые из своих работ и издал их отдельными книжками под фамилией М. Юрьев. Но по своему характеру Михаил Абрамович не был кабинетным

ученым, поэтому работы своей по всеобщей истории, которая требовала усидчивости, кабинетного труда, он не продолжал.

Характер Михаила Абрамовича был исключительно живой, впечатлительный, он горячо реагировал на все явления жизни и искусства. Особенно живопись и театр стали понемногу захватывать его. Он сам был очень способен к живописи и учился рисовать в студии художника Мартынова. В живописи он хорошо разбирался, много читал о ней и много видел. Впоследствии он стал коллекционировать картины и тут проявил тонкое чутье, вкус и понимание.

Когда он окончил университет, он был совершенно самостоятельным человеком, ни от кого материально не зависевшим, так как его отец Абрам Абрамович Морозов, умерший, когда моему будущему мужу было 12 лет, оставил ему большое состояние, право владеть которым он получил, когда ему минул

21 год, то есть он стал граждански совершеннолетним.

У М.А. было два брата и мать Варвара Алексеевна. Каждый из них получил свою одинаковую долю состояния от покойного Абрама Абрамовича. С одной стороны, каждый из них был вполне независим, с другой — все они зависели от своего дела, от которого они все получали. Дело это — огромная текстильная фабрика Товарищества Тверской мануфактуры, росло и расширялось с колоссальной быстротой, как тогда все в России. Хотя Варвара Алексеевна, которая после смерти мужа осталась с тремя малолетними мальчиками, из которых Михаил Абрамович был старшим, старалась приглашать для управления делом умных и опытных людей, но все же необходимо было готовить хозяина из этих мальчиков.

Мой муж проявлял с детства большой интерес и способности к науке и искусству, и так как он не хотел ни за что слышать о том, чтобы посвятить себя коммерческому делу, то ему дали возможность свободно выбирать свою деятельность.

[...] Когда Михаил Абрамович кончил университет и вступил в жизнь, то понятно, что он обратил на себя общее внимание как человек способный, живой, богатый и независимый. Его старались привлечь в самые различные предприятия. Так он был избран в гласные Городской думы. Но такого рода деятельность его не привлекала, и он скоро вышел из состава гласных Думы. Он был также избран почетным мировым судьей, это дело его больше интересовало, и он несколько лет работал как почетный мировой судья. Но постепенно театр и живопись его окончательно захватили, и он безраздельно им предался.

Его всецело привлекал к себе Малый театр, которым он живо и искренне увлекался и постоянно писал в газетах рецензии на постановки этого театра. Он был также и балетоманом. Кроме его искренней и бескорыстной любви к театру и живописи, он был очень честолюбив и всегда до конца своей жизни вел известную линию в этом направлении. Он числился на службе и жертвовал крупные суммы в благотворительные учреждения, находившиеся под покровительством членов царской семьи, как, например, приюты или больницы ведомства императрицы Марии. Надо заметить, что он относился к этой области своей деятельности наполовину серьезно — как будто сам над собой подсмеивался. С одной стороны, он мечтал получить орден св. Владимира и стать дворянином, а с другой стороны, когда кто-нибудь из собеседников его на этот счет поддразнивал, он громко и искренне смеялся, но все-таки нисколько не оправдывался и не отрицал. Он очень ценил свой мундир и любил его надевать со всеми орденами и треуголку и имел тогда очень важный вид. Действительно, он должен был получить орден св. Владимира, но за месяц до этого скончался.

Была еще одна область, в которой соединились две коренные черты моего мужа: его честолюбие и его любовь к искусству. Он сделался старостой Успенского собора в Кремле и оставался им до конца своей жизни. Собор этот он очень чтил и любил, истратил большие средства на его отделку и ремонт и, кроме того, работал над его историей.

Морозовы искони были старообрядцами и очень ярыми. Каждый из сыновей Саввы Васильевича Морозова, их предка, жившего при Александре I и при Николае I, принадлежал к различному толку. Один из них — Елисей — образовал даже свою веру, которая так и называлась Елисеева вера. Другой принадлежал к беспоповцам, третий — к рогожскому толку. Отец Михаила Абрамовича принял единоверие, женившись на Варваре Алексеевне Хлудовой — православной, так что М.А. воспитывался уже в семье, далекой от обычаев старообрядчества. Тем не менее к моему мужу перешла от отцов и дедов любовь к церковному искусству. Он собрал очень интересную коллекцию икон, которая причудливо сочеталась с его собранием крайне левых французских картин. И то и другое, хотя очень противоречило друг другу, но глубоко коренилось в природе Михаила Абрамовича.

[...] Мы с моей сестрой всегда ездили в Успенский собор к светло-христовой заутрене под Пасху. Это бывало необыкновенно красиво и торжественно. Почти темный собор слегка мерцал золотом и немногими зажженными свечами. Середина собора была отгорожена решеткой с двух сторон. Посредине возвышалось место для митрополита и духовенства. Кругом стояли все высшие власти Москвы в мундирах и дамы, нарядно одетые, а кругом их за решеткой было полно народу. Ровно в 12 часов ночи подъезжала к собору карета митрополита при полной тишине, так что слышен был топот лошадей по мостовой. Все затихало, и вдруг раздавался первый торжественный удар большого колокола с колокольни Ивана Великого, а за ним разливался звон всех «сорока сороков» церквей Москвы. Одновременно вспыхивали все паникадила собора, и раздавалось чудное пение Синодального хора. Затем шел крестный ход вокруг собора, пускали фейерверк, и вся площадь вокруг собора была иллюминирована. Огромная толпа со свечами в руках радостно восклицала «Христос воскрес», многие трижды целовались друг с другом. Это были радостные и торжественные минуты.

Мой муж, при том что он обладал очень многими даже старинными, традиционными чертами характера, о которых я упоминала, принадлежал все-таки к новому, переломному типу московского купечества и был в этом отношении довольно яркой фигурой. По-видимому, на этом основании А.И. Сумбатов-Южин написал пьесу «Джентльмен», в которой вывел тип, навеянный ему моим мужем. В этой пьесе «джентльмен» так определяет себя, и вместе с тем, смысл пьесы: «От нас вся Россия ждет спасения. Прежде дворянство давало писателей, а теперь наша очередь. За нами свежесть натуры, мы не выродились. Мы обеспечены, а человек может творить только на свободе. Я чувствую в себе честолюбивые и обширные планы. Я могу быть критиком, музыкантом, художником, актером, журналистом. Я русский самородок! Меня тянет с одного на другое, потому что у меня избыток сил!»

Я уже упоминала, что М.А. обладал исключительно живым, вернее бурным характером. Все проявления его характера были бурными, как гнев, так и веселость. Вообще Михаил Абрамович по складу своего характера и вкусам был похож на Хлудовых, семью своей матери. Хлудовы были известны в Москве как очень одаренные, умные, но экстравагантные люди, их можно было всегда опасаться, как людей, которые не владели своими страстями.

Михаил Абрамович много общался с нашими русскими художниками, особенно с В.А. Серовым, К.А. Коровиным, С.А. Виноградовым, В.В. Переплетчиковым, А.М. Васнецовым и И.С. Остроуховым, и постоянно приобретал их картины. Картины эти он очень любил, устроил для них отдельное большое помещение, в котором он очень заботливо и с большой любовью их развешивал и перевешивал.

Постепенно Париж стал все больше и больше захватывать моего мужа, и он очень увлекся французской живописью и стал привозить картины оттуда. Благодаря ему в Москве впервые появились картины Мане, Моне, Ренуара, Ван Гога, Гогена. Я думаю, что под его влиянием начались и образовались собрания картин И.А. Морозова и С.И. Щукина.

[...] Приблизительно с 1898 г. до 1903 г., т. е. до ранней смерти моего мужа Михаила Абрамовича Морозова, у нас каждое воскресенье к 2-м часам дня, к завтраку, – обирались русские художники, которых мой муж очень любил и .произведения которых он все время покупал. Чаще всех бывали: В.А. Серов, К.А. Коровин, В.И. Суриков, А.М. Васнецов, В.В. Переплетчиков, С.А. Виноградов, Архипов, Досекин. Изредка приходили М.А. Врубель, В.М. Васнецов, И.С. Остроухов, Паоло Трубецкой, живший в Петербурге, и П.В. Жуковский, сын нашего русского поэта В.А. Жуковского. Из всех бывавших у нас художников, мой муж особенно любил Серова. Действительно, Серов был умен, и хотя говорил очень мало и тихо, но каждое слово его было всегда продуманно, и главное, правдиво и метко. Когда он еще не составил себе мнения или просто не хотел высказаться, то он молчал. Часто самое молчание его было очень выразительно; он молчал, но поглядывал сбоку насмешливо и значительно своими небольшими, но говорящими глазами. Внешность его очень всем нам нравилась — маленький, широкий и коренастый, с умным, глубоким взглядом. Он внушал доверие к себе, ему нельзя было не верить.

Он писал портрет моего мужа, а потом всех моих детей, и я много наблюдала его за работой. Работал он удивительно медленно, тяжело, постоянно переделывая, снова начинал и, видимо, часто сомневался и искал. Это его в самом себе раздражало, ему хотелось бы все разрешать легко, одним штрихом, одни мазком, «как Костя Коровин», — так он как-то при мне проговорил про себя. Но так у него не выходило. Его натура не была такой живой, артистической, легкой, подвижной и восприимчивой к внешней красоте, как натура Коровина. Коровин был истинный артист, романтик. Красивый, очаровательный, обладавший огромным шармом и даром слова. Я никогда не забуду, как он говорил, рассказывая о том, как он думает написать декорации. Особенно меня поразил его рассказ о декорации к «Демону» — столько в его фантазии было красоты.

Наоборот, у Серова этого совсем не было, никакой фантазии, он был настоящим реалистом. Тяжелой его чертой был какой-то юмористический пессимизм по отношению к людям. Он своим наблюдательным трезвым взглядом видел в каждом человеке карикатуру. Или он ему напоминал какое-нибудь животное, или он схватывал его внутренние и внешние черты, которые и изображал карикатурно. Редко можно было почуять в его портрете доброе и простое отношение к изображаемому им человеку. Детей он всегда писал особенно хорошо, что и понятно. Например, портрет моего сына Мики, висящий теперь в Третьяковской галерее, был в этом смысле особенно удачен. Когда Серов писал этот портрет, то он был очень хорошо и добродушно настроен. После сеанса он мне как-то говорил с очень значительным и шутливо-серьезным видом, что он слышал сегодня от Мики рассказ «папа-леопард» и «мама-леопард». Этот рассказ Мики очень рассмешил Серова. [«В 1905 г. Серов исполнил рисунки и с других детей (кроме Мики) – Юры и Маруси Морозовых. Эти рисунки экспонировались в 1909 г. на выставке "Салон", и критики считали их наиболее удачными среди других работ художника.»[28] «В портрете Юры Морозова избыток белого фона вокруг лица создает как бы и избыток "свободного воздуха", вместе с которым на окружающие плоскости стен да и на все пространство интерьера должно, очевидно, распространиться то выражение просторы и нарядности, которое свойственно этому превосходному портрету. Лицо Юры Морозова приподнято на "пьедестале светящегося листа". В его осанке "маленького инфанта" есть выражение спокойного величия. И это опять утверждение не какой-либо аристократической породы, но прежде всего человеческого достоинства, сквозящего и в серьезном взгляде, и в чуть печальной умной усмешке.»[29]] Я Серова всегда немного побаивалась и смущалась, несмотря на мое большое уважение к нему и на то, что он мне очень нравился. Мне даже не хотелось, чтобы он писал мой портрет, так как я знала, что он таких «дам» недолюбливал. Только в самом конце его жизни мы как-то разговорились и решили, что он все-таки напишет мой портрет. Он начал писать, сделал

несколько полотен какой-то импрессионистской манерой вроде точек или штрихов, причем говорил, что хочет меня изобразить так, чтобы я шла, говорила и улыбалась. К сожалению, на этом все дело и кончилось, так как Серов внезапно скончался. [Серовым все же были написаны три варианта портрета самой Маргариты Кирилловны. Местонахождение двух первых – неизвестно, последний, не оконченный, вариант ныне в Днепропетровском художественном музее, поступил туда из Третьяковской галереи в 1928 г.[30]. Маргарита Кирилловна писала: «...портрет остался незаконченным, но я никак не представляла себе, что он так похож и даже почти закончен. В этом я убедилась недавно, в 1949 году, когда я случайно увидала фотографию с него и узнала, что он находится в Днепропетровском музее...»[31]]

Когда мой муж за неделю до своей смерти захворал, то последний гость, который от нас ушел, был Серов. Через два дня сам Серов внезапно захворал и был в течение полугода между жизнью и смертью. Он поправился, однако это заболевание, по-видимому, подорвало его сердце и привело его к внезапной смерти через восемь лет.

Мне хотелось бы отметить еще одну черту характера Серова. Когда после кончины моего мужа Серов так страшно хворал, то он просил меня через одну нашу общую приятельницу одолжить ему довольно крупную сумму, которую он вернет мне, когда поправится и начнет работать. Действительно, положение его многочисленной семьи было очень тяжелым, ввиду его продолжительной болезни. Зная симпатию моего мужа к Серову, мне очень хотелось сделать для него все, что я могла. Я сейчас же поехала в больницу, где он лежал, и отвезла ему деньги, чтобы его успокоить.

Когда я была в больнице, то Ольга Федоровна, жена Серова, приоткрыла дверь в соседнюю комнату, и я увидела лежащего Серова. Я с трудом удержалась, чтобы не вскрикнуть, так страшен и неузнаваем был тот, который лежал передо мной. Я бы никогда его и не узнала, так он изменился.

Прошло два года, и Серов стал заходить ко мне и возвращать мне деньги. Это длилось довольно долго, и я даже забыла сколько он мне вернул,

а он все настойчиво заходил и безмолвно клал передо мной конвертик с деньгами, хотя ему это, наверно, было очень нелегко в то время. Мне ничего не оставалось, как брать их. По этому факту можно судить о серьезности и принципиальности характера Серова.

М.А. Врубель бывал у нас изредка и всегда сидел и молчал. Я особенно любила его произведения, поэтому для меня было большой радостью, когда моему мужу совершенно случайно удалось купить «Царевну-Лебедь» и большое панно «Фауст и Маргарита». Не помню, у кого он их нашел за необыкновенно дешевую цену: «Царевну-Лебедь» за 300 рублей, а панно — за 500 рублей.

Очень дружили с В.И. Суриковым, который довольно часто бывал у нас. Его характерная голова сибирского казака, стриженые в скобку черные густые волосы, которыми он часто взмахивал, его говор на «о» были очень своеобразны. Он очень любил музыку, и ему хотелось ближе познакомиться с музыкой Скрябина. Мы с ним сговаривались и вместе ходили к Вере Ивановне Скрябиной, жене А.Н. Скрябина, которая нам специально играла целую большую программу из произведений Скрябина. Василий Иванович приглашал нас с сестрой к себе, показывал нам свои произведения.

С тяжелым чувством вспоминаю раннюю смерть моего мужа. Когда он был мальчиком 10-ти лет, то у него была скарлатина с осложнением на почки и сердце. После этого у него сердце и почки остались больными — ему необходимо было всю жизнь обращать на них внимание и оберегать себя. Он, конечно, об этом и слышать не хотел и делал как раз именно то, что и для почек и для сердца было ядом, пил и ел лишнее. Когда доктора у него уже определили нефрит, он каждый день пил водку и закусывал ее сырым мясом с перцем. На это было ужасно смотреть! Прохворав всего несколько дней, Михаил Абрамович скончался после припадка грудной жабы.

[…] Как-то раз я зашла к В.А. [Варваре Алексеевне Морозовой] вечером, она куда-то собиралась и предложила мне поехать вместе с ней к

Льву Николаевичу Толстому, который жил тогда в Москве, в своем доме в Хамовниках. Я, конечно, с восторгом согласилась.

[...] Когда мы приехали и вошли в переднюю, там было много народу, и ко мне подошла Татьяна Львовна и очень весело и ласково со мной поговорила и этим меня очень ободрила. Татьяна Львовна очень интересная, замечательно привлекательная и талантливая женщина, с которой я впоследствии всегда с радостью встречалась, особенно, когда наши дочери познакомились друг с другом. Из передней мы поднялись по большой лестнице наверх, в зал. Я помню, что на повороте лестницы стоял на задних лапах огромный медведь, держа в передних лапах деревянное блюдо для визитных карточек. Зал был очень просторный; с одной стороны в середине стоял большой чайный стол, на нем самовар, около которого все приготовляла к чаю М.А. Маклакова, сестра очень известного впоследствии В.А. Маклакова, адвоката, кадета и члена Государственной Думы.

Нас посадили за чайный стол, где сидело уже много народу.

Сначала, когда мы сели за чайный стол, Льва Николаевича в комнате не было. Но вот он вошел, и меня поразила легкость его движений и походки, тонкость и стройность его фигуры. Синяя блуза удивительно складно на нем сидела и как-то очень к нему подходила и гармонировала с его головой и обросшим бородой каким-то мужицким лицом. Только глаза особенно зорко, остро и пронзительно глядели. Меня всегда поражала сила и острота его взора, когда, бывало, его встретишь на Смоленском бульваре. Он шел своей легкой походкой в немного потертом черном зимнем пальто с барашковым воротником и рыжей мягкой войлочной шапочке. Или помню, как он ехал на конке по Пречистенке стоя, облокотившись, на задней площадке, глядел прямо перед собой на закат и о чем-то думал. Взгляд его глаз поражал своей силой и зоркостью, точно он насквозь все им пронизывал. Хотя это было мимолетным впечатлением, но оно надолго оставалось и казалось, так и видишь этот взгляд.

И вот теперь, когда Л.Н. сел за чайный стол прямо напротив меня, окинул всех сидящих за столом своим внимательным, острым и всевидящим взглядом, который скользнул и по мне, то у меня душа, что называется, ушла в пятки. Л.Н. стал пить чай, разговаривая с В.А. Я заметила, что он жевал шамкая, как жуют, не имея зубов, что его старило. Во время разговора он вдруг остановил свой взор на мне. Я прямо не знала, куда мне деваться. Поглядев несколько секунд на меня очень внимательно, он спросил меня: «Скажите, пожалуйста, что это Ваша лошадь такая светло-желтая, в английской упряжи?» Я ответила не своим голосом, что моя, и готова была сквозь землю провалиться. Тогда Л.Н. всем описал мою лошадь, которая ему очень нравилась и которую он часто видел, так как всегда гулял в наших краях. На этом его обращение ко мне и кончилось.

Потом мы встали из-за стола и пересели на диван. Л.Н. сел на кресло и стал читать письмо Сергея Львовича вслух. Все внимательно слушали. Довольно долго шел разговор о духоборах, потом, не помню как, зашел разговор о Чехове. Л.Н. очень восхищался им и особенно его рассказом «Душечка», который он только что прочел.

С Софьей Андреевной я встречалась довольно часто, большей частью на симфонических концертах. Иногда она посещала концерты у меня в доме. Мы с ней часто беседовали о музыке и о Л.Н.

Впоследствии старший внук Л.Н. Сергей Сергеевич — сын Сергея Львовича — учился вместе с моим сыном Микой в гимназии Л.И. Поливанова. Они очень дружили мальчиками, и эта дружба продолжалась и в позднейшее время. Мать Сергея Сергеевича, внука Л.Н., была рожденная Рачинская, а брат ее, А.К. Рачинский, был женат на моей двоюродной сестре П.А. Мамонтовой. Вот все мои воспоминания о Л.Н. и его семье.

[...] Первые два года после нашей свадьбы мы жили сравнительно скромно в небольшом кругу друзей и знакомых. Но постепенно рамки жизни расширялись, и мы с увлечением пустились в круговорот светской, веселой и

шумной жизни. В этой жизни было много интересного, много интересных людей, но много и просто молодого веселья.

Постепенно у нас установились приемные дни по воскресеньям. В половине второго мой муж приглашал всех к завтраку. Сначала эти завтраки собирали сравнительно небольшой круг лиц и происходили в маленькой столовой, постепенно круг приглашенных расширялся, и завтраки были перенесены в большую столовую. Человек двадцать гостей бывало всегда, но часто доходило до тридцати человек. Стол был очень длинный, на одном конце сидела я, а на другом — мой муж. Его конец стола был особенно многолюден, там шла всегда очень шумная и интересная беседа, споры об искусстве, т. к. главным образом там собирались художники.

Наиболее часто бывали В.А. Серов, К.А. Коровин, В.В. Переплетчиков, С.А. Виноградов, А.М. Васнецов, реже Н.В. Досекин, В.И. Суриков, В.М. Васнецов, Архипов. Когда приезжал из Петербурга, то бывал скульптор Паоло Трубецкой. Последнее время жизни моего мужа часто бывал большой друг моего мужа, которого он очень любил, М.П. Садовский, знаменитый артист Малого театра. Бывали часто Н.Е. Эфрос и А.К. Соболев, театральные критики, А.А. Корзинкин, Н.М. Зимин, брат моего мужа И.А. Морозов, певец Кошиц, А.Н. Постников и др.

На моем конце стола был совсем другой стиль. Тут сидели молодые дамы и кавалеры. Из дам всегда бывала моя сестра, ей было в это время, о котором я говорю, лет 18-19, а мне двумя годами больше. Изредка бывали другие дамы, но чаще они приезжали днем, на мой приемный день. Из кавалеров всегда бывали А.В. Морозов и Е.В. Морозов, граф Л.Н. Игнатьев, Н.П. Коновалов, князь В.М. Урусов. Также часто бывали В.С. Гадон и В.Ф. Джунковский. В то время оба они адъютанты московского генерал-губернатора.

По окончании завтрака начинался приемный день, и приходило довольно много народу. Часто мы устраивали маленькие игры «petits jeux» в зале и очень веселились.

Вся компания моего мужа переходила по окончании завтрака в его большой кабинет, где висели картины и где продолжалась беседа.

Иногда на мой приемный день приезжал с визитом князь Петр Михайлович Волконский, или, как его называли, Питер Волхонский — человек совершенно необыкновенной внешности, остаток доброго старого времени. Очень немолодой, очень тонкий и худой, лицом вылитый Дон-Кихот, каким его рисуют на картинках; такое же тонкое, длинное лицо, тонкий нос с горбинкой, довольно длинные и тонкие усы и длинная узенькая бородка. Одет он был всегда необыкновенно элегантно и изысканно, с цилиндром в руках, манеры его были очень вычурны и старомодны, говорил по-русски тоже вычурно, например: «Матушка Расеюшка!» Когда в Москве бывал государь, то он ездил во дворец, имея придворный чин егермейстера, и оттуда любил сделать визит в своем расшитом золотом мундире, в белых лосинах и высоких лаковых ботфортах «на ножках журавлиных» (таких тонких, что иначе их трудно определить) и с треуголкой, отделанной белыми перьями, в руках. Он был так хорош, так стилен, что прямо просился на картину. Он писал и подносил моей сестре и мне стихи на французском языке, который ему был, конечно, привычнее, чем русский.

Очень любили мы с моей сестрой Алексея Викуловича Морозова. Это был наш любимый собеседник, с ним мы проводили очень, очень и очень много времени. Он был гораздо старше нас, в то время ему было лет тридцать с чем-нибудь. Это был человек тонкого ума, очень остроумный, любивший женское общество, хотя сам неженатый. Человек он был очень культурный, любил культурную работу больше, чем занятие своим делом, деятельную роль в котором он предоставил своему более молодому брату Ивану Викуловичу. Он собрал огромную чудную коллекцию русского фарфора, икон и гравюр-портретов. Внешность его была очень приятной. Лицо правильное, нос «морозовский» с горбинкой, очень приятные голубые глаза и ослепительно бело-розовый цвет лица. Одет он был с иголочки, все на нем всегда было новое, без малейшей морщинки. Надо сказать, что он

принадлежал к старообрядческой семье, Преображенского толка беспоповцев. В его доме была молельня этого толка, и он, после смерти отца, остался как бы главой его. Беспоповцы были самые непримиримые из старообрядцев, и во всех обычаях своей повседневной жизни они не сливались с окружающей средой. Конечно, родители Алексея Викуловича уже от многого отошли, но все-таки они были люди еще очень старинные. Дом, который после смерти отца перешел к нему (на Покровке во Введенском переулке) как к старшему, был огромный, с бесконечным числом комнат. Все комнаты второго этажа наполнялись витринами с фарфором его собрания и иконами. Сам же он жил внизу, где у него были две столовые, гостиная и кабинет. Кабинет его был двусветный, очень высокий, весь отделанный темным деревом: пятью панно работы М.А. Врубеля, изображающими Фауста, Мефистофеля и Маргариту. А.В. часто устраивал у себя обеды и приглашал нас всех. Его обеды были всегда лучшими из всех, на которых мне пришлось когда-либо бывать. В маленькой столовой стоял посередине комнаты огромный стол, накрытый белоснежной скатертью, весь сплошь заставленный закусками и графинами с разноцветными водками и винами. Посредине стола на серебряных длинных блюдах лежали розовые рыбы, семга и лососина, сбоку сверкающий хрустальный жбан со свежей икрой. На другом конце стола огромный окорок ветчины и красные лангусты. Весь остальной стол был заставлен вазочками и тарелками со всевозможными колбасами, сырами, копчеными рыбами, салатами, чего-чего только не было! У меня остались в памяти замечательно сделанные крошечные буше, которые не надо было кусать, а можно было прямо класть в рот: они были покрыты лучшими закусками и соусом провансаль. Кроме того, было много горячих закусок. Этот стол бывал так красив и живописен, что я очень жалею, что никто его не написал.

Обед происходил в большой столовой, рядом. Стол был всегда очень нарядно убран цветами, и кушанья подавались самые лучшие. Особенно хороша была стерлядь в шампанском, которую мы всегда ели.

Вообще же мы, молодые дамы, ели и пили очень мало, нас больше интересовали разговоры и общество, которым мы были окружены. Алексей Викулович сам ел и пил всегда очень мало, но главным образом, он старался доставить удовольствие своим приглашенным. Конечно, многие из этих приглашенных кушали с большим аппетитом.

У нас в доме устраивались иногда большие балы, на которые приглашалось человек двести. В таких случаях ужин и буфеты заказывались ресторану «Эрмитаж», у которого все было замечательно организовано. Во время танцев играл модный тогда тапер Лабади, который действительно чудно играл. Во время ужина играл румынский оркестр или Стефанеско, известный цимбалист, или пели неаполитанцы. Гвоздем бала был всегда котильон или мазурка, за которыми дамам раздавали массу цветов, часто выписанных для этого случая из Ниццы. Также раздавались красивые кокарды из лент всех цветов.

Я особенно помню один из таких вечеров. Это было последнее воскресенье на Масленице, когда после 12-ти часов ночи уже начинался Великий пост и к этому часу необходимо должен был быть разъезд – конец всякому веселью. К часу дня все были приглашены на блины, человек сто. Дамы в нарядных, светлых закрытых платьях, а кавалеры в сюртуках или визитках. После блинов были танцы часов до пяти. Потом все разъезжались часа на два и в семь часов опять съезжались, дамы уже в бальных платьях, а кавалеры во фраках. Опять были танцы и большой ужин за маленькими столиками, с музыкой.

У нас также бывали домашние спектакли. Бывали спектакли и балы у В.А. и П.И. Харитоненко в их роскошном доме на Софийской набережной. Их балы бывали самые роскошные в Москве по обилию цветов и замечательным ужинам.

Устраивались в Москве большие базары с благотворительной целью во всех залах Благородного собрания. Мы с моей сестрой и еще с какой-нибудь дамой продавали шампанское. Для этого нам отводили целый угол в

Большом Колонном зале, К.А. Коровин писал для нас декорацию. Например, я помню, раз он написал Венецию. Все это было очень эффектно устроено, и собирались огромные деньги за несколько дней, пока продолжался базар.

[...] Мое описание нашей жизни в то время будет неполным, если я не упомяну, что мы тогда много учились.

Мой муж поступил, окончив филологический факультет, на естественно-научный факультет Московского университета. А я, кроме французского языка, который я любила и недурно знала с детства, еще училась по всеобщей истории и русской литературе. В это же время я начала ежедневно упражняться на рояле, чему я с каждым годом все больше уделяла времени.

В девяностых годах мой муж был привлечен В.И. Сафоновым в состав дирекции Русского Музыкального общества.

Это обстоятельство сблизило нас с музыкальным миром Москвы. После симфонических концертов стали собираться у нас к ужину и по воскресеньям к завтраку как приезжавшие из-за границы гастролеры, так и наши русские артисты.

Василий Ильич Сафонов являлся в то время очень видной фигурой музыкальной Москвы как директор консерватории и как дирижер симфонических концертов. И по своему музыкальному дарованию — как пианист и дирижер — и по своему характеру, по своей энергии и работоспособности, он был человек, действительно, выдающийся. Кроме того, благодаря своему воспитанию, знанию языков, ораторским способностям, он имел широкий размах, умел представительствовать, умел привлекать людей, иметь влияние. В то время, о котором я говорю, он уже был признанным дирижером, а впоследствии стал известен как дирижер во всей Европе и Америке. Как пианист он был очень тонкий исполнитель Моцарта, Шумана и Шуберта, а как профессор — преподаватель он был замечательный. У него было много выдающихся учеников — А.Н. Скрябин, Иосиф Левин, Николаев, Н.К. Метнер, Е.Ф. Гнесина, Е.А. Бекман-Щербина.

Василий Ильич происходил из казацкой семьи; его отец был генералом казачьего войска. Я помню его портрет в генеральской казацкой форме, с серебряной серьгой в одном ухе. Происхождение В.И. положило особый отпечаток на его внешность и, особенно, на его характер. Он был очень похож на своего отца, такой же смуглый, с жгучими черными глазами и выступающими скулами, немного монгольского типа. Нрава он был неукротимого, крутого, темперамента и энергии неутомимой, но в то же время большой веселости. Бывало, вечером, особенно за ужином, после дня, проведенного в бурном, неустанном труде, когда с него катился буквально градом пот, он освежится, переоденется в одну минуту и явится необыкновенно оживленным и готовым сидеть всю ночь за столом в тесной компании: остроты, экспромты и веселые речи так и сыпались. Произносить остроумные речи на разных языках Сафонов умел и очень любил. На другое утро он, как ни в чем не бывало, в 9 часов утра уже выходил всегда из своей столовой в консерваторию, с которой его столовая соединялась. Я не знаю, когда он успевал высыпаться. Правда, что часто, когда мне швейцар говорил, что к нам приехал Василий Ильич, я находила его спящим в зале на длинной банкетке или в кресле в гостиной. Он как-то умел заснуть в одну минуту и, проспав минут десять, освежался.

Кроме своей деятельности как дирижера, профессора и директора консерватории, Василий Ильич предпринял постройку нового здания консерватории, так как старое здание было неудобно и мало для дела, которое быстро разрасталось. В постройке нового здания и специально большого концертного зала материальное участие принимали мы с моим мужем и еще некоторые другие.

При своей неукротимой энергии, необыкновенной работоспособности и сильной воле, Сафонов был нрава деспотического, как большинство людей, которые ведут большие дела. И как это обычно бывает, такие люди должны иметь вокруг себя послушных исполнителей, часто бесцветных и безличных, но верных и преданных им и делу людей. Так это и было. Сафонов мог быть

иногда принципиально не прав, но, по-моему, это надо было ему прощать за все то, что он сделал. За то, что он очень высоко поставил преподавание в консерватории, устранил иностранных дирижеров в симфонических концертах, взял организацию концертов в свои руки и тем положил начало более серьезной постановке программы и исполнения концертов, и, наконец, построил новое здание и организовал дело в очень расширенном составе.

После смерти моего мужа мы с детьми уехали весной 1904 года на целый год в Швейцарию.

По возвращении в Москву мы сразу попали в глубоко взволнованное общество. С одной стороны — прямо катастрофические вести с войны на Дальнем Востоке; с другой — внутри страны было неспокойно и смутно. У нас в доме как-то само собой организовались лекции, на которые стекалось очень много народу. Лекции эти читались на две основные темы, которые занимали тогда все либеральные круги общества: на тему о различии конституций (английской, французской, германской и американской) и на тему о социализме. Хотя большинство из окружающих нас людей увлекалось английской конституцией, но все в то же время сознавали, что такая конституция не в духе России и потому неосуществима. Вторая тема — о социализме — была, конечно, гораздо сложнее. Хотелось хоть сколько-нибудь в ней разобраться. Лекции эти были очень многолюдны; помню особенно В.С. Серову, мать художника В.А. Серова, которая говорила зажигательные речи; П.Н. Милюкова, только что вернувшегося в Россию из эмиграции; адвоката Сталя и его жену, приехавших из Парижа. На эти лекции стали приходить люди, нелегально жившие в Москве, которым негде было между собой встречаться и потому они, не обращая внимания на лектора и публику, устраивали дискуссии между собой, подымали яростные споры и даже один раз готовы были броситься друг на друга. Публика волновалась. Я была вынуждена прекратить многолюдные лекции. Мы продолжали в тесном кружке слушать лекции на ту же тему, о социализме и разных его теченьях.

Вскоре возник вопрос об организации Всероссийского съезда земских деятелей в Москве. Он должен был быть очень многолюдным. Меня просили предоставить для этого съезда мой дом, потому что легально собираться съезду не давали возможности. Так как я лично знала многих земских деятелей и относилась к ним с полным доверьем и уваженьем, то я переговорила конфиденциально с московским генерал-губернатором генерал-адъютантом А.А. Козловым, который был в моем детстве моим опекуном и близким мне человеком, и он дал мне свое согласье, также конфиденциально. Между прочим, генерал Д.Ф. Трепов, в то время бывший министром внутренних дел и почти диктатором России, позвонил А.А. Козлову из Петербурга и просил его не разрешать мне давать помещение для съезда, но А.А. нашел такое отношение к съезду неправильным. Вскоре, в начале мая, съезд состоялся у меня в доме; съехалось около трехсот человек. На съезде, под председательством графа Петра Александровича Гейдена, решено было, что от имени земства князь Сергей Николаевич Трубецкой, профессор Московского университета, обратится к государю Николаю II с воззванием, в котором изложит пожеланья съезда. Воззванье очень горячо дебатировалось, и выяснились большие разногласия и справа и слева, которые потом выразились в образовании различных партий. Я помню, что горячую речь против сказал Д.Н. Шипов, впоследствии образовавший партию октябристов (после Манифеста 17 октября). Также возражал П.Н. Милюков, будущий основатель Конституционно-Демократической партии (К.-Д.). Но многие ничего не говорили, хотя в корне ни с чем не соглашались. Никаких партий тогда еще не было и потому съезд вообще выразил свое согласие, хотя многие отнеслись к этому решению далеко не сочувственно.

Осенью того же года, в октябре, разразилась всеобщая забастовка, которая прокатилась огромной волной по всей стране и захватила всех рабочих. Прекратилось всякое движенье, освещенье, водоснабженье, закрылись все магазины, стали все фабрики и заводы. Вслед за этим последовал Манифест 17 октября об учреждении Государственной Думы.

Забастовка прекратилась. Манифест вызвал общую радость, хотя постепенно выявились недовольство и критика «Булыгинского проекта» избирательного закона. В декабре того же 1905 года произошло вооруженное восстание в Москве, которое было правительством подавлено. После настало некоторое внешнее успокоенье в стране.

В 1906 году я познакомилась и очень сблизилась с профессором Львом Михайловичем Лопатиным. Л.М. был философом-идеалистом, близким другом Владимира Соловьева и кн. С.Н. и Е.Н. Трубецких. Он читал лекции по философии в Московском университете, был также председателем Психологического общества при Московском университете и, таким образом, после смерти кн. С.Н. Трубецкого как бы главой и представителем философии в Москве. Он также являлся редактором журнала «Вопросы философии и психологии», издававшимся Психологическим обществом и бывшим единственным философским журналом в Москве в то время.

Я очень близко знала Л.М. и очень его любила».

У Маргариты Кирилловны и Михаила Абрамовича было четверо детей: Юрий (1892-1930), Елена (1895-1951), Михаил (1897-1952), Мария (1904-1964).

Георгий (Юрий) Михайлович Морозов родился 21 сентября 1892 г. Все дети получили изначально домашнее образование, были талантливы, каждый по-своему. Юрий – его домашнее имя – с детства тяготел к сочинительству. Тому пример – несколько выпусков его Детского рукописного журнала «Новости», со стихотворениями**.**

Интересны и его письма к матери, написанные в разное время. Они представляют собой описание мест или событий, происходивших с ним, письма ярки и увлекательны, свидетельствуют о познаниях мальчика, а затем юноши в истории, архитектуре, искусстве. Судя по ним, Георгий много путешествовал, многое видел и замечал. Кто знает, как сложилась бы судьба

этого одаренного человека, если бы не революционные события в стране, круто изменившие его жизненный путь...

Воспоминания о Юре содержатся в книге Т.А. Аксаковой[32]:

«Юра Морозов, рослый мальчик с тяжелым взглядом красивых темных глаз, тоже учился у Поливанова. В день нашего знакомства Юра пригласил меня посещать их субботы (по субботам у детей Морозовых собирались гости). В смущении я задала глупый вопрос: «А у вас бывает весело?», на что обычно мрачный Юра неожиданно ответил: «Вообще не знаю, но если станете бывать вы, то, несомненно, будет весело!» Все были поражены такой учтивостью, я же еще более устыдилась глупости своего вопроса».

В ОР РГБ сохранилось небольшое число писем Георгия, но, к сожалению, датировка их работниками Отдела рукописей вызывает сомнения...

(Орфография и пунктуация писем сохранены.)

Письмо 1904 г.[33]

«*Милая Мама!*

Мы были в катакомбах там мне очень понравилось, я видел там гробы людей и живопись, нас провожал монах который очень хорошо объяснял. Он сообщил нам что катакомбы очень длинны. Катакомбы святого Калистия находятся в 7 верстах от Рима они входят в Рим 4 раза делая масса изгибов они состоят из четырех вернее пяти этажей, в четыре из них можно свободно войти, но в пятый опасно так как земля может обвалиться. Если сощитать длинну катакомб святого Калиста то они длинные 160 верст повсюду стоят алтари, и монахи служат более 40 служб в день. Но нужно запомнить что длинна катакомб 160 верст одного этажа, а их пять и они одинаковой длинны так что нужно целый месяц чтобы обойти все катакомбы. Твой Юра».

Возможно, что именно это письмо датировано правильно, так как похоже на стиль написания 12-летнего мальчика.

Письмо из Лондона, датированное также 1904 г., что уже вряд ли[34]:

«*Дорогая мама,*

получил Твое письмо. Все что ты пишешь о картинах и музеях принял к сведению. Мы уже были в Национальном музее, галлерее Тета и Британском. В музей Валласса пойдем скоро. Самый интересный для меня конечно Британский музей. В нем нашлось именно то, чего не хватало в Греции. Метопы с Парфенона все здесь. Кроме того масса скульптур. Особенно выдающихся мало, в целом очень хорошо. Очень интересен по моему ассирийский отдел, а так же египетский.

На картины художников об которых Ты мне пишешь я обратил внимание. Рейнходт мне очень понравился. Я еще не был в музее Валласса, так что определенного впечатления от английских художников не получил. Видел в Национальном музее (об нем Ты мне писала) несколько английских портретов. Они по моему очень хороши, как изображение красивых леди, чем как произведения искусства. Лондон сам мне очень нравится. Должно быть хорошо и интересно в нем жить...» Письмо на этом обрывается, видимо, второй лист потерян.

Был Юрий в Константинополе, Афинах, на Принцевых островах, на Сицилии, в Палермо, Триесте, в Дельфах – обо всех местах подробные рассказы...

Письмо, очевидно, 1908 г.[35]:

«*Дорогая мама,*

Теперь я нахожусь в Дельфах. В Афинах мы что могли осмотрели при небывалой жаре. После Константинополя внешний вид Афин не производит никакого впечатления, так что я даже разочаровался. Везде пыльные, голые горы, бледно-серые дома и выженая солнцем пустыня. Город сам по себе очень маленький, но с окрестностями раскинулся довольно широко. Мы приехали как раз в самое жаркое время... В Афинах правило, что после одиннадцати или двенадцати часов все население ложится спать и спит до

захода солнца. В это время все улицы находятся в состоянии сильно нагретой печки, этому еще помогают мраморные мостовые, каменные улицы и вообще весь город, в котором дерева совсем нет... Но тем не менее мы все оглядели и ездили в Елеузис к храму богини Деметры и на Елену, остров с храмом Аполлона. Первая поездка обошлась благополучно и все мы ей остались довольны, но вторая останется мне памятной на всю жизнь. Мы поехали на остров на небольшой лодке, которая нас должна была доставить прямо к храму. Выехали и доехали мы при самых благоприятных условиях; взобрались на гору осмотрели храм и поехали обратно. После сильного ветра, который дул нам все время наступил штиль; я видел, что это довольно странно и к тому же в это время появились облака; я конечно никогда не предполагал страшно сильного ветра, но все таки думал, что волны будут сильные. Оказалось что предположение лодочника, который утверждал первое сбылось в сильной степени; не успело солнце зайти и мы выехать в море, как подул такой ветер и пошли такие волны уже подготовленные дневным ветром, что я с первой же минуты подумал, что мы погибли. Нам еще осталось ехать верст 8, а ветер еще не успел разойтись в полной силе. Н.А. и Б. оставались равнодушными в начале, но потом тоже почувствовали, что и я. Волны захлестывали нашу лодку рот был полон соленой воды а на теле осаждалась высохшая соль. Айвазовский мог бы свободно писать картину бури и гибели. Все время нас окутывала тьма, ветер свистел в ушах и пронизывал острый холод; всюду было слышно щелканье зубов прерываемое волной, которая целиком или душем окатывала нас сзади, спереди и сбоков; после долгих страданий и ожиданий мы ночью прибыли в Афины и долго не веря своему спасению крепко уснули в отеле.

Юра»

Открытка июня 1908 г.[36]:

«*...Дорогая мама все время едем по следам Серова. Теперь отправляемся в Олимп и после этого уезжаем в Сицилию. Ездили вечером на гору; оттуда прекрасный вид, но в Дельфах лучше. Юра*».

Путешествие из Тамерфеста – к Лафотенским островам, из Лондона – в Христианию. Из Христиании следующее письмо, также под 1904 г.(?)[37]:

«*...Морская обстановка меня окончательно вдохновила к морской жизни. Твердо решил поступать в Морской корпус. К тому же русский флот оживает и неделю тому назад заложили 4 броненосца без госуд. думы. Вопрос для меня только в летах, так как мне придется терять один год на подготовку и в виду того, что экзамены морские ранней весной. Все нужно заранее расспросить.*

Пиши мне в Христианию [Норвегия]

Любящий тебя Твой Юра».

Скорее всего, письмо написано в 1908-1909 гг., так как Юрий пишет, что в Морской корпус принимают только до 18 лет и волнуется по этому поводу.

Письмо, вероятнее всего, 1909 г.[38]:

«*Дорогая мама,*

пишу Тебе последний раз из Норвегии. Вчера мы прибыли в Христианию и к великой моей радости нашел массу писем. Твоих было 5. Микиных 3. Лелиных 2. От тети Лели получил 2 карточки, но от Тани и Наташи ничего.

Поездка окружным путем по Норвегии до Христиании из Тронгейма нам очень понравилась. Мы сделали 200 километров на лошадях. Это замечательно хорошо и приятно. Мы едем в Лондон опять таки не прямым путем: через Хуль. Целых два дня мы будем в открытом море. Это очень приятно, тем более что в Норвегии мы его не видели. Наверно будет качать, но я это очень люблю. Мы во время нашей последней поездки были в Лилленхаммере. Это очень красивый город. В нем есть то о чем ты писала в одном из Твоих писем: именно старинные дома с полной сохранившейся обстановкой. Это действительно переносит более всего в ту эпоху. Такие музеи рассыпаны по всей Норвегии. Мы их видели очень много. Теперь следующее письмо напишу тебе из Англии, как только приеду.

Целую Тебя и Всех; пока досвидания.

Любящий Тебя

Твой Юра».

Еще одно письмо[39] – без даты, но, видимо, было написано в 1909-1910 гг., так как в нем Юрий просит ему писать на адрес: «*Гельсингфорс. Канонерская лодка "Храбрый" кадету 4-й роты Морозову*», значит, он уже учится в Морском корпусе.

В сентябре 1911 г. Георгий Морозов – уже гардемарин 3-й роты.[40]

«*…Присутствуя на празднике Морского корпуса 6/XI-1912 г., я с хор наблюдала, как Юра Морозов, в качестве правофлангового, маршировал со своей ротой по необъятному, самому большому в России, залу старинного здания у Николаевского моста и по выправке ничем не отличался от товарищей*».[41]

И еще одно письмо, написанное, судя по содержанию, накануне Первой мировой войны[42]:

«*Дорогая Мама,*

сейчас нахожусь в Ревеле. Ничего особенного в городе нет, хотя готический стиль ютится даже в небольших старых домиках. В этом отношении явление исключительное. Увижу наверно Сашу. Вся эскадра здесь на рейде. Ревель опорная база нашей будущей войны с немцами. Большое впечатление на меня произвел адмирал фон Эссен, герой минувшей войны. Маленький толстенький розовый русско-немец с энергичным лицом. Крайне не любит внешних проявлений своего адмиральства и посему хотя и является командующим всего нашего флота, но с внешней стороны скромнее всей плеяды его подчиненных адмиралов. Держит свой флаг на миноносце, что удивительно для адмирала-старика. В Копенгаген идем 14ого; до 17ое будем там. Ничего интересного там нет в особенности на 1 день отпуска. Работать приходиться очень много; по минному(?), (электротехника), машинному, морскому, штурманскому и артиллерии. Болезнь многому нанесла ущерб.

Пиши мне в Копенгаген: Poste, Restante (с14 по 19) или в Балтийский порт. Пока до свидания.

Любящий Тебя

Твой Юра».

Последнее упоминание о Юре встречается в Дневнике Михаила Морозова за 17 июля 1918 г. (Намерение Михаила вести дневник в Михайловском, Калужской губернии, имении Маргариты Кирилловны, по какой-то причине не осуществилось – запись за 17 июля – первая, она же последняя[43]:

«Сегодня мамины именины. С утра все слоняются без дела, по праздничному...

[...] Пошли купаться. Вернулись к завтраку. Юра подарил маме свои рисунки: в папке, на которой с одной стороны – орнамент из буквы "М" и маленьких сатиров; над буквой медальон с нашим домом; над медальоном ленточка с подписью "Маргарита". С другой стороны папки – вид нашего дома сквозь паутину.

В папку вложена карандашная картина Юры "Pieta", которую он теперь нарисовал.

[...] Приезжал большевик на дрожках; вместе с ним на дрожках сидела девица в венке.

Через некоторое время пришел другой большевик, хорошенький, с черными усиками. Они требуют планы и дали маме подписать "опись" Михайловского.

Григорий (кучер) не принес газеты. Газеты сейчас только большевистские, и кондуктора саботируют, хотя получают 80 копеек за номер. Они говорят: "Ничего в газетах нет интересного". [В это время в имении была и младшая дочь – Маруся, жили ли Елена и Алексей Клочковы, дочь и зять М. Морозовой – не сказано.]

[...] Проводя Трояновских, вернулись домой. В гостинной не столе стояли бронзовые бюсты Екатерины и Павла. Их тени падали на стену и дрожали вместе с пламенем свечи...»

В «Морских записках» сказано[44]: «1914-I Морской корпус. 1-й выпуск 1914 года 16 июля 1914 г.» Ниже следует список старших гардемаринов, окончивших Морской корпус в первом выпуске 1914 г.: «Морозов Георгий М. – умер в Чехословакии в 1930 г.».

Елена Михайловна Морозова (род. 11 августа 1895 г.) в октябре 1912 года вышла замуж за Алексея Алексеевича Клочкова (Юрия с учебы отпустили на свадьбу на 1 день, воскресенье). С Маргаритой Кирилловной у зятя сложились, по всей вероятности, очень хорошие отношения. В ОР РГБ сохранились письма А.А. Клочкова к М.К. Морозовой[45], где он обращался к ней «Дорогая моя мамочка» и подписывался «Твой сын и друг Алеша». В начале свадебного путешествия молодые отправились в Петербург (затем в Париж), там к ним также приходил Юра, обучавшийся в Морском корпусе, и очень сокрушался, что забыл поздравить Маргариту Кирилловну с рождением.

Из письма А. Клочкова: «*…Юра прогостил у нас дня два и в такой короткий срок мы с ним два разу чуть не поссорились... В общем Юра очень нервный и ему в жизни придется трудно...*»

Известно, что у супругов Клочковых, проживавших на Долгоруковской ул., 1, были в 1914 г. два автомобиля, записанных на А.А. Клочкова, – Дитрих и Берлиэ[46].

«Елена Михайловна Морозова (11 августа 1895 – 26 марта 1951) эмигрировала во Францию, там вышла замуж вторично. Первый муж – Алексей Алексеевич Клочков (21 октября 1889 – 19 сентября 1945). Второй раз вышла замуж за Петра Владимировича Яфимовича (4 сентября 1882 – 24 ноября 1947). Все похоронены на кладбище Сент-Женевьев де Буа.»[47]

Портрет младшего сына Михаила Абрамовича и Маргариты Кирилловны – Михаила, – работы В. Серова, украшает ныне Третьяковскую галерею («Мика Морозов»). Только у него остался наследник – сын Михаил.

«1916 г.

Копия

Метрическая справка[48]

В Метрической книге Московской Покровской, что в Левшине, церкви, тысяча восемьсот девяносто седьмого года, № 6, писано: Февраля пятого числа родился МИХАИЛ, крещен седьмого числа, родители его: Потомственный Почетный Гражданин коллежский секретарь Михаил Абрамович Морозов и законная жена его Маргарита Кирилловна, оба православного исповедания, восприемники были: почетный гражданин Валериан Никитин Горбачев и жена почетного потомственного гражданина Елена Кирилловна Вострякова; крестил заштатный священник Николай Богословский с причтом Покровсколевшинской церкви. Справка эта выдана из Московской Духовной Консистории вместо метрического свидетельства, выданного в 1899 году. Причитающийся гербовый сбор уплачен Мая 5 дня 1916 года. Член Консистории Кафедральный Протоиерей Владимир Марков, Секретарь подпись, Архивариус подпись, печать Московской Духовной Консистории, № 8361. С книгами Архива проверено, Член Комитета подпись, архивариус подпись».

В архиве Маргариты Кирилловны сохранились письма к ней и других детей, кроме Юры, также преисполненные любви и нежности. Пример еще одного такого письма, написанного, судя по почерку, гувернанткой, но отражающего мысли и переживания маленького Мики[49]:

«*Моя миленькая мама Мика знает через сколько дней мы уедем. Мика хочет только наш дом и тебя видеть а Москву не хочет она грязная. Ялта гораздо чище. Мика видел большой пароход Пушкин и был внутри в каютах. Ялта очень нравится Мике.*

У Мики есть рогатка ей можно убить ястреба. Мамочка миленькая девочка знаешь было крушенье Владимир с итальянским пароходом столкнулись.

Ну почему – ты не напишешь Мике

Целую тебя крепко и папу напиши письмо скорей твой

Мика»

Маленькие Миша и Лена (Леля) отдыхали на море, вероятно, одновременно, и письма от них написаны рукой одного и того же взрослого человека (точную дату установить сложно, но что-то около 1900 – не позднее 1903 гг., пунктуация и орфография сохранены)[50]:

«*Алушта 5-го октября*

Милая мама целую тебя и дорогого папу.

Мы были в Ялте. Ах как хорошо было!

Мне выдернули зуб было ужасно больно доктор ужасно не хороший не такой как Греффе.

Милая мама какая Ялта чистая как там хорошо много пароходов.

Мы сидели на набережной и Амалия Егоровна велела мужчине вычистить башмаки очень было смешно

Мы ехали в экипаже и кушали яйца и ветчину.

Миленькая почему ты нам ничего не пишешь я соскучилась по тебе.

Мы знаем что в Москве дождь, а у нас нет. Мне хочется увидеть поскорее тебя только в Москву я не хочу ехать. В Алушту я не хожу. В воскресенье мы были в церкве Там поют девочки.

Милая мама пиши мне поскорей и папу попроси написать я совсем здорова и еще больше загорела твоя Леля»

«Морозов Михаил Михайлович[51]

Копия

Аттестат зрелости

Министерство Народного Просвещения

Дан сей сыну Коллежского асессора Михаилу Михайловичу Морозову, вероисповедания православного, родившегося в г. Москве пятого февраля тысяча восемьсот девяносто седьмого (1897-го) года в том, что он, вступив в Московскую гимназию, учрежденную А.В. Адольфом, в ноябре 1911-го года при отличном поведении, обучался по 29-ое апреля тысяча девятьсот шестнадцатого года и окончил полный восьмиклассный курс, при чем обнаружил нижеследующие познания:

Закон Божий – 4 (четыре), Русский язык с церковнославянским и словесность – 5 (пять), Философская пропедевтика – 4 (четыре), Латинский язык – 3 (три), Математическая география – 4 (четыре), Физика – 4 (четыре), История – 4 (четыре), География – 3 (три), Законоведение – 4 (четыре), Французский язык – 5 (пять), Немецкий язык – 4 (четыре).

На основании чего и выдан ему сей аттестат зрелости, представляющий ему все права, обозначенные в § 130-132 Высочайше утвержденного 30-го июля 1871 года устава гимназий и прогимназий.

Директор (подпись)

Член Совета (подпись)

Секретарь педагогического совета (подпись)

Мая 27-го дня 1916 года. Верность сей копии с подлинником, находящимся в канцелярии Московского Университета, сим удостоверяю № 133.

Помощник секретаря по студен. делам (подпись)

2 октября 1916»

«М.Н.П.
Московский
Учебный Округ
Директора
Московской гимназии,
Учр. А.В. Адольфом.
Октября 3 дня 1916 г.

Удостоверение[52]

№ 548

Москва

Дано сие окончившему в мае 1916-го года курс вверенной мне гимназии Михаилу Михайловичу Морозову для представления в одно из военных училищ, в том, что он, Морозов, за все время пребывания в гимназии был отличного поведения и ни в чем предосудительном замечен не был.

Директор (подпись)

Письмоводитель (подпись)»

«ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК ПРАПОРЩИКА МОРОЗОВА[53]

Составлен 29 июня 1917 года

4-го Отдел. Полев. Тяж. Арт. Дивизиона

батарей "С"

ПОЛУЧЕНО

25 июля 1917

(Входящий № 133)

[...]

Когда родился

5 февраля 1897 г.

Из какого звания происходит и какой губернии уроженец

Сын Потомственного Почетного Гражданина

Какого вероисповедания

Православного

Где воспитывался

В Московской гимназии, учрежден. А.В. Адольфом и в Михайловском Артиллерийском училище по 1-му разряду

Получаемое по службе содержание

В бытность в Михайловском Артиллерийском училище содержания не получал

Читал 20 июня 1917 года

Прапорщик Михаил Морозов

(подпись)

Прохождение службы

В службу вступил по окончании курса наук в Московской гимназии, учрежденной А.В. Адольфом Со старшинством с 1917 июня 1

Михайловское Артиллерийское училище на основании "положения об ускоренной подготовке офицеров в военное время в специальных военно-учебных заведениях с шестимесячным ускоренным курсом" юнкером рядового звания 1917 января 6

Произведен в унтер-офицерское звание 1917 марта 24

По окончании ускоренного курса училища по 1-му разряду приказом по Армии и Флоту был 1 июля тысяча девятьсот семнадцатого года произведен в Прапорщики с зачислением по полевой легкой артиллерии

На основании приказа по Воен. Вед. 1914 года за № 756 пунк. 17 прибыл в распоряжение К[оманди]ра 2 запасной тяжелой артиллерийской бригады и назначен в 4-й Отдельный полевой тяжелый артиллерийский дивизион батарей "С [1917] июля 23

Назначен на должность младшего офицера 3-й батареи [1917] июля 24

Вр[еменный] Командующий 4 отдельным полковым тяжелым артиллерийским дивизионом батарей "С" (подпись)

Дивизионный Адъютант (подпись)

Прапорщик (подпись)

На 1917 г. холост.

Недвижимого имущества не имеет.

В походах и делах против неприятеля не был, особых поручений сверх прямых обязанностей, или от начальства не получал».

Михаил Михайлович оставил интереснейшие воспоминания о своей жизни, которые назвал автобиографией, где прекрасно описал свою семью,

условия, в которых проходили его детство и юность, а так же открыто и довольно полно представил свою творческую деятельность и путь, который привел его к основному и самому любимому занятию всей жизни – шекспироведению.

«Автобиография[54]

Я родился в семье богатых промышленников Морозовых 18 февраля 1897 года по старому стилю. Мой отец, Михаил Абрамович, мало занимался коммерческими делами. Интересы его были в области истории и искусства. В свое время он написал книжку о Карле V. Он собрал большую коллекцию картин, которую моя мать после его смерти пожертвовала в Третьяковскую галерею (ценность дара, если не ошибаюсь, была определена чуть ли не в миллион рублей золотом), а также в ряд провинциальных музеев. Моя мать, Маргарита Кирилловна Морозова, по рождению Мамонтова. Отец ее — племянник Саввы Ивановича Мамонтова, известного мецената оперного театра. Он также двоюродный брат Третьякова, основателя галереи. Моя мать, сейчас в весьма преклонном возрасте, живет в Москве. Она персональная пенсионерка. В свое время она была видной общественной деятельницей, главным образом в области искусства (в частности, была директором Музыкального общества). Сейчас она пишет мемуары. Она была близким другом композитора Скрябина и недавно написала о нем статью.

Я получил весьма тщательное домашнее образование. Это образование, однако, мало касалось практических наук. Учили меня музыке, к которой у меня нет абсолютно никаких способностей, а также языкам. Так, например, латинскому языку, а также греческому учил меня дома знаменитый педагог С.П. Гвоздев, который пристрастил меня к филологическим комментариям, что очень мне впоследствии пригодилось, когда я стал специально заниматься Шекспиром. Английскому языку меня стали учить с двух лет, и нет поэтому ничего удивительного, что я знаю язык в совершенстве. Мои интересы очень рано сложились в области филологии, а также театра. Однако я не кончил филологического факультета университета по болезни. Я не был

на фронте первой мировой войны, и великие события 1917 года застали меня еще совершенно не определившимся и, конечно, совсем не разбирающимся в политических и социальных вопросах. Правда, дух воспитания, полученного мною, был очень демократичным. Имена Белинского, Чернышевского, Добролюбова произносились в нашем доме с большим уважением, и я с ранних лет читал их произведения. Но все это было крайне смутным и расплывчатым. Моей мечтой было стать писателем. Я написал пьесу (это был претенциозный пустячок, основанный на заумном «психологическом» выверте), которая шла в одном маленьком московском театре в 1918 году.

В следующем году я поступил на службу в Наркомпрод заведующим отделом информации и сотрудничал по экономическому репортажу в газетах «Правда», «Известия», «Экономическая жизнь» и др. Однако желание стать писателем меня не покидало. Я написал вторую пьеску «О-Тао», которая шла в одной из московских студий и на которую позднее написал оперу композитор Шиншин. Эта пьеска была напечатана отдельной книжечкой в издательстве «Созвездие» в 1921 году. С 1920 года я перешел на театральную работу: режиссировал в Народном доме под Москвой, читал лекции по истории театра, главным образом по итальянской комедии масок. Одновременно занимался переводами. Мой (сделанный совместно с Н.И. Волконским, режиссером Малого театра) перевод трагедии Шиллера «Заговор Фиеско» был поставлен в Малом театре в 1923 году и заслужил в печати очень лестный отзыв А.В. Луначарского. Впоследствии я перевел «Любовью не шутят» Мюссе, и мой перевод был поставлен в Театре-студии под руководством Ю.А. Завадского. К счастью, материальная необходимость принудила меня заниматься уроками английского языка — говорю: «к счастью», так как этот путь в конце концов привел меня к любимому делу — шекспироведению. Я преподавал во II МГУ, на Высших курсах, в техникуме и разных курсах и группах, изучающих английский язык. Потом стал читать на английском языке лекции по истории английской литературы.

Примерно с 1928 года все больше и больше отдавал сил анализу шекспировских текстов. Стал проводить публичные чтения Шекспира в библиотеке иностранной литературы. Впоследствии результатом этой работы явились составленные мною книжки с комментариями для первого знакомства учащихся с Шекспиром. Кроме того, я составил большое количество учебников, хрестоматий и пособий для изучающих английский язык. Хотя я изредка переводил, но перевод теперь интересовал меня больше с теоретической стороны. В 1932 году я написал для заочников курс теории и практики перевода, который был издан под редакцией В.Р. Менжинской. В это время я преподавал английский язык в Институте красной профессуры мирового хозяйства и мировой политики. В 1935 году я был утвержден в звании профессора. С этого же времени мною написано большое количество статей в разных журналах. Я печатался в «Новом мире», «Октябре», «Красной нови», «Молодой гвардии», «Интернациональной литературе» (русском, английском и французском изданиях). Стал писать и театральные рецензии. Печатался в газетах — «Правда», «Известия», «Литературная газета», «Советское искусство», в других московских, а также периферийных газетах.

С 1937 года я поступил во Всероссийское театральное общество заведующим Кабинетом Шекспира и западноевропейского театра. Под моей редакцией и с моим участием как соавтора вышло в ВТО несколько сборников, посвященных Шекспиру и постановкам его пьес на советской сцене. С 1939 года мною было организовано девять ежегодных шекспировских конференций. В ВТО в 1939 году вышла моя книжка «Комментарии к пьесам Шекспира». В то же время я работал как соавтор и один из редакторов истории английской литературы в Институте мировой литературы Академии наук СССР. В 1941 году в изд-ве Академии наук в сборнике «Из истории английского реализма» было напечатано мое исследование «Язык и стиль Шекспира». Я очень много работал как консультант театров, включая почти все театры Москвы и многочисленные

театры периферии. Редактировал многие книжки и писал к ним предисловия. Такова была, не считая публичных лекций, моя деятельность до войны. Как педагог я работал главным образом в МИФЛИ. Во время войны очень много писал для Совинформбюро, через которое недавно написал книжку, вышедшую в апреле 1947 года в Лондоне и посвященную Шекспиру в Советском Союзе. Работал также для ВОКСа, где в течение нескольких лет состою членом бюро театральной секции. Много раз до войны и во время войны выступал по радио для Англии и США. Вообще много работал в области пропаганды советской культуры за рубежом.

С 1946 года был выбран членом совета и президиума Всероссийского театрального общества. С нынешнего, 1947 года состою старшим научным сотрудником (внештатным) Института Академии наук СССР — Истории искусств. Работаю профессором МГУ и Гос. института истории искусств имени Луначарского. Последние напечатанные работы, не считая журнальных и газетных статей, «Островский как переводчик Шекспира» в сборнике «А.Н. Островский-драматург» («Советский писатель», 1946), а также упомянутая книжка о Шекспире в Советском Союзе. Сейчас в издательстве «Молодая гвардия» должна выйти моя книга «Шекспир» (в серии «Жизнь замечательных людей»). В издательстве «Искусство» должна в течение лета 1947 года выйти моя маленькая книжка «М.Т. Иванов-Козельский» (последнее время я занимаюсь жизнью и творчеством русских актеров), а в ВТО — моя книга «Отелло» (материалы и исследования). Зимой 1946/47 года в издательстве «Искусство» вышел перевод двух комедий Шекспира — «Два веронца», «Конец — делу венец», — сделанный совместно В.В. Левиком и мною. Кроме того, С.Я. Маршаком и мною сделан совместно новый перевод «Виндзорских кумушек» для Театра имени Вахтангова. За последние годы я сделал переводы (комментированные подстрочники) «Отелло» и «Гамлета». В настоящее время по теме «История Шекспира на советской сцене» готовлю развернутую статью для Института истории искусств Академии наук СССР, «Метафоры А.Н. Островского» —

по заказу Кабинета Островского ВТО и ряд других статей. Педагогическая работа за последние годы отнимает у меня меньше времени, хотя я и читаю как профессор в МГУ и ГИТИСе, а также — эпизодические лекции (иногда на английском языке). Основное время я целиком отдаю литературной работе и провожу за письменным столом большую часть дня.

М. Морозов»

О нем также оставили воспоминания близкие ему люди, в частности, его последняя жена Евгения Михайловна Буромская. (Михаил Михайлович был женат трижды. Его первой женой была Варвара Ильинична княжна Туркестанова, которая в 1920-е гг. после тюрьмы сошла с ума; второй супругой была Татьяна Романовна Рогаль-Левицкая.)

«Михаил Михайлович Морозов

Ученый, лингвист, критик, переводчик, писатель, нашедший свое подлинное призвание в изучении Шекспира.

«Лучшим советским шекспироведом» и просто «представителем Шекспира на земле» называл М. М. Морозова Самуил Яковлевич Маршак.

Все, кто знал Михаила Михайловича, замечали основное в характере этого человека — его одержимость, устремленность; свойства эти были ясно ощутимы уже в пятилетнем мальчике, запечатленном на замечательном серовском портрете.

«Ты в этот час кручины злой
С судьбой своей дерись,
Чтобы светящею стрелой
Над миром пронестись.
Летящей быстро не страшна
Ночей немая тень,
И там, где упадет она,
Начнется новый день».

Эти строки, написанные М.М. Морозовым в июле 1948 года, можно поставить эпиграфом ко всей его жизни. «И вся эта жизнь от ранней зари до раннего заката», — как сказал о нем в своем вступительном слове, открывая вечер памяти Михаила Михайловича в связи с его 80-летием, С. Наровчатов, — «была пронизана искусством, поэзией, литературой».

Его первое появление в Кабинете Шекспира ВТО было так же стремительно, неожиданно, как и все, что он делал.

Был сентябрь 1937 года. Я только что переступила порог большого, просторного кабинета на шестом этаже ВТО в качестве старшего референта Шекспировского кабинета и была в совершенной панике: передо мной лежало письмо, в котором было по меньшей мере двадцать вопросов, требующих срочного ответа; они были связаны с постановкой «Отелло» в одном из крупных периферийных театров. Но тут мне повезло. Открылась дверь и в кабинет вошел... Кнуров. Да, воочию передо мной предстал известный персонаж пьесы Островского «Бесприданница». Медлительный, представительный, несколько старомодный, с трубкой в зубах, он подошел ко мне и учтиво представился: «Филиппов, Владимир Александрович. Мы с вами соседи, я заведую кабинетом русской классики. Очень рад познакомиться». Слово за слово, и я, одержимая лишь одной мыслью, протягиваю злополучное письмо Владимиру Александровичу. «Ничего страшного. Выход есть, — говорит он. — В Москве есть человек, который сможет вам быть полезен. Вам вообще надо его привлечь к работе кабинета. Это Мика Морозов. Вы его знаете?» Так впервые я услышала это имя.

Охарактеризовав в нескольких словах Михаила Михайловича как знатока Шекспира, знающего не только современный английский язык, но и язык XVI века, талантливого текстолога, интереснейшего, образованнейшего человека,

В. А. Филиппов удалился так же медленно, как и вошел, все с той же неизменной трубкой в зубах.

Я тут же позвонила Михаилу Михайловичу и, едва успев рассказать суть дела, услышала: «Берите карандаш и бумагу, я продиктую все ответы». Ошеломленная, я хотела было последовать его совету, но он говорил так быстро, пересыпая русские слова английскими, ссылаясь на разные источники и прежде всего на загадочный для меня в ту пору «Нью-Вариорум» (New Variorum), что я взмолилась и спросила — не мог бы он сам зайти в Шекспировский кабинет на улице Горького? К моему крайнему изумлению, маститый профессор без всякого жеманства охотно согласился, сказав, что каждый день он проходит мимо ВТО, идя в Иностранную библиотеку в Столешников переулок, где читает лекции по Шекспиру на английском языке.

И действительно, не прошло и двух дней, как дверь открылась и в кабинет стремительно вошел высокий человек с горящими карими глазами. Он как-то разом пересек комнату по диагонали, очутился перед моим столом и громко сказал: «Я — Морозов. Вы мне звонили. Где это письмо?» Я подала ему письмо, он бегло пробежал текст и сказал: «Да ведь тут ничего сложного! Как кланялись, как одевались, как общались шекспировские персонажи, в частности, в «Отелло», о котором здесь идет речь... Я вам сейчас все напишу». Сел за стол, быстро написал и на ходу, словно продолжая разговор со мной, бросил: «Дайте перепечатать, а завтра я забегу проверить с машинки». Он исчез так же мгновенно, как и появился, без лишних слов. Я тут же пошла к заместителю председателя ВТО, захватив с собой ответы М.М. Морозова. «Это же настоящая находка, — радовался он, — давайте немедленно этого Морозова к нам в консультанты! Как только он снова появится, ведите его прямо ко мне. Подготовьте договор, но сумму пока не проставляйте: человек такой квалификации... Кто знает, сколько ему надо платить».

Михаил Михайлович принял предложение стать консультантом Кабинета Шекспира. Работа кабинета расширялась, спрос на консультации московским, ленинградским и периферийным театрам, ставившим

шекспировские спектакли, все возрастал. Поездки Михаила Михайловича на просмотры спектаклей, их обсуждения имели триумфальный успех; руководство ВТО предложило ему возглавить Шекспировский кабинет. Работа в кабинете помогла развитию многих до того скрытых его способностей. Это был прирожденный оратор, обладавший огромной эрудицией. Его актерское и режиссерское дарование признавали крупнейшие театральные деятели. Силой своей убежденности он покорял всех.

В кабинете Шекспира стали частыми гостями известные советские режиссеры и актеры: Ю.А. Завадский, А.Д. Попов, Н.П. Охлопков, И.Н. Берсенев,

С.Э. Радлов, Д.А. Алексидзе, Б.Н. Ливанов, Н.П. Хмелев, А.А. Ходжаев,

С.М. Михоэлс, В.В. Тхапсаев и многие другие. Шекспировские конференции, проведенные не только в Москве и Ленинграде, но и в Тбилиси, Ташкенте, Орджоникидзе, Ереване, Риге и других городах, сами по себе уже говорят о размахе, который под руководством М.М. Морозова приобрела работа Шекспировского кабинета.

Михаил Михайлович много ездил по стране, проводя обсуждения постановок пьес Шекспира в национальных театрах. Он как-то сразу находил общий язык с актерами, постановщиками, легко схватывал местный колорит. В Грузии, в Армении, в Осетии, в Узбекистане он становится настолько своим, что иной раз трудно было отличить его от местных жителей. Обожал восточные базары с их «фальстафовским фоном», с их красочностью, изобилием, шумом. В Тбилиси, куда он был приглашен смотреть «Отелло», мы однажды зашли на рынок. Михаил Михайлович взял в руки яйцо, оно поразило его своей величиной. Продавец же, решив, что он хочет проверить, свежее ли яйцо, выхватил его у него из рук, трахнул о землю с негодованием: «На, смотри, совсем свежий яйцо!» Михаил Михайлович был в восторге от такой щедрости продавца и его гордости. «Вот так надо играть Шекспира!» — приговаривал он, идя на репетицию «Отелло».

Постановка Театра имени Руставели поразила его и масштабностью и безудержным темпераментом основных исполнителей: роль Отелло играл Хорава, а Яго — Васадзе. Накануне нашего отъезда был устроен традиционный прощальный вечер на горе Давида. На фоне черного неба, низко над горой склонилась огромная ярко-оранжевая луна, было что-то в этом близкое декорациям шекспировских спектаклей. Фигура Акакия Хоравы в белом костюме органически возникала на фоне прекрасной южной природы. Артист с волнением говорил о предстоящей поездке в Москву, где театр собирался выступить со спектаклем «Отелло».

Гастроли театра состоялись в Москве в 1944 году, и Михаил Михайлович в печати очень высоко оценил эту постановку. По возвращении в Тбилиси Хорава прислал ему письмо: «Глубокоуважаемый, дорогой Михаил Михайлович! Примите от меня самую искреннюю благодарность за, должно быть, преувеличенную оценку моей многолетней работы над образом Отелло. Вы, как всякий русский человек, оказались человеком с большим сердцем, чутким и глубоко принципиальным. Оценка ваша, как крупнейшего авторитета, дает мне силы продолжать работу как над Отелло, так и над другими образами Шекспира».

Из Тбилиси мы проехали по Военно-Грузинской дороге в Орджоникидзе, куда Михаил Михайлович был приглашен на Шекспировскую конференцию. Здесь он присутствовал на репетициях «Отелло» с участием Владимира Тхапсаева. В исполнении этого замечательного артиста было такое внутреннее горение, которое исключало всякую возможность позирования. Он проникновенно сыграл эту роль и в Театре имени Моссовета, куда его вскоре пригласил

Ю.А. Завадский; осетинский актер легко и просто вошел в актерский ансамбль московского театра.

Абрар Хидоятов был третьим талантливым исполнителем роли Отелло, с которым Морозову довелось встретиться в те годы. Это было в Узбекистане в 1950 году, куда его попросили приехать для консультативной работы по

подготовке постановки. Однажды Михаил Михайлович был приглашен к Саре Ишантураевой, прославленной узбекской актрисе, исполнительнице ролей Джульетты и Дездемоны. Тогда мы с ним еще не знали, что она жена Абрара Хидоятова. И вот в саду, где уже дымился огромный котел с пловом и белела скатерть, расстеленная прямо на траве, вдруг появился очень красивый человек. Он был задумчив и будто печален. Увидя нас, улыбнулся милой, застенчивой улыбкой и на характерном наречии произнес несколько слов, видимо, приветствие, приложив руку ко лбу, потом к сердцу и склонясь в глубоком поклоне. Это был великий актер Узбекистана Абрар Хидоятов. Его выразительные глаза, необыкновенная пластичность, достоинство, сквозившее в каждом жесте, — все это покоряло с первого же взгляда.

Вечером мы отправились на спектакль, который состоялся за городом. Здесь на открытой сцене на фоне иссиня-темного, почти черного неба, усыпанного яркими крупными звездами, как бы в естественных природных декорациях, перед нами снова появился Хидоятов, но уже в образе Отелло. Он был в длинном белом хитоне и белой чалме. Своим неповторимым, как клекот орла, гортанным голосом он произнес первые слова роли. Впечатление было чарующее: то была не роль, не сцена, не театр — то была сама жизнь. Но нотка обреченности, какой-то затаенной глубокой печали пронизывала все его исполнение. Михаил Михайлович был потрясен: «Поистине этот образ была сама гармония, подлинный "венец создания"», — говорил он. К глубокому сожалению, Абрар Хидоятов вскоре умер.

Особенно высоко оценивал М.М. Морозов работу А.А. Остужева в создании образа «Отелло» в Малом театре: «Через пространство трех веков Остужев — Отелло и Бёрбедж — Отелло протягивают друг другу руки. И в этом победа не только Остужева как актера, но и всего советского театрального искусства».

К Морозову часто обращались за консультацией и творческой поддержкой и Б.Н. Ливанов и Н.П. Хмелев — оба они мечтали сыграть роль Гамлета. В МХАТ был даже создан специальный «штаб по Гамлету», в

который вошел и Морозов. Война помешала этой работе. Одна за другой появлялись в этот период интересные постановки пьес Шекспира, в создании которых самое деятельное участие принимал Морозов. «Король Лир» с участием С.М. Михоэлса, «Ромео и Джульетта» с М.И. Бабановой и М.Ф. Астанговым, «Гамлет» у Н.П. Охлопкова, «Много шума из ничего» с Ц.Л. Мансуровой и Р.Н. Симоновым, «Укрощение строптивой» с В.П. Марецкой и Н.Д. Мордвиновым в Ростове.

М.М. Морозов обладал поразительной работоспособностью. Бывало, его просили написать статью побыстрее, указывали срок — несколько дней. Он смотрел на часы и говорил: «Можете прислать за статьей через два часа». Работал он сосредоточенно, не отвлекаясь. И, как правило, через два часа статья была готова. Как работал? Сначала — хождение по комнате, перешагивание через стопы книг и горы папок, которые лежали прямо на полу небольшой нашей комнаты, затем садился за стол и быстро, без помарок писал, отключаясь от всего и от всех. Так как пишущей машинки у нас тогда еще не было, копий статей никогда не оставалось и многое оказалось потерянным. Лекции он никогда не читал «по бумажке». Обладая феноменальной памятью, он с блеском мог произносить монологи Гамлета, Лира, Отелло не только на русском языке, но и на английском, который знал в совершенстве. Очень любил читать пьесы Ростана наизусть по-французски. Ему нравился перевод пьесы «Сирано де Бержерак», сделанный Т.Л. Щепкиной-Куперник. Особенно восхищала его строка: «Мы с солнцем в крови рождены». Очень любил он Мольера. С Т.Л. Щепкиной-Куперник ему довелось общаться и в связи с постановкой в Ермоловском театре пьесы «Как вам это понравится» в ее переводе.

Михаил Михайлович с детства обожал театр, в юности сочинял пьесы, играл в домашних спектаклях. Главным же делом его жизни стал театр Шекспира. Михаил Михайлович сделал подстрочники пьес «Гамлет» и «Отелло». Перевел совместно с С.Я. Маршаком комедии «Виндзорские насмешницы», с В.В. Левиком «Два веронца», с В.Г. Шершеневичем «Конец

— делу венец» и с Яхниной «С любовью не шутят». Совместно с В. Крыловым перевел пьесу Ф. Шиллера «Заговор Фиеско».

Весной 1951 года Михаил Михайлович был назначен главным редактором журнала «Новости» («News»). Журнал выходил на английском языке и освещал важнейшие события международной жизни. Он с огромным увлечением отдался и этой новой для него работе. Гордился признанием своей нужности, полезности Советской Родине. Радовался тому, что был буквально «нарасхват», что был он нужен и театрам, и переводчикам, и студентам, и издательствам. «Если бы не было революции, из меня бы ничего не вышло», — любил повторять он. Работа была ему необходима как воздух. «Человек с огнем и талантом» — назвал его Б.Л. Пастернак.

Михаил Михайлович получал приглашения от университетов Англии и Америки, к нему обращались за советами ученые Оксфорда, Кембриджа и Колумбийского университета, зарубежные писатели. Две его книги были изданы в Лондоне на английском языке: «Метафоры Шекспира как выражение характеров действующих лиц» и «Шекспир на советской сцене» с предисловием крупнейшего шекспироведа Англии Джона Довера Уилсона, который высоко оценил творческую деятельность русского советского шекспироведа, «сумевшего в своих работах органически соединить науку о Шекспире и театр». В предисловии к книге указывалось: «Мы знали, что в Советском Союзе высоко чтят Шекспира и, как сказал бы Гамлет, почет этот стал уже ритуалом. Мы много слышали о профессоре Морозове как об одном из ведущих представителей шекспировского движения. Но война, трудности путешествий и то обстоятельство, что немногие из нас знают русский язык, мешали нашему общению с русскими.

Больше всего нас поражает масштабность русской сцены. Мы, англичане, изучая в школе географию, усвоили тот факт, что Россия в 60 раз больше Британских островов и что население ее составляет 200 миллионов человек. Но подлинный масштаб России начинаем мы ощущать тогда, когда узнаем, что только одна из пьес Шекспира за последнее десятилетие была

поставлена там в 160 театрах и что играли ее на шестнадцати языках. Речь идет об "Отелло"».

Михаила Михайловича любили — это был яркий по характеру, легкий, стремительный человек, обожавший пьесы А.Н. Островского с широким купеческим бытом, с самобытными русскими нравами.

И сам Михаил Михайлович был самобытным, артистичным человеком. Он обладал органичным талантом перевоплощения: надевал цилиндр и брал тросточку — перед нами представал типичный европеец; чалма превращала его в араба или индуса (прабабка его была индуска, портрет ее тогда находился в частной коллекции Е.В. Гельцер). Преображался не только внешне, он и по сути своей как бы становился другим человеком. Чувство юмора было присуще ему в самой высокой степени. Смеялся от души, очень громко, с удовольствием. По выражению С.Я. Маршака, Михаил Михайлович «совмещал в себе образы многих шекспировских героев — от Гамлета до Фальстафа». В нем была и нескончаемая доброта и трогательная нежность, очень любил он животных.

Поражал даже иностранцев глубиной и безукоризненностью знаний языков, свободно владел ими в любой аудитории, английский же просто считал вторым родным своим языком. С двухлетнего возраста он занимался с гувернанткой мисс Маквити, затем учился в летной школе в Англии. Родословную вел от англичанки Индж; кроме индусской, насчитывал в себе много различных кровей: и армянскую (Эларяны), и немецкую (Левенштейн), и, конечно же, русскую — Мамонтовых и Морозовых.

Отдыхая от работы (что бывало чрезвычайно редко), Михаил Михайлович любил посидеть за шахматами. Играл он превосходно, был мастером первой категории. Очень любил музыку; мать его, Маргарита Кирилловна, была ученицей А.Н. Скрябина, дом их всегда был наполнен музыкой. Любимым композитором Михаила Михайловича был Шуберт – с его ясной и прозрачной мелодикой.

В последние годы жизни сердце Михаила Михайловича начало сильно сдавать. Пока он не был главным редактором журнала «Новости», мы подолгу жили под Москвой. Михаил Михайлович любил природу, особенно лес, здесь он успокаивался, начинал писать дневник, возобновил даже писание стихов, которыми увлекался в юности. В домашней обстановке, особенно на даче, на природе, он часто бывал очень тих, задумчив, зачитывался Эпиктетом, любимым своим философом...

Михаил Михайлович умер 9 мая 1952 года. Он сидел за письменным столом, готовил статью для своего журнала. Писал о международной солидарности рабочего класса. Жизнь оборвалась на словах: «Рабочий у станка...» Это была его последняя статья («Первое мая».— «Новости», 1952, № 9).

В редакционной статье, посвященной памяти М.М. Морозова и опубликованной в журнале «Новости» (1952, № 10) говорилось:

«Являясь главным редактором журнала, он неустанно боролся за укрепление дружбы и взаимопонимания между советскими людьми и народами Англии и Америки, призывал к международному сотрудничеству, к борьбе за мир во всем мире.

Человек высочайшего интеллекта и глубокой эрудиции, профессор Морозов занимал большое место в общественной жизни страны. Все, кто знал Михаила Михайловича, помнят его как человека огромного личного обаяния, необычайно одаренного и удивительно скромного. М.М. Морозов — выдающаяся личность в области строительств советской культуры, в деле борьбы за мир».

Е.М. Буромская-Морозова»

Самыми ценными, самыми трагичными, но, одновременно, и светлыми, безусловно, являются воспоминания его матери, Маргариты Кирилловны, пережившей сына на шесть лет...

«О моем сыне

Мика умер 9 мая 1952 года.

Хотя он умер уже в зрелом возрасте, но в жизни его как раз в это время совершился переход на новую работу, которая открывала перед ним широкие творческие перспективы, и его живая и кипучая натура заставляла верить и надеяться, что еще немало нового будет им сказано. Но роковая болезнь положила конец всем надеждам... Он скончался, а я, его мать, восьмидесяти лет, его пережила...

Теперь мне остаются только воспоминания о нем. Воспоминания эти уносят меня к далеко ушедшим годам прошлого столетия. Чем больше я вспоминаю и думаю, тем яснее и живее становится образ крошечного кудрявого мальчика с большими черными, всегда широко открытыми, точно удивленными глазами. Душа невольно цепляется за нить воспоминаний, ищет утешения в этом светлом образе. Мне очень больно, что я никогда в своей жизни не вела записей, не раз уже я в этом себя упрекала. Так и сейчас, мне до боли хотелось бы восстановить многое из детских и юношеских лет моего сына, но придется довольствоваться теми отрывочными картинами, которые сохранила моя память, да кое-какими письмами.

Мика родился в нашем доме на углу Смоленского бульвара и Глазовского переулка (где теперь помещается Киевский райком КПСС).

Родился он здоровым, но на другой день у него сделалась спазма в сердце, его спешно крестили и боялись, что спазма повторится и он умрет. Но спазма больше не повторялась, и он стал постепенно поправляться. Он долго лежал в кроватке-ванночке с двойными стенками и дном, куда наливалась горячая вода, чтобы ребенок был в тепле. Я помню, как раз к нему, лежащему в этой ванночке, подошел проф. В.Ф. Снегирев, большой друг наш, и со смехом воскликнул: «Мы-то тебя похоронили, а ты вон какой лежишь и на нас смотришь!» Действительно, мальчик мой стал расти и поправляться и впоследствии сделался огромного роста, широкоплечим, могучим человеком. Но в то время сложение и здоровье его требовало неустанного внимания и ухода. Приходилось ежегодно ездить с ним на море осенью. Летом мы жили в глуши Тверской губернии, в верховьях Волги.

Дача стояла на самом берегу реки, окруженная бесконечным сосновым лесом, полным земляники, брусники и грибов.

К четырем годам он вырос, очень окреп и развился. Он очень хорошо и громко говорил по-русски и по-английски. Английский язык он легко освоил, так как у него была очень милая, интеллигентная няня-англичанка мисс Маквити. Английский язык отозвался только на его произношении буквы «р»; он сильно грассировал, от чего, впрочем, впоследствии совершенно избавился, занимаясь дикцией.

Помню, что он как-то рассматривал у меня на столе книгу по астрономии; его очень привлекли картинки солнца и планет, и он с моих слов запомнил названия планет и очень любил их повторять. Громко и ясно, сильно грассируя на «р», произносил он их в порядке: Нептун, Уран, Юпитер, Сатурн, Меркурий, Венера, Марс, Земля. При этом он не обращал никакого внимания, ему было все равно, слушают ли его, ему просто нравилось громко произносить эти слова. Часто, сидя у стола на своем высоком креслице, он долго молчит, что-то думает сам с собой, что всегда было его отличительной чертой; кругом шумят, говорят, а он начинает: «Нептун, Уран, Юпитер» и т. д. — громко, громко! Также у меня была книжка священной истории, Ветхого завета с рисунками Доре, которую он очень любил. Он очень пожалел дьявола, которого бог изгнал из рая, и задумал за него молиться. И действительно, на ночь, молясь за маму, папу, прибавлял «помилуй дьявола».

Около пяти лет он стал сам с большим усилием стараться читать и писать. У его постельки висел календарь с картинками из кондитерской Яни. Яни и Янула Панайот была восточная кондитерская на Арбате, которую все дети очень любили. Он как-то хворал гриппом, лежал долго в постели, взял карандаш и стал списывать печатными буквами с этого календаря: «Яни и Янула Панайот». Громко говорил буквы и писал ужасные каракули, но все-таки этим положил начало своей грамотности.

В это же время В.А. Серов писал Микин портрет, на котором он сидит как живой. Этот портрет передает не только Мику того времени; в нем Серов схватил основную черту его натуры, его необыкновенную живость, и оттого все находили этот портрет очень похожим и на взрослого Михаила.

Когда Мике минуло семь лет, мы поехали на целый год в Швейцарию, на Женевское озеро. Этот год, проведенный на таком чистом воздухе, среди чудной природы, принес огромную пользу моему мальчику. Он очень вырос и окреп. Много бегал, играл и совершал с нами большие прогулки в горы пешком и верхом. Там, по вечерам, Мика часто нас всех — меня, свою няню и гувернантку — усаживал в ряд на стулья, сам становился перед нами и читал нам «лекции о народе леперкальцах», очень громко и торжественно, как он любил говорить. Он сообщал, что Леперкалия — страна на Севере, состояла из сорока пяти островов с главным городом Боца. Потом рассказывал о войнах леперкальцев с другими народами, пересыпая все очень замысловатыми именами и названиями, им самим, конечно, придуманными. Зимой в Москве, до нашего отъезда в Швейцарию, у нас дома молодежь играла шекспировского «Юлия Цезаря». Там упоминается праздник Леперкалий. Мика слышал это слово, и оно ему, очевидно, понравилось и запомнилось. У меня сохранились записи с Микиных слов о Леперкалии. Такова была его первая мимолетная встреча с Шекспиром. Кроме того, Мика сочинил в Швейцарии драму «Братья-враги». Он ее играл с другими детьми, в костюмах, с декорациями. Сюжет очень драматичный и сложный по чувствам, с убийством, также, вероятно, навеянный «Юлием Цезарем».

В это же время у Мики был какой-то воображаемый Зёрнов, который в действительности не существовал, но с которым Мика как-то и где-то будто бы встречался. Очень часто Мика, сидя за завтраком или за обедом, серьезно объявлял: «Я сейчас видел Зёрнова, и он мне сказал...» Тогда кругом поднимался крик всех сидящих за столом: «Неправда, неправда, никакого

Зёрнова — нет, ты выдумываешь». Мика как-то смущенно замолкал, но на другой день опять объявлял о том же.

После годичного пребывания в Швейцарии Мика начал регулярно учиться дома. Увлечения его за эти годы сначала сосредоточивались на аквариуме с живородящими рыбками и на его двух собачках «фоксиках», с которыми он много возился у себя в комнате, а позднее на увлечении спортом — теннисом и легкой атлетикой. Летом Мика на даче у нас в Калужской губернии даже устраивал олимпиады, на которые собиралось много молодежи. Позднее, когда Мика был в последних двух классах гимназии, у нас образовался кружок молодежи: «Кружок любителей искусства» — КЛИ, — тогда уже начинали появляться такие сокращения слов. В КЛИ было три секции: литературная, музыкальная и художественная. Мика в то время очень увлекался русской литературой и читал в КЛИ рефераты о Мельникове-Печерском и о Тургеневе. Главным его увлечением в то время был Мельников, он даже ездил с одним своим товарищем к А. П. Мельникову, сыну писателя, в Нижний Новгород и затем в Нижегородскую губернию на озеро Светлояр, где в ночь с 23 на 24 июня, под Ивана Купала, когда, по преданию, цветет папоротник, собирались богомольцы со всех концов нашей страны, спорили о вере и молились Невидимому граду Китежу. Впечатления, полученные им в эту поездку, были очень сильны. Он сделал много записей, много прочел книг и набросал очерк «Образы старообрядческой Руси». В этой работе уже сказались его прирожденная способность и интерес к научной работе. Вообще история Древней Руси и особенно старообрядчества его настолько привлекала, что он долгое время думал посвятить свою жизнь изучению этой эпохи и расстался с этой мыслью не без труда. Этому способствовало другое очень большое его увлечение— его любовь к театру, которая и вытеснила понемногу и окончательно мысль об изучении древней и старообрядческой Руси. После революции под Москвой, в Черкизове, около Тарасовки, образовался театральный техникум, куда собрался кружок очень талантливых молодых

преподавателей и большое количество учащейся молодежи. Мика начал там преподавать. Работа велась по методу импровизаций. Мика стал сам сочинять импровизации и пьесы по образцу итальянской комедии масок. Все эти работы он систематизировал и написал целый курс о Commedia dell'arte, который читал в Черкизове и в Москве в различных студиях.

Мне хочется также упомянуть, что Мика очень любил французский язык и французскую поэзию и особенно Мольера, которым очень увлекался. Также он некоторое время с удовольствием учился музыке, играя на фортепьяно. У него был хороший слух и очень гибкая рука, он играл очень музыкально. Как сейчас помню и как будто слышу звуки вальсов Шуберта и отрывки из «Дон-Жуана» Моцарта, которые Мика любил играть. Шуберт был его любимым композитором. К сожалению, он скоро эти занятия бросил.

Одновременно он целый ряд лет вел литературную работу. Он писал много рассказов, стихов, пьес. Во время своей работы над театром он написал небольшую пьесу из японской жизни «О-Тао», которую напечатали и сыграли. Он сам играл в ней главную роль. К этому времени благодаря его углубленным занятиям английским языком он систематически занялся преподаванием этого языка. Любовь и знание театра естественно привели его к изучению творчества Шекспира. На этом я останавливаюсь, так как тут начинается самостоятельная научная работа моего сына. Я хочу только отметить, что Мика как театровед уже в молодые годы не был узким шекспироведом. Обладая широким кругозором, он также проявлял живой интерес к русскому театру, в частности к его истории и к творчеству выдающихся мастеров русской сцены.

В моем кратком очерке детских и юношеских лет моего сына мне хотелось выразить то, что меня всегда удивляло: насколько рано в нем обозначился весь его облик и даже его способности. Особенно характерной чертой его всегда была одержимость той мыслью, которая в данное время его захватывала. Однако это сочеталось в нем с исключительным упорством в работе над предметом увлечения. Ко всему, что было вне этого, он был

невнимателен и даже рассеян. Всю жизнь помню его сидящим за письменным столом и пишущим. Меня всегда трогало его отношение к работе. Он любил свою работу, был буквально тружеником, который не жалел своих сил. В работе он был строг, добросовестен, никогда не работал поверхностно, а всегда вкладывал всю свою душу и знания. Память у него была очень большая.

Что касается практической жизни, то он в ней часто терялся и бывал даже беспомощен. В жизни, во всех своих привычках и в обстановке он был до крайности прост и скромен. Он любил жизнь, был очень веселый и живой собеседник, умел талантливо подражать и изображать тех, о ком рассказывал. С большой легкостью и грацией в движениях он импровизировал балетные танцы, несмотря на свою большую и грузную фигуру, чем забавлял и смешил нас. Он очень любил и хорошо читал стихи. Особенно любил он читать лекции и умел зажигать и увлекать слушателей. У молодежи он имел большой успех. Таким я помню Мику. Мне хотелось бы думать, что таким будут вспоминать его те, кто встречался с ним в жизни и в работе.

М.К. Морозова»

Примечания к автобиографии М.М. Морозова[55]:

«Немногие знали (узкий круг лиц), что Михаил Михайлович пишет стихи. Он их не печатал. Потребность поэтического самовыражения была у него изначальной, как и восторженная впечатлительность, тревожащая душу и легко ранимая. Устойчивым образом – символом его переживаний в детстве и юности было «синее небо, белые птицы» – белые лебеди. А в зрелые годы «Эйвонский лебедь» – Вильям Шекспир.

«Синее небо, белые птицы... – вспоминал Михаил Михайлович, – для меня это самый яркий оттенок памяти, хотя я и не помню, где и когда видел это небо и этих птиц. Лет в семнадцать я написал стихотворение, которое начиналось следующей строфой:

«Над озерами, над

Рыжими холмами,
Над широкой топью
Мартовских полей,
Над сквозными,
Светлыми лесами
Пролетала стая
Белых лебедей».

Хорошо это или плохо – не знаю, но лучших стихов я не написал и не напишу. Помню также, что совсем в раннем детстве, – мне было тогда семь лет, – я, стоя на самом берегу Женевского озера, вдруг увидел выплывающих из-за кустов лебедей. Мне показалось, что я вспомнил что-то, и я заплакал от радости и счастья».

В ОР РГБ сохранилась тетрадь с юношескими стихами Михаила Морозова, датированная 1915 г. Стихи разные, наверное, не очень зрелые, но необыкновенно искренние, и, поскольку, нигде не опубликованные, имеет смысл привести некоторые из них[56]:

«Звезда блеснула из-за тучи,
И снова мрак небес мы зрим.
Так в нашем "я" на миг летучий
Свой вдохновеньем лик могучий
Являет светлый херувим».

«Летний полдень
Ужасен полдень – час томительный,
Когда сквозь дымку духоты
Без свежей прелести живительной
Пестреют мертвенно цветы.
В бессильной силе, в дремоте тягостной
Природа вялая молчит.
И солнца душный жар безблагостно
Дыханьем огненным палит.

Впиваю взор в лазурь бездонную,
Гляжу в горячий свод небес, –
Твою улыбку лживо-сонную
Я вижу, полуденный бес!»

Самая младшая дочь Морозовых – Маруся – родилась уже после смерти Михаила Абрамовича, 2 января 1904 года. О ее жизни удалось найти некоторые сведения[57]:

«Морозова-Фидлер Мария Михайловна (?-29 ноября 1964, Бостон, шт. Массачусетс, США).

Младшая дочь известных московских богачей и меценатов Морозовых. Окончила Арсеньевскую[30] гимназию и Московскую консерваторию по классу рояля. В 1927 г. выехала за границу с помощью итальянского посла графа Манзони. До Второй мировой жила в Париже, Мюнхене, Берлине, где продолжала учиться у Конюса и Артура Шнабеля. В Париже вышла замуж за Ал. Ал. Фидлера[31], тоже москвича. Во время войны уехали из Германии в Итальянский Тироль, а в 1946 г. – в Бразилию, где прожили 8 лет. После смерти мужа в Рио-де-Жанейро переехала в США. Стала давать уроки русского языка в Блумингтонском университете, в Индиане. Затем преподавала русский язык в Дартмут колледже в Нью-Хэмпшире (3 года), затем – в Бостонском колледже. Писала работу о "Серебряном голубе" Андрея Белого, но смерть не дала закончить ее. Умерла в Бостонском генеральном госпитале от флебита, перешедшего в лейкемию". (Новое русское слово. Нью-Йорк. 1964. 9 декабря.)»

Представляет интерес письмо Маруси к Маргарите Кирилловне, написанное 30 июля 1918 г.[58]:

---

[30] «В семидесятых годах прошлого века двумя выдающимися педагогами того времени – Софьей Александровной Арсеньевой и Львом Ивановичем Поливановым – были учреждены в Москве в районе Пречистенки две гимназии – Арсеньевская и Поливановская. Связь между этими школами была самая тесная; если сыновья учились у Поливанова, дочерей отдавали к Арсеньевой. Преподаватели были в большинстве случаев общие, почти все учащиеся знали друг друга, и начиная с 6 класса между ними возникали юношеские романы…» (Аксакова (Сиверс) Т.А. Семейная хроника. М., 2006. С. 99.)

[31] «А.А. Фидлер (ум. 1954), сын знаменитого педагога, основателя Фидлеровского училища. Офицер у Деникина, окончил Политехникум в Швейцарии, инженер, работал в Швейцарии. Умер в США.» (Лизунов В.С. Минувшее проходит предо мною… Орехово-Зуево, 1995. С. 65.)

«*Дорогая и милая мамочка!*

Мы все живы и здоровы. Пока еще никто не приходил; (ты понимаешь кто!) у всех нас очень хорошее настроение, но плохая погода приводит нас в уныние, так как нельзя ни гулять ни играть в Tennis.

Я почти выучила Rondo Bethoven'a у(и?) уже знаю двумя руками наизусть половину Баха.

Хочу как следует приняться за работу. До Твоего приезда мне надо знать. Wer(?)le: Les arpegio, Баха всего; Rondo все, 1 этюд Черни и еще один этюд, (помнишь, тот, который я еще разбирала).

Сегодня Иосиф купил масла, в 10 верстах от Малого Ярославца, не очень хорошее помоему оно смешано с салом, но слава Богу, что и такое нашли.

Напишу Юре передай ему письмо.

Целую крепко, крепко

Любящая Тебя

Твоя Маруся.

Пожалуйста передай письмо Юре на дом в другое место никуда ему не посылай.

Все тебе кланяются.

Соня Томара, Ирина Леля и Ма(?)я

Тебя крепко целуют».

(Очевидно, это 1918 г., Михайловское. Сохранены орфография и пунктуация; упоминается Юра, который, как видно из письма, живет отдельно от Маргариты Кирилловны.)

О Марии Михайловне, о встрече с ней заграницей, о ее матери и оставшейся в памяти жизни старой Москвы оставил воспоминания эмигрант поневоле Федор Степун в своей книге «Бывшее и несбывшееся»[59]:

«По-настоящему описать "канунную" Москву – значит написать историю русской культуры...

[...] Ближе познакомился я с философскою и литературною Москвою на заседаниях Религиозно-философского общества имени Владимира Соловьева в доме Маргариты Кирилловны Морозовой. Председательствовал обыкновенно по-гимназически остриженный бобриком, пунцоволицый, одутловатый Григорий Алексеевич Рачинский, милый, талантливый барин-говорун, широко, но по-дилетантски начитанный "знаток" богословских и философских вопросов.

[...] Вот крупный, громоздкий, простонароднобарственный князь Евгений Николаевич Трубецкой, уютный, медленный, с детскими глазами и мукой честной мысли на не слишком выразительном квадратном лице. Рядом с князем незаметный на первый взгляд Сергей Николаевич Булгаков, похожий, пока не засветилась в глазах мысль и не прорезалась скорбная складка на лбу, на земского врача или сельского учителя; несмотря на такую скромную внешность, выступления Булгакова отличаются самостоятельностью и глубиной ума.

[...] Особенно видною фигурою за зеленым столом являлся философский спутник Булгакова Бердяев.

[...] В президиум Религиозно-философского общества входил и рано умерший Владимир Францевич Эрн.

[...] В кресле, вблизи зеленого стола, а иногда и в первом ряду среди публики обыкновенно сидела хозяйка дома и издательница "Пути", княгиня Елагина 20-го века, Маргарита Кирилловна Морозова. Не могу сказать, чтобы я очень близко знал Маргариту Кирилловну, и все же память о ней с годами все крепнет в душе. Может быть, потому, что, вспоминая свое последнее перед высылкой из России посещение этой замечательной женщины, не пожелавшей эмигрировать, я невольно чувствую, что в советской Москве пока еще жива и моя Москва.

Несколько лет тому назад я, не подозревая, что младшая дочь Маргариты Кирилловны живет с мужем в Берлине, заметил ее в числе своих слушателей на докладе о театрах Москвы. На следующий же день я зашел к

ней. На стене просторной комнаты – портрет работы Тропинина. На концертном рояле – пастернаковский набросок дирижирующего Никиша, за спиной дирижера колонны и антресоли Благородного собрания, нынешнего Дома Советов. Рядом с ним фотография Скрябина (хорошо знакомое по эстраде тонкое нервное лицо) и еще несколько своих московских вещей – сиротствующих в Берлине мигов прошлого.

Пьем чай, разговариваем обо всем сразу: Мария Михайловна, лицом и манерами очень напоминающая мать, говорит больше вздохами, восклицаниями, отрывочными вопросительными фразами, радостными кивками головы: "Ну, конечно... Мы с вами знаем..." Вспоминаем нашу Москву. В Марии Михайловне, слава Богу, нет и тени злостной эмигрантщины. Она и в советской Москве чувствует хоть и грешную, но все же вечную Россию. После чая она садится за рояль и долго играет Скрябина, Медтнера, Калинникова. В моей душе поднимается мучительная тоска. Странно, тоска – голод, а все же она насыщает душу.

В Москве шли споры о серьезности духовных исканий Маргариты Кирилловны, о ее уме и о том, понимает ли она сложные прения за своим зеленым столом. Допускаю, что она не все понимала (без специальной философской подготовки и умнейшему человеку нельзя было понять доклада Яковенко "Об имманентном трансцендентизме, трансцендентном имманентизме и дуализме вообще"), но уверен, что она понимала всех.

Издательница славянофильски-православного "Пути", она с сочувственным вниманием относилась и к нам, "логосовцам".

[...] Не знаю в точности, но думаю, что Маргарита Кирилловна, многое объединяя в себе, не раз мирила друг с другом и личных и идейных врагов.

[...] Морозовский особняк в Мертвом переулке, строгий и простой, перестроенный талантливым Желтовским, считавшим последним великим арихитектором Палладио, был по своему внутреннему убранству редким образцом хорошего вкуса. Мягкие тона мебельной обивки, карельская береза гостиной, продолговатая столовая, по-музейному завешанная старинными

иконами, несколько полотен Врубеля и ряд других картин известных русских и иностранных мастеров, прекрасная бронза "empire", изобилие цветов – все это сообщало вечерам, на которые собиралось иной раз до ста человек, совершенно особую атмосферу красоты, духовности, тишины и того благополучия, которое невольно заставляло забывать революционную угрозу 1905 года (март-июль 1940 г.)».

В своих воспоминаниях Татьяна Романовна Левицкая-Морозова, вторая жена М.М. Морозова, упоминала, что Маргарита Кирилловна до последних дней переписывалась со своей дочерью Марусей[60].

Дети Михаила Абрамовича и Маргариты Кирилловны были хорошо обеспечены, и, если бы не революция, сыновья так и оставались бы миллионерами, а младшая дочь Мария была бы завидной невестой с прекрасным приданым.

«Общий счет личного капитала и ценных бумаг М.К. Морозовой и ее детей с 1906 г., 1910 г., 1912-1917 гг.[61]

В 1906 г. (на 1 января) личный капитал М.К. Морозовой составлял

832 245 руб. 56 коп.

Ценные бумаги и векселя, принадлежащие гг. наследникам Морозова М.А. за 1910 г.

1) Паи Товарищества Тверской мануфактуры Юрию Михайловичу 75 по 12 000 руб. – 900 000 руб.

Михаилу Михайловичу 75 по 12 000 руб. – 900 000 руб.

2) Паи Московского Купеческого банка Юрию Михайловичу 1 5000 руб.

Михаилу Михайловичу 1 5000 руб.

3) Паи Товарищества Киевского сахаро-рафинадного завода Елене Михайловне 1 1000 руб.

4) Паи Фабрично Торгового Товарищества Бр. Крестовниковых

Елене Михайловне 2 по 1500 руб. – 3000 руб.

Марии Михайловне 3 по 1500 руб. – 4500 руб.

5) Паи Товарищества Ситценабивной мануфактуры Э. Циндель

Елене Михайловне 10 по 2000 руб. – 20 000 руб.

Марии Михайловне 10 по 2000 руб. – 20 000 руб.

6) Паи Товарищества Новой бумагопрядильни Марии Михайловне 1 – 1000 руб.

7) Паи Московского Товарищества ссуды под залог движимых имуществ

Елене Михайловне 1 – 1000 руб.

Марии Михайловне 1 – 1000 руб.

8) Паи Товарищества Добровых и Набгольц

Маргарите Кирилловне 280 по 250 руб. – 70 000 руб.

9) Акции Волжско-Камского Коммерческого банка

Елене Михайловне прежних выпусков 161 по 250 руб. – 40 250 руб., выпуска 1903 г. 32 по 725 руб. – 23 200 руб.

Марии Михайловне прежних выпусков 160 по 250 руб. – 40 000 руб. выпуска 1903 г. 32 по 725 руб. – 23 200 руб.

10) Акции Московского Страхового Общества

Елене Михайловне 1 – 200 руб.

Марии Михайловне 1 – 200 руб.

11) Акции Северного Страхового Общества

Елене Михайловне 8 по 100 руб. – 800 руб.

Марии Михайловне 9 по 100 руб. – 900 руб.

12) Акции Харьковского Торгового банка

Маргарите Кирилловне 30 по 100 руб. – 3 000 руб.

13) Акции Московского Торгового банка

Елене Михайловне 58 по 200 руб. – 11 600 руб.

Марии Михайловне 57 по 200 руб. – 11 400 руб.

14) Акции Санкт-Петербургского Частного ломбарда

Елене Михайловне 1 – 125 руб.

Марии Михайловне 2 – 250 руб.

15) Акции Общества водоснабжения и газоосвещения

Маргарите Кирилловне 37 по 100 руб. – 3700 руб.

16) Акции Общества Механических заводов Бр. Бромлей

Маргарите Кирилловне куплены по 7.50 за 1/2 империал золотом 250 по 155 руб. – 38 875 руб., кредитными 58 312 руб. 50 коп.

17) Акции Общества Средних Торговых рядов

Маргарите Кирилловне 10 по 100 руб. – 1000 руб.

Елене Михайловне 11 по 100 руб. – 1100 руб.

Марии Михайловне 11 по 100 руб. – 1100 руб.

18) 5% билеты внутренних с выигрышами займа Маргарите Кирилловне 1 100 руб.

Юрию Михайловичу 1 100 руб.

Михаилу Михайловичу 1 100 руб.

Елене Михайловне 1 100 руб.

Марии Михайловне 2 200 руб.

19) Облигации Российского 4% Золотого займа выпуска 1893 г.

Елене Михайловне золотом 3 3125 руб., 2 625 руб. Кредитами, по 167 за 100 – 17 743 руб. 75 коп.

Марии Михайловне золотом 3 3125 руб., 2 625 руб. Кредитами, по 167 за 100 – 17 743 руб. 75 коп.

20) 5% облигации займа г. Москвы

Елене Михайловне 1 – 5000 руб.

Марии Михайловне 4по 500 руб. – 2000 руб.

21) 4 1/2% облигации займа г. Москвы

Елене Михайловне 2 по 100 руб. – 200 руб., 5 по 97 руб. – 485 руб.

Марии Михайловне 1 – 500 руб., 1 – 1000 руб., 2 по 977 руб. 50 коп. – 1955 руб., 2 по 97 руб. – 194 руб., 6 – 3 649 руб.

22) 5-ть 1000-х паев Московского Общества Коммерческого кредита за погашением Р. 2305, 5 по 539 руб. 2695 руб.

Итого ценных бумаг, принадлежащих

Маргарите Кирилловне 189 207 руб. 50 коп.

Юрию Михайловичу 905 100 руб.

Михаилу Михайловичу 905 100 руб.

Елене Михайловне 125 803 руб. 75 коп.

Марии Михайловне 127 142 руб. 75 коп.

[Итого] 2 252 354 руб.

Векселя Товарищества Тверской мануфактуры

Маргариты Кирилловны 2 векселя ср. 11 июня 1910 г. 70 000 руб.

12 сентября 1910 г. 215 000 руб.

16 октября 1910 г. 100 000 руб.

17 декабря 1910 г. 150 000 руб.

Елены Михайловны 4 векселя ср. 10 мая 1914 г. 200 000 руб.

Марии Михайловны 4 векселя ср. 10 мая 1914 г. 200 000 руб.

[Итого] 935 000 руб.

В 1911 г. к общей сумме прибавились доходы:

на текущем счете в Московском купеческом банке 718 руб. 51 коп.

в долгах за Ушковым М.К. 116 477 руб.

в стоимости домов на Варварке 270 359 руб. 24 коп.,

в Лефортове 8 109 руб. и других доходов на сумму 3 792 411 руб. 34 коп.»

К 1 января 1913 г. общий капитал составлял уже 4 281 714 руб. 68 коп. После 1910 г. все дети Маргариты Кирилловны имели свои собственные счета, которые постоянно пополнялись. Сумма денег на счету самой Маргариты Кирилловны никогда не превышала одного миллиона рублей, вплоть до 1918 г., как и у дочерей, зато сыновья ее были миллионерами (к 1 января 1914 г. на счету Георгия Михайловича было 745 142 руб. 12 коп., Михаила Михайловича – 764 033 руб. 01 коп.). Общий счет к 1 января 1914 г. составлял 6 052 950 руб. 61 коп. На 1 января 1918 г. – 6 981 067 руб. 43 коп., капиталы на счетах сыновей перевалили за два с половиной миллиона.

«Опись картин, скульптуры и икон в доме М.К. Морозовой»

«В правление Первого Российского Страхового общества, учрежденного в 1827 году,

Объявление

Желая отдать на страх Общества свое домашнее движимое имущество, находящееся в строениях, принадлежащих мне и состоящих в Москве, Тверской части, 1 уч-ка по Знаменке и Мало-Знаменскому пер., прошу Правление принять оное к застрахованию… Дата – 2 сентября 1906 г.»[62] – зачеркнута и поверх карандашом – 26 августа 1910 или 1914 г. (возможно, дата возобновления или продления страхового договора).

В одном из строений владения находилась электростанция.[63]

В доме были картины Левитана, Сомова, Коровина, Васнецовых А. и В., Перова, Сурикова, Тропинина, Головина, Боткина, Нестерова, Маковского, Репина, Сверчкова, Крамского, Врубеля, Серова, Боровиковского, Бенуа, Галлена, Ролля, Манэ, Дюшена, Бенара, Штемберга, Коро, Ренуара и др. Всего 134 картины, эскиза, рисунка, миниатюры. Из скульптуры наиболее примечательны «Ева» Родена, «Император Александр I» Торвальдсена, 2 бюста Вольтера Руссо, 2 фарфоровых бюста – Император Николай I и Императрица Александра Феодоровна. Всего 10. 60 икон по 100 рублей, Георгий Победоносец, Царские врата, деревянные разные иконы, старые тканевые церковные вышивки, оплечье духовное, серебро – на 13 000 рублей.[64]

И рядом с этим – другой документ[65]:

«Извещение Народного Комиссариата по просвещению Морозовой, М.К. о передаче 10 картин и 1 скульптуры в ретьяковскую Галлерею.

Российская Республика

Рабочее и крестьянское правительство.

Народный комиссариат

По просвещению.

Отдел по дел. Муз. и охр.

пам. иск. и старины.

Августа 17 1918 г.

№ 548

Москва.

Гражданке Морозовой.

В виду состоявшейся реквизиции Вашего дома в Мертвом переулке, Отдел по делам Музеев и охране памятников искусства и старины просит Вас срочно сообщить, не встречается ли с Вашей стороны препятствий к немедленному перемещению в ТРЕТЬЯКОВСКУЮ ГАЛЛЕРЕЮ нижеследующих произведений искусства, имеющихся в этом доме, составляющих собственность Третьяковской Галлереи и находящихся в пожизненном Вашем пользовании, как это видно из имеющихся в Галлерее документов за Вашей подписью:

АЛЕКСАНДР БЕНУА В Версали

И. ЛЕВИТАН 4 этюда

К. КОРОВИН Мельница

ГАЛЛЕН Финляндский пейзаж

Г. МАКС Утро

ДИАЗ ДЕ ЛА ПЕНЬЯ Равнина

ПУАНТЕЛЕН Пейзаж

БУДЕН Пейзаж

РОДЕН Ева

Одновременно с этим Отдел по делам Музеев обращается к тов. Жолнеровичу с просьбой предоставить Вам в Вашем доме две комнаты для размещения в них оставшихся у Вас весьма ценных произведений русских и иностранных художников, а также особенно ценных и других предметов прикладного искусства.

Заведующий отделом Н. Троцкая

Секретарь...»

Далее от руки – «Получено для Третьяковской Галлереи десять картин и одна скульптура по настоящему списку за исключением одной картины Пуантелена находящейся в деревне».

Получил смотритель Третьяковской Галлереи
Н.А. Мудрогель.
1918. Август 22.»

Судя по воспоминаниям современников, все, кто знал Маргариту Кирилловну Морозову (1873-1958), с первых минут общения подпадали под ее обаяние, доброжелательность, необыкновенную женственность, которые та излучала, ценили ее тонкий ум и образованность. После смерти мужа она не замкнулась в себе, не выпала из общественной жизни, хотя смерть супруга перенесла тяжело. Морозова находилась в дружеских или деловых отношениях со многими интереснейшими людьми того времени. Частью она рассказывает о них в своих воспоминаниях. Частью о них можно узнать из архивных документов. Маргарита Кирилловна находилась в добрых отношениях с артисткой М. Ермоловой. Когда в 1907 году М.Н. Ермолова была вынуждена временно покинуть сцену Малого театра, Морозова обратилась к ней с письмом, в котором благодарила за просветительную силу ее искусства.

В ответ Ермолова писала 6 марта 1907 г.: «Меня бесконечно радует, что в Вас я нашла оценку чистого искусства, которому я служила всю свою жизнь»[66]. Друзьями и поклонниками Морозовой были поэт Андрей Белый (Б.Н. Бугаев) и врач В.Ф. Снегирев, философы В. Розанов и Евгений Николаевич Трубецкой, с которым Маргарита Кирилловна познакомилась на одном из философских вечеров. Глубокое и взаимное чувство к этому человеку Маргарита Кирилловна пронесла через всю жизнь, намного пережив любимого. Связать свою судьбу с ним она не могла, он был женат... Редкие встречи и множество писем – роман в письмах. Часть этой переписки была издана в 90-е гг. XX в. и названа фразой из письма Маргариты «Наша любовь нужна России...». Маргарита Кирилловна поддерживала близкого ей

человека в трудные для него моменты словом и делом. Она была пайщицей газеты «Московский Еженедельник»[67] (фактически финансировала ее, подобно свекрови Варваре Алексеевне, поддерживавшей «Русские Ведомости»), редактором которой был Е. Трубецкой. После недолгого существования «Еженедельника» М.К. Морозова в 1910 г. взамен ему организовала на свои средства издательство «Путь». (Оно просуществовало до 1919 г. ею же и руководимое, в доме № 11 по ул. Знаменка, специально арендованном Маргаритой Морозовой, и выпустило 45 книг, преимущественно посвященных вопросам русской религиозной философии.)

«Спрашивал Г. о "Пути" и Морозовой...

Удивительная по уму и вкусу женщина. Оказывается, не просто "бросает деньги", а одушевлена и во всем сама принимает участие. Это важнее, чем больницы, приюты, школы.

Загаженность литературы, ее оголтело-радикальный характер, ее кабак отрицания и проклятия – это в России такой ужас, не победив который нечего думать о школах, ни даже о лечении больных и кормлении голодных.

Душа погибает: что же тут тело.

И она взялась за душу.

Конечно, ее понесли бы на руках, покорми она из своего миллиона разных радикалистов.

Она это не сделала.

Теперь ее клянут. Но благословят в будущем.

Изданные уже теперь "Путем" книги гораздо превосходят содержательностью, интересом, ценностью "Сочинения Соловьева" (вышла деятельность из "Кружка Соловьева"). Между тем книги эти все и не появились бы, не будь издательницы. Так. обр., простое богатство, "нищая вещь перед Богом", в умных руках сотворила как-бы "второго философа и писателя в России, Соловьева".

Удивительно».[68]

Маргарита Кирилловна стала одной из основательниц и активных участниц Религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьева. Это общество объединяло русских мыслителей начала века: П.А. Флоренского, С.Л. Франка, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова и других представителей русской интеллигенции, стремившихся решить больные, мучительные вопросы века. Путь к их решению они видели в нравственном очищении личности, в обновлении ее религиозного сознания. В ее уютном особняке в Мертвом (Пречистенском) переулке, специально для нее построенном архитектором И. Жолтовским, проходили собрания общества памяти В. Соловьева. Этот дом был центром философской жизни Москвы вплоть до 1917 г. Нет такого русского философа, который не посетил бы эти собрания и этот дом. В некоторые дни здесь собиралось до 100 человек гостей. В президиуме восседал цвет русской философии: Булгаков и Бердяев, Эрн и Трубецкой... В этом доме затем был основан Музей-библиотека при Обществе памяти В. Соловьева, который содержала Маргарита Кирилловна[69]. Особняк был национализирован в 1918 г.

Как и Варвара Алексеевна, М.К. Морозова занималась благотворительностью.

В 1910 г. она продает особняк на Смоленском бульваре и переселяется в дом на бульваре Новинском. В 1914 г. переезжает в Мертвый переулок, а в доме на Новинском открывает госпиталь.

В ОР РГБ есть письмо следующего содержания[70]:

«*Общество защиты и сохранения*
в России памятников искусства
и старины

Милостивая Государыня
Маргарита Кирилловна.

Совет Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины, осведомившись от Б.Н. фон-Эдинга о любезно выраженном Вами желании пожертвовать в его распоряжение 300 р. для завершения поездки

его, по поручению Общества, на север России, постановил выразить Вам за это глубокую признательность, о чем, по поручению АВГУСТЕЙШЕГО Председателя Общества Великого Князя НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА, считаю долгом Вас уведомить.

Примите уверение в совершенном моем уважении.

Е. Волков

№ 44

2 июня 1916 г.

Ея Высокородию

М.К. Морозовой»

Маргарита Кирилловна находилась в теплых отношениях с семейством Скрябиных. Александру Николаевичу помогала материально на протяжении многих лет (уже после разрыва его с супругой). Сохранилась их переписка.[71] В одном из писем приводится даже расписка в получении денег[72]:

«Расписка

Я, нижеподписавшийся, свободный художник Александр Николаевич Скрябин получил от Маргариты Кирилловны Морозовой 3000 (три тысячи) рублей, которые обязуюсь уплатить в течение двух лет от сего дня.

7 февраля 1905 года.

Париж»

Ко времени возврата денег сумма долга увеличилась кратно, но Маргарита Кирилловна продолжала поддерживать материально талантливого композитора.[73] С его первой супругой, пианисткой Верой Ивановной Скрябиной, Маргарита Кирилловна на долгие годы сохранила теплые дружеские отношения, они старались помогать друг другу в тяжелых жизненных обстоятельствах.[74]

Также в фондах ОР РГБ сохранилась открытка, присланная Маргарите Кирилловне великой княгиней Елизаветой Феодоровной[75]:

«*Москва*

20 октября 1908

Дорогая Маргарита Кирилловна

Если Вы можете приехать в Воскресенье в 2 часа с Вашей дочерью я была бы очень рада вас видеть. Очень хочется устроить маленькие детские собрания. – Прилагаю записку, из которой Вы увидите в чем дело. В случае, если, Вы сразу не устроите своего маленького кружка, то его можно будет пополнить потом.

Ваша

Елисавета»

(Записки в деле, к сожалению, нет, но явно деятельность кружка должна была носить благотворительный характер.)

В 1909 г. Маргарита Кирилловна приобретает имение Михайловское в Калужской губернии. В 1911 г. там была открыта колония для мальчиков под руководством педагога С.Т. Шацкого, названная детской трудовой колонией «Бодрая жизнь». М.К. Морозова сотрудничала с С.Т. Шацким в московском обществе «Детский труд и отдых». С Шацким и его друзьями-энтузиастами в колонию приехали московские дети из Марьиной рощи, рабочей окраины. Это были дети из трудных рабочих семей, которые не имели средств для воспитания детей. Шацкий мечтал в колонии создать детям условия для достойной жизни, труда и отдыха. Колонисты обрабатывали землю, ухаживали за животными. Школа-колония действовала в Морозово (как стали называть Михайловское) до 1941 г. Возникшая после войны, в 1946 г., школа в Обнинске, на месте прежней колонии, по праву наследницы восстанавливает память о прекрасном педагоге С.Т. Шацком и его школе-колонии.[76]

В ОР РГБ[77] сохранился черновик письма в правление М.К.В. железной дороги от имени землевладелицы Морозовой М.К., где, в частности, было сказано: «…В целях выпрямления линии Киево-Вор. железной дороги близ разъезда № 15 на 9 версте от Москвы имеется в виду произвести отчуждение

участка земли из принадлежащего мне имения "Михайловское", находящееся вблизи означенного "разъезда".

Участок состоит из 36 десятин (отчуждаемых). Означенный участок был мною приобретен для сельскохозяйственной трудовой колонии, служащей летним лагерем пребывания 6(7?)5 детей, он совершенно необходим для колонии как единственно возможное пастбище скота, от которого получается молоко для детей, сенокос и место для посадки картофеля. При этих условиях отчуждения хотя бы незначительной полосы для железной дороги сделали бы невозможным самое существование в моем имении детской колонии, которая помимо затраченных на нее значительных средств, дорога мне в особенности в виду цели, которой она строится.

К сему я должна присовокупить, что несовместимым с существованием колонии было бы также устройство на земле ее полустанка, что повлекло бы за собой близость трактира и постоянное прохождение вблизи колонии множества пьяного и праздношатающегося люда...»

Неподалеку от Михайловского находилось село Белкино, в судьбе которого Маргарита Кирилловна приняла самое активное участие, возможно, не без благого примера перед глазами деятельности Варвары Алексеевны Морозовой, всю свою жизнь посвятившей делу образования простого народа. Сохранился Приговор крестьян[78] (1915 года), который интересен как исторический документ, свидетельствующий о жизни и мировоззрении крестьян одного из сел России. В нем, в частности, говорится: «На сельский сход в селе Белкине прибыли все домохозяева в числе 70 имеющих право голоса на сельском сходе в присутствии нашего сельского старосты Д.И. Филимонова, где в общем собрании имели суждение: в селе Белкине с 1912 года 14 Сентября существует С.Х. Общество с молочным при нем товариществом, членами которых состоят кроме Белкинских крестьян крестьяне окрестных деревень: Самсонова (58 душ м. п. [мужского пола]) в двух верстах от с. Белкина, Кабицыно (208 д. м. п.) в двух верстах, Кривское (180 д. м. п.) в трех в., Мишково (176 д. м. п.), в двух верстах. Всех членов

очень озабочивает вообще распространение сельскохозяйственных знаний среди крестьян. Все желают поднять свое хозяйство, но не знают как. Необходимо присоединить к названным Обществам Кредитное Т-во, Потребительное Общество; в этом случае крестьяне знали бы куда сбыть продукты своего хозяйства и могли бы не переплачивать лишнее за предметы необходимые для всякого крестьянина. В виду того, что село Белкино по положению своему является центром для окружающей местности, желательно бы было объединить все устроенные крестьянские общества в одном месте, для чего следовало бы иметь специальное здание, где помещались бы все учреждения и называть его "Крестьянским Народным Домом". Крестьяне желают устраивать для своей пользы сельскохозяйственные чтения, выставки и библиотеку, где были бы налицо для крестьян полезные книги. Такими средствами можно было бы сильно подвинуть вперед улучшение крестьянского хозяйства. Кроме того существующая при селе Белкине "Церковно-Приходская Школа" однокомплектная, не может вместить всех желающих учиться. К грамоте стремление большое, а нет возможности принять всех кто хочет. По окончании оной школы наши дети от 11 до 15 лет ничего не делают, ибо не обладают необходимой подготовкой.

Крестьяне считают необходимым устроить школу крестьянского хозяйства, чтобы дети – мальчики и девочки, интересовались бы своим домом, хозяйством, скотом; огородом, полями; в этой школе надо обучать всему, что нужно для крестьянина, чтобы можно было и постройку начинить и сапоги сшить и сбрую поправить и за скотом ходить и знать огородничество и полеводство и не забыть грамоты, приобретенной в школе. Такие дети, выросши, могли бы поддерживать свой дом или вести с охотой свое хозяйство...» После схода крестьяне обратились к М.К. Морозовой с просьбой приложить старания для проведения в жизнь задач, поставленных Белкинским Сельскохозяйственным Обществом. Благодаря деятельности и частично материальной помощи Маргариты Кирилловны в Белкино появился

Народный Дом, открытие которого состоялось в сентябре 1916 г., при нем работала чайная. В докладе Очередному Земскому Собранию Белкинское Сельскохозяйственное Общество сообщает, что при с. Белкино «имеются следующие учреждения: 1. Сельскохозяйственное Общество, 2. Народный Дом, 3. Общество Потребителей, 4. Молочное Товарищество, 5. Опорно-случный пункт, 6. Прокатный пункт сельхозмашин и орудий, 7. Агроном, который содержится на личные средства Сельскохозяйственного Общества и наконец в проекте имеются кредитное товарищество и сельскохозяйственная школа, средства на постройку и содержание которой уже имеются от Департамента Земледелия и Почетного члена М.К. Морозовой. Педагогический персонал также намечен Обществом «Детский труд и отдых», имеющим 10-летний опыт по детскому воспитанию и образованию и находящимся при с. Белкине. Текущим летом этим обществом были произведены опыты по дошкольному воспитанию с крестьянскими детьми с. Самсоново. Постройка школы задерживается исключительно условиями военного времени…»

Далее из материалов ОР РГБ[79]: Из правления Белкинского общества потребителей Калужской губернии, Боровского уезда от 12 декабря 1917 г. М.К. Морозовой было отправлено письмо за подписями Председателя, Казначея и секретаря, с просьбами: 1) для Белкинской школы второго комплекта найти учителя для организации хора с возможностью устраивать в Народном Доме спектакли и литературные вечера; 2) в начале наступающего 1918 года при Народном Доме будет спектакль и елка для учеников. Однако, ввиду тяжелого для дома периода нет возможности приобрести занавес. «Правление в силу необходимости обращается к Вам, Маргарита Кирилловна, зная Вашу отзывчивость к благому начинанию, с покорнейшей просьбой: пожертвуйте нам занавес для сцены! О дне, устраиваемого нами детского праздника, Вас известим, на каковой покорнейше просим пожаловать». К сожалению, в указанном фонде нет сведений о судьбе Народного Дома в послереволюционное время.

В ОР РГБ хранится и такой документ[80]:

«Издательство преподавателей
Московского Университета
Мая 27 дня 1918

Удостоверение

Дано сие удостоверение гражданке Маргарите Кирилловне Морозовой в том, что она состоит помощницей Заведующего книжным складом "Издательства преподавателей Московского Университета".

Уполномоченный Издательства:
приват-доцент Московского Университета
Николай Арсеньев
За Секретаря: И. Якобсол»

Возможно, эта должность была попыткой вписаться в новые реалии и как-то прокормить себя и дочь Марусю, которой едва исполнилось 14 лет.

Маргарита Кирилловна прожила долгую жизнь. Последние годы ютилась в крошечной квартирке вместе с любимой сестрой Еленой Кирилловной (Востряковой). После ее смерти так и не смогла оправиться. О последних днях этой прекрасной, одаренной, глубоко веровавшей, много пережившей и не роптавшей на судьбу женщины написала Татьяна Романовна Левицкая-Морозова (вторая жена ее сына Михаила) в 1958 г.: «С той минуты, как я вышла замуж за Михаила Михайловича Морозова в 1928 г., между моей свекровью, Маргаритой Кирилловной Морозовой и мной установились самые дружеские отношения. Мы горячо полюбили друг друга и стали настоящими друзьями. Так продолжалось всю жизнь, вплоть до кончины Маргариты Кирилловны...[81]

[…] В среду 1-го октября в 5 ч. вечера у Маргариты Кирилловны сделалось кровоизлияние в мозг, а в пятницу 3-го в 8 ч. утра, не приходя в сознание, Маргарита Кирилловна скончалась»[82].

Иван Абрамович Морозов

Иван Абрамович Морозов (1871-1921) – средний сын от брака Варвары Алексеевны с Абрамом Абрамовичем.

Выпись из метрической книги Московской единоверческой Троицкой-Введенской церкви у Салтыкова моста церкви за 1871 г. под № 26[83]:

«Иоанн Родители его Потомственный Почет. Гражданин Абрам Абрамов Морозов и законная жена его Варвара Алексеевна, оба православ. исповед. Восприемники Потом. Почет. Гражд. Мануфактур-советник и Кав. Алексей Ив. Хлудов и купчиха Пелагея Яковлева Чернышева. Протоиерей Березин. Д. Скворцов. П. Смирнов. Родился 27 ноября, крещен 2 декабря».

«Иван Абрамович был дельным человеком, серьезно занимался своим делом, не жалея сил. В 1892-1900 гг. он являлся директором-распорядителем Тверской мануфактуры, одним из владельцев красильных и ситценабивных фабрик. Благодаря упорству и предприимчивости И.А. Морозова капитал семейного предприятия в 1904–1916 г. вырос в три раза. Значительная прибыль была получена в годы Первой мировой войны, за счет выполнения заказов на изготовление хлопчатобумажной ткани, холста и сукна для русской армии. Помимо участия в деятельности семейной фирмы И. Морозов являлся председателем правления Мугреевско-Спировского лесопромышленного товарищества, членом-учредителем Российского акционерного общества "Коксобензол" и Московского банка».[84]

«…Иван Абрамович казался своей матери наиболее подходящим для роли хозяина и работника в деле. И действительно, он был просто рожден для этого. Он окончил реальное училище в Москве и затем был отправлен в Швейцарию, в Цюрих, где кончил университет по химии. Это был человек положительный, деловой, который искренне любил свое дело, отдавал ему свою жизнь. По своим взглядам он был убежденным консерватором. Человеком он был сдержанным, способным подчинить свои личные страсти, если это было нужно, для его основной цели – для того, чтобы стать руководителем дела. Он был также способен к живописи и учился ей, как и

мой муж. Впоследствии он стал также коллекционером картин и смотрел на это как на отдых от своей деловой и очень однообразной жизни. Его коллекция очень разрослась, и из нее образовался в более позднее время музей Западной живописи в его бывшем доме на Пречистенке».[85]

Занимался Морозов и благотворительной деятельностью. Так, в сохранившемся в ЦИАМ «Счете И.А. Морозова за 1911-1912 и 1912-1913 гг.» записано за 1911 г.: «Выдано пособий разным лицам на сумму в 40 руб.»[86]. Далее перечислены пособия на учение разным учебным заведениям в 1911 г.:

«в мужскую гимназию 160 руб.

Мариинскую женскую гимназию 365 руб.

Иллюминарскую женскую гимназию 250 руб.

Римско-Корсаковскую женскую гимназию 70 руб.

Коммерческое женское училище 285 руб.

Реальное училище 265 руб.

Частное реальное училище 60 руб.

Земскую школу Максимово 37 руб. 50 коп.

Епархиальное женское училище 40 руб.

на Фельдшерские курсы 75 руб.

в Училище глухонемых 50 руб.

на Акушерские курсы 40 руб.»[87]

«по училищам (1911 г.):

Бессаулковскому 270 руб. 13 коп. Заречскому 252 руб. 02 коп.

Манухинскому 7 руб 50 коп.

Семеновскому 53 руб. 87 коп.

Заборовскому 212 руб. 37 коп.

Семищенскому 15 руб. 60 коп».[88]

На училища в 1912 г. Иваном Абрамовичем было потрачено 3232 руб. 25 коп.;[89] на гимназии и курсы в 1913 г. – 1365 руб.[90], а на училища 1746 руб. 69 коп. В 1911-1912 гг. плата за 6 стипендиатов в Тверском низшем

техническом училище составила 600 руб.[91], равно как и в 1912-1913 гг.; в ноябре 1912 г. содержание больницы (не обозначено какой) обошлось в 16 426 руб. 29 коп. В феврале 1913 г. на организацию Красного Креста на Балканах было выделено 500 руб. В 1913 г. в тверское Общество поощрения коннозаводства на приз имени Ивана Абрамовича было направлено 600 руб.

В «Счете И.А. Морозова с товариществом Тверской мануфактуры 1915-1916 и 1916-1917 гг.»[92] есть записи под 1915 г.: «За выданное пособие на обучение детей служащих и рабочих – 1845 руб.» (март). «Кассою Тверскому Городскому Общественному Управлению пожертвовано в его полное распоряжение на дела благотворения и помощи больным и раненым воинам и их семьям, переведено через Государственный Банк на текущий счет Тверской Городской Управы в Тверском Отделении того же банка 50 000 руб.» (апрель). «Московскому Армянскому Комитету в пользу пострадавших от войны через Товарищество Братья Тарасовы 2000 руб.» (май). 1916 г. – «Благотворительному отряду им. В.А. Морозовой 750 руб.»; «Отряду Красного Креста им. В.А. Морозовой 3500 руб.»; «Посылка подарков воинам на передовые позиции к Пасхе 500 руб.»; «Отряду Красного Креста им. В.А. Морозовой 1000 руб.» (март). Апрель «В Тверское низшее техническое училище на 6 пенсионеров 600 руб.» (апрель). В 1916 г., в мае и июне, Передовому отряду им. В.А. Морозовой было переведено по 10 000 руб., в марте 1917 г. Морозов потратил на оказание помощи бедным жителям Затьмацкой части (Твери) 500 руб. В январе 1916 г. счет по 4 училищам составил 1708 руб. 63 коп.[93], в марте 1917 г. – 4190 руб. 77 коп.[94] И в той же книге запись (под мартом 1915 г.): «Кассою Вам лично на покупку двух статуй у С.Т. Коненкова 8000 руб.»[95]

Братья Иван и Михаил Абрамовичи были практически единственными из многочисленного морозовского клана, кто собирал произведения изобразительного искусства (не считая Алексея Викуловича и Сергея Тимофеевича Морозовых).

Из воспоминаний Б.Н. Терновца, ставшего хранителем Морозовской галереи в 1919 г.[96]:

«I. В Музее нового западного искусства. 1921—1933. Статьи»

«История собрания

Из книги «Музей Нового Западного Искусства в Москве (Морозовское отделение)»

Соперница Щукинского собрания — Морозовская галерея возникает в первом десятилетии 20 века и с чудесной быстротой развертывается в одно из самых значительных и полноценных собраний современного искусства. Еще перед 1900-м годом посетил И.А. Морозов впервые Щукинское собрание; оно уже включало в себя произведения Дега, Клода Моне и Ренуара, а внизу, в темноватых комнатах висели два Гогена; однако не столько влияние С.И. Щукина, этого первого энтузиаста французского искусства, сколько пример старшего брата, Михаила Абрамовича Морозова оказался решающим фактором в направлении деятельности нашего коллекционера.

Оба брата рисовали с ранних лет, сперва под руководством известного в то время преподавателя И.А. Мартынова, потом — совсем юного Константина Коровина, сохранившего с ними до конца дружеские отношения. Лето отдавалось этюдам с натуры; в конце 80-х годов в имении Морозовых живет художник Е.М. Хруслов; с ним вместе Иван Абрамович совершает поездку на Волгу и на Кавказ и пишет многочисленные этюды. Это раннее общение с природой зарождает в Иване Абрамовиче ту исключительную любовь и понимание пейзажной живописи, которые так определенно скажутся впоследствии на составе его собрания.

Высшее образование Иван Абрамович получил в Цюрихском политехникуме; в течение первых лет учения он в свободные часы с увлечением пишет с натуры, систематически занимается рисунком со студентами архитектурного отделения; только с переходом на старшие курсы занятия искусством прекращаются; им не суждено будет возобновиться; но

любовь к живописи и понимание ее проблем — результат личного опыта этих юношеских лет, сохранят непреходящее значение, явятся основой вкуса и уверенности в выборе коллекционера.

В первые годы после окончания Цюрихского политехникума И.А. Морозову пришлось жить в Твери (в 1892— 1900); в Москве Иван Абрамович бывает лишь наездами, всякий раз посещая старшего брата, Михаила Абрамовича; в особняке последнего начиная с 1893—94 гг. собирается оживленный кружок художников, постоянными членами которого были Коровин, Врубель, Серов. К этим годам относится начало собирательства старшего брата; Михаил Абрамович не переставал интересоваться искусством, и частые поездки за границу позволяли ему следить за художественным развитием современности; в то время на его вкусы сильное влияние оказывал Мутер.

Первыми приобретениями Михаила Абрамовича были купленные в 1897 [году] «Интимная феерия» Бенара и полотно Вебера «Борьба женщин». Вкусы Михаила Абрамовича быстро эволюционируют «влево»; первые покупки возвращаются большею частью в Париж, и их место занимают блестящие представители импрессионизма: Э. Мане, Ренуар, Дега, Клод Моне; особенно характерно для смелости и проницательности Михаила Абрамовича приобретение Гогена и Ван Гога, художников тогда еще совсем не оцененных.

Пылкое собирательство старшего брата увлекает Ивана Абрамовича, и он по переезде в 1900 году в Москву также начинает коллекционировать, сперва русских художников. [«[…] Наступление мировой войны помешало Морозову продолжать собирательство, но и то, что было им сделано, составляет ценнейший вклад в сокровищницу музейных коллекций. Один эскиз декорации к "Ледяному дому" был приобретен М.К. Морозовой, другой остался в Большом театре… один из эскизов к "Руслану и Людмиле" попал в собрание И.А. Морозова, а эскизы к пьесам Ибсена распределились между собраниями Морозова и Бахрушина. Первой покупкой И.А. Морозова была

картина Левитана. Позднее он приобрел ряд вещей Коровина, в 1903-1904 гг. – ряд моих эскизов к драмам Ибсена и автопортрет, в дальнейшем – эскизы декораций к парижской постановке Б. Годунова, несколько "Испанок", ряд пейзажей и эскизы декораций к "Орфею и Эвридике".

Умер И.А. Морозов в 1921 г. по дороге в Карлсбад».[97]]

В 1903 году Иван Абрамович приобретает у Дюран-Рюэля пейзаж Сислея «Мороз в Лувесьенне»; этой покупкой он кладет первый камень своей самостоятельной коллекции.

В 1903 году жизнь Михаила Абрамовича неожиданно обрывается; под влиянием его кончины у Ивана Абрамовича формируется решение продолжать начатое братом собирательство французской живописи. С этого года начинаются ежегодные поездки в Париж для систематического ознакомления с выставками; рамки приобретательства расширяются, И.А. Морозов как бы ведет дальше любимое дело брата, связь и преемственность обеих коллекций он всегда живо чувствовал и любил на нее указывать.

Первые годы, не имея значительных свободных средств, Иван Абрамович был несколько стеснен в покупках. Приобретения этих лет указывают на его еще колеблющиеся вкусы; нередко Иван Абрамович прибегает к советам близких ему художников — Коровина, Серова и в особенности С.А. Виноградова; вместе с последним приобретает он у Воллара «Пашню» Писсарро, несколько полотен Сислея, Герена и на очередных весенних выставках [в Париже] произведения Маурера, Лампрера, Морриса. Среди нескольких десятков полотен, купленных в 1903—1906 гг., кроме уже упомянутых выше работ Сислея и Писсарро, хочется выделить «Портрет м-ль Самари» Ренуара, «В комнате» Вюйара и два маленьких пейзажа Боннара. Все остальное — произведения Пуантелена, Лиссака, Элле, О'Конора, Гиге, Минарца – принадлежит к наименее ценному из состава Морозовской коллекции; это произведения малохарактерные, безличные; впоследствии они незаметно стушуются перед первоклассными шедеврами собрания.

Энергичные закупки 1907—1908 гг. принесут плеяду имен, неразрывно связанных с нашим представлением о галерее. Вкусы И.А. Морозова приобретают устойчивость и определенность, перед ним выясняются задачи его собирательской деятельности, и она получает ту свободу и тот размах, которые так поражали современников. Начиная с этой эпохи, И.А. Морозов расходовал систематически чрезвычайно крупные суммы на пополнение любимой коллекции. Поток картин, направляющихся из Парижа в Москву в его коллекцию на Пречистенке, принимает фантастические размеры; можно утверждать, что в эти годы, пресеченные войной 1914 года, ни один из европейских собирателей нового искусства, ни один из западных музеев не обогащали своих коллекций с такой энергией и стремительностью.

В самом деле, среди покупок 1907 и 1908 гг. мы встречаем пять вещей Клода Моне, чудесные «Парижский бульвар», «Стог сена в Живерни», «Мост Ватерлоо в Лондоне» и «Уголок сада», приобретенные у Дюран-Рюэля; парный к последнему «Берег реки» был отыскан Морозовым у Воллара; покупаются полные свежести, чарующие теплотой и интимностью пейзажи Ренуара — «Купанье на Сене», «В саду»; «Хижины» Ван Гога, восемь полотен Гогена, сразу делающих Морозовское собрание неизбежным для изучения этого художника; впервые поступают в собрание четыре полотна Сезанна, впоследствии любимейшего собирателем мастера. В те же годы Морозов как бы «открывает» для себя Дерена, Фриеза и Вламинка, выделяя их, тогда еще неизвестных и начинающих, на выставках «Независимых» и Осеннего Салона. Тогда же начинаются покупки Матисса, Марке и Вальта, произведения которых вливаются впоследствии широкой струей в собрание. Еще в 1906 году, после покупки на выставке «Независимых» «Святого источника», Иван Абрамович знакомится с Морисом Дени. Он заказывает ему «Полифема» как парную композицию к приобретенной в мастерской художника картине «Вакх и Ариадна». В 1907 году задумана была совместно с Морисом Дени декорация большого концертного зала, придающего особый отпечаток морозовскому особняку; [«…Иван Абрамович, переехав из Твери,

приобретает в 1899 г. дом своего дяди Давыда Абрамовича на Пречистенке № 21, который Л.Н. Кекушев в 1904-1906 гг. перестраивает для размещения коллекций новой французской живописи, превратив особняк в образцовый музей своего времени».[98]] И.А. Морозов предоставил художнику [Дени]полную свободу в выборе сюжета и трактовке форм. Любопытное письмо Мориса Дени от 21 июля [1907 года] рисует его отношения с заказчиком. «Я уже размышлял по поводу сюжетов, которые мне хотелось бы выбрать для заказанных Вами декоративных панно.

Вы желаете, чтобы я взял эти сюжеты из мира классической мифологии. И вот история Психеи показалась мне идеально подходящей по своему идиллическому и полному тайны характеру; я скомпоновал пять сцен, совершенно отличающихся от рафаэлевых в «Фарнезине», но однако вполне согласных с рассказом Апулея. У меня впрочем нет смешного намерения хотя бы отдаленно подражать Рафаэлю, но я был бы счастлив сделать современное переложение этой старинной легенды, столь прекрасной и полной пластических образов.

Прежде чем работать дальше над моими эскизами, я хотел бы быть уверенным, что Вы предоставите мне полнейшую свободу и что Вы не имеете никаких возражений против сюжета — Истории Психеи...»

Эскизно набросав композиции будущих панно, художник отправляется в северную Италию; на фоне ее пейзажа хочет он развернуть серию своих декораций; в письме от 14 сентября 1907 года, отправленном с побережья Лаго-Маджоре, художник выражает сожаление, что ему не придется быть в Париже к моменту приезда туда И.А. Морозова.

[...] Художник работает быстро, осенью 1908 года все пять панно появляются на выставке Осеннего Салона. Отзывы прессы благосклонны, художественные журналы посвящают им отдельные статьи. К концу года панно пересылаются в Москву и прикрепляются к стенам зала. В январе 1909 года Морис Дени приезжает в Москву, изучает эффекты своей декорации на месте и находит необходимым слегка еще прописать, чтобы потушить

введением дополнительных тонов излишнюю резкость красок. Ему становится ясной недостаточная слитность исполненных им панно с архитектурой зала; он предлагает заполнить простенки и наддверные пространства новой серией добавочных панно; к концу года и эти панно закончены, присланы в Москву и прикреплены к стенам. Зал принимает свой современный вид [оформление не сохранилось].

[Интересно в этом смысле мнение князя Сергея Щербатова, высказанное им в воспоминаниях[99]: «Он [Морозов] обратил внимание на Мориса Дени по совету А.Н. Бенуа и в 1907 г. заказал ему оформление в своем особняке-галерее большого концертного зала. Для исполнения серии декоративных панно на тему "История Психеи" Дени специально ездил в Северную Италию, чтобы найти источник вдохновения в ее прекрасных пейзажах. В 1908 г. пять панно работы Дени экспонировались на выставке "Осеннего Салона", после него их привезли в Москву и укрепили на стенах концертного зала. В январе 1909 г. Морис Дени приехал в Москву и счел необходимым изменить колорит своих произведений, придав им более пастельную тональность. Однако это не спасло его от неудачи – панно явно дисгармонировали с архитектурным оформлением зала. Тогда художник решил написать серию дополнительных панно и разместить их в простенках и над дверями. Они были присланы в Москву и установлены в конце 1909 г. Но и это не исправило положения. А.Н. Бенуа, "спровоцировавший"эту историю, горячо раскаивался и обвинял Мориса Дени в банальности и безвкусии: «...до чего же мне стало неловко, когда собственник-заказчик торжественно ввел меня в только что украшенную картинами Дени галерею, посвященную истории Психеи, и я убедился что именно этого не следовало делать»...]

[...] Между тем Майоль успешно работает над статуями; этот медлительный мастер изменяет на этот раз своим привычкам, правда, "подстегивать" его в работе взялся его друг Морис Дени. Летом 1910 года

готовы в гипсе две первых статуи: "Помона" и "Флора". Среди художников они имеют большой успех. Как иллюстрация... письмо Серова:

«12 Juillet, Paris 1910

Многоуважаемый Иван Абрамович. Вчера видел две статуи Майоля, которые Вам сделаны. Очень хороши — но одна с фруктами великолепна — это настоящая скульптура и самобытная и совершенная. Готовый к услугам В. Серов».

Осенью «Помона» выставляется в Осеннем Салоне в гипсе, а через год обе статуи, отлитые в бронзе, доставляются в Москву; в 1912 году приходят и две остальные.

В 1911 году было выполнено тройное панно Боннара для главной лестницы здания, новый опыт монументальной декорации. Интимный и тонкий Боннар был одним из любимейших художников Ивана Абрамовича, и нам [уже] приходилось отмечать частые поступления его картин в галерею. К сожалению, Боннару не удалось побывать в Москве, он не имел возможности вчувствоваться в архитектурные данные, изучить условия пространства и эффекты освещения; лишь указанные ему размеры помещения и фотографии стен парадной лестницы руководили художником в его работе. Не удивительно, если решение, найденное художником, не кажется вполне удачным. Вскоре за новым, тройным панно последовал заказ двух больших боковых панно.

Среди новых шести полотен Сезанна, приобретенных в 1911—1912 гг. (все у Воллара), отметим совершенно исключительные по своей художественной ценности: «Берега Марны» из коллекции Пеллерен, «Портрет жены художника», «Персики и груши». Этот натюрморт сделался потом любимой картиной собирателя. Приобретениям Сезанна сопутствовала [покупка картин]: «Речка» Вламинка, «Лесная тропинка» Дерена, «Утро» и «Вечер» Боннара, пейзажи Марке и Руо и ранний натюрморт Матисса, писанный им в 1896 году в духе старых мастеров . Характерно письмо Матисса по поводу этого последнего: «Мсье, Я только что узнал, что Вы

приобрели у Бернхейма один из моих любимых, хотя и старых натюрмортов, но мне тяжело видеть, что он будет отправлен к Вам в столь вульгарной раме. Если у Вас есть намерение нарядить его в большем соответствии с его качествами, я предлагаю себя в Ваше распоряжение, чтобы найти старинную раму, ценой приблизительно от 100 до 150 франков, которая явится необходимым дополнением к картине [...]».

Давнишней мечтой Морозова было иметь пейзажи кисти Матисса; последний неоднократно давал обещания их выполнить; однако другие работы постоянно отвлекали художника. Письмо художника из Коллиура (19 сентября 1911) гласит: «Мсье, Я думаю о Ваших пейзажах с тех пор, как нахожусь в Коллиуре, и очень боюсь, что не смогу исполнить их этим летом. Скорее, думается мне, я буду работать над ними в Сицилии, где я собираюсь провести зиму. В Осеннем Салоне Вы увидите пейзаж, который Вам предназначался, но который остался в состоянии эскиза. — Сейчас я весь ушел в одну значительную декоративную работу... Будьте уверены, что я выполню их Вам в возможно скором времени, и прошу понять это в лучшем смысле [...]». Но и через год пейзажи не готовы; снова приходится художнику писать оправдательное письмо: «Issy, 92 Route de Clamart, 29 Septembre 1912 Мсье, Я в полном смущении, когда сообщаю Вам, что не мог выполнить Ваших двух пейзажей и что они, следовательно, не появятся в Осеннем Салоне, как я Вам писал, но что я завтра уезжаю в Марокко, где рассчитываю их написать [...]».

Восток дал обильную жатву художнику... Там же, наконец, создадутся и работы, которые смогут отчасти заменить собою давно обещанные Морозову пейзажи. Предоставляем снова слово Матиссу: «...19 avril 1913 Мсье, Три картины, о которых идет речь, до сегодняшнего дня были выставлены у Бернхейма. Они имели большой успех и, мне кажется, Вы будете удовлетворены, хотя Вам и пришлось так долго ждать. Думаю также, что мадам Морозова будет ими довольна. Эти картины были скомпонованы, чтобы быть размещенными вместе и в определенном порядке, а именно: "Вид

из окна" должен быть помещен налево, "Вход в казба" – направо и "Терраса" – посредине, как это изображает прилагаемый набросок [...]»

[...] С каждым годом собирательство все глубже захватывало И.А. Морозова. Он отдавался ему со страстностью, которую трудно было ожидать в этом внешне флегматичном, грузном человеке; приезжая в Париж, Иван Абрамович не знает другого дела, как изучение выставок и просмотр запасов крупных магазинов. Нередко на долю Морозова выпадало счастье выудить в "тайных" кладовых Воллара скрываемый им до времени шедевр Сезанна или быстрым решением закрепить за собранием произведение, предназначавшееся для одной из лучших европейских галерей. В художественном мире Парижа Морозов был своим человеком; он ведет переписку с художниками и торговцами, следит за аукционами и рискует иногда заочными приобретениями; плодом такого риска была, между прочим, очаровательная «В саду» Ренуара.

Покупки первых лет производились обыкновенно на парижских выставках, и в более поздние годы нередки приобретения с выставок — «Независимых» или Осеннего Салона, – но все же самое значительное и ценное было приобретено у крупных торговцев: Дрюэ, Бернхеймов, Дюран-Рюэля, Канвейлера, Воллара. Особенно у последнего: этот гордый и скрытный торговец, обладавший превосходным вкусом и большим чутьем современности, сумел сосредоточить в своем собрании вещи исключительной ценности; почти все Сезанны и Гогены Морозовского собрания куплены через него, равно как и значительная доля картин Ренуара, Пикассо, Дега, Боннара, Вламинка и других.

[Среди московских коллекционеров наиболее близок Ивану Абрамовичу был Алексей Александрович Бахрушин. Сын Бахрушина, Юрий Алексеевич, так писал о Морозове: «Среди представителей московского капитализма у отца был только один близкий друг – Иван Абрамович Морозов… его исключительные знания и понимание в вопросах новой русской и в особенности западноевропейской живописи делали его

незаменимыми судьей и консультантом в области станкового творчества... Бывал он у нас и на званых обедах и запросто. Каждый раз он подолгу рассматривал картинную галерею отца, делал свои замечания, пускался в рассуждения... Отец и Иван Абрамович Морозов часто делали друг другу подарки картинами, менялись своими сокровищами. Морозов, помимо своей основной западноевропейской коллекции, собирал лично для себя полотна и русских художников, "мирискуссников", они-то и бывали обычно предметом мены с моим отцом. Главное, что сближало Морозова с отцом, было то, что оба смотрели на свои коммерческие дела лишь как на способ добывания денег для основной задачи их жизни – коллекционирования»[100].

На почве собирательства происходит сближение с С.И. Щукиным; постоянно встречаясь в Париже, оба коллекционера избегали конкуренции, предпочитая совместно, по-дружески осматривать вещи. При всей общности задач их вкусы и темперамент слишком явно расходились. С.И. Щукин был первым, начавшим коллекционировать в Москве новую французскую живопись. Теперь, когда ее признание стало историческим фактом, трудно представить себе ту силу непонимания, сопротивления и отрицания, которые встречало это искусство. Одаренный исключительной художественной чуткостью, Щукин далеко опередил не только вкусы общества, но вкусы и развитие большинства русских художников. В нем следует чтить одного из самых ярких борцов за торжество самодовлеющих живописных начал. Оттенок борьбы и страстности увлечений положил отпечаток на его собрание.

Другой характер носила деятельность И.А. Морозова. Слава пионера ему не принадлежала; в начале 90-х годов, когда он приступил к собирательству, искусство импрессионистов было уже широко признано. Чуждый страстности Щукина, вносящий всегда осторожность и строгость выбора, боящийся резкостей, всего неустановившегося и борющегося, Морозов предпочитал мирные поиски в россыпях волларовских амбаров скитальческому темпераменту Щукина, влекшему его к неведомым берегам.

В свое собирательство Морозов вносил ясный план, объективное строительство, спокойное нанизывание, точно на нитку жемчуга, одного шедевра за другим. Вот почему здание Морозовского собрания, быть может, более совершенно по своему музейному плану. И если существуют пробелы — они легко объяснимы; европейская катастрофа не дала завершить любимого дела.

Морозовское собрание не пользовалось в свое время популярностью Щукинской галереи. [Следует отметить, что оба коллекционера составляли свои собрания с целью принести их в дар городу. В этом смысле обоими были составлены в свое время завещания]; широко открытые двери последней превратили ее в своеобразную «академию нового искусства», в стенах которой воспитывались все буйные побеги молодой московской живописи. И.А. Морозов охранял свое собрание с недоверчивой и скупой любовью; до революции оно было доступно сравнительно немногим: художникам, иностранным гостям; большая публика имела о нем представление лишь по богато иллюстрированной статье С. Маковского в «Аполлоне».

Наступление революции изменило в корне это положение. Частная галерея превращена в государственный, правильно функционирующий музей (май 1919 года) [«…Первоначально Морозовское собрание было названо "II Музеем Новой Западной живописи". В начале 1923 года Щукинское и Морозовское собрания были организационно объединены в один "Государственный Музей Нового Западного Искусства", отделениями которого они и являются» – из комментариев Б. Терновца, помещенных в приводимой книге, с. 119.]

[...] Бережным и ревнивым было отношение И.А. Морозова к своему собранию. Его любовь была глубока и сосредоточенна; она была лишена тех черт живой общительности и экспансивности, которые были присущи характеру С.И. Щукина, жадно прислушивавшегося к восклицаниям восторга и недоумения, к шуму спорящих голосов и зачастую вступавшего в горячие дискуссии с посетителями. И.А. Морозов неохотно открывал двери своего

особняка [«…До Первой мировой войны собрание И.А. Морозова было размещено в обоих этажах здания, в верхнем – помещались преимущественно французские художники, нижний этаж был отдан русской части собрания. В первые годы революции все было снято и перенесено в несгораемую кладовую. Осенью 1918 года Морозов вновь начал развешивать картины. Все собрание он стремился поместить в верхнем этаже (нижняя часть была занята общежитием сотрудников Московского Военного округа)» – также из комментариев к своей книге Б. Терновца с. 122.]. Впервые его собрание стало доступным широкой публике в зиму 1918/19 года. Осенью был опубликован декрет Совнаркома о национализации ряда крупных московских собраний, и Музейный отдел [Наркомпроса] производил спешное их описание и регистрацию. Собрание формально еще не было преобразовано в музей, штата сотрудников не существовало, и по воскресеньям, в утренние часы, сам И.А. Морозов, при помощи родных и немногочисленной оставшейся прислуги, показывал собрание, давая иногда пояснения. Лишь незначительное число зал было открыто для обозрения, начиная с комнаты Коровина и кончая залом Матисса... остальные залы оставались в пользовании семьи коллекционера.

Из воспоминаний Татьяны Лебедевой, известной художницы (1918): «Нас встретил сам хозяин. Серов не случайно изобразил этого московского мецената на экзотическом фоне ослепительного матиссовского натюрморта, стремительный ритм которого и "дикие" сочетания красок еще ярче и выразительнее подчеркнули рыхловатые черты купецкого лица и неуклюжесть характерной бородки клинышком а ля рюсс... Драгоценные полотна, сплошь покрывавшие стены больших светлых зал, уже не принадлежали этому последнему представителю знаменитой династии, три поколения которой одевали в пестрые ситцы миллионы русских мужичков. Поеживаясь, потому что в залах было прохладно, прищурив близорукие глаза и вяло улыбнувшись... он заговорил... по-французски... мы прошли через коридор в столовую. Столовая довольно шикарная, потолок дубовой, вся... в

готическом стиле, огромный камин. Висят картины Гогена, Ван Гога, Пикассо. Через коридорчик мы прошли в довольно большую комнату, где висели Сезанн, Ренуар... Дальше зала с верхним светом с панно Мориса Дени. Зала эта бесподобна. ...После смотрели кабинет, там висят картины уже русских художников: Коровина, Головина, Серова. Коровина больше всего. Весь кабинет отделан до половины стены красным деревом...»[101]

В таком положении находилось собрание весной 1919 года, перед его превращением во II Музей Новой Западной Живописи. И.А. Морозов с семьей уехал за границу».

Из комментариев к книге Б. Терновца[102]: «Как известно, собрание Морозова [включало] свыше 500 №№ художественных произведений…» Морозовское собрание славилось совершенно исключительной коллекцией Коровина (75 [работ]), Головина (42), Левитана, Врубеля (23), Серова (8), Коненкова (6).

Выписки из дневника Терновца[103]: «Вторник, 8 апреля [1919]. Утром был дома и работал над характеристикой Морозовского собрания [...] Четверг, 10 апреля [1919]. ...Среди дня я в коллегии Наркомпроса получаю назначение на должность хранителя Морозовской галереи. Сообщаю об этом И.А. Морозову, назначенному помощником; он чрезвычайно обрадован [...]»

Воспоминания об Иване Абрамовиче художника Игоря Грабаря[104]:

«...Самыми крупными коллекционерами Москвы были Сергей Иванович Щукин и Иван Абрамович Морозов, но первый собирал исключительно произведения новейших французов, а второй, главным образом, французов, изредка лишь покупая русских. К 1913 году он их также уже не покупал более.

[…] Совсем иного типа собирателем был Морозов. Как все собиратели, как и Щукин, он начал скромно, покупая сначала "смирные" вещи и только постепенно переходя к более решительным новаторам. Сперва он покупал только русских, перейдя к французам довольно поздно.

Из русских он больше всего любил К. Коровина и Головина, которых собрал исчерпывающе. Французов он собирал, в противоположность Щукину, систематически, планомерно пополняя определявшиеся пробелы, поэтому его собрание не выпячивалось неожиданно в какую-нибудь сторону, как щукинское, но зато в нем не чувствовалось того страстного собирательского темперамента, как там. Оно не шумливо, как щукинское, не заставляет публику ни хохотать до упаду, ни негодовать, но те, кто любит и понимает искусство, наслаждаются одинаково тут и там. Которое из них лучше? Этого даже сказать нельзя. В обоих есть мировые шедевры. Но в щукинском их, пожалуй, больше. Морозовское собрание, в сравнении с тем, – собрание под сурдинку. И сам Иван Абрамович был человек тихий по сравнению с энергичным, громко говорящим и громко смеющимся Щукиным. Он ни в какой мере не был снобом и собирал под конец из глубокой внутренней потребности, без тени тщеславия, не для людей, а для себя. Он боялся только, как бы его не удалили из особняка, когда последний превратился в государственный музей, и был несказанно обрадован, когда состоялось назначение его заместителем директора музея.

Я просил Ивана Абрамовича войти в Совет Третьяковской галлереи. Он решительно отказался, ибо почестей не любил, а полезным себя для Галлереи не считал. Как я его ни уговаривал, убедить его не удалось».

«Исключительные знания в области теории и истории искусства… сделали И.А. Морозова незаменимым судьей и консультантом в области станковой живописи. …Уже 16 марта 1902 г. И.А. Морозов был избран членом руководящего комитета Московского общества любителей художеств. Увлечение поиском новых картин часто заставляло его выезжать за границу. Найти объективные критерии для открытия новых художников и оценки картин ему, несомненно, помогало знакомство с итальянским искусством эпохи ренессанса. [С конца XIX в. Иван Абрамович стал печататься в различных газетах с искусствоведческими статьями.]

Сборник статей И. Морозова "Об искусстве вообще и поэзии в частности", опубликованный в Петербурге в 1910 г., опровергал невежественные представления о России и русской культуре как "неоригинальной и подражательной"».[105]

В 1910 г. на фоне матиссовского натюрморта «Фрукты и бронза», собственности Морозова, Валентин Серов написал портрет Ивана Абрамовича (мастер был единственным из художников, создавшим его портрет). Об этом полотне и о принципах работы художника говорилось в статье А. Эфроса «Человек с поправкой. Памяти И.А. Морозова»[106]: «Серов был самым своевольным из русских портретистов. То, что он изображал на портрете, почти всегда бывало не таким, каким человек был на самом деле. Очень редко (для этого нужно было, чтобы в нем поднималась душевная растроганность) он мирился со своей моделью настолько, чтобы любовно изобразить ее с жизненной верностью; это случалось, преимущественно, когда он работал над портретами детей. Может быть, потому, что они – звереныши, он писал их с той же дружелюбной святостью, как своих лошадей и собак. Взрослого человека он любил тиранить и умел тиранить. Во внутреннем плане его можно назвать первым русским деформатором: он духовный отец нынешних мучителей наших, столь неистово сдвигающих нам черепа, скулы и носы во славу выразительной формы. За желание быть написанным Серовым человек платился тем, что получал себя в несвоем виде. Это был он – не он, на которого он обязан был походить, ибо ведь известно же, что Серов – портретист замечательный. Натянуто улыбающемуся заказчику, торопящемуся высказать сердитому мастеру восхищение своим-несвоим портретом, Серов, собственно, отвечал классическим афоризмом деформатора: "я очень рад, что вы так похожи на мой портрет!.." И у модели оставалась на всю жизнь задача, быть похожим на свой прославленный портрет. Серовский портрет И.А. Морозова так же тиранически обошелся с оригиналом: он слепил И.А. Морозова совсем из другого теста, нежели отпущенное ему природой... Серовский Морозов –

очень подтянутый и очень вылощенный европеец, с очень общим строем не то модного депутата, не то свежего банкира, интересующегося искусством и покупающего по указке нашептывателей вещи последнего крика, чтоб тут же спрятать их по кодексу доброго тона... Серовский "модный депутат", такой стройный и лощеный на портрете [...] – появлялся своей большой и рыхлотелой фигурой на выставках как–то по-своему, неожиданно, никогда не в дни вернисажей и сутолок, когда можно было видеть всю Москву. Он приходил в какой-нибудь будничний день, и, не спеша, один, начинал хождение по пустынным комнатам...» В отношении Морозова вряд ли это была упомянутая в статье тирания. Скорее, «глубина человекопонимания – то, о чем писал К. Коровин: "И, может быть, в нем [Серове] был не столько художник, как ни велик он был в своем искусстве, сколько искатель истины". Стремлением к высшей, "срывающей маски" правде продиктовано и знаменитое высказывание [Серова]: "Я... внимательно вглядевшись в человека, каждый раз увлекаюсь, пожалуй, даже вдохновляюсь, но не самим лицом индивидуума, которое часто бывает пошлым, а той характеристикой, которую из него можно сделать на холсте"»[107]. Спорным является и портрет супруги Морозова – Евдокии Сергеевны (1908)[108], – об этом полотне было так сказано одним из критиков: «...настоящий портрет, и прекрасный, но, право, никакая карикатура не могла бы, по-моему, быть злее»[109]. С мнением критика можно и не согласиться. Однако, несмотря ни на что, Серов был для Морозова непререкаемым авторитетом, которого он ценил как блестящего портретиста.

После смерти художника его друзья решили помочь осиротевшей и бедствовавшей семье. Среди них были Иван Абрамович и Маргарита Кирилловна. Письмо Остроухова С.Т. Морозову (конец ноября 1911 г. Москва)[110]:

«...Семья Серова не должна быть нищей и ее надо обеспечить, поскольку есть возможность. ...Чтобы не выносить нужды на площадь, мы решили собрать между собой капитал в 25-30 тысяч. Нас пятеро. Сейчас

собрано около 20 тыс. (по 5 тыс. вносят Мария Федоровна Якунчикова, Иван Абрамович Морозов и А.А. Карзинкин, одна из близких к покойному знакомых [М.К. Морозова] еще не определила суммы, но полагает, что она внесет не менее 5000, я – 3000)...»

Воспоминания Юрия Алексеевича Бахрушина, выдержка из которых была приведена ранее, ценны тем, что дают представление не только о самом Иване Абрамовиче, но и о его супруге, Евдокии Сергеевне и об истории их непростых отношений, т. е. приоткрывают завесу его личной жизни[111]:

«Среди представителей московского капитализма у отца был только один близкий друг – Иван Абрамович Морозов. Относиться равнодушно к этому толстому розовому сибариту было невозможно. Постоянное доброжелательство и добродушие пронизывало насквозь этого ленивого добряка… Будучи ребенком, я очень любил И.А. Морозова. Он никогда не делал мне каких-либо подарков, никогда не баловал меня, но в его манере разговаривать со мной было всегда нечто товарищеское, а не покровительственное, что я очень ценил. Бывал он у нас и на званых обедах и запросто. Каждый раз он подолгу рассматривал картинную галерею отца, делал свои замечания, пускался в рассуждения. Он был чрезвычайно доволен, что я занимаюсь живописью, и каждый раз интересовался моими успехами.

– Я ведь тоже занимался живописью, – вспомнил он, – когда я кончал университет в Гейдельберге, я каждую свободную минуту брал свой ящик с красками и отправлялся в горы на этюды. Это лучшие мои воспоминания. Но чтобы стать настоящим художником, надо очень, очень много работать, посвятить всю свою жизнь живописи. Иначе ничего не выйдет. Толк будет только тогда, когда на все в жизни будешь смотреть глазами художника, а это не всякому дано. Вот мне этого дано не было, и приходится мне восторгаться чужими работами, а самому не работать. В искусстве самое ужасное – посредственность. Бездарность лучше – она хоть не обманывает.

И вот Иван Абрамович регулярно ездил за границу и покупал в Париже для своего собрания полотна французских художников, конкурируя в этом отношении с другим москвичом С.И. Щукиным. В течение нескольких лет эти два москвича превратили свои два частных собрания в хранилища мирового значения. Когда пытливый турист в Париже выражал неудовольствие, что в галереях столицы мира так плохо представлены французские художники-импрессионисты, то получал смущенный ответ:

– Что вы хотите? Лучшие работы этих художников находятся в Москве у Щукина и Морозова. Мы принуждены даже направлять туда наших художников, желающих специализироваться на импрессионизме!

Отец и Иван Абрамович Морозов часто делали друг другу подарки картинами, менялись своими сокровищами. Морозов, помимо своей основной западноевропейской коллекции, собирал лично для себя полотна и русских художников, "мирискуссников", они-то и бывали обычно предметом мены с моим отцом. Главное, что сближало Морозова с отцом, было то, что оба смотрели на свои коммерческие дела лишь как на способ добывания денег для основной задачи их жизни – коллекционирования.

Морозов любил жизнь и умел жить. Его картины не превратили его в скупого рыцаря, он не отказывался ни от посещения театров, ни от поездок на курорт, ни от посещения своих знакомых, ни от появления в ресторанах. В этом отношении решающую роль в его жизни сыграл ресторан "Яр".

Однажды, будучи у "Яра", немолодой уже Морозов познакомился там с одной ресторанной хористочкой. Хорошенькая, бойкая девушка произвела неожиданное впечатление на бывалого злостного холостяка. Начался сперва легкий флирт, затем ухаживание, а потом и роман. Эта связь тщательно скрывалась Морозовым, но с каждым днем он чувствовал все острее значение молодой женщины в его жизни. Хотелось с кем-то поделиться, излить кому-нибудь свою душу. Выбор Морозова пал на отца, который, конечно, уже давно знал о долголетней связи своего приятеля – ведь шила в мешке не утаишь. Отец был представлен молодой женщине Евдокии

Сергеевне, или Досе, как ее звали у "Яра". Начались регулярные встречи, с каждым разом Дося все более и более нравилась отцу – она была скромна, не стремилась принимать участие в разговорах о предметах, в которых ничего не понимала, была весела и жизнерадостна, и в ней абсолютно отсутствовала какая-либо вульгарность. Отец поговорил с матерью, и они решили создать счастье И.А. Морозова. Мать также познакомилась с Досей, после получения одобрительного отзыва матери отец начал серьезные разговоры со своим приятелем, убеждая его наконец оформить свою связь и дать Досе свою фамилию. Морозов колебался не потому, что считал подобный поступок ниже собственного достоинства, а потому, что боялся поставить Досю в тяжелое положение, если вдруг общество откажется принять ее в свою среду и они превратятся в изгоев. Отец возражал и подтверждал свои слова доказательствами, указывая на Ивана Викуловича Морозова, женатого на балетной артистке Вороновой, на Михаила Сергеевича Карзинкина, избравшего себе подругу жизни в лице Ячменевой в том же балете, на Александра Сергеевича Карзинкина, мужа балерины Джури, – все они жили счастливо и остракизму не подвергались. Иван Абрамович, идя по тому же пути, выдвигал пример третьего Карзинкина, Сергея Сергеевича, имевшего долголетнюю неоформленную связь с балетной артисткой Некрасовой. Отец резонно парировал это замечание соображением, что у Сергея Сергеевича дело особенное – он отец многодетного семейства и его связь от живой жены. Тогда Иван Абрамович Морозов выдвигал свое последнее соображение, что, как-никак, между артисткой императорского балета и хористкой от "Яра" большая разница. На хористок от "Яра" с основанием принято смотреть как на милых, но погибших созданий. Против последнего соображения отец выпускал уже последнее средство – взгляд на это дело моей матери. Долго ли, коротко ли, но одним прекрасным днем Морозов капитулировал, и в маленькой московской церквушке, без излишнего шума, состоялась его свадьба, после чего молодые уехали за границу.

Половина дела была сделана, но только половина – оставалось еще самое сложное – "лансировать" [от фр. lancer – выпускать, вводить] Досю в свет. Эта процедура происходила в нашем доме на специальном званом обеде. Великосветская купеческая Москва встретила молодую Евдокию Сергеевну Морозову сдержанно, с явным недоверием, внимательно приглядываясь, как она ест, как разговаривает, как себя держит. Но молодая Морозова держала себя так просто, делала все так непринужденно, словно она всю жизнь только и вращалась в подобном обществе. К концу вечера наиболее податливые сердца уже смягчились и молодые получили несколько приглашений. Сражение было выиграно. А через несколько лет Евдокия Сергеевна стала уже полновластным членом московского большого света, и единственно, что осталось за ней на всю жизнь, это наименование Доси».

В ЦИАМ сохранилась дарственная, составленная Иваном Абрамовичем[112]:

«Проект дарственной записи

Тысяча девятьсот четырнадцатого года декабря 22 дня явились ко мне, Леониду Платоновичу Казакову, Московскому нотариусу, законноправоспособные на совершение актов, известные мне лично: Потомственный Почетный Гражданин Мануфактур-Советник Иван Абрамович и супруга его Евдокия Сергеевна Морозовы, живущие в Москве, по улице Пречистенке, в доме первого… с объявлением, что они, господа Морозовы совершают дарственную запись в следующем: я, Иван Абрамович Морозов, подарил без всяких условий супруге моей Евдокии Сергеевне Морозовой собственно мне принадлежащий благоприобретенный дом со всеми при нем строениями и землею, состоящий в Москве, Пречистенской части, первого участка, под № старым, сто девяносто третьим, а новым двести двадцать вторым, доставшийся мне от Елизаветы Павловны Морозовой по купчей, утвержденной Московским старшим Нотариусом двадцать первого мая тысяча восемьсот девяносто девятого года. (Граница – Мансуровский переулок, подле двора Александро-Мариинского училища, по

Пречистенке, подле двора Каретчикова). Земли под сим домом… квадратных восемьсот восемьдесят девять и три четверти сажен… Дар этот я, Евдокия Сергеевна Морозова, от супруга моего Ивана Абрамовича Морозова с признательностью принимаю. Цену даримому владению объявляем по совести в двести пятьдесят тысяч рублей…

Выпись выдать Ивану Абрамовичу Морозову».

Лишенный колоссального состояния, а главное, любимого детища – коллекции – Иван Абрамович, вместе с женой, покинул страну. Спустя два года, 22 июня 1921 года, он скоропостижно скончался в Карлсбаде.

«Морозов Иван Абрамович (1871 – 22 июля 1921, Карлсбад (сейчас Карлови-Вари), Чехословакия)

Мануфактур-советник. Жил в Москве: Пречистенка, 21, собственный дом. Выборный Московского биржевого общества. Директор товарищества Тверской мануфактуры. Благотворитель. В юности учился у художников Мартынова, Хруслова и К. Коровина. Рисовал этюды. После окончания Цюрихского политехникума жил в Твери, где был членом правления, затем директором-распорядителем товарищества Тверской мануфактуры. Коллекционер русской и западноевропейской живописи (импрессионисты). 9-й день кончины отмечался 30 июля 1921 г. Последние новости. – Париж. 1921. 27 июля. № 391. Руль. – Берлин. 28 июля. № 210.»[113]

«Второй сын Варвары Алексеевны, Иван Абрамович, был дельным человеком; он пережил всех своих братьев от первого брака матери, серьезно занимался своим делом, не жалея своих сил. Иван Абрамович принадлежал к разряду людей, сильно падающих духом при нарушении правильного хода их жизни какими-нибудь серьезными случайными обстоятельствами. Мне пришлось быть у него во время первых дней первой революции, и меня поразило изменившееся его лицо с глазами, полными отчаяния, с выступившим потом на лбу, и он с потерею всякой надежды твердил: "Все пропало, все пропало, и мы все погибли!" – без малейшего желания

применить свою энергию, свои деньги к спасению хотя бы отчасти своего положения.

Иван Абрамович уже во время революции покинул Россию, поселился в Берлине, где в гостинице во время приема ванны лишил себя жизни, перерезав на руке вену».[114] Воспоминания каждого человека субъективны…

В 1923 г. в Морозовский особняк было перевезено собрание С.И. Щукина. Получившийся Государственный музей нового западного искусства просуществовал до 1948 г., по ликвидации его коллекции разделили между собой ГМИИ им. А.С. Пушкина и Государственный Эрмитаж, а на Пречистенке разместился переехавший из Ленинграда президиум Академии художеств.

Арсений Абрамович Морозов

Арсений Абрамович (1873-1908) был младшим сыном Варвары Алексеевны и Абрама Абрамовича Морозовых.

Выпись из метрической книги Московской единоверческой Троицкой церкви за 1873 г. под № 2:

«Мужской пол. 13 февраля 1873 года родился Арсений. Родители православного вероисповедания. Восприемники при крещении (17 февраля) – Потомственный Почетный Гражданин Коммерции советник и кавалер Алексей Иванович Хлудов и московская купчиха вдова Пелагея Яковлевна Чернышова. Таинство крещения совершал благочинный протоиерей Иоанн Никитин Березин».[115]

В историю Москвы Арсений Морозов вошел не только благодаря своей короткой, однако заставлявшей говорить о ней, жизни, но и архитектурным сооружением, украшающим и поныне наш город (Воздвиженка, 16). Об истории его создания имеет смысл немного рассказать.

«С 17 до конца 19 в. участок (где ныне д. 14 и д. 16) представлял собой одно владение. В середине 17 в. на этих местах был двор «дядьки» – воспитателя, а затем и одного из приближенных царя Алексея Михайловича

– боярина Бориса Ивановича Морозова. С 18 в. и вплоть до 1935 г. улица называлась Воздвиженкой (по Крестовоздвиженскому монастырю). В первой половине 18 в. двор Б.И. Морозова перешел во владение обер-егермейстера Петра I С.К. Нарышкина. В середине двора стояли каменные обветшавшие палаты. Со второй половины века эти палаты становятся собственностью князей Долгоруковых. Во время пожара 1812 г. каменные и деревянные строения так пострадали, что земля стала числиться «пустопорожней». В 1869 г. участок, где впоследствии находился дом № 16, купил у обедневших князей Долгоруковых антрепренер Карл-Мариус Гинне. В 1870 г. на этом месте уже возвышалось здание конного цирка. Вплотную к тротуару примыкал пышный лепной фасад с надписью по фронтону “Circus Hinne”. Вестибюль переходил в круглый манеж с большим куполом, позади манежа стояли конюшни. В цирке обычно выступали итальянские гастролеры. Здесь же дебютировали и первые русские цирковые артисты-профессионалы. В книге «Моя жизнь в искусстве» К.С. Станиславский подробно описывает представления цирка Гинне, которые на него, подростка, произвели сильное впечатление. В этом цирке с 1890 г. устраивались также общедоступные симфонические концерты и спектакли – феерии театра «Скоморох». Однако в 1892 г. цирк сгорел из-за неосторожного обращения с газовым освещением. В.А. Морозова, купившая у Долгоруковых еще в 1882 г. участок, где дом № 14, и построившая здесь в 1891 г. по проекту архитектора Р.И. Клейна особняк, приобрела у разорившегося Гинне соседний участок со всеми сохранившимися постройками. В 1894 г. она подала в Московскую Городскую Управу следующее прошение: «Во владении моем… желаю все строения, заключающиеся в каменном цирке и службах, сломать. Наблюдение доверяю архитектору Виктору Александровичу Мазырину, которому доверяю подать сие прошение». После резолюции участкового архитектора разрешение было получено. Одновременно в управу был подан на утверждение проект особняка, намеченного к строительству на данном участке.

[…] Автор проекта, В.А. Мазырин, родился в 1859 г. в г. Алатыре, Симбирской губернии. Окончив в 1882 г. Московское училище живописи, ваяния и зодчества, он получил звание классного художника-архитектора, проектировал павильоны на всемирной выставке в Париже (1889), Среднеазиатской выставке в Москве (1891), находился в дружеских отношениях с А. Васнецовым, К. Коровиным, В. Серовым, Ф. Шаляпиным. Человек он был странный, мистически настроенный, увлекался спиритизмом, верил в переселение душ, с юных лет внушив себе, что душа его родилась в Египте. Дважды побывав там, Мазырин на всю жизнь увлекся Востоком. Вместе с Арсением Морозовым он посетил Испанию и Португалию, откуда привез множество рисунков и фотографий архитектурных сооружений. Специалисты свидетельствуют, что здание скопировано с замка «Касса де ля Конка» в испанском городе Саламанке».[116] «Архитектурный облик особняка вызвал всплеск эмоций у москвичей и даже у Л. Толстого в романе «Воскресенье». Негативная реакция на «Испанское подворье», как прозвали москвичи этот дом, не смутила хозяина, который провидчески сказал критиковавшим его братьям: "Мой дом вечно будет стоять, а с вашими картинами неизвестно что еще будет"».[117] Испанские замки обязательно украшались вьющимся виноградом. Но, так как виноград не выдержал бы здешнего климата, архитектор украсил одну из стен дома виноградом каменным (восточная ротонда здания). Далее можно обратиться к воспоминаниям Н.А. Варенцова: «Арсений Абрамович оставил по себе память в Москве постройкой красивого особняка на Воздвиженке... Особняк обращает на себя внимание красотой и солидностью, но некоторые его детали вызывают удивление: так, башни его перехвачены толстым жгутом и на стенах дома находятся раковины. Причина создания этих ненужных деталей, оказывается, была следующая: Арсений Абрамович, путешествуя по Португалии со своим архитектором Мазыриным, был поражен красотой замка, как бы прилепленного к скале на берегу Атлантического океана, издалека получалась полная иллюзия, что жгуты, перехваченные вокруг

башни и прикрепленные к скале, не дают ей упасть в океан, то же и раковины, как бы выброшенные океаном, прилипли к стенам замка, и вся архитектура этого замка поражала своей талантливостью.

Архитектор Мазырин, построивший дом Морозову, не сумел применить к стилю здания некоторую самобытность нашей природы, а потому жгуты и раковины невольно вызывают удивление от появления их на фасаде дома на Воздвиженке, улице ровной, без скал и моря».[118]

Продолжение статьи Ю.А. Федосюка: «По проекту архитектора на крыше здания вместо ажурной каменной балюстрады должны были быть сооружены декоративные башенки, скорее русского, нежели мавританского стиля. К левому краю здания предполагалось сделать двухэтажную пристройку, закрывавшую вид на двор с улицы. Для въезда во двор в пристройке делалась арка, а в основное здание переход должен был вести через второй этаж, над аркой. Однако все это осуществлено не было. В 1895 г. началось строительство здания. Через 4 года дом был готов. Изогнутый в плане дворовый флигель, предназначавшийся для прислуги, проектировался и строился одновременно с основным корпусом. Еще в 1897 г. В.А. Морозова переписала участок и дом на имя двадцатичетырехлетнего сына Арсения. Очевидно в том же году, после поездки Арсения Морозова по Испании, Португалии, проект был переработан и зданию был придан псевдомавританский стиль. Архитектору удалось разрешить сложную задачу, спроектировав особняк так, что он максимально освещается солнцем. Даже при неярких лучах башенки и ажурные верхушки дома как бы светятся, что усиливает «восточный колорит». Внутри дома только спальня хозяина была оформлена в мавританском стиле: украшена коврами, тахтами и другими атрибутами Востока. По воспоминаниям строителя Рижского вокзала Ю.Ф. Дидерихс, Морозов велел оформить все залы в разных стилях. Греческий зал расписан мифологией. В нем 2 апсиды – друг против друга – в них установлены статуи. Есть и арабский зал. Поскольку Арсений Абрамович был страстным охотником, по его желанию деревянную отделку дома,

особенно вестибюля, украшали сделанные также из дерева головы животных, например волков, кабанов. Отделки и оформление были поручены лучшим фирмам. Мебель изготовлялась на Пресненской фабрике Шмита, бронзовые изделия – мастерами Вишневскими, внутренние лепные работы – фирмой Гладковых, внешнюю отделку поручили итальянцам, братьям Аксерио».[119]

В 1908 г., когда А. Морозову было 35 лет, он поехал по делам Тверской мануфактуры в Тверь. Там у него собрались друзья. «Зашел разговор о силе воли. Хозяин, весьма уже нетрезвый, доказывал, что силой воли можно преодолеть любую боль. Гости не соглашались. В ходе разговора он незаметно удалился. Вскоре из кабинета раздался выстрел. Возвратившийся Морозов сказал, что нечаянно разрядил охотничье ружье. Заметно было, что он сильно побледнел. Видя недомогание хозяина, гости стали постепенно расходиться. По уходе гостей Морозов упал в обморок. Оказалось, что он прострелил себе ногу: рана была пустячной, но кровь накопилась в сапоге и произошло заражение, от которого Морозов через несколько часов скончался. Официальная версия гласила, что он умер от "гангрены ноги, развившейся на почве рожистого воспаления". После его смерти разыгрался скандал. Морозов был женат и имел дочь, но бросил семью без формального развода. Только суд заставил миллионера оказывать помощь 4-летней дочери. По вскрытии завещания оказалось, что все свое состояние – 4 млн. руб. – Морозов завещал некоей Коншиной. Ей же достался и особняк».[120]

О личной жизни Арсения Абрамовича довольно мало сведений. В молодости он женился на дочери известного архитектора Евдокии Николаевне (Вере Сергеевне?) Федоровой. Вот что пишет в своих воспоминаниях Н.А. Варенцов: «...она [жена] прожив с ним недолго, влюбилась в начальника сыскного отделения Лебедева и покинула Арсения Абрамовича. Через несколько лет Арсений Абрамович женился на другой, урожденной Окромчаделовой [вероятно, армянке], потом вышедшей замуж за Коншина-сына (компаньона П.М. Третьякова); не знаю, разошлась ли она

с Коншиным или он умер, но только брак с Морозовым состоялся. Про этот брак в московском обществе говорили много; так, мне пришлось слышать: Окромчаделов, брат будущей жены Морозова, приехав в ресторан "Эрмитаж", увидал сидящего Арсения Абрамовича, он подсел за его столик, и разговорились, откуда он узнал, что Арсений Абрамович после ужина направляется на вокзал, чтобы ехать к себе на фабрику. Как только Окромчаделов узнал об этом, он немедленно распростился с Морозовым, сказав, что у него имеется какое-то серьезное дело, и уехал. Арсений Абрамович, приехав на вокзал, к удивлению своему увидал опять Окромчаделова с дамой – жгучей брюнеткой, похожей на цыганку; Окромчаделов представил ее и сказал, что это его сестра, поставленная в ужасное положение тем, что она с этим поездом обязательно должна поехать в Петербург, но билеты на него все проданы, то он обращается с просьбой к Арсению Абрамовичу: не может ли он в своем купе посадить его сестру, так как, по всей вероятности, он до Твери, где его фабрика, навряд ли ляжет спать. Морозов, милый, мягкий и слабый характером, на это согласился, но вместо Твери он сошел со своей дамой на вокзале в Петербурге и потом на ней женился. Его жена оказалась полной авантюристкой, понятно, она своего мужа не любила и, как уверяли, употребляла все усилия споить своего слабого характером мужа, отчего он преждевременно скончался, оставив ей свое состояние».[121]

По другим сведениям (отличным от рассказа Варенцова, по семейным преданиям потомков Хлудовых) Арсений был женат, но бросил дочь и жену без формального развода. Только суд заставил его оказывать помощь малолетней дочери[32].

После смерти Арсения Абрамовича, по вскрытии завещания, оказалось, что все свое состояние он оставил Коншиной.

---

[32] «Мария (Ирина?) Арсеньевна Морозова (1904-?). Ее муж – английский дипломат К. Г. Гиля. Поженились в Китае в 1924 г.» (Лизунов В.С. Минувшее проходит предо мною… Орехово-Зуево, 1995. С. 67.)

«…Стоимость наследственного имущества по представленным описям определяется в 2 989 678 руб.»[122]

В том же деле сохранились:

«Материалы по жалобе Н.А. Коншиной о признании недействительным духовного завещания Морозова А.А.

Тверского окружного суда

Доношение

Согласно резолюции Московской Судебной Палаты по 2-му Гражданскому Департаменту от 26 января 1913 года Тверской Окружной Суд представляет при сем в Московскую Судебную Палату дело по иску Ивана Абрамовича и Маргариты Кирилловны Морозовых как опекунов над имуществом и личностью малолетнего Михаила Михайловича Морозова к жене Потомственного Почетного Гражданина Нине Александровне Коншиной о признании нотариального духовного завещания Арсения Абрамовича Морозова недействительным».[123]

Резолюция

1913 г. апреля 25 «Судебная Палата… рассмотрев дело по жалобе поверенного Нины Александровны Коншиной прис. пов. Новикова на определение Тверского Окружного Суда по делу о признании недействительным духовного завещания Арсения Абрамовича Морозова, – ПОСТАНОВИЛА: ввиду прекращения навсегда Тверским Окружным судом

28 февраля 1913 г. дела по настоящему иску, частную жалобу Нины Коншиной оставить без рассмотрения».[124]

В адресной книге за 1917 г. Коншина Нина Александровна указана по адресу Воздвиженка, д. 14/16, соб.[125].

Окончание статьи Федосюка Ю.А. «Из истории Москвы XIX века»:

«[…] После октября дом был захвачен на некоторое время анархистами. Но весной 1918 г. их выбили оттуда отряды ВЧК. Этот период описан Паустовским в одной из глав повести «Начало неведомого века». С

1918 г. в доме находились Московский клуб и театр Пролеткульта. [Концертный зал в особняке существовал еще при Арсении Абрамовиче. В зале был огромный балкон (хоры). Вся его верхняя часть до потолка – великолепная горельефная лепнина. В медальонах на потолке – картины. Пластика – музы искусств. Сцены не существовало. Артисты спускались к зрителям с хоров по канатам. Спектакли ставились В. Мейерхольдом и С. Эйзенштейном.] Этот дом посещали М. Фрунзе, М. Калинин, А. Луначарский. Бывали здесь известные советские писатели, артисты, музыканты, несколько раз здесь выступал на диспутах В. Маяковский, приходил сюда Есенин, даже месяц или два жил в комнате, где сейчас радиоаппаратная.

В 1928 г. здесь разместилась резиденция японского посла. В начале Великой Отечественной войны здание было предоставлено в распоряжение посольства Великобритании: в нем помещалась редакция газеты «Британский союзник». Затем, по 1952 г., здесь располагалось посольство Индии, потом два года оно находилось в ведении МИД СССР, в 1954 г. здание было передано Всесоюзному обществу культурной связи с заграницей (ВОКС). Роспись залов была обновлена и частично изменена. Залы переоборудованы. С 31 марта

1959 г. – здесь Дом Дружбы, затем – Управление международных мероприятий и международных организаций Российского центра Международного научного и культурного содружества при правительстве РФ.»

Загадочная, неоднозначная личность… Милый, но совершенно не приспособленный к ведению семейного дела… Благотворитель, член Филармонического общества…

Вот каким видела Арсения Маргарита Кирилловна: «Третий брат, Арсений Абрамович, был очень милый, красивый и симпатичный юноша, он весь ушел в охоту. Он жил несколько лет в Англии, где учился ведению дела, практикуясь в каком-то предприятии, но из этого ничего не вышло. Живя на

фабрике в Твери, он чем-то там занимался, но все сводилось к тому, что он по целым дням возился со своими собаками, для которых был построен особый домик».[126]

«Арсений Абрамович Морозов (1874 – 24 декабря 1908). Потомственный Почетный гражданин. Пайщик Тверской мануфактуры. Попечитель Рогожского 4-го мужского училища, почетный член Рогожского 3-го участка Попечительства о бедных, член Совета Московского общества призрения, воспитания и обучения слепых детей, член Общества вспомоществования нуждающимся Московского реального училища. Член Московского филармонического общества».[127]

В ОР РГБ сохранился систематический каталог книг библиотеки Арсения Морозова, располагавшейся в этом доме, датируемый 1900-ми годами, по которому можно составить некоторое представление о вкусах, пристрастиях, мировоззрении хозяина, поскольку достоверных сведений о его жизни мало. Все книги каталога в картонном переплете с дерматиновым корешком и углами, на верхней крышке золотом вытиснено название книги и инициалы «А.М.» в левом нижнем углу.

Ф. 218. К. 1323. Ед. хр. 1: книга "История", содержит примерно 300 наименований книг. Среди прочих – Архив графа Воронцова, книги о русских императорах, императрицах, по истории отечества, о декабристах, о других странах; "Венчание русских самодержцев", Е. Дашкова "Записки, писанные ею самой", А.И. Дмитриев-Мамонов "Декабристы в Западной Сибири", сочинения Забелина, Карамзина, Костомарова, Ключевского, Татищева, Пыляева по русской истории, книги о русских полководцах, о Наполеоне, о войне 1812 г., "Царская, Великокняжеская и Императорская охота на Руси с X по XVIII век. Исторический очерк. СПб., 1896, 1898, 1902 (приписка – "роскошное, дорогое издание"), В. Черванский "Мир ислама и его пробуждение", ч. I и II, В. Чешихин "История русской оперы (1735-1900)", А. Радищев "Путешествие из Петербурга в Москву".

Ф. 218. К. 1323. Ед. хр. 2: не по алфавиту составлена опись книг иностранного отдела – на французском, немецком, английском и др. языках, всего около 360 наименований и, кроме этого, подписки журналов за разные годы.

Ф. 218. К. 1323. Ед. хр. 3: книга "Естествоведение", в алфавитном порядке перечислено около 170 экземпляров. Здесь книги о зарубежных странах, очерки, путешествия (Америка, Азия, Европа), сочинения о море, животных, растениях, Краткая география для детей, Финансово-статистический атлас России, среди этих книг – Гризингер В. "Душевные болезни. Для врачей и учащихся". СПб., 1881 г. (возможно, в числе других перешла из библиотеки Варвары Алексеевны?). Далее – без особой системы – Ч. Дарвин "Происхождение человека" и его же собрание сочинений, Ф. Дмитриев "Бумаго-прядильное производство", А. Елисеев "С русскими паломниками на Святой земле весною 1884 г.", Н. Жуковский "Механическая теория теплоты. Лекции для воспитанников Академии", Жудши "Главное руководство по врачебной науке Тибета", Г. Захарьин, проф. "Клинические лекции". Вып. 1, Карта Тверской губернии с нанесением границ волостей, приходов, станов, с обозначением земских школ, почтовых и торговых путей, почтовых и земских станций.

Ф. 218. К. 1323. Ед. хр. 4: книга "Искусство", в алфавитном порядке перечислено около 130 альбомов и книг.

Ф. 218. К. 1323. Ед. хр. 5: книга "Религия", также в алфавитном порядке выписано порядка 100 наименований книг, среди них: Проповеди Амвросия, епископа Дмитровского; труд Антония, иеромонаха "Внутреннее состояние сердца человеческого", Библия с рисунками Густава Доре, Государственное учение Филарета, митрополита Московского; сочинения Голубинского Ф.А., Евангелие на греческом языке, Иоанн Златоуст "Беседы на Евангелиста Матфея", Э. Ренан "Житие Иисуса", сочинения иерархов Русской церкви.

Ф. 218. К. 1323. Ед. хр. 6: книга "Философия, психология и социология", содержит около 190 наименований книг, в том числе сочинения

И.С. Аксакова, Авенариус "Критика чистого опыта", труды А. Бебеля, А.А. Мануилов "Поземельный вопрос", Н. Чернышевский "Статьи по крестьянскому вопросу", В.П. Вахтеров "Внешкольное образование народа" (видимо, сказывалось влияние Варвары Алексеевны), книги К. Каутского, Ле-Пле "Основная конституция человеческого рода", Сочинения Ф. Лассаля, П. Милюкова, Монтескье, Томаса Мора, Ж.-Ж. Руссо, Петра Струве, Фр. Ницше, К. Маркс "Капитал", Паскаль "Мысли", полное собрание сочинений Артура Шопенгауэра, Ф. Энгельс "Философия, политическая экономия, социализм". И здесь же, опять, – Эрнест Ренан "Жизнь Христа".

Ф. 218. К. 1323. Ед. хр. 9: книга "Словесность"

а) история и теория словесности;

б) романы, стихотворения, драмы и проч.

Имеется 2561 карточка на отдел "Словесность", карточки – в картонной коробке, обтянутой коленкором, на крышке – золотом вытеснено "Карточный каталог книг А.А. Морозова", на внутренней стороне – надпись названия раздела библиотеки.

В этом разделе произведения опять же И.С. Аксакова, а так же С.Т. Аксакова, Г.Х. Андерсена, П. Анненкова, А. Апраксина, А. Апухтина, А. Афанасьева (сказки, легенды), А. Амфитеатрова, Байрона, К. Батюшкова, Н. Бестужева, Ф. Булгакова, Ив. Бунина, Фаддея Булгарина, В. Белинского, Л. Бернса, Бальзака, К. Бальмонта, Баратынского, А. Белого, В. Брюсова, В. Вересаева, Ж. Верна, П. Вяземского, В. Скотта, В.В. Верещагина (художника), Вольтера, Всеобщая история литературы,

Н. Гарина-Михайловского, Гете, Н. Гилярова-Платонова, З. Гиппиус, М. Горького, А. Грибоедова, Г. Гейне, В. Даля – несколько книг и толковый словарь, Д. Давыдова,

Г. Державина, К. Джерома, Ф. Достоевского, А. Дюма, А. Данте, "Записки" Екатерины II, С. Елпатьевского, В. Жуковского, А. Жемчужникова, М. Загоскина, полное собрание сочинений Жорж Занд, книги Захера Мазоха, Э. Золя, "Былое и думы" Герцена, Г. Ибсена, Кольцова,

мемуары Д. Казановы, опять Н. Карамзина; Р. Киплинга, Конан-Дойля, А. Кони, В. Короленко, опять Н. Костомарова; М. Лермонтова, полное собрание сочинений И. Лажечникова, Лафонтена, М. Ломоносова, Лонгфелло,

А. Майкова, Д. Мамина-Сибиряка, опять К. Маркса; Д. Мережковского, А. Мицкевича, М. Метерлинка, С. Надсона, Н. Некрасова, много книг В. Немировича-Данченко;

А. Одоевского, А. Островского, А. Печерского (П. Мельникова), Д. Писарева, А. Писемского, А. Пушкина, Э. По, Я. Полонского, Б. Пруса, Русский биографический словарь, Русские былинные богатыри, К. Рылеева, Ф. Рабле, Сборник в пользу недостаточных студентов Московского Университета / Под. ред. В.А. Гольцева (опять библиотека В.А. Морозовой?), Г. Сенкевича, М. Сервантеса, Г. Софокла, де-Сталь, Стендаля, Н. Телешова, полное собрание сочинений гр. А.К. Толстого, гр. Л.Н. Толстого – много, Тысяча и одна ночь, Ф. Тютчева, Г. Успенского, Уэллса, Д. Фонвизина, Г. Флобера, А. Фета, А. Хомякова, М. Хитрово, А. Чехова, Шекспира, Шиллера, полное собрание сочинений Н. Щедрина (Салтыкова); Т. Щепкиной-Куперник, М. Щепкина, Юрьева М. "Мои письма". М., 1895, Ясная Поляна о Л.Н. Толстом.

Трагично сложилась судьба Арсения Морозова. Полной слухов, домыслов и загадок была его недолгая жизнь, однако и после гибели остаются вопросы. Непонятен факт отсутствия некролога в «Русских Ведомостях». Извещение о смерти появляется только в номере за 30 декабря 1908 г.[128]:

«31-го декабря, в девятый день по кончине Арсения Абрамовича Морозова будут совершены во Всехсвятском Единоверческом монастыре заупокойная литургия и панихида.

Начало литургии – в 9 часов».

Рядом с этим текстом: «Мать и брат скончавшегося 24 декабря Арсения Абрамовича Морозова, глубоко тронуты выражениями соболезнования по поводу постигшего их тяжелого горя, выражают

сердечную признательность всем, почтившим память покойного». (Опять же не ясно, почему 24-го – девятый день на 31 декабря приходился от 23 декабря!?)

В «Московских Ведомостях»[129] за 28 декабря в рубрике «Московская жизнь» отведено несколько строчек: «А.А. Морозов. 24 декабря скончался известный фабрикант и миллионер, владелец дома на Воздвиженке, Арсений Абрамович Морозов».

В «Русских Ведомостях»[130] за 1909 г. (31 января) было помещено:

«1 февраля, в 40-й день по кончине Арсения Абрамовича Морозова будут совершены во Всехсвятском Единоверческом монастыре заупокойная литургия и панихида. Начало литургии в 9 часов»

Можно предположить, что Арсений Абрамович был похоронен именно там. Есть другое мнение: «…Похоронен в с. Власьево близ Твери.»[131]

Арсений Морозов верил в талисманы: в его знаменитом доме на Воздвиженке, 16 на камине в вестибюле и в правой части фасада здания, над окном главного кабинета красуется один и тот же декоративный узел из канатов – восточный символ долголетия и благополучия. Он так и не получил от жизни ни первого, ни второго...

Глеб и Наталья Васильевичи Морозовы

По воспоминаниям Наталии Васильевны Морозовой-Поповой, мать ее, Варвара Алексеевна, познакомилась с ее же будущим отцом Василием Михайловичем Соболевским в начале 1880-х гг. Более ничего об этом периоде отношений родителей в воспоминаниях не сказано.

Первым ребенком, появившемся на свет в этом союзе двух людей, связанных узами любви, но не освященном церковью, был сын Глеб. Отношения, не узаконенные браком, в дальнейшем осложнили жизнь детей, родившихся от этого союза. Сын – уже в зрелом возрасте – был отцом усыновлен.

В ЦИАМ[132] сохранился документ об усыновлении:

«Резолюция

1905 года февраля 9 дня Московский Окружной суд, по X отделению в открытом заседании под председательством Товарища Председателя А.А. Пареного

В составе членов Д.В. Богинского и И.И. Кирилова выслушав об усыновлении кандидату прав Василию Михайловичу Соболевскому Глеба с присвоением ему фамилии «Морозова».

Определили:

Усыновлению кандидатом прав Василием Михайловичем Соболевским сына Потомственной Почетной Гражданки Варвары Алексеевны Морозовой Глеба, по крестному отцу Васильевича, родившегося 23 января 1886 года, утвердить, с сохранением за усыновляемым Глебом фамилии Морозова. Подлинное подписью Суда.

С подлинным верно.

Помощник секретаря.

Настоящая копия выдана из Московского Окружного суда по X отделению, поверенному кандидата прав Василия Михайловича Соболевского присяжному Поверенному Дмитрию Николаевичу Доброхотову. Гербовый и канцелярский сборы оплачены.

Февраля … дня 1905 года.

Товарищ председателя (подпись)

Помощник Секретаря (подпись)»

Усыновление давало возможность стать полноправным студентом Московского университета (чего была лишена Наталия Морозова, она училась как вольнослушательница).

Далее приведены документы, также найденные в ЦИАМ.

«Его Превосходительству

Господину Ректору Императорского Московского Университета

От личного почетного гражданина Глеба Васильевича Морозова[133]

Прошение

Желая для продолжения образования поступить в число студентов Императорского Московского Университета, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать зависящее распоряжение о принятии меня на естественное отделение физико-математического факультета, на основании прилагаемых при сем документов:

а) гимназического аттестата

б) выписки из кондуита за последние три года пребывания в гимназии

в) метрического свидетельства

г) свидетельства о приписке к призывному участку

д) трех фотографических карточек.

При сем на основании высочайше утвержденного устава Императорских Российских университетов, обязуюсь во все время пребывания моего в Университете подчиняться правилам и постановлениям университетским.

Глеб Васильевич Морозов

Москва Воздвиженка д. В.А Морозовой

30 июля 1905 года»

Однако, несмотря на обещания, данные в прошении, студенчество Глеба Морозова было далеко не безоблачным, о чем свидетельствуют следующие материалы.

«Его Превосходительству

Господину Ректору Императорского Московского Университета

Бывшего студента физико-математического факультета естественного отделения Глеба Васильевича Морозова[134]

25 п

№ 10502

Прошение

Честь имею покорнейше просить Ваше Превосходительство вновь принять меня в число студентов Естественного отделения Физико-математ. факультета Московского Императорского Университета. Считаюсь я

выбывшим из Московск. Университета за невозвращение входного билета. При сем прилагаю 25 руб. в пользу Университета за осеннее полугодие и удостоверение от библиотекаря Моск. Университета.

3-го августа 1907 г.

Глеб Морозов»

«Его Превосходительству

Господину Ректору Императорского Московского Университета

Бывшего студента Московского Университета

Глеба Васильевича Морозова[135]

Прошение

Честь имею просить Ваше Превосходительство принять меня вновь в число студентов естественного отдела Физико-математического факультета Московского Университета. Считаюсь я уволенным за невзнос профессорского гонорара за весеннее полугодие 1907 года в размере 12 руб. и осеннего 1907 года в размере 8 руб.

Москва, 6 февраля 1908 года

Глеб Морозов»

«Свидетельство[136]

(временное)

От Императорского Московского Университета дано настоящее свидетельство бывшему студенту естеств. отд. физ.-мат. факультета Глебу Васильевичу Морозову в том, что он уволен из Университета, как не внесший платы в пользу преподавателей (2 р.) в осеннем полугодии 1909 года.

Апреля 6 дня 1910 года

Ректор Университета А. Мануилов

Секретарь по студенческим делам В.И. Федоров

№ 2395»

«Его Превосходительству

Господину Ректору Императорского Московского Университета

Бывшего Студента естественного отделения 9 июля 1910 г.

физико-математического факультета

Глеба Васильевича Морозова,

живущего в Москве по улице Воздвиженке, в доме № 14

25

9964

9 июля 1910 г.[137]

Прошение

Честь имею покорнейше просить Ваше Превосходительство зачислить меня студентом естественного отделения физико-математического факультета.

Считаюсь я уволенным за невзнос недоимки и платы за право слушаний лекций в осеннем 1909 г. полугодии.

Бывш. студент Ест. Отд. Физ. Мат. Фак. Глеб Васильевич Морозов.

Москва

1910 года Июля 8-го дня

Плату внести разрешается.

9 июл. 1910.»

В университет Глеб Морозов поступил по окончании гимназии. Несмотря на весьма хвалебную запись в аттестате зрелости, поведение его во время обучения было отнюдь не образцовым. Он имел такие записи в текущих табелях по годам обучения: «различного рода опоздания, невнимательность, крайне беспокойное поведение, нарушение только что сделанного распоряжения, подсказывания на уроке математики, а также: бросался хлебом на перемене, опаздывал к молитве (часто), оставался после уроков за невыполненное домашнее задание»[138] и так далее.

Копия

«Аттестат зрелости[139]

Дан сей сыну потомственной почетной гражданки Глебу Морозову вероисповедания православного родившемуся 23 января 1886 года в Москве

обучавшемуся в Московской 5-й гимназии четыре года и пробывшему один год в VIII классе, в том:

Во-первых, что на основании наблюдений за время обучения его в московской 5-й гимназии, поведение его вообще было отличное, исправность в посещении и приготовлении уроков, а также в исполнении письменных работ удовлетворительная, прилежание достаточное и любознательность достаточная и во-вторых, он обнаружил нижеследующие познания

Отметки выставлены

Предметы гимназического курса	В педагогическом Совете на основании § 74 правил об испытаниях учащихся гимназий Ведомства Министерства Народного Просвещения	На испытаниях, происходивших 2, 3, 4, 12, 13, 18, 20, 21, 23, 24, 27, 28 и 30 мая 1905
Закон Божий	5	5
Русский язык с церк[овно]-слав[янским] и словесность	3	3
Логика	3	---
Латинский язык	3	4
Греческий	3	3
Математика	3	4
Математическая геометр[ия]	3	---
Физика	3	---
История	3	4
География	5	---
Французский	---	5

язык		
Немецкий язык	5	5

На основании чего и выдан ему сей аттестат зрелости, предоставляющий ему все права, обозначенные в §§ 130-132 Высочайше утвержденного 30 июля 1871 года устава гимназий и прогимназий.

Председатель Педагогического Совета Московской 5-й гимназии.

Директор А. Адольф

Члены Совета:

Инспектор Н. Тарасов

Протоиерей В. Благовещенский

М. Смирнов

А. Кон

Л. Моккон

Н. Сокольский

Ив. Пустовалов

А. Фортунатов

Ив. Теодорович

Ив. Липпинг

У сего печать Московской 5-й гимназии

Москва 30 мая 1905 года № 346

Секретарь Совета (Подпись)

Означенный в сем аттестате зрелости Глеб Морозов в августе 1905 г. был принят в число студентов Императорского Московского Университета на естественное отделение Физико-математического факультета и состоял в течение 1905-906 и 1906-907 академических годов; за невзнос части платы (в пользу преподавателей) в осенней половине 1907 года был уволен из Университета. В феврале 1908 года Морозов обратно был принят в университет и состоял в весеннем и осеннем полугодиях 1908 года; как невозвративший входного билета по окончании осенней половины 1908 года

(на основании § 6 Правил о видах на жительство и входных билетах) из Московского Университета был уволен. В феврале 1909 года Морозов обратно был принят в Университет; как не записавшийся на лекции в весенней половине 1909 года был уволен из Университета. В августе 1909 года Морозов обратно был принят в Университет; как не внесший части платы (в пользу преподавателей) в осенней половине 1909 г. из Университета был уволен. В июле 1910 г. был принят обратно в Университет; как не записавшийся на лекции в осенней половине 1910 г. из Московского Университета был уволен.

Москва. Января 10 дня 1911 года.

Ректор Университета А. Мануилов

Секретарь по студенческим делам В. Федоров»

[К делу приложены листы с обозначением предметов теоретических и практических курсов, которые проходил Морозов в университете]

Сохранился в фондах ЦИАМ и такой документ:

Копия

«Свидетельство[140]

О приписке к 2 призывному участку

Личный Почетный Гражданин Глеб Васильевич Морозов, родившийся двадцать третьего (23) января тысяча восемьсот восемьдесят шестого (1886) года, приписан по отбыванию воинской повинности, к 2 призывному участку города Москвы.

Вероисповедания Православного.

Окончил курс в 5 Московской Гимназии.

Вышепоименованный Морозов, подлежащий исполнению воинской повинности в тысяча девятьсот седьмом году, обязуется доставить в Московское Городское по воинской повинности присутствие не позже первого Марта (1907 года) сведение о семейном его составе, согласно Высочайшего повеления 23 июля 1874 года.

Выдано Московским Городским по воинской повинности Присутствием июня 20 дня 1905 года за № 481 четыреста восемьдесят первым.

За председателя члена Присутствия (Подпись)

Помощник делопроизводителя (Подпись)»

В 1910 г. Глеб Васильевич обвенчался со своей дальней родственницей, дочерью Александры Герасимовны и Александра Александровича Найденовых, Мариной (р. 1890).

«*Его Превосходительству*

Господину Ректору

Императорского Московского Университета

Студента физико-математического факультета

Глеба Васильевича Морозова, проживающего в Москве

по Воздвиженке, в доме В.А. Морозовой[141]

Прошение

Имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство разрешить мне вступить в законный брак с дочерью Мануфактур-Советника, Потомственной Почетной Гражданкой, девицею Марианною Александровною Найденовою и сделать зависящее от Вашего Превосходительства распоряжение о выдаче мне установленного разрешения.

Студент Ест. Отд. Физ.-Мат. Фак. Глеб Васильевич Морозов

1910 г. Июля 12-го»

Вверху этого документа от руки по диагонали написано: «Студентом состоит».

В РГАЛИ удалось найти интересный документ – письмо Марины (Морозовой?) своему свекру, В.М. Соболевскому, вероятно, из свадебного путешествия[142]:

«3 августа 1910 г.

(Из Константинополя).

Дорогой Василий Михайлович,

Как удивительно хорошо в Константинопле: Погода прекрасная, но жары особенной нет. Море такое заманчивое, а красота какая! Я не ожидала видеть ничего подобного, так что впечатление у меня небывалое от Константинополя. Здоровы и веселы мы оба. Глеб все такой же внимательный и милый. Сейчас только что вернулись с первой прогулки по Константиноплю; осматривали мечеть Айя София, кладбище султанов и катались больше часу по городу. Узкие переулки кишат народом, турки сидят все время в кофейне и курят кальян. Иностранцев тоже много и в гостинице говорят на всех языках, даже по-русски, так что мы чувствуем себя совсем свободно и хорошо. Завтра собираемся прокатиться на Принцевы острова, а в четверг 5-го отходит наш пароход, билеты на который уже взяты. Я еще никогда по морю не ездила и Глеб все стращает меня, что буду обязательно больна, но я так люблю море и оно меня так тянет, что я уверена, что вынесу все отлично. У меня к Вам, милый Василий Михайлович, будет большая просьба: На ваше имя будут посланы фотографии, из которых Вы выберите себе по вкусу, а что останется – пошлите, пожалуйста, на Покровский бульвар Ал. Ал. Найденову, для передачи маме. Заранее благодарю. Глеб страшно ленив писать, но зато гулять может целый день и сейчас мы опять идем бродить по городу.

Целую. Можно?

Уважающая Вас

Марина»

А дальше шло окончательное прощание Г. Морозова с университетом, Россией и отъезд в Германию[143]:

«Его Превосходительству

Господину Ректору

Императорского Московского Университета

Студента естественного отделения

физико-математического факультета

Глеба Васильевича Морозова

Прошение

Честь имею покорнейше просить Ваше Превосходительство выделить мне хранящиеся при делах канцелярии Университета мои документы, а также и удостоверение в том, что я, Морозов, состоял до ноября с.г. студентом Московского Университета.

Все мои документы доверяю получить подателю сего прошения Николаю Александровичу Быстрову.

Глеб Морозов.

27 декабря 1910 г.

адрес для отправки документов

Herrn

g. Morosoff

Kamispfad, 24

Mulhausen

i / Els.

Мюльгаузен – Германия

Глебу Васильевичу Морозову»

«М.Н.П.

Императорский

Московский Университет

Канцелярия по студенческим делам

Москва

Января 14 дня 1911 г.[144]

В Московское Городское

по воинской повинности присутствие

Канцелярия по студенческим делам Императорского Московского Университета имеет честь сообщить, что студент Морозов Глеб Васильевич приписанный по отбыванию воинской повинности ко 2-му призывному

участку по свидетельству 1905 года за № 481 выбыл из Университета, не окончив курса.

Секретарь»

Из России в Германию от Варвары Алексеевны шли денежные переводы – на личные расходы и на обучение Глеба Васильевича в Химической школе в Мюльгаузене[145]:

Апрель 1911 г. – 400 р. 25 к.

май 1911 г. – 493 р. 06 к.

июнь 1911 г. – чеком на Мюльгаузен – 300 мар.

по курсу 46 р. 23 к. – 138 р. 94 к.

сент. 1911 – Мюльгаузен – 370 р. 65 к. – Городское химическое училище

окт. 1911 – Мюльгаузен – 450 р. 25 к.

янв. 1912 – Мюльгаузен – 450 р. 25 к.

февр. 1912 – Мюльгаузен – 450 р. 25 к.

Согласно адресной книге «Вся Москва», до 1917 г. Глеб Васильевич и Марина Александровна Морозовы числились по адресу Б. Никитская, 26.

Глеб Васильевич Морозов в 1924 г. эмигрировал в Германию.

«В 1920 году [его бывшая жена] Марина Морозова с двумя дочерьми, Марианной (1911) и Натальей (1914), старой нянюшкой и вторым мужем уехала в Париж. Марина жила в Париже – красивая, элегантная, уже поседевшая. "На следующий день мы уже в гостях у тети Марины, – рассказывает Лёля Гурова, родная сестра Марины. – Хорошая квартира, похожая на московскую, няня, привезенная из России. Дочери – Мара и Туля. Они приняли нас как родных, играли, дарили подарки. Радостная встреча, воспоминания, расспросы. Так много хотелось узнать. Но вот появился муж Марины [Иван Иванович Носов]. Он поразил нас своей холодной чопорностью. Казалось, что красавица Марина и няня боятся его. Очарование первой встречи было уничтожено"».[146]

9 мая 1912 года причтом церкви Св. Марии Магдалины при училище Лекарских помощниц и фельдшериц в г. Санкт-Петербурге была сделана выпись из метрической книги и выдана Наталии Поповой [147]:

«Выпись из метрической книги

Часть первая о родившихся за 1887-й год

Счет родившихся женского пола 31. Месяц и день рождения: июль 24. Крещения: август 3. Имена родившихся: Наталия (незаконнорожденная). Звание, имя, отчество и фамилия родителей, и какого вероисповедания: Вдова Потомственного Почетного Гражданина Варвара Алексеевна Морозова; православного исповедания. Звание, имя, отчество и фамилия восприемников, действительный статский советник Василий Васильевич Сутугин и потомственная почетная гражданка Людмила Александровна Протопова. Кто совершал таинство крещения: священник Александр Песоцкий с псаломщиком Николаем Северовым.

Протоиерей Василий Говорский

Диакон Александр Ухабов.

1912 года

мая 9 дня».

Так было отмечено появление на свет Наталии Васильевны Морозовой. Об этапах ее жизни говорят документы.

«М.Н.П.

Московский Учебный Округ

Испытательный Комитет

7 сентября 1910 г.

№ 609

Москва

Удостоверение[148]

От испытательного Комитета при управлении Московского учебного Округа выдано настоящее удостоверение Наталии Васильевне Морозовой окончившей курс в Московской женской гимназии С. Арсеньевой,

родившейся 24 июля 1887 года в том, что она подвергалась в означенном комитете испытаниям, в знании нижеуказанных предметов в объеме полного курса мужских гимназий и обнаружила следующие познания: в русском языке удовлетворительные (3) и немецком отличные (5).

Председатель испытательного Комитета (Подпись)

Ее Члены (2 подписи)»

В свидетельстве, выданном директором 3-й московской гимназии сказано, что «Морозова окончила 8 классов Московской женской гимназии С.А. Арсеньевой и 31 марта 1907 г. подверглась в гимназии экзамену по латинскому языку в объеме полного курса мужской гимназии, экзамен выдержала на хорошо (4)».

Ее Директор Н. Виноградов

Секретарь Совета В. Соколов»[149]

В Приложении к аттестату об окончанию полного курса в Арсеньевской гимназии, выданному 23 мая 1905 г. (л. 33, 33 об. того же дела), записано[150]:

«Аттестат

На основании ст. I п. I ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного 13 декабря 1894 года и 11 декабря 1895 года мнений Государственного Совета, а также примечания 2-го к ст. 9 утвержденных Министерством Народного Просвещения 20 марта 1896 года Правил о специальных испытаниях на звание учителя или учительницы начальных училищ, означенная в сем аттестате *Наталия Морозова* имеет право на получение от Министерства Народного Просвещения свидетельство на звание учительницы начальных училищ и заниматься обучением на дому.»

«Свидетельство[151]

Дано сие девице Наталии Васильевне Морозовой в том, что она, как из представленного документа видно, подданная Российской Империи, дочь Потомственного Почетного Гражданина, родилась 24 июля 1887 года и крещена в вере Христианского Православного Исповедания; образование

получила в частной женской гимназии госпожи Арсеньевой в Москве, от которой имеет аттестат VII класса гимназии, из коего видно, что она обучалась и оказала успехи: в Законе Божием *отличные*, русском языке с церковно-славянским и словесности *отличные*, математике *хорошие*, географии всеобщей и русской *отличные*, естественной истории *хорошие*, истории всеобщей и русской *отличные*, физике *отличные*, французском языке *отличные* и немецком языке *отличные*. Сверх сего, Морозова слушала в VIII дополнительном классе особый специальный курс для лиц, желающих приобрести права на звание домашней наставницы и учительницы по предметам русскому языку, истории и географии. Вследствие ходатайства Педагогического Совета гимназии и на основании ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного 24 мая 1870 года Положения о женских гимназиях и прогимназиях Министерства Народного просвещения дозволено ей, Морозовой принять на себя звание ДОМАШНЕЙ УЧИТЕЛЬНИЦЫ с правом преподавать русский язык, историю и географию со всеми выгодами и преимуществами, присвоенными означенному званию, поколику оные к ней относиться могут в удостоверении чего дано сие свидетельство за надлежащим подписанием и с приложением печати Канцелярии Попечителя Московского Учебного Округа Сентября 23 дня 1906 года.

Управляющий Московским Учебным Округом,
Действительный Статский Советник и Кавалер Вл. Исаенков

Печать

Правитель Канцелярии
(Подпись)»

«Директор
Московских
Высших Женских Курсов
[впечатано в бланк]
апреля 30-го 1911 г.
Москва

«Свидетельство[152]

Сие выдано Морозовой Наталии Васильевне для представления в ИМПЕРАТОРСКИЙ МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ в том, что она состояла слушательницей Высших Женских Курсов в Москве, на Медицинском факультете, причем ею сданы экзамены: по органической химии с отметкой – четыре и по биологической (медицинской) химии с отметкой – четыре. Кроме того, ею сдан зачет по аналитической химии.

Директор курсов Подпись»

Печать

«Свидетельство[153]

Предъявительница сего Морозова (по мужу Попова) Наталия Васильевна, вероисповедания православного, жена сына Действительного Статского Советника родившаяся Июля 24-го дня 1887 года в гор. С.-Петербурге, по аттестату Московской женской гимназии С.А. Арсеньевой принята была в число сторонних слушательниц ИМПЕРАТОРСКОГО Московского университета в сентябре 1906 г. и зачислена на третий семестр медицинского факультета в августе 1907 г. по прослушании двух семестров на естественном отделении физико-математического факультета, записывалась на все предметы и участвовала в практических занятиях, согласно учебному плану, установленному для студентов Медицинского Факультета.

В удостоверение чего, применительно к выпускным свидетельствам, выдаваемым согласно ст. 477, Т. XI. Ч. I. Свод. Зак. изд. 1893 г. студентам Университета, на основании ВЫСОЧАЙШЕГО повеления от 31 Декабря 1909 и временных правил, утвержденных Г. Министром Народного Просвещения 15 Января 1910 г. выдано Морозовой (по мужу Поповой) Наталии Васильевне сие свидетельство от Медицинского Факультета Императорского Московского Университета за надлежащею подписью и приложением Университетской печати Мая 26-го дня 1912 за № 1450.

Печать

Декан (подпись)

Секретарь (подпись)»

И снова архивные документы[154]:

«Его Превосходительству

Господину Председателю

Медицинской Испытательной комиссии

при Московском Императорском Университете

окончившей курс медицинского факультета

Московского Императорского Университета

Наталии Васильевны Морозовой-Поповой

(имеющей зачет десяти семестров)

Прошение

Честь имею просить разрешить мне держать государственные экзамены при Испытательной Комиссии Московского Императорского Университета в текущем году.

Наталия Морозова-Попова.

Прилагаю при сем квитанцию о взносе 20 руб. в пользу экзаменаторов и две фотографические карточки.

15 мая 1912 г.

Адрес Воздвиженка д. В.А. Морозовой»

К делу приложена в корочках университетская зачетная книжка за 1907-1911 учебные годы. Судя по книжке, ближе к осени 1910 года в личной жизни Наталии Васильевны произошли изменения – она вышла замуж за студента университета Николая Константиновича Попова. На одной из страничек книжки сделана пометка – с этого времени Наталия Васильевна стала носить двойную фамилию – Морозова-Попова.

В декабре 1912 г. Наталия Морозова обращается с просьбой о выдаче свидетельства[155]:

«В Канцелярию

Московского Учебного Округа

лекаря Наталии Васильевны Морозовой-Поповой

выпуска 1912 г. Императорского Московского Университета

Заявление

Представляя при сем 1) Факультетское обещание и 2) квитанцию о взносе платы (3 р.) за временное свидетельство покорнейше прошу выслать мне временное свидетельство по адресу: Англия London Poste Restante Nathalie Popoff. Прилагаю при сем 40 коп. на пересылку.

Наталия Морозова Попова

4 декабря 1912 г.»

«Свидетельство[156]

(временное)

От Управления Московского Учебного Округа дано сие свидетельство *Морозовой-Поповой Наталии* в удостоверение того, что он, по окончании курса в ИМПЕРАТОРСКОМ Московском Университете по Медицинскому факультету, выдержал в Медицинской Испытательной Комиссии при названном Университете установленное испытание и удостоена *8-го Декабря* 191*2* года степени лекаря с отличием, диплом на каковую будет выдан ей по изготовлении.

Свидетельство сие видом на жительство служить не может.

Москва *Декабря 22 дня* 191(?) года.

За попечителя Учебного Округа

Помощник Попечителя (Подпись)

За Правителя Канцелярии (Подпись)»

(Свидетельство было отослано по указанному адресу.)

Супруг Наталии Васильевны был сыном действительного статского советника, в Москве проживал со дня рождения (1887)[157], вероисповедание имел православное. Обучался, как и Наталия Васильевна, в Университете, но на естественном отделении физико-математического факультета. Подвергался с 1908 по 1912 года испытаниям, осенью 1912 года был допущен к испытаниям Физико-математической комиссии при Университете.

Испытания выдержал. 20 октября 1912 года удостоен диплома Второй степени, со всеми правами и преимуществами, получив специальность физико-химия[158]. Результаты испытаний[159]: Предметы

Физика I и II часть 3

Неорг. химия Удовл.

Орган. химия Весьма удовл.

Кристаллография Удовл.

Минералогия Удовл.

Аналит. химия Весьма удовл.

Сокр. курс математики Весьма удовл.

Сокр. к урс механики Удовл.

Временное свидетельство за № 1604 получил 23 октября 1912 года[160], на адрес, по которому проживал на тот момент: Москва, Воздвиженка, дом В.А. Морозовой[161] (в апреле 1912 г. значился по адресу Остоженка Савеловский пер., д. 9, кв. 19[162], в сентябре – Настасьинский пер., дом Малюшкина, кв. 1[163], в ноябре 1915 года уже проживал на Поварской, Трубниковский переулок, дом 30, кв. 17[164]. [В 1914 г. Наталия и Николай Поповы проживали на Воздвиженке, 14.] Со своим будущим мужем Наталия Морозова познакомилась за несколько лет до свадьбы. Об этом может свидетельствовать документ охранки[165], помеченный 1905 г. В нем же упоминается и брат Наталии Васильевны Глеб:

«Сего числа «съезд адвокатов» собрался в третий раз в доме Морозова(?) на Воздвиженке, но также мерами полиции были закрыт.

Генерал-майор (подпись) 5 октября 1905 г.»

К донесению приложен протокол, составленный приставом 1 участка Тверской части капитаном Штанковым при закрытии собрания.

Копия

«Протокол

1905 года октября 6 дня, пристав I участка Тверской части капитан Штанков, во исполнение предписания Господина Московского

Градоначальника от 6 сего октября за № 9718-м, прибыв с нижеподписавшимися свидетелями в дом Потомственной Почетной Гражданки В.А. Морозовой, где оказалось: в квартире домовладельца собралось общество, состоящее из 50 человек, поименованных в прилагающемся списке. В момент прихода все общество собралось в столовой для завтрака. Обстановка же вся говорила за то, что происходило заседание и лишь узнав о приходе полиции собравшиеся покинули зал заседания, так как среди зала стоял большой накрытый сукном стол, около него расставлены до 50-ти стульев, на столе лежали изодранные бумажки и карандаши.

На предложение объяснить цель собрания, присутствующие отказались, как равно и отказали войти в зал, предложив мне для своих занятий швейцарскую. Все это сопровождалось не идущими к делу замечаниями и смехом. Войдя в сопровождении понятых в столовую и повторив те же вопросы: могу ли видеть хозяйку и господина председателя, все присутствующие мое обращение заглушали громким смехом, на дальнейшее мое обращение с этой просьбой и предложение оставить зал и разойтись, собравшиеся старались заглушить мои слова восклицаниями: «передайте квас, передайте сыр» и прочими не идущими к делу словами. И только предупреждение и сделанное распоряжение позвать городовых заставило присутствующих ответить: «Не мешайте нам завтракать, составляйте протокол, от подписи которого мы отказываемся, после завтрака же мы разойдемся».

Действительно, все присутствующие стали записывать, по моему предложению, у входа свои фамилии. О вышеизложенном и составлен настоящий протокол. К сему добавляю, что кроме собравшихся в доме Морозовой присутствовали не участвуя в собрании, как заявили нижепоименованные студенты ИМПЕРАТОРСКОГО Московского Университета: Попов Николай Константинович, который заявил, что им неизвестно, где находится хозяйка дома. Сын же домовладелицы, Глеб

Васильевич Морозов, студент ИМПЕРАТОРСКОГО Московского Университета, заявил, что мать гуляла, теперь же возвратилась. Но выйти не может и не желает. От подписи протокола все отказались.

[…] Пристав капитан Штанков.

Октября 6 дня 1905 года»

Далее следовала 41 фамилия.

Находились в доме Морозовой студенты ИМПЕРАТОРСКОГО Московского Университета, но не присутствовали в числе подписавшихся лиц:

Г. Морозов, Н. Попов, Л. Миндаль, А. Крамаренко

При подлинном протоколе приложены визитные карточки присяжных поверенных Н.В. Тесленко, И.Н. Сахаров, Е.К. Михальчик, В.А. Маклаков, С.С. Анисимов

Знавшие Наталию Васильевну Морозову отмечали в ней необыкновенные человеческие качества – бесконечную доброту, открытость, любовь к людям.

Воспоминания Елены Борисовны Новиковой (внучатой племянницы В.А. Морозовой)[166]:

«В Барвихе мы подружились с семьей Поповых, отдаленно родственных нам. Наталия Васильевна Попова-Морозова – добрейший, мягкий человек, врач-окулист, дочь Морозовой. Николай Константинович Попов происходил из старинной московской семьи[33], по специальности – инженер-химик. В 30-е г. он возглавил группу по изобретению и разработке отечественной технологии получения графита. Ранее она была запатентована иностранными фирмами и графит в России не производили. Скромность и благородство Николая Константиновича сочетались с мужественными,

[33] Николай Попов был приемным сыном Константина Семеновича Попова, действительного тайного советника, члена Екатерининского благотворительного общества при Императорской больнице, членом Совета Императорского Строгановского центрального художественного промышленного училища, председателем Правления товарищества чайной торговли «Братья К. и С. Поповы». С 1914 г. одним из директоров Правления товарищества чанной торговли «Братья К. и С. Поповы» становится и Николай Константинович. В 1918 г. оставался совладельцем товарищества. С момента замужества и до закрытия товарищества, наряду с мужем, пайщицей была Наталия Васильевна Морозова. Кроме того, пайщиком был и ее брат – Глеб Васильевич. Он владел 4 паями и 2 голосами. (ЦИАМ Ф. 766. оп. 1. Д. 33.).

выразительными чертами лица. Он единственный любил и умел организовывать игры детей и не случайно был для нас идеалом. А игра-то всего-навсего была в городки. Его похвала так вдохновляла, что появлялся азарт, и ничего не могло быть лучше. У Поповых было трое детей. Таня [Татьяна, 1912], на год старше меня (Елены), Варя [Варвара, 1917-1980], на пять лет моложе, и маленький Вася [Василий, 1924-1945]. Таня окончила университет и преподавала в институте. Гостеприимство Наталии Васильевны привлекало многих ее родных. В Барвихе бывали ее двоюродные братья Хлудовы – Лёша, Сережа, Флор, Ваня – единственные потомки Хлудовых по мужской линии – дети Василия Алексеевича. Бывал в Барвихе Михаил Михайлович Морозов (Мика). Михаил Михайлович приезжал в гости молодым, лет двадцати шести-двадцати семи, с женой, уже тогда увлеченный Шекспиром».

В 1917 г. Попов Н.К. проживает в Староконюшенном пер., 30, Наталия Васильевна – на Воздвиженке, 14.

Год 1925: «Попова Наталия Васильевна, врач, Трубниковский пер., 30, кв. 17»[167] (адрес проживания ее мужа в 1915 г.). Попов Николай Константинович по адресной книге «Вся Москва» на этот год не числится…

Дети, внуки, правнуки[34]

У Варвары Алексеевны и Василия Михайловича Соболевского было двое детей: Глеб и Наталия. Оба они носили фамилию Морозовы по первому мужу Варвары Алексеевны и считались незаконнорожденными. Глеб родился в 1885 году, его назвали в честь писателя Глеба Успенского, близкого друга Василия Михайловича.

Через два года, в 1887-м, родилась дочь Наталия. Жила семья на Воздвиженке, рядом с домом сына Варвары Алексеевны от первого брака Арсения Абрамовича Морозова (так называемый Дом с ракушками).

Глеб и Наталия учились в университете на естественном отделении, Глеб – на химическом факультете, Наталия – на медицинском. Глеб

[34] Эта глава написана Екатериной Глебовной Демьяновой, праправнучкой В.А. Морозовой.

познакомил сестру со своим другом Николаем Поповым, сыном известного чаеторговца Попова. Возник роман. Наталия Васильевна рассказывала такую историю. Глеб и Николай увлекались фотографией. Они закрылись в ванной комнате, чтобы печатать фотографии. Наташа, зная, что нравится другу брата и, предполагая, что тот будет говорить о своих чувствах, спряталась за ширмой в ванной комнате. Но была разочарована. Студенты-химики начали рассказывать неприличные анекдоты. Контраст между ожидаемым и реальностью был столь велик, что девушка потеряла сознание.

Время шло, но Николай Попов не торопился с предложением. В конце концов его сделала Наталия, добавив в конце: «Только знаете, я ведь незаконнорожденная». И услышала в ответ: «Я тоже». Именно последним обстоятельством объяснялась нерешительность Николая.

Он был приемным сыном Константина Семеновича Попова, председателя и директора правления товарищества чайной торговли «К. и С. братья Поповы».

Константин Попов не просто торговал чаем, но и начал разводить его в России. Для этого в 1891 году он организовал экспедицию в Китай. Чайную рассаду вывозить из Китая было запрещено, и поэтому участники экспедиции чайные черенки спрятали за голенища сапог и таким образом, чуть не в портянках, их вывезли. Попов заложил чайные плантации на Кавказе в районе Батуми – в Чакве, Салибаури, Капрешуми.

Но Николай Попов чаем интересовался мало, с приемным отцом имел отношения сложные. Кто был его настоящим отцом – неизвестно. В записи о крещении Московской Христорождественской церкви в Палашах (церковь эта не сохранилась – была взорвана во второй половине 30-х годов) указана только мать младенца Николая, родившегося 24 января 1887 года, — «малоярославецая мещанка Калужской губернии девица Мария Стефанова Антонова». Мария Антонова впоследствии вышла замуж за Константина Попова. Николай стал его приемным сыном и получил прекрасное образование – учился сначала в Московском университете, затем в Германии.

В январе 1912 года у Николая и Наталии Поповых родилась дочь Татьяна, в этом же году Наталия окончила курс и «была удостоена степени лекаря с отличием, со всеми правами и преимуществами», как сказано в ее дипломе. Она была в первом выпуске женщин, окончивших университет при министре Кассо. У Поповых была квартира в Трубниковском переулке, но жили они в основном за границей. Николай изучал в Англии производство чая, а Наталия, специализировавшаяся в офтальмологии, работала в английской глазной клинике.

Все изменилось с началом войны. Семья Поповых спешно вернулась в Россию.

К тому времени Глеб Васильевич женился на Марине Александровне Найденовой, у них родилась дочь Марианна, ровесница Тане Поповой. Обе девочки были отданы на попечение бабушки, перевезены на Воздвиженку, а родители пошли на фронт. С самого начала войны Варвара Алексеевна оборудовала и содержала большой медицинский отряд на Западном фронте, прокомандированный к штабу 55-й пехотной дивизии (отряд №99). В этом отряде и стала служить врачом ее дочь.

Вот выдержка из фронтового письма Наталии матери:

«*27/III 15 г. Варшава*

Милая, дорогая мама!

Ну, кажется, теперь окончательно решено, куда мы поедем и как устроимся. Вчера… ездили на то место, где мы будем работать, все присмотрели для устройства госпиталя и остались в восторге от места, и от помещения. Мы будем находиться в районе действия Гучкова… в усадьбе помещиков; сейчас еще белят только тот дом, где будет лазарет, так что двинемся отсюда только через два дня… Устроили это все через Гучкова, который был очень мил… Мне очень хотелось повидаться с Глебом, я ему телеграфировала о своем приезде…Он просил передать, что надеется на днях уже приехать в Варшаву…

Как Танюша, вспоминает ли обо мне? Если она поедет с тобою в Клин, я буду очень спокойна за нее. Если будешь писать, то пиши по адресу отделения Тверской М-ры…

Крепко тебя целую. Любящая тебя Наташа».

Это письмо написано в 1915 году. Непонятно, как складывалась жизнь Поповых-Морозовых до 1917 года. В сентябре 17-го скоропостижно умирает Варвара Алексеевна, завещав перед смертью свои паи рабочим Тверской мануфактуры на улучшение их быта и социальных условий. Новым акционерам оставалось пользоваться плодами последней благотворительной акции Морозовой менее двух месяцев. После Октябрьского переворота находившийся на фронте Николай Константинович Попов вместе со своими солдатами переходит на сторону Красной армии. Что послужило тому причиной – очарование идеями свободы, равенства, братства, чувство вины перед народом, фронтовая дружба – сейчас уже трудно сказать. В любом случае, он сделал свой выбор, следовал раз выбранному пути до конца жизни и дорого за свой выбор заплатил, впрочем, как и его семья.

В декабре 1917-го у Поповых рождается дочь Варвара.

Особняк Варвары Алексеевны был захвачен анархистами, забрать вещи матери оттуда не удалось. В квартиру в Трубниковском вселились революционные матросы – Поповым оставлена была одна комната. Дальше все как у всех – голод, мена вещей на продукты, поездки в деревню за мукой. Все это не раз описано.

Впрочем, у Наталии Васильевны оставались кое-какие украшения. Банк, где она их держала, был национализирован. Но в газете появилось объявление, что владельцы банковских сейфов могут присутствовать при их вскрытии, причем малоценные предметы будут им возвращены. Наталия Васильевна смело отправилась в банк и без труда убедила красноармейцев, что принадлежавшие ей платиновые украшения – серебряные побрякушки, которые ей тут же и вернули.

Как только начался нэп, на полученные от продажи драгоценностей деньги Поповы приобрели бывшую конюшню князей Волконских и стали так называемыми застройщиками. Отремонтированная конюшня с сеновалом, расположенная практически на пересечении Плотникова переулка и Сивцева Вражка, превратилась в маленький двухэтажный домик с винтовой лестницей и большим залом на первом этаже.

Жизнь понемногу налаживалась. Вместо страшной коммуналки появился дом. Наталия Васильевна поступила окулистом в поликлинику У.Х.Л.У., Николай Константинович работал инженером-технологом на карандашной фабрике им. Красина. Дочь Таня пошла в школу. В 1924 году родился сын Василий.

В этом же году вместе с семьей уехал в Германию брат Наталии Васильевны Глеб. Через несколько лет планировалось отправить к ним Таню Попову для получения высшего образования. Этим планам не удалось осуществиться, более того, через несколько лет связь с семьей брата оборвалась. Все, что осталось в семье Поповых, – это несколько фотографий и серебряный детский стаканчик с надписью «Марочка», который Марианна оставила кузине на память.

Что стало с Глебом Васильевичем Морозовым и его семьей, мы, к сожалению, не знаем. Поиски через парижскую «Русскую мысль» результатов не дали.

В 1926 году Таня окончила школу, о чем имеется свидетельство Московского губернского отдела народного образования: «Настоящее свидетельство выдано по постановлению школьного Совета двенадцатой школы Хамовнического района Поповой Татьяне в том, что означенная в сем Попова Т. поступила в 1923 году в V группу 12-й школы, пробыла в школе 3 года и по окончании курса VII группы, на основании учета всей ее работы, признана Школьным Советом подлежащей выпуску из школы, как усвоившая в полной мере все предметы курса школы в объеме семи групп».

Делать после школы было решительно нечего. Учиться дальше она не могла, поскольку родители были «из бывших» и «из служащих». После школы Татьяна была направлена на торговлю нитками с лотка, каковые были в первый же день разворованы мальчишками. Так же как лоточная торговля, не пошла и работа учетчицей в булочной. Пришлось устраиваться кем-то вроде гувернантки в семью немецкого специалиста и идти учить французский и английский языки на курсы Берлица.

В 1928 году Татьяна поступает на московские геологоразведочные курсы, где готовили коллекторов – помощников геологов. Было такое место в Москве, куда брали, не спрашивая о происхождении. Соответственно и состав учеников там подобрался прекрасный. Но спустя год Танин товарищ, юноша гораздо более опытный и уже хлебнувший Соловков, как-то почувствовал, что становится неспокойно. И уговорил Татьяну написать заявление, что хочет она начать как можно скорее приносить пользу родине и просит, не дожидаясь конца обучения, направить ее в поле. Он оказался прав: вскоре коллекторские курсы были основательно вычищены, а многие ученики арестованы. Татьяна же оказалась старшим коллектором Липецкой геологоразведочной партии, где благополучно и с удовольствием проработала до 1933 года и даже впоследствии написала воспоминания о своей липецкой юности. В 1933 году она вернулась в Москву и уже как «ударник первой пятилетки» смогла поступить на геологический факультет МГУ.

Одним из ее однокурсников был Виктор Николаевич Демьянов. Родился он в семье тульских помещиков. Революция застала его в кадетском корпусе в Туле. Как только в городе начались беспорядки, директор лично распустил корпус и потребовал, чтобы кадеты, сняв погоны, возвращались к себе домой. Этим он многим спас жизнь. В двадцатые годы Виктор пытался продолжить образование и поступил в тульский педагогический институт, откуда был быстро отчислен как представитель сословия угнетателей. Некоторое время он работал учителем в сельской школе, затем ему удалось

переехать в Москву и поступить в университет. Виктор и Татьяна поженились, жить стали в Плотниковом переулке, в 1937 году у них родился сын Николай.

А Николая Константиновича Попова в тридцатые годы несколько раз арестовывали по обвинению во вредительстве – в графитном цехе, начальником которого он был, часто взрывались котлы с графитом.

Его выпускали, но материал на него копился. Вот, например, выдержки из допроса режиссера Королькова.

Вопрос: Расскажите, что собой представляет ПОПОВ.

Ответ: ПОПОВ Николай Константинович мой однокашник по гимназии. В прошлом он приемный сын известного чаеторговца Попова. Н.К. ПОПОВ, инженер-химик, ныне арестован в связи с взрывом на фабрике им. Красина, на которой он работал в качестве начальника графитного цеха.

С ПОПОВЫМ я был в Мюнхене в 1906-7 г.г. В период с 1912 г. по 1914 г. ПОПОВ жил в Англии, так как его приемный отец собирался сделать его специалистом по линии чаеторговли.

Вопрос: Дайте политическую характеристику ПОПОВУ.

Ответ: Я считаю, что ПОПОВ советски настроенный специалист, но в нем иногда заметны какие-то идеалистические настроения, поэтому я шутя называл его в разговорах с ним меньшевистствующим.

Вопрос: А с меньшевиками он имел связи?

Ответ: ПОПОВ встречался с Кириком ЛЕВИНЫМ.

Вопрос: А кроме Кирика ЛЕВИНА с кем из меньшевиков имел связи ПОПОВ?

Ответ: Мне неизвестно, но я допускаю, что до революции он близко встречался с меньшевиками.

Протокол допроса М. В. Королькова (Кремлевское дело), 11 марта 1935 г.

В сентябре 1938 года Николай Константинович был арестован и спустя пять месяцев расстрелян. Его второй внук Глеб родился через месяц с

небольшим после его смерти. Но тогда никто не знал, что Николай Константинович расстрелян. Приговор был стандартный – 10 лет без права переписки. Наталия Васильевна раздобыла адреса лагерей, где предположительно мог находиться ее муж, и сразу начала слать посылки во все эти лагеря. Список их сохранился вместе с ее заявлениями в НКВД с просьбой сообщить ей о судьбе мужа, которые она писала вплоть до его реабилитации в 1957 году. Вот по этим адресам:

1. Мариинские лагеря Н.К.В.Д. г. Мариинск
2. Д.В.К. Хабаровск Дальлаг
3. Д.В.К. г. Свободный Бамлаг
4. Ногаево Колыма Колымский лагерь

шли посылки с продуктами, чтобы почти через год вернуться обратно протухшими и заплесневевшими.

Семью, слава Богу, из Москвы не выселили, только уплотнили. Первый этаж дома отобрали, вселив туда посторонних. А участь Николая Константиновича – он был расстрелян 4-го марта 1939 года по обвинению в шпионаже и сожжен в Донском крематории – стала известна его семье только в девяностые годы благодаря спискам «Мемориала».

Попов Николай Константинович, 1887 г. р. Место рождения: Москва; русский; образование: высшее; б/п; преподаватель математики в московской средней школе № 648.; место проживания: Москве: Плотников пер., д. 17, кв. 2. Арест: 05.09.1938. Осужд. 04.03.1939. Военная коллегия Верховного суда СССР. Обв. по обвинению в шпионаже. Расстр. 04.03.1939. Место расстрела: Москва, Донское кладбище Реаб. 29.08.1957 ВКВС СССР., основание: реабилитирован.

«Мемориал»: Москва, расстрельные списки. Донской крематорий.

К началу войны квартира в Плотниковом переулке была битком набита. Жили там Наталия Васильевна Попова, ее старшая дочь Татьяна с

мужем, двумя сыновьями – Николаем и Глебом – и свекровью, средняя дочь Варвара и младший сын Василий.

Варвара была красавица, училась в медицинском, собиралась, как и мать, стать окулистом. Она довольно рано вышла замуж и в 1941 году у нее родился сын Володя. Мальчик родился слабый, с больным сердцем. Эвакуацию и войну он пережил, но в 14 лет умер от порока сердца. Варя второй раз вышла замуж в конце войны за ослепшего после ранения солдата. Вылечила его, и они счастливо прожили всю жизнь вместе. Она была известным в Москве окулистом.

Татьяна вместе с детьми тоже уехала из Москвы – в Тульскую область, на родину мужа. Там, в 1943 году на ее руках задохнулся от дифтерита ее старший сын Коля, Колюшка, как его называли дома. Похоронен он на деревенском кладбище.

В середине войны был призван в армию Вася Попов. Целым и невридимым довоевал до победы и погиб летом 45-го года. Он должен был доставить в часть крупную сумму денег – его ограбили и зарезали. Где он похоронен – неизвестно.

Татьяна Николаевна вернулась в Москву, в 1944 году поступила работать в Московский институт геодезии, аэросъемки и картографии (МИИГАиК), где уже преподавал ее муж Виктор Николаевич Демьянов. Защитила диссертацию по геоморфологии, вместе с мужем они написали учебник «Общая физическая география». В МИИГАиК же поступил учиться и их сын Глеб Демьянов. Сейчас он руководит в этом институте кафедрой высшей геодезии, одновременно заведуя отделом в центральном научно-исследовательском институте геодезии, аэросъемки и картографии, занимается теоретическими проблемами космической геодезии.

В 1961 году в семье появилась еще одна Морозова – Глеб женился на своей однокурснице Тане Морозовой. Татьяна стала геофизиком, занималась гравиметрией. Объездила полмира, долго работала на Кубе, в Средней Азии, на Камчатке. У них двое дочерей: Екатерина Демьянова – художник – и

Ольга Демьянова – журналист – и трое внучек: Марианна Алексеевна и София Алексеевна Каменские и Мария Александровна Терентьева.

[1] ЦИАМ Ф. 2122. Оп. 1. Д. 2373. Л. 64 об.
[2] Полунина Н., Фролов А. Коллекционеры старой Москвы. М., 1997. С. 221.
[3] Н. Рок(шанин). Из Нижнего. Очерки и снимки // Новости и биржевая газета. 1897. № 210.
[4] За его сына Николая вышла замуж дочь Варвары Алексеевны Наталия, сводная сестра Михаила.
[5] ЦИАМ Ф. 203. Оп. 776. Д. 106. Л. 347 об., 348.
[6] Головин А.Я. Встречи и впечатления. Письма. Воспоминания о Головине. Л.-М., 1960., С. 75.
[7] Дягилев С.П. М.А. Морозов: Некролог // Сергей Дягилев и русское искусство. Т. 1. М., 1982. С. 178, 179.
[8] Валентин Серов / Под ред. Брука Я.В. Л., 1991. С. 44.
[9] ОР РГБ Ф. 171. К. 2. Ед. хр. 22. Л. 1, 2.
[10] ОР РГБ Ф. 171. К. 3. Ед. хр. 18. Л. 1, 1 об.
[11] Городские учреждения Москвы, основанные на пожертвования. М., 1906. С. 439.
[12] Городские учреждения Москвы, основанные на пожертвования. М., 1906. С. 440.
[13] Там же. С. 400.
[14] Московское Общество покровительства беспризорным и освобождаемым из мест заключения несовершеннолетним. Отчет комитета 1899 (с 1 января 1899 по 1 января 1900). С. 23, 24.
[15] «Исторический вестник». 1903. № 12. С. 1148, 1149.
[16] Полунина Н., Фролов А. Коллекционеры старой Москвы. М., 1997. С. 222.
[17] Друганов И.А. Библиотеки ведомственные, общественные и частные и судьба их в советскую эпоху // Советская библиография. 1934. № 2. С. 76, 77.
[18] ГАКО. Ф. 850. Оп. 1. Д. 1804а. Л. 3, 7.
[19] ГАКО. Ф. 850. Оп. 1. Д. 1804а. Л. 3, 7.
[20] ОР РГБ Ф. 171. К. 20. Ед. хр. 1. Л. 1, 2, 3, 4.
[21] «Русские ведомости». 1903. № 282. С. 1.
[22] «Русские ведомости». 1903. № 282. С. 1.
[23] Там же.
[24] «Русские Ведомости». 1903. № 283. С. 2.
[25] ОР РГБ Ф. 171. К. 20. Ед. хр. 7. Л. 1, 2, 3, 4.
[26] ОР РГБ Ф. 171. К. 2. Ед. хр. 65. Л. 1, 1 об., 2, 2 об.
[27] Морозова М.К. Мои воспоминания // Московский альбом М., 1997. С. 192-209.
[28] Ал. Кондратьев. Салон 1909 г. Письмо из Петербурга; «Голос Москвы». 1909. 9 января. № 6 А.Ш. Салон. «Вечер». 1909. 9 января. № 213.
[29] Валентин Серов // Под ред. Брука Я.В. Л., 1991. С. 62, 63.
[30] Там же. С. 119, 120.
[31] Грабарь И. Валентин Александрович Серов. М., 1965. С. 342.
[32] Аксакова (Сиверс) Т.А. Семейная хроника. М., 2006. С. 112.
[33] ОР РГБ Ф. 171. К. 4. Ед. хр. 2а. Л. 15.
[34] Там же. Л. 8, 8 об.
[35] ОР РГБ Ф. 171. К. 4. Ед. хр. 2а. Л. 35, 35 об.
[36] ОР РГБ Ф. 171. К. 4. Ед. хр. 2а.
[37] ОР РГБ Ф. 171. К. 4. Ед. хр. 2а. Л. 9.
[38] Там же. Л.13.
[39] ОР РГБ Ф. 171. К. 4. Ед. хр. 2а. Л. 22.
[40] Та же. Л. 68 об.
[41] Аксакова (Сиверс) Т. А. Семейная хроника. М., 2005. Книга I. С. 311.
[42] ОР РГБ Ф. 171. К. 4. Ед. хр. 2а. Л. 73, 73 об.
[43] ОР РГБ Ф. 171. К. 13. Ед. хр. 13. Л. 1, 2, 3, 4.
[44] «Морские записки». Нью-Йорк. 1963. Vol. 21, № 1(58). С. 116.
[45] ОР РГБ Ф.171. К. 5. Ед. хр. 3. Л. 1, 2, 4, 5, 6 об.
[46] Список владельцев автоматических экипажей на 1 января 1914 г. М., б/г. С. 66, 67.
[47] Лизунов В.С. Минувшее проходит предо мною… Орехово-Зуево, 1995. С. 65.
[48] ОР РГБ Ф. 171. К. 13. Ед. хр. 23. Л. 1.
[49] ОР РГБ Ф. 171. К. 4. Ед. хр. 2а. Л. 61, 61об.
[50] Там же. Л. 60, 60 об.
[51] ОР РГБ Ф. 171. К. 13. Ед. хр. 23. Л. 3.
[52] ОР РГБ Ф. 171. К. 13. Ед. хр. 23. Л. 5.

[53] Там же. Л. 7, 7 об., 8, 8 об.
[54] Автобиография, а также воспоминания Е.М. Буромской-Морозовой и М.К. Морозовой взяты из книги «Михаил Морозов. Избранное». М., 1979. С. 612-621.
[55] Урнов М. Человек с огнем и талантом // Михаил Морозов. Избранное. М., 1979. С. 6, 7.
[56] ОР РГБ Ф. 171. К. 13. Ед. хр. 20. Л. 12, 8.
[57] Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917-1999. В 6 томах. Т. 4. // Сост. Чуваков В.Н. М., 2004. С. 649.
[58] ОР РГБ Ф. 171. Оп. 4. Ед. хр. 2а. Л. 55, 55 об.
[59] Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. М.-СПб., 1995. С. 198-204.
[60] ОР РГБ Ф. 171. К. 25. Ед. хр. 1. Л. 4.
[61] ОР РГБ Ф. 171. К. 20. Ед. хр. 2. Л. 1, 3-10, 12 об., 13, 16, 30, 70.
[62] ОР РГБ Ф. 171. К. 20. Ед. хр. 3. Л. 1.
[63] Там же. Л. 1 об.
[64] Там же. Л. 4, 4 об., 5, 5 об.
[65] ОР РГБ Ф. 171. К. 20. Ед. хр. 9. Л. 1, 1 об.
[66] Мария Николаевна Ермолова. Письма. Из литературного наследия. Воспоминания современников. М., 1955. С. 203.
[67] ОР РГБ Ф. 171. К. 20. Ед. хр. 8.
[68] Розанов В.В. Уединенное. М., 1990. С. 182, 183.
[69] ОР РГБ Ф. 171. К. 22. Ед. хр. 25. Приходно-расходная книга.
[70] ОР РГБ Ф. 171. К. 2. Ед. хр. 8а. Л. 1.
[71] ОР РГБ Ф. 171. К. 23. Ед. хр. 1а.
[72] Там же. Л. 8, 9.
[73] ОР РГБ Ф. 171. К. 23. Ед. хр. 1а.
[74] Их переписка - ОР РГБ Ф. 171. К. 2. Ед. хр. 26а.
[75] ОР РГБ Ф. 171. К. 2. Ед. хр. 67. Л.1, 1 об., 2.
[76] Скаткин Ю. Огоньки в глуши. Детское царство С.Т. Шацкого. Обнинск, 2001. Предисловие.
[77] ОР РГБ Ф. 171. К. 9. Ед. хр. 9. Л. 1, 1 об., 2, 2 об.
[78] ОР РГБ Ф. 171. К. 2. Ед. хр. 8. Л. 1, 3.
[79] ОР РГБ Ф. 171. К. 2. Ед. хр. 16. Л. 1.
[80] ОР РГБ Ф. 171. К. 20. Ед. хр. 11. Л. 1.
[81] ОР РГБ Ф. 171. К. 25. Ед. хр. 1. Л. 1.
[82] Там же. Л. 4.
[83] ЦИАМ Ф. 2122. Оп. 1. Д.2327. Л. 70 об.
[84] Полунина Н., Фролов А. Коллекционеры старой Москвы. М., 1997. С. 216.
[85] Морозова М.К. Мои воспоминания // Московский альбом. М., 1997. С. 197.
[86] ЦИАМ Ф. 351. Оп. 1. Д. 65. Л. 3.
[87] ЦИАМ Ф. 351. Оп. 1. Д. 65. Л. 10, 11.
[88] Там же. Л. 11.
[89] Там же. Л. 18, 24, 27, 38.
[90] Там же. Л. 52, 55.
[91] ЦИАМ Ф. 351. Оп. 1. Д. 65. Л. 33.
[92] ЦИАМ Ф. 351. Оп. 1. Д. 790. Л. 1, 2, 14, 15, 22, 23, 38.
[93] ЦИАМ Ф. 351. Оп. 1. Д. 790. Л. 11.
[94] Там же. Л. 35, 41.
[95] Там же. Л. 14.
[96] Терновец Б.Н. Письма. Дневники. Статьи. М., 1977. С. 106-110, 112, 113, 117, 118, 119, 122, 123.
[97] Головин А.Я. Встречи и впечатления. Письма. Воспоминания о Головине. Л.-М., 1960. С. 74, 75.
[98] Иванова Л.В. Топография владений Морозовых в Москве // Труды первых Морозовских чтений. Ногинск (Богородск), 1995. С. 72.
[99] Кн. Сергей Щербатов. Художник в ушедшей России. М., 2000. С. 470.
[100] Бахрушин Ю.А. Воспоминания. М., 1994. С. 282.
[101] Лебедева Т.А. Картины и художники. Наброски воспоминаний // Панорама искусств. № 5. 1982. С. 186, 187.
[102] С. 123.
[103] Там же.
[104] Игорь Грабарь. Моя жизнь. Автомонография. М.-Л., 1937. С. 244-246.
[105] Додолев М.А. Морозовы и Италия // Морозовы и Москва. Труды юбилейной научно-практической конференции «Морозовские чтения». М., 1998. С. 256, 257.
[106] Среди коллекционеров. 1921. № 10. С. 38-41.
[107] Валентин Серов // Под ред. Брука Я.В. Л., 1991. С. 46, 47.

[108] «Евдокия Сергеевна Морозова (Кладовщикова, по сцене Лозенбек), 1885-1959, похоронена под Парижем» (Филаткина Н., Дроздов М. Морозовы. Династия фабрикантов и меценатов: Опыт родословия. Ногинск, 1995. С. 24.)
[109] Валентин Серов // Под ред. Брука Я.В. Л., 1991. С. 44.
[110] Валентин Серов в воспоминаниях, дневниках и переписке современников. Т. 1. Л., 1971. С. 271.
[111] Бахрушин Ю.А. Воспоминания. М., 1994. С. 280-284.
[112] ЦИАМ Ф. 1000. Оп. 1. Д. 6. Л. 41, 41 об.
[113] Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917-1999. В 6 томах. Т. 4. // Сост. Чуваков В.Н. М., 2004. С. 644.
[114] Варенцов Н.А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. М., 1999. С. 679, 680.
[115] ЦИАМ. Ф. 83. Оп. 2. Д. 758.
[116] Федосюк Ю.А. Из истории Москвы XIX века // Вопросы истории. 1969. № 5. С. 209-211.
[117] Иванова Л.В. Топография владений Морозовых в Москве // Труды первых Морозовских чтений. Ногинск (Богородск), 1995. С. 67.
[118] ВаренцовН.А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. М., 1999. С. 679.
[119] Федосюк Ю.А. Из истории Москвы XIX века // Вопросы истории. 1969. № 5. С. 210, 211.
[120] Федосюк Ю.А. Из истории Москвы XIX века // Вопросы истории. 1969. № 5. С. 212.
[121] Варенцов Н.А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. М., 1999. С. 678, 679.
[122] ЦИАМ Ф. 131. Оп. 5. Д. 3818. Л. 2.
[123] ЦИАМ Ф. 131. Оп. 5. Д. 3818. Л. 10.
[124] Там же. Л. 15.
[125] Вся Москва. 1917 г. Ч. 2. С. 251.
[126] Морозова М.К. Мои воспоминания // Московский альбом. М., 1997. С. 197.
[127] Лизунов В.С. Минувшее проходит предо мною… Орехово-Зуево, 1995. С. 66.
[128] «Русские ведомости». 1908. № 301. С. 1.
[129] «Московские ведомости». 1908. № 299. С. 3.
[130] «Русские ведомости». 1909. № 25. С. 1.
[131] Филаткина Н., Дроздов М. Морозовы. Династия фабрикантов и меценатов: Опыт родословия. Ногинск, 1995. С. 24.
[132] ЦИАМ Ф. 418. Оп.319. Д. 908. Л. 7.
[133] ЦИАМ Ф. 418. Оп.319. Д. 908. Л. 1.
[134] Там же. Л. 14.
[135] ЦИАМ Ф. 418. Оп.319. Д. 908. Л. 16.
[136] Там же. Л. 18.
[137] ЦИАМ Ф. 418. Оп.319. Д. 908. Л. 20.
[138] Там же. Л. 4, 4 об., 5, 5 об., 6.
[139] Там же. Л. 2, 2 об., 3.
[140] ЦИАМ Ф. 418. Оп.319. Д. 908. Л. 8.
[141] ЦИАМ Ф. 418. Оп.319. Д. 908. Л. 21.
[142] РГАЛИ Ф. 452. Оп. 1. Д. 21. Л. 1, 1 об., 2, 2 об.
[143] ЦИАМ Ф. 418. Оп.319. Д. 908. Л. 22.
[144] ЦИАМ Ф. 418. Оп.319. Д. 908. Л. 25.
[145] ЦИАМ Ф. 351. Оп. 1. Д. 63. Л. 1 об., 2 об., 3 об., 4 об., 5 об.
[146] Новикова Е.Б. Хроника пяти поколений. М.,.1998. - С. 307, 308.
[147] ЦИАМ Ф. 418. Оп. 419. Д. 83. Л. 32, 32 об.
[148] Там же. Л. 29.
[149] ЦИАМ Ф. 418. Оп. 419. Д. 83. Л. 30.
[150] Там же. Л. 34.
[151] Там же. Л. 25.
[152] ЦИАМ Ф. 418. Оп. 419. Д. 83. Л. 28.
[153] ЦИАМ Ф. 418. Оп. 427. Д. 174. Л. 5.
[154] ЦИАМ Ф. 418. Оп. 427. Д. 174. Л. 1.
[155] ЦИАМ Ф. 418. Оп. 427. Д. 174. Л. 7.
[156] Там же. Л. 8.
[157] ЦИАМ Ф. 418. Оп. 462. Д. 1390. Л. 4.
[158] Там же. Л. 13.
[159] Там же. Л. 10 об., 11.
[160] ЦИАМ Ф. 418. Оп. 462. Д. 1390. Л. 16.
[161] Там же. Л. 11 об.
[162] Там же. Л. 1.
[163] Там же. Л. 5.
[164] Там же. Л. 16.

[165] ГАРФ Ф. 102. ОО. 1898 г. Д. 5. Ч. 39. Л. 83, 83 об., 84.
[166] Новикова Е.Б. Хроника пяти поколений. - М., 1998. - С. 173-175.
[167] Адресная книга «Вся Москва» за 1925 г. С. 600.

Увековечение памяти В.А. Морозовой

Варвара Алексеевна Морозова умерла в сентябре 1917 г. Вскоре – в октябре, произошла революция, ознаменовавшая начало новой эпохи. Тверская мануфактура, подобно многим российским предприятиям, была национализирована и переименована в фабрику «Пролетарский труд». Память о прежних хозяевах – Морозовых, сохранялась лишь в негативном свете, как об угнетателях и эксплуататорах. Ни о каких благотворительных деяниях не могло быть и речи. Естественно, что все заведения, носящие имя Варвары Алексеевны или членов ее семьи, были переименованы или закрыты. Так, новая власть закрыла все созданные при прежнем режиме учебные заведения. Перестало существовать ремесленное училище им. В.А. Морозовой на Покровской. Сама улица была переименована в Бакунинскую, а в помещениях училища с начала 1940-х гг. разместился завод «Физприбор».

Второе Рогожское начальное училище, располагавшееся в доме на Б. Калитниковской улице, выстроенном на деньги, пожертвованные В.А. Морозовой, было также закрыто. Однако здание все же используется по назначению – в нем до сих пор находится профессионально-техническое училище.

В 1930-х гг. перестали существовать Пречистенские рабочие курсы и Народный университет им. А.Л. Шанявского. Перед тем, как быть закрытыми, эти учебные заведения претерпели ряд реорганизаций и переименований. Пречистенские рабочие курсы после революции в 1917 г. переименованы в Пречистенские социалистические рабочие курсы, а в 1919 г. на их основе был создан вечерний рабочий факультет (рабфак). Подобно другим учебным заведениям такого типа, основной задачей рабфака была подготовка представителей рабочего класса и крестьянства к учебе в высшей школе. В конце 1930-х гг. надобность в рабфаках отпала и они были упразднены.

Не избежал своей участи и университет им. А.Л. Шанявского. В связи с реорганизацией системы народного образования он был закрыт в конце 1918 г. Его академическое отделение влилось (1919 г.) в МГУ, научно-популярное объединилось (1920 г.) с рабочим факультетом Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова. В 1935 университет преобразован в Высшую школу пропагандистов при ЦК ВКП (б) им. Я.М. Свердлова, которая в 1939 г. стала называться Высшей партийной школой при ЦК КПСС. На ее основе в 1991 г. был создан Российский государственный гуманитарный университет.

Клинический городок на Девичьем поле пережил революционные бури. Его клиники и поныне продолжают служить людям. Однако и здесь произошли неизбежные изменения. В 1930 г. медицинский факультет МГУ, которому принадлежали клиники, был выделен из состава университета и преобразован в 1-й Московский медицинский институт. В 1955 г. ему присвоено имя И.М. Сеченова. В 1990 г. институт был преобразован в медицинскую академию. Психиатрической клинике, положившей начало созданию городка, в 1938 г. было присвоено имя С.С. Корсакова. В 1998 г. (?) на фасаде здания клиники установлена памятная доска, рассказывающая об истории ее возникновения.

Рядом с психиатрической по-прежнему располагается, хотя и сильно перестроенная, клиника нервных болезней. Не существует лишь построенный Варварой Алексеевной приют для нервных больных.

Раковый институт имени Морозовых существует ныне под другим названием – «Онкологический институт им. Герцена» и находится не на Девичьем поле, а на Втором Боткинском проезде, в здании, построенном для него в 1960-х гг.

Постепенно имена основателей клиник, в том числе В.А. Морозовой возвращаются из забвения. В музее Медицинской академии им. Сеченова собираются и бережно хранятся материалы по истории создания клиник. В экспозиции музея представлены фотография Варвары Алексеевны и ряд

документов, раскрывающих ее вклад в создание Клинического городка. Сотрудники музея не оставляют попыток разыскать портрет В.А. Морозовой, который до революции висел в аудитории Психиатрической клиники.

Много делает для увековечения памяти своей основательницы и Библиотека-читальня им. И.С. Тургенева. Ей удалось пережить и разруху первых послереволюционных лет, и тяжелые годы Великой Отечественной войны. После 1917 г. упоминание имени Варвары Алексеевны исчезает из документов читальни (пишется, что читальня основана на народные средства). Не сохранился и портрет В.А. Морозовой, висевший в читальном зале рядом с портретом И.С. Тургенева. Впервые за многие годы забвения имя Варвары Алексеевны как основательницы Библиотеки появляется в статье «Имя обязывает», написанной директором Георгием Николаевичем Карноуховым в 1966 г. к 80-летию читальни. Однако до осмысления вклада этой замечательной женщины и благотворительницы в народное просвещение было еще далеко.

В 1972 г. при реконструкции Тургеневской площади было снесено построенное на деньги Варвары Алексеевны историческое здание читальни. В течение долгих 25 лет сотрудники и читатели боролись за возрождение старейшей, подлинно народной библиотеки Москвы. В конце 1980-х годов их усилия, наконец, успехом: Правительством Москвы Библиотеке было выделено два здания по Боброву переулку, входящие в комплекс усадьбы XVII – XIX веков. После этого наступил длительный период реконструкции зданий. Первым открылось для читателей строение 2 – его реконструкция была завершена к сентябрю 1997 г., а 9 ноября 1998 г., в рамках празднования «Дней И.С. Тургенева в Москве», посвященных 180-летию со дня рождения великого русского писателя, состоялось официальное открытие первой очереди Библиотеки. Вторая очередь (строение 1) завершена в 2004 г. На его фасаде была установлена памятная доска…На главной лестнице, напротив входа в Библиотеку, помещен портрет В.А. Морозовой художника В.Е. Чумакова. В стенах Библиотеки находится еще

несколько живописных портретов Варвары Алексеевны. Это и литография, выполненная В.Е. Чумаковым в коллекции «Московские меценаты» (ее художник подарил Библиотеке в 2003 г.). К ним относятся и два портрета кисти современного художника Ю.Б. Пекуровского. Один находится в одном из самых красивых помещений Библиотеки – Тургеневской гостиной, другой украшает выставочный холл второго этажа строения 1, где расположена постоянно действующая выставка, посвященная жизни и благотворительной деятельности В.А. Морозовой. Оформление этой выставки – результат исследовательской деятельности сотрудников Библиотеки по поиску документов, связанных с В.А. Морозовой в библиотеках и архивах Москвы. Удалось собрать обширный материал, часть из которого представлена на выставке, но главное, внесен в электронную базу данных «В.А. Морозова – потомственная почетная гражданка Москвы». База ведется с 2002 г. и постоянно пополняется.

На этом деятельность Библиотеки по увековечению памяти своей основательницы не ограничивается. В 2004 г. по инициативе Библиотеки-читальни был организован сбор средств на установку памятника на могиле В.А. Морозовой на Ваганьковском кладбище (там находилась лишь скромная плита). Эскиз надгробья составила Екатерина Глебовна Демьянова, праправнучка В.А. Морозовой. Памятник, выполненный в граните ОАО «Московским Камнеобрабатывающим Комбинатом – Ритуал», установлен в июле 2005г. гранитным цехом Ваганьковского кладбища.

В 2007 г. в Библиотека получила еще одно изображение своей основательницы – скульптурный портрет, выполненный в мраморе Леопольдом Исааковичем Бляхом, известным московским скульптором.

Библиотека-читальня им. И.С. Тургенева выступила инициатором учреждения памятной медали в честь В.А.Морозовой. Медалью предполагается награждать современных благотворителей, жертвующих деньги в развитие социальной сферы Центрального округа.

В своей деятельности по установлению исторической справедливости в отношении В.А. Морозовой Библиотека тесно сотрудничает с организациями, в создании которых принимала участие Варвара Алексеевна: Московской медицинской академией им. И.М. Сеченова, МГТУ им. Э. Баумана, Российским государственным гуманитарным университетом, Тверским государственным университетом. Доцент кафедры отечественной истории последнего Вера Николаевна Кулик в 2005 г. на материалах Тверского и Московского архивов издала книгу о благотворительной деятельности В.А. Морозовой.

В 2008 г. исполнится 160 лет со дня рождения Варвары Алексеевны Морозовой. Библиотека планирует отметить эту дату рядом мероприятий, первое из которых – выход в свет данной книги.

Библиография

1. Аронов А.А. Золотой век русского меценатства. – М.: Изд-во МГУК, 1995. – 115 с.

Во вступлении к работе говорится об основавшей Тургеневскую библиотеку В.А. Морозовой и о собрании ее отца – Хлудовской библиотеке.

2. Бахтина З.И. Клинический городок на Девичьем поле – памятник меценатства и благотворительности // Ист. вестник Москов. мед. академии им. И.М. Сеченова. – Т. VIII. – М.: Шико, 1997. – С. 78–98.

Среди жертвователей на строительство клинического городка упомянута и В.А. Морозова (С. 88; портр. ее и А.А. Морозова, С. 88, 89).

3. Благотворители и меценаты прошлого и настоящего: Сл.-справ. От А до Я / Авт.-сост.: М.Л. Макальская, Н.Н. Бобровская. – М.: Изд-во»Дело и Сервис», 2003. – 256 с. – Из содерж.: Варвара Алексеевна [Морозова]: [Сл. ст.]. – С. 94.

За 1909–10 гг. на благотворительные учреждения ею было отчислено 580 000 руб. В.А. Морозова ежегодно ассигновывала 760 руб. на пособия Мариинской женской гимназии, а в 1910 г. на ремонт было выделено 17 000 руб.В 1914 г. была оказана материальная помощь примерно 1000 семей воинов.

4. [Голенкин М.И.]Ботанический сад Московского государственного университета: Путеводитель. – Изд. 4-е. – М.: Москов. рабочий, 1936. – С. 7

5. Бурышкин А.Н. Москва купеческая. – М.: Столица, 1990. – С. 112 – 125.

О меценатстве Морозовой в области российской культуры.

6. **Варенцов Н**.А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое / Вступ. ст., сост., подг. Текста и коммент. В.А. Любартовича и Е.М. Юхименко. – М.: Новое лит. обозрение, 1999. – **848 с.**

В мемуарах часты эпизоды из жизни семейств Хлудовых и Морозовых (в том числе и В.А. Морозовой, урожденной Хлудовой), связанных с Варенцовыми родственными узами.

7. Власов П. Обитель милосердия. – М.: Московский рабочий, 1991. – 303 с. – Из содерж.: [О В.А. Морозовой]. – С. 194–197; 208.

О создании психиатрической и нервной клиник Московского университета на пожертвования Морозовой.

8. Городские учреждения Москвы, основанные на пожертвования и капиталы, пожертвованные Московскому городскому общественному правлению в течение 1863–1904 г. / Московское городское общественное управление; Сост. Н.В. Несмеянов. – М., 1906.

Из содерж.: [Бычков Н.М.]. Городская читальня имени И.С. Тургенева. – С. 96–104, 312, 313. – С. 379; [Упоминание в общем перечне пожертвований вклада В.А. Морозовой в благотворительное дело Москвы – основания ею первой общедоступной бесплатной городской Читальни им. Тургенева, построения дома для учащихся ремесленного и начального училищ]. – С. 457.

9. Деятели освобождения: Альбом портр. / Рис. О.Я. Перельмана // Голос жизни. – 1905. – № 10 / 14. – Из содерж.: В.А. Морозова – С. 122–123. – (Текст и портр.).

Короткие критические эссе и портреты деятелей конституционно-демократической партии, в том числе В.А. Морозовой.

10.Думова Н.Г. Варвара с Воздвиженки // Утро России. – 1994. – № 46 / 47. – С. 12.

Биография В.А. Морозовой; ее портрет.

11.Думова Н.Г. Морозова из рода Хлудовых // Социальная защита. – 1995. – № 1. – С. 94–97; № 2. – С. 88 – 90.

Краткая биография В.А. Морозовой как благотворительницы.

12.Думова Н.Г. Московские меценаты. – М.: Молодая гвардия, 1992. – С. 64 – 76.

Живой рассказ об общеизвестных деталях биографии Морозовой.

13.Егорьевский городской голова Никифор Михайлович Бардыгин: 1872–1901. – М., [Б. г.]. – 187 с.; ил. С. 15–20

Об отце В.А. Морозовой, А.И. Хлудове, и его братьях; их портреты, вид фабрики.

14.Завещание В.А. Морозовой // Рус. ведомости. – 1917. – № 219 (26 сент. (9 окт.)). – С. 5–6. – (Москов. вести).

15.История московского купеческого общества: 1863–1913 / Московская Купеческая Управа; Под ред. В.Н. Сторожева. – Т. 5. Вып. 2. – М., 1914. – Из содерж.: [О приобретении Купеческой управой дома у В.А. Морозовой]. – С. 745–752; С. 778; 783; 791.

16.История предпринимательства в России: Кн. 2. Вторая половина XIX – начало XX века. / Ин-т рос. ист. РАН; Рук. проекта Ю.А. Петров. – М.: «Рос. полит. энцикл». (РОССПЭН), 1999 [2000]. – С. 527–530, ил.

17.Кириченко Е.И. Морозовы и русская культура // 1-ые Научно-практические чтения «Морозовы и Москва». – Ногинск. – 1996. – С.58 – 74.

18.Клинический городок на Девичьем поле. 1897 – 1997. – М.: Медицина, 1997. –184 с.: ил.

19.Кожевников А.Я. Описание психиатрической клиники имени Абрама Абрамовича Морозова при Императорском Московском университете, составленное проф. А.Я. Кожевниковым ко дню ее освящения. – М.: Ун-тет. типогр. М. Каткова, 1886. – С.III, 1, 2, 4-6.

20.Короленко В.Г. Эпизод: Памяти В.М. Соболевского. // Русские ведомости: 1863–1913: Сб. ст. – М., 1913. – С. 154–158.

21.Костеневич А.Г. , Семенова Н.Ю. Матисс в России. – М.: Авангард, 1993. – 192с. – 6 с.; л.

О русских собирателях Матисса. Подробно рассказывается о собирательстве сына В.А. Морозовой – И.А. Морозова. Его портрет кисти В.А. Серова. Изображения интерьеров особняка И. Морозова в период, когда в нем находился Государственный музей нового западного искусства.

22.Круглянская Н. Благодетельница рабочих: Как Варвара Морозова распорядилась своим состоянием // Независимая газета. – 2000. – 4 апр. – С. 16.

23.Кузьмичев А., Петров Р. Русские миллионщики: Семейные хроники. – М., 1993. – 188 с.

Упоминание о благотворительной деятельности женщин – жен представителей ветви «Абрамовичей» клана Морозовых – В.А. Морозовой и М.К. Морозовой (С. 70).

24.Кулик В.Н. Благотворительная деятельность женщин в России. Варвара Алексеевна Морозова.// Женщины в социальной истории России. – Тверь, 1997. – С. 52 – 58.

25.Кулик В.Н. Да не оскудеет рука дающей. Благотворительная деятельность В.А. Морозовой. – Тверь : Феминист-Пресс, 2005 . – 39 с., [2] л.фот., портр.

26.Маркешин С., Стулова М. 100 лет Егорьевской фабрике. – М.: Московский большевик, 1945. – 76 с.

27.Меценатство в России: Науч.-аналит. Обзор / РАН, ИНИОН, Отд. Истории наук; Сост. М.Л. Гавлин. – М., 1994. – С. 30-33. – (Сер. «История России»).

28.Морозова, Варвара Алексеевна: [Словар. ст.] // «Рус. ведомости»: 1863–1913: Сб.ст. Отдел второй. Сотрудники «Рус. ведомостей» / Сост. А.Н. Максимов. – М., 1913. – С. 120.

«Морозова, Варвара Алексеевна, общественная деятельница, поместила в «Русских ведомостях» статью: "Горячая пища в сельских школах" (1901, № 297)».

29.Морозова В.А. Горячая пища в сельских школах: Письмо в ред. // Рус. ведомости. – 1901. – № 297 (Суб., 27 окт.). – С. 3.

30.Морозова М.К. Мои воспоминания. // Наше наследие. – 1991. – № 6. (24). – С. 37 – 45.

31.Морозовы и Москва: Тр. юбил. науч.-практ. конф. «Морозов. чтения», Москва, 26–27 дек. 1997 г. / Правит-во Москвы, Ин-т рос. Истории РАН, МХАТ им. А.П. Чехова. – М.: Богород. печатник, 1998. – 262 с. – Из содерж.:

Агеева Е.А. Морозовы и Московский университет: К.постановке проблемы. – С.57–66.

Смольянинова М.Г. Роль Морозовых в культурной жизни Москвы (С. 67–81)

О салоне В.А. Морозовой на Воздвиженке (С. 71).

Бахтина З.И. Клинический городок на Девичьем поле – памятник меценатства и благотворительности (С. 82–88).

Любартович В.А. Морозовы по неопубликованным воспоминаниям Н.А. Варенцова (С. 89–99).

32.Московский альбом: Сб. воспом. о Москве и москвичах XIX–XX вв. / Сост. Ю.Н. Александров. – М.: Изд. журн. «Наше наследие». – 1997. – 556 с. – Из содерж.: Морозова М.К. Мои воспоминания. [О Варваре Алексеевне Морозовой]. – С. 202.

33.Московский городской народный университет им. А.Л. Шанявского: Исторический очерк. – М.: Изд. «Общества взаимопомощи студентам Московского городского народного университета им. А.Л. Шанявского», 1914. – 270 с.

34.Московское высшее техническое училище им. Н.Э. Баумана: Проспект-путеводитель. Музей МВТУ им. Н.Э. Баумана. – М.: Министерство высшего образования, 1956. – 29 с.

35.На юбилее Тургеневской читальни // Рус. Ведомости. – 1911. – № 2 (4 янв.). – С. 5.

36.Назарова Н.В. Благотворительность Тверских Морозовых // Дни славянской культуры и письменности. – Тверь – 1995. – С. 50 – 54.

37.Начальное училище и ремесленные классы имени В.А. Морозовой // Изв. Москов. гор. Думы. Общ. отд. – 1902. – № 21. – С. 46 – 48. – (Хроника Москов. гор. Управления).

38.Нестерова А. Библиотека Ботанического сада МГУ // Ботанический сад. – 2003. – № 2. – С. 2; 9.

39.Новикова Е.Б. Хроника пяти поколений: Хлудовы, Найденовы, Новиковы. – М., 1998. – С. 10, 38, 42-44, 65, 95, 132, 173, 227, 229.

40.Новые клиники и институты: Клинический городок Императорского московского университета на Девичьем поле: Составлено по сведениям, полученным от г г. техников / Под ред. Орд. проф. Ф.Ф. Эрисмана. – М: Типо-лит. Высоч. утв. т-ва И.Н. Кушнеров и К^{o}, Пименовская ул., с.д., 1891. – 141 с.; карты, схемы. – (IV съезд О-ва рус врачей в память Н.И. Пирогова).

41.Открытие городской читаоьни // Москов. Листок. – 1885. – № 28 (понед., 28 янв.). – С. 2. – (Москов. жизнь).

42.Отчет о деятельности Московского общества Народных университетов в 1906 / 7 году. – М., 1908. – С. 3–4, 43–44

43.Отчет о деятельности Московского Общества Народных университетов за 1911–12 г. – М., 1914. –С. 9, 11, 18-20

44.Отчет [Императорского] русского музыкального общества за 1862–1863год. – Спб, 1864. – С. 67.

45.Отчет состоящего под Августейшим покровительством Её Императорского Высочества Государыни Великой княгини Елисаветы Феодоровны Общества распространения между образованными женщинами практических знаний за 1891 год. – Москва, 1892. – С. 85. – (В надзаг.: Четвертый год).

46.Полевой Ю.З. Пречистенские рабочие курсы // Сб. ст. и воспоминаний к 50-тилетию курсов: 1897 – 1947 гг. – М.: Московский рабочий, 1948. – С. 57 – 63.

47.Похороны В.А. Морозовой // Рус. ведомости. – 1917. – № 206 (Пятн., 8 сент. (21 сент.)). – С. 6. – (Москов. вести).

48.Розенталь И.С. К истории Пречистенских рабочих курсов // Музейное отражение роли культуры в условиях социализма: Сб. – М., 1996. – С. 113 – 126.

49.Русские собиратели французской живописи. Два клана – Морозовы и Щукины – русские коллекционеры: От Мане до Пикассо. – М.; Кёльн, 1993. – С. 87 – 89.

50. Сабашников М.В. Записки М.В. Сабашникова. – М., 1985. – С. 74 – 77.
51. Сафронова Н. Купчихи Морозовы: Из жизни жен русских капиталистов прошлого века // Век. – 1993. – № 11. – С. 13.
52. Сучков И.В. Воспитание класса гегемона и роль Пречистенских курсов в революционном воспитании 1897 – 1903 гг. / Вопросы гегемонии пролетариата: Сб. – М., 1982. – С. 65 – 70.
53. Тезисы докладов и выступлений научно-практической конференции «Купцы Морозовы – российские предприниматели и меценаты»: Юбил. Морозов. чтения, 20–22 февр. 1997. – Орехово-Зуево., 1997. – 129 с. – Из содерж.:Любартович В.А. Морозовы на Старой Басманной в Москве. – С. 78–79.
54. Телятникова С. Миллионерша // Москвичка. – 1997. – № 9 / 10. – С. 15.
55. Т – ий. Музей кустарных изделий в Москве // Рус. мысль. – 1885. – № 10. – С. 43 – 47.
56. У гроба В.А. Морозовой // Рус. ведомости. – 1917. – № 205 (Четв., 7 сент. (20 сент.)). – С. 4.
57. Ульянова Г.Н. Благотворительность московских предпринимателей: 1860–1914. – М.: Изд-во об-ния «Мосгорархив», 1999. – 512 с.: ил. – (/ Москов. гор. об-ние архивов, ИРИ РАН). – (Сер. «Москов. монография») – Из содерж.: [О В.А. Морозовой]. – С. 179, 181, 204, 207, 229, 236, 236, 239, 251, 263, 264, 266, 270, 406.

    Перечисляются благотворительные акции В.А. Морозовой.

58. Ульянова Г.Н. Богатство обязывает // Итоги. – 1999. – № 44. – Содерж.: [О В.А. Морозовой]. – С. 52.

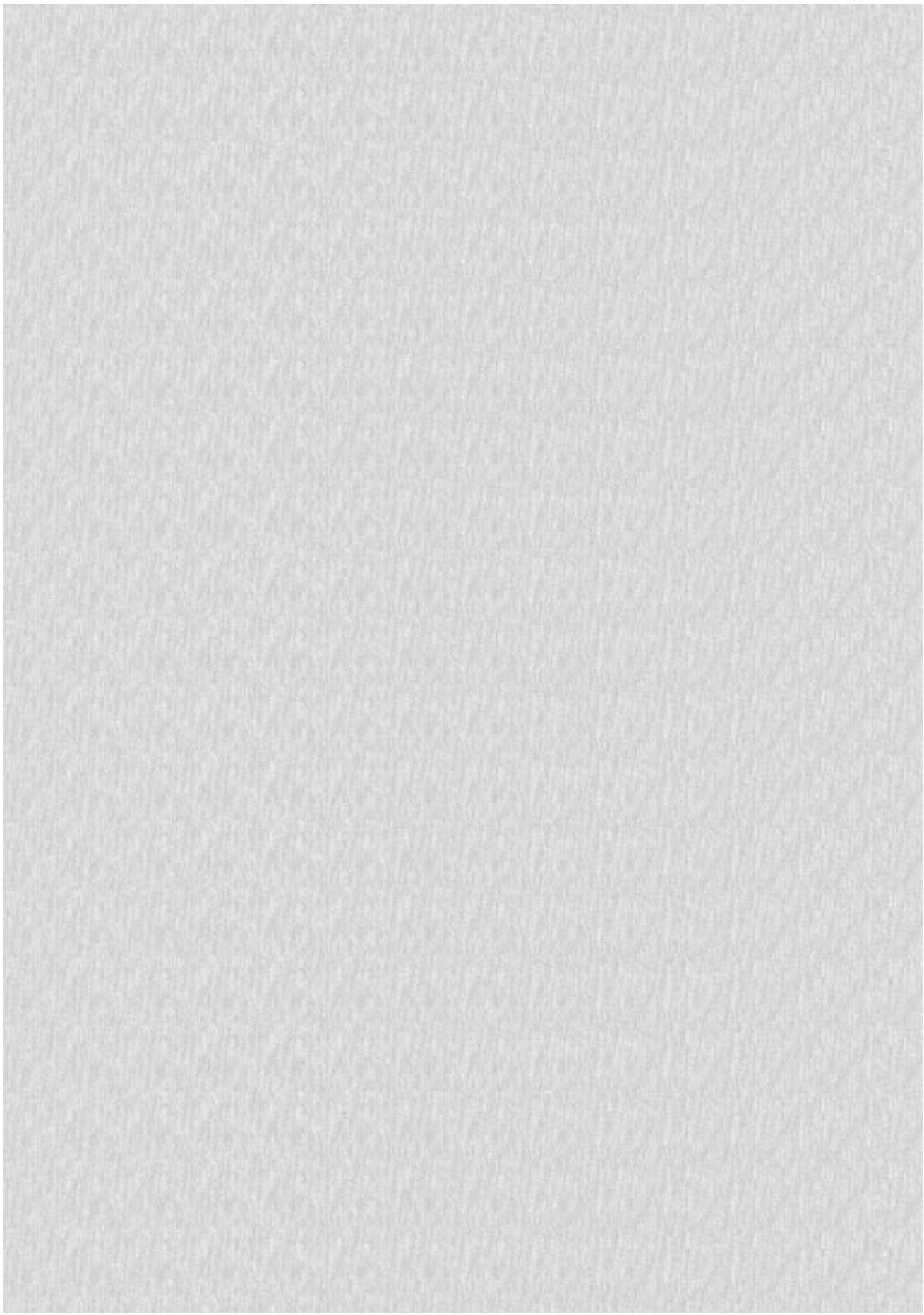
    Краткая историческая справка о В.А. Морозовой в статье о русских благотворителях.

59. Ульянова Г.Н. Женщины семьи Морозовых: Благотворительность как семейная традиция. // Труды Первых Морозовских чтений. – Ногинск., 1996. – С. 115 – 121.

60.Федосюк Ю.А. Из истории Москвы XIX века. // Вопросы истории. – 1969. – № 5. – С. 209 – 212.(Факты, события, люди).
61.Хлудов Г.И. Памятная книга, 1835–1877; Письма, 1844–1885. – М.: Изд-во Близнецы, 1999. – С. 223, 224, 304, 306–309, 361, 362, 376.
62.Ч[упро]в А. Городская бесплатная читальня в Москве за 1886 год // Русская мысль. – 1887. – № 8. – С. 203 – 206.
63.Шестаков П. Публичные библиотеки в Москве // Известия Московской Гор. Думы. Отд. общ. – 1902. – № 19. – С. 28 – 42.

Альбом

Благотворительная деятельность



г. Москва

Ремесленное училище им. В.А. Морозовой

г. Москва

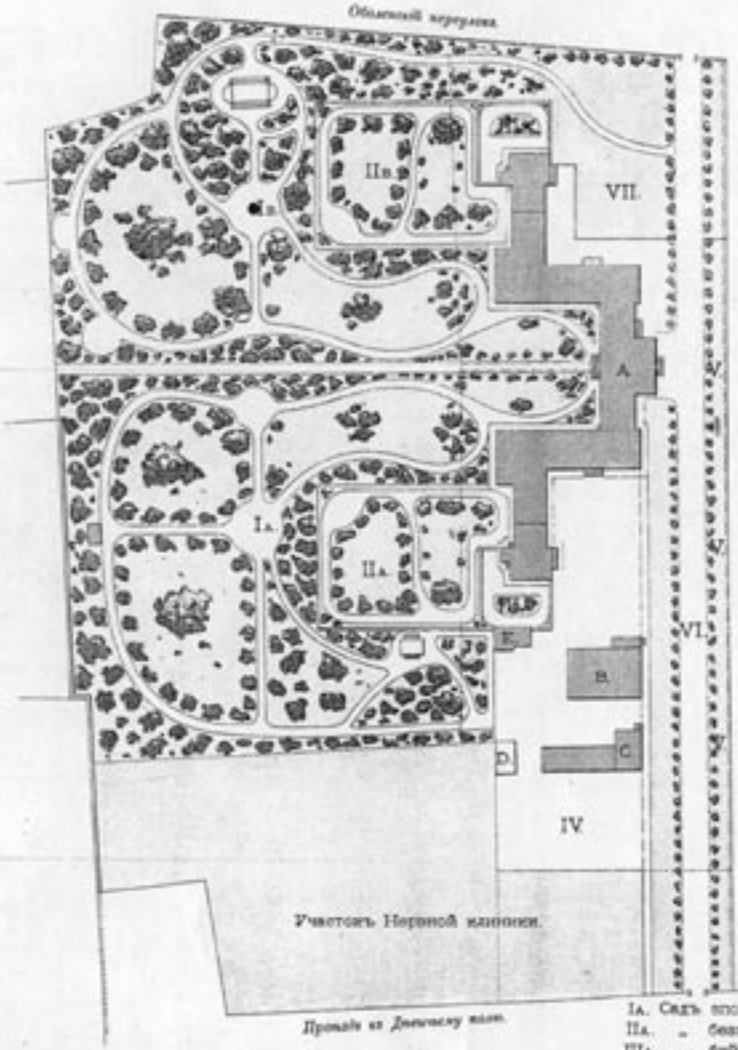
Здание ремесленного училища, современный вид

Общий план размещения клиник на Девичьем поле

Здание психиатрической клиники им. А.А. Морозова

ПСИХІАТРИЧЕСКАЯ КЛИНИКА.

Общій планъ участка и расположеніе зданій.



A. Корпусъ клиники.
B. Служительскій корпусъ.
C. Службы и дворницкая.
D. Часовня.
E. Вышка водонѣчки.

Ia. Садъ спокойныхъ женщинъ.
IIa. „ безпокойныхъ женщинъ.
IIIa. „ буйныхъ женщинъ.
Iв. Садъ спокойныхъ мущинъ.
IIв „ безпокойныхъ мущинъ.
IIIв „ буйныхъ мущинъ.
IV. Дровяной дворъ.
V. Бульваръ.
VI. Проѣздъ.
VII. Огородъ.

Чертежникъ М. А. Нетыкса.

План участка, на котором расположена психиатрическая клиника

Аудитория психиатрической клиники

г. Москва

Здание психиатрической клиники на ул. Россолимо, д.11а.
Современный вид

г. Москва

Здание института им. Морозовых для лечения страдающих опухолями Императорского Московского Университета

г. Москва

Бывшее здание ракового института на М. Пироговской, д.20. Современный вид

Коридор ракового корпуса

Операционная в раковом институте

г.Москва

Клиника нервных болезней

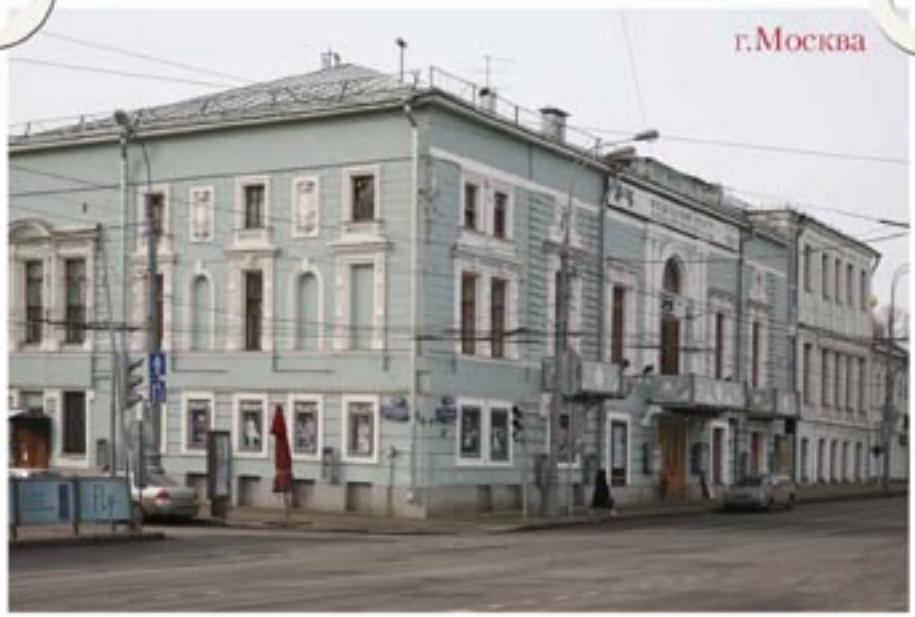
г.Москва

Детская клиника им М.А. Хлудова

Здание товарищества
Тверской мануфактуры

Здание Правления Товарищества Тверской мануфактуры (Варварка, д.9) Современный вид

Товарищество гостиницы „Эрмитаж Оливье".
Фото Кузнецова, 1930.



Здание бывшего ресторана „Эрмитаж". Современный вид

г. Москва

Читальня в память И.С. Тургенева (Фото 1910-х гг.)

Интерьер читальни. Фото О.Ренар

Библиотека-читальня им. И.С. Тургенева
Современный вид

Фото Бонза, 200

Здание быв. Рогожского училища на Б. Калитниковской, д. 36

г. Москва

Вид Лобата с домом А.Л. Шанявского пожертвованного им народному университету его имени

г. Москва

Здание народного университета им. А.Л. Шанявского на Миусской площади

г. Москва

Здание РГГУ, бывшего Народного университета им. А.Л. Шанявского.
Современный вид. Фото А. Метс

А.Л. Шанявский

Л.А. Шанявская

г. Москва

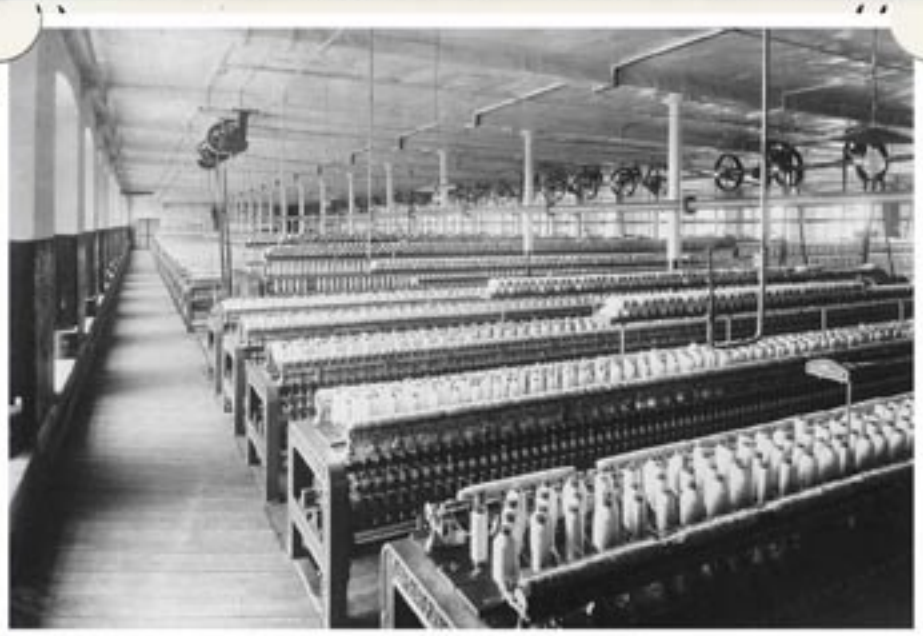
Общежитие для неимущих студентов
Императорского технического училища

Здание Пречистенских курсов. Современный вид

Тверская манифактура

Главные ворота фабрики

Одно из зданий Тверской мануфактуры



Жакардовый корпус

Здание правления

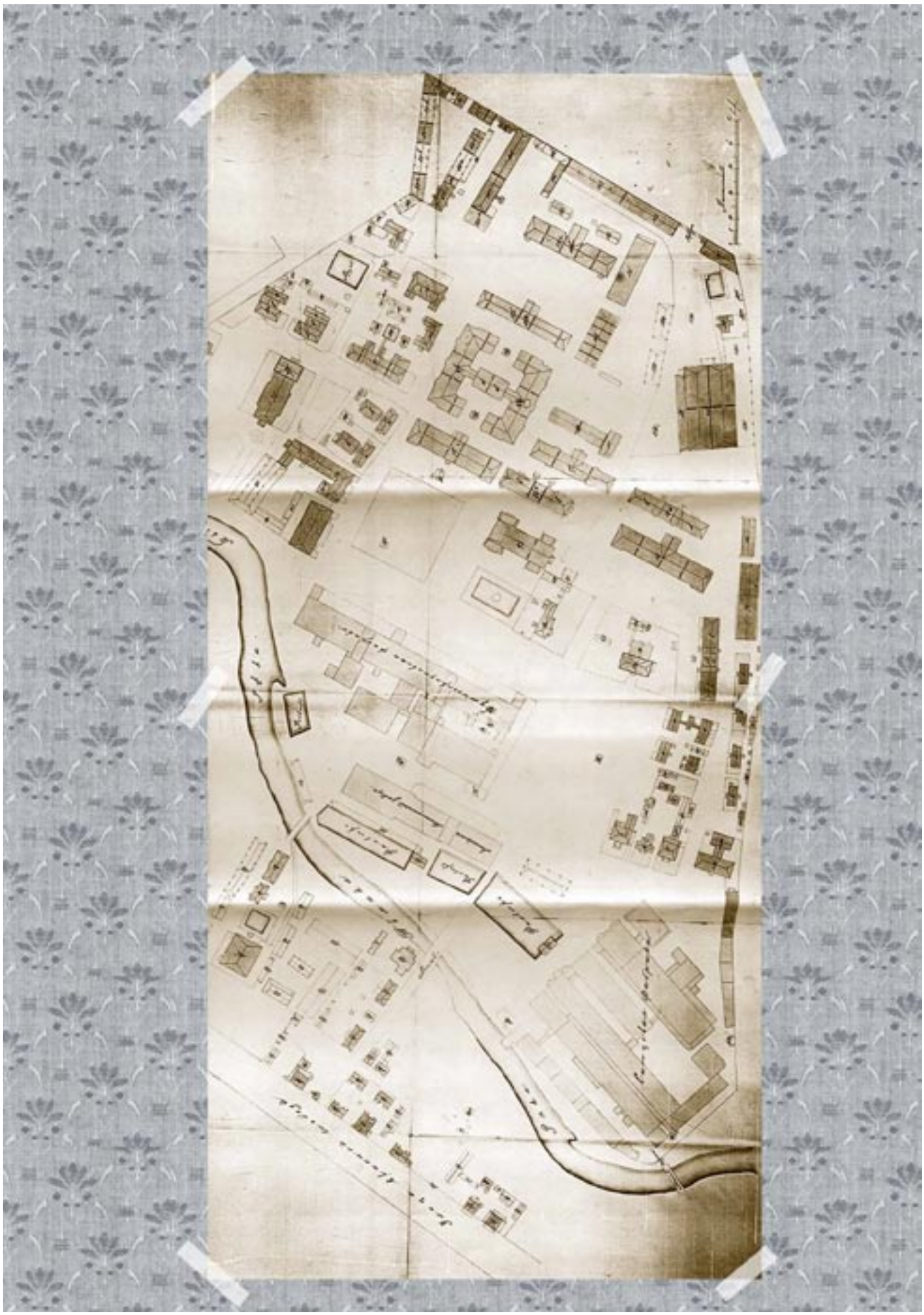
Школа при Тверской мануфактуре

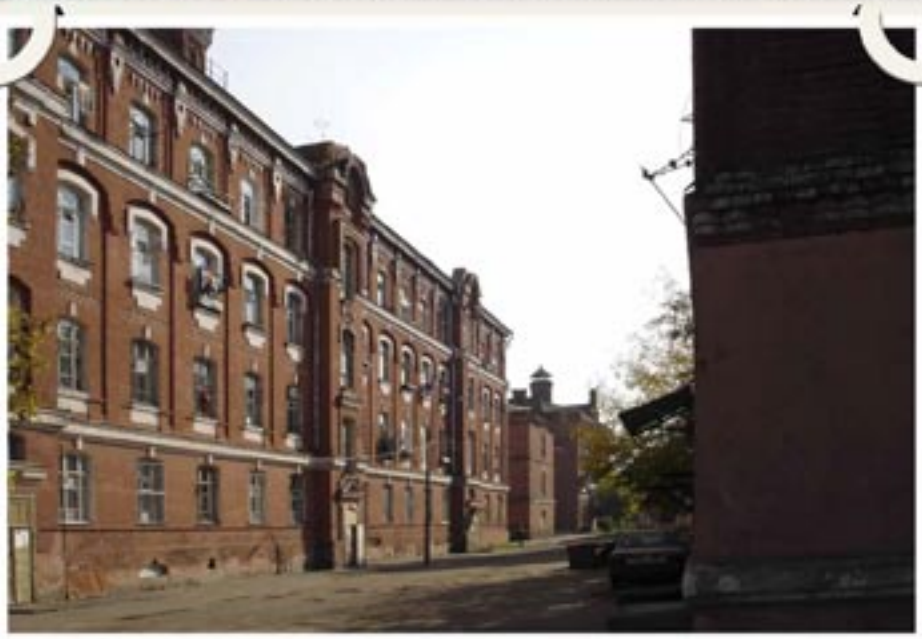
Класс

Здание училища при Тверской мануфактуре

Ясли

Детская столовая при мануфактуре





Улица в „Морозовском городке": казармы для рабочих. Современный вид. Фото М.С. Киэлевяйнен,2005

Казарма для рабочих: коридор. Фото М.С. Киэлевяйнен

Казарма для рабочих: кухонные печи. Фото М.С. ККиэлевяйнен,2005

Умывальник в казарме Фото М.С. ККиэлевяйнен,2005

Начальное училище для рабочих фабрики,
основанное В.А. Морозовой. Фото М.С. Киэлевайнен, 2005

Лестница в училище, Фото В.Н. Асеева, 2006

Здание народного театра, арх. К.В. Терский.
Современный вид. Фото М.С. Кивлевяйнен, 2005

Казарма „Париж", арх. К.В. Терский.
Современный вид Фото В.Н. Асеева, 2006

Тверская мануфактура, административный корпус.
Фото В.Н. Асеева, 2006

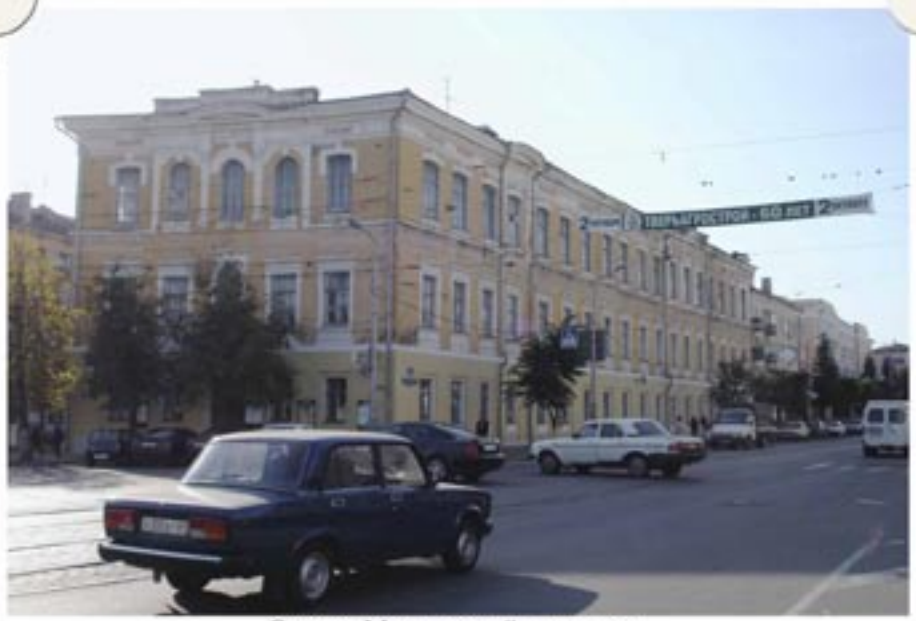
Вид на Тверскую мануфактуру со стороны
железной дороги Москва- Петербург. Фото В.Н. Асеева, 2006

чРека Волга в окрестностях Поповки,
имения Товарищества Тверской мануфактуры. Фото В.Н.Асеева,2006

Рисунок-план имения „Поповка"

Поповка, вид на террасу дома, 1905

Поповка, подъездная аллея. Фото В.Н. Асеева, 2006



Здание Мариинской гимназии.
Современный вид. Фото М.С. Киэлевяйнен, 2005

Ремесленное училище
благотворительного общества „Доброхотная копейка".
Здание построено на средства В.А. Морозовой

В.М. Соболевский и «Русские ведомости»

В.М.Соболевский

Дом в Бобровом переулке, где до 1886 года
располагалась редакция „Руских ведомостей"

Визитная карточка В.М. Соболевского

Варвара Алексеевна Морозова

В.А. Морозова и В.М. Соболевский.

А.И. Чупров

В.Г. Короленко

В.А. Морозова и В.м, Соболевский на скамейке

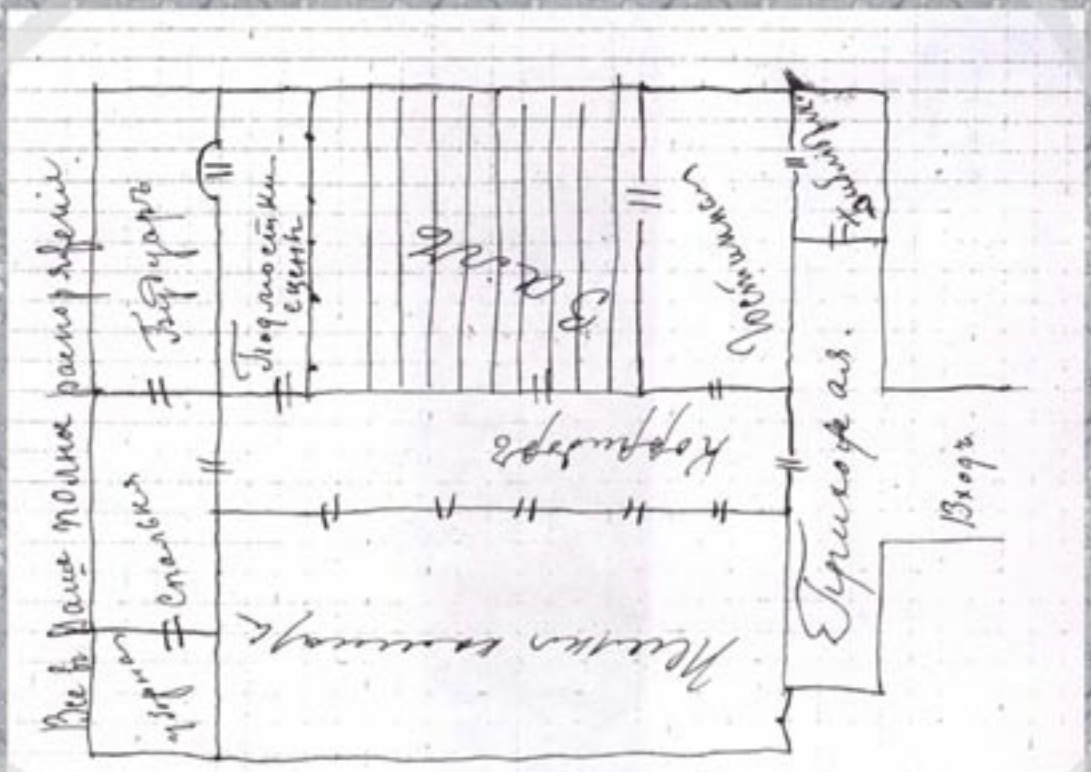
Н.К. Михайловский

Редакция газеты „Русские ведомости".
В центре - В.М. Соболевский

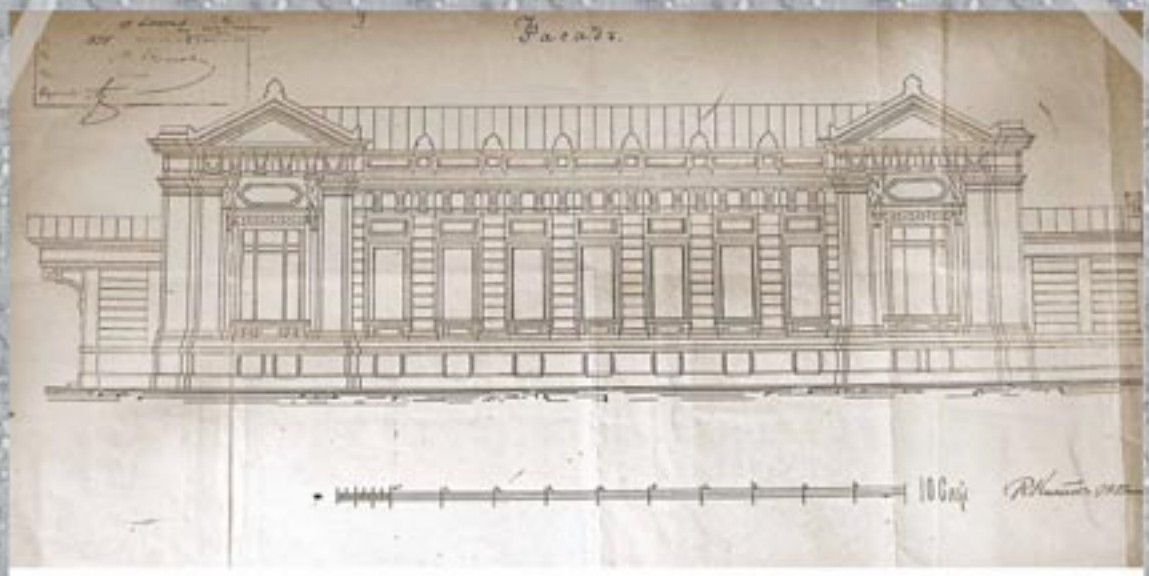
И.И. Янжул

Общественная деятельность

Особняк В.А. Морозовой, Воздвиженка, д. 14. Архитектор Р.И. Клейн



План дома, нарисованный рукой В.А. Морозовой



Р.И. Клейн. Фасад дома на Воздвиженке. Рисунок

Вестибюль особняка

Гостинная

Зал. Фото 1970-х гг.

Зал. Современный вид

Варвара Алексеевна
Морозова
Рисунок О. Перельмана

Здание, в котором находился женский клуб (Филиповский пер. 9)

Здание, в котором находился женский клуб Гагаринский пер. 22)

3536
I

R 449
232

ОТЧЕТЪ

ПЕРВАГО МОСКОВСКАГО

ЖЕНСКАГО КЛУБА.

за 1909 годъ.

Москва.
Типографія „ПРОГРЕССЪ". Мясницкая, 55.
1910.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина
15493-69

ОТЧЕТЪ

Перваго Московскаго Женскаго Клуба

за 1909 годъ.

Вступивъ въ третій годъ своего существованія, Первый Женскій Клубъ имѣлъ во главѣ своемъ Правленіе, въ составъ котораго входили слѣдующія лица: Предсѣдательница В. А. Морозова, Товарищъ Предсѣдателя А. Г. Костенецкій, Секретарь В. А. Гинце, Казначей К. П. Щепкина, Товарищъ Казначея А. В. Королева, Члены Правленія: В. П. Агеева, А. И. Алябьева, К. П. Астраханъ, М. И. Боевъ, В. Н. Владимірскій, М. А. Вострякова, Е. В. Выставкина, В. О. Гаркави, Д. Г. Гефтеръ, Э. А. Германовичъ, М. Д. Загрядковъ, О. Л. Коровайкина, В. С. Карцева, М. А. Каллашъ, М. Ф. Кокошкина, А. І. Костенецкая, А. Н. Лепковская, Е. М. Лопатина, О. Н. Лошакова, Л. Ф. Маклакова, С. С. Маньковская, З. С. Мировичъ, Е. П. Михновская, А. В. Новиковъ, А. М. Перельманъ, О. А. Пузыревская, М. С. Россолимо, М. В. Рѣдичкина, М. П. Сахарова, кн. М. Н. Сумбатова, кн. С. В. Урусова, Р. М. Фохтъ, В. В. Шеръ, Н. Н. Шустовъ, А. Н. Шухова, Е. В. Юрьева, С. В. Яблоновскій-Потресовъ.

Членовъ въ отчетномъ году числилось 528, изъ нихъ два на основаніи примѣчанія къ § 8 Устава.

Въ помощь Правленію были избраны Комиссіи: Библіотечная, Дѣтскихъ Развлеченій и Хозяйственная, отчеты коихъ помѣщены ниже.

Въ истекшемъ году, какъ и въ предыдущіе, Клубъ устраивалъ лекціи, доклады, и собесѣдованія, а также въ Воскресные дни научно-популярныя чтенія и литературно-вокально музыкальные вечера, посвященные одному изъ выдающихся писателей или композиторовъ. Вечера состояли изъ чтенія біографическаго очерка и характеристики писателя, а потомъ исполнялись въ чтеніи и пѣніи произведенія этого писателя.

Воскресныхъ вечеровъ въ теченіе года было организовано 21.

Докладчиками на вечерахъ, посвященныхъ писателямъ и композиторамъ выступали Прив. Доц. Ф. Г. де-ля-Бартъ (вечеръ памяти Салтыкова-Щедрина), Е. А. Ефимовскій (вечеръ Гаршина и Чехова), В. Е. Ермиловъ (вечеръ Мольера и Островскаго), М. А. Каллашъ (вечеръ Кольцова и Гоголя), К. П. Левинъ (о Горькомъ и докторѣ Гаазѣ), А. Н. Лепковская (вечеръ А. Толстого), З. С. Мировичъ (объ Ибсенѣ),

№ 58
211

Настоящій уставъ Московскаго Женскаго Клуба, на основаніи 23 ст. ВЫСОЧАЙШЕ утвержденныхъ 4 марта 1906 года Временныхъ правилъ объ обществахъ и союзахъ, разсмотрѣнъ 9 января 1907 года въ засѣданіи Московскаго Особаго Городского по дѣламъ объ обществахъ Присутствія и названный Клубъ зарегистрованъ. Г. Москва, января 11 дня 1907 года.

Московскій Градоначальникъ
Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА,
Генералъ-Маіоръ *Рейнботъ*.

УСТАВЪ

МОСКОВСКАГО ЖЕНСКАГО КЛУБА.

1. Цѣль клуба.

§ 1. Московскій женскій клубъ имѣетъ цѣлью способствовать общенію своихъ членовъ, какъ на почвѣ совмѣстнаго изученія вопроса о равноправности женщинъ, такъ и вообще взаимнаго содѣйствія ихъ умственному, политическому и моральному развитію путемъ устройства докладовъ, чтеній, бесѣдъ и разумныхъ развлеченій.

§ 2. Для достиженія означенныхъ цѣлей клубъ:

а) нанимаетъ соотвѣтствующее помѣщеніе, пріобрѣтаетъ и владѣетъ на основаніи общихъ законовъ движимою и недвижимою собственностью, заключаетъ договоры и сдѣлки, защищаетъ свои интересы черезъ особыхъ уполномоченныхъ;

б) устраиваетъ для своихъ членовъ и ихъ гостей публичныя лекціи, литературныя чтенія, курсы и собесѣдованія и т. п. по различнымъ вопросамъ общественной и политической жизни, литературные, художественные, музыкальные и семейные вечера и другія развлеченія какъ то: танцы, спектакли и игры въ шахматы и шашки;

в) клубу предоставляется право имѣть свою библіотеку, читальню и музей.

Примѣчаніе: Въ помѣщеніи клуба открывается чайный буфетъ и столовая, безъ права продажи крѣпкихъ напитковъ.

III-2223.

представляетъ въ Общее Собраніе для исключенія такого лица изъ числа членовъ клуба. Точно такъ же Правленіе созываетъ Общее Собраніе для обсужденія исключенія членовъ, обнаружившихъ дѣйствія, противныя правиламъ чести и общей нравственности.

§ 15. Общія Собранія бываютъ годичныя и чрезвычайныя. Годичныя созываются одинъ разъ въ годъ для выслушанія отчета и выбора Правленія на слѣдующій годъ. Чрезвычайныя созываются по мѣрѣ надобности Правленіемъ, или по требованію 20 членовъ клуба. Общія Собранія считаются состоявшимися при наличности $^1/_{10}$ числа всѣхъ членовъ клуба, и всѣ вопросы разрѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ.

§ 16. Общее Собраніе можетъ въ помощь Правленію избирать исполнительныя комиссіи для организаціи лекцій, публичныхъ чтеній, семейныхъ вечеровъ и т. п.

§ 17. Закрытіе клуба можетъ послѣдовать по постановленію Общаго Собранія, и этимъ постановленіемъ опредѣляется судьба кассы и имущества клуба. При закрытіи клуба административной властью и невозможности собрать Общее Собраніе для ликвидаціи имущества, ликвидація производится постановленіемъ Правленія въ составѣ не менѣе 5 лицъ.

Анна Александровна Адлеръ.
Кн. Марія Николаевна Сумбатова.
Личный поч. гражданинъ Николай Николаевичъ Шустовъ.
Зинаида Сергѣевна Иванова-Мировичъ.

Вѣрно: Дѣлопроизводитель *Езилевъ.*

Свѣрялъ: Старшій помощникъ дѣлопроизводителя *Львовъ.*

Тип. Г. Лисснера и Д. Собко. Воздвиженка, Крестовоздв. пер., д. Лисснера.

Потомки

М.А. Морозов во дворе дома на Воздвиженке (1889-1890)

М.А. Морозов. Художник В.А. Серов (1902)

М.А. Морозов.
Рисунок В.А. Серова

Маргарита Кириловна Морозова с сестрой Еленой

М.К. Морозова в доме
на Смоленском бульваре

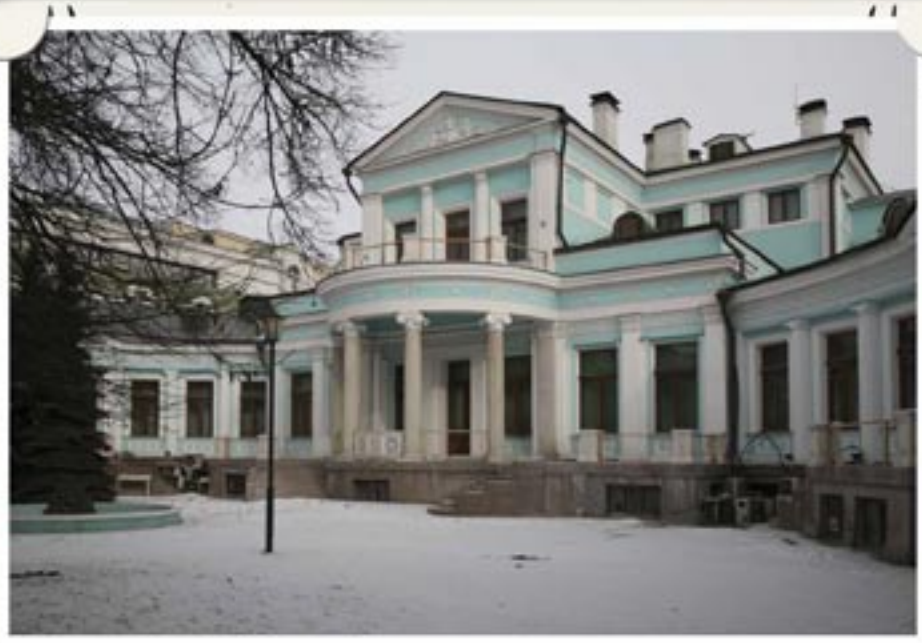
М.К. Морозова.
Художник В.А. Серов, 1910

Особняк М. К. Мороловой, Мертвый пер. 9

М.К. Морозова.
Художник Н.К. Бодаевский

М.К. Морозова.
ХудожникВ.К. Штембер, 1893

Особняк М.А. Морозова на Смоленском бульваре



Здание особняка М.А. Морозова . Современный вид Фото А. Метс

М.А. Морозов
в своем кабинете
в доме
на Смоленском бульваре

Семья М.А. Морозова
на фоне его портрета

Юра (Георгий) Морозов

Елена Морозова (Леля)

Юра Морозов. Рисунок В.А. Серова

М.К. Морозова
с дочерью Марией

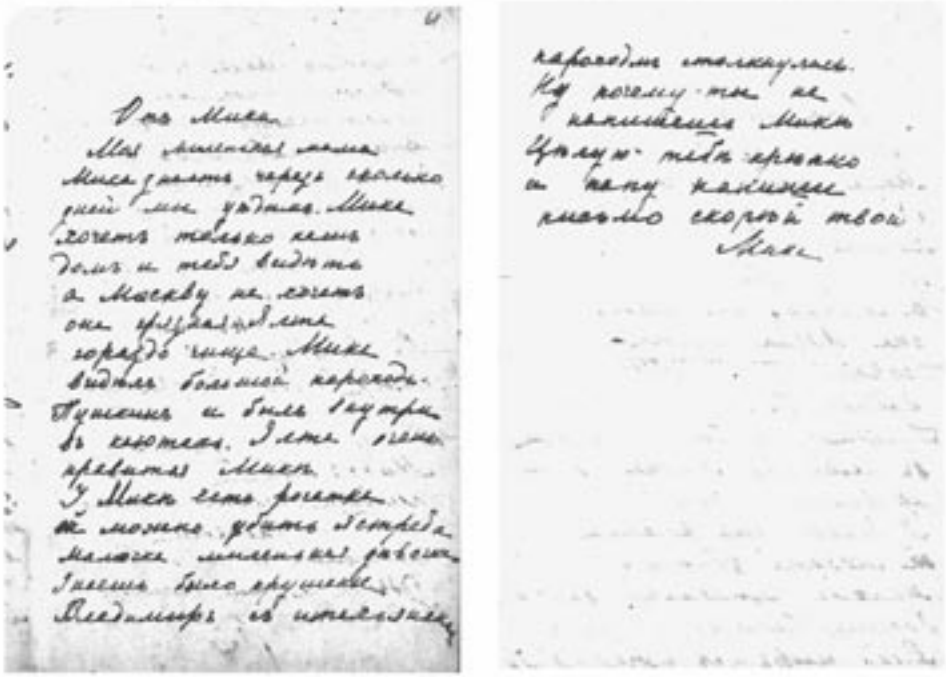
Елена Морозова
с Марией на руках. Поповка 1905

Михаил Морозов (Мика) Художник В.А.Серов

Микк Морозов

Мика Мария Морозовы

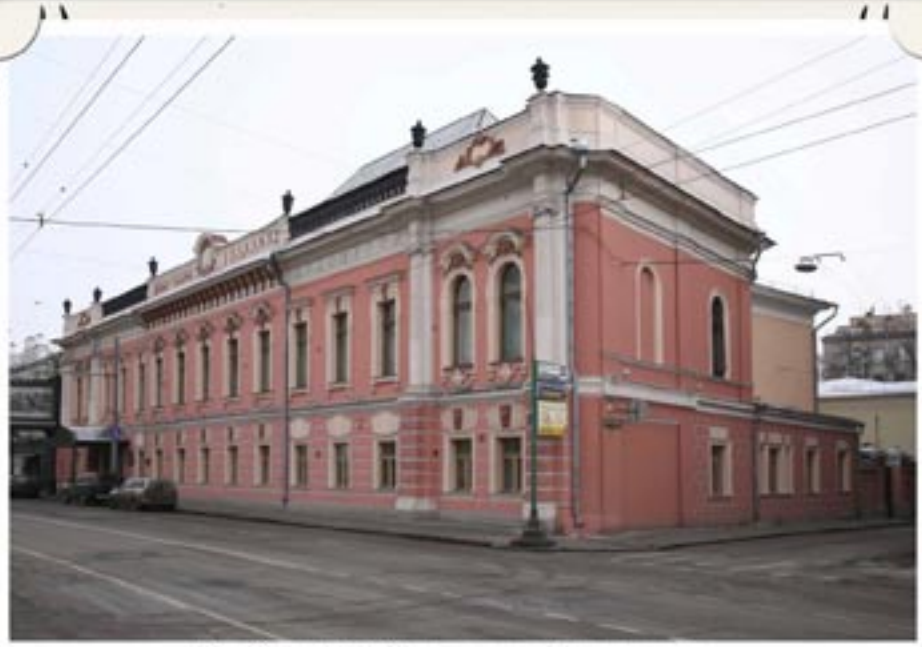
М.М.Морозов



Письмо Мики Морозова

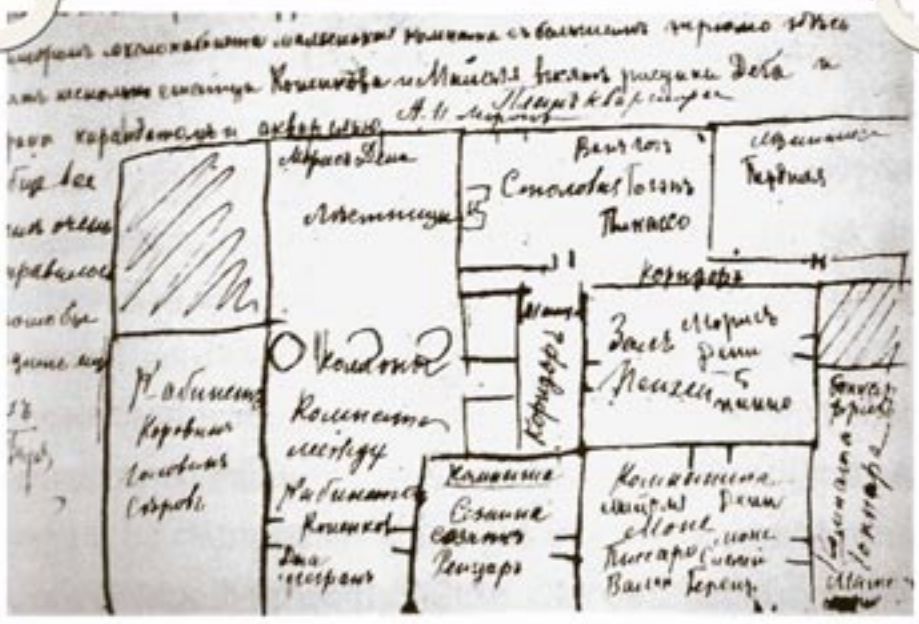
Письмо Юры Морозова (окончание)

И.А. Морозов



Особняк И.А. Морозова на Пречистенке,
где располагалась его коллекция.

И.А. Морозов. Художник В.А. Серов



План Морозовской галереи. Рисунок Тани Лебедевой, 1919 г

Е.С. Морозова.
Художник В.А. Серов

Арсений Абрамович
Морозов

Особняк Арс. А. Моровова на Воздвиженке (арх. Мазырин)

Особняк Арс.А.Морозова
Современный вид

Интерьеры особняка Арс. А.Морозова

Интерьер особняка Арс. А. Морозова

Интерьер особняка Арс. А. Морозова

Интерьер особняка Арс. А. Морозова

Глеб Васильевич Морозов

Наталья Васильевна Морозова
(Попова)

Марина Найденова,
жена Г.В. Морозова

Николай Константинович Попов

Н.В. Попова

Н.В. Попова с детьми (слева-направо) Татьяной, Варварой и Василием

Таня (слева)
и Марианна (справа)
Морозовы
в доме бабушки
В.А. Морозовой
на Воздвиженке

Виктор Николаевич Демьянов,
муж Т.Н. Попопой

Татьяна и Варвара Поповы

Варвара Николаевна Попова

Василий Николаевич Попов
Фото начала 40-х г

Потомки В.А. Морозовой в Библиотеке-читальне им И.С. Тургенева (слева-направо): Екатерина Глебовна Демьянова,Варя Хлудова, Мария Сергеевна Хлудова, 2005

Увековечение памяти

Юбилей В.А. Морозовой — 150 лет со дня рождения
вБиблиотеке-читальне им. И.С. Тургенева

Выставка „В.А. Морозова. На благо просвещения Москвы
" в холле Библиотеки

Выставка „В.А. Морозова. На благо просвещения Москвы
“ в холле Библиотеки

Плита на могиле В.А.Морозовой
на Ваганьковском кладбище.
до 2005 г

Памятник на могиле В.А. Морозовой
на Ваганьковском кладбище
установленный в 2005 году

Скульптор Л.И. Блях за работой над бюстом В.А. Морозовой, 2006 г